ВОЖДИ

В РОМАНАХ

АНДРОПОВ

Издательский проект
·РОССИЯ·

Ю. В. АНДРОПОВ

1914-1984

АНДРОПОВ

И. А. МИНУТКО

БЕЗДНА

(Миф о Юрии Андропове)

роман

Москва
АРМАДА
1997

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5
А 66

Составитель серии
А. В. Варламов

Оформление серии
Сысолятин А. Г.

Художник
Шуршин Г. В.

ISBN 5-7632-0512-X

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачев — все они герои книг новой серии исторических романов издательства АРМАДА. Эта серия называется одним коротким словом — «Вожди».

Понятие «вождь», родившееся в эпоху первобытнообщинного строя, на много веков выпало из активного употребления, чтобы вновь ожить в начале двадцатого века.

Двадцатое столетие стало временем российской революции, которая дала возможность человечеству проверить на практике идеи, завещанные еще девятнадцатым веком, главная из которых — коммунизм, вернее, стремление к нему, почти на целый век определила ход исторического развития России. Вот в это время, в пору великих потрясений — революции и Гражданской войны, вновь ожило забытое слово «вождь».

Несомненно, самой яркой личностью в ряду вождей революции и нового государства был Владимир Ильич Ленин. «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир»,— говорил Архимед. Ленин нашел точку опоры — пролетариат и изобрел рычаг, который перевернул тысячелетний строй России. Этим рычагом оказалась марксистская партия, которая сумела не только взять власть, но и удержать ее после долгой

и изнурительной Гражданской войны и иностранной интервенции.

Фанатик грандиозной утопии, Ленин был убежден, что строит государство на века, что пример России вдохновит трудящихся других стран и социалистическая революция охватит весь мир. Но век такому государству был отмерен недолгий — одна среднестатистическая жизнь, 74 года, и оказалось оно совсем не таким, каким видел его «кремлевский мечтатель». Не готовая к социализму, отсталая, крестьянская Россия не могла стать не чем иным, как авторитарным государством с жестким диктаторским режимом правления.

Сталин преобразовал ленинскую партию, истребив романтиков революции, честных тружеников, превратил ее в бюрократическую структуру, ставшую его послушным орудием. В процессе коллективизации, сопровождавшейся искусственным голодом, под лозунгом борьбы с кулачеством было фактически уничтожено самое крестьянство. Курс на индустриализацию страны способствовал созданию мощного военно-промышленного комплекса, но закрыл путь для развития нормальной экономики. Внешняя политика Сталина втянула страну в тяжелейшую войну, которую выиграл исключительный героизм советского народа и на фронтах, и в тылу.

Тяжелое наследство осталось преемнику Сталина — Первому секретарю ЦК КПСС и несколько лет спустя Председателю Совета министров Н. С. Хрущеву. Сельское хозяйство перестало кормить страну, и долгие годы пришлось закупать хлеб за рубежом. Гонка вооружений требовала невероятных усилий от государства, изнуренного войной и массовыми репрессиями сталинской эпохи. Природный ум и неуемная реформаторская энергия Хрущева обеспечили необычайный прорыв советского народа. Из лагерей были выпущены сотни тысяч невинно осужденных. В городах началось интенсивное строительство жилья. Мы первыми запустили искусственный спутник Земли, и первый человек в космосе был гражданин СССР Юрий Гагарин. Но Хрущев был сыном своего времени, во многом он оставался в плену старых предрассудков и лживых утопий, его непоследовательные реформы стали быстро выды-

хаться, а в итоге он стал жертвой заговора своих же соратников.

Долголетнее правление Л. И. Брежнева не случайно получило название застоя. Его идеалом были тишина и покой — любой ценой. Попытки в очередной раз реформировать разрушающуюся экономику были задушены в первые же месяцы, и на протяжении двух десятилетий страна проедала свои ресурсы. Всякое инакомыслие подавлялось с тихой жестокостью, в помощь «органам» стала привлекаться карательная психиатрия. Чрезмерно усилившаяся цензура обеспечивала благостную ложь о процветании советского народа. А разрушительные процессы тем временем столь же тихо подтачивали основы гниющего государства.

Ю. В. Андропов, сменивший Брежнева, был преисполнен, возможно, самых благих намерений и, видимо, мечтал о каких-то реформах. Но он слишком сильно был напуган событиями в Венгрии осенью 1956 года и слишком долго возглавлял КГБ. Судьба дала ему всего лишь один год, он успел лишь обозначить свои добрые пожелания, чтобы уступить место новому вождю, чье правление было столь же кратким.

Вожди наши, сильные и слабые, умные и не очень, были ведь не только государственными деятелями. Как и все люди на Земле, они были мужьями, любовниками, отцами и дедами. Перед глазами читателей пройдут эпизоды частной жизни Ленина, Сталина, Хрущева, Андропова. Их близкие тоже пережили трагедии и драмы нашего времени и сыграли свою роль в судьбах руководителей страны.

Начинается серия «Вожди» романом Игоря Минутко «Бездна» о Юрии Владимировиче Андропове.

АНДРОПОВ Юрий Владимирович родился 15 июня 1914 г. на станции Нагурская неподалеку от Ставрополя в семье железнодорожного рабочего. В 1930 — 1932 гг. работал телеграфистом, киномехаником в различных районах Северного Кавказа. В 1933 г. после окончания средней школы в Моздоке поступает в техникум водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. После окончания техникума (1936) работает освобожденным секретарем комсомольской организации Рыбинской судоверфи. В 1939 г. вступает в ряды КПСС. Секретарь (1938), затем первый секретарь (1940 — 1944) Центрального Комитета комсомола Карелии во время Второй мировой войны. Возможно, уже с тех пор был связан со службами государственной безопасности, так как не воевал, а был привлечен к контролю над партизанами. Один из руководителей партизанского движения в Карелии.

Согласно официальной версии (неподтвержденной), учился в Петрозаводском государственном университете, но занятия были прерваны войной. В 1944 — 1947 гг. второй, затем первый секретарь Петрозаводского горкома партии, в 1947 — 1951 гг. — второй секретарь Компартии Карелии. В 1951 г. командирован в Москву, учился в Высшей партшколе, работал в ЦК КПСС инструктором, затем завотделом.

В 1952 г. переходит на работу в Министерство иностранных дел СССР. В 1953 г. назначается чрезвычайным и полномочным послом в Венгрии. Проводил политику кремлевского руководства во время венгерских событий осенью 1956 г. В марте 1957 г. отозван из Будапешта в Москву, глава отдела Центрального Комитета по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. На этой должности — десять лет (1957 — 1967).

После XXII съезда партии (октябрь 1961 г.) — член ЦК КПСС. С 1962 по 1967 г. член Комитета по международным делам Верховного Совета СССР. Секретарь Центрального Комитета КПСС в 1962 — 1967 гг. В мае 1967 г. Андропов становится Председателем КГБ и руководит им в течение 15 лет, до мая 1982 г.

Кандидат в члены Политбюро ЦК в 1967 — 1971 гг., член Политбюро с 1973 г. «Приоткрыл шлюз еврейской эмиграции» из СССР с 1971 г. В сентябре 1977 г. выступил по советскому телевидению «по вопросу о диссидентах», что было беспрецедентным шагом для шефа КГБ. В декабре 1979 г. принимал участие в решении о советском вмешательстве в Афганистане. Член Президиума Верховного Совета СССР с 1982 г. В мае—ноябре 1982 г. — секретарь ЦК КПСС.

После смерти Л. И. Брежнева (10.11.82 г.) Андропов избирается Генеральным секретарем ЦК КПСС. Будучи Генсеком и руководя партией, пытался бороться с брежневскими ставленниками в ЦК. Создал под своим началом «группу по изучению опыта социалистических стран», куда вошли почти все экономисты — будущие «светила» горбачевской перестройки. В августе 1983 г. последний раз обратился к народу по телевидению.

Ю. В. Андропов считался высокоинтеллигентным человеком, знал английский язык, имел вкус к коллекционированию предметов искусства. Страдал почечной болезнью, которая держалась в секрете и объяснялась как простуда. Умер 9 февраля 1984 г., пробыл у власти 15 месяцев.

По изданиям: Большая Советская энциклопедия. М., 1976. Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.,

М.: Советская энциклопедия, 1985. Z. A. Medvedev, Andropov. New-York-London, 1983, A Biografical Dictionary of the Soviet Union 1917 – 1988. By J. Vronskaya with V. Guruev. Oxford, 1989. The Cambridge Encyclopedia of Russia and Former Soviet Union, Cambridge, 1994.

И. А. МИНУТКО

БЕЗДНА

(Миф о Юрии Андропове)

роман

Книга написана при участии
кандидата исторических наук
Эдуарда Прокофьевича ШАРАПОВА,
которому автор приносит
благодарность

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых н не стоит на пути грешных н не сидит в собрании развратителей;

Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!

И будет он как дерево, посаженное прн потоках вод, которое приносит плод свой во время свое н лист которого не вянет;

И во всем, что он ни делает, успеет.

НЕ ТАК – НЕЧЕСТИВЫЕ; НО ОНИ КАК ПРАХ, ВОЗМЕТАЕМЫЙ ВЕТРОМ.

ПОТОМУ НЕ УСТОЯТ НЕЧЕСТИВЫЕ НА СУДЕ И ГРЕШНИКИ – В СОБРАНИИ ПРАВЕДНЫХ.

ИБО ЗНАЕТ ГОСПОДЬ ПУТЬ ПРАВЕДНЫХ, А ПУТЬ НЕЧЕСТИВЫХ ПОГИБНЕТ.

Псалтирь.
Первый псалом Давида

ГЛАВА ПЕРВАЯ

19 января 1982 года

Мальчик бежал по теплой, не остывшей за ночь дороге. По проселочной степной дороге, и сквозь пальцы босых ног струйками пробивалась тончайшая беловатая пыль. Странным образом дитя человеческое видело себя со стороны, и его ничуть не смущала нагота собственного маленького тела. Наоборот, в этой обнаженности, легкости было сладостное слияние с огромным живым миром, окружавшим его, и этот утренний мир был любовно-радостен, гармоничен, был наполнен могучей животворящей энергией и полностью растворял в себе бегущего голого мальчика. Было раннее летнее

утро, из-за дальнего горного хребта вставало солнце, и бездонное небо над зеленой землей постепенно становилось бледно-розовым, и легкие воздушные облака, покрывшие самые высокие вершины, тоже нежно розовели.

Степная дорога вела к этому дальнему отрогу Кавказского хребта — да, он уже знал, ему говорили родители: с этих гор начинается Кавказ. И цель бегущего мальчика была всепоглощающа и огромна — достигнуть горного края вершин и облаков, потому что там... Что там? Счастье? Секрет, который не ведом никому в мире? Его душа не знала ответов на эти вопросы, да и не задавала их. Просто это была цель — добежать до горных хребтов, прикоснуться к ним, и тогда мальчик узнает, для чего он послан на эту беспредельную прекрасную землю: ему откроется Смысл, Великий Смысл... Предчувствие этого открытия наполняло бегущего мальчика ликованием, восторгом и ужасом одновременно. Потому что он бежал, а горы отодвигались, уходили вдаль, а навстречу, замедляя его бег, поднялся ветер, и в нем стал ощутим ледниковый холод.

Мальчик все бежал, бежал, и появилось ощущение слабости, страха — силы покидали его.

Над отрогом Кавказского хребта теперь клубились темные тучи.

...Юрий Владимирович Андропов резко открыл глаза.

Он заснул в кресле в неудобной позе за своим столом. Слева на пульте негромко, с равными промежутками звонил телефон внутренней связи.

Председатель Комитета государственной безопасности взглянул на ручные часы — было 16 часов 22 минуты.

«Двадцать минут пятого,— подумал Андропов, поднимая трубку телефона,— я звонил Чазову, чтобы справиться о здоровье Суслова. Но Евгений Иванович оказался на операции. Значит, этот внезапный сон не продолжался и минуты».

— Я слушаю,— сказал Андропов, прижав к уху телефонную трубку и еще успев подумать: «Сколько же мне лет в этом навязчивом сне? Пять или шесть. Я еще не ходил в школу».

— Здравствуйте, Юрий Владимирович. Ответственный дежурный по Комитету, полковник Назаренко. Только что из Усова звонил личный телохранитель Сергея Кузьмича Цагана...— Голос дежурного прервался от волнения.

— Ну? — спокойно спросил Андропов.

— Ваш первый заместитель застрелился у себя на даче.

Несколько мгновений Юрий Владимирович молчал.

— Что предпринято? — по-прежнему спокойно спросил он.

— Майор госбезопасности Гаврилов, личный телохранитель генерала армии товарища Цагана, он же водитель машины, вызвал на место происшествия «скорую помощь».

Машина пока не прибыла. Он... то есть майор Гаврилов, охраняет труп до прибытия...

— Немедленно направить в Усово нашу следственную группу,— перебил Председатель КГБ.— В Прокуратуру СССР пока ничего не сообщать. Перекрыть все источники информации. Ничего не должно попасть в прессу, естественно, прежде всего в зарубежную. У бригады «скорой помощи» взять расписки о неразглашении.

— Слушаюсь, Юрий Владимирович.

— Копию заключения бригады «скорой помощи», как только оно будет готово,— ко мне на стол.

— Слушаюсь...

— Увезут труп в морг — пусть майор Гаврилов, перед тем как писать рапорт, зайдет ко мне.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

Андропов положил трубку телефона. Не торопясь прошелся по своему огромному кабинету. Шаги были бесшумными, утопая в толстой ковровой дорожке. Председатель КГБ остановился у окна, отогнул край коричневой портьеры — над Москвой мела метель, уже смеркалось, на площади Дзержинского зажглись желтые фонари, справа светились разноцветные неоновые буквы: «Детский мир». Вокруг сурового памятника «железному Феликсу» кружили вереницы машин с уже зажженными подфарниками.

Андропов вернулся к письменному столу, около сорока минут работал над текущими бумагами, сдерживая себя. Потом, преодолев внутреннее сопротивление, выдвинул правый нижний ящик. Папка в коричневом переплете. Юрий Владимирович перелистывал страницы «бриллиантового дела» с грифом на каждой из них «Совершенно секретно».

«Два месяца назад с несколькими днями»,— подумал он.

Да, память не подвела: лично вести это дело своему первому заместителю генералу Цагану Сергею Кузьмичу он поручил два месяца и три дня назад.

«Вот и финал,— подумал Андропов.— Правда, несколько неожиданный. И все-таки... Я просчитывал несколько вариантов. Но самоубийство... Слабаком ты оказался, Сергей Кузьмич. Хотя... Кто знает? Может, так и к лучшему.— Юрий Владимирович Андропов не мог преодолеть себя. — Наконец-то! — пронеслось в сознании. Посмотрел на крупный круглый диск прямой связи с Генеральным секретарем ЦК КПСС.— Позвонить? Как-никак — родня, хоть и не по крови. Нет,— остановил себя Председатель КГБ.— Рано!»

Позвонил помощник Председателя Григорий Борисович Владимов:

— Юрий Владимирович, доставлено заключение бригады «скорой помощи». И в приемной майор Гаврилов.

— Сначала — заключение. А потом я приглашу майора.

Вошел помощник, бесшумно закрыв за собой дверь, как всегда подтянутый, в безукоризненном темно-сером костюме, черный галстук повязан аккуратным узлом.

— Прошу, Юрий Владимирович.— На стол лег лист бумаги.— Мы перепечатали с копии, уж больно неразборчиво было написано. От волнения, надо полагать.

— И от страха,— еле заметно улыбнулся Андропов.— Все еще боятся нас с вами, Григорий Борисович.

Помощник молчал.

— Да! — Председатель КГБ бесстрастно, непроницаемо смотрел на Владимова.— Забыл у вас спросить...— Возникла короткая пауза.— Первые результаты операции «Каскад» попали к Михаилу Андреевичу?

— Попали.

— Когда?

— Операция «Каскад» началась вчера в один час тридцать минут. Первые задержания совместными силами органов и МВД производились по формуле «А»...

— Хорошо,— перебил Андропов, и в голосе его было нетерпение.

— На стол Суслову отчеты об этих задержаниях легли вчера в первой половине дня.

— Понятно.— И опять возникла пауза.— Майору Гаврилову предложите чаю, пусть успокоится. Вы свободны.

Григорий Борисович Владимов бесшумно вышел из кабинета.

Андропов углубился в машинописный текст:

«Усово, дача 43. Скорая помощь. 19 января 1982 г. 16.55. Пациент лежит лицом вниз, около головы обледенелая лужа крови. Больной перевернут на спину...— «Больной»...— горько усмехнулся Председатель КГБ.— ...зрачки широкие, реакции на свет нет, пульсации нет. Выраженный цианоз лица.

Реанимация, непрямой массаж, интубация. В 17.00 приехала реанимационная бригада».

Юрий Владимирович прервал чтение.

«Так... А с них взяли расписку о неразглашении? — Он потянулся было к телефону.— Наверняка взяли».

Андропов читал дальше:

«Мероприятия 20 минут не дали эффекта, прекращены. Констатирована смерть.

В 16.15 пациент, гуляя по территории дачи с шофером, выстрелил себе в висок из пистолета «макаров».

Следовали подписи пяти врачей.

«Прямо скажем, писали не Шекспиры,— подумал Юрий Владимирович.— Как тут? «Гуляя по территории дачи с шофером...» Странно». Он нажал клавишу селектора.

— Пригласите майора.

Телохранитель Сергея Кузьмича Цагана оказался молодым человеком лет тридцати, высоким, спортивным, с широкими плечами, с открытым славянским лицом, которому короткая стрижка и веснушки, рассыпанные по носу и щекам, придавали что-то детское. Войдя в кабинет, он замер у двери по стойке «Смирно!».

— Товарищ Председатель, разрешите доложить! — Голос был густой, спокойный, в нем звучало достоинство.— По вашему приказанию...

— Не надо,— перебил Андропов.— Давайте без уставных формальностей.— И подумал: «Хороший парень. И уже майор. Молодец! Надо поинтересоваться его личным делом».— Как вас по имени-отчеству?

— Николай... Николай Павлович.

— Вот присаживайтесь сюда, Николай Павлович. И все по порядку, с мельчайшими подробностями, не упуская ничего. Как это было?

Майор Гаврилов удобно устроился на предложенном ему стуле, сосредоточился.

— Днем меня вызвал к себе Сергей Кузьмич в кабинет...

— Во сколько? — перебил Андропов.

— Было около двух. Сказал: «Коля, хочу сегодня пораньше на дачу уехать. Подавай машину полчетвертого...»

— Что, у него нет личного шофера? — опять перебил Андропов.

— Есть, конечно. В отпуске сейчас, Вдовенко. Вот я и подменяю. А для меня машины! Словом, хобби. На «восьмерке» своей езжу. Ну, а «Чайку» водить — это... И слов не подберу.

— Когда он с вами разговаривал, в два часа, в кабинете еще кто-нибудь был?

— Никого! Вообще, знаете...— Майор Гаврилов помедлил.— Знаете, Юрий Владимирович, в последнее время к Сергею Кузьмичу мало кто заходил. Да и он... Привезу его, он запрется в своем кабинете, к себе никого не вызывает, к нему никто не идет...

— А как он сегодня? — перебил Андропов.— Ничего особенного вы в нем не заметили?

— Да нет... Обычно. Задумчивый. В последнее время он все время задумчивый...— майор Гаврилов кашлянул в кулак,— был. Ровно в полчетвертого подал машину, поехали. Правда, Семен Кузьмич сзади сел. Обычно рядом, а тут — сзади.

— По пути ничего не говорил?

— Нет. Ни слова. Мне даже показалось — задремал. Он к окну отвернулся, лица не видно. Доехали быстро. Чего тут до Усова на «Чайке», да с нашими номерами.— Николай Павлович Гаврилов вдруг замолчал. Андропов не торопил его.— Вот сейчас думаю... Как-то совсем безлюдно мне показалось в Усове, никого нет, похоже, все дачи пустые. И снег валит — ужас. Все замело. К даче еле подъехали. Выходит охранник, спрашивает: «Ворота, Сергей Кузьмич, отворять? Заезжать будете?» А он ничего не ответил, вошел в калитку. Я — за ним. Там охранник дорожки от снега расчистил: к даче, к своей сторожке, еще куда-то, в глубь усадьбы. И тут Сергей Кузьмич у меня спрашивает: «Какой у тебя пистолет?» — «Макаров».— «Покажи». Вынул я свой пистолет, ему передал. Сергей Кузьмич подержал его на ладони. «Удобный,— говорит.— Легкий». И в карман к себе опустил. Я стою, не знаю, что делать. А генерал у охранника спрашивает: «Эта дорожка куда ведет?» Про ту, что в глубь усадьбы. «А никуда,— отвечает охранник,— к забору. Я расчистил немного, а у забора сугроб». Тут Сергей Кузьмич сказал: «Вот и хорошо, что никуда.— Повернулся ко мне: — Я прогуляюсь...»

— Вот тут,— перебил Андропов, пристально через свои очки глядя в глаза майора Гаврилова,— в медицинском заключении написано: «гуляя по территории дачи со своим шофером».

— Юрий Владимирович! — Майор быстро поднялся; на его лбу выступила испарина.— Ведь я пошел было за ним, а Сергей Кузьмич обернулся и так резко: — «Стоять! Это приказ. Один пройдусь». А я... Честное слово! В тот момент и про свой «макаров» забыл. Просто в голову прийти не могло — чтобы он... Если б знать!

— Дальше? — жестко спросил Андропов.

— Дальше, что же...— потупил голову Николай Павлович Гаврилов, и на его скулах заиграли желваки.— Там ведь сосны, березы, дорожка за них поворачивает, не видно ничего. Прошло, может быть, минуты три-четыре. И — выстрел. Вот и все.

«Так оно и было»,— подумал Председатель КГБ. И сказал:

— Все рассказанное мне, Николай Павлович, так же подробно изложите в рапорте. И, сами понимаете, до официального сообщения...

— Да, да! — вырвалось у телохранителя генерала армии Цагана.

— Вы свободны, товарищ Гаврилов.

Дверь, как всегда, закрылась бесшумно.

«Так...— сказал себе Андропов, сдерживая волнение.— Пора. Где он сейчас? Может быть, еще в Кремле?»

Юрий Владимирович поднял трубку прямой связи с Генсеком КПСС.

И тут же в самое ухо глуховатый нечеткий голос сказал с придыханием:

— Слушаю, Юра.

— Здравствуйте, Леонид Ильич.— Возникла пауза. Ударяясь в барабанную перепонку, казалось, проникая в мозг, слышалось тяжкое хлипкое дыхание Генерального секретаря ЦК КПСС.— У нас беда.— Андропов постарался придать своему голосу скорбь.— И у нас, и у вас. На даче застрелился Сергей Кузьмич Цаган.

— Я, Юра, знаю,— ответил Брежнев.— Может быть, раньше тебя.

«Надо было это предвидеть»,— подумал Андропов и спросил, совершенно спокойно:

— Как оповестим?

— Плохо себя чувствую,— после некоторой паузы ответил Генеральный.— Еду к себе в Заречье. Завтра соберемся...— Хриплое, тяжкое дыхание.— Решим.

Трубка замолчала.

Юрий Владимирович прошелся по кабинету, опять остановился у окна. Снег валил так густо, что Москва совсем потерялась в бело-серой круговерти, только угадывалась расплывчатыми фонарями, смутными огнями реклам на проспекте Маркса, движущимся светом автомобильных фар, все плывущих и плывущих в снежной нереальности, огибая памятник Феликсу Дзержинскому.

Андропов задернул тяжелую портьеру, погасил верхний свет, включил настольную лампу. Он любил этот полумрак своего кабинета, обжитого до мелочей за пятнадцать лет службы на посту Председателя КГБ, он стал — вместе с прилегающими комнатами — его вторым домом. А может быть, превратился в первый, основной дом.

Юрий Владимирович сел в свое кресло, чуть-чуть расслабил узел галстука, расстегнул первую пуговицу рубашки.

Дальние углы кабинета совсем потерялись в темноте.

Яркий круг света от настольной лампы падал на папку в коричневом переплете.

Зажегся зеленый глазок селектора, связь с его секретариатом, расположенным рядом, через приемную.

— Звонит Чазов,— прозвучал голос помощника Григория Борисовича Владимова.

Андропов нажал клавишу, сказал приветливо:

— Здравствуйте, Евгений Иванович.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович.— Голос главного врача кремлевской больницы, кандидата в члены ЦК КПСС,

личного врача Леонида Ильича Брежнева, академика Евгения Ивановича Чазова, прерывался от волнения. «Тоже знает»,— понял Андропов.— Мне сказали, что от вас был звонок... Я только что из операционной...

— Как Михаил Андреевич? — перебил Председатель КГБ.

— Состояние, близкое к критическому. Острое нарушение кровообращения сосудов головного мозга, почки и печень почти не работают, потеря сознания. Словом, кульминация сахарной болезни. При Суслове неотлучно его лечащий врач Евгений Иванович Шмидт. Делаем все необходимое.

— Где он у вас лежит? — спросил Андропов.

— У Сталина.

— Почему не в новом корпусе?

— В «охотничьем домике» смонтировано новейшее оборудование, американское и японское.

«Охотничий домик»... В одну секунду мысленно Юрий Владимирович проделал этот путь, так хорошо в последние годы и месяцы знакомый ему: стремительный бег машины по Кутузовскому проспекту, переходящему за Поклонной горой в проспект Маршала Гречко, скорость до ста шестидесяти километров в час, им дают зеленую волну, остальное движение перекрыто, постовые милиционеры выходят ближе к мчащемуся «членовозу» («Не откажешь москвичам в остроумии»), вытягиваются по стойке «Смирно!», отдают честь («Леня, старый маразматик, ввел это холуйство»). Не доезжая перекрестка, ведущего на Рублевское шоссе, поворот налево — через несколько минут мелькает мосток над речкой Сетунь. Извилистая лесная дорога, машина сбавляет скорость. Слева частит березовая роща, справа — густой хмурый ельник. Правый плавный поворот — впереди возникает трехметровый глухой забор с железными воротами... За ним раньше была только дача Сталина, «охотничий домик», как любил называть его вождь всех времен и народов. А теперь в глубине огромной огороженной территории — двенадцатиэтажный корпус Кардиологической больницы Четвертого кремлевского медуправления Минздрава СССР, вотчина академика Евгения Ивановича Чазова. И «охотничий домик» приспособили под медицинские нужды.

А ведь когда-то здесь, по ночам, Иосиф Виссарионович собирал за обильным застольем своих первых верноподданных «вождей» второго ранга — Микояна, Ворошилова, Берия, Кагановича, Хрущева. И напиваться надо было до положения риз: отец всего прогрессивного человечества любил наблюдать, как расковывались «соратники»: это здесь Никита Сергеевич отплясывал гопака, Климент Ефремович горланил скабрезные частушки, и кому-нибудь на стул подкладывали помидор,

когда тот, в белых брюках, если посиделки приходились на летнюю пору, поднимался, чтобы произнести очередную здравицу в честь «гениального и великого», а когда свершался конфуз, больше всех хохотал и хлопал в ладоши товарищ Сталин.

На эти дружеские ночные попойки приглашался и Михаил Андреевич Суслов, пуританин, ненавистник алкоголя, наверняка тяжко страдая, но не смея перечить воле Хозяина...

И вот сейчас в этом «охотничьем домике» он лежит на смертном одре. Какие картины проносятся в его угасающем сознании?..

— Может быть, необходима какая-нибудь помощь? — спросил Председатель КГБ.— Консультации западных медиков?

— У нас все есть, Юрий Владимирович.— Последовала пауза. Чазов вздохнул.— А консультации не помогут...

— ...То есть вы хотите сказать,— перебил Андропов,— надежды нет?

— Мы делаем все возможное. Но... Может быть, еще несколько дней. Максимум... Не знаю... Неделя.

— Когда к вам его привезли?

— Вчера поздно вечером, в начале одиннадцатого.— В голосе академика Чазова послышалось напряжение.— А... что?

— Спасибо за информацию, Евгений Иванович,— сказал Председатель КГБ.— Делайте все возможное. И сверх того. До свидания.

— До свидания.

Юрий Владимирович Андропов откинулся на спинку кресла. В кабинете была глухая тишина.

«Значит, все это произошло после их встречи,— думал Андропов.— Суслов пригласил к себе Цагана вчера к восемнадцати часам. И они не стали разговаривать в кабинете».

Юрий Владимирович вынул из ящика письменного стола лист бумаги, на котором были напечатаны всего лишь несколько фраз, прозвучавшие вчера в кабинете Главного Идеолога страны на Старой площади и зафиксированные на пленку.

«**Цаган.** Можно? Здравствуйте, Михаил Андреевич.

Суслов. Явился? Скотина!

Цаган. Я... я не понимаю...

Суслов. Не понимаешь? Все ты понимаешь, жирный боров. Пошли! Покатаемся по городу».

И все...

Значит, разговор происходил в машине. «Серый кардинал» осторожен. Ему ли не знать, что мы прослушиваем все кабинеты и в ЦК, и в Кремле. Сколько же они катались по

городу? К себе на Старую площадь Суслов вчера не вернулся. Приступ сахарной болезни свалил его уже дома.

Что же получается? После вчерашнего разговора один вечером оказывается «у Сталина» и, по словам Чазова — а Евгений Иванович знает, что говорит,— уже не вернется в этот мир. Второй сегодня утром на даче в Усове стреляет из «макарова» охранника себе в висок. Легкая улыбка тронула губы Юрия Владимировича Андропова. «Волки от испуга скушали друг друга». Или... Одним махом. Как говорится, что Бог ни делает, все к лучшему.

Только Бог ли делает это? — зададим мы вопрос за нашего героя.

Председатель КГБ закрыл глаза...

...Обнаженный мальчик бежал по пыльной степной дороге — к заветным горным вершинам, которые теперь были окутаны тяжелыми тучами, и частые молнии рассекали их, но раскатов грома не было слышно.

«Не добегу, не добегу, не добегу! — стучало его маленькое сердце, грохотом и гулом отзываясь во всем теле.— Сейчас упаду».

И все-таки мальчик продолжал бежать...

Артур Вагорски, корреспондент газеты «Дейли ньюс», США, аккредитованный в Москве.

Меня разбудил телефонный звонок. Аппарат валялся, оказывается, на тахте, рядом с подушкой, я чуть ли не спал на нем. По укоренившейся привычке взглянул на свои часы «Сейко», которые никогда не снимаю с руки. Фосфоресцирующие стрелки показывали 21 час 37 минут, 19.1.82.

Телефон надрывался, и я уже знал, что это Вика.

Я поднял трубку:

— Слушаю, моя прелесть.

— Опять дрыхнешь? — Голос Вики был, как всегда, насмешлив, однако в нем ощущалось нечто... Волнение, смешанное с нетерпением и даже азартом.— Взял привычку дрыхнуть, когда ночная жизнь Белокаменной только начинается.

— Да в чем дело? — спросил я, подавив зевоту, хотя профессиональное чутье подсказало: «Что-то есть».

— Потрясные новости, Арик! Обалденные!

— Ну? — нетерпеливо гаркнул я.

— Нет уж! Не по телефону.— Вика зло хихикнула.— Мальчики! Ау! Хренушки вам! А с тебя, мой сладенький, когда гонорар придет, тридцать процентов комиссионных. За такую информацию...

— Ты все-таки скажешь, в чем дело? — разозлился я.

— Скажу. Сейчас без двадцати десять. Ровно в двадцать два ноль-ноль я за тобой заеду. Так что на сборы — сам понимаешь. Поторопись. Мы на «тачке» рядом, у Триумфальной арки...

— Кто это мы? — перебил я.

— Все свои. Едем на одну грандиозную встречу, там будут подробности...

— Подробности чего? — перебил я.

— Случившегося,— многозначительно сказала Вика.— Все, все! Через двадцать минут, как всегда, у телефонной будки.— Ее голос оборвался короткими гудками.

Я посидел на своей тахте, широкой, как море, бесшумно, плавно покачался на ней. Вика почему-то называет ее «наш ноев ковчег». Нет, детка, если что, мы на этом ковчеге не спасемся.

Я осмотрел свое холостяцкое жилье. Полный бардак: на письменном столе перемешались рукописи, газеты, журналы, стояла наполовину пустая бутылка итальянского мартини. («Он меня и погрузил в незапланированный сон»,— подумал я.) На чайном столике грязная посуда, еще от завтрака, экран телевизора покрыл слой пыли. Я провел рукой по щеке — щетина была минимум двухдневная.

Черт знает что! Совсем превращаюсь в русского. Немудрено: семь лет в этой загадочной, непостижимой стране. Уже и говорю без акцента. Может быть, славянские корни? Поляк, русский — один хрен. Впрочем, вон что в Польше творится. А здесь, в матушке-России, тишь да благодать. Хотя отовсюду гнильем воняет.

Ничего себе! Осталось тринадцать минут. Основное — побриться.

В ванной, намыливая щеки, я невольно рассматривал себя в зеркале. Ну что, сэр? Вам уже тридцать четыре, возраст Христа позади. А результаты? Пожалуй, жаловаться грех. В родной газетке на хорошем счету, мои корреспонденции украшают первые и вторые полосы, платят по первому разряду, поездил по миру, собственный корреспондент уже в четвертой стране. Перед Россией — Парагвай, Греция, Япония, везде по два года. И в Москве собирался — максимум три года. И вот, извольте бриться! — брейся, брейся, время идет,— седьмой год в стране победившего социализма. Или, если угодно, в первом в мире государстве рабочих и крестьян. Почему? Не знаю... Когда-то мой непосредственный шеф Гаррисон Вернер шутил: «Будешь сидеть у русских, пока не сменишь там лидера». Если так, похоже, ждать осталось недолго. Впрочем, наблюдая за кремлевскими старцами, я ловлю себя почти на мисти-

ческой мысли, что они бессмертны. Может быть, советские медики наконец изобрели этот самый эликсир?

Ах, черт! Порезался. Нет, дело в другом... Вика. Я не хочу от нее уезжать. А она не хочет ехать отсюда со мной. Оказывается, есть в этой стране такие идиоты и идиотки. «Я,— заявляет она,— разделю судьбу своей родины. И еще, Арик...— Это Вика превратила меня из Артура в Арика, и теперь я только на эту кличку отзываюсь.— И еще, Арик, когда твоя мать смертельно больна, разве ее можно оставить?» Да... «Умом Россию не понять...» Нет, нет! Надо себе в этом признаться: не только Вика. За семь лет я полюбил Россию и русский народ. Вот за что? За что любить эту распятую преступной властью страну и ее народ, рабски терпящий властителей-подонков? Надо разобраться. Когда я начинаю с Викой философствовать на эту тему, она издевается: «Паренек! Снова «достоевщина». Ты перекушал нашей российской действительности и уже не можешь переварить тошнотворное хлебово». Но я-то знаю... И она знает: за эту «достоевщину» она меня и любит. Или так: еще больше любит.

Все! Что же, не такая уж плохая физиономия: серые, вполне осмысленные глаза, волевая складка губ, и, говорят, ложбинка на подбородке тоже признак воли. Прямой нос. Густые светлые волосы. И никакого намека на лысину. Отрастил себе здесь русские усы, и Вика говорит, что с ними я чуть-чуть похож на Лермонтова. «Еще бы темные волосы, и полное сходство». Как это у него?

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Только русский поэт может написать подобное. Ни в какой другой стране так не пишется.

Все, все! Без четырех десять.

Я уже надевал в передней дубленку, когда ожил телетайп факса, поползла белая полоса бумаги с красноватыми буквами убористых строчек.

Я подбежал к факсу, когда он отключился.

«Срочно в номер,— читал я.— Подробности смерти Сергея Цагана. Все возможное о болезни и состоянии Михаила Суслова. Артур! Постарайся опередить коллег. Через три часа жду материал в редакции. Привет! Гаррисон».

Вот оно в чем дело!

Я пулей выскочил из квартиры, оглушительно хлопнув дверью.

Внизу я оказался, когда часы показывали две минуты одиннадцатого.

Из своей каморки вышел наш «консьерж» Дима, вежливый верзила лет двадцати пяти боксерской наружности.

— Добрый вечер, сэр!

— Добрый вечер.

— На охоту?

— Как у вас говорят,— ответил я, глядя в его непроницаемые кагебешные глаза.— Волка ноги кормят.— И не удержался, добавил: — А ночь, похоже, для охоты наступает в самый раз.

— Удачи! — невозмутимо сказал Дима, и только мышцы его скул чуть заметно напряглись.

На улице мела московская метель. Ударило в лицо колючим снегом. Все было бело, в движении, неопределенно. На стоянке машины занесло снегом. Мой «мерседес» накрыло белой шапкой, завтра придется откапывать. Я оглянулся на наш пятнадцатиэтажный дом, населенный дипломатами, аккредитованными в Москве журналистами, представителями торговых и прочих фирм со всего света — во многих окнах уже погас свет.

Я прошагал к чугунным воротам, открыл калитку рядом с ними. Из яркого освещенного куба — чтобы видеть все вокруг — вышел милиционер, пожилой, солидный, козырнул мне, зорко вглядевшись в лицо, и ушел в свою теплынь.

Переходя на противоположную сторону улицы, к пустой телефонной будке, я оглянулся. Милиционер вращал диск одного из телефонов, стоящих перед ним на столе. О Господи!..

Сергей Цаган. Что я о нем знаю? Кажется, отчество Кузьмич. Никак не могу привыкнуть к этой русской необходимости отчества. Первый заместитель Председателя Комитета государственной безопасности СССР Юрия Андропова. Что еще? Постой, Арик! Кажется, этот Цаган в каком-то родстве с Брежневым! И на Лубянке он, следовательно, человек Леонида Ильича. Понятно... Что дальше?

Я взглянул на часы — было уже двенадцать минут одиннадцатого.

Я испытал — а давно надо было не обращать внимания — приступ досады. Эта русско-советская расхлябанность, необязательность. Вечно они опаздывают, не держат слова, норовят обмануть, потом находится тысяча причин, отговорок, извинений.

«Нет,— остановил я себя,— Вика не такая. Она точна и пунктуальна, хотя и то и другое сочетается у нее с бесшабашностью и тем, что у русских называется: «А! Пропади все пропадом!»

Она спешит сюда, и задержать их машину в такую метель могла только какая-нибудь дорожная ситуация: пробка, залетели в сугроб, ведь дороги в Москве чистят отвратительно.

Я стал думать о своей женщине. Сердце забилось чаще, я испытал жгучее желание немедленно быть с ней, представив «наш ноев ковчег». Она моя единственная женщина, теперь я это знаю точно. Что же с нами будет дальше?

...С Викторией Садовской мы познакомились в семьдесят пятом году, в посольстве Чехословакии на приеме, посвященном седьмой годовщине «пражской весны». Было многолюдно, напряженно — советские власти явно не одобряли мероприятие чешского посла, и это придавало приему нервозность, взвинченность; над присутствующими в зале витали дух протеста и вызов силам зла. Помню Евгения Евтушенко, который с безуминкой в глазах и артистической страстностью читал с придыханием:

Танки идут по Праге,
Танки идут по правде...

После кратких речей и импровизированного концерта мы уже во время фуршета оказались за столом рядом, нас кто-то представил друг другу. Виктория была слегка пьяна, мы чокнулись бокалами шампанского, она сказала по-английски совсем с небольшим акцентом:

— Я вас знаю. Вернее, знаю ваши статьи. Они мне нравятся. Мы — коллеги, я тоже журналистка.

— Какую газету вы представляете? — спросил я.

— Никакую. Я свободная журналистка.

Она тряхнула копной своих роскошных рыжих волос. И от этого быстрого движения я увидел ее всю сразу: высокую, гибкую, в облегающем длинном платье цвета морской волны. Высокий лоб, смуглость лица, немного впалые щеки, чуть-чуть вздернутый нос с чуткими ноздрями. И глаза... Темные глубокие глаза с живым, яростным огнем. Я взглянул в них и утонул, пропал. Теперь понимаю — навсегда.

— Коллеги-писатели,— продолжала она,— называют такое подвешенное состояние возвышенно: свободный художник. То есть сотрудничаю со многими газетами, бывает работа на радио, на телевидении. Даже есть два короткометражных фильма по моим сценариям.

— То есть волка ноги кормят.

— Именно,— засмеялась Виктория.

В тот вечер единственный раз она была Викторией. А на следующее утро, когда на кухне моей казенной квартиры мы вместе готовили завтрак,— я в халате, она в моей пижаме,—

Виктория сказала: «Отныне зови меня Викой. А ты будешь Арик».

...Виктория на том приеме в чешском посольстве, когда мы выпили по бокалу шампанского, тут же наполнила бокалы снова и, придвинувшись ко мне — среди гама, смеха, возгласов, жующих и пьющих разгоряченных лиц, заглядывая мне в глаза, тихо сказала:

— Артур! Давайте выпьем за «пражскую весну». Все было не напрасно! Попомните мои слова: все отзовется. И выпьем за Польшу. Там назревают события... Ведь вы поляк?

— Я родился в Штатах,— тоже тихо ответил я.— Поляк мой отец. Он эмигрировал в Америку сразу после войны. А мать американка шотландского происхождения.

— Нет, вы все равно поляк! — засмеялась Виктория.— И вид у вас польский. Итак, пьем за «пражскую весну», за польских шахтеров и...— Она прошептала мне в ухо: — И за Россию! Вот увидите, у нас это тоже будет! Может быть, очень скоро! — И добавила, выдержав маленькую паузу: — Как говорят поляки? За вашу и нашу свободу?

Мы чокнулись и выпили. Вместе с вином мне передались ее порыв, страстность и вера. И... я ухнул, как в пропасть:

— Виктория, я хочу увезти вас отсюда. Украсть.

— Крадите немедленно! — приказала она, не отрываясь, не мигая, смотря мне в глаза.

В ту нашу первую ночь она многое поведала о себе, с убийственной самоиронией, типично русским самобичеванием и раскопками в собственной душе. Коренная москвичка, живет в однокомнатной квартире с матерью — учительницей физики. Теперь Мария Филипповна на пенсии.

Милая интеллигентная старушка, она обожает поить меня чаем с домашними вареньями. По-моему, престарелая московская дама тяготится нашей связью, и навязчивая ее тема: «Вы, Артур, берегите Вику. Она чрезвычайно нервная». Действительно, нервная, легко возбудимая. Отец покинул дом, когда девочке было четырнадцать лет. «Маша! Я больше не могу видеть твоего вечно скорбного лица. Да, я неудачник, мои изобретения никому не нужны в этой стране (Вениамин Павлович Садовский работал в каком-то техническом НИИ). Я ухожу, я должен быть одинок. И пожалуйста, не надо слез — никакая другая женщина здесь не присутствует». Эту печальную сцену Вика изображала в лицах с убийственным горьким сарказмом (она вообще натура артистическая), завершив рассказ о родителях неожиданной фразой: «Я тоже неудачница, в папочку». Закончила спецшколу с английским уклоном (есть у них такие: с английским, французским, немецким уклоном, то есть в этих учебных заведениях усиленно осва-

иваются соответствующие языки. Попадают в подобные школы, как правило, дети привилегированных родителей или за большие взятки. В случае с Викой, очевидно, сыграли роль профессиональные связи Марии Филипповны, да и девочка она одаренная). Потом пединститут, факультет иностранных языков — английский и французский; диплом с отличием. Мечтала о работе литературного переводчика, но тут случился бурный роман с молодым кинорежиссером, переросший в молниеносный брак. Режиссер оказался шизофреником, болезнь до поры до времени протекала в скрытой форме, и «вскрыла» ее супружеская жизнь: беспричинная яростная ревность — со скандалами, дикими сценами, вызовом милиции и прочее. Все окончилось психиатрической лечебницей, из которой молодой человек уже не вышел. Вика оплакивала своего первого суженого два года — она его любила первой настоящей любовью. Второй муж был журналистом — она почему-то сохранила одну его фотографию и показывала мне: Семен Гельфах, был малорослый, толстоватый, лысый, с хитрым и умным прищуром глаз, с типичным семитским профилем. Он был талантливым журналистом, легко пишущим на любые темы для любых изданий. Но мало того, что новый муж не давал Вике передохнуть от своей любви (он попросту оказался сексуальным маньяком), Семен Гельфах не пропускал ни одной юбки. Словом, уже через три месяца супруг-донжуан был изгнан, успев тем не менее за это время пристрастить Викторию к журналистике.

«Так я и влипла в это дерьмо,— говорила мне Вика в нашу первую ночь, водя чуткими пальцами по моей груди.— Точно сказано: вторая древнейшая профессия. Особенно у нас. Все советские журналисты — проститутки. Только пользует их один хозяин».

Слава Богу, от обоих браков не произросли дети. «Я рожу,— сказала Вика в ту же ночь,— от сильного, красивого, умного, доброго мужчины, обязательно здорового.— Она не отрываясь смотрела мне в глаза. Этот ее взгляд завораживал.— Он должен любить меня больше жизни».

У меня было до нее немало женщин, на разных континентах. Но — клянусь! — такие, как Виктория Садовская, появляются на свет только в России.

...Из-за поворота вынырнули лучи фар, которые с трудом пробивали несущуюся навстречу машине снежную массу.

«Наконец-то!» — Было двадцать минут одиннадцатого.

Облепленный снегом «Москвич» неопределенного цвета — оба «дворника» энергично гоняли по смотровому стеклу,— скрипнув тормозами, замер у телефонной будки, тут же из дверцы вывалилась Вика, в своей неизменной кожаной куртке

на лисьем меху, в высоких сапожках-ботфортах (мой подарок), без шапки, и густые рыжие волосы были рассыпаны по плечам. Она бросилась мне на шею, обдав терпко-нежным ароматом французских духов:

— Прости! Ей-богу, не виноваты. В Свиблово скотина-гаишник прицепился: «Подфарники у вас не фиксируются». Не фиксируются! Скотина! Они снегом залеплены... Ему бы сразу в лапу, а Гарик давай права качать...

— Понятно,— перебил я.

— Раз понятно — поехали! — Вика чмокнула меня в щеку.

Действительно, в машине оказались все свои: за рулем сидел Гарик Сапунов, подпольный художник-абстракционист, по характеру буян, весьма скандальный субъект, но, как говорит Вика, «надежный товарищ, в беде не подведет» (и в этом я несколько раз убеждался), бородат, элегантен в своем ярком мохеровом шарфе, на среднем пальце массивный серебряный перстень с большим изумрудом. Рядом с ним дымил сигаретой Николай Кайков, литературный сотрудник «Вечерней Москвы», сумрачная личность лет сорока пяти, с лицом аскета, напичканный информацией о «светской элитарной» жизни российской столицы до отказа. В уголке заднего сиденья свернулась скромным калачиком «просто Зоечка», фамилии ее я не знал, кутаясь — представьте себе! — в норковую шубку. «Моя младшая подруга»,— говорит о ней Вика. Действительно, Зоечке было лет двадцать пять, может, чуть больше, она была идеально сложена, кукольно красива, хотя в красоте ее, на мой вкус, было что-то неживое, искусственное. Вроде в недавнем прошлом Зоечка была манекенщицей чуть ли не у знаменитого Зайцева, я особенно не интересовался. Она часто сопровождала Вику в ее затеях и, как правило, молчала, не принимая участия во всяческих дебатах. Молчала, бесстрастно посматривая на говоривших карими глазками. Загадочная девочка. Зачем она Вике? Все никак не спрошу. Неудобно как-то...

Мы с Викой втиснулись в машину.

— Всем общий привет,— сказал я и сам услышал нетерпение в своем голосе.

— Сгораешь от любопытства? — довольно засмеялась Вика.— Так вот слушай...

— Стоп! — перебил я и взглянул на часы.— В моем распоряжении максимум полтора часа. В двенадцать я должен быть у себя.

— В чем дело? — У Вики недовольно поджались губы.

— Мне нужно узнать все возможное о смерти Цагана и состоянии здоровья Суслова...

— Как? — перебила Вика.— Ты уже...— И сама себе объяснила: — Понятно. На той стороне новости с нашего кремлевского Олимпа получают первыми. На тебя уже сел твой Гаррисон?

— Да. Но там известно только два голых факта: смерть одного, болезнь другого. Мне нужны подробности, причины. Я говорю о смерти Цагана. Что случилось?

— Он вроде бы застрелился,— меланхолично сказал Николай Кайков, попыхивая сигаретой.— Не то у себя дома, не то в кабинете на Лубянке. Застрелился? Застрелили?.. Подробности будут чуть позже. Информация собирается в Домжуре...

— Значит, едем в Дом журналистов? — перебил художник-абстракционист, отличительной чертой которого была еще крайняя нетерпеливость во всем.

— Гарик, не гони лошадей.— Моя Вика была уже серьезна, сосредоточенна. Я знал: в ее головке комбинируется оптимальный план действий.— Мы собрались в Домжур. Там будет сегодня особенно интересно. Но поступим иначе. Сначала — в писательский клуб. Мне звонил поэт Саша Коренев. Помнишь, я тебя с ним познакомила, кажется, на каком-то вернисаже на Малых Грузинах?

— Припоминаю,— нетерпеливо сказал я.

— Не дергайся, Арик. Все успеем. Сегодня в ЦДЛ, не знаю уж, по какому поводу, Игорек Андропов. А с ним всегда свита, публика весьма примечательная. Они уже наверняка приняли на грудь. Саша Коренев поспособствует непринужденному общению, да и я с Игорем Юрьевичем на короткой дружеской ноге. Подвалим к ним буквально на четверть часа.

— Значит, вперед! — Гарик Сапунов включил зажигание.

«Москвич» рванул с места в карьер. Перед смотровым стеклом метался снежный занавес. Бешено работали «дворники».

— Пока едем,— сказал я,— вы, ребята, выложите мне всю информацию, какой располагаете о Цагане. Свои соображения...

— Версии...— подсказала Вика.

— Версии обязательно. И о Суслове. Кстати, это случайное совпадение...

— Что Цаган с пулей на тот свет,— перебил Коля Кайков,— а Суслов не то с инсультом, не то с приступом сахарной болезни в кремлевке? Кто знает? Может, и не совпадение. Будем интересоваться.— Помолчал и изрек философски: — «Да, жалок тот, в ком совесть не чиста».

Машина уже мчалась по Кутузовскому проспекту.

Говорили Вика и Николай, иногда спорили, подавал редкие реплики Гарик, в основном саркастические, он больше был занят обгоном машин — своим любимым занятием. Зоечка загадочно молчала, спрятав носик в ворот норковой шубки. Я задавал вопросы.

Постепенно в моем сознании складывалась пока неяркая, но уже с первыми логическими выводами картина.

Итак...

Сергей Кузьмич Цаган. Жизнь оборвалась на шестьдесят пятом году. Генерал армии. До КГБ типичная карьера полицейского бюрократа, начавшаяся во время войны в СМЕРШе.

— Ты знаешь, как расшифровывается СМЕРШ? — спросила у меня Вика.

— Нет.

— «Смерть шпионам». То есть наши славные чекисты в воюющей армии. Дезертиров отлавливать, заградотряды формировать. А главное — бдеть за морально-политическим духом солдат и офицеров. Способов работы — обширный джентльменский набор. Например, перлюстрация писем. Так называемая военная цензура. Сколько они на этой основе людей пересажали — не счесть. Среди них, между прочим, Александр Исаевич Солженицын.

Теперь родство с Леонидом Ильичом Брежневым. Действительно, интересно! Сергей Кузьмич — свояк главы государства, то есть женат на сестре жены Леонида Ильича. Дружат, как говорят в России, семьями. В КГБ был на должности первого заместителя Андропова (о котором, кстати, я ничего не знаю, кроме тех биографических скупых данных, которые очень редко попадают в советскую прессу; в том же положении мои коллеги из прочих зарубежных газет. Да и из российских). То есть Сергей Кузьмич Цаган в империи под названием «Лубянка» око Генерального секретаря ЦК КПСС, надсмотрщик над Председателем КГБ и информатор о происходящем в зловещем ведомстве. Данные, так сказать, из первых уст.

— Есть за что Юрию Владимировичу ненавидеть своего первого зама,— сказала Вика.

— Вот он и организовал Цагану «самоубийство»! — раздраженно, зло, почти выкрикнул Гарик Сапунов, остервенело крутя баранку своего «Москвича» — на этот раз он шел на обгон черной «Волги».

— Не думаю,— спокойно сказал Николай Кайков, полез в карман пальто за пачкой сигарет, чтобы снова закурить, но, слава Богу, передумал.— Андропов так грубо не работает. Во всяком случае, пока не замечалось. Вообще шеф нашей тайной

полиции — загадка. А ведь он на своей должности — пятнадцать лет...

— В конце концов,— раздраженно спросила Вика,— что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать,— последовал невозмутимый ответ,— что у Андропова есть масса других, более изящных, даже деликатных способов достать Сергея Кузьмича. И я подозреваю, что причина его скоропостижной кончины в «бриллиантовом деле»...

— То есть здесь замешана дочь Брежнева? — вырвалось у меня.

О пристрастии Галины Леонидовны к бриллиантам и прочим драгоценностям знала, как любит выражаться Вика, «вся Москва». Да и я сам имел возможность убедиться в этом... Но прочь, прочь это фантастическое воспоминание! Потом...

— «Бриллиантовое дело» и Галина — понятно,— сказал я, проглотив нервный комок, застрявший в горле.— Но при чем тут Цаган?

— Андропов поручил вести это дело, когда на него вышли люди Шестого управления КГБ, своему первому заму, и тот не знал, к кому ведут нити этого дела...

— А Андропов знал? — перебил я.

— Допускаю, знал.

— Ну и?..— торопил я.

— Я могу только предполагать,— сказал журналист «Вечерней Москвы».

— Конечно, знал! — рявкнул художник-абстракционист. Он слегка расслабился за рулем: черная «Волга» осталась далеко позади, мы теперь медленно плелись, зажатые со всех сторон, впереди смутно маячило высотное здание Министерства иностранных дел Советского Союза, еще несколько минут — и мы на Садовом кольце, а там до нашей цели рукой подать.

— Так все-таки, Коля,— настаивал я,— знал Андропов или не знал?

— Потерпи. Мы тебе в Доме журналистов подготовили встречу с одним... Сам понимаешь, с кем. У него, думаю, информация на сей счет конкретная. Только уж извини: эти субъекты — не мы. У них незыблемое правило: «наш товар — ваши бабки».

— Это мне известно,— усмехнулся я.

При развороте на Садовое кольцо мы попали в пробку. Снег за окнами «Москвича» валил не переставая.

— Тогда что-нибудь о личности Сергея Кузьмича Цагана,— попросил я.— Интеллект, пристрастия, пороки. Портрет, наконец.

Вика засмеялась.

— Ты что? — спросил я.

— Так... Ладно, начнем с интеллекта. Сергей Кузьмич, помимо служения родине на невидимом фронте, не менее страстно служил музам.

— То есть? — не понял я.

— Он литератор, «пи-са-тель». Сочетал службу в органах с писанием романов на военную тему. Штук пять, наверно, накропал. Я не читала, названий не помню. Заглянула однажды в один, в журнале «Знамя» публиковали,— через пятнадцать минут бросила. Тупая солдафонская графомания. И еще он сценарист, по его сценариям несколько фильмов снято, тоже на военную тему. Подожди... Два помню. «Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта».

— Не фильмы — дерьмо,— сказал наш водитель.— Бредятина.

Мы наконец поехали и выбрались на Садовое кольцо.

Я взглянул на часы — было двадцать две минуты одиннадцатого.

«Полный цейтнот,— подумал я.— Не успею. Ничего. Посидит Гаррисон в редакции час, ничего не произойдет. В Штатах рабочий день только начинается».

— Свои романы он подписывает... подписывал,— поправилась Вика,— собственным именем, а сценарии — псевдонимом «С. Днепров». И еще у него псевдоним есть — «С. Мишин». Под ним он скрывался в качестве консультанта от КГБ в титрах фильмов о наших славных чекистах. Вот такой всеядный джентльмен.

— Скотина,— процедил сквозь зубы Гарик Сапунов.

— О покойниках или ничего, или хорошо,— сказал Николай Кайков. Он все-таки закурил свою очередную сигарету.

В машине дышать было нечем. Я чуть опустил стекло — вместе со струей свежего воздуха — если можно так назвать часть воздушного океана на Садовом кольце Москвы,— в салон «Москвича» залетел рой снежинок. (До революции по обеим сторонам Садового кольца,— мне рассказала об этом мама Вики Мария Филипповна,— росли вековые липы.)

— Так что наш герой был вхож в московскую богему. В ЦДЛ и ЦДРИ, в Домжуре своей человек. Правда, у него, как говорится, своя компания... Фу-ты, черт! Была своя компания. Ну, а пороки, как ты говоришь,— выпить не дурак, знал толк в лучших отечественных и французских коньяках, девочками, несмотря на свои годы, увлекался. Что еще? Охота со всем подобающим антуражем для избранных его ранга. Да! Чуть не забыла. Страстный преферансист. И игру любил по крупным ставкам. Словом, чекист азартный. А портрет...—

Вика опять как-то странно засмеялась.— Ты что, не помнишь? Ведь тебя с ним знакомили. Ну, ну! Напрягись. Или ты совсем обалдел в той антикварной квартире от экстравагантной дамы, ее фактической хозяйки? И забыл о тучном пожилом господине в добротном английском костюме и галстуке бабочкой? Он еще предложил тебе быть четвертым в партии преферанса...

— Это был он?! — ахнул я.

— Да, это был он. Его Леонид Ильич приставил к необузданной дочке, приглядывать по-родственному, если возможно, удерживать ее... Как сказать? Удерживать в утолении страстей.

Я молчал, совершенно ошарашенный. Надо же! Нет, от фантастического воспоминания не отделаться...

...Когда это было? Кажется, летом прошлого года. Или осенью? Да, осенью: бульвары и скверы Москвы сбрасывали листву, багряно-желтую, бледно-желтую. Дворники листья сгребали в огромные кучи и поджигали. Пахучий дым, лиловость московских улиц, полуобнаженные деревья Гоголевского бульвара (наше частое место встреч — выход из метро «Кропоткинская». Вика живет рядом, на Сивцевом Вражке). Да, я люблю столицу России.

В тот осенний день мы спешили в концертный зал гостиницы «Россия». Добирались подземкой. Мой «мерседес» был на профилактике.

— Идем на Роберта Янга! — торжествуя, сказала мне Вика по телефону.— Билеты достала по великому блату. У Янга всего два концерта в Москве.

Благодаря Вике я всегда в курсе концертно-музыкально-театральной жизни Москвы. Да и художественной тоже. Моя русская избранница таскает меня в театры на самые крамольно-знаменитые спектакли, на выступления лучших симфонических оркестров страны, на концерты местных и заезжих знаменитостей, на художественные выставки, вернисажи, часто полуподпольные (на одном из них я познакомился с Гариком Сапуновым).

Но я не особый любитель современной эстрадной музыки, всех этих групп, ошеломляющих зал грохотом своих инструментов, световыми эффектами, заводящих слушателей бешеным ритмом. Очевидно, эта музыка молодых — способ их самовыражения. А когда тебе тридцать четыре... Впрочем, Вика — а ей двадцать девять,— заводится, как говорят в России, с полуоборота, беснуется с восемнадцатилетними юнцами и девицами на равных, входя, как мне кажется, в опасный экстаз, явно получая удовольствие от этого состояния. Она

на глазах превращается в совсем молоденькую девушку, и окружающая публика вокруг Вики, в такт приплясывающая, размахивающая руками, подпевающая, принимает ее за свою. И я любуюсь в таких случаях Викой. Собственно говоря, на подобные концерты я и хожу с этой тайной целью: любоваться своей женщиной во время эстетического экстаза.

Концертный зал гостиницы «Россия», один из самых престижных в Москве, был заполнен до отказа, и здесь была конечно же «вся Москва». Вика показывала мне знаменитостей, многих из которых я уже визуально знал.

Наши места оказались в четвертом ряду, чуть правее сцены.

Началось первое отделение. Роберт Янг и его группа мне понравились. В его песнях, в их оранжировке присутствовал некий академизм, зрителям оставлялись...— как точно сказать? — мгновения для размышлений, ассоциаций. Наверно, так.

Постепенно, после четвертой или пятой песни, зал начал заводиться.

И тут я обратил внимание на зрителя во втором ряду, занимавшем место в самой его середине. Он просто не мог не привлечь внимания. Я заметил, что и окружающие больше смотрят на него, чем на сцену. Некоторые женщины перешептывались, и на их лицах я видел восторг, смешанный с непонятным страхом.

Это был молодой человек лет тридцати, стройный, картинно красивый, со смуглым, пожалуй восточным, лицом, к густым, слегка вьющимся волосам давно не прикасалась гребенка, и эта небрежность, как бы невнимание к своей внешности придавали ему особый шарм. Иногда он оборачивался, кому-то знакомому или знакомой улыбался, и все видели его ослепительно белые зубы, зеленоватые живые глаза, полные огня и движения. Но больше всего меня поразила рубашка этого джентльмена. На нем была черная шелковая рубашка с открытым воротом, отороченным множеством драгоценных камней. Я не особый знаток, но рубины и бриллианты определил сразу.

После каждой песни экзотический молодой человек вскакивал, неистово аплодировал, вопил «Браво!», выкрикивал какие-то невнятные английские слова, буйный, необузданный темперамент вулканически рвался из него. Зрители утихали, а он все стоял, аплодировал, хлопая просто оглушительно в затихшем зале, и Роберт Янг почтительно кланялся лично ему. Мне даже показалось, что они знакомы.

— Кто это? — спросил я у Вики шепотом.

Она нагнулась к моему уху:

— Борис Буряце. Или Бурятовский. Его называют так: Борис Цаган.

— Но все-таки кто он такой? Чем занимается?

Вика прыснула, и на нее оглянулась соседка, чопорная седая дама в платье с декольте; ее дряблую морщинистую шею украшало колье с каким-то розовым драгоценным камнем, внутри которого мерцал таинственный свет. Вообще в этом зале женская ее половина демонстрировала огромное количество драгоценностей. Видно, больше негде, как говорят русские, себя показать и других посмотреть.

На сцене возникла пауза — то ли что-то со светом, то ли с микрофонами.

Вика, ехидно улыбаясь, опять прошептала мне в самое ухо:

— Ты спрашиваешь, чем Борис занимается? Он занимается любовью с Галиной Брежневой, Борис Цаган — ее любовник.

— И в этом зале все об этом знают?

— Ну... Не все, но многие. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

— Вы что...

— Господи! — перебила Вика, и опять на нее зло посмотрела седая соседка.— Была с ним раза два в компаниях. Выпивали, треп о чем-то. Да он контактный парень, проблем не будет.

...В антракте, когда мы появились в фойе, я сразу увидел Бориса Буряце. Он стоял у стены, разговаривая с низеньким лысым господином в черной тройке, и видно было, что разговор этот ему скучен и неинтересен. Лысый ретировался мелкими шажками, и вокруг Бориса образовалось небольшое пустое пространство, хотя в фойе была порядочная теснота.

Взоры почти всех, кто находился рядом с пустым пространством, были обращены на любовника Галины Брежневой; хотя многие старались смотреть на него украдкой, словно опасались чего-то.

Вика крепко взяла меня под руку, и мы направились к Борису Буряце, который, увидев нас, быстро пошел навстречу, сияя в улыбке ослепительными зубами.

— Виктория! Победа! — Голос у него был густой, глубокого тембра, приятный.— Давненько, давненько... Рад видеть!

Они легко обнялись и, я бы сказал театрально, обменялись поцелуями в щеки. У русских это проявление самой горячей симпатии.

Я тут же был представлен.

— Журналист! Штаты! Чудно! — Пожатие его руки было крепким и энергичным.— Артур! — Он повернулся к Вике.— Как ты его зовешь?

— Арик.
— Арик, организуйте мне поездку в Штаты. Все расходы, естественно, беру на себя. И сверх того.— Он подмигнул мне, в его глазах мгновенно промелькнуло напряжение и тут же растаяло в их глубине.— Шучу, шучу.— Он кому-то приветливо помахал рукой.— Вот что, ребята... Есть предложение. После концерта едем ко мне. Собирается небольшая компания. Вам, Арик, будет особенно интересно. Надеюсь на визит одной знатной дамы.— И тут по его лицу скользнула темная тучка: все как бы померкло — блеск глаз, улыбка... Или мне показалось? — Принимается?
Вика вопросительно смотрела на меня.
— Принимается,— сказал я.— Профессия обязывает.
— Тогда следующим образом. После концерта жду вас у своего «мерса». Помнишь его? — Он теперь подмигнул Вике, и я ощутил, наверно, беспричинный укол ревности.
— Как забыть? — засмеялась Вика.
Мы еще поболтали о каких-то пустяках, Вика спросила у Бориса, не сможет ли он достать нам билеты на полузапрещенный спектакль в МХАТе «Так победим!» (пока были только закрытые показы, вокруг спектакля, где Ленин, уже совершенно больной, вроде бы подводит итоги своей жизни, шла, по слухам, борьба на самом верху).
— Без проблем,— легко сказал белозубый красавец.— Жду! Простите, мне за кулисами надо повидать одного человечка.
И он покинул нас, удаляясь легкой, быстрой походкой.
После концерта мы отстояли порядочную очередь в гардеробе, а Борис Буряце, сказала мне Вика, раздевался, как всегда, в какой-нибудь артистической уборной и уже наверняка ждет нас.
Так и оказалось. Спустившись вниз на стоянку машин недалеко от набережной Москвы-реки, мы увидели Бориса возле роскошного «мерседеса» зеленого цвета. Он выглядел принцем среди толпы заморышей — «Жигулей», «Москвичей», нескольких «Запорожцев». Любовник Галины Брежневой стоял возле машины в летнем длинном пальто самого модного покроя и приветливо махал нам рукой.
В салоне машины витал легкий запах дорогих мужских духов. Сев за руль, Борис врубил музыку, спокойную и тихую. Мы с Викой разместились сзади, и моя женщина тут же придвинулась ко мне, положила голову на плечо. Борис, взглянув на нас в зеркальце, сказал:
— Отлично смотритесь. Вы замечательная пара.
Я обратил внимание на интересный факт: когда мы выбирались со стоянки, дежуривший милиционер отдал Борису Буряце честь. То же повторилось в центре Москвы — наш

водитель не соблюдал никаких правил движения,— на перекрестках гаишники приветствовали зеленый «мерседес», я, признаться, совсем обалдел: «Ну хорошо, любовник дочери главы государства. Так это, наоборот, скрывать надо...»

А Борис, легко, небрежно ведя машину, опять болтал о пустяках: ставки на скачках, театрально-киношные сплетни, ожидается выставка шедевров Лувра в Пушкинском музее. Вдруг, без всякой паузы, рассказал анекдот:

— В Москве зафиксировали слабое землетрясение. Стали искать эпицентр, откуда толчки пошли. Обнаружили: спальня Леонида Ильича Брежнева. В платяном шкафу с вешалки упал пиджак со всеми орденами Генерального секретаря нашей любимой партии.

Вика хохотала, лукаво посматривая на меня.

Очень скоро мы оказались на улице Чехова, въехали под арку во двор, припарковались среди не менее роскошных машин иностранных марок; стояла тут одна темно-серебристая «Чайка». Сторож или охранник, очень вежливый, сказавший всем нам: «Добрый вечер, товарищи». В просторном холле первого этажа консьержка, мне показалось — наверно, показалось! — в кителе военного покроя, с замкнутым, настороженным лицом, но тоже весьма вежливая. «Здравствуйте! — Голос с прокуренной хрипотцой.— Милости просим».

Пока мы поднимались в лифте, Борис взглянул на ручные часы:

— Сейчас без четверти одиннадцать. Гости начнут съезжаться через полчаса. А вы, Арик, пока осваивайтесь у меня. И мы, если вы не возражаете, поговорим о деле.

«О каком деле?» — хотел спросить я, но сдержался.

Не помню, кажется, мы оказались на пятом или шестом этаже.

Борис не стал открывать дверь ключом, позвонил.

Дверь распахнулась, в ее проеме стоял молодой человек в белом сюртуке, в черных брюках и с черной бабочкой. «Официант из ресторана»,— догадался я. Так и оказалось.

— Добрый вечер,— сказал он всем нам, принимая плащ у Вики.— Сделано по твоему вкусу, Боря. И мы с Сержем сейчас же сваливаем. Нам обслуживать банкет Алика и Гоги, у них сбор в двенадцать.

— Хорошо. Спасибо, Жора.— Они обменялись рукопожатиями.— Дуйте. Вы на колесах?

— А ты что, «тачку» Сержа не видел? У милицейской будки?

«Надо же! — подумал я.— С челядью на «ты»...

— Завтра рассчитаемся.— Он хлопнул Жору по плечу и повернулся к нам: — Прошу!

Мы оказались в большой, просто огромной комнате. В центре ее был накрыт длинный стол персон на десять — двенадцать. Он буквально ломился от изысканных закусок, бутылок и графинов; в высокой вазе — букет темно-алых роз. Второй официант, который что-то поправлял на столе, молча поклонился и вышел из комнаты.

— Я отлучусь ненадолго,— сказал хозяин квартиры.— Провожу мальчиков.

Мы с Викой остались одни.

И у меня буквально разбежались глаза. Я не мог оторвать взгляда от стола, который являл произведение подлинного искусства: тарелки с изображением пастушеских пасторалей XVIII века, явно из антикварного фарфорового сервиза, серебряные ножи и вилки (серебро тоже было старинное, темное, с тускло-розоватым оттенком); хрустальные бокалы и рюмки, которые были как бы из одного семейства с великолепной хрустальной люстрой, которая нависала над столом, и во множестве ее подвесок отражались, мерцали голубые огоньки. На продолговатых блюдах были художественно разложены тонко нарезанные типично русские закуски: севрюга горячего и холодного копчения, нежно-розовая семга, белорыбица, селедка, украшенная репчатым луком; копченые и вареные колбасы нескольких сортов (я отметил свою любимую, языковую, с тонкими ободками сала; по-моему, только в России и делают такую колбасу). Несколько сортов салата, свежие помидоры, огурцы, зелень, восточные соления. Крабы, замысловатой фигурой разложенные на подносе, с таким расчетом, чтобы каждую ее красно-белую часть можно было подцепить вилкой, не нарушая всей фигуры, отдаленно напоминающей не то рыбу, не то осьминога. В вазах фрукты — яблоки, апельсины, киви, виноград, ананасы, разрезанные продолговатыми бледно-розовыми дольками, и каждая ваза — изысканный, виртуозный натюрморт. Коньяки, настойки, сухие и крепленые, отметил я, все были советского производства. А водки, наверняка нескольких сортов, подадут на стол прямо из холодильника — эту русскую традицию я давно усвоил.

«Да тут готовится прямо царский пир,— подумал я.— Калигуловский. В то время как в московских магазинах...»

Вика не дала мне довести до конца возникшее горестное сравнение. («Для какой-нибудь статьи пригодится»,— успел подумать я.)

— Что ты вперился в это обжорное безобразие! — прервала мои рассуждения Вика.— Ты посмотри вокруг.

Действительно... Это был антикварный художественный салон, как где-нибудь на Елисейских полях или на Пикадилли.

Все стены увешаны старинными картинами в тяжелых золоченых рамах — портреты (я узнал Петра Первого, Екатерину Великую, Николая Второго, пейзажи вроде бы Левитана).

— Это Левитан? — спросил я у Вики, рассматривая печальный закат над ржаным полем и отблески солнца на макушках берез.

— Левитан,— ответила Вика, и в голосе ее было плохо скрытое раздражение. Даже злость. Она тихо повторила с ожесточением: — Левитан, Левитан!..

Без всякого сомнения, все произведения живописи были подлинниками. Еще на стенах красовались древние иконы в серебряных окладах с драгоценными камнями в них.

«Тут несметные богатства,— подумал я.— Да кто же он такой, этот Борис Буряце? Ведь не привалило же ему все это только за то, что он любовник Галины Брежневой?»

— Ты посмотри под ноги,— сказала мне Вика.

Ничего себе! Я сразу не обратил внимания. Весь пол огромной комнаты был застелен толстым персидским ковром, с причудливыми узорами, ажурным орнаментом, под дробящимся светом люстры он искрился и переливался.

А вдоль стен выстроилась антикварная мебель в великолепном состоянии (над ней, похоже, совсем недавно поработали мастера-реставраторы высшего класса): старинные диваны и кресла, обтянутые лиловым велюром, резные, из красного дерева, буфеты, горки, за тусклыми стеклами которых выстроились фарфоровые вазы, фигурки животных и людей разных сословий российского общества XVII—XVIII веков, серебряные изделия, изящные статуэтки из кости и мрамора.

— Да,— весело, легко, даже беспечно сказал за нашими спинами Борис Буряце, появившийся совершенно бесшумно.— Кое-что имеем. Вот эта полка — обратите внимание! — все Фаберже. Ни единой подделки. Проверено лучшими специалистами Алмазного фонда. А вот серебряный сервиз из царских коллекций. Часть этого добра по наследству от матушки получил, ведь я цыган, а матушка была...— Он засмеялся, сверкая зубами.— Как сказать? Цыганской княгиней, что ли. Остальное сам достал.— Борис повернулся ко мне: — Знаете, Арик, в России все лежит на поверхности. Надо только уметь взять. А теперь, ребята, в следующую комнату. Думаю, тоже интересно. Прошу!

Мы с Викой последовали за хозяином квартиры, очутились в коридоре перед дверью, наверно, из дуба, с причудливой резьбой, с ручкой в виде серебряной рыбки с задранным

вверх хвостом. Эту дверь Борис открыл ключом. И, пропуская нас вперед, торжественно и с явной иронией в голосе сказал:

— Спальня! Приют любовных нег.

Центром спальни была кровать невероятных размеров, придвинутая изголовьем к глухой стене. Она была с высокими спинками овальной формы, инкрустированными вырезанными из дерева дубовыми листьями, которые покрывала позолота, и каждый лист блистал, как новый. Над кроватью — на ней свободно разместилось бы человек шесть — витал воздушный балдахин из полупрозрачной бледно-коричневой ткани. Вообще, если память мне не изменяет, весь тон спальни был бледно-коричневым. Из-под атласной подушки торчал женский черный лифчик, весьма прозрачный. Борис выдернул его и бросил в дальний угол.

— Издержки холостяцкой жизни,— сказал он.— Извините.— И почему-то вздохнул.

В правом углу стоял довольно аляповатый комод из карельской березы.

— Сейчас я вам покажу нечто...— таинственно сказал хозяин квартиры.

Он выдвинул средний ящик, и у Вики невольно вырвался возглас изумления. На черном бархате были разложены серебряные и золотые браслеты, серьги, заколки, броши, кольца, перстни с драгоценными камнями.

— Это бриллианты,— пояснял Борис.— Это сапфиры. Рубины и изумруды высшей пробы.

Все украшения были изумительны, но мне показалось, что налета старины на них нет, сделаны они недавно, во всяком случае, в наше время. Но спросить, прав ли я в своем предположении, я не решился.

— Это еще не все...— В голосе Бориса почувствовалось напряжение, будто он колебался в чем-то. Возникла небольшая пауза. Потом он засунул руку в глубь ящика и извлек оттуда замшевый мешочек.— Идите сюда!

Мы подошли к трюмо, стоящему в левом углу спальни. Борис на тонкое стекло высыпал содержимое мешочка, включил лампу, неприметно вмонтированную в боковую панель трюмо. Перед нами заискрилось, переливаясь таинственными отблесками, несметное богатство. Опять браслеты и кольца, серьги и броши, заколки, перстни, это были явно старинные изделия, тоже из золота и серебра, и вокруг них ощущалась... не знаю, как сказать точно. Ощущалось какое-то бремя, тяжесть веков. Может быть, преступлений. Некая гнетущая аура возникла над этими изумительными изделиями, и от них невозможно было оторвать взгляда...

— Все эти штучки,— сказал хозяин квартиры совсем прозаично, даже со скукой,— принадлежат не только мне, но и еще одной знатной даме. Вы догадываетесь, кто она. На равных. Фифти-фифти.

«Для чего он все это нам показывает? — посетила меня тревожная мысль.— И прежде всего — мне?»

Между тем наш гостеприимный загадочный хозяин, спрятав драгоценности, распахнул две двери в стенах справа и слева от кровати.

— Надо уж экскурсию по спальне,— сказал он,— довести до конца.

Вспыхнул свет в двух роскошных ванных. Одна была облицована голубоватым кафелем, и в каждой плитке изображалась обнаженная любовная пара, совокупляющаяся в разных позах. Огромная ванна здесь тоже была голубая. Во второй ванной кафель оказался черным и черной была ванна. Ее наполняла вода, и в ней плавали три темно-алые розы.

— Любимые цвета сами понимаете кого,— пояснил Борис, и в голосе его я совсем явно почувствовал напряжение.— Есть еще одна комната... Но это скорее склад, черт бы его взял.— Он ненадолго задумался.— Вот что... Виктория, у меня к тебе просьба. Мальчики не успели нарезать хлеб. Все необходимое на кухне. Я тебя очень прошу, пожалуйста!

— С огромным удовольствием! — В голосе Вики прозвучало облегчение.— Я уже обалдела от этой роскоши. А хлеб... Это так естественно, необходимо... «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

И Вика вышла из спальни.

— С характером,— усмехнулся Борис Буряце.— Пошли, Арик. Я вам покажу третью комнату. Там и поговорим.

Мы прошли по коридору. Опять такая же дубовая дверь. И снова ее хозяин квартиры открыл ключом. Вспыхнул яркий свет.

Мы действительно попали на склад. Эта комната по размерам была ничуть не меньше гостиной, в которой накрыт стол для гостей. Вдоль стен шли сплошные стеллажи, заставленные банками консервированных продуктов лучших продовольственных фирм США, Англии, ФРГ, скандинавских стран. Отдельно стояли бутылки, тоже со всего света: виски, коньяки, водка, джины, лучшие вина. В этой дьявольской квартире можно было бы прожить долгие годы, не выходя из дома.

Мною окончательно овладело чувство нереальности, абсурдности, опять не подберу слов, которыми можно определить то мое состояние.

А Борис, оседлав простой канцелярский стул, между тем говорил:

— Я вообще предпочитаю импортные продукты. Конечно, и у нас то, что делается по спецзаказам для Кремля,— высшей марки. Только доставать — время жалко. А время, Арик,— деньги. Верно?

— Верно,— согласился я.

— Сейчас! — Мой экскурсовод что-то заторопился.— Доведем дело до конца. Последние экспонаты.

Вдоль одной стены стояли три больших металлических контейнера — в таких перевозят товары в магазины. В первом висели мужские костюмы, пальто разного кроя и цвета, дубленки...

Во втором контейнере висели дамские пальто и дубленки, платья, костюмы, блузки, юбки, куртки... В третьем было намешано всего так много, что рябило в глазах.

Мое состояние сразу заметил обладатель всего этого барахла, стал закрывать контейнеры.

— Вот держу на черный день,— сказал он.— Правда, хлопот полно, приходится постоянно обновлять ассортимент, за модой гнаться. Как у нас говорят, хочешь жить — умей вертеться. Вот что, Арик, идемте-ка сюда.

Он увлек меня за один из контейнеров. Здесь стоял маленький круглый стол, два старых продавленных кресла, старый замызганный холодильник «Саратов», примитивная тумбочка, какие я видел в советских больницах у кроватей страждущих.

— Садитесь, Арик. Давайте выпьем по глотку. Не возражаете?

— Не возражаю,— ответил я.

Он извлек из тумбочки два простых стеклянных стакана, из холодильника начатую бутылку «Джонни Волкер».

— Чем-нибудь закусите? — спросил Борис.

— Необязательно,— сказал я.

— А я вот маслинками.— Он поставил на стол тарелку с несколькими маслинами, которые от холода слегка сморщились и ссохлись.— Вилок здесь у меня нет. Придется, уж извините, пальцáми. По сто грамм?

— Мне пятьдесят.— Я показал пальцем, до какого уровня в стакане мне налить.

Разливая, Борис сказал:

— Между прочим, говорят, «Джонни Волкер» любимый напиток нашего главного жандарма Юрия Владимировича Андропова.

Я промолчал, подумав: «Это определение шефа КГБ неспроста».

Мы чокнулись.

— У меня к вам, Артур, серьезное предложение. На концерте Роберта Янга я вам не просто так это сказал.— Он выдержал паузу.

— Что «это»? — спросил я.

— Я на самом деле прошу вас организовать мне выезд в Штаты.

— В каком качестве? — спросил я.

— В качестве певца. Гастроли. Ведь я, Арик, неплохой певец, начинал на подмостках московских кабаков, цыганские и псевдоцыганские романсы.— Он пропел великолепным баритоном: «Скатерть белая залита вином...»

— Да зачем вам уезжать от всего этого? — перебил я, обведя комнату рукой.— Ведь, если я вас правильно понял, вы хотите остаться в Штатах?

— Хочу! — прошептал Борис.— Хочу... А это все — золотая клетка... Я цыган! Я хочу воли, свободы!.. Она собирается пропихнуть меня в Большой театр, солистом, чтобы окончательно привязать к себе и к этой стране, будь она проклята! И надо скорее, скорее бежать отсюда!..— Лицо моего собеседника потемнело и ожесточилось.

— Почему? — спросил я.

— Почему? — Он пристально смотрел мне в глаза.— Потому что папа в любой момент может сыграть в ящик...

— Папа — это кто? — перебил я.

— Леонид Ильич Брежнев. Кто же еще? — понизил голос Борис.— Удивляюсь, как он еще тянет. Уж я-то его лицезрею вблизи достаточно часто. Мне его жалко, поверьте. Они его держат на стимуляторах. Хрен его знает, как это называется. Но все равно, в любой момент он может отбросить копыта. В любой! И тогда... Фенита ля комедиа.

— То есть? — спросил я.

— То есть, Арик, на второй день после кончины Леонида Ильича Галину возьмут за одно место не больно, но крепко...

— Кто возьмет? — перебил я.

— КГБ, Андропов, еще несколько старцев из Политбюро. Ведь там у них своя грызня за престол. Грызня не на жизнь, а на смерть. Кстати, мою красавицу могут поприжать и до кончины папы. А прижать есть за что. Все это...— он обвел руками комнату,— если честно, скорее принадлежит ей, а не мне. Или опять же: фифти-фифти. В случае подобного развития событий Галина, естественно, отделается легким испугом и большими скорбями. Потому что все, что вы видели в этой квартире, развеется как дым. А меня раздавят, аки муху. Или, по старой терминологии, обратят в лагерную пыль. Вывод, Арик? Вывод единственный: линять! Линять

как можно быстрее. Вот я к вам и обращаюсь: помогите! Помогите устроить гастроли в Штатах!

Я молчал.

— Все в этой квартире я вам показал с единственной целью,— продолжал Борис.— Любые деньги! Любые! Вы соглашаетесь, и завтра все, что здесь находится, я превращу в валюту. Потребуется только операция по ее переводу на счета западных банков. План, как это сделать, у меня есть, надежные люди тоже.— Он опять смотрел мне прямо в глаза, и что-то гипнотическое было в его немигающем зеленом взгляде.— Соглашайтесь, Артур, и вы будете обеспечены на всю жизнь. Мы с вами припеваючи заживем где-нибудь на Канарах. Захотите — вызовем туда Викторию. Я вижу: у вас любовь, у вас настоящее...

— Я не смогу вам помочь, Борис,— сказал я.

Его лицо потемнело.

— Вы не отказывайтесь сразу, подумайте. Давайте встретимся через пару дней.

— Нет, Борис,— твердо повторил я.— Извините.

— Вам налить еще? — Казалось, он стал прежним: раскованным и гостеприимным.

— Пожалуй.

Он налил в захватанные граненые стаканы «Джонни Волкер» — мне пятьдесят граммов, себе сто. Мы чокнулись.

— Будем жить! — сказал прежний Борис, веселый, свободный, контактный.— Будем жить дальше!

Мы выпили. Борис жевал маслину, с аппетитом причмокивая, а я думал: «Он уже ко многим обращался с подобной просьбой, раз так прицепился ко мне. И все ему отказали. Потому что от КГБ не уходят. Они достанут любого — и везде».

Борис насторожился:

— Звонят!

Я ничего не слышал.

— Сейчас гость ринется косяком. Идемте! — И пока мы шли по коридору, он говорил: — Сегодня публика особая. Почвенники, русские патриоты, по-старинному — славянофилы. Поэтому и стол — под их вкус. Пусть погурманничают на российских харчах. Да еще...— Он засмеялся.— Это сладкое слово — халява.— Борис обнял меня за плечи.— К вам, Арик, не относится.

В передней уже раздевался респектабельный господин в черном строгом костюме английского покроя и был мне представлен как замминистра, кажется, какого-то строительного министерства.

В дверь опять звонили.

Гость действительно пошел косяком. Возбужденные голоса, смех, приветствия, объятия с поцелуями по русскому обычаю, к чему я никак не могу привыкнуть; запахи дорогих духов.

Все друг друга знали. Борис Буряце, улыбающийся, быстрый, полный доброжелательства, представлял меня гостям, знакомил, в каждом случае находя шутливую или деловую фразу:

— Наш поэт (несмотря на достаточно долгое пребывание в стране, я с трудом запоминаю русские фамилии, а об отчествах и говорить нечего; однако имя поэта помню: Иван). Наш поэт имярек. Певец русской старины и славянской мощи. Вы, Артур, найдете в нем блестящего собеседника на тему российской истории, начиная от Рюриковичей и кончая нашей сумеречной эпохой.

— А эта актриса (такая-то), амплуа травести. Гроза мужчин. Катенька (вроде бы он назвал ее так), на Артура глаз не клади, хотя, понимаю, соблазн велик. Занято. Видишь вон ту красотку у окна, которая беседует с нашим экономистом. Идемте к ним, Арик, представлю. Он специализируется в вопросах военно-промышленного комплекса, советник министра обороны Устинова.

Там были три юные леди, просто красавицы в русском стиле; одну, помню, мне представили как помощника режиссера кинокартины, которая снимается на «Мосфильме» (что-то о славянских племенах во время крещения Руси); однако все они, по туалетам, по манерам, больше смахивали на валютных проституток из ночных баров «Националя» или «Москвы».

Еще помню, был там художник-реалист, певец ратных подвигов российского воинства — бородат, давно не брит, с хмурым взглядом острых серых глаз. Он всучил мне визитку, приглашал в свою мастерскую, надеясь на реализацию его творений. Художник сразу, без церемоний, перешел на «ты»:

— Твои интересы будут учтены. Договоримся.

Я так и не собрался в его мастерскую. А надо бы. Именно так: профессия обязывает.

Был там субъект явно уголовного типа, его хозяин квартиры мне так и не представил: крепок, узколоб, с короткой стрижкой густых светлых волос, в спортивном костюме цвета хаки, без галстука, пуговицы рубашки расстегнуты, и виднеется волосатая грудь, на безымянном пальце большая золотая печатка; потом за столом он не употребил и капли спиртного, только алчно и много ел, так что, как говорят русские, только скулы трещали. Вика прошептала мне на ухо, когда я ее спросил, кто это: «Главный сутенер в центре Москвы и

совладелец подпольного публичного дома на проспекте Мира». Двое мужчин мне были представлены по именам и отчествам, но выправкой, надменным видом, энергичным пожатием руки они явно тянули на службистов из Министерства обороны или Генштаба, причем в весьма больших чинах. И вот теперь вспоминаю: еще один господин тоже был в высоком ранге. Да его так и представил мне Борис Буряце:

— Генерал армии Сергей Кузьмич Цаган.

Передо мной стоял плотного сложения человек в отличном темно-сером костюме, сшитом явно в Париже или Лондоне, с галстуком-бабочкой под твердым подбородком. Ему было на вид лет шестьдесят, не больше. Крепко пожимая мне руку, он пристально посмотрел мне в глаза. Я встретил умный, проницательный взгляд. Он взял меня под локоть, отвел к эркелю, выем которого был задернут тяжелой бархатной портьерой, чуть отдернул ее край. В небольшом округлом пространстве стоял ломберный столик, на нем лежала нераспечатанная колода карт и большой лист белой глянцевой бумаги.

— Как вы насчет преферанса? — негромко спросил он.— У нас тут собирается компания для большой игры. Не хватает одного партнера. Через пару часов все разъедутся — и ночь наша. Как?

— К сожалению,— развел я руками.

Генерал опустил край портьеры и сразу потерял ко мне всякий интерес, хотя еще несколько минут мы говорили о чем-то. Не помню, о чем.

Гости, разбившись на группки, беседовали, смеялись, между ними порхал Борис Буряце, с ходу вторгаясь в разговор, и всегда, как показалось мне, кстати. Однако никто не подходил к столу и ко второму маленькому столику в углу, на котором стояла батарея раскупоренных бутылок.

В гостиной витал некий призрак напряжения, ожидания.

И вот в передней прозвучали два коротких требовательных звонка.

— Она...— услышал я испуганно-восторженный шепот одной из юных красавиц (для кого-то все они предназначались).

Хозяин квартиры ринулся открывать дверь.

Голоса смолкли. В комнате была полная тишина.

Дверь открылась, и в комнату, сопровождаемая Борисом Буряце, вошла Галина Брежнева.

— Какие люди! — сказала она улыбаясь; голос у нее был приятный, немного севший.— Лучшие люди Москвы...

— И всего Советского Союза! — подхватил хозяин квартиры.

К Галине Брежневой все кинулись разом, толкаясь; послышались приветствия. Похоже, она здесь всех знала.

— Здравствуйте, здравствуйте! — звучал ее голос.— Павлик, слыхала, у тебя появилась еще одна звезда на погоне? Поздравляю! А вы, красотки, все хорошеете? Это какие же у тебя духи, крошка?

Но никаких объятий, поцелуев, панибратства. Дистанция соблюдалась. Мужчины прикладывались к ручке, актриска-травести, маленькая, юркая, с острым носиком, чем-то похожая на Буратино, удостоилась прикосновения державной руки к своей румяной щечке.

— Смотри у меня, стрекоза! — шутливо сказала дочь владыки государства Российского, насупив густые черные отцовские брови.

— Смотрю! — пискнула актриска.

Все засмеялись.

И пока продолжалась эта, видимо, уже традиционная церемония, у меня было время рассмотреть Галину Леонидовну.

Она была эффектна, может быть, чуть-чуть вульгарна, но если это вульгарность, то она придавала ей только шарм. А вообще — классический образ бальзаковской женщины: высокая, стройная, немного полноватая. Густые каштановые волосы гладко причесаны назад. Они открывают чистый, без морщин, лоб. Живые, карие глаза, в блеске которых есть что-то неуловимо хищное. Прямой нос, ровные белые зубы. И еще я обратил внимание: гладкая, ухоженная кожа, на лице здоровый румянец, косметика употреблена минимально — немного подкрашены крупные чувственные губы, еле заметно подведены тушью ресницы.

— Сколько ей лет? — прошептал я Вике на ухо.

— За сорок,— тихо ответила мне Вика.— Может быть, сорок два.

Вот что удивительно! Сейчас я не могу вспомнить, как была одета Галина Брежнева. Только белая шелковая блузка, поднятая высокой грудью... Все мое внимание невольно сосредоточилось на украшениях, в которых эта женщина предстала перед гостями. Алмазы, рубины, изумруды... На открытой шее — колье из тончайшего серебра. А завершала все это неслыханное великолепие тяжелая золотая цепь, несколько раз обмотанная вокруг шеи, на которой висели массивные золотые часы дивной старинной работы.

И странное дело! — казалось бы: перебор, безвкусица, демонстрация богатства. Ничего подобного. Все это обилие драгоценностей непонятным образом сочеталось с обликом Галины Брежневой, подчеркивая ее незаурядность, экстравагантность.

...Наконец очередь дошла до нас с Викой.

— Вижу! — приветливо воскликнула Галина Брежнева.— Вижу, у нас новые лица.

Борис представил:

— Американский журналист Артур...

— Вагорски,— подсказал я.

— Артур Вагорски. И его подруга, тоже журналистка, только уже нашего разлива, отечественная, Виктория Садовская.

— Замечательно! Люблю красивых женщин.— Дочь главы Советского государства довольно фамильярно, но с явной симпатией потрепала Вику по щеке.

Я поцеловал Галине Брежневой руку.

— Вот! — сказала она.— Мужланы! Учитесь, как это надо делать. А то вы не руку лобызаете, а тыкнетесь носом, будто чего-то склюнуть с руки вознамерились, да еще норовите мои ноги рассмотреть. Все! За стол, за стол! Выпить хочется — страсть! — Она повернулась к Вике: — Я, Виктория, заберу на сегодня вашего Артура к себе, если не возражаете. Пусть он сидит рядом со мной.— Вика нервно передернула плечами. Галина Брежнева засмеялась, просияв ослепительными зубами.— А то и отобью. Я женщина лихая.

— Не выйдет, Галина Леонидовна,— очень серьезно и спокойно сказала Вика.— Он мой.

— Молодец! — сказала Галина Брежнева.— Девки! Где вы там? Учитесь. Вот как надо мужика держать.

И тут она повернулась к Борису Буряце, я увидел в ее глазах столько любви, нежности, страсти и страха (Какого страха? — думаю я сейчас. И понимаю: страха потерять его...), что мне даже стало неловко, что это проявление любви и страсти видят все присутствующие в комнате.

Галина Брежнева смутилась: щеки ее запылали.

— Все, все! За стол! — скомандовала она.

Галина Леонидовна оказалась во главе стола, я — по правую сторону от нее (Вика села рядом, и под столом я сильно сжал ее руку); по левую был допущен Борис, а возможно, это было его постоянное место.

— Приступаем! — возбужденно, с удовольствием сказала Галина Брежнева и повернулась ко мне: — Налейте, Артур, мне джина с тоником. Наши сыромяжные будут по водке ударять (запотевшие бутылки с несколькими сортами российской водки уже стояли на столе), а я предпочитаю заморские напитки, из крепких — джин и виски.

...А дальше было русское застолье — с тостами, здравицами (правда, после славословия в адрес женщин, и прежде всего, естественно, несравненной Галины; некоторые мужчины, и среди них Сергей Кузьмич Цаган, так к ней и обращались: Галя, Галина; после всего этого преобладала русская тема:

«За Россию!», «За нашу доблестную армию!», «Я предлагаю тост за гениального русского поэта Ивана — черт бы его взял! Так и не могу вспомнить фамилию,— певца мощи славянского духа!». Ну и тому подобное. Все громче звучали голоса, банальные и порой пошлые остроты, и все говорили разом). Много пили, много ели, постепенно натюрморты из яств, сотворенные на столе мальчиками-официантами, были разгромлены.

— На горячее,— перекрывая гвалт, крикнул Борис Буряце,— будут запеченные молочные поросята!

Грянули аплодисменты.

Кто-то порывался выступить с тостом о приоритете русской науки над западной в области космических технологий, но его никто не слушал.

Я заметил, как рука профессора-экономиста, преподавателя Высшей партийной школы, опустилась под стол и ухватилась за коленку помощницы кинорежиссера с «Мосфильма».

Словом, это застолье ничем не отличалось от тех, на которых мне приходилось бывать в Москве в разных компаниях, если, конечно, не считать обилия и изысканности напитков и закусок в квартире Бориса Буряце.

Мне запомнились только два эпизода этого застолья.

Через час примерно, когда публика дозрела до определенной стадии, начались анекдоты. Без них не обходится ни одна русская гулянка. Преобладали весьма скабрезные, но все от души хохотали, включая Галину Брежневу. После очередного анекдота она вдруг сказала:

— Теперь я вам расскажу. Политический.— За столом мгновенно стало тихо.— Про папашку. Значит, так. Какой-то там форум или конгресс. На самом высоком уровне: президенты, главы правительств. Советский Союз, само собой, представляет Леонид Ильич Брежнев. А тема — борьба за мир. Все на трибуне в один голос: «Мы за мир!», «Долой поджигателей войны!», и прочая такая хреновина. Ну и дают слово товарищу Брежневу. Он взгромоздился на трибуну.— И тут Галина Леонидовна поднялась над столом, набычившись, скособочилась, дернула крепким подбородком, став непостижимым образом похожей на своего отца.— Заглянул родитель в бумажки, которые ему написали, отложил их в сторону и говорит...— Галина Леонидовна пошлепала губами и голосом отца, имитируя его, с модуляциями, паузами, придыханием, произнесла: — «Нам нужен мир!» Тут папашка выдержал внушительную паузу и завершил речь: «Весь!»

Стол грохнул дружным хохотом. Громче всех смеялась Галина. Только один человек остался невосприимчивым к

этому юмору: насупившись, молчал Сергей Кузьмич Цаган, и лицо его окаменело.

Остается повторить: «Умом Россию не понять...»

А другой эпизод относится, если можно так сказать, ко второму отделению.

Был сделан перерыв, в деловых проворных хозяек превратились три юные русские красавицы: они быстренько убрали остатки холодных закусок, сменили приборы, рюмки и бокалы. Только выпивка осталась на столе, и добавились новые бутылки. Похоже, сценарий застолья хозяином квартиры был заранее разработан. Пока проходила смена декораций, я успел непринужденно побеседовать с профессором-экономистом, советником министра обороны СССР Устинова, и услышал кое-что о последних разработках русских специалистов в области стратегических межконтинентальных ракет. Эти материалы уже были в советской печати, хотя и для узкого круга, так что никаких военных тайн у рассеянного профессора я не выведывал, меня интересовали лишь некоторые детали. А рассеян во время краткого дружеского разговора мой собеседник был потому, что похотливым взглядом приглядывал за помощницей режиссера, сновавшей с подругами по хозяйству,— как бы кто не увел, не перехватил. От переживаний на этой почве он обильно потел и постоянно вытирал свой обрюзгший лик большим носовым платком.

Наконец в комнату вплыли три русские красавицы с подносами, на которых возлежали молочные поросята, с треснутой поджаристой корочкой, с маслинами в глазницах, украшенные зеленью.

Раздались аплодисменты, крики «Ура!».

Опять все за столом, наполняются рюмки и бокалы, громогласный клич: «У всех нолито?», «За здоровье нашей несравненной, дорогой, любимой Галины, гордости России!», «Люблю, когда нагло льстят прямо в морду», «Ура Галине!»

И, как говорят в России,— понеслась...

Весьма скоро и поросята были сокрушены, на подносах от них остались раскромсанные скелеты.

— На десерт,— прокричал хозяин квартиры (если он хозяин),— фрукты, мороженое, кофе, чай.

— Нет,— довольно капризно заявила одна из юных красавиц,— требуем духовной пищи. Боря! Тре-бу-ем!

— Тре-бу-ем! — подхватили за столом.— Тре-бу-ем!..

— Уважь народ, Боренька,— сказала Галина Брежнева и чмокнула своего избранника в щеку.— И меня уважь.

Все за столом стали неистово хлопать в ладоши. Пришлось присоединиться к этому неистовству, хотя я не понимал толком, что происходит.

Борис Буряце поднял руки, успокаивая публику. Стало тихо.

— Будет сделано,— тихо сказал хозяин квартиры.

На столе появились два старинных бронзовых подсвечника с горящими свечами. Языки огня колебались, возникали расплывчатые тени на картинах, фарфоровых статуэтках, старинных сервизах. Казалось, что стены комнаты ожили, отодвинулись. Нечто ирреальное было в неожиданно возникшем мире...

Появился Борис с гитарой в руках. Что-то затаенно-отрешенное увидел я в его лице. И опасное одновременно.

— Сначала мою любимую,— тихо сказала Галина Брежнева.

Борис ударил рукой по струнам, прозвучал мелодичный проигрыш. И он запел:

Скатерть белая залита вином,
Все гусары спят беспробудным сном...

Голос у Бориса был сильный, глубокий, полный скрытой страсти и огня:

Лишь один не спит, пьет шампанское.
За любовь свою, за цыганскую...

— Давай! Давай! — закричал Борис, продолжая играть на гитаре и коршуном кружа вдоль стола в стремительном танце, гибкий, стройный, демонический. И мириады огоньков то вспыхивали, то гасли в драгоценных камнях на его рубашке.— Все, все поют!

За столом все подхватили песню:

Очи черные, очи страстные,
Очи жгучие и прекрасные...

Я взглянул на Вику — она пела, полузакрыв глаза, с восторгом, самозабвенно, погружаясь, как и все за столом, в экстаз, мне непонятный:

Как боюсь я вас, как люблю я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час...

А в какой час я встретил тебя, моя грустная рыжая сказка, моя русская судьба?

Потом Борис Буряце пел одну за другой цыганские песни, без всякого перерыва, требовательным, нетерпеливым жестом обрывая невольные аплодисменты. Песни томительно-тягучие, от которых все вокруг как бы замедлялось, останавливалось, только бесконечная дорога петляла по российским равнинам, уходя к ускользающему горизонту, и цыганский табор шел по ней, исчезая вдали; то песня взрывалась бешеным, ураганным ритмом — гремел бубен, горели костры, пахло

жареным мясом и конским потом, молодые цыганки кружились в стремительном танце, вея длинными цветастыми юбками, и отблески огня плясали в их черных очах. В непонятном сладостном затмении кружилась голова, все смешалось в моем сознании: цыганки, томительная лунная дорога, завораживающий блеск женских глаз, молодой кудрявый Пушкин — почему Пушкин? Но я зримо видел его среди цыган в таборе, ночью, под черным южным небом, усеянным яркими звездами. Почему южное небо? «Эй, ямщик! Гони-ка к Яру! Не жалей, брат, лошадей!..» Старая Москва, сугробы, тройка, заиндевелые конские гривы. Как у них говорят? Трескучий мороз...

Цыганский хор, цыганская любовь...

Ни огня, ни теплой хаты...
Снег и снег. Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Боже, да что со мною?

Россия...

...Я почувствовал на своем плече руку Вики.

— Арик! Ау... Ты что? — прозвучал ее тихий голос.

— Ничего. Просто задумался. А в чем дело?

— Ты, наверное, пять минут сидишь с закрытыми глазами.— Вика уже громко продолжала: — Галина Леонидовна отдала приказ: «Американца не будить!»

Вокруг засмеялись. Я поискал глазами истинную хозяйку всего происходящего, но не обнаружил ее.

Со стола исчезли остатки молочных поросят, стол был накрыт свежей крахмальной скатертью, на нем стояли бутылки шампанского и высокие хрустальные фужеры на длинных ножках.

— Шампанское, друзья, шампанское! — весело говорил Борис Буряце.— Очень сближает.

Захлопали пробки из бутылок.

Мы с Викой выпили по бокалу охлажденного полусухого шампанского с маркой «Новый Свет» («Значит, крымское, голицынское,— успел подумать я.— Натуральное»), и Вика прошептала мне на ухо:

— Давай делать отвал. Уже скоро три. С тобой Борис уже поговорил?

— О чем? — не понял я.

— О своих проблемах.

— А!.. Да, поговорил.

— Вот и сваливаем. Мы на этом празднике жизни уже лишние.

В противоположном от нас углу комнаты у столика с бутылками, закусками и фруктами беседовали «мои генералы» (так я их назвал для себя), и лица у них были сосредоточенными. Ведь вся эта публика собирается не только для выпивки и жратвы. И даже не для преферанса. Тут вершатся большие дела.

Я оглянулся по сторонам. Сутенер и совладелец подпольного публичного дома что-то тихо разъяснял респектабельному замминистра некоего строительного министерства, и тот сдержанно кивал головой. Профессора-экономиста и помощницы режиссера не обнаружилось, отсутствовал и Сергей Кузьмич Цаган, но по некоторому шевелению портьеры, скрывающей ломберный столик, я понял, что он уже там. Художник-реалист с растрепанной бородой, в которой застряли крошки и кусочки закусок, мирно спал в кресле. Две оставшиеся русские красавицы щебетали с поэтом Иваном.

— Уйдем по-английски,— сказала Вика,— не прощаясь.

— Но хотя бы с Галиной Леонидовной,— начал было я, но Вика, улыбнувшись, еле слышно сказала:

— Примадонна уже в своих покоях. Наверно, приняв ванну и, может быть, уколовшись о шип розы, ждет под балдахином своего возлюбленного.— В ее голосе было непонятное сожаление и злость одновременно.

— Тогда пошли,— сказал я.

И тут же появился Борис Буряце, будто подслушивал нас:

— Вы что, друзья?

— Пора, пора! — пришла ему на помощь Вика.— Надо и честь знать. Спасибо, Боря! Все было потрясающе.

— Ну что же... Тогда... Сеня! — крикнул хозяин квартиры.

В комнате появился Сеня, крепыш лет двадцати пяти, низкорослый, широкоплечий, в кожаной черной куртке, со стертым не запоминающимся лицом.

— Отвезешь моих гостей,— сказал Борис.

— Нет проблем, командир.— Сеня мельком взглянул на нас.— Пошли.

В дверях, пожимая мне руку, хозяин квартиры (ее я не забуду до конца дней своих) сказал:

— Вы все-таки, Артур, подумайте. Есть над чем подумать. Скажем, недельку. Я вас через Викторию разыщу.

Но больше с Борисом Буряце мы никогда не встречались...

Сеня оказался владельцем почти новой «тойоты» синего цвета. Только правое переднее крыло чуть-чуть помято. Распахнув перед нами дверцу, он спросил:

— Куда ехать?

Я назвал адрес.

Всю дорогу Сеня не произнес ни слова. И мы с Викой молчали. Не знаю, как она, а я был просто подавлен впечатлениями от этого ночного застолья и ловил себя на идиотской мысли, что все это мне померещилось, потому что, как сказал какой-то русский классик, «так не может быть, потому что не может быть никогда».

Впрочем...

Мы стремительно мчались по осенней ночной Москве.

Пустынность, громады темных домов, редкие фонари. Ни одного прохожего на улицах. Только мигают светофоры на перекрестках; встречная милицейская машина. Редкие жалкие световые рекламы. Такое впечатление, что гигантская столица вымерла. Или оккупирована невидимой вражьей силой...

Но я-то знаю, за семь лет набрался опыта. Это в столицах прочего мира все на виду. Или почти все. Но и здесь, в Москве, есть эта «ночная жизнь», только она загнана глубоко в подполье. Бордели, обставленные по высшему классу, со всеми видами услуг, с дивами, которым и Париж позавидует. Игорные притоны — там идет игра по ставкам, на которые не решится иной миллионер, мой соотечественник. Воровские «малины», тайные дома свиданий, подпольные кабаки, где гульба идет всю ночь — со стриптизом, кабинетами, разборками мафиозных групп. И всю ночь работают подпольные цеха так называемой «теневой экономики», где дельцы невидимого бизнеса, тесно связанные с чиновниками самого высокого ранга, с членами правительства, с функционерами Центрального Комитета КПСС, с прокурорами, судьями, милицейскими высшими чинами (все они у них на содержании), куют свои несметные капиталы. А на загородных правительственных дачах, в привилегированных квартирах, таких, которую мы только что покинули (нет, в таких невозможно... но похожих), — пируют подобные компании, вершат свои дела, заключают сделки, считая себя, наверное, подлинными хозяевами этой несчастной страны...

Да, все это происходит сейчас, в этот момент, пока мы мчимся по пустой оккупированной русской столице, и «тойота» ныряет под мост, на котором написано аршинными буквами: «Партия и народ едины».

...Мы приехали. Сеня распахнул дверцу машины:

— Прошу!

— Спасибо.

— Не стоит.

Синяя «тойота», пыхнув дымком отработанного бензина, умчалась.

Вика устало провела рукой по глазам, сказала, зевнув:

— С ног валюсь. Сколько времени?

— Четверть четвертого.

— Загуляли.— Она внимательно, долго, с тревогой посмотрела на меня.— Ты ему отказал.

— В чем?

— Ты знаешь, в чем. Он многих об этом просит. Ну... Тех, у кого есть возможности.

— Я ему отказал,— сказал я и начал злиться.— Ты знала, что он заговорит об этом?

— Предполагала. Но я знаю тебя.— Вика слабо улыбнулась.— И, милый, разве тебе было не интересно?

— А если я напишу в свою газету обо всем...

— Напишешь? — перебила меня Вика и стала серьезной. Задумалась.— Напиши. Какой будет результат? Во-первых, если говорить о Галине, она плюет на подобные публикации. Уже кое-что там у вас печатали. Во-вторых... У тебя могут быть неприятности. Вплоть до лишения лживого пасквилянта Артура Вагорски, после соответствующих опровержений, аккредитации в Москве. Это как они решат. Впрочем, думаю, подобного не произойдет. Настало удивительное время: всем на все наплевать. Так что пиши. Но вот меня... И зто, в-третьих, ты подставишь. Уж со мной-то они разберутся, можешь не сомневаться. Раздавят, как клопа. Я еще удивляюсь, как они терпят. Там, в Пятом управлении у Андропова, на меня много чего накопилось. Твоя статья будет последней каплей.

— Ничего я не буду писать! Дурочка ты моя.

— Тогда спать, спать! — Вика опять сладко зевнула.

Над крышей нашего пятнадцатиэтажного дома еле заметно посветлело небо.

Но в остаток той осенней ночи мы с Викой так и не заснули.

Я чувствовал, что Вика, лежа со мной рядом, не спит, хотя она не двигалась, замерла.

— Ты знаешь, почему мы пропали? — нарушила она молчание.

— Кто — мы?

— Мы, Россия, все народы, населяющие советскую империю. Впрочем, разных народов уже нет. Есть некое единство. Как это он определил? Общность под названием «советский народ». Интересно, кто зто Леониду Ильичу придумал? Кто-то из новых советников. Свежие мозги, молодая кровь. Наверно, орден вручили за эту «общность». Нет, не орден. Презентовали дачу, новую квартиру или повышение в должности.— Вика помолчала.— Дай закурить.

— Ты же не куришь.

— Иногда курю. Тебе это известно. Дай!

Мы закурили оба.
— А пропала Россия...— Как интересно она держит сигарету: почти в кулаке. Маленькие обезьянки подобным образом держат банан.— Вы этого не поймете.
— Вы — это кто?
— Европейцы, американцы, люди свободного мира. Вам не постичь глубину маразма нашей жизни. Маразма, нравственного и духовного падения. Для этого надо тут родиться, вырасти...— Она глубоко затянулась.— И остаться человеком. Впрочем... А, ладно! Не хочу говорить...
Вика отвернулась к стене.
— Нет, все-таки объясни,— как можно мягче попросил я.
— Что объяснять? — Она резко поднялась, села, поджав колени к подбородку.— Что объяснять... Вот все, что ты сейчас видел у Бори... Это, мой дорогой американец, советский идеал жизни. Сверхидеал. Роскошные квартиры, дачи, машины. Да... Вот-вот...— Похоже, Вика разговаривала больше с собой, чем со мной.— Жрать черную икру большими ложками. Еще — связи, протекции на самом верху. Сверхуспех — возможность ездить за границу, в любой момент, когда захочется, лучший вариант — двойное гражданство...
— К чему и стремится Борис Буряце? — перебил я.
— К двойному гражданству? Да что ты! Если Бореньке удастся драпануть за «бугор», кое-что прихватив с собой, он сюда больше носа не сунет. Заляжет где-нибудь на островке среди теплого океана, сменит фамилию, сделает пластическую операцию. Только они его все равно достанут, везде. Найдут и прикончат. Конечно, если сочтут это необходимым.
— Не велика ли честь? — спросил я.
Но Вика, похоже, не слышала моего вопроса.
— И самое ужасное... Вот такой животный идеал не только у простого советского человека, винтика задрипанного. У него он, в массе своей, естественно, таков. Нет! Это идеал людей самого верха. Дочь главы государства! Не хрен собачий.— Вика вскочила с тахты и, голая, стройная, напоминающая сейчас хищного зверя, молодого и красивого, загнанного в клетку, быстро ходила по спальне.— А все остальные, кто там был?.. Исключая обслугу и трех проституток. Жить так посреди забитого народа, всего этого мрака?.. Господи! Одни убогие представления, цели у преступников и всяких там министров и генералов ...уевых. Поэтому они и вместе, слились в смертном объятии. Уже не расцепишь, не отличишь одного от другого. А знаешь, почему так?
— Нет, не знаю. И прошу тебя, успокойся...
— Еще чего! — резко, даже грубо перебила Вика.— Успокойся... Есть, есть главная причина.
— Какая?

— Никакая! «Успокойся...» Нет, Арик, ничего ты не понимаешь в нашей дерьмовой жизни. И вообще... Чего ты засиделся в Москве?

Это была отдельная тема, которая иногда возникала, когда Вика впадала в крайнее раздражение. Или у нее резко портилось настроение.

— Все-таки в чем главная причина всего происходящего в России? — настойчиво повторил я вопрос.

— Все-все! — Вика смяла в пепельнице окурок.— В другой раз расскажу.— Она остановила меня требовательным жестом руки.— Обещаю: в другой раз! — Подошла к окну, открыла форточку, глубоко вздохнула.— Смотри, уже совсем светло. Пойду на кухню, сварю кофе.

Вика накинула мой халат и вышла из спальни.

Я лежал, не шевелясь, смотрел в потолок. Тоска сжимала мое сердце.

— ...Куда прешь, козел?! — заорал наш водитель Гарик Сапунов, приоткрыв дверцу своего «Москвича».— Скотина безмозглая!

Мы выбрались из подземного туннеля и опять оказались зажатыми машинами со всех сторон.

— Видит же, ублюдок, что я в правый ряд иду, на поворот.

Цель была рядом: слева в снежной круговерти смутно вздымалась громада высотки на площади Восстания. Сейчас, если нашему художнику-абстракционисту удастся выбраться в правый ряд и свернуть на улицу Воровского...

— А что Борис...— спросил я.— Как его?

— Борис Буряце? — подсказала Вика.— Давно мы с тобой, Арик, в Большом театре не были. Теперь Борис Буряце под кликухой Борис Цыган — солист Большого. Сам понимаешь, чьими хлопотами...

— Ничего себе! — вырвалось у меня.

Гарик таки влез в правый крайний ряд, и наш «Москвич» повернул на улицу Воровского.

Я взглянул на часы: было без двадцати двух одиннадцать.

В ЦДЛ, то есть в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева, или попросту в писательском клубе Москвы, дым стоял коромыслом: переполнены оба зала ресторана, дубовый и так называемая «веранда», битком и в подвальном кафе, и в верхнем, известном своими шаржами и шутками художников на стенах и эпиграммами поэтов, тоже украшавших стены. Почему-то сейчас вспомнил такой опус:

Идя в свой клуб, бери жену,
Не подражай буржую:
Свою, а не чужую.

Гвалт, смех, гул возбужденных голосов, изрядное количество пьяных. Все друг друга знают. Или почти все. Говорят, здесь нередко выясняются творческие и прочие отношения весьма бурно, вплоть до русского мордобоя, но мне видеть подобное не доводилось, хотя в клубах творческой интеллигенции русской столицы — здесь, в ЦДЛ, в домах композиторов и архитекторов, в Доме журналистов, наконец, в ЦДРИ, то есть в Центральном Доме работников искусств, я бываю довольно часто. Все по той же формуле: профессия обязывает.

В этих закрытых клубах — вход по членским книжкам творческих союзов (гости по советскому обычаю: небрежное «Эти со мной»), как правило, хорошая кухня, вежливые официанты, не грохочат дикие джазы и «группы», как в прочих московских ресторанах, куда, кстати, попасть просто так, предварительно не заказав столик, по вечерам невозможно. Картина везде одинаковая: ворчащая очередь у входа, традиционная вывеска «Свободных мест нет», неприступный хмурый швейцар в дверях, больше смахивающий на вышибалу.

Ни в ресторане, ни в обоих кафе мы Игоря Андропова с компанией не обнаружили. Однако скоро Гарик Сапунов встретил Сашу Коренева. Поэт в изрядном подпитии одиноко сидел в большом холле первого этажа в удобном мягком кресле у окна и, похоже, пребывал в философской меланхолии. Это был худой, подвижный человек лет шестидесяти с нервным интеллигентным лицом, которому стрелки седых усов придавали некую таинственность. Мне говорила Вика, что он фронтовик, и свои первые стихи написал в окопах теперь такой далекой войны. Это для моего поколения далекая история. А они, участники тех боев, походов, и сейчас живут там. Похоже, это главная их жизнь. Навсегда... Я это особенно почувствовал, попав года два назад в Минск, на какую-то литературную декаду, где провел несколько дней и ночей с белорусскими писателями.

— А, это вы,— без всякого удивления сказал Александр Кириллович Коренев.— Опоздали.

— В каком смысле опоздали? — спросила Вика.

— Вся компания Игорька Андропова, бросив стол, поднялась по боевой тревоге и рванула...

— Что за тревога? — четко, профессионально поставил вопрос Николай Кайков.

— Бросили стол, вопли-сопли... С Антониной, официанткой, правда, рассчитались. И все — на меня. Пришлось допивать. Хорошо, отловил тут двух молодых стихоплетов. Помогли.— Александр Коренев обвел нас внимательным насмешливым взглядом и продолжал уже совершенно трезво: —

А вы ничего не знаете? — Возникла пауза. Мы ждали.— Конец света. Тут кутеж, дым коромыслом... Да и в прочих подобных заведениях. Пир во время чумы...

— Да в чем дело, наконец? — нетерпеливо перебила Вика.— Саша!

— Дело в следующем... Вот мы тут прожигаем жизнь... Впрочем, такую жизнь и надо прожигать.— Поэта явно тянуло на философию.

— Ну! Ну! — Гарик Сапунов еле сдерживал себя.

— Не нукай, не запрягал. «Ну...» Словом, дамы и господа, со вчерашнего дня в Москве идет грандиозная операция под названием «Каскад». Осуществляют ее совместно силы милиции и КГБ. Но, как сказал примчавшийся в поту к нашему застолью один деятель, по наводкам кагебешников. Метут теневиков самого высокого пошиба. Наносится сокрушительный удар по теневой экономике нашей замечательной столицы.

— А при чем тут Игорь Андропов? — спросил литсотрудник «Вечерней Москвы» Николай Кайков.

— Он ни при чем.— Опять последовала пауза.— Гарик, дай закурить.— Поэту Кореневу доставляла удовольствие игра на наших нервах. Задымив сигаретой, он продолжал: — С нами тут сидел один не то генерал, не то полковник. В штатском. Вот потный гонец и принес ему весть: замели его друга-приятеля, цеховика. Как я понял, миллионами парень ворочал. Генерал... Пусть он будет генералом, вскочил как ошпаренный: «Надо вытаскивать. Игорь, поможешь?»

— Что...— Я подыскивал русские слова.— Что, Игорь Юрьевич за помощью обратится к отцу? — И поймал осуждающий взгляд Коли Кайкова.

— Ни в коем случае,— поспешно, оглянувшись по сторонам, ответил Александр Коренев.— У него наверняка есть другие возможности, предполагаю, весьма эффективные.

— В Домжур! — скомандовала Вика.

Мы спешно покинули писательский клуб, оставив поэта Коренева в некотором недоумении. Он только успел крикнуть нам вслед:

— Экспроприаторов экспроприируют!

...В Доме журналистов обстановка была та же: везде битком народу, гвалт и шум, пьяные красные физиономии.

— Нас ждут,— сказала Вика.

Мы спустились в подвальный пивной бар, и, хотя там, как говорят русские, было яблоку негде упасть, столик для нас действительно нашелся в углу под розовым плафоном в виде тарелки, вмонтированной в стену. За столиком сидели два неприметных джентльмена, оба лет тридцати пяти — со-

рока, чем-то неуловимым похожие друг на друга, потягивали пиво из кружек; рядом стояла тарелка с креветками.

Нас быстро познакомили, и пока художник-абстракционист и журналист из «Вечерней Москвы» таскали от буфетной стойки кружки пива, креветки, бутерброды с рыбой, Вика пошепталась с одним из джентльменов. (Он был белобрыс, с короткой стрижкой.)

Скоро с белобрысым мы оказались в самом углу стола у прохладной серой стены. Остальная компания, центром которой неожиданно стала «просто Зоечка», как бы отгородила нас от остального мирка пивного бара: бывшая манекенщица, несмотря на свою субтильность, с удовольствием пила пиво, лихо, умело расправляясь с креветками, сверкая острыми зубками, жевала бутерброды, на нее сыпались мужские комплименты.

Пока за столом менялась мизансцена, Вика успела шепнуть мне на ухо:

— Он с Лубянки. Информация будет точной. Проверено. Цену он назовет сам.

Итак, мы сели с ним рядом, тоже попивая прохладное темное пиво с экзотическим названием «Двойное золотое».

— Что вас интересует? — тихо, бесцветно спросил мой собеседник, глядя в свою кружку пива.

Подумав, я задал несколько вопросов.

Он тоже погрузился в размышления.

— Что касается последней беседы Цагана и Суслова,— сказал он, не поднимая глаз,— у меня ее нет. И, могу вас заверить, ни у кого нет. Но суть их разговора легко просчитывается. Как и ответ на ваш последний вопрос: о расстановке сил в Политбюро после ухода Суслова.— Он сделал большой глоток пива и подвел черту: — Вам полученная информация обойдется в сто «зеленых».

— Договорились,— сказал я.

...Когда мы с Викой вышли из Дома журналистов, было без пяти минут двенадцать.

Еще в пивном баре Гарик Сапунов сказал:

— Ребята, я не удержался, сто пятьдесят граммов водяры принял. «Тачку» тут на приколе оставлю, а до дому — пехом. Я же рядом, на Кропоткинской. Так что придется вам левака поймать.

Левака поймали сразу. Им оказался разбитной чернявый паренек кавказского типа, водитель черной «Волги», явно принадлежащей какому-нибудь министерству. Похоже, ночной отхожий промысел. Узнав, куда ехать, паренек поцокал языком, сказал гортанно:

— Далеко, слушай. Такой снег, панымаешь...

— Не томи,— прервала его Вика.— Сколько?

Кавказец заломил как минимум тройную цену.

— Поехали,— сказал я.

В салоне машины было тепло, тихо пела французская певица. «Наверняка про любовь и разлуку»,— подумал я. Пахло дымком дорогих сигар.

— Что твой шеф курит? — спросила Вика.

— Пцхе! — Водитель, кратко оторвавшись от руля, пренебрежительно всплеснул руками.— Гаванские сигары, панымаешь! Пижон!

Нас, завывая сиреной и пробликивая синей мигалкой, обогнали две милицейские машины, наверняка с форсированными двигателями.

— Шакалы! — процедил сквозь зубы наш водитель.— По всей Москве рыщут, панымаешь. Вторую ночь.

«Операция «Каскад»,— подумал я и прошептал Вике на ухо:

— Мне напряженной работы на час. Поможешь?

— Конечно.— Моя женщина нежно, щекоча, поцеловала меня в ухо.

20 января 1982 года

Внеочередное заседание Коллегии КГБ СССР было назначено на пятнадцать часов.

Юрий Владимирович Андропов вызвал к себе для бесед с глазу на глаз начальника Шестого управления по решению экономических проблем Федора Александровича Щарака на четырнадцать часов пятнадцать минут и начальника Пятого управления по работе с интеллигенцией Фрола Дмитриевича Попкова на четырнадцать часов сорок минут.

Эти два мощных управления были детищами Председателя КГБ — в структурную перестройку первого и создание второго, в подбор руководящих кадров, в разработку стратегии и тактики их деятельности Юрий Владимирович вложил немало инициативной энергии, сил, изобретательности. Первое управление при его руководстве Комитетом расширилось, второе было образовано по личной инициативе Андропова.

Шестое управление занимается борьбой с экономическими преступлениями и связанной с ними коррупцией, проникшей во все структуры политической и государственной жизни страны с самого верха, по принципу пирамиды. За деликатным названием Пятого управления — работа с интеллигенцией — скрывается борьба с диссидентским движением во всех его проявлениях.

В соединении этих двух зол: экономических преступлений, а суть их — возникновение внутри социалистической экономики подпольного, фактически частного сектора, помноженного на коррупцию, с интеллектуальной оппозицией или, если угодно, антисоветской деятельностью «части» отечественной интеллигенции, Юрий Владимирович видел главную угрозу системе.

Часы показывали десять минут третьего.

Хозяин кабинета неторопливо подошел к окну. Тяжелые портьеры были раздвинуты. Снегопад еще ночью закончился, но небо над Москвой было по-прежнему в тучах. Вокруг памятника основателю ЧК кружили снегоуборочные машины, похожие на желтых навозных жуков, поглощая в свои чрева снежные горы.

И еще из окна своего кабинета Юрий Владимирович видел темно-серые цековские здания на Старой площади, и чуть-чуть подальше — над московскими крышами возвышались башни Кремля.

Зазвонил телефон, связывающий кабинет с приемной.

Андропов переключился на селектор.

— Слушаю.

— Товарищ Щарак, Юрий Владимирович,— четко прозвучал голос дежурного помощника.

— Просите.

Тяжелая дверь из светлого дуба открылась, и в кабинете возник генерал-лейтенант Федор Александрович Щарак, в отглаженном, как всегда, темном костюме, с черным кейсом в руке.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович.

— Добрый день, Федор Александрович. Присаживайтесь вот здесь.— Начальник Шестого управления оказался почти напротив Андропова; только просторное поле письменного стола разделяло их.— В нашем распоряжении двадцать минут. И поэтому — сразу к делу. Те данные по первым результатам «Каскада», в которых фигурирует Цаган, ко мне попали позавчера утром. Тогда же они попали и к Михаилу Андреевичу?

— Чуть позже, Юрий Владимирович. Около двенадцати часов дня. Еще точнее — между двенадцатью и часом. Некоторое время ушло на систематизацию фактов. Мы их подали товарищу Суслову по «нарастанию» улик.

— То есть? — спокойно спросил Председатель КГБ.

— Ну...— Федор Александрович помедлил, подбирая слова.— Мы их выстроили в такой последовательности, чтобы информационный эффект нарастал...

— У вас есть копия? — перебил Андропов.

— Так точно! — Генерал-лейтенант Щарак щелкнул замками кейса и извлек из него лист бумаги с убористым машинописным текстом.— Прочитать?

— Да, пожалуйста.

Чтение с краткими комментариями заняло более десяти минут.

Сначала — телефонные номера Цагана, включая номера конспиративных явочных квартир (что уже преступление), обнаруженные в записных книжках, изъятых у арестованных в первые сутки проведения операции «Каскад»; затем в тех же книжках — крупные суммы денег, которые Сергею Кузьмичу были вручены «из рук в руки» за «оказанные услуги»; далее — выдержки из первых допросов арестованных, в которых те перечисляли «подарки», полученные от них первым заместителем Председателя КГБ все за те же «услуги». Показания некой дамы, любовницы Цагана, которой он помог открыть свое дело, связанное с перепродажей драгоценностей; при обыске квартиры этой подпольной миллионерши был обнаружен тайник, где хранились изделия из золота, серебра, драгоценных камней, и Дарья Ксенофонтовна — так звали даму — показала, что «все это принадлежит не ей, а Сергею Кузьмичу Цагану».

«Да,— подумал Андропов,— есть от чего сыграть в ящик. Суслов поручает Цагану «закрыть» или, по крайней мере, надолго заморозить «бриллиантовое дело», а сам Цаган...»

— Читать дальше, Юрий Владимирович?

— Благодарю, Федор Александрович. Достаточно. Картина ясна. Вы мне сделайте копию.

— Она уже готова.— Начальник Шестого управления извлек из кейса ксерокопию.

— На заседании в эти подробности входить не будем. Доложим суть проблемы.

— Понимаю, Юрий Владимирович.

Часы показывали четырнадцать часов сорок три минуты.

Начальник Шестого управления покинул кабинет, и тут же в дверях появилась грузная фигура генерал-майора Фрола Дмитриевича Попкова:

— Разрешите, Юрий Владимирович?

— Прошу.

Они давно понимали друг друга с полуслова.

— Пошли-ка за наш привычный столик.

Андропов поднялся из кресла, вышел навстречу Попкову. Крепкое энергичное рукопожатие. Хозяин Лубянки приобнял Фрола Дмитриевича за плечо и повел к двери справа от письменного стола. Они очутились в небольшой комнате («гостиная»,— называл ее иногда Юрий Владимирович). Вок-

руг низкого журнального столика стояли четыре удобных кресла и диван «на троих», как выразился один из заместителей Председателя КГБ, обтянутые плюшем терракотового цвета. Телевизор на голом письменном столе у глухой стены напротив. У стены, за которой находился кабинет Председателя КГБ, почти во всю ее длину — добротный книжный стеллаж. Последнее издание Полного собрания сочинений Ленина, тома стенограмм партийных съездов, книги Брежнева в темно-синих переплетах, труды Дзержинского. На отдельных полках — вся диссидентская литература,— пресловутый «тамиздат» на русском и английском языках: «КГБ», «Номенклатура», «Третий класс», «Большой террор», «Загадка смерти Сталина», «Зияющие высоты», «Горький-парк»; запрещенная литература, за чтение и распространение которой «простой советский человек» может схлопотать срок до семи лет, по статье 70 (с несколькими прим.) Уголовного Кодекса СССР за «антисоветскую агитацию и пропаганду».

На столике лежали свежие номера американских газет «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» и лондонская «Таймс», как бы подтверждая, что хозяин кабинета владеет английским языком.

На столике стояли открытая бутылка боржоми и два тонких стакана. Андропов разлил воду по стаканам, сказал:

— Прошу.— И, сделав несколько глотков, продолжал: — Собственно говоря, Фрол Дмитриевич, меня интересует только один вопрос: как с американским журналистом?

— Думаю, все в порядке, Юрий Владимирович. Этому Артуру Вагорски передана вся необходимая информация.

— Кто с ним работал?

— Непосредственно Светлый.

— Это такой белобрысый, с низким лбом? — перебил Андропов.

— Вот-вот. А страховал Светлого Еж. Они у меня в паре.

— Где проходила встреча? — спросил Председатель КГБ.

— В Доме журналистов, вчера, ближе к полночи. Так что, думаю, в его газете «Дейли ньюс» уже сегодня что-то появится.

Последовала пауза. Юрий Владимирович листал лондонскую «Таймс».

— Так, может быть, этого Артура...— Андропов помедлил.— Как только неминуемое произойдет, немедленно надо начать кампанию в их прессе. И первая, акцентирующая публикация...

— Вагорски не годится,— перебил Попков.

— Почему?

— Он вращается в среде наших интеллектуалов, так называемой творческой интеллигенции резко выраженного дис-

сидентского толка. А его пассия — некая Виктория Садовская, журналистка без постоянной работы. Только членский билет Союза журналистов и спасает. А то можно было бы за тунеядство... Впрочем, она у нас проходит по делу подпольного религиозного журнала «Благовест»...

— Так в чем проблема? — перебил Андропов.

— В Артуре Вагорски. Возьмемся за Садовскую — потеряем американца. А он очень удобен как проводник в их так называемую свободную прессу нашей информации. И пока ничего не подозревают ни он, ни Садовская. С ними работает наша молодая сотрудница, весьма перспективная, талантливая особа...— Попков ненадолго задумался.— Да и «Благовест» пока ворошить, думаю, не стоит. Пусть вокруг журнальчика соберется побольше соответствующего народца.

— Значит, этот Вагорски не годится.— Андропов отложил в сторону газету.

— Еще и потому, Юрий Владимирович, что американец у нас в стране скоро семь лет. Многое знает, многое видел. А учитывая окружение...

— Ну и? — перебил Андропов.

— Будем искать кандидатуру.— Фрол Дмитриевич посмотрел в глаза своего шефа. За притемненными стеклами очков выражение их было трудно определить.— Здесь нужен новый и не искушенный в наших российских делах человек.— Начальник Пятого управления задумался: такая у него привычка. Андропов ждал.— Поищем и найдем.

— Уже пора действовать,— сказал хозяин кабинета.

— Сегодня и начнем, Юрий Владимирович.

Андропов взглянул на часы — ровно три. Пора!

Юрий Владимирович Андропов поднялся из кресла и, направляясь к двери, сказал:

— Пошли, Фрол Дмитриевич. Сейчас начнем.

Войдя в кабинет, Председатель КГБ нажал клавишу селектора.

— Слушаю, Юрий Владимирович,— прозвучал четкий голос помощника Андропова.

— Пригласите товарищей.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВНЕОЧЕРЕДНОГО ЗАСЕДАНИЯ КОЛЛЕГИИ КГБ СССР

20 января 1982 года

1. Выступления в протокол не заносить.

2. Принять к сведению сообщение тов. Андропова Ю. В. о том, что самоубийство тов. Цагана С. К. произошло в результате малодушия.

3. Принять к исполнению указание правительства о нежелательности компрометации правительственных органов и руководства КГБ как внутри страны, так и за рубежом фактом самоубийства члена ЦК КПСС зам. Председателя КГБ СССР тов. Цагана С. К.

В связи с этим:

а) строго засекретить факт самоубийства тов. Цагана С. К.;

б) изготовить медицинское заключение о смерти тов. Цагана С. К. в результате тяжелой болезни;

в) на основе этого медицинского заключения поручить ТАСС опубликовать некролог о смерти первого заместителя Председателя КГБ СССР тов. Цагана С. К.;

г) произвести косметическую обработку лица тов. Цагана С. К. с тем, чтобы скрыть следы пулевого ранения;

д) выставить тело Цагана С. К. на два часа 22 января 1982 года в клубе имени Дзержинского только для прощания с ним близких родственников и сотрудников покойного, не допуская в зал посторонних лиц и иностранных корреспондентов;

е) захоронить тело тов. Цагана С. К. на Ваганьковском кладбище. Похороны произвести по второму разряду с отданием воинской чести.

4. Должностные функции первого заместителя Председателя КГБ СССР временно распределить между тов. Циневым, Чебриковым и Пирожковым..

5. Принять решение об отказе в возбуждении уголовного дела по факту гибели тов. Цагана С. К. ввиду ясности случая.

Подписано:

Председатель Коллегии Комитета государственной безопасности СССР

Ю. Андропов, генерал армии.

Секретарь Коллегии Ю. Баранов, генерал-майор.

21 января 1982 года

Статья Артура Вагорски «Кто?» в газете «Дейли ньюс»:

«Два события 18—19 января резко меняют ситуацию на кремлевском олимпе в Москве: самоубийство Сергея Цагана, первого заместителя Председателя КГБ Юрия Андропова, которое последовало 19 января, и смертельная болезнь Михаила Суслова — в кремлевскую больницу он был доставлен вечером 18 января с инсультом и сейчас находится, по сведениям из достоверных источников, в состоянии комы. По существу, жизнь Главного Идеолога советской России поддерживается искусственно средствами новейшего медицинского оборудования японского, западногерманского и нашего производства. То есть уход с политической арены Михаила Суслова неминуем. Это произойдет в ближайшие если не часы, то дни.

Два события — самоубийство Цагана и необратимая болезнь Суслова — тесно взаимосвязаны. Они случились после встречи этих двух персонажей кремлевского политического театра во второй половине дня 18 января.

Так что же произошло?

Не секрет не только для Запада, но и для советской общественности, что в последнее время, год или даже полтора года, Леонид Брежнев, восемнадцать лет бессменно стоявший во главе Советского Союза, фактически не правит страной: дряхлый больной старец остается лишь символом коммунистической власти, он все реже появляется в своих кабинетах как на Старой площади в здании ЦК КПСС, так и в кремлевском кабинете.

И, по сведениям из тех же источников, драматический финал — увы, неизбежный для каждого человека — тоже близок и неотвратим. А о политическом финале карьеры Леонида Брежнева уже сегодня можно говорить как о случившемся факте.

Поэтому сейчас на повестке дня политической жизни России уже поставлен вопрос: КТО? Кто станет преемником угасающего лидера страны? Прежде всего на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Естественно, это будет один из членов теперешнего Политбюро. Кто же он?..

Сегодня из старых членов Политбюро, при которых произошло смещение Никиты Хрущева со всех постов и избрание Леонида Брежнева Генеральным секретарем, осталось пятеро: Суслов, Громыко, Черненко, Устинов и Копыленко. (Замечу пока в скобках: Председатель КГБ Юрий Андропов был избран членом Политбюро в 1973 году.) Казалось бы, преемником Брежнева должен стать кто-то из пятерых старых соратников руководителя Советского государства. Суслов из этого списка выпадает...

Остаются четверо: Громыко, Черненко, Устинов и Копыленко. Можно было бы постараться сделать прогноз, анализируя шансы на лидерство в начавшейся политической гонке, каждого из названных четырех. Но я не стану этого делать.

В сложившейся на сегодняшний день ситуации и исходя из тех данных, которыми я располагаю, в жестокой, но невидимой (прежде всего советскому народу) борьбе за верховную власть в Кремле на первое место выходит Председатель КГБ Юрий Андропов.

И теперь нужно вернуться к событиям 18 и 19 января, то есть к самоубийству Сергея Цагана и болезни Михаила Суслова.

В последние годы силами КГБ — тут была личная инициатива Юрия Андропова — проведено несколько крупномас-

штабных акций по борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти, которые вывели чекистов и работающих с ними людей из Прокуратуры на самых высоких лиц государства и членов их семей. Это так называемые «краснодарское» и «сочинское дела», «рыбное» (под кодовым названием «Океан») и «бриллиантовое дело», в котором якобы замешана дочь главы государства Галина Брежнева. Последовали многочисленные аресты, и среди задержанных если не первые лица страны, то стоящие очень близко к ним. Лишь «бриллиантовое дело» остановлено. И законсервировал его первый заместитель Председателя КГБ Сергей Цаган. А именно ему поручил Юрий Андропов вести это «дело».

Что же произошло? Суть в том, что Цаган был человеком Брежнева в Комитете государственной безопасности: он родственник Генерального секретаря — его супруга сестра жены Брежнева. И здесь следует задать вопрос: почему же именно Цагану Андропов поручил вести «бриллиантовое дело»? Потерпите немного, и вы получите ответ на этот вопрос. Вернее, мою версию ответа.

Теперь следует особо подчеркнуть, что Михаил Суслов был — и пока остается — яростным противником разоблачения коррупционеров на самом верху политической пирамиды России, как и вообще всей кампании борьбы с коррупцией, проводимой КГБ. Во-первых, он считает, что все эти «дела» подрывают авторитет руководства партии и страны как в самом Советском Союзе, так и во внешнем мире. Во-вторых, уж он-то знает, кого коснутся следующие разоблачения, если события будут развиваться по сценарию, разработанному Юрием Андроповым. Поэтому в последние годы Михаил Суслов находился в затяжном конфликте с Председателем КГБ. А вот с его первым заместителем, наоборот, был в самых дружеских отношениях, постоянно поддерживая с ним контакт. Почему? — спросите вы. Ответ прост: Сергей Цаган в Комитете был не только человеком Брежнева, но и человеком Суслова.

Вернемся к «бриллиантовому делу». Андропов поручил его Цагану с единственной целью: он знал, что его первый зам не даст хода делу, в котором фигурирует дочь Леонида Брежнева. И рано или поздно на этом сломает себе шею.

Но, очевидно, процесс развивался не так скоро, как бы хотелось Юрию Андропову...

В ночь с 17 на 18 января в Москве началась крупнейшая операция силами КГБ и милиции «Каскад» по разгрому теневой экономики. (Я уже писал об этом русском феномене в нашей газете. Читайте мою статью «Подпольный бизнес в России», «Дейли ньюс» за 17.12.81 года). Вся операция,

естественно, была разработана в недрах КГБ: кого брать в первую очередь, у кого и против кого искать улики. И они были найдены немедленно: у первых же арестованных воротил теневой экономики были обнаружены данные, свидетельствующие о связях с миром подпольного бизнеса Цагана — он сам оказался крупнейшим коррупционером.

Неумолимая логика подсказывает, что Юрий Андропов давно знал все это: у него уже имелось досье на своего первого заместителя. Он придерживал до поры самую сильную козырную карту в начатой игре.

И вот настало время выбросить ее на кон: в первой половине дня 18 января Михаилу Суслову были переданы данные, неопровержимо свидетельствующие о связях Цагана с преступным миром, о том, что его — и Брежнева — человек в Комитете госбезопасности — один из самых крупных коррупционеров страны.

Драматическая развязка долго ждать себя не заставила. Во второй половине дня по инициативе Главного Идеолога состоялась его встреча с Сергеем Цаганом (о сути их разговора можно только догадываться)... Вечером Михаил Суслов, разбитый инсультом, попадает в кремлевскую больницу. На следующий день у себя на даче кончает жизнь самоубийством Цаган.

Вывод? Формально КГБ целеустремленно, четко, продуманно ведет борьбу с коррупцией и экономическими преступлениями. Результаты всех акций, проводимых в этой области Комитетом,— тому наглядное подтверждение.

Но если смотреть на последние события с точки зрения борьбы за верховную власть, прежде всего внутри Политбюро,— то станет ясно: самая активная, энергичная позиция у Председателя КГБ Юрия Андропова.

По крайней мере, три цели достигнуты им в последние дни: во-первых, в Комитете нет больше Цагана (хотя вряд ли Андропов предполагал самоубийство своего первого зама). Во-вторых, перестает быть соперником Михаил Суслов (тут судьба распорядилась в пользу Председателя КГБ). Наконец, в-третьих, открывается возможность возобновить следствие по «бриллиантовому делу». Это ставит под удар самого Генерального секретаря КПСС и — что самое главное — его сторонников и ставленников в Политбюро и в Центральном Комитете партии. А их там немало. И все, кто задет коррупцией, знают: на каждого из них в Комитете государственной безопасности заведены досье. Пока есть Брежнев и Суслов, они недосягаемы для грозных органов тайной полиции. Пока...

Итак, ситуация на кремлевском олимпе резко меняется. В Председателе КГБ, члене Политбюро генерале армии Юрии Андропове я вижу главного претендента на звание преемника Леонида Брежнева.

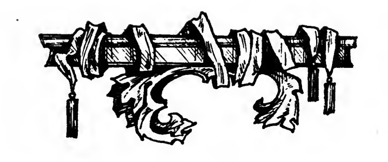
Так ли это — покажет ближайшее будущее».

21 января 1982 года, газета «Правда»

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 19 января 1982 года на 65-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель Председателя Комитета государственной безопасности СССР, генерал армии Сергей Кузьмич Цаган.

Центральный
Комитет СССР
Президиум
Верховного Совета СССР
Совет
Министров СССР

ГЛАВА ВТОРАЯ

25 января 1982 года

Юрий Владимирович Андропов стоял у окна своего кабинета. После недавнего снегопада, метелей, «возмущения атмосферы», как говорят синоптики, наступили ясные морозные дни при полном безветрии. Председатель КГБ любил такую погоду: ясно, прозрачно, вроде бы отступают хвори, хорошо, четко думается.

Но сейчас Юрий Владимирович нервничал. Часы показывали половину третьего дня.

«Чего они там возятся?» — Поднималось раздражение, и это чувство в себе Андропов ненавидел, постоянно боролся с ним: гнев, злоба диктуют быстрые необдуманные решения.

Зазвонил телефон из приемной.

— Слушаю.— Голос Председателя КГБ был спокоен, сдержан, дружествен.

— Юрий Владимирович,— сказал дежурный,— товарищ Щарак.

Председатель КГБ переключился на селектор:

— Я весь внимание, Федор Александрович.

— Извините, Юрий Владимирович, с сейфом Сергея Кузьмича пришлось повозиться.— Голос начальника Шестого управления прерывало частое дыхание. «Спешил,— удовлетворенно подумал Андропов.— Уж на что Сиделкин мастер экстра-класса...»

— И каковы результаты? — перебил Юрий Владимирович.

— Только папка с документами «бриллиантового дела».

— И все?

— Из документов все. Еще — бутылка коньяку «Наполеон», почти пустая, и распечатанная пачка в банковской упаковке стодолларовых купюр.

— Пришлите мне папку. И список, если он готов...

— Готов, Юрий Владимирович,— позволил себе перебить своего шефа генерал-майор Щарак, начальник Шестого управления КГБ, занимающегося решением экономических проблем, а еще точнее — вопросами коррупции и «экономическими диверсиями», под которыми прежде всего понималась деятельность так называемой теневой экономики.— Выборочный список по предложенной вами схеме.

— Жду, Федор Александрович.

...Через десять минут Андропов неторопливо листал документы из папки «бриллиантового дела».

«Вот оно что!» — Сердце забилось чаще.

То, что и следовало ожидать: Сергей Кузьмич приостановил дело, когда сразу по двум каналам вышли на причастность к краже драгоценностей Бугримовой дочери Леонида Ильича, Галины. Юрий Владимирович внимательно вчитывался в каждый документ. «Какой захватывающий сюжет! А вот и записка «серого кардинала»: «С. К.! Престиж партийного руководства и главы государства — превыше всего».

«Так! — Юрий Владимирович откинулся на спинку кресла.— Теперь список».

Этот список занимал четыре листа машинописного текста — фамилии, фамилии, фамилии...

«Ба! Знакомые все лица!» — Улыбка скользнула по анемичному лицу Председателя КГБ.

В списке значились партийные и государственные функционеры, на которых опирался Михаил Андреевич Суслов («Его люди»,— преодолевая раздражение, подумал Андропов) в ЦК партии, в Верховном Совете, в министерствах и управлениях, попавшиеся в результате операции «Каскад» в качестве покровителей теневиков.

«Остается ждать»,— подумал Юрий Владимирович, и предчувствие подсказывало, что ждать уже недолго.

Зазвонил телефон:

— Юрий Владимирович, академик Чазов.

Щелкнула клавиша селектора:

— Здравствуйте, Евгений Иванович. Что?

— Десять минут назад. Не приходя в сознание.

27 января 1982 года, газета «Правда»

От Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 25 января 1982 года на 80-м году жизни, после непродолжительной тяжелой болезни скончался видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Суслов Михаил Андреевич.

Центральный Комитет КПСС
Президиум
Верховного Совета СССР
Совет
Министров СССР

29 января 1982 года

Ритуал был отрепетирован до мельчайших деталей, высчитан поминутно. Шагая за артиллерийским лафетом, на котором, в цветах, лежал в роскошном гробу Михаил Андреевич Суслов, Председатель КГБ подумал: «Какое у него страшное аскетическое лицо. И эта еле заметная полуулыбка, застывшая на губах. Губы как лезвие бритвы».

Юрий Владимирович оглянулся на соратников. Рядом тяжело шагал, ступая как бы на ощупь, Леонид Ильич Брежнев, слышалось его прерывистое хриплое дыхание, по дряблой щеке стекала слеза.

«Нетрудно догадаться, о чем он думает,— почти бесстрастно рассуждал Андропов.— Примерно так: скоро и меня таким же образом. Можно допустить еще, что Леня ревниво предполагает: нет, мои похороны будут организованы с большими почестями... Чушь! — прервал себя Председатель КГБ.— Так он не думает. Какая-то наивная вера, что жизнь если не беспредельна, то будет еще длиться. Стоп! — остановил себя Юрий Владимирович.— Это уже думаю я. И наверно, все остальные члены Политбюро, исключая Мишу Горбачева. Он еще молод, полон сил, жаждет власти, хотя и умеет скрывать это. Не ошибся ли я, перетащив его из Ставрополя на кремлевские холмы? А остальные? — Андропов незаметно, вроде бы поправляя шапку, пробежал быстрым взглядом по лицам Черненко, Громыко, Копыленко. Задержался на лице Устинова.— Моя опора,— пронеслась мысль.— Ну а я? Как я смотрюсь со стороны? Ведь такой же... И где-то здесь, рядом, по соседним улицам и переулкам крадется машина с моей искусственной почкой. Все мы выстроились в эту очередь. Кто

следующий? — И против железной воли Председателя КГБ в его сознании все закричало: «Не я! Не я! Не я!..» — Андропов взглянул на Брежнева.— Он! Только он...— И Юрий Владимирович успокоил свою совесть государственным соображением: — Иначе... Еще год, ну два — и при его правлении держава и система рухнут...»

Мысли Председателя КГБ прервал духовой оркестр, где-то впереди заигравший похоронный марш Шопена.

Входили на Красную площадь.

Да, все по протокольному ритуалу: на Историческом музее огромный портрет Суслова в траурной раме, приспущенные красные знамена с бантами черного крепа на древках, на трибунах — иностранные гости, дипломатический корпус, корреспонденты — и свои, и со всего света, тщательно отобранные «трудящиеся» (Юрий Владимирович досконально знал всю процедуру отбора). Глядя на ряды людей, которые занимали гостевые трибуны, слившиеся в единую серо-черную массу, он не без иронии подумал: «Тут моих людей, наверное, треть».

Стрелки часов на Спасской башне приближались к двенадцати.

Когда они поднимались на Мавзолей, прозвучал почтительный и в то же время требовательный голос:

— Поторопитесь, товарищи! Осталось полторы минуты.

Возле Андропова послышалось кряхтение, участившееся дыхание, он увидел, как двое дюжих молодых людей с откормленными спокойными лицами подхватили под локти Леонида Ильича Брежнева. Вся эта сцена была скрыта от зрителей стеной, отгородившей лестницу, ведущую вверх усыпальницы вождя мирового пролетариата. На трибуне Мавзолея вождь партии и государства под взглядами присутствующих, перед камерами фото- и кинокорреспондентов появился самостоятельно.

Выстроились по установленному ранжиру.

Часы на Спасской башне бесстрастно, казалось замедленно, пробили двенадцать раз.

Начался траурный митинг.

Все было привычно, узнаваемо, почти по-домашнему. Юрий Владимирович не вслушивался в слова говоривших, через какое-то время взглянул на ручные часы — было восемнадцать минут первого.

Вскоре он поймал себя на том, что опять смотрит на часы. «Что это я? — Волнение охватило Председателя КГБ.— Ведь время не обозначено. Все начнется после траурного салюта».

Ничего не мог поделать с собой Юрий Владимирович Андропов — это осталось в нем с юношеской комсомольской

поры, когда вдруг начинало неудержимо тянуть к чистому листу бумаги и рождались стихи. Это он придумывал романтические названия грозных операций, проводимых КГБ: «Океан», «Каскад», «Падающие звезды». И начало операций зачастую определяли не стрелки часов, а нечто опять-таки романтическое: первые минуты любимой телевизионной передачи, если даже она запаздывала или переносилась на другое время, день визита важного зарубежного гостя, который тоже мог быть перенесен, не совпасть точно с буквой дипломатического протокола.

Вот и сейчас: «после траурного салюта».

...Уже возле Кремлевской стены, у могилы, рядом с которой стоял гроб Главного Идеолога партии, окруженный родными и самыми близкими соратниками, Андропов стал вслушиваться в «прощальное слово», которое тяжко, с хрипом, произносил Брежнев, вернее, в финал этой мучительной речи:

— ...Прощаясь с нашим товарищем, я хочу сказать ему...— По щекам Леонида Ильича текли слезы.— Я хочу сказать: спи спокойно, дорогой друг. Ты прожил великую и славную жизнь...

«Вряд ли старцу предстоит спокойный сон,— не мог преодолеть себя Председатель КГБ и еле подавил улыбку.— Если бы он знал...»

Лакированная крышка скрыла от присутствующих усопшего. Бесшумно закрылись крючки на краях гроба, который стал опускаться в могилу.

Могила находилась совсем близко от места последнего успокоения товарища Сталина. И сейчас вождь всего прогрессивного человечества, генералиссимус, корифей многих наук, гениальный полководец, друг всех детей земного шара и прочая, и прочая со своего постамента как бы в пол мраморного взгляда наблюдал за всем происходящим. Наблюдал явно не без интереса: очень скоро в преисподней с ним воссоединится его верный, даже неуклонный ученик и продолжатель, несмотря ни на что, великого сталинского дела: ведь это при нем началась карьера Миши Суслова, под его неусыпным присмотром.

«Давай, Миша, давай! Поспеши. Есть о чем поговорить. Мало у меня здесь достойных собеседников из сегодняшнего Советского Союза. Правда, жарковато тут у нас, даже чересчур жарковато. И обслуга, челядь чертова, наглая и даже омерзительная. Да ничего! Стерпится. Привыкнешь. В нашем распоряжении — вечность».

...В темную пасть могилы посыпались комья ржавой земли, глухо ударяясь о крышку гроба.

Грянул совсем рядом первый залп прощального артиллерийского салюта, и через мгновение Юрий Владимирович почувствовал запах порохового дыма.

Председатель КГБ взглянул на часы, но почему-то не мог сосредоточиться — так и не зафиксировал в сознании время текущего момента.

Прогремел второй залп.

Артур Вагорски, корреспондент газеты «Дейли ньюс», США, аккредитованный в Москве.

Мы с Викой сидели в моей квартире на двенадцатом этаже дома, как тут говорят, улучшенной планировки, то есть, по советским меркам, престижного (у нас в Штатах в подобных жилищах обитают эмигранты из третьего мира), и смотрели по телевизору похороны Суслова. Все было знакомо, отрепетировано, неинтересно. Я раскупорил бутылку итальянского мартини, нашего с Викой любимого напитка.

Моя женщина сидела на тахте, на «нашем ноевом ковчеге», по-турецки скрестив ноги, с фужером в руке, наполненным божественным напитком, и со скукой, как и я, поглядывала на экран телевизора, думая о чем-то своем. Когда Вика погружается в подобные размышления, у нее смешно морщится нос.

— Хочешь самый свежий анекдот? — нарушила молчание Вика.

— Хочу.

— Так вот...— Тряхнув головой и отбросив со лба прядь рыжих волос, Вика сделала большой глоток мартини.— Вино богов. Если бы не ваше спецснабжение и не «Березка», куда ты со своими зелеными шныряешь каждый день...

— Через день,— перебил я.

— Я бы никогда не отведала всех этих мартини и виски с тоником,— с ожесточением продолжала Вика.— Купить негде, за границу меня не пускают — я невыездная.

Это была опасная тема. Вернее, одна из опасных тем, от которых у Вики портилось настроение. И я поспешил:

— Я жду анекдот.

— Да, анекдот...— Вика снова отпила из своего бокала.— Он родился вчера или позавчера. В недрах народных масс. Впрочем, хрен его знает, где они родятся, наши анекдоты. Какая-то тайна, загадка, даже мистика. Неизвестен ни один автор, работающий в этом жанре народного творчества. Тебе не кажется, что это очень интересный предмет для журналистского расследования?

В голосе моей женщины прорывалось раздражение, и я уже знал: чем-то она взвинчена, взрыв эмоций неминуем.

— Я настаиваю на анекдоте,— упрямо повторил я.

— Ладно, ладно, слушай.— Но Вика теперь более внимательно смотрела на экран телевизора.— Ну, словом, так. Ты покупаешь свежий номер «Правды». На первой полосе тассовский материал: «ТАСС уполномочен заявить: сразу же после кончины Михаила Андреевича Суслова состоялось заседание Политбюро. Принято решение: «Почин товарища Суслова энергично поддержать».

Мы посмеялись. Вернее, я. Вика теперь не отрывалась, очень серьезно смотрела на экран телевизора.

— Интересно...

— Что? — спросил я.

— Понаблюдай за Андроповым.

Я стал смотреть. Шел траурный митинг на Красной площади, выступал очередной оратор, на трибуне Мавзолея истуканами стояли советские вожди и среди них Андропов — как все. Ничего интересного я в нем не обнаружил.

— Он уже несколько раз взглянул на часы. И, по-моему, украдкой.

— Ну и что из этого следует?

— Не знаю...— Вика передернула плечами.— Три раза посмотрел на часы. Значит, чего-то ждет. Что-то задумал.

— Не обязательно,— сказал я.— Может быть, ему куда-то срочно надо...

— В туалет,— злобно перебила Вика.

— Например, к врачу.— «Как мне ее успокоить?» — Кстати, все-таки чем он болен?

— Все их болезни — государственная тайна. Вроде бы у нашего главного жандарма что-то с почками. Плесни-ка мне еще.

Вика протянула в мою сторону пустой бокал. Я исполнил просьбу. Она тут же отпила два больших глотка.

— А вообще, выключи эту тягомотину.

Я потянулся было к телевизору, но Вика остановила меня:

— Нет! Оставь. Давай уж досмотрим, только звук приглуши немного.

Я уменьшил звук.

— Тут надо не слушать, а смотреть. Наблюдай, наблюдай за ним. Я нутром чувствую: что-то на Лубянке затеяли. И затея связана с этими похоронами.

Мы несколько минут молча наблюдали скорбный, хорошо отрепетированный спектакль на Красной площади. Нет, положительно ничего странного я не мог заметить в поведении Председателя КГБ. Вернее, никакого поведения не было: он

каменно стоял — как и остальные «вожди» — на трибуне Мавзолея.

— Похороны...— опять нарушила молчание Вика.— Ты вдумайся. Это же... Не знаю... Апокалипсис. Сатанинский абсурд. Красную площадь в Москве, святыню России, они превратили в свое кладбище. И — какое! Кроме нескольких идеалистов, честных волонтеров коммунистической идеи... или космонавты. А кто остальные? Подавляющее большинство — Ленин, Дзержинский, Вышинский. Теперь все современные... Тоже сюда ложатся, в очередь выстроились — или пеплом в Кремлевскую стену...— Вика, говоря все это, не отрываясь смотрела на экран телевизора.— И каков ритуал! Каковы похороны!

— Что ты имеешь в виду? — не понял я.

— Что я имею в виду? — воспаленно повторила Вика, и в глазах ее появился сухой жаркий блеск. «Сейчас начнется»,— подумал я.— Эти похороны, как и все остальные на Красной площади,— апофеоз советского атеизма, верно?

— Именно так,— согласился я.

— Помнишь один наш разговор? Ну... Мы вернулись от Бориса Буряце...

— Как же! Очень хорошо помню!

Я действительно помнил. Как забыть...

— И что же ты помнишь? — Вика колко взглянула на меня.

— Ты мне так и не разъяснила, в чем главная причина исторической трагедии России, в которую она попала после семнадцатого года.

— Смотри-ка! — Вика захлопала в ладоши.— Ты у меня, Арик, умница. Даже почти научно сформулировал...— она помедлила,— мой политический бред.

— Это не бред! — перебил я.— И ты же знаешь: я веду дневник...

— Знаю, знаю! — Вика смотрела на меня злыми глазами. И я понял: она снова впадает в мрачное состояние духа.— Ладно. Продолжим тот разговор...— И снова ее взгляд вперился в телевизор. Там гроб с телом Суслова уже стоял возле вырытой могилы, и Брежнев, похоже, собирался произнести прощальное слово.— Вот почему Россия пропала, пропала навсегда...— Истерические нотки зазвучали в голосе Вики. «Не надо было наливать ей полный фужер мартини.— Все началось, мой любимый американец, с того момента, когда первый колокол упал на землю с русской церкви, когда в храм ворвались эти... Будь они прокляты! Будь они прокляты во веки веков! Эти атеисты... И на паперти запылал первый костер из икон и священных книг.

— Я читал в вашем журнале «Благовест» твою статью. «Адово пламя», так, кажется, она называется?

— Так! Так! — нетерпелнво отмахнулась Внка и продолжала: — Понимаешь... Боже! Этого по-настоящему не осознают все нашн самые-рассамые ннтеллектуалы, духовные отцы нацнн, такне, например, как академик Лнхачев. В Россин за всю ее многовековую нсторню к власти пришлн атеисты. Вникнн, вникни в это! А-те-ис-ты! А если происшедшее перевести на язык Священного пнсания — антихрнсты. Темный князь мира сего въехал в ворота Кремля на черной машине. Онн сломали становой хребет Росснн — нашу православную веру. Я знаю! Знаю... Когда-нибудь будет напнсан многотомный труд...— Она вдруг замолчала, подавнв прнступ рыдания.

— О чем будет этот труд? — жестко спросил я. Черт меня возьми с моим профессиональным ннтересом!..

— О том, что они во главе со своим Лениным сделали с Русской Православной Церковью. Это будет многотомный обвинительный акт на Высшем суде...— Внка замолчала и вдруг, тряхнув головой, воскликнула: — Ладно! Все.— И протянула мне пустой фужер: — Плесни!

— Мартинн кончился. В холодильнике есть только водка.

— Ты, Арик, совсем превращаешься в русского. Точнее, в советского русского: купил выпнвку — и обязательно доконать сразу, в первый прнсест. Пора, пора, мой дорогой, рвать тебе когти в свон зажравшнеся Штаты.— Она помолчала.— Нет, водкн не надо. И... Чтобы уж закончить разговор на эту тему. Запомни... Тот народ, который становится безбожником... Вернее, его грубой беспощадной силой превращают в безбожника... Такой народ, нация, «содружество» народов, черт бы его взял, это содружество! — Вика вдруг расхохоталась.— Он и взял всех нас! Словом, мы обречены. Обречены на озверенне, деградацию, нравственное паденне. Потому что, Арнк, без веры в Бога нет ни отдельного человека, ни народа. А Бог — это Любовь н Свобода. И то н другое большевики уничтожили в нашей жизни. Оглянись вокруг! Ведь...— Вика подалась вперед, к телевнзору: — Смотрн!

На экране телевнзора рассеивался дым от первого залпа прощального артиллерийского салюта — орудия стоялн, похоже, где-то на верху Кремлевской стены. Гроб с телом Суслова был уже опущен в могилу. Окружавшне ее люди — все в черном — бросали в могилу комья земли, а Председатель КГБ Андропов смотрел на ручные часы, он оказался на крупном плане, и — странное дело! — выраженне его лица было таково, будто он ослеп и ничего не видит.

...Прогремел последний залп прощального салюта, внутренние ворота с тыльной стороны здания КГБ на Лубянке открылись, и из них бесшумно выехали две черные «Волги».

Адрес, по которому следовала первая машина, был рядом, и уже через три минуты в салоне «Волги» прозвучало по рации:

— Клиент на месте.

...В этот час — было десять минут двенадцатого — Борис Буряце, он же солист Большого театра Борис Цыган, завтракал в одиночестве на кухне своей роскошной квартиры. Запахнувшись в бухарский халат, вытянув под столом волосатые ноги в войлочных домашних туфлях персидского происхождения, с загнутыми вверх острыми носами и расшитыми золотым причудливым узором, он пил из большой рюмки армянский пятизвездочный коньяк, закусывая его дольками лимона в сахаре и холодной осетриной.

Вчера после спектакля на даче балетного мальчика Вовы Радутова в обществе его подружек, солисток балета, эфирных созданий, было изрядно принято на грудь со всеми вытекающими последствиями («Если бы узнала Галина! Боже! Даже представить невозможно...»), у себя дома на улице Чехова Борис Буряце обозначился в четвертом часу ночи, заставив изрядно подергаться и понервничать двух сотрудников КГБ. Один из них участвовал в попойке у Вовы. Он и «организовал» доставку избранника Галины в Москву. Впрочем, всего этого Борис Буряце, естественно, не знал. И сейчас томился похмельной головной болью, дурным расположением духа и желанием кому-нибудь набить морду. К тому же только что, перед тяжким пробуждением, приснился отвратительный сон: будто он, абсолютно голый, лежит на столе, заставленном всяческой снедью и выпивкой, но за столом никого нет, только стоит перед ним огромная розовая свинья, чистенькая, вымытая, и с аппетитом жует его ногу, даже вроде бы какие-то косточки похрустывают в ее розовой пасти. Совершенно не больно, но противно.

— Тьфу! — Борис Буряце с ожесточением сплюнул на пол, подумав: «Еще, что ли, рюмаху заглотить? Может, опять засну?»

И в это время в передней раздался требовательный звонок — трижды, с равными перерывами.

Бориса неведомая сила рывком подняла со стула.

«Что такое? Почему снизу не предупредили? Может быть, Галина? Нет, так она не звонит. Кто?..»

Холодный пот покрыл лицо солиста Большого театра Бориса Цыгана, и тяжкое предчувствие неотвратимой беды мгновенно охватило его.

«Все... Это конец. Пропал».

Медленно шагая в переднюю — ноги стали ватными и не слушались,— он еще подумал с ненавистью и презрением к себе: «Кретин! Я тебе сто раз говорил, линять надо было еще год назад. И необязательно за рубеж, хоть на Колыму. Кретин! Кретин! Кретин!..»

Он подошел к двери, когда звонки повторились, с той же требовательностью и кратностью.

— Кто? — спросил Борис Буряце (в двери «глазка» не было) и не узнал своего внезапно севшего голоса.

— Открывайте, гражданин Цыган. КГБ.

В глазах потемнело. Он не мог пошевелиться.

— Открывайте, открывайте.— Голос был спокоен и вежлив.

«Может быть, все обойдется? — подумал Борис Буряце, непослушными руками открывая замки и засовы.— Галина выручит?.. Хрен выручит. Да ее саму...»

Вошли трое в штатском. Потом, уже в одиночной камере Бутырок, он попытался вспомнить лица — и не мог. Кажется, один был пожилой.

И все завертелось, понеслось, зарябило в глазах, окуталось звоном в ушах и шорохом невидимых крыльев («Кто здесь летает?» — даже с любопытством успел подумать он). Все обратилось в нереальность, наваждение, жуткий, но захватывающий сон. И вроде бы все происходило быстро-быстро, как в ускоренной ленте кинохроники.

— Вот, гражданин Буряце, ордер на обыск, подписанный прокурором. Сначала пройдем в спальню.

— Но...

— Повторяю: пройдем в спальню.

В спальне, кажется, пожилой сказал:

— Открывайте ящики комода.

Борис открыл ключами верхний и средний ящики. И содержимое оказалось на огромной кровати, на которую предусмотрительно положили лист плотного целлофана.

— Теперь — нижний ящик.

— Но у меня нет от него ключа. И я не знаю, что там.

— У кого же ключ?

Борис Буряце молчал.

— Понятно.— Старший кивнул одному из своих подельников.

Нижний ящик был тут же ловко, почти мгновенно открыт крохотной фомкой. И из него извлекли небольшую шкатулку черного дерева с перламутровыми инкрустациями.

— Откройте сами, гражданин Буряце.

— Она же заперта...— Борис почувствовал острую боль в животе.— Мне... Мне надо в туалет.

— Проводите его.

Понос был внезапным, неудержимым, мучительным, и, сидя на унитазе, хозяин антикварных апартаментов презирал себя, жалел, прощался с жизнью.

Когда его вернули в спальню, шкатулка из черного дерева была уже вскрыта, и в ней... Он не поверил своим глазам. За последние годы Борис Буряце повидал немало ювелирных изделий из золота и серебра, выполненных мастерами высочайшего класса, редчайшие драгоценные камни в перстнях, ожерельях, диадемах, серьгах, бриллианты, которые занесены в каталоги всех стран. Но то, что было перед ним...

«Старина. Не иначе — или царево, или тех, кто был возле русского трона. Да здесь на миллионы и миллионы!..»

— Все это ваше, гражданин Буряце?

— Нет. Я... Первый раз вижу.

— Странно. Тогда чьи же это драгоценности?

— Повторяю: я первый раз...— И Борис Буряце сорвался на истерический крик: — Чего вы со мной в дурачка играете? Еще раз повторяю: я никогда не открывал этого ящика! У меня нет от него ключа!

— Так у кого же он?

— У нее...

— То есть?

— Вы же знаете! У Галины.

— Какой Галины?

— У Галины Леонидовны Чарановой.— И Борис Цыган мгновенно успокоился: «Руки коротки».

В спальне нависла короткая тяжелая пауза, пожилой, когда эта пауза перегрузилась отрицательной энергией, не скрыв торжествующей улыбки, сказал:

— Что ж, гражданин Буряце, опись содержимого этого комода...— Он помедлил.— Отдельно — черной шкатулки составим при вас. Пригласите понятых.

И снова время помчалось вскачь: все завертелось, пустилось в пляс, зарябило в глазах.

Понятыми оказались дворник их дома, Кондрат («дядя Кондрат», звал его Борис и сейчас поймал на рыхлом в рябинках лице «дяди» радостную воспаленную усмешку), и жена соседа по площадке, какого-то академика, толстая размалеванная баба.

— Распишитесь вот здесь, гражданин Буряце. Теперь... Вот ордер на арест...

— Как на арест? — вырвался у него вопль.

— Опись всего остального мы произведем без вас. Сами понимаете: тут и суток не хватит. Все будет сделано по закону.

— Я протестую...— Ему самому было противно слышать свой дрожащий голос.

— Это пожалуйста. Для протестов вам будут созданы все условия. А сейчас — переодевайтесь. Туалетные принадлежности захватите.

И когда безвольный, вялый, как будто и не он, а некто другой, выпотрошенный Борис Буряце в своей роскошной собольей шубе следовал за широкой спиной молодого кагебешника к выходной двери, а в затылок ему дышал второй молодчик, где-то сбоку пожилой сказал:

— Может быть, гражданин Буряце, у вас есть какие-нибудь просьбы? — Пожилой стоял в просторной прихожей возле английского телефонного аппарата в стиле начала века.— Красивая штука.— Он тронул белую мраморную ручку телефона.

— Можно позвонить? — еще не веря в такую спасительную возможность, прошептал Борис Цыган.

— Отчего же? Можно.

Хозяин квартиры замер в замешательстве: «Я не могу при них...»

— Мы вас стесняем? Так пройдите к любому аппарату. Ведь в квартире, кажется, четыре телефона? Мы вас тут подождем.

Борис Буряце ринулся в гостиную.

...Было двадцать пять минут одиннадцатого вечера. Трудовой день заканчивался.

В кабинете Председателя КГБ кроме Андропова и начальника Шестого управления Щарака было еще несколько человек, непосредственных исполнителей первой стадии операции «Падающие звезды».

— Что же,— сказал Юрий Владимирович,— давайте, товарищи, послушаем.

Щарак не без удовольствия включил запись. Она была сделана на новейшей японской аппаратуре, и казалось: разговаривают рядом, за спиной,— слышалось дыхание, перепад модуляций голосов, шорохи домашнего звукового фона.

Борис Буряце. Галя! Галя!.. Это я...

Галина Брежнева. Где ты вчера ночью был, ублюдок?

Борис. Галя, они меня повязали! Они меня увозят...

Галина. Кто?

Борис. КГБ!

Галина. Е!..

Борис. Галя... Галочка, любимая, вытаскивай... Только дед...

Галина. Заткнись! Доигрался... Дай подумать.

Борис. Галя... Они в спальне...
Запись оборвалась.
— Тут мы прервали,— сказал начальник Шестого управления.
— Понятно.— Андропов побарабанил пальцами по столу.— И что же дальше Галина Леонидовна?
— Первый звонок — закадычной подружке, Наталье Ивановне Заблатовой. Валютчица, импортным барахлом промышляет, правда, высшего класса. Со связями, и большими...
— Ну и? — перебил Юрий Владимирович.
— Сейчас.
Галина. Наташка!
Н. И. Я.
Галина. Спишь, что ли?
Н. И. А хрен ли! От сна еще никто не умирал...
Галина. Заткнись, дура!
Н. И. Галь, да ты что?
Галина. Борьку повязали.
Н. И. Ой!..
Галина. Вот тебе и «ой»...
Н. И. Кто? Менты?
Галина. Если бы менты... С Лубянки.
Н. И. Не хрена себе!
Галина. То-то и оно. Теперь, подруга, похоже, наша песенка спета.
Н. И. Чья? Твоя?
Галина. Может, и не только моя...
Запись прервалась.
— Здесь, Юрий Владимирович...— В голосе Щарака было смущение,— несколько фраз стерли.
— Есть дубликат? — жестко и требовательно спросил Андропов.
— Есть...
Галина. Может, и не только моя. Юрик танком к власти прет.
Н. И. Какой еще Юрик?
Галина. Дремучая ты тетка, Наташ. (Долгая пауза; вздох.) Ну... Это мы еще поглядим. Я чего звоню. С благоверным в ссоре. А он мне сейчас позарез. Позвони, разыщи. Скажи, я его прощаю. Не могу первая... Пусть позвонит.
Н. И. Щас, Галь...
Запись закончилась.
— Он позвонил? — спросил Андропов.
— Нет, Юрий Владимирович. Примчался сам. На крыльях любви. Галине Леонидовне надо было узнать, куда увезли ее предмет. Естественно, узнала и уже около четырех была в

Бутырках, привезла передачу, сказала: «Его любимое», потребовала свидания...

— И как вы поступили? — нетерпеливо перебил Андропов.

— Передача была принята. В свидании отказали. Хотя Галина Леонидовна и устроила скандал со всяческими угрозами.

— Все правильно.— Председатель КГБ не надолго задумался.— Вот что... Не должно быть пауз. Завтра же ее надо вызвать на допрос.

— Но...— вырвалось у одного из присутствовавших.

— Пока в качестве свидетеля,— жестко сказал Андропов.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

— К этому допросу надо тщательно подготовиться. Вам, Федор Александрович, предстоит бессонная ночь. И — что наш директор Госцирка?

— Колеватов совсем другой человек.— Щарак вынул из папки, которая лежала перед ним, блокнот, стал листать его.— При обыске и аресте вообще отказался отвечать на любые вопросы. Сказал лишь одно. Вот. «На все вопросы буду отвечать только при своем адвокате».

— Скажите, пожалуйста, прямо-таки европейский законник,— в задумчивости произнес Андропов.

— Ничего, Юрий Владимирович,— усмехнулся Щарак.— Заговорит. Еще сегодня ночью. И покажет, что нужно.

— И завтра же...— Председатель КГБ обвел присутствующих медленным взглядом. За толстыми стеклами очков не было видно выражения его глаз.— Завтра же приступим ко второй стадии операции «Падающие звезды».

— Все готово, Юрий Владимирович. Вот список лиц, с которыми в первую очередь должны быть проведены превентивные беседы.

— Жесткие беседы,— сказал один из присутствующих в кабинете, молодой человек лет тридцати с твердой складкой губ на волевом напряженном лице.

— Что же, товарищи, действуйте.— Председатель КГБ поднялся с кресла (и все заметили: с некоторым трудом, поморщившись от боли). — Свободны. Только вас, Федор Александрович, я задержу на несколько минут.

Андропов и Щарак остались в огромном кабинете одни.

— Я хочу вам дать несколько советов...— Юрий Владимирович вынул из ящика стола колбочку с таблетками в виде розово-синих капсул, извлек две и проглотил не запивая.— Через минуту отпустит.

— Вам бы, Юрий Владимирович, на пару недель...

— Нам необходимо,— перебил Андропов,— прикинуть, о чем и как говорить с ней. Кому поручено...

— Ее ведет следователь Мирашов Захар Егорович, один из наших лучших работников.

— Отлично. А теперь вот что, Федор Александрович... Давайте все происходящее рассмотрим с позиций государственных интересов.

26 января 1982 года

Кабинет следователя КГБ полковника Мирашова был просторен, светел (два окна выходили на юго-запад, и сейчас их озаряло зимнее утреннее солнце): письменный дубовый стол, с тремя телефонами, в углу столик для секретаря, сейф. Несколько стульев. Между окнами — картина: Ленин и Дзержинский беседуют в весеннем саду, расположившись в удобных креслах-качалках; пастельные, благостные тона. И лица у вождей мирового пролетариата благостные.

Было начало одиннадцатого. Свидетельница вызвана на полдесятого.

Хозяин кабинета, несколько полноватый для своих сорока шести лет, сидел за столом и неторопливо листал бумаги, разложенные перед ним.

В дверь деликатно постучали.

— Да,— без всякого выражения сказал полковник Мирашов.

Вошел молодой подтянутый секретарь.

— Приехала, Захар Егорович,— сказал он.

— Просите, лейтенант. Именно так: просите.

— Понимаю.

Прошло еще минуты две или три, и в кабинете появилась Галина Леонидовна Брежнева, в распахнутой дубленке, сверкая драгоценностями и вея французскими духами, шумная, решительная, отцовские густые черные брови капризно сдвинуты. Она бросила сумку, повесила дубленку в шкаф и, подвинув стул, села на него, широко расставив ноги. Взглянув на хозяина кабинета хмурым и напряженным взглядом, чуть хрипловатым голосом произнесла:

— Ну?

— Разрешите представиться, Галина Леонидовна, ваш следователь Захар Егорович Мирашов...

— Надо же! — перебила свидетельница.— У меня уже есть следователь! Да вы отдаете себе отчет...

Брежнева сделала паузу, дожидаясь реакции, и она последовала:

— Продолжайте, Галина Леонидовна,— спокойно сказал Мирашов, что-то записывая на чистом листе бумаги.

— Что вы там пишете? — нервно спросила свидетельница, и с лица ее мигом слетело надменное выражение.

— Так... Одно наблюдение.

— Я что, на допросе?

— Пока нет, Галина Леонидовна.

— Что значит — пока?

Захар Егорович, не ответив, продолжал что-то записывать. Пауза затягивалась.

— Собственно... Почему я вызвана?

— Успокойтесь, Галина Леонидовна. Придвиньте стул поближе. Разговор у нас с вами долгий.

Брежнева послушно придвинула стул и села напротив следователя, избегая его прямого изучающего взгляда.

— Итак, Галина Леонидовна... Вы вызваны в качестве свидетеля по очень серьезному преступлению...

— Какому еще преступлению? — В голосе свидетельницы прозвучало отчаяние.— Да как вы смеете? Меня...

— Смеем! — вдруг резко перебил полковник Мирашов.— Смеем. Закон один для всех — и для дворника, и для Генерального секретаря партии.

— Что? — Лицо Галины Леонидовны побледнело.— Что?..

— Повторяю: пока вы вызваны как свидетельница, и сейчас у нас с вами лишь предварительная беседа...

— Дружеская,— не выдержала Галина Леонидовна, оправившись от только что услышанного и подумав: «Был бы жив Цаган... Ну, ничего. Погодите».

— Да,— сказал Мирашов спокойно.— Да, уважаемая Галина Леонидовна, вашего покровителя, если так можно сказать, родственника, в стенах КГБ больше нет. Все мы смертны. Увы, увы... И в дружеской, как вы изволили выразиться, беседе прошу учитывать это скорбное обстоятельство.

«Господи!.. Твою мать! Да он же читает мои мысли!»

— Теперь о преступлении.

Следователь углубился в свои бумаги. Опять затянулась пауза.

— История вкратце такова.— Мирашов откинулся на спинку стула.— Двадцать седьмого декабря прошлого года... Получается, как раз через неделю после семидесятипятилетнего юбилея вашего батюшки Леонида Ильича. Так вот, двадцать седьмого декабря восемьдесят первого года из квартиры народной артистки, знаменитой дрессировщицы львов Ирины Бугримовой были похищены редчайшие драгоценности, принадлежавшие лицам, приближенным к царствующим особам. Основу этого богатства составляют бриллианты...

— Но при чем тут я? — истерически выкрикнула Галина Леонидовна. На ее гладком лбу выступили капли пота.— Я вас спрашиваю: при чем тут я?

— Вы спрашиваете — я отвечаю.— Мирашов выдвинул средний ящик письменного стола, вынул шкатулку из черного дерева, украшенную перламутровыми инкрустациями, небрежно высыпал содержимое на стол. В крупных алмазах преломились солнечные лучи, брызнув тонкими стрелами в разные стороны.— Вы, Галина Леонидовна, конечно, догадываетесь, откуда к нам пожаловала эта шкатулка? — Дочь Генерального секретаря КПСС молчала.— Эти вещи принадлежат вам?

— Нет! — поспешно выкрикнула Галина Леонидовна, но тут же поправилась, уже спокойно, с вызовом, сказав: — Да, это мои вещи! Я их хранила там... Там, где вы их похитили!

— Похитили,— усмехнулся полковник.— Получается: вор у вора дубинку украл, так, что ли? — Галина Леонидовна молчала.— Теперь ответьте мне на вопрос... Не спешите с ответом, подумайте. Итак... Где вы взяли эти драгоценности?

— Я... я не желаю отвечать!

— Не желаете?

— Ну... Ну, хорошо. Я их купила, приобрела.

— У кого?

— Я отказываюсь отвечать! — В голосе свидетельницы послышалась истерика.— Вы не имеете права...— В ее руках появился большой носовой платок, и она шумно высморкалась.

— Хорошо,— участливо вздохнул следователь.— Мы еще вернемся к этой теме. А теперь... Вам, Галина Леонидовна, конечно, известно, что все это...— Полковник Мирашов провел рукой над драгоценностями,— все это лишь часть богатства, похищенного у Ирины Бугримовой. Я предполагаю, третья часть.

— Не понимаю...— прошептала свидетельница.

— Полноте, Галина Леонидовна, все вы понимаете. Довожу до вашего сведения: вчера был арестован не только Борис Цыган, ваш, так сказать... И на его квартире произведен обыск с описью всего имущества. В тот же час или чуть позже был арестован еще один ваш хороший знакомый, можно сказать — друг.

— Кто?..

— Ведь вы уже догадались, Галина Леонидовна. Да, да! Этот человек — директор Госцирка Анатолий Николаевич Колеватов, который, скажу прямо, бросает тень не только на вас, но и на Леонида Ильича.

— Да как вы смеете!

— Смею. Потому что ваш Колеватов — преступник.

— То есть?

— При обыске в его квартире обнаружено двести тысяч долларов... Я уже не говорю, что по нашим законам советский человек без особого разрешения не имеет права держать у себя дома иностранную валюту. Кроме того: может ли наш гражданин, пусть даже директор Госцирка, заработать такую сумму? Двести тысяч долларов! Впрочем, Галина Леонидовна, я понимаю: у вас очень приблизительное представление о жизни ваших соотечественников. Поэтому довожу до вашего сведения: подобную сумму можно получить только нечестным путем.

— Каким же? — В голосе дочери Генсека прозвучало неподдельное женское любопытство.

— Ваш друг... Я предполагаю, знакомство с гражданином Колеватовым началось давно, еще во времена вашего первого замужества на цирковом тренере. Ведь так?

— Так,— нетерпеливо согласилась Галина Леонидовна.

— Очень важное сообщение.— Следователь вдруг улыбнулся.— Цирк, ваш первый супруг... Ирина Бугримова тоже работает в цирке... Словом, Толя Колеватов брал взятки...

— Эко! — разочарованно перебила Брежнева.— Кто их нынче не берет?

— Взятки взяткам — рознь. В подчинении вашего Колеватова... Сейчас надо уточнить: было. Было восемьдесят цирковых групп, а также зоопарки, ансамбли на льду и прочее и прочее. Коллектив в двадцать тысяч человек, из них шесть тысяч актеров, заветная мечта каждого из которых — попасть на гастроли за рубеж. Вот предприимчивый Анатолий Николаевич за организацию зарубежных гастролей и брал взятки в твердой иностранной валюте. Заметьте, Галина Леонидовна,— «в особо крупных размерах». По нашим законам попадает корыстолюбец Анатолий Николаевич под «вышку». Но все эти печальные обстоятельства, уважаемая Галина Леонидовна, не главное, если иметь в виду ваши интересы.

— Не понимаю...

— При обыске на квартире Колеватова обнаружено также порядочное количество бриллиантов и других драгоценностей, и приблизительная стоимость всего этого — один миллион рублей. При этом эксперты установили, что все они украдены у Ирины Бугримовой, а это составляет примерно треть похищенного. Колеватов показал на допросе, что все обнаруженные у него драгоценности принадлежат вам, что вы передали их ему на сохранение. Вот, если желаете взглянуть, копия допроса гражданина Колеватова...— Следователь придвинул к Галине Леонидовне несколько листов бумаги.—

Взгляните. Или вам не интересно? И найденное у директора Госцирка не принадлежит вам?

— Мне, мне! — вдруг взъярилась свидетельница, вскакивая со стула.— Мое! И я больше не желаю разговаривать с вами! Мы поговорим в другом месте!

— Отчего же, поговорим.— Мирашов нажал кнопку на боковой панели письменного стола, и в кабинете появился вежливый секретарь.— Проводите, лейтенант, Галину Леонидовну. Пропуск я передал дежурному.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

— Но мы, Галина Леонидовна, не подвели итога.— Свидетельница замерла в дверях, но не повернулась. Мирашов продолжал: — Мы обнаружили две трети драгоценностей, похищенных у Ирины Бугримовой. Остается найти последнюю треть. Надеюсь, с вашей помощью, при соблюдении обоюдных интересов...

Брежнева яростно хлопнула дверью.

Шагая за высоким молчаливым секретарем следователя Мирашова по длинному коридору мимо бесчисленных дверей, Галина Леонидовна пыталась сосредоточиться, понять, что произошло, какие принимать меры — и ничего не получалось. Мысли путались, появилось ощущение, что она уже никогда не выйдет из этого страшного здания, а всю оставшуюся жизнь так и будет идти за этим молодым человеком по бесконечным коридорам, мимо дверей, дверей, дверей с номерами...

И, только оказавшись в машине, рядом со своим шофером, которому она доверяла, начала успокаиваться.

«Твою мать! Что же получается? Все украдено у этой дрессировщицы! И... спросить некого — Бореньку замели. Солнышко ты мое сладкое!.. Да как же я без тебя?.. Чую, чую: не выпустят они тебя, забьют. Или еще как... И Толя, хрен моржовый. Друг называется! «Галя, у меня как в сейфе швейцарского банка!» Трепло! Продал с первого раза. У Бори, у Тольки... А третья часть!..»

В глазах Галины Брежневой потемнело.

«Они могут и у меня произвести обыск! Неужели посмеют? Посмеют... Юрик посмеет. И не под меня они, ясное дело, копают, под отца. Господи Боже мой! Тогда как же это все ко мне попало?..»

История действительно более чем странная...

Дело в том, что последнее время Галина Леонидовна страстно увлеклась (если она чем-нибудь увлекалась, то только страстно) магией, экстрасенсами, спиритизмом, колдовством.

В ночь под Новый, 1982-й год она оказалась у знаменитой заезжей гадалки. Пожилая смуглая женщина с черными, как омут, глазами, отлично изъяснялась по-русски («Я, голубушка, говорю со своими клиентами на языке их народа»). Гадание велось на черном подносе, залитом голубоватой жидкостью, похожей на зеркало, при свечах, в полутемной комнате со старинной мебелью. В двух чашах курились какие-то благовония. Гадалка водила руками над подносом, и на его поверхности иногда возникали видения.

— Что меня ждет? — в конце гадания не своим, деревянным голосом спросила Галина Брежнева, находясь в каком-то трансе.

Гадалка прошептала вкрадчиво:

— А вот что, душа моя. Погляди.

Струи благовонного тумана рассеялись над подносом-зеркалом, и обомлевшая Галина Леонидовна увидела в живой вздрагивающей глубине несметное богатство: кольца, серьги, перстни с драгоценными камнями, диадемы, колье — и бриллианты, бриллианты, бриллианты.

— И все это...

— Все это будет твое, мой светлый ангел.

...Через несколько дней, пятого или шестого января, произошло событие, которое Галина Брежнева восприняла как естественное продолжение новогоднего гадания.

В их «гнездышке» (как она называла квартиру, в которой обитал ее возлюбленный Борис Буряце) в спальне, в нижнем шкафу комода, у нее был свой тайник. Вернее, даже не тайник — о нем Боренька не знал — а ее «место»: там она держала некоторые документы, векселя, свои записи. И — только. Никаких драгоценностей. Ключ от ящика всегда был при ней.

И вот в ту январскую ночь, после бурной жаркой любви, когда утомленный Борис Цыган заснул, Галина решила в специальную книжечку занести записи о последних ювелирных приобретениях («Так и знай, Боря: все это — наше. И — если, упаси Бог, что случится — все пополам. Фифти-фифти»). Взглянув на возлюбленного, который сладко спал, приоткрыв рот, и на подушку выползла струйка слюны, Галина нежно прикоснулась губами к его влажному лбу, осторожно выбралась из-под атласного одеяла, достала ключик, открыла нижний ящик комода, выдвинула его — и в буквальном смысле ее поразил столбняк. В ящике лежал порядочный мешочек из темной парчи, перевязанный шелковой лентой.

Сердце яростно заколотилось. Сладостное предчувствие захлестнуло Галину Леонидовну: «Гадание сбывается!..» Дрожащими руками она развязала шелковую ленту, и первое, что увидела, были крупные бриллианты. Те самые, которые

показала ей гадалка в таинственной глубине подноса-зеркала. Галина Леонидовна зажмурилась, потом резко тряхнула головой: уж не сон ли, не наваждение? Открыла глаза... Нет, не сон.

Запустив руку в парчовый мешочек, она, все еще не веря в происходящее, стала жадно перебирать невиданные драгоценности.

«Да откуда же?» — наконец возникла первая здравая мысль.

Галина оглянулась на возлюбленного — Борис Буряце безмятежно спал.

«Милый, милый! Это ты. Ведь больше некому. Ах, проказник! Значит, и у тебя есть ключ от моего ящика...»

Появилось желание тут же разбудить своего избранника и задать единственный вопрос: «Откуда?..»

Но Галина Брежнева сдержала себя: «Он хотел сделать мне сюрприз. Пусть сам расскажет утром».

Настало утро, и было оно обыкновенным: мирно завтракали на кухне, болтая о пустяках.

«Странно. Значит, мой дурачок ждет какой-то даты. Подожду и я».

Однако в следующие дни Галина Леонидовна, уже успокоившись, перебрала все драгоценности, оказавшиеся в парчовом мешочке,— и изумилась, ужаснулась, пришла в смятение: «Да это же царское состояние! Что, если Борис выкрал его из какого-нибудь музея? Или... Еще откуда? Из Алмазного фонда? Значит, все это — ищут?»

Решение пришло сразу. Она разделила содержимое на три части, одну оставила в квартире Бориса Буряце, поместив эту треть в антикварную шкатулку из черного дерева, приобретенную в прошлом году в комиссионке на Арбате, вторую передала на сохранение «верному другу» Анатолию Колеватову, получив от него всяческие клятвенные заверения, что «все как в гробу. Или в швейцарском банке», а третью часть спрятала у себя.

Шли дни. Борис Цыган помалкивал. Галине Леонидовне подобная игра начала даже нравиться: «Интересно, как это будет им преподнесено?»

— И вот...

Машина стремительно неслась по московским улицам — постовые милиционеры знали ее и давали «зеленую волну».

«Преподнесли...— потерянно думала Галина Брежнева. И вдруг от вспыхнувшей догадки почувствовала, что теряет сознание. Но Галина Леонидовна была сильным человеком, всегда — во всяком случае до сих пор — уверенной в себе. Она победила приступ слабости и теперь догадку оформила

в четкую формулировку: — И гадалка, и появление в моем ящике драгоценностей Ирины Бугримовой — это они. Так... Что же предпринять?»

Галина Леонидовна тронула руку шофера:

— Давай на Кутузовский. Заедем к отцу. Может, он не в своем чертовом Заречье.

— Вначале позвоним? — спросил шофер.

— Не надо звонить,— раздраженно ответила Брежнева.

28 января 1982 года

Статья Артура Вагорски «Он идет!» в газете «Дейли ньюс»:

«События на кремлевском олимпе разворачиваются стремительно и драматично. Борьба за верховную власть после неизбежного и скорого ухода Леонида Брежнева, по моему убеждению, входит в решающую фазу, и лидирует в ней человек, на которого я делаю ставку,— это, как я уже говорил раньше, Председатель КГБ Юрий Андропов. Я знаю: мою точку зрения не разделяет большинство советологов и кремленологов Запада. Доводы там разные, но есть главный: еще никогда в Советском Союзе не становился главой партии и государства человек, руководящий тайной полицией. Странное соображение! Разве в истории все повторяется? Или самый могущественный глава КГБ Лаврентий Берия разве не готовился захватить власть в Советском Союзе после смерти Сталина?

Впрочем, давайте обратимся к фактам. Вот что мне известно из самых достоверных источников. Или, если угодно, из первых рук. В день похорон Михаила Суслова, 25 января, КГБ начал осуществлять операцию под кодовым названием «Падающие звезды». Обратите внимание: Главный Идеолог Советского Союза еще, как говорится, не сошел в могилу, а Юрий Андропов уже действует.

Операция «Падающие звезды» состоит из двух частей. Или, если эту операцию перевести на язык театральной политической драмы, из двух действий.

Первое действие: 25 января возобновлено так называемое «бриллиантовое дело», в котором, как я уже сообщал нашим читателям, фигурирует дочь Леонида Брежнева Галина. В тот день арестованы два примечательных человека: Борис Буряце, любовник Галины, и ее давний друг Анатолий Колеватов, директор Госцирка СССР. У того и у другого при обысках изъяты драгоценности, прежде всего бриллианты, которые, как показали на первых допросах арестованные,

принадлежат Галине Брежневой. Но самое пикантное в этой истории заключается в том, что конфискованные драгоценности в конце прошлого года были похищены у знаменитой дрессировщицы львов Ирины Бугримовой. Как они попали после кражи к дочери Леонида Брежнева, очевидно, выяснит следствие. Да, казалось бы, прежде всего в орбиту судебных органов попадет Галина Брежнева. Однако нетрудно просчитать, по кому прежде всего наносится этот сокрушительный удар. Впрочем, я должен оговориться: если он будет нанесен. Если начнется судебный процесс. А может быть, это лишь предупреждение? Или психологическая атака? Как говорят русские, поживем — увидим. Но факт налицо: «бриллиантовое дело», выпавшее из рук бывшего первого заместителя Председателя КГБ генерала Цагана, покончившего жизнь самоубийством, возобновлено.

Теперь второе действие политической русской драмы, названной ее режиссером-постановщиком «Падающие звезды». Оно началось в ночь с 25 на 26 января. В эту ночь несколько тысяч функционеров партии и высших государственных органов получили повестки с указанием часа явки к следователям КГБ. Точная цифра уточняется. По некоторым данным, она приближается к четырем тысячам. В списках «приглашенных» — пока, как сказано в повестках, «для беседы» — самые разные люди, начиная от министра и члена ЦК КПСС и кончая высшими военными чинами в Министерстве обороны и Генштабе. Но всех этих персонажей или действующих лиц объединяют два обстоятельства. Во-первых, каждый из них так или иначе замешан в коррупции и лоббировании теневикам, дельцам подпольного бизнеса, что было выявлено в результате операции «Каскад», и, во-вторых,— это люди покойного Михаила Суслова, его опора во всех структурах партийной и государственной власти. А если они опора Суслова, значит, они опора и Леонида Брежнева. И тут надо уточнить: были опорой... Потому что, по всем данным КГБ, явно инспирирована — под предлогом борьбы с коррупцией — грандиозная чистка партийного и государственного аппаратов. Я готов принять любое пари: все, кто в ночь с 25 на 26 января получил повестки, или попадут под следствие, или лишатся своих постов. И это произойдет в самое ближайшее будущее.

Дорога моему сумрачному таинственному герою расчищена. Он идет!

Он, хотя и незаметно, оставаясь в тени, неумолимо движется к поставленной цели.

Что же будет происходить дальше? Неминуемо обострится уже давно идущая борьба за трон внутри Политбюро. Рас-

смотрим расстановку сил в этом высшем всевластном органе Советского Союза.

Итак, из старых членов Политбюро, которое в 1964 году свергали Хрущева, после кончины Суслова остались четверо: Громыко, Черненко, Устинов и Копыленко. Кто из них может претендовать на верховную власть после ухода — или на пенсию, или в небытие — Леонида Брежнева? Громыко и Устинов отпадают. Во-первых, оба узкие специалисты, один в вопросах дипломатии, второй в вопросах армии и военно-промышленного комплекса. Во-вторых, Громыко, обладая огромным авторитетом и влиянием как в партии, так и в структурах государственной власти, предпочитает оставаться за спиной первого лица, «не высовываться», как в таких случаях говорят русские, а Устинов, министр обороны, личный друг Юрия Андропова, и, если что-то замышляется, действия их согласованы.

Остаются два украинца — Черненко и Копыленко. Кто из этих двоих может составить конкуренцию Юрию Андропову? Потерпите, и я отвечу на этот вопрос.

Но давайте все-таки посмотрим: может быть, есть претендент на верховную власть в стране среди тех, кто остается в Политбюро с хрущевских времен, но не принимал участия в заговоре против тогдашнего Генсека, или среди тех, кто вошел в высший партийный орган уже при Леониде Брежневе? Кто там?

Из новых: украинец Щербицкий и казах Куняев далеко от Москвы и поглощены своими нелегкими местными проблемами; Романов в Ленинграде, и репутация его подмочена несколькими скандалами личного характера, скорее всего или спровоцированными, или раздутыми; партийный столичный босс Гришин вполне удовлетворен своей неограниченной властью в Москве на посту первого секретаря горкома партии; сорокадевятилетний Горбачев, по меркам кремлевских старцев, «просто еще мальчишка», чтобы помышлять о кресле Генсека, и к тому же клеврет Андропова: это он из ставропольского захолустья вытащил его в столицу и Кремль. Итак, «новые» в Политбюро на конкурентов Юрию Андропову не тянут.

Теперь «старики». К Черненко и Копыленко приплюсовываются: семидесятилетний Тихонов и восьмидесятитрехлетний Пельше. Какие уж тут помыслы о престолонаследии! Самое время предаться размышлениям о грехах и спасении души. Впрочем, все кремлевские вожди — атеисты.

Тут, для разрядки, к месту будет свежий советский анекдот. (В России политические анекдоты, пожалуй, единственная оппозиция режиму, с которой никак не может справиться

КГБ.) Так вот... Открывается очередной съезд КПСС. К микрофону подходит председательствующий:

— Просьба к собравшимся в зале делегатам: встать! — Звучит гими Советского Союза.— Политбюро на сцену внести!

Но пора вериуться к двум оставшимся персоиам — Константину Чериеико и Александру Копыленко.

Сейчас к Леониду Брежневу ближе всего — Чериенко, он «старый друг», вроде бы едииственный, кто допускается для докладов и личных бесед, ему Генеральиый секретарь поручил вести еженедельные заседания Политбюро. Но... ои после Брежиева вряд ли станет его преемником. Западные советологи, ие зиая кремлевской кухни, явио переоцеиивают шаисы этого человека — ои узкий аппаратчик, кадровик, его ие приемлют как уцелевшие брежневцы, или, по определению диссидентских подпольиых изданий — «днепропетровская мафия», так и «иовые».

Итак, остается Александр Копылеико, опытиый интриган, человек с широчайшими связями в высших сферах, как в обеих русских столицах, так и в республиках, властолюбивый, целеустремленный. Правда, ходят слухи о какой-то его иеизлечимой болезни. Но кто из кремлевских вождей «старой гвардии» ие болен? И каких только слухов о каждом из них ие гуляет по русским просторам!

Словом, мой прогноз таков: реальный соперник Юрия Андропова в борьбе за брежневское наследие — Александр Копыленко, и скорее всего ему будет нанесеи Председателем КГБ следующий удар. Я ошибаюсь? Посмотрим...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

22 февраля 1982 года

В своих апартаментах на Лубянке Юрий Владимирович Андропов больше всего любил гостиную — два окна с задернутыми наглухо портьерами, журнальный столик в окружении мягких удобных кресел и дивана; телевизор, книжный стеллаж. Если бы еще можно было затопить камин... Но, говорят, и до революции, когда это огромное здание принадлежало акционерному обществу, все камины уже были декоративными, они никогда не топились: так задумано архитектором. Из гостиной — небольшой коридор, направо — туалетная комната, душевая, большое зеркало перед умывальником... Разглядывая себя в этом зеркале, как правило, с тревогой — недуги оставляли свои необратимые следы,— Юрий Владимирович часто, особенно в вечерние и ночные часы, ловил себя на жуткой, почти потусторонней мысли: шорох за спиной... Сейчас в зеркале, рядом с ним, может быть, лишь чуть отступив назад в нереальность неведомого измерения, отразятся те, кто когда-то смотрелся в это зеркало: «железный Феликс», Менжинский, Ягода, Ежов, Берия, Абакумов...

...Дальше по коридору — небольшая комната: простой обеденный стол, сервант с посудой — чайный и кофейный сервизы (тоже кем-то подаренные), электрический самовар, жестяные банки с кофе, чаем, сахаром. Печенье, сухарики. Аскетическая солдатская кровать у стены. Пустой холодильник «Саратов» лишь с несколькими бутылками боржоми. Эта комната — проходная: за ней маленькая прихожая, и из нее рукой подать — хозблок для руководства КГБ: в любой час

суток можно заказать горячую пищу. Автономное существование — в случае экстремальной ситуации — хоть годы, учитывая спецзапасы лубянских подвалов. Особенно здесь хорошо в вечерние и ночные часы, когда комната погружена в бархатный, кажется, осязаемый мрак коричневого тона, и только настольная лампа на эластичной податливой ножке освещает свежие американские и английские издания, разложенные на журнальном столике. Тишина... Полная замершая тишина... И будто нет за окнами Москвы, Старой площади, Кремля...

Хозяин Лубянки удобно сидел в кресле, с наслаждением вытянув ноги. Перед ним стоял монитор, еще днем принесенный помощником и включенный в систему наблюдения. Рядом лежал карманный телефон последней японской модификации.

Как всегда перед началом операции, разработанной тщательно и скрупулезно, Андропов испытывал странное, не поддающееся определению чувство тревоги, смешанной с азартом, волнения и непонятной горечи...

«Черт знает что! Никаких эмоций. Ведь это самое главное — никаких эмоций. Но... не получается. Слаб, слаб человек...»

Весь этот сумбур прервал мелодичный звонок телефона.

Прижав аппарат к уху и успев взглянуть на часы (было без пяти минут десять вечера), Андропов сказал приветливо:

— Добрый вечер, Фрол Дмитриевич. Слушаю.

— Добрый вечер, Юрий Владимирович.— Голос генерал-майора Попкова казался взволнованным.— Они идут по коридору, сейчас будут в кабинете. Подключайтесь.

— Как вы думаете, он допускает...

Возникла пауза, и начальник Пятого управления все понял.

— Мозгляк может только предполагать,— заспешил Фрол Дмитриевич.— А полковник Терешаев Петр Николаевич... Вы его давно знаете...

— Да, знаю,— перебил Андропов.

— Он знаком с системой видеонаблюдения. Хотя, естественно, сегодня не информирован...

— Хорошо,— снова перебил Председатель КГБ.— После окончания их беседы перемолвимся.

— Слушаюсь.

Юрий Владимирович нажал кнопку, прерывающую телефонный разговор, и включил монитор.

На вспыхнувшем экране обозначился небольшой кабинет, единственным убранством которого были письменный стол канцелярского образца и два стула. Над столом свешивалась сильная лампа под металлическим колпаком.

В кабннет вошли двое, и Андропов услышал, как за ними с лязгом захлопнулась железная дверь.

Полковник Терешаев был подтянут, моложав, несмотря на свои пятьдесят шесть лет, энергнчен, собран н, одновременно, явно располагал к себе.

«За прошедшие четырнадцать лет,— удовлетворенно подумал Андропов,— я вырастил здесь принципиально новые кадры. С ними можно плодотворно работать».

Второй человек, появившийся в кабинете, оказался высоким, сутулым, с лицом, отмеченным умом, интеллнгентностью, явной нервозностью («А вот это опасно»). Да и страсти человеческие оставили на этом уже довольно не молодом лице свои глубокие следы. Особенно рот — подвижный, с тонкими губами, и хотя изображение было черно-белым, когда невидимый оператор вывел лицо Мозгляка на крупный план («С клнчками у нас явная безвкуснца»,— подумал Юрий Владимнрович), показалось, вернее предположилось, что эти губы намазаны ярко-красной помадой.

— Прошу вас, Казимир Янович,— приветливо сказал полковник Терешаев,— прнсаживайтесь. Времени у нас перед дальней дорожкой не так уж много. Ваш рейс через...— Полковник взглянул на часы.— Через два часа сорок минут.

— Пардон, Петр Николаевич! — Голос у Мозгляка был высокий, неприятный.— Я, к вашему сведению, никакой не Казимир Янович, а на сей раз Ратовский Станислав Янович. Прошу, товарищ полковник, не путать!

— Вы молодцом, молодцом, Станислав Яновнч,— засмеялся полковник Терешаев.— Да что же вы не присядете?

Но Мозгляк продолжал быстро шагать по кабинету, и походка у него была странная: вихляющая, мягко-пластичная, с покачиванием бедер.

«Да он же голубой! — с отвращением подумал Андропов.— Впрочем,— успокоил он себя,— в нашей ситуации это обстоятельство только к лучшему. Очевидно, этим и руководствовался Попков».

Наконец Мозгляк сел на край стула, закинув ногу на ногу, и тут же носок левой ноги в дорогом ботинке на толстой подошве стал быстро подрагивать.

— Итак, Петр Николаевнч, я весь внимание.

— У вас есть еще какие-нибудь просьбы...

— То есть? — поспешно перебнл «Станислав Янович».

— Может быть, нужна какая-то дополнительная помощь? Есть новые вопросы, неотработанные детали...

— Помилуйте! — обиженно перебил Мозгляк.— Я в Вене готовил операцию трн неделн! Все досконально...

— Сколько раз,— перебил полковник Терешаев,— вы там бывали в последние годы?

— Ах, голубчик Петр Николаевич! — «Станислав Янович» вскочил со стула и опять возбужденно забегал по кабинету.— Несчетно, несчетно! Может быть, раз пятнадцать, а то и больше. Господи! Вы же знаете: я там вырос... Вена такой город! — Он сжал пальцы правой руки в пучок, нанес ему страстный поцелуй и, разжав пальцы, длинные и чрезвычайно подвижные, отправил свой воздушный поцелуй вверх, наверно, прямиком в австрийскую столицу.— Да, я знаю Вену как свои пять пальцев! О Боже! Набережные Дуная, предгорья Венского леса! А парк на острове Пратер! — И, захлебываясь восторгом, Мозгляк сам перебил себя: — Вы, Петр Николаевич, бывали в Вене?

— Бывал,— усмехнулся полковник Терешаев.

— Значит, вы наверняка посещали собор Святого Стефана! — воскликнул «Станислав Янович».— Двенадцатый век! Помните? Эти сумрачные своды, уходящие вверх, в бесконечность... Полумрак, свечи... Мраморное распятие Христа. Помните, помните? Розовый мрамор, обнаженное, сильное мужское тело. И — орган, Бах. Или Моцарт, «Аве Мария...».

— Вы поэт, Станислав Янович.

— Да, да! — Было что-то безумное в облике Мозгляка.— Или Вена после заката солнца. Кварталы Видена и Иозефштадта, где живет аристократия, сильные мира сего. Или великолепная, ослепительная Рингштрассе, опоясывающая кольцом средневековый центр города...— Мозгляк постоянно, алчно облизывал свои тонкие губы.— И в таинственную глубину из этой улицы-сказки ведут переулочки... А в них, уважаемый Петр Николаевич, таятся ночные клубы для избранных...

«Все-таки омерзительный тип»,— подумал Андропов.

— Сколько воспоминаний! — На лбу «Станислава Яновича» появились бисеринки пота, и оператор вывел это искаженное вожделением лицо на крупный план.

— Однако,— спокойно сказал полковник Терешаев,— вернемся...

— К нашим баранам! — быстро и почти радостно продолжил Мозгляк, мгновенно став абсолютно спокойным и собранным.— Я весь внимание, Петр Николаевич.

— Итак, в Вене у вас все готово.

— Абсолютно! — последовал мгновенный ответ.

— И с этим, как его?

— Пауль Шварцман,— подсказал Мозгляк.

— Да, Пауль Шварцман. С ним у вас полный контакт?

— Стопроцентный.

Полковник Терешаев вдруг задумался.

— Простите, дружище... Деликатный вопрос.

— Валяйте, полковник! — «Станислав Янович» растянул в улыбке тонкие губы.— Без всякого стеснения. Не вам мне говорить: в нашем деле на все вопросы должны быть получены точные ответы. Тем более если вопрос следует с вашей стороны.

— Благодарю.— Петр Николаевич помедлил.— А не может возникнуть ревность...

— Какая еще ревность? — быстро, заинтересованно перебил Мозгляк.

— Ну... Наш объект и этот Пауль Шварцман... Черт возьми! Кто он для него? Что их объединяет, кроме...— Полковник замешкался.

— Как что? — «Станислав Янович» коротко хохотнул.— Любовь! Любовь их объединяет, Петр Николаевич.

— А раз любовь...— Лицо полковника Терешаева напряглось.— Представим. Появляется третий. Разве это не повод для ревности, для скандала? И все может пойти насмарку.

— Вы меня удивляете, Петр Николаевич.— В голосе Мозгляка звучало достоинство с обидой пополам.— Я даю стопроцентную гарантию: все будет...

— Как в лучших домах,— невесело усмехнулся полковник.

— Вот именно! Как в лучших домах.— Мозгляк выдержал паузу.— Вы, мой друг, весьма консервативны. Неужели вы думаете, что только в разнополой среде популярна групповуха?

«Все-таки скот»,— пронеслось в сознании Юрия Владимировича Андропова.

— Человечество в сексуальном плане,— продолжал разглагольствовать «Станислав Янович» с явным удовольствием,— развивается весьма стремительно, под стать нашему ураганному веку. Это в полной мере относится к сексуальным меньшинствам...

— Хорошо, хорошо! — перебил полковник Терешаев.— Давайте теперь поговорим о главном.

— Разве мы этого еще не сделали?

— Необходимо расставить акценты.

— И опять я, Петр Николаевич, весь внимание.

— Пауль Шварцман немец, верно?

— Верно. И что из этого следует?

— Из этого следует вот что...— В голосе полковника Терешаева зазвучали металлические нотки.— Вы не допускаете, Станислав Янович, что этот Шварцман раскусит вас? Вы для него кто?

— Все по легенде, уважаемый Петр Николаевич. По легенде, которая совпадает с моей подлинной жизнью. Я эмигрант из России, вернее, из Белоруссии... Но это для моего нового друга Пауля не имеет никакого значения. Все из Союза — русские. Спросит — расскажу свою белорусскую главу, весьма краткую. Главное для него: я — австрийский подданный, коренной венец.

— И вы, коренной житель Вены,— перебил полковник Терешаев,— как утверждает наш эксперт, говорите по-немецки с акцентом. Это ли не повод для Пауля Шварцмана, чтобы усомниться...

— Пошлите вашего эксперта куда подальше! — закричал вдруг Мозгляк, снова вскакивая со стула.— Вы, полковник, явно недооцениваете меня.

— Успокойтесь, Станислав Янович...

— Да, да! Недооцениваете! Я разговариваю со Шварцманом на венском диалекте! А если вам удобнее словечко «акцент», то извольте: с венским акцентом. Отправьте меня на задание в Берлин, там я буду разговаривать с берлинским акцентом!

«Каков!» — невольно подумал Андропов.

— Сколько языков вы знаете? — очевидно, стараясь сменить тему разговора, спросил полковник.

И Мозгляк тут же успокоился, снова сел на край стула и с некоторой обидой, растворенной в достоинстве, сказал:

— Восемь, Петр Николаевич, если не возражаете.— И «Станислав Янович» отбил рукой нервную дробь по столу.

Рука быстро приблизилась крупным планом, и Юрий Владимирович Андропов увидел на ней заметный шрам, пересекающий ладонь и захватывающий запястье.

Полковник Терешаев тоже смотрел на шрам.

— Вам бы, Станислав Янович, избавиться от этого украшения,— сказал он.

«Умница,— подумал Андропов.— Только надо бы раньше... Прав Попков: таких агентов необходимо беречь и холить».

А Мозгляк, передернув плечами, сказал:

— Зачем? Он мне не мешает. Потом... Воспоминание детства.

— Хорошо,— перебил полковник.— Прилетите из Австрии, и мы вернемся к этому разговору. У нас, Станислав Янович, замечательные врачи. Простейшая операция — и никаких следов.— Похоже, Мозгляк пропустил это предложение мимо ушей, оно его не заинтересовало.— А теперь... Самое главное.

— Я слушаю,— встрепенулся «Станислав Янович», и теперь весь его облик являл напряженное внимание.

«Определенно уникальный субъект»,— утвердился в своем мнении Андропов.

— Слушайте меня виимательио, Стаиислав Яиович. Операция должна состояться при любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах...

— Будет имеино так, можете ие сомиеваться,— с достоинством перебил Мозгляк.— Операция состоится.

— Это, во-первых,— продолжал полковник Терешаев спокойно и твердо.— Во-вторых, и это принципиальио важно, объект, тоже при любых обстоятельствах, даже при иеобходимости самой жесткой обработки, ни в коем случае не должен заподозрить, что все происходящее с иим инспирировано...— Несколько мгновений Петр Николаевич колебался.— Из этого кабинета.

— Понимаю! — с восторгом воскликиул «Стаиислав Янович». И тут же разъяснил причину этого: — Работа усложняется. Но, дорогой Петр Николаевич, иадеюсь, и гонорар тоже?

— Не обидим,— поморщился полковиик Терешаев.— Наконец, последиее. На этот раз, Станислав Яиович, вы работаете не в одиночку...

— Не понял! — поспешио перебил Мозгляк.

— Сейчас поймете. Мы вам обеспечим страховку.

— И... Кто это?

— Вы с этими людьми ие будете входить в контакт. Повторяю: они вас страхуют и вступают в игру только в самой кризисной ситуации. Если оиа, не дай Бог, возиикнет.

— То есть вы мне ие доверяете?

— Доверяем,— поморщился Терешаев.— Если бы не доверяли, о страховке я бы не ставил вас в известиость.

— Резонно,— усмехнулся Мозгляк.

— Просто... Эту страховку вы должны учитывать в своих действиях. Теперь, кажется, все.— Полковник Петр Николаевич Терешаев извлек из ящика стола коричиевую кожаную папку.— Вот ваши документы и командировочиые. Вы прибываете в Веиу этой иочью, ваш клиент через двое суток этим же рейсом. Встреча...

— Да у меня все рассчитаио по минутам! — с обидой и раздражением перебил Мозгляк.— Господи Боже мой! В уме, конечно...

— Хорошо, хорошо! — Полковник положил иа руку «Станислава Яиовича», которая вознамерилась отбарабанить свою очередную дробь, широкую ладонь, и Мозгляк замер от этого прикосновеиия.— Уж больно вы иервны, дружище. Давайте-ка разберемся с докумеитами и прочим...

Юрий Владимирович Андропов отключил моиитор и взглянул иа часы — было без четверти одиниадцать. Ои иабрал иомер иачальника Пятого управлеиия.

— Я слушаю,— тут же раздался голос Попкова.

— Зайдите, пожалуйста, ко мне, Фрол Дмитриевич.

...Через пять минут они сидели за журнальным столиком, перед ними стояли две чашки — с чаем для Андропова, с крепким черным кофе для Попкова и тарелка с солеными орешками.

Возникла небольшая, но напряженная пауза. Ее нарушил Андропов:

— Что ж, я удовлетворен.

Фрол Дмитриевич Попков с облегчением вздохнул.

— Да, удовлетворен,— повторил хозяин кабинета.— И я еще раз убедился в том, что не ошибся, поручив вам подыскать человека для операции «Нарцисс».

— Спасибо за доверие, Юрий Владимирович.

— Этот Мозгляк вполне, вполне. Расскажите о нем поподробней.

— Извольте.— Начальник Пятого управления сделал крохотный глоток кофе.— Настоящая его фамилия — Зацембо. Казимир Янович Зацембо. Поляк. Наш поляк, из Белоруссии. История вкратце такова. Во время войны в Борисове свирепствовал начальник полицейской части города Ян Янович Зацембо, сын бывшего мелкопоместного помещика. Усадьба Зацембо располагалась в двадцати километрах от Борисова и была сожжена не то местными крестьянами, не то чоновцами во время революции. Было у Яна Яновича, кстати, представьте, Юрий Владимирович, учителя белорусского языка и литературы, трое детей — сын и две дочери — судьба их тривиальна и к нашей истории не имеет отношения. А вот сын, Казимир, Казя... Словом, Ян Янович при немцах оказался садистом: в застенках своего полицейского участка с особыми изуверствами «выбивал» показания из попавших в его руки партизан и тех, кто подозревался в связях с партизанами. И самое невероятное... Уже в конце войны, в сорок четвертом году, стал Ян Янович брать на свои допросы подросшего сынка, Казю. Это так его матушка называла — Казя. Жена Яна Яновича, безответная Анна Леоновна, умерла от туберкулеза месяца за два до освобождения Белоруссии от немцев. Так вот... Стал пятилетний Казя присутствовать при отцовских истязаниях пленных партизан. Ну и других...

— И что же? — напряженно спросил Андропов.

Попков поднял голову и встретил прямой, жесткий взгляд Андропова. Под толстыми стеклами очков, казалось, вспыхивают стальные искорки. Вспыхивают и тут же гаснут.

— Этот Казя... Он вошел во вкус: ему нравилось наблюдать изощренные пытки, особенно над женщинами.— Попков замолчал.

— Что же вы, Фрол Дмитриевич? Продолжайте.— Голос Андропова был холодно-спокойным.

— Это мы уже потом раскопали, когда Ян Зацембо-младший был завербован в Вене и на него собирался материал. Нашлись выжившие, кого Зацембо-старший не замучил до смерти. Свидетели. Свидетели любого дела, как подсказывает практика, Юрий Владимирович, всегда находятся.

Андропов молчал.

— Вот они, выжившие свидетели... Если быть точным, свидетельницы, рассказывали... Иногда Казя, наблюдавший со стула за происходящим, вдруг вскакивал с пылающим лицом и кричал: «Папа! Дай мне!»

— И что же папа? — живо спросил Юрий Владимирович.

— Папа давал.

— И вырос из Кази садист, извращенец. Так, что ли?

— Не знаю.— Попков помедлил.— Вырос женоненавистник, вот это точно.

— Что было дальше с семейством Зацембо?

По голосу Андропова Фрол Дмитриевич почувствовал, что хозяин кабинета утомлен его рассказом. Или раздражен... Попков заспешил:

— Похоронил Ян Янович жену, а тут — уже фронт рядом. Бежал от возмездия с сыном и дочерьми в Европу, осел в Вене. Открыл, представьте себе, массажный мужской кабинет, где сам был первым специалистом. Словом, оказался Зацембо-старший мастером на все руки. Скоро это заведение стало популярно. Дочери повыходили замуж, уехали от родителя. А Казимир прилежно учился вначале в каком-то русском частном и, надо сказать, престижном лицее, обнаружив блестящие способности к языкам. Тут только один примечательный эпизод. Достали Яна Яновича белорусские эмигранты. Хотя и по нашей линии шел его поиск. Белорусы добрались до него первыми. И вот, когда пришли... Ян Янович снимал дом на окраине Вены, в Хютгельдорфе. Их было трое. И в этот момент Казимир оказался дома. Ну... Началась свалка. Сын бросился на выручку отца. Вот с тех пор у Казимира Яновича шрам от ножа на правой руке...

— Они его убили? — глухо спросил Андропов.

— Зацембо-старшего? Убили. А Казя получил могучий удар по голове «тяжелым предметом», как было записано в полицейском протоколе.

— И как после смерти отца складывалась судьба Казимира Зацембо?

«Нет,— понял Попков.— Не утомлен его рассказом хозяин Лубянки, не раздражен. Наоборот: он полон нетерпения и

хочет что-то узнать во всей этой достаточно мрачной истории. Вот что?..»

— Дальше, Юрий Владимирович, наш герой сам ковал свою судьбу. После окончания лицея поступил на филологический факультет Венского университета, старательно и с увлечением занимался языками, он прирожденный полиглот. По окончании учебы что-то пописывал в газетки и журналы, занимался переводами, сочинил несколько пьес для радио, весьма удачных, и вошел в среду венской богемы, а там и в нашу эмигрантскую среду. Вот тогда... Это было в середине шестидесятых, я уже во главе Пятого управления. Мои ребята его и заприметили. Вербовка прошла, можно сказать, легко. В его натуре присутствует склонность к авантюризму, приключениям. Он оказался блестящим, надо добавить, азартным агентом. Однажды ему на хвост сели австрийские спецслужбы. Провал был неминуем. Мы предложили господину Зацембо на выбор несколько европейских стран. А он вдруг запросился в Россию, в Москву. Вот почему? Я и сейчас не знаю ответа на этот вопрос. Просьбу тут же удовлетворили. Согласитесь: какая удача! Уже в Москве он у нас прошел дополнительную подготовку, и сейчас Казимир Янович один из лучших агентов, работающих в Европе.

— Он женат? — неожиданно перебил Попкова Председатель КГБ.

— Его никогда не интересовали женщины. Думаю, еще со старших классов лицея. Вы понимаете...

— Да, да! — поспешно перебил Андропов.— Вот что... ему обязательно надо убрать этот шрам с руки. Лучшей приметы...

— Наше упущение, Юрий Владимирович. Завершится «Нарцисс», и прооперируем молодца.

— Отлично! — с некоторым возбуждением сказал Председатель КГБ.— Действительно, редкий работник. Я с ним, пожалуй, встречусь... После этого дела. Такими кадрами надо дорожить.

«Он не услышал от меня того, что хотел»,— подумал генерал.

...Забегая вперед, следует сказать, что встреча Юрия Владимировича Андропова и Казимира Яновича Зацембо не состоялась: через полтора месяца, если быть точным, 16 апреля 1982 года, труп Мозгляка был обнаружен в его московской холостяцкой квартире. Казимир Янович повесился в ванной на модном английском галстуке. Вскрытие и медицинская экспертиза констатировали самоубийство. Никакой предсмертной записки лучший агент Пятого управления КГБ (или один из лучших) не оставил.

— ...Теперь, Фрол Дмитриевич,— сказал Андропов,— последнее.— Председатель КГБ взял в большую холеную руку с отполироваиными иогтями свою чашку остывшего чая, но, так и ие сделав глотка, поставил ее обратио иа блюдце.— Меия интересует работа иад статьями. Оиа продвигается?

Попков выиул из кейса сколотые скрепкой несколько листов бумаги.

— Первая почти завершеиа. Нужна только редактура. Собственно, это не статья, а расширеиная корреспондеиция. Над второй работа завершается.

— Поиятио...— задумчиво проговорил Андропов.— Будем надеяться, что вторая статья ие понадобится.— Председатель КГБ помолчал.— Вы мне оставьте эти странички. Я с иими поработаю.

— Для этого и принес, Юрий Владимирович.

— Спасибо.

26 февраля 1982 года

Лайнер «Москва — Веиа», рейс номер 214, прибывал в междунароиный порт Швехат точно по расписанию — в ноль часов сорок пять минут по средиеевропейскому времени.

Владимир Александрович Копыленко в дорожном элегаитном костюме из темио-сииеи иемнущейся ткани, сорокалетний, полиеющий джеитльмеи с вялым безвольиым лицом в веснушках, сидел у иллюмииатора в салоие первого класса, прильнув к темному стеклу, и ожидание, нетерпение, восторг, страх (как всегда, страх!..) переполняли его до краев.

Уже зажглось табло «Пристегните ремии», по салону прошлась длинноногая вышколенная стюардесса-куколка, улыбнулась Владимиру Александровичу, сказала:

— Через семь мииут сядем.— Рейс был аэрофлотовский.— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, отлично.

Еще в российском иебе, почти сразу после взлета, ои почувствовал странную слабость, головокружеиие, нажал киопку «Бортпроводница», и эта милая девушка принесла ему две таблетки сиреиевого цвета и стакаи миеральиой воды. Через иесколько минут Владимир Александрович был в полиом порядке и сейчас думал: «Все это нервы. Совсем, черт побери, истрепал их».

Владимир Александрович Копыленко работал во Виешторге, занимая должность заведующего отделом по закупкам новейших компьютериых систем, создаииого совсем недавио. В Советском Союзе эти системы только внедрялись, прежде

всего на предприятиях военно-промышленного комплекса. Работа была действительно сложной и нервной, если угодно. Не хватало специалистов. Да и сам товарищ Копыленко был не очень-то силен в компьютерной технике, хотя закончил Бауманское училище и аспирантуру при нем, специализируясь в области космических технологий. Теперь приходилось вникать в суть на ходу, читать горы специальной зарубежной литературы, благо еще с детских лет выучили родители Владимира Александровича двум языкам, английскому и немецкому, и владел он ими в совершенстве.

В Вене предстояло подписать контракт с одной австрийской фирмой о закупке большой партии японских компьютеров (фирма выступала посредником, и с ней давно сотрудничал Внешторг). В Австрии уже три дня работали эксперты отдела, которым руководил Владимир Александрович, с ними прежде всего и предстояло встретиться «боссу» — так его за глаза называли сотрудники отдела с порядочной долей иронии.

Но эта встреча состоится не сегодня, а завтра — уже все обговорено, запланировано, расписано. Хотя номер в отеле «Империал» ему забронировали с сегодняшнего дня.

А сейчас, совсем скоро...

Вот поэтому и нервничал, можно сказать, восторженно страдал Владимир Александрович Копыленко. Сегодня, уже через несколько минут, состоится совсем другая встреча.

Он позвонил Паулю Шварцману позавчера с Главпочтамта — как всегда. И как всегда, Пауль, милый Пауль, будет его встречать.

Впрочем, откуда это дурацкое «как всегда»? У них и было всего... Сколько? Сейчас, сейчас... Пять? Нет, четыре свидания.

Три года назад он познакомился, совершенно случайно, с Паулем Шварцманом в буфете Венского оперного театра. (Давали «Аиду» Верди. Как забыть?!) Нет, не случайно — на все судьба: они сразу прониклись симпатией друг к другу. Пауль оказался немцем из Кельна, там у его престарелого отца небольшой банк, он же числится в нем управляющим. А в Вене снимает квартирку, «уютное гнездышко» в районе парка Бельведер («Совсем рядом с волшебным замком, мой друг Влади-мир»). И часто приезжает сюда. «Потому что, Вла-ди-мир (Паулю долго не давалось имя нового «друга»), здесь атмосфера, условия. Здесь все для нас. Да и Кельн хоть и близко, но оттуда, что здесь в Вене, не увидишь и не услышишь». Прямо из театра они отправились в «уютное гнездышко» Пауля Шварцмана, и с той незабываемой ночи все началось.

«Мой Пауль,— думал сейчас Владимир Александрович,— пылкий, нежный, сентиментальный. Господи! Что мы за страна?

Почему только у нас — преследования, слезы, презрение, дискриминация? Надо все держать в глубочайшей тайне, особенно если ты занимаешь высокий пост. Иначе — конец карьере, конец всему. И эта моя насильственная женитьба, отец настоял. Я не виноват, что Татьяна несчастна. Не виноват, не виноват, не виноват!.. Если мы рождаемся такими — что делать? Что делать, я вас спрашиваю? Будьте вы все прокляты!»

...Лайнер шел на посадку, за иллюминатором, призрачным бескрайним ковром мерцали огни ночной Вены, а Владимир Александрович вдруг вспомнил фразу Пауля, которую тот сказал ему позавчера по телефону:

— Я приготовил тебе, Володя (он теперь так называл Владимира Александровича), сюрприз. Очень пикантный сюрприз...

Лайнер уже бежал по посадочной полосе, и мимо иллюминатора стремительно мчалась назад яркая трассирующая полоса.

«Что за сюрприз?» — подумал товарищ Копыленко, ужас и восторг опять смешались в нем, и зубы скрипнули — так с Владимиром Александровичем случалось в моменты крайнего волнения.

Все багажные, таможенные и прочие формальности заняли не более четверти часа, и вот уже с небольшим элегантным баулом, перекинув плащ через руку, Владимир Александрович спускается по эскалатору в «зал встреч».

Как он любит этот венский международный аэропорт Швехат!

Огромность сверкающих помещений, где никогда не чувствуется большого скопления пассажиров и одновременно каким-то невероятным образом созданная атмосфера уюта. И все это для вас: кафе, бары, бесчисленные магазины, комнаты отдыха с мягкой удобной мебелью, парикмахерские, туалеты.

«Боже! — думал Владимир Александрович, спускаясь по эскалатору и ища взглядом в небольшой толпе встречающих Пауля Шварцмана.— Боже! Эти туалеты в общественных местах европейских стран — в аэропортах, на железнодорожных вокзалах, в государственных учреждениях! Стерильная чистота, воздух помещений насыщен ароматическими смесями, и — невероятно!..— тихая минорная музыка из невидимого источника». Товарищ Копыленко вспомнил, что, первый раз попав в подобный туалет в Финляндии — дело было лет пятнадцать назад, на заре его карьеры во Внешторге,— он был просто ошеломлен, впал в состояние транса, особенно его сразила эта тихая музыка. Он в панике думал тогда, что

оказался совсем не там, куда ему было нужно, и только вальяжный господин с изрядной лысиной, появившийся из кабины с бело-голубой дверью и на ходу застегивающий ширинку брюк, вразумил его: это здесь...

Сейчас, испытав внезапную острую нужду оказаться именно в таком месте, Владимир Александрович думал: «А ведь абсолютно точно кто-то определил: по состоянию общественных туалетов можно и следует судить о стране, об ее экономике, культуре, нравственном состоянии общества, о...»

— Володя! Я здесь! — прервал его странные рассуждения радостный голос Пауля Шварцмана.

Предмет любви товарища Копыленко уже бежал ему навстречу — высокий, стройный, с открытой головой, густые черные волосы разметались по плечам.

Они обнялись, Пауль пах дорогими сигаретами и крепкими дамскими духами (эта смесь всегда кружила голову Владимиру Александровичу, сводя его с ума...).

— Наконец-то!..— шептал Пауль.

— Наконец-то! — откликнулся товарищ Копыленко.— Только, Паша (так в моменты интимности называл Владимир Александрович своего избранника), мне срочно надо...

— Здесь, за углом,— сразу все поняв, просиял улыбкой Пауль Шварцман, увлекая московского гостя за угол мраморной стены.— Иди, а я подожду тебя вот в этом баре, закажу по чашечке кофе, и мы все обсудим.

«Что все?» — хотел спросить Владимир Александрович, но малая нужда погнала его за перегородку, облицованную синеватым камнем, с изображением мужской шляпы и трости.

Через несколько минут, насладившись туалетом международного австрийского аэропорта Швехат, Владимир Александрович Копыленко уже сидел в баре, уютном, слабо освещенном, за круглым столиком на двоих, перед ним исходила ароматным парком фарфоровая чашечка с густым черным кофе. («Заварка по-венски»,— сказал Пауль.)

Затягивалось сладостное молчание.

— Мы идем к тебе? — не выдержал он первым.

— Нет,— прошептал Шварцман.

— Не понимаю...

— То есть, Володя, мы, естественно, можем поехать сразу ко мне... Но есть сегодня еще одна возможность...

«Сюрприз!» — осенило Владимира Александровича. Сердце скакнуло и бешено заколотилось, мгновенно вспотели ладони («Отвратительное свойство организма»,— самокритично подумал заведующий отделом советского Внешторга).

— Какая возможность? — тоже шепотом спросил Владимир Александрович.

— Ты мне не однажды говорил, что хочешь попасть в один из привилегированных клубов Вены... Ну... В наш клуб. Ты еще сказал: «Хотя бы разок взглянуть».

Пауль Шварцман замолчал, ожидая реакции.

— Я слушаю, Паша. Я тебя слушаю.— Голос товарища Копыленко неожиданно сел.

— Так вот... такая возможность появилась.

— Что за возможность? — встрепенулся Владимир Александрович, и некий внутренний голос сказал ему: «Осторожно!»

— У меня появился новый знакомый,— таинственно улыбнувшись, продолжал Пауль.— Он член клуба «Георг III». Слышал о таком?

— Естественно, слышал! — воскликнул товарищ Копыленко, и внутренний предостерегающий голос стал абсолютно неслышным.

Клуб «Георг III»! Он тайно собирал о нем сведения, оказываясь в Австрии, выискивал публикации в «их» специальной литературе. Публикации, надо сказать, были чаще всего скучные, невнятные, естественно, без персоналий, а лишь с подробностями антуража. Публикации, скорее, интригующие.

— Кто этот твой новый знакомый? — И Владимир Александрович ощутил первый укол ревности.

— Станислав Ратовский.— Это имя Пауль произнес медленно, со старанием, как прилежный ученик, хорошо выучивший заданное стихотворение.— Он, кстати, эмигрант из России...

— Как эмигрант? — перебил товарищ Копыленко, и внутренний голос, хотя и с трудом начавший выбираться из темных дебрей, произнес: «Берегись, берегись...»

— То есть он не эмигрант, а его родители, отец, кажется... Этот Станислав оказался в Австрии сразу после той страшной войны совсем маленьким мальчиком, здесь вырос, получил образование, знает несколько языков, занимается переводами. Кстати, ты можешь говорить с ним по-русски...

— Где ты с ним познакомился? — перебил Владимир Александрович, успокоившись. И темная ревность снова завладела им.

— Ты можешь догадаться — где.— Улыбка скользнула по лицу Пауля Шварцмана.— Естественно, в нашем скверике, у памятника музыканту... Все забываю...

— Постой, постой! — перебил Владимир Александрович, холодея.— У тебя с ним...

— Володя! Володя! — замахал руками Пауль.— Это у тебя с ним может что-то быть. Если захочешь.

Владимир Александрович мгновеино успокоился, с облегчеиием вздохнув.

— Какую чушь ты несешь, Паша,— сказал он, отпив кофе.— Божествеиио! И привкус миндаля, что ли?

— Меия Станислав просто заинтересовал...— продолжал Пауль Шварцман.— Заинтересовал, как персоиаж нашей корпоративиой драмы в этом ие лучшем из миров. Ои — личность, интересиейший собеседник. А когда он сказал о том, что является членом клуба «Георг III»...

— Подожди! — перебил товарищ Копыленко.— Ты ему открыл меня?

— В самых общих чертах. Когда он спросил... Ты догадываешься о чем. Я не мог не сказать о тебе. Узнав о твоем желании попасть в престижный клуб, он сам предложил...

— И где же этот Ратовский сейчас? — снова перебил своего «друга» Владимир Александрович.

— Станислав тут, на площади, ждет нас в своей машине, чтобы сразу ехать...

Через иесколько минут они, взявшись за руки, выходили иа площадь перед огромиым зданием аэропорта Швехат, запружеииой миожеством легковых машин и пестрыми автобусами туристических фирм.

Шел дождь с мокрым сиегом.

Было без двадцати пяти два.

Ночиая жизнь австрийской столицы только иабирала силу.

— Серебристый «мерседес»,— сказал Пауль Шварцман.— Вон там, у полицейской будки.

У иовой машииы с включеииыми подфариками («Номера австрийские»,— отметил про себя товарищ Копыленко, в котором проснулась советская бдительиость, да и виутреииий голос начал нашептывать что-то предостерегающее) стоял высокий сутулый человек в плаще и фетровой шляпе с широкими полями, закрывающими лицо.

— А вот и мы! — с иотками смущения в голосе громко сказал Пауль Шварцмаи.

Станислав Ратовский сделал несколько шагов навстречу, приподнял шляпу — у него оказалось длинное, выразительное лицо. Тонкие, слегка подкрашенные розовой помадой губы растянулись в улыбке.

— Я уже заждался,— сказал он по-немецки.— Здравствуйте!

«Что-то в нем есть... непонятное»,— начал лихорадочно соображать Владимир Александрович.

— Разрешите представить стороны,— заспешил Пауль Шварцмаи.— Господии Копыленко, господин Ратовский.

Они обменялись рукопожатиями, и московский гость австрийской столицы сначала почувствовал, а потом увидел на ладони нового знакомца длинный белый шрам.

— Я Станислав,— приветливо сказал Ратовский по-русски без всякого акцента.— Если по правилам вашей страны — Станислав Янович. А вы господин Копыленко?..

— Владимир Александрович. Вот что, давайте говорить по-немецки. Чтобы мы все трое понимали друг друга. И я — Владимир,— перешел он на немецкий язык.

— Отлично! Просто отлично! — просиял Станислав Ратовский.— Вы, Владимир, как мне известно, в Вене в командировке, наверняка во времени ограничены.— Возникла короткая пауза, и в ней образовалось биополе, полное черной, взрывоопасной энергии.— Мне Пауль сказал... о вашем интересе. Предлагаю: сейчас, немедленно! Собственно, я все подготовил, договорился. «Георг III» ждет вас.

«Откажись!..» — завопил внутренний голос, оказавшийся почему-то в левой пятке Владимира Александровича.

Но дверца серебристого «мерседеса» была уже распахнута, Пауль, страстно сжимая локоть Владимира Александровича, легонько подтолкнул его вперед, и оба они очутились в салоне машины, на заднем сиденье.

Станислав Ратовский уже был за рулем и, захлопывая дверцу, сказал:

— Что же, господа, вперед!

Машина, плавно и бесшумно сдвинувшись с места, тут же набрала скорость, и показалось Владимиру Александровичу, уже через мгновение мчалась по загородному шоссе, навстречу сонму огней, которые стремительно приближались. На смотровом стекле работали дворники, счищая липнущий мокрый снег.

«Сказать, чтобы заехали в «Империал»? — пронеслось в сознании товарища Копыленко.— Оставлю документы в номере...»

«Скажи! Скажи!» — вопил и плакал внутренний голос. Но серебристый «мерседес» летел вперед, в салоне витал запах сигар и французских духов «Аполлон», звучала тихая музыка — рояль, скрипка и саксофон.

«Кажется, какая-то классическая мелодия? — расслабленно думал бедный Владимир Александрович.— О чем она? О том, что все мы умрем, а эта музыка останется. О том, что совершенно непонятно, для чего мы рождаемся на этой земле. Чтобы умереть? Какая бессмыслица! Нет... Нет! Эта музыка о любви, о любви, о любви. Да что это со мной?»

По щекам Владимира Александровича текли слезы. Он не помнил, когда плакал в последний раз. Кажется, в детстве.

На даче украли великолепный американский велосипед, подаренный родителями. Тогда Володя Копыленко учился в пятом классе.

В машине все молчали. И уже за окнами была Вена, залитая ослепительными разноцветными огнями реклам, витрин, городских фонарей. Все кружилось, мчалось, мокро сияло.

«Все-таки куда мы едем? — снова проснулась бдительность в товарище Копыленко, и он стал всматриваться в проносившиеся мимо городские пейзажи.— Так-так... Кажется, понимаю».

Справа темные деревья парка. Повернули. Сплошные витрины магазинов, ярко, празднично освещенные. «Да где же это мы? Что за шпиль впереди? Это же, кажется, костел августинцев, как-то возили на экскурсию. Значит, старый город. Центр».

Но здесь «мерседес» свернул в темноватый переулок, начался ощутимый уклон вниз. «Или едем к набережной Дуная?»

— Не волнуйтесь, Владимир,— нарушил молчание Ратовский.— Мы уже рядом.

Однако машина еще довольно долго петляла по улицам и переулкам, все менее освещенным, и наконец остановилась.

Первым вышел Станислав Ратовский, распахнул дверцу, сказал:

— Прошу, господа! — В его голосе звучала торжественность.

Все трое оказались на маленькой площади, слабо освещенной несколькими тусклыми фонарями, в ее центре возвышался фонтан из гранита в виде арфы, сейчас молчавший. Возле темного трехэтажного дома в стиле барокко или скромного дворца выстроились в ряд роскошные лимузины; товарищ Копыленко узнал лишь три или четыре «роллс-ройса», остальные марки машин были ему неизвестны. «Окна закрыты портьерами»,— определил Владимир Александрович.

У тяжелых дверей горели два розоватых фонаря в старинных граненых «стаканах» из темного металла.

— Идемте, господа.— Поднявшись по ступеням к двери, Ратовский нажал кнопку звонка.

И почти тотчас тяжелая дверь бесшумно отворилась, в ее проеме показался швейцар, пожилой мужчина с лицом, полным достоинства. Ему что-то тихо сказал Станислав Ратовский, и швейцар, молча отступив назад, пропустил всех троих.

А дальше...

Потом... Потом, когда все произошло, Владимир Александрович вспоминал ту ночь не как реальность, то, что все-таки может быть на самом деле,— а как наваждение, сладостный

мистический сон, ужас, погружение в преисподнюю. Или... Как сказать? В конце концов он нашел определение: «Ты оказываешься в другом измерении».

...В гардеробе полуобнаженные юноши приняли у них плащи; лестница вела вниз, и в мраморной арке, освещенной огнем камина, сидел на троне английский король Георг III, устремив на приближающихся к нему тяжелый безумный взгляд пустых глаз из-под лохматых бровей.

— Вначале нечто вроде экскурсии,— прозвучал рядом голос Станислава Ратовского.— И старайтесь, Владимир, воспринимать мир, в который вы попали, как реальность. Но вначале, после перелета... Правда, Владимир, ваша сумрачная Москва далеко-далеко, как будто ее и нет? («Вот именно, сумрачная»,— пронеслось в сознании заведующего отделом советского Внешторга.) Так вот, после перелета, да и погода слякотная, я предлагаю немного выпить.

Они оказались у стойки бара. Молодой бармен, стройный и мускулистый, в облегающем фиолетовом трико из прозрачной ткани, чью обнаженную грудь украшал золотой медальон с изображением Георга III, поставил перед ними три больших бокала, наполненных темным с гранатовым отливом вином.

— Этот напиток, господа,— тихо сказал Станислав Ратовский,— вы можете отведать только в нашем клубе, и нигде больше на земном шаре. Он так и называется — «Георг III». И выпить первый бокал надо до дна. Таков закон клуба.

Вкуса вина Владимир Александрович не ощутил — сразу перехватило дыхание, он пил мелкими глотками, потому что вино было густое, терпкое, его приходилось глотать с трудом. И пока он пил, на него не мигая смотрел молодой бармен, в его черных, казалось без зрачков, глазах, был зов...

— Вот и отлично,— засмеялся господин Ратовский.— Сейчас возникнет новое состояние.

И оно возникло...

У Владимира Александровича Копыленко походка сделалась легкой и молодой, он наполнился жизненной горячей силой — и желанием, желанием, желанием...

Он видел, что и его Пауль испытывает нечто подобное, а Ратовский... Наверно, тоже? Владимир Александрович, летя куда-то на крыльях, встретил взгляд Станислава, который, оказывается, тоже был в облегающем трико, только ядовито-зеленого цвета, и этот взгляд был пристально-внимательным и настороженным.

«В чем дело?» — захотелось спросить Владимиру Александровичу. И совсем не из-за страха — никакого страха не было,— а просто любопытно.

Господин Копыленко засмеялся от нахлынувшего счастья и прилива новых, неведомых ему раньше сил и ощущений.

Они все трое летели, летели...

Была бесконечная анфилада комнат, везде пылали камины, всюду были картины в тяжелых рамах — обнаженная мужская натура, торжество силы и вожделения, пир плоти, совокупления в самых причудливых невероятных позах...

В одной комнате, выдержанной в бордовых тонах, за ломберными столиками сидели чинные господа в смокингах, шла игра в карты — все было благообразно, замедленно, в камине бесшумно горели березовые поленья, и на породистых лицах играли жаркие отсветы. На «экскурсантов» никто не обращал внимания. В другой комнате неистовствовал музыкальный ансамбль, и все музыканты, и молодые и пожилые, были в рискованных, мягко говоря, костюмах, подчеркивающих их животворящее естество. Стойку бара облепили влюбленные пары, которые были абсолютно свободны в своих чувствах. Другие танцевали в свете мерцающих, вращающихся цветных прожекторов. Ритм танца был стремительным, бешеным, подводящим к краю бездны. Иногда свет гас совсем, и только бар оставался освещенным, причудливо и страшновато: сверкание бутылок, движущиеся тени, рельефная фигура бармена, виртуозно наполняющего бокалы. Владимир Александрович окончательно потерял чувство реальности: «Где я? Что со мной?..»

— Дальше! Дальше! — торопил Станислав Ратовский, а Пауль Шварцман нежно обнимал товарища Копыленко за талию.

Комнаты, переходы, мраморные эротические скульптуры, жаркое дыхание каминов, бары, официанты, очаровательные юноши в темных трико, развозящие на столиках напитки и закуски: «Что изволите, господа?»

И вдруг они очутились в маленьком полузатемненном зале, где в удобных мягких креслах сидели одни глубокие дряхлые старики, устремив тускнеющие взоры на сцену. А там, на ворсистом ковре, в лучах ярких ослепляющих прожекторов, совокуплялись двое: он — рослый мускулистый негр, «она» — нежно и томно извивающийся белокурый молодой человек с кожей, лишенной всякого загара. Невидимый микрофон многократно усиливал их страстные стоны и хрипы.

Владимир Александрович был близок к обмороку, к сладостному отключению сознания, и его, кажется, вездесущий Станислав Янович Ратовский успел поддержать за плечи сзади, шепча:

— Все, все. Экскурсия закончена. И зачем нам это? Настанет срок, никуда не денется. А сейчас... Как говорят у вас в России, мы и сами с усами.

— Не понимаю, не понимаю...— разнеженно лепетал Владимир Александрович.

— У нас тут заказан кабинет.

...И они очутились в кабинете. Мягкий ковер во весь пол, кресла, диваны. Пылает небольшой камин — жарко, терпкий, кружащий голову запах не то жасмина, не то неведомых духов. Низкий стол заставлен бутылками, закусками, фруктами, ананас искусно разрезан и распустился розовато-белыми дольками, приобретя очертания изысканного живого цветка.

Владимир Александрович увидел на потолке (оказывается, он уже лежал на диване, и его полное тело погрузилось в нечто мягкое и податливое) искусно, вожделенно выполненное панно: мужская оргия во времена Древнего Рима среди мраморных ванн и колонн античной бани.

«Господи! Господи! Прости мою душу грешную!..»

— Это дверь в ванную,— звучал где-то голос Ратовского.— Эта — в сауну. Я предлагаю для начала выпить и закусить.

Выпили. Над бокалами колдовал Станислав Янович. Кажется, опять был «Георг III»? Закусили. Невидимые крылья носили Владимира Александровича под самым потолком комнаты, и он руками касался тел римских патрициев, предававшихся изысканной похоти, и чувствовал жар их потных тел.

— Вы, Владимир, будете любить нас обоих,— говорил где-то рядом Ратовский.— А мы вас.

— Это прекрасно, Володя...— шептал в самое ухо Пауль Шварцман, щекоча его чуткими губами.— Это прекрасно... А мы с тобой все равно... всегда... на всю жизнь вместе.

Владимир Александрович блаженно чувствовал, как две пары умелых, нетерпеливых рук снимают с него одежду.

— Да! Да! Да!..— исторг вопль товарищ Копыленко.— Пусть!..

...Его разбудил странный звук: как будто кто-то громко и злорадно хихикнул.

Владимир Александрович Копыленко открыл глаза. Белый потолок. Голая убогая лампа в центре. «День или утро? И где я? Что со мной?» Тело было тяжелое, чужое. Голова отсутствовала. Не болела, а именно отсутствовала.

Заведующий отделом советского Внешторга (бывший, бывший заведующий...) рывком сел, и только тут в голове полыхнула резкая, огненная боль, отдавшись во всем теле. Очевидно, досталось и внутреннему голосу (похоже, этот беспокойный субъект сейчас помещался в области солнечного

сплетения), потому что он еле слышно простонал: «Я тебя предупреждал, скотина».

Владимир Александрович, в одном нижнем белье из розового шелка, сидел на засаленной продавленной тахте. Маленькая замызганная комната: кроме тахты — стол с грязной посудой и остатками еды, несколько разномастных стульев; телевизор на широком подоконнике; окно снаружи забрано металлической решеткой. В окно светил ненастный день.

«День? — Товарищ Копыленко взглянул на ручные часы (они были целы).— Без двадцати два! Встреча в нашем торговом представительстве назначена на двенадцать. А в одиннадцать в «Империале» я должен был встретиться со своими!.. Да что же происходит?»

Невероятно, но пока Владимир Александрович ничего не помнил о минувшей ночи.

«Меня ограбили? Усыпили?..»

Брюки, ботинки и носки валялись на полу, пиджак висел на спинке стула у окна. Наш несчастный герой вскочил с тахты и, шлепая по грязному полу босыми ногами, проследовал к стулу, судорожно сунул руку во внутренний карман пиджака. Бумажник был цел. Владимир Александрович дрожащими пальцами раскрыл его.

«Слава тебе, Господи!» Все деньги были на месте, он даже не стал их пересчитывать: купюры — он помнил — лежали в том порядке, как вчера были распределены им по отделениям бумажника.

«Значит, не грабеж? Тогда что же?.. А... А где баул?..»

Владимир Александрович зарыскал сумасшедшим взглядом по комнате. Плащ на вешалке у двери (и больше там никакой одежды). Телефон на полу под столом. («Это хорошо, важно — телефон. Но где же...») Его дорожный баул лежал на одном из стульев, правда расстегнутый.

Товарищ Копыленко вздохнул с некоторым облегчением. Однако помедлил, прежде чем подойти к баулу. Подошел. Вещи были разворошены, перерыты. Но папка с документами цела.

— Цела!..— прошептал Владимир Александрович и раскрыл папку.

Она была пустой. Ни паспорта, ни удостоверения Внешторга, ни бланков договоров с печатями, ни обратного билета в Москву. Ничего...

Зубы товарища Копыленко произвели отвратительный скрежет, и он мгновенно покрылся липким холодным потом.

«Что делать? Полицию... Немедленно вызвать полицию! Какой у них в Вене номер? Тоже ноль—два?»

Владимир Александрович ринулся к телефону, упав животом на пол, схватил телефонную трубку — ни гудков, ни шорохов... «Отключен...» — обреченно подумал товарищ Копыленко, чувствуя, как под телефонной трубкой взмокло ухо от пота, и он осознал, что жизнь его — прекрасная, обеспеченная, комфортная, привилегированная жизнь, кончена — он пропал...

Но тут в трубке щелкнуло, и возбужденный голос Станислава Яновича Ратовского сказал по-русски:

— Спешу! Спешу, Владимир Александрович, на помощь.

И товарищ Копыленко... Нет, теперь лучше сказать — господин Копыленко — все в один миг вспомнил: встреча с Пашей Шварцманом в аэропорту Швехат, Станислав Ратовский у серебряного «мерседеса», ночной клуб «Георг III» («Будьте вы прокляты! Прокляты! Прокляты!..»), кабинет и все, что в нем происходило. Владимир Александрович застонал. Особенно в сауне, в клубах сухого горячего пара...

«Умереть! Немедленно умереть!» Открылась дверь, и появился Станислав Янович Ратовский — в махровом халате бордового цвета, в стоптанных меховых шлепанцах на тощих волосатых ногах, чисто выбритый и благоухающий терпкими духами, кажется, теми самыми, чьи невидимые струи витали в том проклятом кабинете. В длинных пальцах правой руки он держал высокий стакан с прозрачной жидкостью, и на его дне истаивали две желтые таблетки.

— Владимир Александрович, голубчик! — В голосе звучало сочувствие и доброжелательность.— В какой вы неудобной позе! Выбирайтесь-ка из-под стола. Живее, живее! Вот так! — Наш траурный герой в розовом нижнем белье, перепачканном пылью, сел на стул. Его била мелкая дрожь.— Вот выпейте-ка сей нектар, и через полминуты почувствуете благостное облегчение.

Станислав Янович протянул Владимиру Александровичу стакан. Тот с ужасом отшатнулся, выставив вперед руки с растопыренными пальцами.

Ратовский безмятежно рассмеялся:

— Господин Копыленко, пораскиньте мозгами: есть мне смысл травить вас ядом, когда мы вашу персону заполучили, уж поверьте на слово, с немалым трудом и еще большими затратами...

— Кто это — мы? — пролепетал Владимир Александрович непослушными губами.

— Потом, потом. Пейте! — В голосе ненавистного Ратовского прозвучал приказ.

«Я в полной его власти»,— пронеслось в смятенном сознании бывшего товарища Копыленко.

Он покорно выпил прозрачное, без всякого вкуса пойло, и действительно очень скоро пришло облегчение. Сначала в голове начали как будто лопаться некие шарики, не больно, но с характерным звуком: пых! пых! пых! Все быстрее, быстрее, быстрее!.. Углубилось дыхание, окрепли мышцы, с глаз спала пелена (или упал занавес) — в комнате посветлело. Владимир Александрович облегченно тряхнул головой. Он был в полном порядке. Надо уточнить: в полном физическом порядке.

— Что все это значит? — спросил товарищ Копыленко (снова товарищ) строгим начальственным тоном.— И... где мои документы?

Ратовский откровенно, с удовольствием захохотал.

— Владимир Александрович, голубь мой сизокрылый,— сказал он, все еще давясь хохотом.— Беседовать о серьезных вещах в таком, простите, жалком виде... Вам срочно необходимо посмотреть на себя в зеркало. Забирайте-ка свои вещички, возьмите из баула бритву — и марш в ванну! По коридору вторая дверь направо. Первая — туалет. А я пока займусь поздним завтраком. За трапезой и побеседуем.

И, вдруг полностью лишившись воли, став вялым и безразличным ко всему, Владимир Александрович Копыленко подчинился.

В ванне, облицованной зеленым ярким кафелем, была чистота. Все необходимое на полках. Увидев в зеркале свою помятую, небритую физиономию, с печатью пагубного разврата, Владимир Александрович плюнул в нее, даже со злорадным удовольствием («Поделом тебе, харя немытая!»), и, погружаясь в горячую пенную воду, подумал вдруг: «А! Пропади все пропадом!»

Минут через двадцать, появившись в комнате уже во вполне пристойном виде, он обнаружил Станислава Яновича в изящном темно-синем костюме, белоснежной сорочке и при галстуке-бабочке. На столе был скромный, но вполне приличный завтрак: чай, сандвичи, яичница, крохотные белые булочки, сливочное масло и вишневый джем.

— Спиртное сейчас нельзя,— улыбнувшись, сказал Ратовский.— Может пропасть эффект тибетского зелья. Да и вообще, любезнейший Владимир Александрович, вам следует отвыкать от дурной русской привычки опохмеляться по утрам. Она вам в новой жизни больше не понадобится.

— То есть? — прошептал господин Копыленко.

— Отныне вы эмигрант, перебежчик, невозвращенец. Выбирайте любой вариант, какой вам больше нравится.

Владимир Александрович судорожно проглотил кусок яичницы, поднявшись со стула, вышел на середину комнаты и,

взяв себя в руки, сказал гордо (помните Владимира Маяковского: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока!»):

— Я требую немедленно соединить меня с советским посольством и от дальнейших разговоров отказываюсь.

— Да полно вам, голубчик,— буднично, по-домашнему сказал Станислав Янович, намазывая хрустящую булочку вишневым джемом и с аппетитом откусывая от нее кусочек.— Садитесь, в ногах, как известно, правды нет. И кушайте, кушайте. Времени в обрез.— Ратовский, облизав тонкие губы, взглянул на ручные часы.— Ваш рейс в Лондон в пятнадцать десять...

— То есть? — обалдев, спросил Владимир Александрович.

— Да садитесь же вы!

Господин Копыленко сел и большими глотками выпил чашку остывшего ароматного чая.

— Я, конечно, могу соединить вас с вашим посольством, хоть с самим послом. Только какой прок? Что вы ему поведаете? Может быть, о вчерашних ваших проказах?

— Я... я...— Владимир Александрович потерялся, его стал бить озноб, мысли разбежались.— Да кто вы такой? — выкрикнул он истерически.— Кто вы такой, в конце концов?

— Вот,— удовлетворенно сказал Ратовский.— Это уже ближе к делу. Слушайте меня внимательно и не перебивайте. Повторяю: времени у нас мало. Итак...— Станислав Янович с усмешкой посмотрел на свою жертву.— Я представляю английские интересы. Или, если угодно, интересы Ее Величества британской королевы. С позиций этих интересов, Владимир Александрович, вы становитесь отныне жителем Англии и сегодня... Может быть, завтра попросите политического убежища в нашей стране.

— Да на кой черт я вам нужен? — изумился господин Копыленко.

Возникла недолгая, но густая пауза. Станислав Янович, помешивая ложкой чай в чашке, думал, наморщив лоб.

— Ну...— произнес он с некоторым напряжением.— Вам все объяснят в высших британских сферах. Не моя компетенция. Но высказать свое предположение могу. Скорее всего, нашим соответствующим кругам не нравится советское проникновение на международный рынок компьютерных систем, прежде всего советский пристальный интерес к японским технологиям компьютеров...

— Но я — сошка! — перебил Владимир Александрович.— Маленькая сошка! Чего с меня взять?

— Значит, есть чего взять,— последовал спокойный ответ.— И не нам с вами судить. Я же, мой русский друг, только выполняю приказ.

«Как они меня сделали! — проносилось в эти мгновения в воспаленном мозгу господина Копыленко.— Обвели вокруг пальца... А я?.. Осел...» И тут в глазах Владимира Александровича в буквальном смысле слова помутилось: комната наполнилась серым туманом.

— А...— зашептал он.— А Шварцман? Пауль... Где он?

— Думаю, уже в Кельне,— прозвучал из тумана голос Ратовского.— Возможно, в конторе банка своего батюшки. Допускаю, пересчитывает гонорар, весьма, уж поверьте мне, Владимир Александрович, приличный...

— Что? — перебил господин Копыленко, и туман мгновенно рассеялся.— Вы хотите сказать...

— Вынужден,— развел руками Станислав Янович.— Сами напросились. Да, да! Такова, мой неудачливый русский друг, жизнь. Достаточно часто в этом не лучшем из миров люди между любовью и деньгами выбирают деньги. И поэтому настоятельный вам совет: забудьте навсегда Пауля Шварцмана. Вычеркните из памяти.

«Он меня предал... Паша меня предал. Предал и продал меня англичанам за тридцать сребреников. Все... Все. Какой смысл жить дальше?.. Умереть! Или... Бороться. Объявлю голодовку. Нет! Борьба! Сейчас брошусь на него. Душить, душить!..»

— Выкиньте из головы все ваши идиотские мысли,— прозвучал голос Ратовского.

Владимир Александрович открыл глаза — оказывается, он сидел на стуле зажмурившись.

— Я никуда не поеду! — постаравшись придать голосу твердость, сказал он.— Никакой Англии! Никакого политического убежища! Делайте со мной что хотите!

— Это мы, конечно, можем,— усмехнувшись, сказал Станислав Янович.— Способов — тьма. Доставить вас в Англию, к примеру, в трюме рыболовного траулера в полукоматозном состоянии, а потом вернуть к жизни на брегах туманного Альбиона, но уже в несколько поврежденном состоянии — нет проблем. Но, Владимир Александрович, зачем так усложнять жизнь? — Ратовский взглянул на ручные часы и вдруг встал со стула.— Все. Дискуссия окончена. Или мы с вами отправляемся в аэропорт...

— Или? — перебил господин Копыленко, все-таки пытаясь продлить дискуссию, правда, ясно не понимая: для чего?

— Или вот что.— Станислав Янович выдвинул из-под стола кейс из темно-коричневой кожи, положил его на стол, рас-

крыл, вынул плотный черный конверт, протянул его Владимиру Александровичу.— Взгляните на эти фотографии.

Непослушными пальцами бывший заведующий отделом советского Внешторга вынул пачку фотографий и... крепко зажмурил глаза.

«Сон... Кошмарный сон. Проснуться...»

— Смотрите! — приказал Ратовский.— Смотрите!

Он стал смотреть.

«Какой позор! Какая мерзость! И это — я? Я — такой? Гадость! Пакость... А это... В сауне... Что они со мной делают?..»

Владимир Александрович с омерзением швырнул фотографии на пол.

— Вы их еще ногами потопчите, милейший,— усмехнулся Станислав Янович. И вздохнул.— Действительно, порезвились лихо. Опять же, мой друг, се ля ви.

— Да когда вы успели...

— Сфотографировать? — перебил Ратовский.— Почему — я? Как видите, Владимир Александрович, на снимках действует наше грешное трио. У нас везде свои люди. Но — к делу. Итак. Или сейчас, через пять минут, мы едем в аэропорт. Или... Я запираю вас в этой конуре... Отсюда выбраться вам не удастся никоим образом, лучше не пытаться. И уже сегодня в некоторых вечерних газетах, пока венских, появятся эти фотографии с соответствующими комментариями. А завтра их растиражируют газеты всего мира. И завтра же в соответствующем ведомстве они окажутся в Москве. Вы, кажется, Владимир Александрович, в клубке последних бурных приключений забыли, чей вы сын. Могу сказать одно: если события будут развиваться по второму плану — «или», вам не только закрыт путь в Россию... Он в любом случае закрыт, возврата нет. Но и здесь, в свободной Европе, после публикаций этих фотографий перед вами будут захлопнуты все двери, вы окажетесь на помойной свалке российской эмиграции и очень скоро сгинете там. При первом «или» в Англии, уверяю вас, вы сделаете блестящую карьеру, не без нашей помощи, конечно, а эти отвратительные фотографии и все негативы я сейчас же уничтожу. При вас.

Владимира Александровича уже не было — на стуле обрюзгло возвышался бесформенный кожаный мешок, наполненный костями, несвежим мясом, отравленный алкоголем, кровью, мочой и фекалиями.

— Едем...— простонал этот мешок.

...Серебристый «мерседес» стремительно мчался по уже погружающимся в фиолетовые сумерки улицам Вены. Кое-где зажглись неоновые огни рекламы — было без четверти пять

вечера, до рейса номер 14-05 «Вена — Лондон» оставалось пятнадцать минут, и Станислав Янович спешил.

Его пассажир вроде бы дремал на заднем сиденье.

— Вы спите, Владимир Александрович? — спросил Ратовский.

— Сплю,— вяло ответил господин Копыленко.

На самом же деле он не спал, но и не присутствовал в этой гнусной действительности, а находился в расслабленной прострации: полусон-полуявь, все о'кей, дамы и господа! «Эх, сейчас закатиться бы с мужиками в пивной бар на Кутузовском проспекте с черного хода, в их тайный зальчик. Для избранных. И Манечка, отклячив зад, принесет кувшины с темным «Рижским» и раков, икорки, семужки. Небось уже мои мужики гудят. А! Хрен с ними...»

Владимиру Александровичу было хорошо, тепло, уютно — благостно. Так бы ехать, ехать...

Делая крутой левый поворот, Ратовский увидел круглые часы на фонарном столбе и сказал:

— Через пятнадцать — двадцать минут почувствуете себя нормально.

— Преотлично,— откликнулся господин Копыленко.— Нормально так нормально. Нам без разницы.

Дело в том, что, перед тем как выйти из той комнаты, где утром обнаружил себя Владимир Александрович, искуситель Станислав Янович дал ему плоскую таблетку мышиного цвета, сказав: «Чтобы снять стресс», и наш печальный герой ее с готовностью скушал, злорадно подумав тогда: «Хорошо бы — яд».

А сейчас мысли посещали Владимира Александровича довольно-таки странные. То он предался рассуждениям о своем внутреннем голосе. Куда он делся? Ведь с того момента, как в комнате появился господин Ратовский в своем махровом халате, «голос» ни разу даже не пискнул. «Скорее всего, он умер от всех этих передряг»,— решил бывший советский гражданин Копыленко. И возникла интересная, интригующая мысль: «А что, если этот субъект начнет во мне гнить? Ведь трупы гниют». Но дальше на эту заупокойную тему рассуждать стало неинтересно, и Владимир Александрович восстановил в своем воображении совсем недавно случившуюся картину: в унитазе горят те гнусные фотографии, негативы, которые он внимательно просмотрел. В маленький адов костер Станислав Янович подбрасывает разодранные на части: его, В. А. Копыленко, служебное удостоверение, авиабилет «Вена — Москва», пропуск в сотый отдел ГУМа, почему-то оказавшийся среди документов, незаполненные договора Внешторга СССР. Только советский загранпаспорт не подвергся ауто-

дафе. «Что по этому поводу говорили древние греки?» — спросил Ратовский, снизу подсвеченный пламенем и, как две капли воды, похожий на Мефистофеля с какой-то старой гравюры. «Что они говорили?» — безвольно, скорее по инерции спросил Владимир Александрович в тесной уборной, где они оба стояли, прижавшись к противоположным стенам, наблюдая сожжение прошлого нашего героя — впрочем, второстепенного в повествовании о жизни и смерти Юрия Владимировича Андропова, именно пешки. Однако в тот миг эта пешка, косясь на Мефистофеля — Ратовского, воинственно подумал: «Трахнуть бы тебя сейчас, падла вонючая»,— даже не шелохнувшись. «Древние греки говорили,— последовал ответ в уборной, заполненной чадом и дымом: — Мосты сожжены».

— Мосты сожжены...— простонал Владимир Александрович, откидываясь на мягкую спинку серебристого «мерседеса».

Упругая, могучая сила, судорогой пройдя по телу, вернула его в реальный мир.

— Ну вот вы и в норме,— улыбнулся в зеркальце Станислав Янович, криво растянув губы.— Мы уже почти на месте. Посему, сударь, подведем черту. Все необходимые бумаги при вас. Главное — паспорт с въездной визой в Англию и авиабилет. Первый скромный гонорар в наших стерлингах вам вручен. Мы прощаемся у стойки таможенного досмотра. Без рукопожатий, без объятий. Там моя миссия заканчивается. Я вас передаю в другие руки. В салоне лайнера вы будете под присмотром. Только никого не выискивайте, не вертите головой. Ваш сопровождающий — инкогнито. И пожалуйста, Владимир Александрович, никаких глупостей. Лучше всего подремать. В лондонском аэропорту Хитроу вас встретят. Вопросы есть?

Владимир Александрович Копыленко молчал — он плакал. Второй раз за истекающие сутки.

Впереди на серебристый «мерседес» надвигался, сияя всеми своими огнями, Швехат — международный аэропорт австрийской столицы.

...Все было, как сказал господин Ратовский. В аэропорту Хитроу Владимир Александрович, проспав весь рейс после того, как была принята изрядная доза водки с тоником (надо сказать, в нарушение инструкций Станислава Яновича), был встречен вежливым субъектом в пальто модного, элегантного покроя. Не представившись, джентльмен препроводил нашего путешественника к черной старомодной машине. За рулем сидел второй субъект, хотя и молодой, но весьма сумрачного вида, не проронивший ни слова. Как только ответственный

живой груз в виде господина Копыленко был погружен на заднее сиденье, очутившись рядом со своим сопровождающим, машина почти бесшумно рванула с места, тут же развив завидную скорость. По бокам, за окнами, стремительно улетал назад Лондон в феерии ночного освещения.

Наконец сопровождающий, деликатно кашлянув в кулак, заговорил по-английски:

— Итак, господин Копыленко... Все для осуществления вашей ответственной акции подготовлено.

— Какой акции? — сразу не врубившись в ситуацию после воздушного сна, замешанного на алкогольных парах, наивно спросил Владимир Александрович.

— Тезисы для вашего прошения британскому правительству вы найдете на столе в спальне, где будете сегодня ночевать. Ознакомьтесь с тезисами и перепишите текст от руки. Будет желание внести что-то от себя — пожалуйста. Сегодня уже поздно. Отдохните с дороги, поработайте над прошением, а завтра мы вас отвезем куда нужно, подробно проинструктируем как и что, но — всему свое время. Кстати, вот Серж...— Говоривший, он был молод, лет тридцати, бесцветен, с незапоминающимся лицом, показал кивком головы на шофера.— Так его и зовите — Серж...

— Он француз? — зачем-то перебил Владимир Александрович.

— Француз. Словом, Серж — ваш телохранитель. До завтрашнего утра со всеми вопросами — к нему.

Черная машина въезжала на нарядную, сверкающую огнями площадь, и господин Копыленко начал что-то узнавать — он раньше по делам службы несколько раз бывал в Лондоне.

— Площадь Пикадилли? — спросил он, как старательный турист.

— Совершенно верно, Владимир Александрович, Пикадилли-Серкус, мы почти приехали. Будете жить в самом центре нашей столицы.

Свернули в темноватый, безлюдный переулок. Еще несколько поворотов — и черная машина остановилась у подъезда мрачноватого дома, который охраняли два весьма престарелых гранитных льва грустного, сосредоточенного вида; у одного из них был отколот нос. Ни вывески, ни рекламы.

— Как же называется отель? — спросил господин Копыленко, выбираясь из машины на волю (если это воля).

— Вы будете жить на частной квартире,— последовал ответ.

Вошли в просторный подъезд и уперлись в металлическую дверь. Сопровождающий нажал несколько кнопок на щите. Дверь открылась. Лифт. Кабина оказалась внизу. Быстро («Скоростной лифт»,— определил Владимир Александрович)

поднялись на седьмой этаж. Молодой человек открыл ключом одну из четырех дверей на площадке, и все трое оказались в холле, залитом ярким светом. Тут же появилась приветливая женщина лет сорока, полнеющая брюнетка, в строгом, даже пуританском костюме:

— Добрый вечер, джентльмены. Для вас все готово. Вторая дверь по коридору направо.

Жилье, предоставленное господину Копыленко, состояло из двух комнат — гостиной и спальни. Была еще одна маленькая прихожая с диваном и круглым столиком с телефоном. Ванна, прочие удобства. Ни балкона, ни лоджии. Все окна выходят во двор — колодец, замкнутый такими же старыми домами.

Серж тут же прочно сел на диван возле столика с телефоном. Он был грузен, широк в плечах, коротко стриженная голова сидела на мощной бритой шее, и под пиджаком угадывались тугие накачанные мышцы.

— Располагайтесь, Владимир Александрович, отдыхайте. Ужин закажете через Сержа, хозяйка принесет. Не забудьте о прошении. Все необходимое, как я уже сказал, найдете на столе в спальне. До завтра. Как у вас в России говорят? Утро вечера мудренее?

Молодой человек удалился.

Глядя на захлопнувшуюся дверь, господин — или джентльмен — Копыленко подумал с определенной долей восхищения: «Все о нас знают, паразиты. Изучили досконально. Даже поговорки русского народа. Во, суки!»

Серж неподвижно сидел на диване, и только раз Владимир Александрович поймал его короткий внимательный взгляд.

— Вы, Серж, кем у них работаете? — решил вступить в беседу господин Копыленко.

Ответа не последовало.

— Молчун,— обиделся Владимир Александрович и удалился в гостиную, закрыв за собой дверь.

Походил по комнате. Включил торшеры — их оказалось три. Включил телевизор. По двум программам передавали рекламу, по третьему шел боевик, наверное, американский: за кем-то по запруженной народом и машинами улице гнались полицейские.

— Пошли вы! — выругался наш невозвращенец и выключил телевизор.

Позаглядывал в окна — была видна часть двора-колодца, забитая машинами (они сверху были похожи на больших жуков), и серые стены соседних домов; большинство окон почему-то были темными.

«Тоска...— подумал Владимир Александрович.— Окна не откроешь. А если откроешь — не выпрыгнешь. Да и на кой? Все кончено...»

И тут господин Копыленко в дальнем углу гостиной обнаружил небольшой холодильник. Дверцу открыл из-за ленивого любопытства — и обомлел... «Мама моя родная!» Батарея всяческих маленьких бутылочек, пиво в жестяных банках и самое главное — подарок судьбы (или темного князя мира сего, добавим мы): большая граненая бутылка с коричневой жидкостью, знакомая этикетка... Джин «Биситер»!

Воровато оглянувшись на дверь в прихожую, Владимир Александрович Копыленко хищно сцапал бутылку джина «Биситер», зажав ее мертвой хваткой, прихватил аппетитные бутерброды в целлофане с ветчиной, сырком, рыбкой и прочим,— и на цыпочках, как говорится, на полусогнутых, удалился в спальню, плотно закрыв за собой дверь.

Свертывая пробку на бутылке и одновременно плюхаясь в мягкую податливую кровать, перебежчик товарищ Копыленко воинственно подумал: «Прошение вам, слюнявые британцы? — Он сделал первый большой глоток из горла.— А вот этого не видали? — Последовал непристойный жест руками.— Я вас раком поставлю! Как говаривал Никита Хрущев, я вам покажу кузькину мать!»

...Прошло около часа. Охранник Серж (он же Сергей Иванович Гусев) уже несколько минут с тревогой поглядывал на дверь в гостиную — уж больно тихо. Надо полагать, клиент заснул. Можно и самому подремать.

Но не успел Сергей Иванович смежить очи — дверь гостиной с грохотом распахнулась, и в ее проеме, как в раме для портретов знатных особ, во весь рост возник Владимир Александрович Копыленко. Вид его был ужасен и величествен одновременно: наш герой был красен, всклокочен, в глазах с расширенными зрачками безумие, галстук сдвинут на плечо, одна нога в носке, другая босая, ширинка расстегнута. В правой руке господин Копыленко держал бутылку джина «Биситер», почти пустую, лишь на донышке плескалось чуть-чуть; он держал ее как гранату, в любой момент готовый запустить оружие мести в ненавистных британцев.

И Серж, выброшенный невидимой пружиной с дивана, мгновенно принял необходимую стойку, но акт возмездия не последовал. Наоборот: клиент, широко улыбаясь, неверной походкой направился к своему телохранителю, ласково бормоча:

— Сережа, дружище! Я тут тебе малость оставил. Хлебни для начала, а там закажем. Фирма платит! — Владимир Александрович завопил дурным голосом, давясь смехом: — Гуляй,

рванина, от рубля и выше! Давай, Сережа! Предадимся... Раз живем...

Клиент начал снимать брюки, и на этот раз реакция Сергея Ивановича Гусева была адекватна: рывок вперед, удар ребром левой ладони по рыхлой шее в область сонной артерии, не так чтоб очень (инструкция шефа: «Если придется — не навреди»), но для отключки вполне достаточно: господин Копыленко, закатив глаза под лоб, рухнул на пол.

Серж, подхватив клиента под мышки, поволок его в спальню («Ну и тяжел, боров, прямо контейнер с говном»), завалил на кровать, подсунул под голову подушку и расстегнул пуговицу рубашки. Клиент дышал вполне нормально, даже глубоко.

Так... Вытерев ладонью пот со лба, Серж покинул спальню: направился в прихожую к телефону, но тут на пути обнаружил бутылку с джином, катавшуюся по полу. «Там грамм сто, не больше». Поколебавшись, Серж поднял бутылку и в два глотка допил содержимое. «Немного подождать...» Скоро благодатное тепло начало растекаться по телу. Теперь — за дело. Серж сел к телефону и поднял трубку.

...И в этот момент в спальне что-то грохнуло, потом разбилось, послышался крик, вопли. Опять что-то разбилось.

«Ну, здоров! — изумленно подумал Серж, то бишь Сергей Иванович.— Прямо слон какой-то».

Через несколько секунд он был в спальне. Владимир Александрович с окровавленным лицом метался по комнате и причитал по-бабьи:

— Паша! Паша! Паша-а!..

Пришлось применить более основательный прием.

Поверженное тело клиента Серж на этот раз оставил лежать в распластанной позе возле кровати и разбитого трюмо («Об осколки харю порезал, скотина»), и, сделав три глубоких успокоительных вздоха по системе у-шу, Сергей Иванович Гусев не торопясь направился к телефону.

...Прошло еще время, может быть, час или полтора.

Владимир Александрович открыл глаза. Он лежал в полной темноте. Тяжелая портьера на окне была задернута. Отщепенец и перебежчик легко, даже радостно вышел из прострации, в которую его отправил сердитый Серж. И самое невероятное — господин Копыленко прекрасно понимал, что с ним произошло совсем недавно. Хотя голова, естественно, трещала, но соображалось просто отлично.

«Джин был великолепен,— несколько отрешенно думал Владимир Александрович.— Только зря я его пивком отполировал. Ведь известно, к чему смесь ведет. А мы — все равно...»

Странно все это, согласитесь. Прием, примененный во второй раз к клиенту разгневанным Сержем, был рассчитан минимум на семь-восемь часов. Скорее всего, продолжали действовать тибетские, что ли, снадобья, которыми напичкал «невозвращенца» сексуальный маньяк и извращенец Станислав Янович Ратовский.

«А сразу лезть к Сереже,— рассуждал между тем отщепенец советского общества по фамилии Копыленко, лежа на полу возле кровати в весьма неудобной позе и, прямо скажем, в непотребном виде,— это я погорячился. Негоже. И чем это он меня, амбал, шарахнул?»

Но тут Владимира Александровича привлекли голоса за дверью. И — самое невероятное! — говорили по-русски.

Господин Копыленко замер, напрягая слух.

— Какого черта? — громко и воспаленно говорил мужской голос.— Почему в холодильнике оказалось спиртное?

— Понимаете...— залепетал женский плаксивый голос.— И апартаменты...

— Ну, ну? — торопил мужской голос.— Да не ревите вы! Что — и апартаменты...

— Вначале мы готовили их для алжирца... А он не приехал. Вот я... Когда вы позвонили... Я ведь не знала... Не учла... Вот и оставила все в холодильнике.

— Черт! — Последовал виртуозный русский мат.

«Нет,— подумал в сладостной тоске Владимир Александрович.— Это слуховая галлюцинация. Или сон на тему: «Тоска по родине».

— Черт! Ведь этот педик запойный. Ты тоже хорош! Мог бы заглянуть в холодильник.

— Не моя сфера,— сказал новый мужской голос, молодой и энергичный.

— И запои у него на дни, а то и неделю. Что будем делать?

«Да кто же там такой?» — без всякого проблеска догадки подумал господин Копыленко и заорал громовым голосом:

— Водки! Русской... вашу британскую мать! Русской водки!

За дверью стихло.

«Спугнул голоса»,— с сожалением подумал Владимир Александрович и запел:

> Ехал на ярмарку ухарь-купец,
> Ухарь-купец, молодой удалец!..

Кажется, открылась дверь.

«Кто-то вошел»,— подумал без всякого страха и любопытства господин Копыленко.

И тут же с ним что-то произошло: Владимир Александрович ухнул в черную тяжелую воду и поплыл в ней, задыхаясь, к яркой красной точке далеко впереди.

«Ну и хреновина!» — с удивлением думал он, старательно гребя руками. Вода была густая и ничем не пахла.

И наступило безликое ничто. Никого не было окрест. И красная точка куда-то запропастилась. Впрочем, не было и самого Владимира Александровича Копыленко: ничто есть ничто.

28 февраля 1982 года

Но ведь все кончается, не так ли? Кончилось и ничто.

Владимир Александрович вынырнул из него, обнаружив себя на кровати в «своей новой квартире», аккуратно накрытым одеялом. И сам он был каким-то аккуратным. В изгибе болела левая рука. Шторы на окне разведены в стороны, и через чистое стекло косо бьют солнечные лучи. Утро. «Надо же! — подумал он.— И у них в Лондоне в феврале солнце бывает». Господин Копыленко приподнял голову и покрутил ею. Похмельного состояния не было. Было какое-то другое состояние, не поддающееся определению,— вроде бы на себя смотришь со стороны: вот ты лежишь на кровати, на спине. Морда небритая. Но голова работает нормально — все, все, все помню. Чудеса какие-то! Ты одновременно ходишь по комнате и лежишь под одеялом. Владимир Александрович плюхнулся в кресло и с интересом наблюдал, как другой Владимир Александрович, небритый и нечесаный, выпростал из-под одеяла левую руку и, поморщившись от ноющей тупой боли, стал ее рассматривать.

«Сволочи! — На изгибе набухла вена, и в этой красной опухлости с лиловым отливом виднелась дырка от иглы шприца.— Сволочи! Какую-то дрянь впрыснули. Делают со мной что хотят. Ну, британцы! Я вам...»

Господин Копыленко, сидящий в кресле, закинул ногу на ногу, а тот, что лежал в кровати, подтянул одеяло к подбородку.

И наступило некое просветление: «Как бы ни повернулось дело... Может, меня уже сегодня не будет в живых... Да и жить не хочется. Да, да! Господа, товарищи и джентльмены! Опостылела мне эта паскудная жизнь... Стоп, стоп, Володя. Давай мыслить логично. Одно бесспорно: даже если ты еще потелепаешься годков несколько на этом свете, прежняя жизнь кончена, возврата не будет. Значит, что? Значит, паренек, самое время подвести итоги и принять решение. Поспеши,

поспеши, Володя! Оии могут прийти в любую ближайшую минуту». Господин Копыленко заволиовался: тот, что лежал в кровати, судорожно повернулся иа левый бок и прижал колеии к животу, а другой господии Копылеико, сидящий в кресле, прошелся по комиате, косясь иа своего двойиика, который под одеялом сучил иогами, и вдруг, очнувшись у малеиького столика, стоявшего возле окна, увидел на нем стопку чистых листов бумаги, несколько шариковых ручек и лист машииописиого текста, иачииавшегося так (отпечатано иа русском языке): «Прошеиие» (большими буквами на середине строки). Далее, с абзаца: «Я, Копыленко Владимир Александрович, подданый Советского Союза, обращаясь к аиглийскому правительству, прошу...»

— А большого-большого члеиа с розовым бантиком,— заорали оба Владимира Александровича в одии голос,— вы ие хотите вместо прошения? Да я...

«Стоп, стоп, Володя! Сиачала — итоги. Итоги... Будем откровеины, как на Страшиом суде,— итоги бездариой, иикчемиой, иесчастиой жизии. Да, да! Несчастиой... Был ли ты хоть иемиого счастлив, Володя? Ну, иу? Говори! Ни-ког-да! В своей стране, в России, я ие был счастлив ии едииого дня. Привилегии, дарованые отцовским рангом? Да провались они! Ведь я всегда это чувствовал: ие заслужил, не по чину, не по совести. А вокруг такие же, как ты, с одной заботой: не потерять, что нахапали. Как бы ие отобрали. Этот вечиый животный страх. А сами «привилегии»? Квартира по цековским стандартам, госдача, машина с холуем-шофером (ои же и стукач, приставленный к тебе гебистами), возможиость ездить за границу, спецсиабжение... Господи! Да эти жалкие привилегии иа Западе — иорма средней жизии для рядового граждаииа. С единствеииой разиицей: здесь все это честно заработано, а для иас, для «совизбраниых», особенно сынков кремлежителей,— халява, дармовщииа и более точио: у иарода украдено.— Оба господииа Копылеико перевели дух.— Давай, давай, Володя, крой! Первый и, иавериое, последний раз в жизии. Ведь кто я? Бездарь! Как меня принимали в Баумаиское? По звоику из отцовской каицелярии. Кто за меня аспираитскую работу писал? Спасибо, Гоша Ариаум и Катеиька Шахова... Но ведь и расплатились с вами предки по-царски. Дальше... Ведь я ии хреиа ие понимаю в этих компьютериых технологиях.— Два Владимира Александровича, показывая друг иа друга пальцами, расхохотались.— И зачем я им поиадобился? Что оии с меня поимеют? А замеиа моей персоне в Москве будет иайдеиа уже завтра. (Ах, Владимир Александрович! Уж больио вы заклинились иа собствеииой, хотя, по вашим же словам, и иичтожной персоие.

Ну, еще немного! Отвлекись от себя и... Ну! Ну же! И главная причина, происходящего с вами, откроется. Нет, не может...) Итак, основной итог прожитых сорока пяти лет: я не состоялся, жизнь не состоялась. Я никогда не был счастлив. Разве что эти краткие праздники-поездки за границу, в которые ты вырываешься из любимого Отечества, как из тюрьмы. Несколько тайных романов. И последний, самый пленительный. Паша, Паша! Зачем ты так...— Оба господина Копыленко застонали, скрежеща зубами, и снова исторгли вопль: — Несчастлив! Несчастлив! Несчастлив!»

И обоим вспомнилось...

Этого нежного мальчика, Илюшу, музыканта, забыть невозможно. На чем он играл? А! Не важно. Они познакомились в Сандунах, и роман был не только краток — мгновенен: всего две сладостные встречи. И вот, во второе свидание, Илюша это сказал. Закутавшись в простыни, они сидели в комнате, наполненной запахом французского дезодоранта,— перед столом с изысканными закусками и заморским питьем. Илюша, уже изрядно пьяный, жадно, быстро ел, зло поглядывая на Владимира Александровича и, проглотив кусок бело-розовой семги (он жевал ее без хлеба), откинувшись к стене, обшитой финской вагонкой, тихо заговорил, прямо, не мигая глядя в глаза товарища Копыленко.

«Я тебя ненавижу! Больше у нас встреч не будет. Хорошо, что ты не представился, не назвал своего имени. И — не надо! Я и так вижу. Ты из них...»

«Из кого?» — с непонятным страхом спросил тогда Владимир Александрович.

«С самого верха. Из тех, кто распял Россию, кто сосет, как пауки, ее кровь. И запомни: ты не хозяин своей судьбы. Ты такой же несчастный, как я. Тебя, как и меня, она в любой момент, если ей это понадобится, раздавит, как вонючего клопа».

«Кто — она?» — в ужасе прошептал Владимир Александрович, потянувшись к бутылке с водкой.

«Система, которую вы создали. Усвой, узколобый кретин, что в этой стране не может быть ни счастливых людей, ни счастливых народов».

«...Ты прав, ты прав, Илюша! — убивались оба Владимира Александровича в спальне непонятной квартиры в непонятном доме, затерявшемся в каменных джунглях где-то недалеко от Пикадилли-Серкус.— Меня раздавили. И если не сама наша система — будь она проклята! — то благодаря ей. (Да, господин Копыленко, вы явно лишены аналитического мышления...) Но — хватит ныть! Итоги подведены, диагноз поставлен: вы, товарищ Копыленко,— никто, прожили несчаст-

ную пустую жизнь, никому не доставив радости, никого по-настоящему не любя, не принося пользы Отечеству. Что же... Грешен, каюсь. Скорблю. Но остается одно... Я принимаю решение. Может быть, это будет единственный поступок в моей никчемной жизни. Система — не Россия. Система когда-нибудь сгинет. А Россия...»

Оба Владимира Александровича поднялись — один из кресла, другой с кровати, подошли к небольшому зеркалу.

— А Россия,— негромко сказал, рассматривая себя в зеркале, Копыленко,— пребудет вечно, пока стоит мир. И ей я не изменю.

После этой несколько высокопарной фразы настроение нашего второстепенного героя (винтик! Винтик! Но ведь из винтиков, гаек, болтиков собираются машины, агрегаты. Сломал один винтик, расплющил гайку, свернул голову у болтика — и пожалуйста: разваливается машина, обращается в прах, бессильно замер на ниве бытия огромный агрегат, теперь похожий на исполинского динозавра) резко улучшилось.

«Побриться, принять ванну, привести себя в порядок».

Отправившись в ванную комнату, Владимир Александрович приоткрыл дверь в переднюю. На диване у столика с телефоном сидел Серж, невозмутимый и непроницаемый.

— Добрый день, юноша! — по-русски сказал Владимир Александрович. Реакции не последовало, ни один мускул не дрогнул на лице «телохранителя» господина Копыленко.

— Через полчаса,— сказал Владимир Александрович, на этот раз по-английски,— извольте подать завтрак. И поосновательней.

...Прошло полчаса. Господин Копыленко, безукоризненно выбритый, в парадном черном костюме, предназначенном для официальных приемов и банкетов, при галстуке, благоухая отечественным мужским одеколоном «Снайпер», очень дефицитным, для избранных, лежал на спине поверх неубранной постели и ждал, стараясь ни о чем не думать.

Скоро в прихожей хлопнула дверь, послышались негромкие голоса, в гостиной прошелестели легкие торопливые шаги, в дверь легонько стукнули три раза, и она открылась. Возникла вчерашняя полнеющая брюнетка с явно заплаканным лицом и сказала обиженным голосом:

— Доброе утро, господин Копыленко. Завтрак на столе.— И ушла, закрыв дверь.

Завтрак был отменный: черный кофе со сливками, овощи, аккуратно поджаренный кусок бекона, несколько сортов сыра и сервелата, апельсиновый сок.

«Надо съесть все,— решил Владимир Александрович.— Неизвестно, что ждет впереди».

И когда завтрак был почти весь прикончен, в гостиной появились двое: вчерашний вежливый молодой человек, сопровождавший нашего героя из аэропорта Хитроу в эту чертову берлогу, в этот гадюшник, и высокий представительный джентльмен с седыми висками при абсолютно черной густой шевелюре. («Он главный»,— определил невозвращенец.)

Молодой человек и «главный», не поздоровавшись, расположились в креслах, явно с любопытством наблюдая за господином Копыленко, поглощающим еду.

Затянулось молчание.

— Вы сыты? — наконец спросил джентльмен с седыми висками.

— Благодарю, вполне.— Владимир Александрович с удовольствием старательно вытер салфеткой рот.

— И вы, Владимир Александрович, еще не приступали к прошению? — В голосе молодого человека звучали сожаление и сочувствие.

— Не приступил.

— Тогда сейчас приступим вместе.

— Может быть,— усмехнулся Копыленко.— Но сначала один вопрос: что вы мне загнали под кожу? Рука болит просто невыносимо. Боюсь, что я не смогу писать прошение. Ведь я, джентльмены, левша.

— Рука скоро пройдет,— спокойно и ровно заговорил «главный». Его несколько кругловатое для английской породы лицо ничего не выражало.— Средство сильнейшее, очень дорогое, абсолютно безвредное, без побочных реакций организма. Только эффективно и быстро снимает алкогольный похмельный синдром. Ведь вы, Владимир Александрович, чувствуете себя неплохо?

— Просто отлично! («В его безукоризненном английском есть какой-то странный акцент». Развивай, развивай дальше мысль, Володя! Не развивает...)

— Ну и слава Богу. А написать прошение о предоставлении политического убежища мы вам сейчас поможем. Пройдемте...

— Хватит! — Владимир Александрович поднялся со стула, выпрямившись во весь свой величественный рост.— Я, джентльмены, делаю официальное заявление. Никакого прошения с моей стороны не последует. Ни при каких обстоятельствах. Делайте со мной что хотите! Я требую одного: соедините меня с советским посольством в Лондоне.

Пожилой человек с седыми висками слабо улыбнулся и заговорил спокойным и ровным голосом:

— Дорогой Владимир Александрович, мы не можем соединить вас с вашим посольством. Для советской стороны вас пока вообще нет, вы исчезли, сгинули.

— Как? — ошарашенно прошептал господин Копыленко, рухнув на стул.— Как это?..

— Очень просто. Вчера вы прилетели в Вену и не появились в отеле «Империал», где вам был заказан номер. Вы никому из своих не позвонили, не обозначились. Полагаю, вас убили.

— То есть...

— То есть, зная некоторые ваши наклонности... Уверяю вас, они советским спецслужбам давно известны. И нам тоже. С того момента, как мы стали вами заниматься, отслеживая ваши европейские маршруты во время командировок. Так вот, зная все это, ваши друзья... Назовем их так... Ваши друзья, конечно, ищут пропавшего крупного работника Внешторга, естественно, допуская, что вы могли в Вене попасть в соответствующий ночной притон. А в Вене таких немало. Вот только клуб «Георг III» единственный — такого ранга. А в тех притонах, которые я имею в виду, все бывает. Вошел человек в соблазнительную дверь и больше из нее не вышел.

Владимир Александрович молчал, раздавленный, чувствуя, что лишается воли.

— Так что, согласитесь, всяческие контакты с советским посольством отпадают, пусть они вас сначала найдут. Это во-первых.— «Главный» достал сигару, понюхал ее, долго раскуривал от зажигалки, услужливо протянутой молодым коллегой. «Гаванские»,— определил по запаху ароматного дыма «перебежчик» Копыленко.— Во-вторых. «Делайте со мной что хотите». Кажется, так вы изволили выразиться? Вы правы, мы можем сделать с вами все, что захотим. И поверьте, вы все напишете и подпишете, Владимир Александрович! Да что с вами? Не бледнейте. Никаких средневековых пыток или допросов «с пристрастием» по методике наших коллег из КГБ. Да и там, если я правильно информирован, от ежовских и бериевских приемов давно отказались. Есть более эффективные, безболезненные для клиента в физическом смысле приемы: в нашем распоряжении новейшие медицинские средства в области психотерапии. Вы понимаете? — Владимира Александровича снова не было, на стуле бесформенно возвышался кожаный мешок со всем уже перечисленным ранее.— И наконец, в-третьих. Если вы нас вынудите, мы все сделаем за вас — вашим почерком, вашими оборотами речи, с вашими характерными словечками. Словом... В советской прессе любят этот термин — сфабрикуем. Хочу подчеркнуть: это крайнее

решение. Но если нам придется его принимать, вас уже не будет.

— В каком смысле? — прошептал Владимир Александрович.

— В прямом. Вам придется покинуть этот бренный мир. Обещаю: мы это сделаем для вас безболезненно. А за товарища Копыленко будет действовать двойник. Мы его на всякий случай подготовили.— Пожилой джентльмен с седыми висками сказал: — Дайте нашему гостю стакан воды.

Зубы отбивали мелкую дробь о края стакана. Вода расплескивалась.

— Но я просто убежден,— не меняя спокойного, даже дружественного тона, продолжал «главный»,— все мы сделаем полюбовно, к обоюдному удовольствию. Вы, Владимир Александрович, почему-то не учитываете одно обстоятельство, весьма существенное. Вы упорно абстрагируетесь от этого обстоятельства, попросту забыли о нем. В своих размышлениях о происходящем вы, очевидно, заняты только собой.

И перед господином Копыленко, находящемся в состоянии, близком к прострации, на стол легла газета «Русский голос», малого формата, отпечатанная на розоватой бумаге.

— Одна из газет русско-советской эмиграции в Австрии. Издается в Вене. Обратите внимание — последний свежий номер, сегодняшнее число. Откройте четвертую страницу, рубрика «Хроники», заметка отчеркнута. Прочтите.

Владимир Александрович послушно открыл четвертую страницу розового издания.

Газета «Русский голос», Вена, 27 февраля 1982 года:

«Как нам стало известно из достоверного источника, минувшей ночью элитный клуб в Вене «Георг III» посетил гость из Советской России, приглашенный туда со своим другом из Кельна, одним из постоянных членов этого клуба.

Надо подчеркнуть: случай редчайший. Ведь устав «Георга III» не допускает в свои пределы никого из посторонних. Было, по нашим сведениям, четыре нарушения этого неукоснительного правила, и приглашенные оказались известнейшими людьми в политике и искусстве Европы и Японии. Вопрос об их приглашении специально решался на заседаниях правления клуба.

Очевидно, и сейчас было принято подобное решение. Но тут возникает сразу несколько пикантностей. Первая: право быть гостями клуба получили два человека. Вторая: оба они ничем не знамениты, особенно господин из Кельна. Здесь можно сделать единственное предположение: касса клуба пополнилась более чем изрядной суммой. И все-таки это только предположение. Интересна последняя пикантность, может

быть, все объясняющая. Советский гость, как уже было сказано, сам как таковой, ничем не знаменит, он всего лишь крупный чиновник, функционер, занимающийся внешней торговлей. Но... Он сын одного из кремлевских руководителей Советского Союза, которого можно поставить третьим или четвертым после Леонида Брежнева. Может быть, здесь объяснение того, что двери клуба «Георг III» так легко открылись перед гостем из России и его другом из Кельна?

Мы конечно же знаем имена вчерашних посетителей самого закрытого и таинственного клуба подобного ранга, но не раскрываем их: таково условие информатора, представившего нам эти сведения.

И лишь еще один интригующий факт, сообщенный все тем же информатором: ему удалось установить, что отец вчерашнего русского гостя клуба «Георг III», один из сегодняшних кремлевских старцев, двенадцать, десять и девять лет назад, находясь на отдыхе и лечении в Европе, тоже был гостем подобных элитарных клубов во Франции, Западном Берлине и Испании.

Для того чтобы поставить точку в этой забавной истории, давайте вспомним одну из поговорок нашего народа: яблоко от яблони недалеко падает».

Подписи не было.

— И... и что же? — ошалело спросил господин Копыленко, отодвигая от себя газету «Русский голос».

— Да ничего особенного,— сказал «главный», докурив сигару. Вся гостиная была в прозрачных облаках душистого дыма.— Газету в Австрии читает не так уж много народа. Русская эмиграция там невелика. Но что газета с этой пакостной заметкой наверняка попала в руки ваших спецслужб — в этом я вас могу уверить. Скорее всего, именно сейчас этот выпуск изучается на Лубянке...

— Ну и что? — воскликнул наш герой.

— Вы меня удивляете, Владимир Александрович. Вам что, безразлична судьба вашего отца? Сразу подчеркну: нам он не нужен. Нам нужны вы. Однако ваше поведение, похоже, вынудит нас это сделать.

— Что?..

— Перепечатав публикацию «Русского голоса» в ведущих газетах Англии, мы ее прокомментируем и раскроем ваши имена, отца и сына. Мы сделаем это завтра же, если...

— Нет! Нет!..— перебил господин Копыленко, махая руками.— Вы... вы не сделаете этого!

— Не сделаем в единственном случае, если вы...

— Может быть, Владимир Александрович,— включился в разговор вежливый молодой человек,— мы пройдем в спальню к столу?

— Да, да... Пройдем.

...Через несколько минут гнусный диссидент, перебежчик и невозвращенец, сидя за столиком в спальне, находясь почти в отключенном или, точнее, блаженно-отключенном состоянии (ему сделали совсем безболезненную инъекцию), старательно писал на плотном белом листе бумаги: «ПРОШЕНИЕ. Я, Копыленко Владимир Александрович, подданный Советского Союза...»

Сзади, за его стулом, черными демонами стояли вежливый молодой человек и благообразный господин с седыми висками на круглом славянском лице. Только что черных крыл не было у них за спинами.

2 марта 1982 года

Заседание Политбюро было назначено на десять часов утра.

Уже на подъезде к Старой площади в машине Председателя КГБ прозвучал телефонный звонок. Информатор из здания ЦК КПСС сказал:

— Приехал сам. Будет присутствовать на заседании Политбюро.— Телефонная трубка замолчала.

«Что же,— подумал Юрий Владимирович,— тем лучше».

Андропов появился в небольшом зале, где проходили еженедельные заседания Политбюро, ровно в десять часов — Леонида Ильича Брежнева еще не было. Ждали. В последние месяцы глава Советского государства по болезни часто отсутствовал на этих, приобретших рутинный характер сидениях — в принципе уже все вопросы, подлежащие рассмотрению, до начала очередного заседания Политбюро были решены в аппарате Генерального секретаря, все документы им подписаны. Члены Политбюро лишь информировались и, как правило, «одобряли». Очень редко по какому-либо вопросу возникала вялая дискуссия.

Председатель КГБ, сказав традиционное «Здравствуйте, товарищи», обвел присутствующих быстрым взглядом. Главное — на своем обычном месте Александр Павлович Копыленко, тучный, обрюзгший, в темно-сером помятом костюме, с серым отечным лицом, кажется, не побрившийся утром.

«Еще не знает. И следовательно, никаких подозрений. Что же, Саша, старинный коллега, извини. На войне как на войне.

Ведь ты со своей курьерской почтой уже разослал письма в республики члеиам ЦК, «своим людям», с иструкциями к предстоящему майскому Пленуму ЦК партии. Там осиовополагающий тезис (среди прочих, не менее целенаправлениых): «Не допустить перемещения Председателя КГБ в Центральный Комитет на место Суслова». Что же, Саша, получи свое. Да ты, похоже, уже дремлешь? Поспи пока».

Впрочем, и некоторых других кремлевских вождей клоиило в сон. А Миша Горбачев, как всегда, что-то усердио записывает в блокиот, работает. Старательный. Юрий Владимирович встретил быстрый, умный взгляд мииистра обороны Устииова и ощутил укол совести: «Надо было поставить Дмитрия в известиость». Возникло чувство дискомфорта, ио хозяии Лубяики усилием воли изгнал его: «Не расслабляться. Никаких эмоций».

Само собой, был погружеи в дела товарищ Черненко, сидевший сбоку от кресла Генерального: перебирал бумаги, лежавшие перед иим, что-то подчеркивал зеленым фломастером, его большая голова с великолепной седой шевелюрой была низко иаклоиена иад столом. «Зреиие у иего портится, что ли?»

«Правая рука» Леоиида Ильича Брежнева, «стариниый друг», по укоренившемуся правилу и с одобреиия Брежнева, будет вести заседание Политбюро. Как всегда.

Андропов ие спеша подошел к товарищу Чериенко, иаклонился к его волосатому уху и прошептал:

— Коистантин Устииович, перед осиовиой повесткой я прошу слово для краткого сообщения.— Председатель КГБ помедлил.— Чрезвычайиого.

— А что такое? — «Стариииый друг» Геиерального заерзал в кресле.

— Иинформация для всех членов Политбюро,— жестко сказал Андропов.

— Хорошо, хорошо...— В голосе товарища Чериеико прозвучал страх.

Юрий Владимирович вернулся иа свое обычиое место — кресло в дальием углу, откуда видеи весь маленький зал.

Было семь миивут одиннадцатого.

Дверь открылась, и вошел властелии страны и полувластелин еще значительиой части земиого шара Леоиид Ильич Брежнев, большой, тяжелый, с застывшими чертами лица (глубокие морщииы казались вылеплеииыми из белого воска).

— Здравствуйте, товарищи! — пошлепав губами, с одышкой сказал Геиеральный секретарь КПСС. Все присутствующие встали со своих мест.— Садитесь, садитесь, товарищи...— Ле-

онид Ильич тяжко, с кряхтением, медленно, томительно медленно шел к своему креслу. Наконец взгромоздился на него, опять пошлепав непослушными губами, сказал: — Начинай, Константин Устиныч.

Товарищ Черненко, зашуршав своими бумагами, поднялся и, откашлявшись, заговорил тихим, бесцветным голосом:

— Повестка у нас сегодня небольшая... Всего семь пунктов. Подготовка к весеннему севу на Украине и в Российской Федерации. Оперативная информация из Польши. Тут нам необходимо, обменявшись мнениями, принять решение. Ситуация там критическая. Далее...— Константин Устинович, оторвавшись от своих бумаг, поднял голову и встретил, вернее, наткнулся на прямой, полный воли и приказа взгляд из дальнего угла комнаты.— Да, да!.. Сначала, товарищи, краткое слово Юрию Владимировичу. У него для нас важное сообщение.

По залу пролетел некий ветерок. Ветерок общего испуга и тревоги. Все смотрели на Председателя КГБ — большинство со страхом. Кроме Устинова, Громыко и Горбачева.

И с таким же страхом смотрел на Андропова Леонид Ильич Брежнев.

В комнате повисла тяжелая давящая тишина.

Юрий Владимирович поднялся, раскрыл кожаную папку, которую он держал в руках, вынул из нее несколько листов бумаги, небольшую газету розоватого цвета.

— Извините, товарищи, сообщение у меня более чем неприятное.— Голос его был ровен, спокоен, скорбная нотка присутствовала в нем.— Вчера сын нашего уважаемого Александра Павловича Владимир Александрович Копыленко попросил политического убежища в Англии.

Задвигались кресла, у товарища Черненко упала на пол бумажка, и он полез за ней, кто-то болезненно закашлялся. Лицо Леонида Ильича Брежнева налилось бурой краской.

А Александр Павлович Копыленко несколько мгновений был словно скован столбняком. Наконец с трудом поднял голову и, глядя на Андропова, ненавистно, затравленно прохрипел:

— Провокация... Мой сын в Австрии.

— Вот ксерокопия двадцатой страницы лондонской газеты «Таймс» за вчерашнее число,— невозмутимо продолжал Андропов. И он прочел: — «Советский гражданин Александр Копыленко, крупный работник Внешторга СССР, обратился к правительству Ее Величества королевы Англии с просьбой о предоставлении ему политического убежища в нашей стране. Прошение господина Копыленко рассматривается в соответствующих инстанциях».

Юрий Владимирович прервал чтение, обвел взглядом находящихся в «мраморной комнате» членов Политбюро. На всех лицах — кроме одного — он видел облегчение: «Не под меня! Не под меня...» Леонид Ильич Брежнев беззвучно шевелил губами, и при желании это беспомощное шевеление можно было бы прочитать так: «Слава тебе, Господи! Пронесло...»

Александр Павлович Копыленко сидел, низко опустив голову, и было слышно его медленное, с хрипами дыхание — он страдал бронхиальной астмой.

— Далее,— прервал затянувшуюся паузу Председатель КГБ.— Только что по Би-би-си прошла информация на русском языке о том, что прошение Владимира Александровича Копыленко удовлетворено. И самое прискорбное, в этой информации сообщили на весь мир, чей сын Александр Копыленко.

— Провокация... Провокация...— хрипел Копыленко.

— Может быть, Александр Павлович, провокация.— В голосе Андропова все услышали волнение.— Мы проверим. На ноги подняты все наши работники и в Австрии, и в Англии.— Юрий Владимирович, превозмогая вспыхнувшую в душе жалость к поверженному сопернику и приказав себе: «Добей! Или проиграешь», продолжил: — И, наконец, последнее...— В руке хозяина Лубянки была газета «Русский голос».— Я вынужден... Просто обязан прочитать вам небольшую заметку в этой вот эмигрантской газетенке, номер которой я держу в руках, издающейся в Вене.— И Юрий Владимирович начал чтение ровным, ставшим вдруг глуховатым голосом: — «Как нам стало известно из достоверного источника, минувшей ночью элитный клуб в Вене «Георг III» посетил гость из Советской России...»

Он читал, не отрывая взгляда от текста, ощущая всем естеством, как черное биополе сгущается в зале. И если сейчас молния сверкнет в ней, произойдет катастрофа — для всех.

Андропова слушали в полной тишине. И, подходя к последнему абзацу этого мучительного чтения, Председатель КГБ почувствовал беспокойство. «Не надо читать дальше! — пронеслось в сознании.— Здесь ошибка...»

Однако было уже поздно...

— «...Удалось установить, что отец вчерашнего русского гостя клуба «Георг III», один из сегодняшних кремлевских старцев, двенадцать, десять и девять лет назад, находясь на отдыхе и лечении в Европе...— «Не могли об этом знать там,

не могли доискаться... Да как же это я?..» — ...тоже был гостем подобных клубов во Франции, Западном Берлине и Испании».

Андропов поднял голову и встретил прямой, упорный взгляд Александра Павловича Копыленко. «Очки — мое спасение». В этом взгляде мерцала усмешка.

«Да, он все понял».

Но корабли были сожжены. Игра ва-банк.

Председатель КГБ дочитал публикацию в газете «Русский голос».

Все молчали.

И Юрий Владимирович Андропов произнес последний монолог в этой трагикомедии, разыгранной на политической сцене кремлевского олимпа.

— Товарищи! Будем смотреть правде в глаза. Прискорбное событие, о котором я вас проинформировал, наносит удар по престижу руководства нашего государства. Правильнее сказать, может нанести. Если бы дело ограничилось только Владимиром Александровичем Копыленко, его предательства можно было бы не заметить, затушевать, заглушить шум, который еще поднимется в западных средствах массовой информации. А что так произойдет, мы знаем по горькому опыту. Мы бы сумели смягчить удары, если бы даже они вытащили перебежчика на экраны телевизоров.— Последовала долгая пауза. Все понуро молчали.— Но... В этой недостойной истории фигурирует имя члена Политбюро. Я должен вам сообщить, что у нас уже есть информация...— Андропов (невиданное дело!..) снял очки и быстро протер стекла носовым платком — они запотели.— Спецслужбы Запада, прежде всего Англии, начали действия, направленные на то, чтобы раскрыть анонимы в публикации газеты «Аполлон». Одно могу сказать... Мы уже начали действовать. Мы приложим все усилия, не пожалеем средств, пойдем на крайние меры, но не допустим этого раскрытия...

Председатель КГБ не успел договорить — тяжело поднялся со своего кресла Александр Павлович Копыленко и медленно, сгорбившись, пошел к двери. В гнетущей тишине было слышно его редкое, с хрипами, дыхание. Взявшись за ручку двери, он сказал, не оборачиваясь:

— Не утруждайтесь, Юрий Владимирович. Ваши крайние меры не понадобятся.

И Александр Павлович Копыленко — член КПСС с 1931 года, дважды Герой Социалистического Труда, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР с 1950 года — покинул высокое собрание. И здание ЦК Коммунистической партии Советского Союза.

Все присутствующие на заседании Политбюро поняли: навсегда...

Лишь смысл последней фразы Александра Павловича им был не ясен.

Этот смысл знал лишь Юрий Владимирович Андропов.

...Хотя еще некоторое время товарищ Копыленко А.-П. продолжал формально числиться секретарем ЦК партии и членом Политбюро, он больше ни разу не переступил порога серого здания на Старой площади с вывеской «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза». Поползли упорные слухи — сначала по Москве, а потом и по стране, прежде всего в среде правящих эшелонов КПСС, о тяжелой неизлечимой болезни Александра Павловича Копыленко; первоисточником этих слухов были службы дезинформации КГБ. Постепенно исчезли портреты товарища Копыленко отовсюду, где они висели,— в школах, институтах, клубах, красных уголках фабрик и заводов. Его лик однажды не был обнаружен в групповом иконостасе всех членов ленинского Политбюро, который систематически штампуется в лучших типографиях страны для наглядной агитации. Теперь фамилия Александра Павловича не значилась и в официальных сообщениях в газете «Правда» и других партийных изданиях. Наконец, седьмого ноября 1982 года, когда на Красной площади, мимо Мавзолея, на котором в полукоматозном состоянии последний раз в своей жизни стоял Леонид Ильич Брежнев, текли колонны ликующих от счастья трудящихся,— и над головами плыли портреты вождей,— среди них не было привычного изображения Александра Павловича Копыленко.

В конце октября 1982 года товарищ Копыленко А. П. был тихо, без помпы и поздравлений, с дорогими подарками, отправлен на пенсию.

И на том спасибо...

Вроде бы наступило полное, окончательное забвение.

Ан нет! Еще один раз страна — и мир — увидели Александра Павловича Копыленко на экранах телевизоров крупным планом: новым властелином страны он был допущен 15 ноября 1982 года на похороны Леонида Ильича Брежнева. Он стоял у гроба своего соратника по борьбе, партийного друга еще с днепропетровских времен, благодетеля, который вытащил его ко всем московским постам, власти, привилегиям.

Шла прямая трансляция траурного действа на Красной площади по всем каналам советского телевидения. Оператор

старался: несколько раз крупным планом возникал Александр Павлович: взявшись большой крестьянской рукой за край гроба, он рыдал... Что оплакивал недавний кремлевский олигарх? Нетрудно догадаться...

В вечерних выпусках «Новостей» кадры с рыдающим товарищем Копыленко А. П. были вырезаны.

Ну, а зачем новому Генеральному секретарю КПСС понадобился этот, в чем-то патологический, жест? «Тайна сия велика есть». Ее Юрий Владимирович Андропов унес с собой в могилу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

18 апреля 1982 года

Утро было прохладное, прозрачное. Весна наступала медленно: в саду, под деревьями с северной стороны лесного участка, входящего в дачные владения Юрия Владимировича Андропова, еще лежал ноздреватый, рыхлый снег. Тренькали синицы, суетливо перелетая с ветки на ветку в голых зябких березах.

«Скоро березовый сок пойдет»,— подумал Председатель КГБ, бредя по дорожке между клумб, с которых садовник уже убирал прошлогоднюю цветочную труху; земля была взрыхлена и удобрена — все готово к новым посадкам.

«Березовый сок...» — повторял про себя Андропов, поежившись в допотопном полушубке, который служил ему для подобных кратких прогулок у себя на даче уже многие годы, и он не хотел с ним расставаться, хотя жена Татьяна журила: «Да выбрось ты, Юра, эту рухлядь, неудобно».

...И вспомнилась березовая веселая роща из далекой-далекой юности: Рыбинск, он секретарь комсомольской организации судоверфи (на эту должность попал сразу после окончания техникума водного транспорта, где тоже был комсомольским секретарем, только неосвобожденным). И даже не Рыбинск, а поселок Слип на правом берегу Волги, там и сейчас находится старая верфь. Березовая роща спускалась к Волге. Туда часто на «массовки» — так это называлось в те годы — в выходные дни он отправлялся со своим активом. Молодые... Какие мы все были молодые! Песни, танцы: вальс, полечка, па-де-катр. Но больше песни. Пылал костер среди

берез, Андрюша Казаков, положив патлатую голову на мехи своей растрепанной гармошки, пробегал быстрыми пальцами по кнопкам, и все, кто был вокруг костра, разом, вдохновенно, с напором, словно уже идя в атаку на противника, дружно начинали:

Если завтра война, если завтра в поход,
Если черная сила нагрянет...

Рядом с ним стояла Соня Плахова, сборщица из ремонтного цеха, стройная, раскрасневшаяся от костра, от избытка сил, старенькое пальто расстегнуто, молодая высокая грудь рвется из ситцевой кофточки. Соня смотрела на комсомольского вожака влюбленными глазами, голос у нее был сильный, восторженно-хмельной:

...Как один человек весь советский народ
За свободную Родину встанет!..

А ведь в той березовой роще начался незабвенный — на всю жизнь — разговор с Валерием Гаяновым, Валерой. Он работал в Ярославском обкоме ВЛКСМ заведующим отделом по кадрам, и тогда, приехав в Рыбинск в командировку, сказал Юре Андропову, двадцатитрехлетнему пареньку, хитро подмигнув:

— Посещаю твою вотчину в связи с возникшей кадровой проблемой.— Валера Гаянов, здоровый, белобрысый, пышущий здоровьем, в кожаной черной куртке на лисьем меху, снова подмигнул.— Поговорим вечерком в другой обстановке. А тут...— Он набрал полную грудь воздуха и включился густым баритоном в общий комсомольско-молодежный хор:

...На земле, в небесах и на море
Наш напев и могуч и суров...

Да, это было вот в такой же весенний, наверное апрельский, день. Прозрачная березовая роща — кружение бело-розовых стволов — на спуске к Волге, по которой плывут одинокими островами последние льдины; костер, песня, молодые разгоряченные лица, и глаза горят верой, преданностью идее, готовностью, если Родина прикажет, завтра же ринуться в бой с ненавистным врагом, которого они представляли в виде фашистских колонн, марширующих по площади мимо своего бесноватого фюрера с факелами и под знаменами со свастикой.

Если завтра война, если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!..—

во все горло пел Валера Гаянов, алчно посматривая на Соню Плахову.

А потом, уже во время танцев и маленького пикника у костра — без всякого спиртного,— к нему протолкался завхоз судоверфи дедок Кондрат Филиппович (у него было прозвище — Кафил), запыхавшийся, в шапке-ушанке, с ватой, вылезшей из подкладки, раздвинув худым острым плечом молодежь, протянул Юре Андропову пол-литровую банку:

— На-кось, секретарь! Испей первый. Березовый сок.— Кафил перевел дух (он обожал участвовать в их «массовках», потому что был бобылем и жил в бытовке при судоверфи).— Я, считай, на тыщу берез банки навесил. Всех напою! Сок преть — сила! Потому как весна...

Юрий Андропов, зажмурившись от удовольствия, пил прохладный березовый сок, чуть-чуть сладковатый и с кислинкой одновременно, чувствовал на себе влюбленный взгляд, думал: «Не надо, Соня, смотреть так. Ты же знаешь, у меня Нина, и любовь наша вечна, на всю жизнь. И еще у меня крохотная дочка Женечка. Не смотри так, Соня». Он пил, пил — и березовый сок стекал с уголков губ, с подбородка, щекотал шею.

Был апрель 1937 года.

— ...Юрий Владимирович! — К нему спешил начальник его личной охраны, старший лейтенант Васильев.— Товарищ Рябинин приехал.

«Фу-ты,— Андропов взглянул на часы — было ровно десять тридцать.— Ничего себе! Забрел в самую глушь...»

— Иду. Проводите полковника на веранду. И скажите Татьяне Филипповне, чтобы нам чаю принесли и каких-нибудь бутербродов.

— Есть! — Старший лейтенант Васильев («Ваня» — звали его домашние), молодой и ретивый, побежал к даче, возвышающейся своим вторым этажом над голыми макушками сада.

Юрий Владимирович медленно шел по дорожке, аккуратно устланной утрамбованным гравием,— и перед ним кружились березы на спуске к Волге, он видел молодые лица из своего прошлого, слышал, казалось, навсегда забытые голоса.

Он ненавидел (может быть, правильнее сказать — боялся) это необъяснимое свойство своей натуры: если из недр сознания возникает воспоминание из прошлого — возникает от пустяка, мелочи: казалось, навсегда исчезнувшая песня, запах, стертая фотография — от этого воспоминания невозможно отделаться днями, неделями, пока оно, терзая душу, не будет «пережито».

«Собраться, собраться!» — приказал себе Председатель КГБ.

Когда он вошел на веранду, стол уже был накрыт на двоих для чаепития: небольшой самовар, чайник с густой заваркой «краснодарского» (его любимого), два прибора, белый и черный хлеб, сливочное масло, сыр, несколько сортов колбасы и рыбы, сласти.

Полковник Рябинин был моложав, спортивен, в безупречном черном костюме («Наверное, по случаю воскресенья»,— предположил Андропов). В его русском лице было что-то азиатское: разрез карих глаз, немного выпирающие скулы.

При появлении шефа полковник, держа черную кожаную папку за спиной, стоя у столика с японским телевизором «Панасоник», быстро повернулся, вытянулся по стойке «Смирно!»:

— Доброе утро, Юрий Владимирович!

— Доброе утро.

Они обменялись рукопожатием.

«Хорошая рука,— в который раз подумал Председатель КГБ.— Сильная, открытая, без «реверанса» и без «второго плана».

— Давайте к столу, Иван Петрович,— дружественно, приветливо сказал Юрий Владимирович.— Самовар стынет.

— Да я уже завтракал, Юрий Владимирович.

— И я тоже,— улыбнулся хозяин дома.— Но по чашке чаю — не повредит. Прошу, прошу! За чаем и побеседуем о делах.

Они сели за стол. Андропов сам налил в чашки заварку и кипяток из самовара.

— Сахар, варенье — на выбор. Делайте себе бутерброды по вкусу.

Гость без всякого стеснения, даже с удовольствием, выпил чашку чаю, съел два бутерброда: один — с черной икрой, другой — с бужениной. Поговорили о всяких пустяках: о погоде, о том, что этой весной на Москве-реке был поздний ледоход, что грачи уже прилетели.

Наблюдая за полковником, Юрий Владимирович думал: «Просто молодец!»

— Спасибо, Юрий Владимирович. Сыт. Накормили и напоили.

— Вот и превосходно.— В голосе Андропова послышалась жесткость.

Полковник Иван Петрович Рябинин был одним из заместителей начальника Пятого управления генерал-майора Попкова и одновременно входил в узкий круг самых доверенных людей Председателя КГБ из всех управлений, составляющих «команду» Андропова. Ему Юрий Владимирович полностью доверял — впрочем, как и всем остальным членам «команды»,— мог на него положиться в любых ситуациях. С Ряби-

ниным он работал уже одиннадцать лет, и в 1971-м, выделив тогда еще лейтенанта Рябинина из подчиненных, заметив в нем то, что ему нужно — для будущих сложных, зачастую более чем деликатных дел,— стал заниматься воспитанием молодого офицера в «своем духе», постоянно, без нажима, но неуклонно.

Сейчас полковник Рябинин заведовал — по своему управлению — нелегкими делами так называемой Русской партии (определение родилось в кабинете Андропова), своеобразным детищем КГБ. Однако ребенок за минувшее десятилетие подрос, превратившись сначала в недоросля, а потом в молодчика, жаждущего самостоятельной деятельности и доставлявшего «родителям» немало хлопот.

Подготовленная на 20 апреля 1982 года акция была связана с Русской партией.

— Итак, Иван Петрович...— Андропов помедлил.— Я вас слушаю.

— Все состоится, как и запланировано. Вернее, может состояться. Зависит от вашего решения.

— Пусть состоится.— Юрий Владимирович немного помолчал.— Сколько их будет?

— По спискам шестьдесят восемь человек. Может прийти больше: увяжутся подружки, приятели.

— А как же конспирация? — усмехнувшись, спросил Председатель КГБ.

— Главного члены «Отряда АГ» никогда не говорят ни подружкам, ни приятелям. У них и устав и клятва.

— Да... В опасные игры играем, Иван Петрович.

Полковник Рябинин промолчал.

— Хорошо,— после недолгого раздумья сказал Андропов.— А как родители всех этих... Они в курсе?

— В курсе чего? — спросил полковник Рябинин.

Председатель КГБ поморщился, подумав: «Всем ты у меня хорош, полковник, но тугодум».

— Есть такие, кто знает о подпольной организации, в которую вляпалось их чадо?

— Есть. Это те, кто полностью разделяет идеологию «Отряда АГ».

— И методы борьбы?

— И методы борьбы.

— И сколько же таких... родителей?

— Восемь. В трех случаях в курсе и отец и мать. В пяти только отцы.

— У вас есть их список?

— Все списки, Юрий Владимирович, составлены по вашим рекомендациям.— Полковник Рябинин раскрыл папку и стал

из нее выкладывать на стол листы бумаги со столбцами машинописного текста.— Вот общий список членов отряда. А это — родительские, если можно так сказать, списки. Теперь члены ЦК партии...

— Дайте-ка взглянуть,— перебил Председатель КГБ и, взяв лист из рук Ивана Петровича Рябинина, быстро пробежал взглядом по столбцу фамилий.— Изрядно — семнадцать персон. Так-так...— Синим фломастером была подчеркнута одна фамилия — Заграев В. П.— Как у Владимира Павловича зовут сына?

— Виталий. Студент первого курса факультета журналистики МГУ.

— Хорошо...— Юрий Владимирович ненадолго задумался.— Еще какие списки?

— Здесь — крупные работники министерств, начиная с замов. Здесь партийные кадры: аппарат ЦК, Институт марксизма-ленинизма, горком КПСС. Наконец, самый маленький список — шесть фамилий. Творческая элита: писатели, актеры, художники.

— Ладно.— Андропов отложил листы бумаги в сторону.— Я еще с ними поработаю. Какие ко мне вопросы?

— Меры... По какой схеме пресекать?

— Не пресекать совсем.

— Как? — вырвалось у полковника Рябинина.

— Пусть делают что хотят.— Председатель КГБ усмехнулся.— От полученной свободы очень быстро скиснут, вот увидите. И сами быстренько разойдутся. А милиция, и в большом количестве, должна только наблюдать.— Возникла пауза. Андропов думал.— Лишь одного надо задержать... Виталия Заграева. Создайте ситуацию.

— Создадим,— с готовностью сказал полковник Рябинин.

— Задержите и составьте протокол, по которому в случае передачи дела в суд полагался бы небольшой срок. Скажем, лет до трех.

— Понятно...— Полковник Рябинин подавил вздох.

— Что поделаешь, Иван Петрович,— тихо сказал Андропов,— такова наша работа. Ведь кому-то, как говорил Феликс Эдмундович, надо делать эту «грязную работу». А парень не сядет, после хлопот папаши закроем дело. Посмотрим на реакцию родителя. Думаю, выпустим оболтуса через несколько часов. Мы еще с вами вернемся к Заграевым, и к старшему, и к младшему. Посмотрим, как будут развиваться события. Тогда и решим. Теперь вот что... Накануне двадцатого апреля, то есть завтра, необходимо предупредить родителей и учителей. Все надо сделать очень тонко, деликатно, не раскрывая сути «Отряда АГ»...

— О чем предупредить, Юрий Владимирович? — решился перебить полковник Рябинин.

— О том, в какую историю попали их дети и ученики. Пусть отговаривают их участвовать в задуманной акции.

— Не понимаю...

— Сейчас поймете, Иван Петрович. Скажите, у членов «Отряда АГ» их наставник... Как его?

— Старший лейтенант Заглада. Вячеслав Николаевич Заглада.

— Да, этот Заглада... Он пользуется у них авторитетом?

— Стопроцентным! Вячеслав Николаевич для них бог.

— Вот и превосходно. Пусть он тоже завтра своих питомцев настроит соответствующим образом: решение организации — прежде всего! По уставу. Или их «Клятва». Ведь там, кажется, есть соответствующие пункты?

— Есть.

— Словом, должен последовать приказ наставника: акция состоится. При любых обстоятельствах. И не поддаваться никаким уговорам. И они, то есть «Отряд АГ», не поддадутся, я уверен.

Полковник Рябинин молчал, наморщив лоб.

— Понимаете, Иван Петрович... Вот, скажем, охота. Например, на уток. Летит стая, у охотника двустволка, и он может произвести два выстрела по двум летящим целям. Вот и нам с вами надо выстрелить дуплетом по двум мишеням. Выстрелить и не промахнуться. Теперь понимаете?

— Так точно, Юрий Владимирович! Понимаю!

Но полковник Рябинин уже ничего не понимал...

— Теперь пресса. На все это зрелище надлежит взирать иностранным корреспондентам. Наших не подпускайте. А иностранцы пусть получат информацию через третьи руки только о факте готовящейся некой противозаконной акции, не вдаваясь ни в какие детали. И поставить их об этом в известность следует за несколько часов до события.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

— И наконец, последнее. Пусть завтра же этот Заглада покажет «Отряду АГ» фильм «Явное и тайное». Получите в фильмотеке. Я уже дал распоряжение.

— Слушаюсь!

— Необходимо, чтобы над этими молокососами витало облако антисемитизма. Для пользы дела, Иван Петрович, для пользы дела.

— Я понимаю.

Однако вид у полковника Рябинина был, мягко говоря, несколько растерянным.

— И встретимся мы с вами, Иван Петрович, завтра вечером. О часе я вам сообщу. Окончательно проанализируем всю подготовку акции.

— Разрешите идти, Юрий Владимирович?

— Да, вы свободны.

Они попрощались, обменявшись рукопожатием.

Оставшись один, Андропов несколько минут сидел в тяжелой трудной задумчивости, потом налил себе чашку крепкого чая, стал его пить мелкими глотками.

Русская партия...

Юрий Владимирович поднялся с плетеного стула и прошелся по веранде. За широкими витражами весенний день набирал силу; поднялся ветер, раскачивая ветки голых деревьев. Вдалеке, за клумбами и яблонями, розово-бело светили стволы берез.

И кто-то мелькнул там, среди этих стволов-свечей. Девичья фигура в старом демисезонном пальто? А в ушах или, может быть, в сознании прозвучал голос, полный недоумения, ужаса и отчаяния: «Зачем ты это сделал, Юра?!»

«Нет, нет! — Председатель КГБ энергично тряхнул головой, и видение исчезло.— Итак, Русская партия. Я ее создал, я и... Что-то подобное сказано, кажется, Гоголем. Пора! Пора наших «русистов» окончательно посадить на цепь. Или — джинна загнать обратно в бутылку. Будет нужда — выпустим. Но — на поводке, на коротком поводке. И акция двадцатого апреля — впечатляющий повод. Надо, чтобы был впечатляющим,— поправил себя Юрий Владимирович, осознавая, что им начинает овладевать возбуждение.— И это, полковник Рябинин, будет первым нашим выстрелом по первой мишени».

«Впрочем, нет, я не могу сказать, что создал их на голом месте,— рассуждал про себя Андропов, медленно шагая по веранде из угла в угол.— Все это возникло еще при моих предшественниках, при Шелепине, «железном Шурике», и Семичастном. Да нет же! — Он даже остановился возле стола, машинально потрогав бок самовара, который был еще горячим, и Юрий Владимирович быстро отдернул руку.— Раньше всех эти карты из колоды вынул Иосиф Виссарионович, он еще тогда, во время войны, прозрел. Гений! Гений... Обращение к церкви, к русской идее. Как там у него? «Пусть вдохновляют вас в этой войне деяния наших великих предков, Александра Невского и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова...» Примерно так. Чьи еще имена тогда он перечислил? Не помню. Надо заглянуть в Собрание сочинений. А потом, после войны?» Это сейчас, 18 апреля 1982 года, Юрий Владимирович уже окончательно понимал тактику и стратегию Великого Замысла товарища

Сталина: он соединил в логический ряд три послевоенные акции вождя. Первая — борьба с космополитизмом, и почва удобрена, русский народ созрел. Только теперь Председатель КГБ осознавал, какой это был точный расчет. Далее — вторая акция: «дело кремлевских врачей». За ней должна последовать третья акция: грядет грандиозный процесс (процесс века?), естественно, открытый; все подготовлено: у наших писак отточены перья, у радиодикторов луженые глотки, кинорепортеры в состоянии боевой готовности номер один. И после трех действий этой еще не виданной миром исторической драмы режиссером-постановщиком задуман ошеломляющий финал, к которому тоже все подготовлено: места для нового проживания «малого избранного народа», войска для конвоя, сотни составов из теплушек (опыт есть, русские люди! Все будет сделано четко, без особого шума).

Смерть режиссера-постановщика оборвала спектакль: занавес опустился после второго действия.

...В конце шестидесятых годов, начиная борьбу за новую идеологию общества, создавая для этого Русскую партию, Андропов еще не пришел к постижению сталинского триптиха с заключительным финалом: борьба с космополитизмом — «дело кремлевских врачей» — готовящийся «процесс века» и финал: репатриация евреев из крупных городов России. А в итоге создание вместо голой коммунистической идеологии новой, русско-национальной; пробным камнем в этом нелегком «деле» было обращение за «духовной» помощью к церкви во время Великой Отечественной войны, обращение к религиозным и патриотическим чувствам русского народа, семена которых заложены в историческом прошлом государства Российского.

Только теперь, в начале восьмидесятых годов, Юрию Владимировичу Андропову окончательно открылось все, все Э Т О.

«Да,— думал Председатель КГБ, отпивая из чашки,— смерть Сталина оборвала осуществление великого замысла. А оголтелый и невежественный атеист Хрущев все вернул на круги своя, продолжив прерванную было ленинскую борьбу с «мракобесием» и «опиумом для народа» — Русской Православной Церковью».

Андропов сел на мягкий диван, стоящий у стены, и потрогал свой пульс на левой руке — сердце скакало галопом. «Спокойно, спокойно!.. И все же это так: он не успел, а у меня не получилось. Стоп, стоп! Зачем же так? Во-первых, она есть — Русская партия, и пока что я управляю ею. Правда, некоторые «молодые князья» уже повскакивали в седла и рвутся... Нет, нет, не в бой, а к власти. Постой, постой! Откуда эти «молодые князья»? Да, это же у одного нашего

поэта... Забыл фамилию. А короткую встречу с ним помню, кажется, на приеме в какой-то военной академии. Высокий, худой, со злым, резким, вдохновенным лицом. Как там? Сейчас, сейчас... Эти стихи он и читал там, в академии, ему аплодировали стоя, и кто-то с балкона крикнул: «Да здравствует русская армия!» — Председатель КГБ напряг свою могучую изощренную память, и поэтические строки всплыли:

Я с тревогой смотрю на восток
И на запад взираю с тревогой.
Как бы завтра наш путь не протек
Освещенной кострами дорогой.
Кто готов нас в поход повести?
Есть ли в седлах князья молодые?..

«Есть. Князья в седлах уже есть, взгромоздились,— думал и с иронией, и с чувством тревоги Юрий Владимирович.— Только поход, похоже, задуман короткий — в Кремль и на Старую площадь. Поэтому, князья мои славные, лошадей в стойла, а сами... Посмотрим. Скорее всего, в пешем строю и по указанному маршруту. Вон министр обороны жалуется: все больше военных округов, в которых полностью не укомплектованы штабы. Все норовят остаться в Москве, в Генштабе, а то и повыше забраться...»

...В мае 1967 года Юрий Владимирович Андропов возглавил Комитет государственной безопасности Советского Союза, сменив на этом посту разжалованного Семичастного. «В связи,— говорилось в решении Политбюро,— с серией крупных провалов советской разведки в Западной Европе» и «за раздувание мелких дел». Но была и другая, главная, причина низвержения Семичастного с Лубянки — он состоял в дружбе, ходил в единомышленниках с Александром Шелепиным, своим предшественником в КГБ, который, будучи членом Политбюро, в момент исторического заседания своих коллег по высшему партийному органу, в мае шестьдесят седьмого, находился в больнице на операции по случаю обнаружившегося аппендицита. Все дело в том, что Леонид Ильич Брежнев видел в Шелепине — и не без основания — основного своего соперника, а значит, врага в борьбе за верховную власть. Эта борьба на кремлевских холмах не утихала — и не утихнет — никогда. Принятым решением Политбюро бывший «железный Шурик» лишался главной своей силы и опоры — могущественные органы государственной безопасности больше не служили ему.

Став Председателем КГБ,— надо сказать, это назначение для Юрия Владимировича было полной неожиданностью,— Андропов первый год на новом посту посвятил изучению своего нового хозяйства, гигантского и зловещего, и пости-

жению страны, партии, общества в целом изнутри — «глазами» КГБ: к нему стекалась информация о положении дел во всех сферах жизнедеятельности советской империи — горы информации, тонны, монбланы информации, причем из первых рук, никем не искаженной. И он кропотливо, въедливо, с фантастической энергией изучал ее, систематизировал, делал выводы. А еще была в тот первый год, естественно, и текущая работа, которая требовала внимания, энергии, напряжения.

«...Как я только выдерживал этот ад? — подумал сейчас Председатель КГБ, сидя на веранде своей государственной дачи и наблюдая, как два воробья что-то азартно обсуждают на карнизе крыши.— Возраст, здоровье. Тогда еще был резерв и того и другого...»

Наконец однажды ранним-ранним утром в своем огромном кабинете на Лубянке, он, стоя у окна и видя перед собой площадь Дзержинского, совершенно пустую и мокрую (была весна, начало мая, в Москве шел дождь), сказал себе: «Достаточно. Ставлю точку. Теперь я знаю все».

Перед Юрием Владимировичем Андроповым разверзлась бездна. И на краю этой бездны балансировала его родина, великая держава с тысячелетней историей, созданная гениальными предками. Да, да! Все равно великая — по экономическому потенциалу, по военной мощи, по природным и людским ресурсам. Но теперь он знал (во всяком случае, он был убежден, что знает) все ее изъяны, болезни, пороки. В принципе все это можно победить: и болезни, и пороки, и изъяны. Надо только найти рецепт. И Юрий Владимирович Андропов нашел его! Так казалось ему в то московское дождливое утро 1968 года. Фундамент... Возродить, вернее, создать заново фундамент. А сейчас вместо него — пустота, вакуум. Вернее, два вакуума: отсутствие сильной, авторитетной, энергичной власти, державной власти — и отсутствие идеологии или веры. Или так: идеология есть — идеология коммунизма. А в его постулаты Юрий Владимирович верил в 1968 году, свято верит в них и сейчас. Но эта идеология — осознал он в конце первого года пребывания в должности Председателя КГБ — практикой жизни дискредитирована, более того, надо правде смотреть в лицо — втоптана в грязь. В обществе, в народе веры в коммунизм нет. Значит, эту идею, это великое учение надо оплодотворить новой идеей, оживить ее новой сильной кровью. «И я нашел ее,— сказал себе Юрий Владимирович Андропов много лет назад в своем кабинете,— эту вторую идею, которая, объединившись с коммунистической доктриной, даст ей новую жизнь, вернет прежде всего русскому народу веру в наши идеалы».

«...Я нашел ее, спасительную вторую идею,— подумал он сейчас, горько усмехаясь, сидя на диване и наблюдая за парой воробьев, у которых темпераментный разговор перешел в драку.— Но, найдя, я воспринял великую могучую идею русской государственности, державности как статику, оторвав ее от людей, от свойств нашей подлой породы».

Надо сказать, что первый вакуум в фундаменте страны — отсутствие настоящей власти — Андропов ощутил давно: еще во время драматических событий в Венгрии 1956 года, в бытность его послом в Будапеште. Тогда он почувствовал вялость, нерешительность и даже страх и самого Брежнева, и его окружения — в ответственнейший момент, когда надо принимать жесткие решения. С годами, особенно после перехода в КГБ, он убедился: вместе с физическим дряхлением кремлевских старцев дряхлеет верховная власть, становится ненавистной и презираемой в стране и посмешищем — вместе со страхом — для Запада. От впадающих в маразм и слабоумие верховных олигархов с кнопками для пуска ракет с ядерными боеголовками можно ожидать всего.

«Страну, державу спасет только сильная власть, централизованная, вызывающая уважение у своего народа и страх у наших противников,— так он сказал себе в то мокрое утро.— И этой властью буду я. Я спасу Отечество. Необходимо спешить. Времени остается мало. Год, два — больше потратить на э т о я не имею права».

Как ошибался четырнадцать лет назад Юрий Владимирович Андропов! Феномен власти, притом власти неограниченной, им еще тогда не был постигнут. Но первое, за что надо браться немедленно,— когда ты станешь главой этого великого и несчастного государства — второй вакуум в его фундаменте, занимающий в этой пустоте основное пространство,— отсутствие национальной идеи, она всегда определяла и будет определять судьбу всей многоязычной державы. Мы соединим идею русской державности с коммунистической доктриной — вот она, новая кровь для великого бессмертного учения. И — победим! Победим во всем мире. Что? Что там говорят из-за «бугра»? Имперская идея? Пусть! Так оно и есть! Мы, русские,— имперский народ, наши предки и современники создали величайшую в мире империю, последнюю на современной карте земного шара. Мы сохраним ее и приумножим. В этом можете не сомневаться.

Юрий Владимирович Андропов был с комсомольских лет убежденным державником, патриотом Русского государства,— «от океана до океана».

Итак, вперед!

Без колебаний и сомнений.

«Я спасу Россию!» — думал тот, пятидесятичетырехлетний Юрий Андропов, еще полный сил, и физических и духовных, стоя у окна своего кабинета. На площади Дзержинского появились машины, открылась станция метро, и к ее дверям потянулись первые пассажиры.

«Я сделаю все, чтобы спасти Россию,— думал сейчас Председатель КГБ, взглянув на часы («Через двадцать минут придут врачи»).— И я спасу ее, если судьба, после того как полная власть будет у меня в руках, даст мне хотя бы три года. Лучше — пять лет».

...Но, вооружившись русской идеей, начав создание Русской партии (не основанной, конечно, на членстве и уставе, а предлагающей объединение единомышленников-«заединщиков» — появится позже термин в одном из «патриотических» журналов), Председатель КГБ учел горький опыт своих предшественников, Шелепина и Семичастного: оба они были открытыми сторонниками русской державности и не скрывали своих взглядов и пристрастий. За что и поплатились. Во всяком случае, одна из основных причин, повлекших изгнание бывших руководителей КГБ с кремлевского олимпа и из верховной власти, была их приверженность именно русской идее и поддержка тех сил, которые ее исповедовали. Андропов, изучая ситуацию и собранные документы, понял это, хотя и не находил — пока — ответа на вопрос: «Почему?» Поэтому осторожно, постепенно взявшись за создание Русской партии, Юрий Владимирович старался оставаться по возможности в тени: ни в Политбюро, ни в ЦК об этой специфической его деятельности не знали — никаких документов, зримых акций со стороны Председателя КГБ в столь щепетильной сфере общественной жизни страны замечено не было. Может быть, только самые дальновидные догадывались, но — молчали.

Была и вторая причина, заставившая Андропова создавать Русскую партию пока подпольно: в самом начале этой работы он почувствовал устойчивое сопротивление на самом верху. Почему? Сразу и здесь он не смог разобраться...

Важно и еще одно обстоятельство. Опять же с первых шагов на пути создания новой идеологии (для фундамента, для фундамента державы!) Председатель КГБ столкнулся с открытыми противниками русской идеи в среде, с которой и было призвано бороться его ведомство внутри страны и за ее пределами — в среде диссидентов. В ней было немало людей еврейской национальности. В процессе создания Русской партии неизбежно и неотвратимо возник — не мог не возникнуть — проклятый для России (а может быть, и не для одной России) «еврейский вопрос». Казалось бы, интересы сомкнулись: его, Председателя КГБ, и кремлевских старцев,

которые в набирающем силу диссидентском движении («Где одни евреи»,— обменивались мнением на своих заседаниях члены Политбюро, правда, в отсутствие Леонида Ильича Брежнева) видели основную внутреннюю угрозу стабильности Отечества, и прежде всего, конечно, своей власти.

Юрий Владимирович Андропов сделал первый крупный шаг — и на пути создания благоприятной ситуации для Русской партии, и, казалось бы, ублажающей Брежнева, его окружение и их клевретов: в его ведомстве был составлен «черный список» самых «оголтелых» диссидентов и передан в Политбюро на утверждение... На утверждение права произвести аресты всех перечисленных лиц с дальнейшим возбуждением уголовных дел, «возможных нескольких показательных судебных процессов»,— писалось в сопроводительной записке. И тогда с диссидентством, этой пятой колонной внутри государства, будет покончено. Если не навсегда, то на несколько ближайших лет, может быть на десятилетие.

«Черный список» был отвергнут — без комментариев, но твердо.

И опять Председатель КГБ был в полном недоумении: «Почему?..»

До конца разобраться в ситуации Юрий Владимирович не успел, хотя кое-что начал понимать — в его трудные размышления вмешались грозные события: августовской ночью 1968 года советские танки вошли в Чехословакию, подмяв своими гусеницами «пражскую весну». «Танки идут по Праге, танки идут по правде...»

Зыбкую атмосферу неустойчивости, брожения, первоначальной паники, а затем скрытой от общественности свары на верху — из-за чехословацких событий — Андропов решил использовать в своих целях: он выпустил силы Русской партии из подполья (или полуподполья), где они пока пребывали, стремясь вырваться оттуда для активной деятельности — во благо «Великой России».

А эти силы — Председатель КГБ уже полностью владел информацией, имел устойчивые надежные контакты — были сосредоточены в трех средах. Это национал-шовинисты в гражданских кругах, прежде всего в так называемой творческой интеллигенции: писатели, журналисты, художники, артисты, а также представители технической элиты, в основном связанной с военно-промышленным комплексом; затем армия (пожалуй, там — в Министерстве обороны, в Генштабе, в штабах всех родов войск — были основные боевые резервы Русской партии); наконец, это его, Юрия Владимировича Андропова, ведомство на Лубянке: уж он-то за год изучил нас-

троения вторых и третьих — по рангам — лиц после него в кабинетах КГБ.

Теперь предстояло объединить все эти три силы в один могучий кулак.

...Председатель КГБ полулежал на диване, на веранде своей дачи. Поднималась тупая, саднящая боль в левом боку, в области почки.

«Скорей бы приехали!» — Юрий Владимирович взглянул на часы.

Воробьи с карниза улетели, весеннее солнце ушло за крышу, на взрыхленных клумбах лежали резкие, контрастные тени от яблонь.

Сейчас, вспоминая свой долгий тяжкий путь, путь длиною в пятнадцать лет, наполненный одним: борьбой, борьбой, борьбой! (и враги со всех сторон), прогнозируя в уме ближайшие события и предчувствуя близкую развязку («Больше ошибаться нельзя»), Андропов вспомнил встречу, случившуюся в 1968 году, во время подавления «пражской весны», «когда мы...— Председатель КГБ горько усмехнулся,— вышли из подполья».

К нему на аудиенцию запросился журналист, начинающий писатель, сценарист, их бывший агент в Англии, который завалил — еще при Семичастном — ответственную и, казалось, блестяще подготовленную операцию. После чего он был разжалован и приносил пользу Комитету лишь в качестве секретного сотрудника, или «сексота», на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР, где числился слушателем.

Изучив досье Сергея Дмитриевича Жаковского, Андропов в тот день с интересом ждал визитера — из документов возникала довольно любопытная фигура. Юрий Владимирович в каждом русском патриоте, с которым ему доводилось встречаться впервые, старался доискиваться первопричин национал-шовинистического «миросозерцания». Судя по документам, в случае Сергея Дмитриевича Жаковского кое-что в этом плане просматривалось.

Дело в том, что доморощенный литератор рвался на прием к Председателю КГБ с идеей документального фильма, «сверхзадача которого,— говорилось в письме на имя Андропова,— раскрыть глаза русскому народу. Показать ему, кто повинен во всех наших национальных бедах». Замысел фильма пришелся по душе начальнику Политического управления армии и военно-морского флота генералу Алексею Алексеевичу Епишеву, с которым в ту пору Юрий Владимирович поддерживал тесный контакт, все на той же почве «русской идеи», фанатичным и целеустремленным сторонником которой был генерал Епишев. Он и выхлопотал своему протеже эту встречу

у Председателя КГБ. В тот день Алексей Александровнч — по личной просьбе — тоже прнсутствовал в кабинете Андропова, виднмо желая всяческн поддержать молодого сценариста с его патрнотическим замыслом.

Сергей Дмитрневнч Жаковский явился в срок, мннута в мннуту.

В кабннет вошел высокнй, вкрадчнвый, улыбающийся молодой мужчина, н первое, что бросилось в глаза,— это несколько бугрнстая, нездоровая кожа на его лице. Потом вннмание останавливалось на его серых, быстрых, умных глазах, главным выраженнем которых была настороженность. Пожатие его руки было сильным, энергнчным, но ладонь оказалась влажной от пота («Волнуется»,— подумал Андропов н потом, когда гость был усажен на стул, незаметно вытер руку носовым платком под своим столом).

— Располагайтесь, Сергей Дмнтриевнч,— сказал Андропов, вннмательно наблюдая за гостем.— И — рассказывайте. В нашем распоряжении около получаса. Извиннте, во временн ограничен.

— Поннмаю, понимаю! — заспешил бывший агент КГБ, а теперь литератор и сценарист Жаковский.— Собственно... Суть я изложил в письме. Его можно рассматрнвать как заявку на задуманный фильм. Рабочее название «Явное н тайное». Надеюсь, оно и останется. Еслн, конечно, мне будет позволено снять этот фильм.— Сергей Дмитриевич (было ему лет тридцать, может быть, чуть больше) перевел дух н облизал бледные губы.

— Расскажите подробней о задуманном фильме,— попросил Юрнй Владимировнч.

— Ты, Сергей, нзложи, как мне,— прншел на помощь своему протеже генерал Епншев.— Не тушуйся. Мы тут все свон.

— Слушаюсь, Алексей Алексеевич! — воспрянул духом пнсатель Жаковский.— Значит, так... Представьте... Это начало фильма, запев. На экране — цветущее дерево, прнносящее замечательные плоды. Перед зрнтелем образ Россин — древо русской жизни, снльное, крепкое, жнвотворящее... И вот...— Глаза сценарнста засверкали ненавистью.— И вот на ветвях прекрасного дерева нашей русской жизнн появляется паутина. Сначала она опутывает нижнне веткн. Потом подннмается все выше и выше...— В голосе Сергея Дмитриевича зазвучали трагические ноты.— Представляете?.. О горе! Паутина добралась до вершнны! Она опутала все дерево. Звучит траурная музыка. Что-нибудь нз русской классикн — Глннка, Бородин, Рахманинов. Будем нскать. Зрительный зал замнрает: по паутине карабкаются онн, мерзкие тварн, со всех сторон, со всех сторон!..

— Кто? — перебил Председатель КГБ.

Быстро взглянув на генерала Епишева и получив одобрительный кивок («Не церемонься, парень. Вперед!»), Сергей Дмитриевич Жаковский рявкнул:

— Известно кто, Юрий Владимирович! Евреи!

— Понятно,— спокойно, невозмутимо сказал Председатель КГБ.— А теперь конкретизируйте...— Андропов помедлил.— Кого увидят зрители на экране? Какой конкретный документальный материал?

— Да, да, Юрий Владимирович... Сейчас...— Сценарист открыл портфель, с которым пожаловал, стал в нем рыться.— Вот наброски сценария, основные факты и персонажи.

Последовал хотя и несколько сбивчивый, но напористый рассказ, сопровождающийся ремарками типа: «Здесь — зрительный ряд: фотографии, архивные документы, есть кое-что в кинохронике тех лет, как фон. А вот тут уже съемки советских операторов, имеется материал в спецхране Белых Столбов. Мне бы допуск. (Генерал Епишев: «Будет тебе допуск».) Для этого сюжета я раскопал свидетеля. Правда, старухе девяносто лет и требует денег вперед, зато уж скажет так скажет!» Ну, и так далее.

Действующие лица — соответствующие: эсерка Каплан, стрелявшая в Ленина («Доподлинно известно: сионисты уже тогда руководили всеми покушениями на лидеров молодой Советской России»); Лев Троцкий, «ренегат», предатель: создав Красную Армию, завоевав в ней изощренными, чисто семитскими способами популярность, поставил скрытую цель: постепенно занять в армии первого в мире государства рабочих и крестьян все командные посты евреями и, таким образом, подчинить ее интересам всемирного жидо-масонского заговора (слушая все это, Андропов подумал: «Да он сумасшедший»); Голда Меир — из далекого Израиля ведет руководство всем диссидентским движением в Советском Союзе, финансируются все их акции, выпуск подрывной литературы («Что-то тут есть!» — подумал тогда Юрий Владимирович, слушая разбушевавшегося сценариста: «Да у меня соответствующего материала об этом вонючем, пропахшем чесноком Израиле на три зубодробительных серии!»).

Аудиенция длилась уже сорок минут, и Председатель КГБ прервал словоизвержение писателя Жаковского вопросом:

— Сергей Дмитриевич, а лично вы от евреев пострадали?

— Пострадал? — По бугристому серому лицу сценариста и борца за права русского народа пошли розовые пятна.— Это вы называете — пострадал? Да они уже десять лет душат мое творчество! Не дают мне хода! Мои произведения, пос-

вященные русской истории, нашей культуре, величию русского духа, вызывают у них ярость!

— У кого у них? — сдержанно, спокойно спросил Андропов.

— У жидов! — Писатель Жаковский клокотал: казалось, еще немного — и черные силы, распирающие его, разнесут в клочья длинное худое тело.— Юрий Владимирович, дорогой, да они во всех журналах, издательствах, на руководящих постах...

— Успокойтесь, Сергей Дмитриевич. Вот выпейте-ка воды.— Председатель КГБ с брезгливостью смотрел, как желтые зубы стучат о край стакана.— И вы явно преувеличиваете...

— Если я преувеличиваю,— сценарист и сексот в одном лице никак не мог успокоиться,— то самую малость! Вот такую малость.— Руками была изображена какая-то непонятная фигура.— Я вам сейчас с фактами в руках, на собственном примере... Мое историческое эссе...

— Все, все, Сергей Дмитриевич,— перебил Андропов.— Я вас понял. Мы тут обсудим вашу заявку и примем решение. Вам позвонят.

— Что, я... я свободен?

— Да, вы свободны.

— До свидания...— Вид у писателя Жаковского был растерянный и жалкий.

— Будьте здоровы.

Юрий Владимирович на прощание руки визитеру не подал. Глядя на хозяина кабинета, не сделал этого и генерал Епишев.

Сергея Дмитриевича как ветром сдуло, будто его и не было.

— И такой человек у Семичастного работал агентом,— вздохнул Председатель КГБ.

— Тем не менее, Юрий Владимирович,— сказал Алексей Алексеевич Епишев с еле уловимым напором,— идею создания подобного фильма надо поддержать. Такой фильм нужен.

— Кому? — спросил Андропов.

— Народу. Русскому народу. А уж нашей армии — это точно. Смею вас уверить.

...Документальный фильм «Явное и тайное» Сергеем Дмитриевичем Жаковским был снят, и на первом просмотре, естественно, присутствовали «крестные отцы» этого шедевра антисемитизма Епишев и Андропов.

Рядом с Юрием Владимировичем в битком набитом просмотровом зале сидел генерал Епишев и от удовольствия и возбуждения часто потирал руки. Фильм был сделан эмоционально, с напором, вдохновенно. Несколько раз возникали короткие аплодисменты. Или вдруг в задних рядах — там сидели молодые специалисты, уже прошедшие соответству-

ющую подготовку, которыми Председатель КГБ собирался укомплектовать многочисленные отделы создающегося по его инициативе Пятого управления («работа с творческой интеллигенцией»),— раздавались крики: «Правильно!», «Браво!»

Юрий Владимирович морщился, настроение портилось, началась мигренная боль в висках.

Кончился фильм, и грянула восторженная овация.

Сергей Дмитриевич Жаковский, всклокоченный, с пылающим бугристым лицом и безумными глазами, принимал поздравления, жал руки, отвечал на вопросы. Он чувствовал себя победителем.

Обсуждение фильма должно было состояться тут же, в кабинете директора клуба КГБ, в узком кругу, чтобы выработать рекомендации для следующей, уже высшей партийной инстанции — дать зеленый свет фильму «Явное и тайное» или не дать.

— Обсуждайте, товарищи, без меня,— сказал Андропов.

И сразу возникла тишина. У создателя фильма вытянулось лицо.

Председатель КГБ вышел из зала.

А потом, когда он и генерал Епишев встретились с глазу на глаз, Юрий Владимирович сказал:

— Я категорически против показа этого патологического фильма широкой аудитории. Он вообще не должен появиться на экранах.

— Почему? — потемнев, насупившись, спросил Алексей Алексеевич.

— Во-первых, он — фальшивка и фальсификация не меньше чем на пятьдесят процентов. Пока ваш Жаковский трудился над этим шедевром...

— Он не столько мой, сколько ваш, Юрий Владимирович,— перебил генерал Епишев.

— Пусть! — ожесточился Андропов.— Не в этом сейчас дело. Так вот... За это время я тоже изучал соответствующие документы и материалы. Во-вторых...— Председатель КГБ подыскивал слова,— этот фильм — прямой призыв к насилию.

— Что вы имеете в виду? — повысил голос начальник Политического управления армии и военно-морского флота.

— Вот что я имею в виду...— Председатель КГБ говорил спокойно и ровно.— Фильм Сергея Жаковского — подстрекательство к еврейским погромам. Ему лучше бы подошло название «Бей жидов, спасай Россию!». И свое мнение я выскажу и в ЛИТО, и в идеологическом отделе ЦК партии.

— Это ваше право, Юрий Владимирович,— тоже спокойно, овладев собой, сказал генерал Епишев.— Но в армии, коман-

дному и офицерскому составу, в военных академиях фильм «Явное и тайное» будет показан.

Андропов промолчал. Не с этого ли разговора началось охлаждение в отношениях Председателя КГБ и главного политического комиссара Вооруженных Сил Советского Союза?

Нет... Пожалуй, нет. Тогда, в конце шестидесятых годов, Юрий Владимирович Андропов только приближался к постижению тандема «Армия — «русская идея» (или, если угодно, Русская партия) в контексте борьбы за верховную власть.

...Фильм Сергея Жаковского «Явное и тайное» был запрещен, не попал в прокат по кинотеатрам страны, не появился на экранах телевизоров, зато ему было дано «добро» в Вооруженных Силах Страны Советов, в которых, кстати, цензурой, введенной по личной инициативе генерала Епишева, в это же самое время были запрещены «либеральные» журналы «Новый мир» и «Юность»: если у солдат и офицеров обнаруживались крамольные журналы, подрывающие, по глубокому убеждению Алексея Алексеевича, моральный и патриотический дух Советской Армии,— эти солдаты и офицеры подвергались наказаниям.

...Прошли годы, прошло тринадцать лет. Изменился Председатель КГБ. Изменились его взгляды и убеждения. «Еврейская карта» в борьбе за верховную власть — козырная карта. В этой беспощадной борьбе все методы — и карты — хороши. Логическая цель сталинского триптиха с финалом была изучена и осмыслена. Девятнадцатого апреля 1982 года, завтра вечером, «Отряду АГ» покажут фильм Жаковского (жив курилка!) «Явное и тайное». Покажут перед акцией, которая позволит Председателю КГБ свое уже взрослое детище — Русскую партию — посадить на короткую цепь, а может быть, вообще загнать обратно в бутылку и крепко закупорить ее. До поры. Конечно, до поры. За дальний горизонт истории не заглянешь. Но Юрий Владимирович чувствовал, осознавал: силы, взращенные «русской идеей», в критический момент — а какой политик от него гарантирован? Да еще в России! — могут понадобиться. Понадобятся... И потом...

...Юрий Владимирович, лежа на диване, прислушался. Кажется, подъехала машина?

«И потом,— подумал Председатель КГБ,— если бы я не контролировал Русскую партию,— что бы происходило? Она бы все равно саморазвивалась, подпольно и опасно. А в критической ситуации носители «русской идеи» способны дестабилизировать обстановку в стране, взорвать общество изнутри».

Осторожно открыв дверь, вошла Татьяна Филипповна, сказала:

— Юра, врачи ждут. Все подготовили на зимней веранде. Там удобней. Привезли какой-то новый аппарат, японский. Как ты себя чувствуешь?

— Вполне, вполне.— Юрий Владимирович медленно поднялся с дивана, стараясь не морщиться от раздражающей боли в боку.— Скажи им: я сейчас.

Жена с озабоченным, усталым лицом ушла.

...Медицинские процедуры были долгими, некоторые мучительными. Лежа в миниатюрной реанимационной камере, Юрий Владимирович, стоически перенося боль, старался думать о делах, о своем и отгонял от сознания рыбинские воспоминания, которые снова ломились наружу из тайников памяти.

...Да, в 1968 году, во время подавления «пражской весны» в Чехословакии, Русская партия с санкции КГБ была выпущена на свободу, «на вольный российский простор»,— сказал кто-то из высшего руководства ведомства на Лубянке во время собрания в кабинете Андропова, когда принималось это решение.

Прежде всего были открыты шлюзы для писателей, журналистов и издателей «патриотической» ориентации: в журнале «Москва» печатается опус Альфреда Розерберга — откровенный фашистский манифест с доминирующей идеей — «культ великой нации», которой мешает, вредит в ее могучем, территориально расширяющемся развитии «малый народ», то есть евреи. Журнал «Огонек» широко цитирует теоретика фашистской идеи Вернера Зомбарта; доктрина проста как мычание: фашизм — это идеология «великого народа», которому свыше предписано очистить себя от «блох», покрывших его тело. В «Комсомольской правде» публикуется статья, в которой скрупулезно подсчитано, сколько евреев, полуевреев, выкрестов работают в американском правительстве; аналогия прозрачна, напрашивается сама собой: русские люди! Загляните в советскую историю начиная с семнадцатого года, и вы увидите, кто правит вами, кто великую Россию довел до жизни такой.

За газетами и журналами спешат издательства. «Давайте, ребята! — слышат там поощрительные клики с Лубянки.— Куйте, будите, открывайте! Мы с вами! Послужим матери-России». И ребята «куют»: в издательстве «Молодая гвардия» стотысячным тиражом выходит книга «Чужие голоса в эфире» (темпераментный, горячий рассказ о том, как вездесущие евреи захватили в США радио, телевидение и прессу. А у нас? Думай, думай, русский человек!). В том же издательстве

появляется книга Леона Корна (он же Лев Корнеев, русский по национальности) «Легенда Израиля и действительность»: оказывается — свят! Свят! Свят! — более ста тысяч иранских евреев являются тайными агентами Израиля и шпионят, заразы, в пользу самого государства иудейского, а заодно горбатятся, суки, на Китай и США. Каковы выродки, а? («Эта книга,— следует приказ генерала Епишева, — должна стоять на полках всех армейских библиотек».) Появляется в «Воениздате» произведение Ивана Артамонова «Оружие обреченных», из которой ошеломленный советский читатель узнает, что сионисты всех мастей и во всех странах приветствовали приход Гитлера к власти и после этого прихода вовсю сотрудничали с гестапо, СС и абвером, обделывая под их крышей свои мерзкие делишки; Вильгельм Канарис, оказывается, засылал шпионов еврейской национальности в страны антигитлеровской коалиции; сионистские выродки по собственному желанию ехали в лагеря смерти Освенцим и Майданек и принимали участие в массовом уничтожении людей всех национальностей, прежде всего, конечно, русских, но и своими единокровниками, то есть евреями, не брезговали. (Да это что же такое творится, граждане? Согласитесь: у любого русского человека волосы встанут дыбом!)

Это лишь примеры. На книжный и журнальный рынок Советского Союза хлынул поток, весьма обширный, антисемитских «творений» отечественных писателей и журналистов. И переводы трудов зарубежных авторов, теоретиков (да и переживших трудные послевоенные годы практиков) фашистской идеологии.

Шли годы. Вот и середина семидесятых. Юрий Владимирович Андропов, выпустивший в конце шестидесятых годов из подполья «русскую идею» и ее носителей, объединившихся в Русскую партию, окончательно убедился: создавать новую идеологию, то есть соединение коммунистической доктрины с русской державностью, которая заполнит вакуум в фундаменте отечества, невозможно без антисемитизма, без еврейской карты. Таковы правила игры, такова реальность российской истории и современной жизни.

Да, да... Шли годы. И уже минули те три первые из них, которые он наивно дал себе в первый год пребывания на Лубянке для прихода к верховной власти. Движение наверх идет медленно и мучительно. Здесь только два реальных шага вперед: после XXII съезда партии Андропов в 1963 году становится членом ЦК КПСС, в 1973 году он избирается членом Политбюро.

Медленно, медленно, медленно... Время стремительно утекает — уже конец семидесятых. В экономике, во внешней

политике углубляются деструктивные процессы, общество сверху — с самого верху — и до основания разъедает коррупция, азиатские, да и кавказские республики превратились в феодальные княжества, где беззаконие — закон, а первый партийный секретарь — хан или князь по средневековому образцу. Пышно расцветают национализм и сепаратистские тенденции в Прибалтике, в Западной Украине и Молдавии.

«Власть! Мне нужна вся полнота власти...»

Именно в ту пору Юрий Владимирович Андропов совершает ошибку, за которую и по сей день казнит себя. Он соглашается, используя еврейскую карту, провести акцию, направленную на дискредитацию главы государства, которую разработал его новый консультант-эрудит, доктор исторических наук, автор фундаментальных трудов об эпохе Петра Первого и Екатерины Второй, и так далее и тому подобное, ярый приверженец «русской идеи».

— Юрий Владимирович,— убеждал ученый муж,— сделав этот шаг, будем вещи называть своими именами, по моральным общепринятым оценкам, скажем мягко, неблаговидный... но ведь политика, особенно большая политика, выразимся сдержанно,— не самое чистое дело. И, Юрий Владимирович, служение Отечеству требует, как известно, жертв, и порой моральных. Так вот, сделав этот шаг, мы с вами принесем, уверяю вас, пользу нашей прекрасной родине, которая — увы! увы! — вползает в состояние стагнации. Народ, передовая русская интеллигенция, наше славное студенчество будут только приветствовать... Ведь он, мой высокий друг, уже не только посмешище страны и мира, но угроза земле русской.

Во всем этом пылком словоблудии Председатель КГБ, уже начавший терять выдержку и терпение, не мог не согласиться с заключительной тирадой своего нового консультанта.

— Хорошо, Кондрат Степанович.— Так величали консультанта, профессора, доктора наук и прочая и прочая и русского патриота.— Я изучу ваш проект. И — примем решение.

— Принимайте быстрее, Юрий Владимирович! Время, сегодняшнее время работает против нас.

«Вот с этим нельзя не согласиться»,— подумал тогда Председатель КГБ.

В конце декабря 1978 года по Москве поползли слухи о том, что жена Леонида Ильича Брежнева — еврейка. Слухи обрастали пикантными подробностями, анекдотами из семейной жизни Генсека КПСС, в которой всем заправляет жена-хозяйка, а Леня — подкаблучник, и можно предположить, что в решениях политических вопросов за Викторией Петровной не последнее слово. Весь этот бред падал на унавоженную «патриотическими» литературой и журналистикой благодатную

почву, подготавливая естественную основу для следующего акта политической трагикомедии, режиссеры которой находились на Лубянке.

В январе нового, 1979 года все-все русские люди, которых «общественное мнение» (в принципе не существовавшее в Советском Союзе как действенный, влияющий на политику фактор) причисляло к элите — интеллектуальной, партийной и военной — в одночасье обнаружили в своих почтовых ящиках письмо, отпечатанное на ротаторе и подписанное никому не известным Василием Рязановым. Суть письма сводилась к следующему: в Центральном Комитете КПСС — как в сенате США — существует мощное сионистское лобби, поддерживаемое главой государства. Здоровые русские силы в ЦК и других высших партийных органах в борьбе с сионистами парализованы, так как с самого верха спущен довод: эта борьба может якобы развязать антисемитизм в стране, что, в свою очередь, остановит процесс сближения с Западом, прежде всего в области экономики, а без этого сближения, опять же якобы, мы уже не можем обойтись. «Что,— восклицал Василий Рязанов,— адресуясь к патриотическим чувствам национальной русской элиты,— у России нет своих ресурсов, специалистов, идей, людских резервов, чтобы наша экономика могуче и бурно развивалась?»

Юрий Владимирович Андропов всегда был далек от экономических проблем социализма, весьма слабо — до конца своей жизни — разбирался в них.

Не прошло и двух недель, как не только взбудораженная Москва, но и вторая советская северная столица государства, Ленинград, были засыпаны памфлетом, опять-таки отпечатанном на ротаторе,— он появился в почтовых ящиках уже рядовых советских граждан, в подъездах домов, в студенческих общежитиях, на станциях метро. В памфлете утверждалось: сионисты поставили под контроль Политбюро, а верховным сионистом там является не кто иной, как сам Леонид Ильич Брежнев. Есть в Политбюро лишь три русских человека, отстаивающие интересы Отечества: премьер Алексей Косыгин, коммунистический идеолог Михаил Суслов и руководитель коммунистов Ленинграда и Ленинградской области Григорий Романов.

...Через неделю после этого, согласитесь, чрезвычайного, почти мистического события Председатель КГБ был приглашен к Суслову.

Разговор был в стиле Михаила Андреевича — коротким, суховатым, больше говорил хозяин кабинета на четвертом этаже здания ЦК КПСС.

— Юрий Владимирович,— спросил Главиый Идеолог,— какие меры вы принимаете для выявления автора и источника распространеиия вот этого сочииеиия? — На стол был выложеи памфлет анонима.

Поскольку Андропов был одним из авторов «этого сочиието» и сразу стало ясно, что Михаилу Андреевичу это известно, ои принял правила предложеииой игры и сказал:

— Приияты, Михаил Андреевич, все иеобходимые меры. Ищем.

— Найдете? — Суслов усмехиулся.

Председатель КГБ развел руками:

— Стараемся. Пока единственное, что могу сказать: памфлет, скорее всего, завезен в страну из-за границы. Отрабатываем этот вариаит. Но и другие тоже. Ищем распространителей.

— Ищите, ищите.— На этот раз Главный Идеолог усмехнулся откровенно.— Как это в Библии? «Взыскуй и обрящешь»? Библия...— Затянулась пауза. Суслов смотрел ие иа собеседника, а мимо иего, как бы говоря: «Мие стыдно за вас, товарищ Андропов».— Вот что, Юрий Владимирович... В Политбюро довольиы вашей эиергичной борьбой с диссидеитством. Действительио, очеиь опасиое явление. Пресекать, пресекать! — На серых щеках Суслова появился слабый румянец.— Но... Прошу вас это запомиить: Советское правительство, личио товарищ Брежнев, все члены Политбюро... Все, Юрий Владимирович, иикогда ие отдадут иашу идею, главную идею...

— Не совсем поимаю,— перебил Андропов, уже все поняв.

— Оставьте! — поморщился Михаил Андреевич.— И дело даже не в том, что мы, иаш иарод, все, все... будем продолжать строить коммунистическое общество иа интериациоиальиой осиове... Дело ие в этом! — Голос Главиого Идеолога сорвался иа фальцет.— Поимаете ли вы до коица, Юрий Владимирович, кто и с какими целями стоит за так изываемой «русской идеей»? — Главиый Идеолог страны вынул из ящика письмеииого стола лист бумаги.— У вас в армии друзья среди привержеицев этой вашей «русской идеи». Но есть и другие люди во главе с военным министром Андреем Анатольевичем Гречко. Вот, полюбуйтесь, состав нового кабииета мииистров. Пока это «теиевой кабииет». Передаио мие самим товарищем Гречко. Там вы найдете некоторых своих зиакомцев из вашей так изываемой Русской партии.

«Зиачит, у иего своя агеитура. Давио и везде,— подумал Андропов.— Впрочем, я об этом догадывался тоже давио. А иинформация о «иаших» в армии, исходящая от Гречко,— это ГРУ».

— Поизучайте данный документ,— сказал Михаил Андреевич, передавая Андропову лист бумаги со списком членов «теневого кабинета», возникшего в недрах военных кругов, причастных к Русской партии, созданной им, Председателем КГБ.

Юрий Владимирович Андропов чувствовал себя полным идиотом. Или провинившимся учеником в кабинете директора школы.

— Эти «теневики» от политики,— сказал уже спокойно Суслов,— похоже, собираются обходиться без Коммунистической партии и Политбюро.

Тема была исчерпана. Поговорили еще о чем-то незначительном.

Пожимая при прощании руку Председателя КГБ, Главный Идеолог сказал тускло и ровно:

— Работайте, Юрий Владимирович. Мы вам полностью доверяем.

...Первым, кого обнаружил Андропов в списке «теневого кабинета», был генерал Алексей Алексеевич Епишев, и ему предназначался пост министра обороны. Далее шли имена будущих руководителей министерств, связанных с военно-промышленным комплексом, затем — будущие министры, которые встанут во главе железнодорожного транспорта, гражданской авиации, связи, всех отраслей тяжелой промышленности и топливно-энергетического комплекса страны. Все будущие министры были из высшего военного руководства Советского Союза, в генеральском звании, и подавляющее большинство этих людей знал Юрий Владимирович Андропов лично и знал их всех как активных членов Русской партии.

Так... Значит, если эти люди приходят к власти и «теневой кабинет» становится реальностью, можно свидетельствовать: произошел военный переворот, к руководству в стране пришла хунта.

Сделав такой вывод, Председатель КГБ испытал... даже не беспокойство, а скорее чувство некоего диссонанса. В чем дело?

А вот в чем. Из гражданских министров в списке «теневого кабинета» значилась только одна персона — будущий министр культуры, и им надлежало стать не кому иному, как писателю, кинодраматургу и сексоту Сергею Дмитриевичу Жаковскому.

Интересно... Зачем это, Михаил Андреевич, вам понадобилось поставить в список «теневиков», как вы изволили выразиться, только этого будущего гражданского министра?

«Я, кажется, догадываюсь,— размышлял уже совершенно спокойно Андропов, превратившись в скрупулезного анали-

тика, каковым он являлся по сути своей.— Но надо все проверить».

На глубокую всестороннюю проверку феномена списка «теневого кабинета» министров, возникшего, по словам Главного Идеолога страны, в верхних армейских эшелонах и выявленного министром обороны маршалом Гречко, ушло две недели. К этой засекреченной, весьма специфической работе был привлечен узкий круг лиц, истинных профессионалов своего дела, полностью преданных Председателю КГБ. И эта кропотливая работа увенчалась выводом, к которому пришел Юрий Владимирович в первые часы изучения списка «теневого кабинета»: все это — блеф, ни списка «теневиков», ни военной хунты, ни заговора генералов — русских патриотов — не существует в природе. Передавая этот список Андропову, Михаил Андреевич Суслов блефовал.

Но это был мощный изощренный ход Главного коммунистического Идеолога, и, по крайней мере, три вывода сделал для себя из всей этой казуистической истории Председатель КГБ. Ему дали понять: во-первых, вся его бурная деятельность по созданию новой идеологии общества («русская патриотическая идея», соединенная с коммунистической доктриной) давно и во всех деталях известна если не всем членам Политбюро, то наверняка Брежневу и его ближайшим соратникам — Суслову, Черненко, может быть, Громыко, словом, «старожилам» Политбюро со времен низвержения Хрущева. Во-вторых, сегодняшние правители страны, а также более молодые и просто молодые силы во всех структурах власти сверху донизу, особенно в других, кроме России, республиках, не откажутся от коммунистической идеологии, стоящей на принципах интернационализма, потому что для них отказ от нее равнозначен потере своих насиженных мест. Рассуждая над этим выводом, Андропов подумал: «И здесь кроется причина их неминуемой гибели. Если не их, то тех, кто за ними придет к власти на всех уровнях». Это так, и я вынужден с этим считаться. Наконец, в-третьих. Нотабене! Самое главное! В списке «теневиков» нет имени руководителя органов государственной безопасности. Вроде бы логично: в кабинет министров не входит Председатель КГБ. Но какое новое руководство страны может обойтись без Председателя этого могущественного ведомства? Мифические «теневики», думая о будущем правительстве страны, не могли не обсуждать кандидатуру на этот пост, и по значению его имя должно было бы стоять на втором месте в списке после министра обороны. «Если не первым»,— подумал Андропов. Значит... Главный Идеолог, «серый кардинал» Суслов недвусмысленно давал понять Председателю КГБ, что, если бы Русская партия

пришла к власти, он, Юрий Владимирович Андропов, остался бы за бортом политической жизни России: слишком много народных бед — и прошлых и настоящих — связано с КГБ.

Все это и раньше ощущал Юрий Владимирович. Теперь, после изучения и анализа истории с «теневым кабинетом» и после проведения глубоко законспирированной операции под кодовым названием «Тень», Андропов сделал окончательный вывод: от создания новой русско-патриотической идеологии, соединенной с коммунистической доктриной, которую он собирался внедрять силами Русской партии (и внедрял...) необходимо отказаться. Может быть, на время. Будущее покажет. Отныне основная задача — борьба за верховную власть. И вот в этой борьбе использовать какие-то элементы и «русской идеи», и Русской партии, возможно, есть смысл. Надо подумать... Нет, пока не будет резкого крена: никаких силовых разовых действий (запретить, отстранить, посадить). Будем взращенную идею как бы тормозить не торопясь. Пока, пока...

«И вот что,— сказал себе Юрий Владимирович.— Внутри Русской партии необходимо создать нечто опасно-деструктивное, но находящееся под нашим прямым контролем. На случай мер, необходимых для экстремальной ситуации».

...Встречаясь с Сусловым, Андропов никогда не возвращался, даже в приватных беседах, к пресловутому списку «теневого кабинета». Ни разу словом не обмолвился на эту тему и Главный Идеолог страны. Оба олигарха прекрасно поняли друг друга.

Притормозились патриотические и профашистские издания.

Стали появляться в прессе публикации, невнятно, с оговорками, но осуждающие антисемитизм, прежде всего на Западе, в США.

Прекратили свое существование несколько «подпольных» журналов патриотического и антисемитского толка.

Но вот же интригующее событие! Еще в конце шестидесятых годов, то есть десять лет назад, после подавления «пражской весны», памятуя о шестидневной войне 1967 года, когда Израиль разгромил арабов (то есть всемирный жидомасонский заговор как бы вышел из исторической тени на оперативный простор), во время бума и пика появления статей, книг и переводов, о которых говорилось выше,— в это достопамятное время среди упомянутых изданий возникли еще два, отпечатанных все на том же ротаторе, весьма и весьма примечательных, а именно: «Майн кампф» Адольфа Гитлера и знаменитый антисемитский фальсификат «Протоколы сионских мудрецов».

И вдруг!.. Согласитесь, удивительное дело: после встречи Суслова и Андропова, на которой речь шла о «теневом кабинете», оба издания были продублированы (повторимся — через десять лет!), правда, малыми тиражами. В чем дело?

Все очень просто, мой проницательный читатель. Просто и прозаично.

В конце февраля 1979 года, в ясный предвесенний денек, когда под ярким солнышком на карнизах заблестели первые слюдяные сосульки, Юрий Владимирович Андропов в одной из загородных резиденций КГБ собрал четверых людей из «своей команды» в небольшой уютной комнате с камином. За круглым столом сидели сам глава ведомства, полковник Иван Петрович Рябинин и трое его подчиненных, все молодые люди, возраст не более тридцати лет, и одним из них был старший лейтенант Заглада Вячеслав Николаевич.

Пили чай с айвовым вареньем. На столе одиноко стояла открытая бутылка армянского пятизвездочного коньяка и пустые рюмки. К коньяку так никто и не притронулся за все время продолжительной встречи.

— Итак,— сказал Юрий Владимирович, отпивая из своей чашки ароматный чай мелкими глотками,— нам необходима эта, с позволения сказать, подпольная организация. Ее задачи в процессе уточним. Мы должны себе четко представлять ситуацию: для нас это...— Председатель КГБ помедлил, под толстыми стеклами очков глаза его заблестели,— ...захватывающая игра недорослей. А для них ни в коем случае не игра, а дело. Опасное дело, во благо...— Андропов усмехнулся.— Тут может быть несколько определений. Во благо России, во благо величия русской нации. Да мало ли!

— Определения найдем,— решился вступить в разговор полковник Рябинин.

— Верно, Иван Петрович, найдем,— продолжал Андропов.— Теперь вот что...— Он достал из папки, которая лежала на краю стола, лист бумаги.— У меня в руках список лиц, которые в шестидесятые годы увлекались всеми этими сомнительными штуками... «Майн кампф», «Протоколы»... Интересовались, давайте вещи называть своими именами, фашистскими идеями. И надо констатировать, по сей день ими интересуются сотни и тысячи людей. Чтобы познакомиться со всей этой публикой, пришлось бы выписывать из архива несколько томов «дел». Но такой необходимости нет. Список, который у меня в руках, невелик, в нем те наши граждане, которые занимали — большинство из них и сегодня занимает — высокие посты в государственном аппарате и в партии, вплоть до ЦК... Так вот... Минуло десятилетие. У этих товарищей

подросли дети. Желательно, чтобы они попали в создаваемую организацию. Как вы понимаете, для контроля изнутри. Думаю, задача только на первый взгляд может показаться трудновыполнимой. Я просто уверен, что в большинстве случаев родители или родитель делятся со своими подрастающими чадами политическими взглядами и убеждениями. Политические споры-разговоры сейчас в моде.

— Кухонные разговоры,— вставил кто-то из подчиненных полковника Рябинина.

— Надо приступать к делу немедленно,— продолжал Андропов.— Кто непосредственно займется...

— Вот старший лейтенант Заглада,— поспешил полковник Рябинин.— У него есть опыт. Помните, Юрий Владимирович, националистическое молодежное подполье во Львове? Ведь как они там развернулись! Пока не оказался в их рядах Вячеслав Николаевич. Ведь он...

— Помню, помню,— перебил Председатель КГБ, еле заметно поморщившись.— И с чего собираетесь начинать, Вячеслав Николаевич?

— Думаю, по уже отработанной и оправдавшей себя схеме,— насупил брови старший лейтенант Заглада. Он был могучего спортивного телосложения, белобрыс, красив.— Сначала, не торопясь, подберем ребятишек... Начнем с литературы, пусть почитают...

— Она у тебя уже имеется,— вставил полковник Рябинин.

— Имеется,— согласился Вячеслав Николаевич.— Тем более это книжечки, которые родители, упомянутые вами, Юрий Владимирович, в свое время почитывали. Могут возникнуть семейные дискуссии. Ну, тут будем работать не по шаблону. Далее. Потребуется спортивный зал и пара уютных комнат, лучше бы где-нибудь за городом, от посторонних глаз подальше, но недалеко от Москвы.

— Тут, Слава,— засмеялся полковник Рябинин,— нет проблем!

— Что вам необходимо еще? — спросил Председатель КГБ.

— Я вот тут, Юрий Владимирович, набросал план ближайших мероприятий.

Разговор, посвященный созданию подпольной молодежной организации в недрах дышащей на ладан Русской партии и впоследствии получившей название «Отряд АГ», затянулся на несколько часов.

...Минуло почти два года. Русская партия — впрочем, сейчас это не точное определение: лишившись мощной поддержки Председателя КГБ, теперь это было скорее движение, разрозненное, не объединенное организацией, импульсивное,— тем не менее это движение продолжало существовать,

особенно в среде творческой интеллигенции. По-прежнему выходили патриотические журналы. В издательстве «Современник» продолжали издаваться книги соответствующего направления, правда, откровенно антисемитские и профашистские творения в списках изданных и анонсированных произведений отсутствовали.

И тем не менее, тем не менее...

Все ближе продвигаясь к верховной власти, Юрий Владимирович осознавал или, правильнее сказать, чувствовал: за продолжающей действовать, хотя и более осмотрительно, русской державной идеей стоят силы — и в среде интеллигенции, и по-прежнему в армии, и в высших партийных сферах — враждебные ему. И — опасные.

Поэтому, решил хозяин Лубянки, настал срок действовать энергично и решительно.

Из Записки в Политбюро Председателя КГБ Ю. В. Андропова от 28 марта 1981 года:

«...В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя «руситами». Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами массовой информации. Спецслужбы противника усматривают в ней дополнительную возможность для подрывного проникновения в советское общество.

Серьезное внимание этой среде уделяют официальные представительства капиталистических государств в СССР. Заметную активность, в частности, проявляют посольства США, Италии, ФРГ, Канады. Их сотрудники стремятся иметь контакты среди так называемых «руситов» с целью получения интересующей информации и выявления лиц, которых можно было бы использовать во враждебной деятельности.

Согласно документальным данным, противник рассматривает этих лиц как силу, способную оживить антиобщественную деятельность в Советском Союзе на новой основе. Подчеркивается при этом, что указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения так называемые «правозащитники».

Изучение обстановки среди «руситов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организованную форму.

Опасность прежде всего состоит в том, что «русизмом», то есть демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя.

...В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанное враждебное проявление, с тем чтобы предупредить нежелательные процессы, которые могут возникнуть в результате деятельности антисоветских элементов, прикрываемой идеями «русизма».

Этот недвусмысленный документ, в котором Юрий Владимирович Андропов совершил оборот вокруг оси на сто восемьдесят градусов, закрепил уже проделанную органами государственной безопасности «работу» по разгрому остатков Русской партии: в декабре 1980 года без всякой мотивации был снят со своего поста главный редактор газеты «Комсомольская правда» (Ганичев, убежденный «русит» по терминологии Андропова); тогда же были сняты со своих постов директор издательства «Современник» (Прокушев) и его главный редактор (Сорокин) — «за ошибки, допущенные в формировании плана по выпуску книг, освещающих историю России».

Уже после Записки, на которую члены Политбюро во главе с Брежневым реагировали паническим молчанием, последовали — руки развязаны — следующие акции: за публикацию в журнале «Наш современник» статей воинствующих «руситов» В. Кожинова, А. Ланщикова, С. Семанова, В. Крупина с изрядным душком антисемитизма были уволены два заместителя главного редактора журнала Викулова (сам редактор уцелел на своем посту, но соответствующие выводы ему предстояло сделать); за действительно прекрасную статью в журнале «Волга» М. Лобанова, посвященную прелестям сталинской коллективизации, в которой — впервые в СССР — ставились под сомнение некоторые идеи Ленина,— за все эти «преступления» был немедленно смещен со своего поста главный редактор провинциального журнала «руситов» Палькин, что тут же обрекло это издание на читательское забвение; в апреле 1981 года был освобожден от занимаемой должности — тоже без всяких объяснений и церемоний — главный редактор журнала «Человек и закон» Семанов...

Так-то, господа «руситы»! Теперь другим неповадно будет.

Русская державная идея до поры — она бессмертна — ушла в подполье, и от ее козней и соперничества к началу 1982 года в борьбе за верховную власть Председатель КГБ теперь был гарантирован.

...После воскресных медицинских процедур Юрий Владимирович, утомленный, но с укрощенными болями, чувствуя, как восстанавливаются жизненные силы, отдыхал в своей комнате на диване. Татьяна Филипповна накрыла его теплым мохеровым пледом; было уютно, умиротворенно.

«Может быть, подремлю?» — подумал Председатель КГБ, но благостный сон был еще далеко: Юрий Владимирович продолжал думать о послезавтрашнем дне — двадцатом апреля 1982 года.

«Вторым нашим выстрелом, полковник Рябинин, будут поражены некоторые папаши этих молодчиков со свастикой на рукавах. Как это ты, Владимир Палыч, выразился среди друзей? «Надо внушить Леониду Ильичу, что постепенно и незаметно Председатель КГБ прибирает власть к рукам во всех сферах. Идет избиение партийных кадров, как при Сталине».

«Демагог!» — прервал Андропов воспоминания о доносе агента из Института марксизма-ленинизма.

Прервал, потому что в память стучалось совсем другое, принимая осязаемые, физические формы.

«Татьяна!..»— хотел позвать Андропов, но голос пропал.

Открылась дверь кабинета, по комнате пронесся потусторонний сквознячок.

Кто-то невидимый, но осязаемый сел в кресло...

«Слушай,— сказал Валерий Гаянов, быстрыми энергичными шагами меряя кабинет секретаря комсомольской организации Рыбинской судоверфи; кабинет был аскетичен: стол, портрет Сталина над ним, стулья по бокам и старый протертый диван, два окна без штор с видом на Волгу. Что говорит наш бодрый народ? Куй железо, пока горячо». И, выжидательно посмотрев на Юрия Андропова, который сидел за своим голым столом, Валерий замолчал, остановившись у окна и глядя на Волгу.

Затянулась пауза. Великая русская река была беспредельна, пустынна. Навигация в 1937 году ожидалась поздняя — с верховья еще не сошел весь лед. Над розовой от вечерней зари водной гладью летали чайки, тоже розовые.

«Я тебя не совсем понимаю»,— наконец неуверенно откликнулся хозяин кабинета.

— Ой, врешь! Ой, хитришь! — резко повернувшись и насмешливо глядя на Андропова, воспаленно сказал заведующий отделом по кадрам Ярославского обкома ВЛКСМ.— Я же тебя давно знаю. Помнишь анкету на курсах молодых кадров в позапрошлом году? Что ты там написал? Вопрос: «Кем вы видите себя через несколько лет (например: инженер, учитель, комсомольский или партийный работник)?» Ответ студента третьего курса техникума водного транспорта Юрия Андропова: «Комсомольский, а затем партийный работник». У меня, брат, в твоем личном деле все документы в полном порядке. Это твое «а затем» о многом говорит.— И неожиданно Валера Гаянов пропел: — «Весь мир насилья мы разрушим до осно-

ванья, а затем...» Вот что, Юрик... Пора тебе делать следующий шаг по этой лестнице, называемой «а затем».

«Не понимаю...»

«Да брось ты! — уже с раздражением говорил Валерий.— Что ты со мной-то дурачка валяешь? Развел бузу. Не понимает он... Ты видишь, что у нас в руководстве комсомола творится? И в Москве, в ЦК, и в областных центрах?»

«Что?» — уже начиная понимать, в какую сторону клонится разговор, хрипло спросил Юрий Андропов.

«Вот! — удовлетворенно потер руки Гаянов.— Вижу: начинаешь соображать. Соображай, Юрик! Соображай! Рисую картину дальше. Наш первый оказался врагом народа, два дня как арестован. Тебе это известно. Похоже, загремят еще двое — третий секретарь и заведующий отделом учащейся молодежи. Фамилии этих людей не называю. Считай, их песенка спета.— Валерий Гаянов опять быстро заходил по кабинету. Его шальные глаза блестели от возбуждения.— Почему я здесь? В Рыбинске? Ведь ты у меня в этой командировке третий по районам. В чем дело? Объясняю. Получил звонок из Москвы, из нашего ЦК, от Петухова... Ну... Ты его не знаешь. Мировой мужик. Короче говоря, Юрик... Подыскиваем перспективные кадры для поредевших комсомольских рядов областного уровня.— Валера Гаянов остановился перед столом и теперь пристально, не мигая смотрел на Юрия Андропова, ковыряя ногтем в крупных белых зубах.— У нас в Ярославле еще полетит несколько голов, никуда не денешься. Короче говоря... Буду рекомендовать тебя. Думаю, для начала на завотделом потянешь. А там... Все будет зависеть от тебя. Вот я и говорю: куй железо... Ты согласен?»

«Я? — Мысли в голове комсомольского вожака Рыбинской судоверфи сначала смешались, потом выстроились в логический ряд. Несколько мгновений он помедлил и сказал четко, внешне спокойно и даже с напором: — Да, я согласен».

«Вот! — Валерий Гаянов засмеялся.— Вот сейчас все зависело от твоего ответа. Я в тебе, Юрик, не ошибся. Дай пять, товарищ!— Рукопожатие было железным, кратким, с встряхиванием.— Завтра утром подготовим все документы. Тут дел — пара пустяков. Представлю их руководству в Ярославле — и, Юрик... вперед! Вызовем тебя на утверждение. Поживешь пока без семьи, в нашем общежитии. Думаю, недолго. Сейчас, Юра, квартир освобождается — будь здоров! Только не зевай. Скажу тебе по секрету: я, скорее всего, в хоро́мы первого перееду. Бывшая буржуйская квартирка, в центре.— Валера Гаянов, парень-паренек, хищно усмехнулся.— Да и тебе пора по-людски зажить. Ты здесь как? Небось в коммуналке?»

«В коммуналке,— вздохнул Юрий Андропов.— Одна комнатушка на троих: я, Нина, дочка...»

«Да и Слип этот ваш,— перебил Гаянов.— Не поселок — тоска. И переселенцы кругом, орут, спорят, дети сопливые, грязь. Цыганский табор какой-то. Откуда они?»

«Ты что, не знаешь, что ли? Мологу выселяют. Уйдет под воду...»

«Знаю, знаю! — опять перебил гость из Ярославля.— Из головы вон. Дел-то сколько. Нет, какой размах у вождя! Будет, будет у нас Рыбинская ГРЭС.— В голосе Валерия Гаянова были восторг и пафос, правда, с фальшивыми нотками.— Ладно! Значит, с тобой решили. Теперь, Юрик, как говорится, услуга за услугу».

«Да я все, что в моих силах!» — пылко воскликнул Андропов.

— Тут и сил особых не надо.— Валерий Гаянов опять подошел к окну. Над Волгой догорала широкая вечерняя заря, и вода теперь казалась темно-фиолетовой, густой.— Никаких, Юрик, особых сил и затрат.— Речь гостя замедлилась, в ней появилось придыхание.— Измотался в командировках, надо бы отдохнуть, развлечься малость.— Гаянов замолчал, ожидая реакции на сказанное, но недогадливый Юрий Андропов тоже молчал.— Ты вот что...— В голосе Валерия появилось раздражение с нетерпением пополам.— Организуйка небольшую вечеринку с выпивоном».

«Но ведь...» — заикнулся было секретарь комсомольской организации судоверфи.

Но Валерий Гаянов резко, грубо перебил его:

«Ничего, ничего! Имеем право. Надо только, Юрик, все делать с умом, без всякого там шума-бума. Да и компанию на сто тыщ собирать не надо. Ты, я... Вот что. Пара бутылок у меня с собой есть. Не надо нам в магазинах возникать. Городишко маленький, а этот ваш Слип тем паче. Мы же как-никак... Ты с закусоном сообрази».

«Я вообще-то не пью»,— робко перебил Юрий Андропов.

«Ну и не пей, кто тебя неволит. С тебя закуска требуется».

«Это — пожалуйста».

«Отлично! Посидим, почешемся.— Гаянов возбужденно рассмеялся.— Только где?»

«Не знаю...» — смущенно пожал плечами Юрик Андропов.

«Придется здесь, у тебя. Газеты старые найдутся?»

«Зачем?»

«Чудак... Окна закроем. И...— Валерий Гаянов все что-то высматривал на совсем потемневшей Волге.— В коридоре еще дверь. Что за ней?»

«Это же дом бывшего сторожа, дореволюционного,— вроде бы оправдывался Юрик Андропов.— От него вдова осталась, вот и живет. Да она безобидная, глухая старуха».— И, сказав это, секретарь комсомольской организации судоверфи ощутил некоторое сосущее беспокойство.

«Глухая старуха...— Валерий помолчал.— Хорошо бы и слепой была. Ладно... А чтобы с кем чокаться да и для приятных бесед, ты пригласи эту... как ее? Софью Плахову. У меня к ней тоже есть деловой кадровый разговор».

«Что ты, она не согласится»,— пролепетал Юрик Андропов.

«Согласится,— спокойно, уверенно сказал завотделом по кадрам.— Тебе не откажет. Ты ее от своего имени приглашай, меня как бы и нет. Я же видел, как она на тебя смотрела. И — действуй: час на оргмомент, одна нога здесь, другая там.— Валерий прямо, не мигая смотрел на Андропова.— Шевелись, Юрик. Куй! Куй железо, пока горячо!»

— ...Юра, как ты там? — послышался голос в кабинете секретаря комсомола Рыбинской судоверфи Юрика Андропова, и видение стало таять, распадаться. Валерий Гаянов, обратившись в огромного черного ворона, улетел, захлопав крыльями, и последним неохотно истаял портрет товарища Сталина, висевший над уже исчезнувшим столом.— Игорек с друзьями приехал.— Татьяна Филипповна уже стояла перед Председателем КГБ, который лежал на диване, укрытый мохеровым пледом. Его окаменевшее лицо покрывали бисеринки пота.— Тебе нехорошо?

— Нет, нет, все в порядке.— Голос был глухим, спокойным.

— Наверное, жарко под пледом?

— Да, жарко.

— И натоплено сильно.— Татьяна Филипповна отбросила плед на ноги Юрия Владимировича.— Может, форточку открыть?

— Открой.

Лица коснулась струя свежего воздуха, напоенного пронзительным запахом оттаивающей земли.

Андропов закрыл глаза.

— Ты подремли. Через часок будем обедать.

Татьяна Филипповна вышла из комнаты.

Из дневника Виталия Заграева
19.4.82

Ну денек! Только вернулся с фака (лекцию по марксистской философии, в зубы ей коленом, этого зануды Щапова пропустил), матушка обедать зовет, а тут звонок по фону. Стасик Цигейко. У них в школе — шухер: вызвал к себе в

кабинет директор, он у них вроде историю лобает. Знаем мы вашу историю, евреями написанную. Ладно, погодите — разберемся. Так вот, вызвал этот словоплет Стаса, Жорку Кошкова и Петра Зубовского, все наши. И стал кидать: мне, мол, известно о том, что вы и ваши сообщники (каково словцо!) завтра намереваетесь демонстрировать. Ни в коем случае! Я в курсе вашей концепции. Стас это словцо «концепция» мне в ухо врубил и давай ржать! Я за ним. Такая ржачка была! Ну, еще им изрек: вы не только свою судьбу искалечите. Подумайте о родителях, и дальше в таком же духе, сопли-вопли. Я у Стаса спрашиваю: а вы чего? Мы, говорит, стоим, в переносицу ему уставились, как наш Вяч. Ник. учил, и лыбимся. Одно непонятно: какая тварь их дереку об отряде капнула? Вяч. Ник. говорит: утечка информации из наших рядов есть преступление, граничащее с предательством. В наших рядах предатель? Будем искать и найдем. Найдем — и, согласно уставу, суд. Ох не завидую я этой суке.

Ладно, это только цветочки.

Пообедал, час поспал. Размялся с гантелями. Спину надо качать. Вяч. Ник. говорит, спина у меня слабовата. А раз он говорит, значит, так и есть. Ничего, подкачаю. Позвонил Нинке Петуховой. Никак ее не уломаю. Говорю, приходи ко мне сейчас, один дома, матушка к портнихе укатила, это на полдня, глава семейства после семи заявится. А Нинка, зараза, в наивняк играет: зачем зовешь? Сама, говорю, знаешь зачем. Взяла трубку и бросила. Ничего, подруга, все равно я тебя трахну, никуда не денешься.

А тут Никола Шалаев звонит: его предки в оборот взяли. Что за демонстрация? По какому поводу? Кто разрешил? Я уже совсем в осадок выпал.

Ладно, время к пяти, сбор отряда в семь. Собрался, поехал. Без десяти семь как штык на месте. Смотрю, все парни — в отпаде, ну не все, но половина — точно. Вот они, ягодки: кого предки отговаривали и даже грозили завтра с утра дома запереть. Леня Бугров хороший вяк пахену саданул: а ху-ху не хо-хо? Тот, говорит, чуть копыта не откинул. Так вот. Кого предки отговаривали, убеждали, истерики кидали, кого пара или тройка анонимных телефонных звонков. Ну, в общем — еще Вяч. Ник. не появился — решили: хрен моржовый они нас остановят. Завтра мы вам покажем. Но один вопрос всех занимает: есть среди нас предатель? Тут Боря Сизов, нет, точно, он шиз, тут он во всю зубастую пасть: измена! Кто? Глаза под лоб скаканули, побелел. Кто? — орет. Вот этими руками гада!.. Задавлю! Это он — запросто. Еще бы, наверное, орал, но ровно в девятнадцать десять вошел в наш трензал Вяч. Ник.

Вот о ком я обязательно напишу очерк, а может, и книгу. Когда, само собой, наше время настанет. Наставник. Учитель!

Вячеслав Николаевич Заглада. Он для меня образец во всем, истинный фашист, патриот нашего поруганного евреями Отечества! Если понадобится — я за него умру. Говорю это только себе, и поэтому — без дураков.

Ладно. Вошел в зал Вяч. Ник. В момент построились. Как всегда — он: «Да здравствует Россия!» Мы в один выдох: «Хайль Гитлер!» И тут Вяч. Ник. только несколько слов: все знаю, парни. Каким образом и кто — буду разбираться сам. Вы — никаких мер. И спросил, как стеком ударил: понятно? Мы, без запинки, в один ор: понятно. А он дальше: наш ответ на провокацию врагов однозначен: завтра акция состоится, согласно уставу отряда и клятве, при любых обстоятельствах! Так? Мы во всю глотку: так! Аж стены задрожали. И такая мощь в груди, ярость. На все готовы! Победа или смерть!

И тут Вяч. Ник.: сегодня, парни, физической и военной подготовки не будет. Сегодня посмотрим с вами фильм. Мы: ура!!! Ну и само собой: о чем кинуха? Увидите — это Вяч. Ник. Давайте, говорит, трусцой в третий корпус. Марш! Нас как ветром сдуло. Вообще, наш трензал вроде бы на территории какой-то воинской части, что ли. Только никаких солдат нет, казармы пустые, одна охрана. Хоть и в форме десантников, все при «калашах», но без знаков отличия, хрен его знает, кто такие.

В третьем корпусе — клуб с экраном. Залетаем — все готово: только по седакам плюхнулись, свет погас. И фильмец — «Явное и тайное». Ну... Прямо слов нет. Полный отпад. Вот оно что. И раньше знали. А тут — факты, факты, факты! Как говорил товарищ Сталин: факты упрямая вещь. Вот кто Россию душит! Жиды проклятые. Жаль, я в то время не родился. Меня бы в Мексику, на задание — я бы этого Левушку лично достал! Да хоть сейчас! Пошлите меня в Израиль тайным агентом. Я до этой Голды... И сейчас, вот пишу — в глазах темнеет от ненависти и... Даже не знаю, как сказать. Всех бы их... Немедленно, прямо сейчас. Кончился фильм, смотрю — все кореша в таком же отпаде. А Боря Сизов совсем с рельс съехал, глаза белые, губы искусал и аж хрипит: всех... на столбы... на куски рвать, в уголках рта — пена.

Ладно. Вернулись к себе в трензал. Молчим. Только морды у всех красные от возбуждения. А Вяч. Ник. вполне спокойно: это вам инъекция для духовной закалки к завтрашнему дню. А сейчас — марш в душевые. Холодный душ — всем!

Правильно, очень нам в жилу — охладиться. Уже после душа в раздевалку Вяч. Ник. заглянул ко мне: «Заграев! На минутку!» Отвел в сторону, руку на плечо положил: для тебя, Виталий, особое задание на завтрашнем деле. Доверяю тебе, как себе. Я аж задрожал: на все готов, Вячеслав Николаевич! А он тихо: демонстрация будет, как и решили, без флагов,

портретов, транспарантов, только атрибутика. Но один портрет необходим. Вяч. Ник. подумал самый мизер и дальше: портрет двух великих людей. И понесешь его ты! Я от счастья – в отпад. Еле сдержал себя: захотелось Вяч. Нику руку поцеловать. А он: вручу тебе его завтра при сборе. Главное – пронести на площадь, а там развернуть. Пронесу, говорю, не дрогнув, и разверну. А сам, вот как будто во мне костер разожгли.

Опять построились. Вяч. Ник.: сбор на Трубной площади в десять тридцать, у бульвара. Рубашки, сапоги, фуражки, все остальное с собой. Там и переоденетесь. Есть вопросы? Мы в один рык: «Нет!» Вяч. Ник.: «Да здравствует Россия!» Мы: «Хайль Гитлер!»

Ехал домой, все почему-то о Нинке Петуховой думал. И такая злость! Ну... сил никаких ее сдерживать. И еще фильм «Явное и тайное» перед глазами, все эти жидовские морды. Недотрогу из себя корчит. Тебя бы, курва, хором, как мы впятером Соньку Гиндину сделали. Она такая же Гиндина, как я папа римский: настоящая фамилия жидовочки оказалась Гиндинберг. Мы ее в актовом зале после лекций за сценой. Орать хотела, да Вадим Семейкин фин показал: только пикни, масонка, замочу. Не пикнула. Мы ее всеми способами. Она из Житомира, что ли, жила в общаге, в Москве одна. Больше на факе не появилась, вроде домой слиняла. Катись! Нечего тебе в русской журналистике делать. А то наш проф., Борис Моисеевич Гордон, лекции по стилистике читает: «Ах, Софья Гиндина! Ах, будущая звезда репортажей! Ах, золотое перо!» Вот тебе и золотое. Подожди, Моисеич, мы и до вашей вонючей персоны доберемся. Час икс грядет!

Ладно, что это я? Да, Нинка. Тебя бы, недотрога, так же, хором. Очень хорошая школа сексуальной жизни. Только одно и останавливает – русская. Была бы хоть полукровкой. Ничего. Я тебя все равно достану.

Ну, приехал домой, уже одиннадцатый час. Смотрю, пахен не в себе: по столовой из угла в угол шагает, весь красный, дых как после стометровки. А за ним матушка и кудахчет: ах, Вова, успокойся! Ах, у тебя сердце! Я вошел – пахен мне на стул: сядь. Сел. Буду, решил, во всем соглашаться. В дискуссиях с ними, проверено, лучшая позиция. Остановился бедняга пахен возле меня, дых тяжелый, пузо из брюк шаром выпадает. Завел примерно так: я, Виталий, ты знаешь, разделяю твои определенные взгляды, мы с тобой не раз вступали в диспут. Я киваю головой: вступали, мол, как же! Он дальше: в твои годы по глупости тоже почитывал кое-какую соответственную литературу. Я опять киваю: знаю, знаю, почитывал. И тут пахен начал заводиться: но ты, Виталий, отдаешь себе отчет... Тут он так часто задышал, я даже испугался – сейчас моего пузана кондрашка хватит. И матушка включилась:

пожалей нас, сынок! Себя не губи, отца не губи. Из квартиры выгонят, дачу отнимут. И тэ дэ и тэ пе. А я все киваю: согласен, согласен, успокойтесь. Пахен отдышался и дальше: да! да! Ты должен отдать себе отчет: одно дело теория, тайное чтение, домашние обсуждения спорных вопросов. Что-то я не припомню, чтобы фашистская доктрина была для него спорной в наших домашних разговорах, от которых прока — ноль целых, хрен десятых. Дальше пахен так: совсем другое дело — выйти на улицу на демонстрацию! Здесь он разбушевался всерьез, впал в буйство. «Идиоты! — вопит.— Кретины! Это же противозаконная акция! Тебя из университета — вон! Меня из института пинком под зад, и отовсюду. Тюрьма! Каторга!» Ну, думаю, повело, теперь не остановишь. Матушка помогла: «Не ходи! — плачет.— Пощади нас! Поклянись, что не пойдешь!» Я и рявкнул, заглушая весь этот концерт: «Клянусь! Никуда не пойду». Пахен сразу смолк, вроде успокоился, в кресло рухнул. Спросил только, все еще тяжело дыша: «Правда, не пойдешь?» Я, чтобы окончательно закрепить победу: «Правда не пойду, только уймитесь». Пахен вытер потное лицо краем скатерти со стола и уже совсем другим голосом: мамочка, налей-ка мне рюмочку коньячку, там есть «Наполеон», стресс снять. Матушка благим голосом: «Вова! У тебя сердце! Может быть, лучше капелек?» Пахен: «Нет, нет, у меня от твоих капелек изжога». Ну, думаю, ладно, все образовалось: теперь алкогольный диспут у них надолго. Ушел к себе.

Вот и пишу. Действительно, денек.

Завтра... Завтра вы узнаете о нас. Весь мир узнает. Мы на все готовы. Мы ничего не боимся. Если надо, отряд «Адольф Гитлер» погибнет за идею, за Россию. Но наш жертвенный подвиг не будет напрасным. Как я ненавижу наших врагов! Трепещите! Трепещите, жидо-масоны!

Да здравствует Россия!

Хочется зверствовать!

Хайль Гитлер!

20 апреля 1982 года

Артур Вагорски, корреспондент газеты «Дейли ньюс», США, аккредитованный в Москве.

Телефон звонил упорно, а я не шевелился, хотя знал, что это Вика. Сама виновата: вчера затащила меня к какому-то художнику на его «чердак», который оказался довольно фешенебельной мастерской, где было все и для комфортабельного жилья: несколько уютных комнат, две ванные комнаты,

кухня, холл для приемов. «Официально он кремлевский портретист,— сказала Вика.— Галерея вождей, преображенных кистью мастера в молодых, подтянутых, энергичных. Деньги гребет лопатой. А неофициально... Сам увидишь, тебе будет интересно. У него день рождения. Мы давно знакомы. Он пригласил, сказал, чтобы приходила со своим янки. Пошли, пошли!» Уволокла. Действительно, было интересно, хотя «неофициальное» творчество мастера мне не понравилось. Мазня под Пикассо, только с элементами русской жизни. Нет личностного. Не знаю... Не задело. «Мимо»,— как говорит Вика. Зато народ собрался интересный — журналисты, подпольные поэты (две строчки одного лохматого, седого, тощего, запомнил: «Меня убьют на Лобном месте. Под звон колоколов»), музыканты, художники, конечно, их женщины — «боевые подруги», словом, безалаберная московская богема, а такая публика на подобных сборищах без водки и прочего не обходится: «Гудим, братцы, гудим!» Короче говоря, я в конце концов напился, как свинья, по-русски, и подобное со мной случается все чаще и чаще. Надо что-то делать. Даже толком не помню, как попал домой. «Домой...» Нет, уважаемые товарищи и русские коллеги, мой дом в Нью-Йорке. Пишите: Артур Вагорски. Сентрал парк, 5-я авеню, 11, Нью-Йорк, США. Помню только, что мой «мерседес» вел какой-то знакомый Вики и что она, стаскивая с меня ботинки, ворочая мое пьяное тело на «нашем ноевом ковчеге», материлась и орала: «Все, Арик, ты уже законченный алкоголик, забулдыга. Хочешь спастись — сматывайся скорее в свои вонючие Штаты».

Да, я увлекся. Словом, звонила Вика. Я не шевелился, зная, что стоит только оторвать голову от подушки, как черепок начнет разламываться. Взглянул на часы — было без двадцати девять.

Телефон все звонил, и я, зная, что Вика все равно добьется своего, пересилил себя и поднял трубку:

— Говори.

— Зараза! — разъяренно закричала моя женщина.— Я уж подумала... Арик, милый, как ты там?

— Жив.— От ее ярости, тревоги в голосе, от взволнованного дыхания я на самом деле стал оживать: «Любимая... Любимая моя...»

— Милый... Ну, соберись.

— Да что случилось?

— Сейчас, сейчас... Время у тебя есть.— Голос Вики стал деловым, и я почувствовал, как она там, откуда звонила, собралась, стала целеустремленной.— Значит, таким образом. За холодильником бутылка, на дне чуть-чуть коньяку, от тебя закопала. Там грамм сто двадцать. Опохмелись, попробуй

что-нибудь съесть, приведи себя в порядок и — на полусогнутых — к Александру Сергеевичу...

— Что? Что? — не понял я.

— Жми на Пушкинскую площадь. Не забудь свой «кодак».

— Какие-нибудь очередные диссиденты? — потеряв к дальнейшему всякий интерес, спросил я.

— Молодежная фашистская демонстрация! — рявкнула Вика.

— Что? — Мне показалось: я ослышался.

— Да, да! Собираются наши молодые фашисты. Подробностей не знаю. Вроде бы действо назначено на одиннадцать часов. Пол-одиннадцатого я жду тебя на Пушкинской площади у выхода из метро к памятнику. Все! Нет, постой! Ни в коем случае не садись за руль. Представляю, какой ты после вчерашнего. Поймай такси. Вот теперь все.

В телефонной трубке забились короткие гудки.

Я ринулся, сотрясаемый похмельной головной болью, на кухню, нашарил за холодильником бутылку и выпил остатки коньяка одним залпом, из горла, как говорят русские.

Из подземки на площади Пушкина я появился без двадцати минут одиннадцать. И сразу увидел Вику — она стояла возле памятника русскому поэту, в задумчивости склонившего курчавую голову («Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире...»); у его подножия, как всегда, лежали живые цветы — несколько красных и белых гвоздик. Вика была в модном длинном плаще, шея окутана легким шарфом нежно-голубого цвета, рыжие волосы рассыпались по плечам. Она о чем-то задумалась, легкий румянец играл на ее щеках, и несколько мгновений я любовался ею.

— Ку-ку! Я здесь!

— Явился! — Вика подбежала ко мне, легко обняла, обдав летучим облаком духов («Шанель», мой подарок к 8 Марта), чмокнула в щеку.— Как ты? Ничего, ничего! Вполне. Только перегарцем несет. Когда будешь говорить с дамами, закрой ротик ладошкой. А головка? Вава?

— Я в норме. Как тут?

— Смотри сам.

Было бодрое апрельское утро. Апрельское и московское: голубое небо в рамке крыш, голые деревья. На клумбах вокруг Александра Пушкина возились садовники в ярких оранжевых фартуках. Пенсионеры с газетами на скамейках. Улица Горького, запруженная машинами. Все вроде бы обычно. Впрочем, нет. Небольшими группами стояли тут и там люди, и я сразу увидел несколько знакомых журналистов, корреспондентов американских и европейских газет, журналов, теле- и радиоагентств.

— А нашего брата нет,— сказала Вика.
— То есть? — не понял я.
— Колю Кайкова в подземном переходе перехватили. Мы с ним договорились у театрального киоска встретиться. Прихожу, Коля уже ждет. И тут меня — представляешь? — два типа опередили. Один, такой весь из себя вальяжный, взяв Николашу под руку, говорит: «Вряд ли, Николай Семенович, читателей «Вечерней Москвы» заинтересует ожидаемый инцидент». И увели, сердешного. Хорошо, не успела подойти. А то и меня бы за компанию прихватили.
— Но почему? — не мог понять я.
— Арик! Не заводи меня! Почему! Потому — вот и весь ответ. Советские корреспонденты на сегодняшний спектакль не допускаются. Почему? Начальству виднее. Видишь? Здесь ошиваются только твои коллеги. Отечественные средства массовой информации представляю, похоже, только я, потому как свободный художник. А вообще, Арик, что-то не так. Уж больно тихо, даже чинно. Хотя милиции нагнали... Ты видишь, сколько их?
Действительно, я как-то сразу не обратил внимания. Милиционеры синели своими шинелями под деревьями, на заднем плане предстоящего события, в конце сквера. Их было много, похоже, они взяли в каре весь этот скверик между памятником Пушкину и кинотеатром «Россия». Несколько желтых милицейских машин стояло за сквером со стороны серой громады «Известий».
Народ все-таки прибывал. И не только зарубежные корреспонденты. Появились роскошно одетые дамы, чинные мужчины в строгих костюмах, группы молодых людей и девушек, тоже одетых модно и ярко. Люди обменивались рукопожатиями, тихо разговаривали.
Нарастало нервное напряжение.
Стрелки на круглых часах показывали уже десять минут двенадцатого.
— Идут! Идут! — взорвал странную полутишину радостный мальчишеский голос.
Они появились со стороны кинотеатра «Россия», их ряды как бы вырастали из-под кинотеатра — от него к скверу вверх вела небольшая лестница. Я успел сосчитать — в каждом ряду было по шесть человек.
Они молча, неторопливо, но все же печатая шаг, шли к памятнику. («И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал...»)
Молодые люди в черных рубашках, некоторые в черных сапогах, все в черных фуражках с фашистской свастикой. Сейчас не могу утверждать, что именно так, но, кажется, в

каждой шестерке был один с повязкой на рукаве: на белом фоне крупная красная свастика. Стройные, спортивные фигуры, у большинства из-под фуражек — длинные волосы. Лица напряжены, но спокойны. Они шли молча.

И вокруг все смолкло. Появилось даже ощущение, что на улице Горького остановили движение (но это, конечно, было только ощущение, иллюзия). Лишь мерцали вспышки фотокамер. Я лихорадочно сделал несколько снимков, стараясь поймать на крупный план наиболее выразительные лица, меня охватил привычный профессиональный азарт, и на какое-то время я забыл о Вике.

Самое невероятное заключалось в том, что молодым русским фашистам ничего не препятствовало: милиция бездействовала, люди в синих шинелях даже не приблизились к черной колонне, в которой было, я думаю, человек пятьдесят, не больше.

Они подошли к памятнику русскому поэту («...Что в мой жестокий век восславил я свободу...»), остановились. И, похоже, не знали, что делать дальше. На многих лицах возникла растерянность. Или разочарование. Не знаю, что точнее.

— Смотри! Смотри! — Вика, появившись сзади, схватила меня под руку.— Смотри!

Один из молодых людей, высокий, светлый, с правильными, резкими чертами славянского лица, поднял над головой... Как сказать? Портрет? Да, пожалуй, так, портрет двух людей: на профиль Гитлера чуть-чуть накладывался профиль Сталина, и оба вождя, выполненные художником резко, грубо, но с впечатляющей силой, как бы слились в смертном объятии, призывая своих последователей идти в бой за великую Идею до конца.

Вокруг молодца с портретом началось какое-то движение, суета, защелкали фотокамеры, замерцали магниевые вспышки (я успел сделать два снимка, и оба они — что выявилось при проявлении — оказались неудачными, не в фокусе, смазанными). Где-то рядом прозвучала негромкая команда.

Все остальное произошло в прямом смысле мгновенно.

Возле молодого человека с портретом быстро, профессионально оттеснив его соратников, возникло несколько милиционеров, портрет тут же исчез.

— В стороны! — прозвучал властный голос.

И молодые люди в черных рубашках, в фуражках со свастикой беспрекословно, даже поспешно расступились. Трое милиционеров быстро повели светловолосого юношу — прямо через низкие голые декоративные кусты — к желтой машине. Двое держали его под руки, третий подталкивал в спину. А

молодой человек все оглядывался, и на его лице теперь были детская обида и страх.

— Да я же его знаю! — прошептала мне в ухо Вика.

Он все оглядывался, оглядывался...

И видеть мог поверх голов только Александра Пушкина на своем пьедестале, в задумчивости склонившего голову. («...И милость к падшим призывал».)

Хлопнули дверцы — одна за другой, и желтая машина, сорвавшись с места, умчалась, как будто ее и не было.

— Так кто же он? — спросил я.

— Господи! Да он же сын Заграева! Заграева Владимира Павловича. Имени сынка не знаю.— В голосе Вики появилось раздражение, так мне хорошо знакомое: за ним может последовать буря.— Я у этого партбосса интервью для радио брала. Представляешь, Арик, пригласил для этого идиотского интервью к себе домой: «На работе по душам поговорить не дадут». И ты, пожалуйста, не ревнуй, я бы и сама с ним справилась... Словом, через десять минут нашей беседы стал приставать со всякими гнусными предложениями. Но тут появился сынуля, незапланированно. Оказывается, сбежал с лекций, он на журфаке МГУ.— Вика возбужденно тряхнула головой, отбрасывая со лба прядь своих замечательных рыжих волос (я так люблю запутаться в них рукой, когда мы плывем на «нашем ноевом ковчеге»).— Ни хрена себе! Сынок товарища Заграева — фашист!

— А Заграев этот — кто? — спросил я.

— Замдиректора... Или первый зам, как там у них называется? В Институте марксизма-ленинизма. К тому же он у них секретарь партийной организации да еще член ЦК партии. Фигура.— Голос Вики задрожал от злости.— Скотина. Однако что же получается? Если и другие сегодняшние демонстранты детки таких же родителей? Интересно, интересно... Есть о чем подумать. Ты согласен?

— Согласен. Но почему эти молодчики появились тут именно сегодня, двадцатого апреля?

— Арик, Арик! — замахала руками Вика.— Не удручай меня своим невежеством. Все-таки надо знать биографии великих людей двадцатого века. Нет, ты только посмотри!

Да, было на что посмотреть: молодые русские фашисты разрозненными группами покидали площадку вокруг памятника Пушкина. Им никто не мешал, милиция опять бездействовала. Журналисты тоже расходились, похоже, весьма разочарованные.

Я взглянул на часы — было двадцать две минуты двенадцатого. Вся «акция» длилась чуть больше десяти минут.

— Чувствую,— Вика опять взяла меня под руку, зябко поежившись,— не все ты просекаешь в том, что произошло. А в руках у тебя материалец — будь здоров! Послушай, паренек, хоть и весна, а я что-то промерзла. Наверное, от голода. Толком не позавтракала. Мама захворала, кашляет, банки ей ставила. Ты меня накормишь?

— С огромным удовольствием! Сам тоже... После твоего коньяка проглотил бутерброд с сухим скрюченным сыром.

— Так...— Вика стала деловой.— Что рядом? Кафе «Лира». Не годится, там одна зеленая молодежь, будут на нас смотреть как на стариков. За «Елисеевским» ресторан «Русская кухня». Не подходит — туда уж больно важная публика ходит, с тугими кошельками. Щеки раздуют и по часу в меню копаются. Пошли в Дом актера. Кухня неплохая, народ свой, демократический. Ведь мы с тобой демократы? — И Вика поволокла меня к переходу. Уж больно она возбудилась. С чего бы? — Но, Арик, никакого алкоголя. Тебя ждет небольшой политический ликбез на тему... Сам понимаешь какую. Согласен?

— Согласен, согласен! — засмеялся я.

Господи! Как мне с ней хорошо!

Юрий Владимирович Андропов в одиночестве пил чай с сухариками в третьей, дальней комнате своих апартаментов на Лубянке. Спальня, как, пожалуй, следовало бы ее назвать, если бы эта комната не была проходной.

Было без четверти одиннадцать вечера.

Председатель КГБ удобно, расслабившись, сидел в мягком кресле, вытянув ноги и полузакрыв глаза. Усталость. Ноющая боль в левом боку. Слабость. И — чувство удовлетворения.

«Молодец полковник Рябинин. Надо отметить. Итак, «акция» удалась. А Иван Палыч уже трижды прорывался с разговором. Ничего, пусть немного подождет.— Андропов улыбнулся.— Плод должен созреть. Пожалуй, сегодня заночую здесь. С утра много работы. Придут эксперты, будем уточнять тезисы к докладу, уже послезавтра... Да, не забыть о звонке министру обороны. Можно и сейчас, Дмитрий не обидится. Впрочем, нет, неудобно. Завтра. Завтра утром».

На обеденном столе горела неяркая лампа под розовым домашним абажуром. За стеклами шкафа поблескивала чайная посуда — китайский фарфоровый сервиз, подаренный, кажется, корейскими коллегами. И набор хрустальных рюмок — для пьющих гостей, которые иногда случались в этой комнате.

Для пьющих гостей...

Юрий Владимирович закрыл глаза.

«...Да, Юрик,— сказал Валерий Гаянов, озирая стол,— забота о гостях у тебя, прямо скажем, на нуле».

«Я же здесь никогда не столуюсь»,— оправдывался секретарь комсомольской организации Рыбинской судоверфи.

«Не столуешься,— усмехнулся Валерий.— Для неожиданных приемов надо держать хотя бы минимум необходимого: ложки-вилки, рюмашки-стакашки.— И заведующий отделом кадров Ярославского обкома ВЛКСМ пропел, хитро подмигнув Юрику Андропову:

Стаканчики граненые упали со стола.
Упали и разбилися... Разбита жизнь моя».

Был уже глубокий вечер. Два окна в кабинете Юрия Андропова были завешены газетами, прикрепленными к рамам кнопками, на письменном столе, тоже вместо скатерти накрытом газетой «Водный транспорт», все было приготовлено для дружеской комсомольско-молодежной вечеринки, правда, запретного свойства: две бутылки водки, запечатанных коричневым сургучом, соленая капуста и огурцы в алюминиевых мисках, конская темно-красная колбаса, нарезанная крупными кусками прямо на столе, и — невиданное дело! — банка крабов, умело вспоротая ножом Валерием Гаяновым, попросту Валерой, который этот деликатес вместе с бутылками и выставил на стол. Вот сервировка совсем подкачала: два граненых стакана, столовая алюминиевая кружка, одна гнутая вилка и одна чайная ложка.

Пройдясь вдоль стола, Валерий спросил:

«А она придет? Не продинамит?»

«Обязательно придет,— тут же откликнулся Юрий Андропов, расстегнув верхнюю пуговицу форменной куртки, оставшейся у него со времен речного техникума,— непонятно почему, становилось жарко.— Она так обрадовалась...»

«Ты ей про меня сказал?» — перебил гость из Ярославля.

«Как и договорились: намекнул, может быть, Валерий заглянет, если успеет все дела у начальства верфи закончить».

«Молоток! Ты прямо дипломат, Юрик,— засмеялся Валера Гаянов, скаля крепкие белые зубы.— Далеко пойдешь! Надо же! Про начальство верфи придумал! Вот что, пока ее нет, давай-ка по глотку пропустим, для поднятия настроения».

«Мне что-то не хочется...»

«Ладно, ладно! — замахал руками завотделом по кадрам.— Ты же у нас непьющий. Пока... Я, пожалуй, один, в гордом одиночестве».

Валерий ловко выбил из бутылки пробку, налил полстакана водки и одним махом выпил, крякнув, только кадык заходил по шее.

«Эх, крепка советская власть!» — Он с удовольствием захрустел соленым огурцом.

И в это время в дверь робко постучали.

«Просим! Просим!» — Гаянов, дожевывая огурец, бросился к двери и распахнул ее.

В кабинет секретаря комсомольской организации верфи, который на время превратился в подпольную трапезную, вошла Соня Плахова.

«Ой!» — Соня, в старом, не по росту, демисезонном пальто, попятилась было назад, но Валерий Гаянов схватил ее за руку, одновременно успев закрыть дверь.

«Что ты, Сонечка? Тут же все свои! Можно сказать, сливки комсомольского актива судоверфи.— Валера подмигнул Юрику Андропову.— Ведь так?»

«Конечно, Соня,— заспешил Юрик, покрывшись испариной,— все свои, тебе нечего бояться».

И Соню, освободив от пальто, усадили за стол. В ситцевой кофте, в черной тесной юбке, она тут же превратилась в настоящую русскую красавицу, только напряженно и печально было ее нежное ясное лицо.

«Ты что, Соня,— опять заспешил хозяин кабинета,— или не веришь нам?»

«Почему не верю? Верю, раз ты позвал».

«А почему такая грустная?»

«Так...»

«А вот сейчас грусть и победим! — Валерий Гаянов разлил водку по стаканам и в кружку.— Две трети, самый раз. Прошу! Предлагаю первый тост.— Ярославский гость встал, поднялись Соня и Андропов.— За здоровье нашего гениального вождя, первого друга советской молодежи товарища Сталина! Пьем до дна!»

Юрий Андропов не посмел отказаться и выпил, зажмурившись, омерзительную жидкость до дна, впрочем, успев заметить, что Соня свой стакан опрокинула по-мужски, в один глоток.

«Ай да девка! — засмеялся Валера, парень-паренек.— Теперь, Сонечка, закусывай. Вот, рекомендую, дальневосточные крабы, еда богов!»

«Я лучше колбаски,— сказала Соня, уже смело и открыто глядя на Юрика Андропова темными влюбленными глазами.— К крабам мы не привычные».

«С характером.— В голосе Гаянова прозвучала обида.— Ничего, до крабов у нас обязательно дело дойдет. А теперь я предлагаю выпить за наш славный ленинско-сталинский комсомол, и в лице Сони Плаховой за наших комсомолок!»

На этот раз Юрик Андропов отпил лишь глоток, чувствуя, что уже тупо опьянел, и вместе с этим опьянением его заполнили тревога, беспокойство, даже отчаяние. И предчувствие беды. Беды, которая может коснуться и его.

Соня же и на этот раз выпила водку до дна, если не с удовольствием, то покорно, но закусывать не стала, лишь ковырнула вилкой капусту. И, опустив голову, задумалась.

«Соня, да что у тебя случилось?» — спросил Андропов.

«Ничего...»

«Выкладывай, выкладывай,— снисходительно сказал Валерий Гаянов.— С кем, как не со старшими товарищами, поделиться. Может, и пособим...— Валера подмигнул Юрику Андропову,— чем могим».

«Что выкладывать! — Соня подняла голову. В ее глазах стояли слезы.— Ведь мы из Мологи. Выселяют мологжан. Кого выселяют, кого насильно сгоняют. Ну, известно, затопят наш город, море над ним образуется, это... Рыбинское. Будь оно проклято, ваше окаянное море! — вдруг выкрикнула Соня, стукнув кулаком по столу.— Будь оно проклято!»

«А дальше что?» — спросил завотделом по кадрам Ярославского обкома ВЛКСМ.

«Что дальше? Что дальше...— лихорадочно зашептала Соня.— Хорошо, наш дом в Мологе не забраковали, сюда перевезли, на последние деньги. Здесь, в Слипе, собрали эти, из «Волгостроя», как попало да с матюгами, мы для них лишняя обуза, у них напряженный сталинский план. Вот и стоит сейчас дом, считайте, на болоте, весь перекосился, сырость, холод. А у меня младших братиков и сестричек — восемь душ, мама больная, отец нас бросил, в Ярославль подался на какую-то стройку — и хоть бы рубль прислал, уже второй год. И еще — бабушка...» — Соня Плахова заплакала.

«Что бабушка?» — спросил Юрик Андропов, с трудом ворочая языком.

«Моя любимая бабушка...— Соня просто заливалась слезами.— Я у нее в деревне выросла. Деревня Холмики, пять верст от Мологи. Ей сейчас восемьдесят семь лет...» — Соня умолкла, опять опустив голову.

«И что же любимая бабушка?» — жестко спросил товарищ Гаянов.

«Отказалась с нами сюда переехать, вот что! И правильно. Какая здесь жизнь после нашей Мологи и деревни Холмики? Но дело не в этом... Не в этом!» — В голосе Сони Плаховой прорвалось рыдание.

«А в чем же дело, гражданка Плахова?» — спросил, как на допросе, Валерий.

«Бабушка сказала: из своих Холмиков она никуда не переедет. А всех одиноких беспризорных стариков и старух... Беспризорными их наши начальники называют. Всех будут переселять в сиротские дома, для престарелых. Кто отказывается — силой. Моя бабушка сказала...»

«Ну, ну! Гражданка Плахова, что сказала бабушка?»

«Сказала... Если придут силком брать, запрется, избу подожжет и сгорит вместе со своим домом. И еще сказала... Когда на Мологу и все деревни, что по берегам стоят, антихристы Волгу пустят, она тоже не уйдет из своей избы. Возьмет в руки икону Владимирской Божией Матери, есть у нее такая, и вместе с ней под воду уйдет».

«Очень, гражданка Плахова, у вас несознательная бабушка,— перешел на «вы» комсомольский руководитель областного масштаба.— Очень! Да и у вас, Софья Плахова, сознание явно хромает, поповщиной отдает. Верно говорю, товарищ Андропов?»

«Так ведь она выпила...»

«Выпила!.. Я тоже выпил. И ты — выпил. Мы же с тобой антисоветские, контрреволюционные разговоры не ведем?»

«Валера! Да ты что, спятил? — Юрик Андропов даже вскочил со стула.— Чего ты ей шьешь?

«Ладно, ладно, успокойся. Понимаю. Просто с ней надо провести разъяснительную работу. И я ее проведу. А для начала — тост! — Валерий Гаянов разлил водку.— Этот бокал я предлагаю выпить за победное шествие великой сталинской стройки на Волге, и в результате, это... разольется Рыбинское море, которое займет площадь современной Швейцарии. Вы только вообразите этот масштаб свершений! И встанут на Волге Рыбинская и Угличская ГРЭС, дадут электроэнергию городам и селам, промышленности и социалистическому сельскому хозяйству. Ура!»

«Ура»,— вяло откликнулся Юрий Андропов.

А Соня Плахова промолчала, пристально глядя на гостя из Ярославля.

«Значит, будешь проводить со мной разъяснительную работу?» — спросила она тихо и насмешливо.

«Обязательно! А сейчас — пьем!»

Соня опять выпила до дна и стала обстоятельно, буднично закусывать, достав в том числе крабов из банки прямо пальцами.

«Вот это — хвалю! — засмеялся Валерий Гаянов.— Вот это по-нашенски! Свой, свой человек Софья Плахова! — Он пристально, совсем трезво посмотрел на Андропова. Только хищные звериные огоньки мерцали в глубине его глаз.— Что, Юрик, не пьется? И не надо, поставь свою кружку. Зачем

зря добро переводить? И вот что, Юрик, ты ведь у нас человек семейный, небось женушка заждалась, дочка плачет. Нехорошо. Давай, давай, братишка, собирайся. Помочь пальто надеть?»

И Юрий Андропов быстро, как по волшебству, оказался за дверью своего кабинета.

Закрывая дверь, Валерий Гаянов сказал тихо:

«Я слово держу. Завтра твоими документами займемся».

...В ту ночь он не мог заснуть, впервые его так беспощадно мучила бессонница.

«Что ты все ворочаешься, Юра?» — спрашивала жена Нина, обеспокоенно проводя рукой по его голове.

Он замирал, не произнося ни слова. Что можно было сказать?

«От тебя вином пахнет. Ведь ты не пьешь. Да что случилось, наконец?»

Юрий Андропов, отвернувшись к стене, молчал.

И когда посветлело окно, когда над Волгой зарделась ранняя апрельская заря, он осторожно выбрался из-под одеяла — Нина, слава Богу, спала — быстро оделся и, стараясь бесшумно справиться с дверью их убогой комнатушки в коммунальной квартире, выскользнул в коридор.

Дом спал.

На улице светало. С Волги дул сильный свежий ветер. Было прохладно, даже холодно, озноб пробегал по телу.

До верфи, до его кабинета, надо было пройти через весь поселок Слип, неприветливый, грязный, со многими недостроенными домами (все они принадлежали переселенцам из Мологи и окрестных деревень, которых тоже ожидало затопление); где-то подвывала собака.

Секретарь комсомольской организации Рыбинской судоверфи то шел, то бежал, смутно представляя: зачем он бежит в свой кабинет, что ему там надо в такую рань? Мысли путались, почему-то в сознании повторялась и повторялась нелепая фраза: «А я-то тут при чем?» — озноб бил все сильнее.

Вот она, верфь, еще метров двести...

И тут из-за угла выбежала Соня Плахова и буквально чуть не сбила с ног Юрия Андропова — он успел шарахнуться в сторону. И Соня остановилась, будто ее ноги в старых стоптанных ботинках вросли в землю. Вид у нее был истерзанный, щеки пылали, кофта на груди разорвана, пальто распахнуто. На Андропова смотрели огромные глаза, полные отчаяния, ужаса, недоумения и гадливости.

«Зачем ты это сделал, Юра?!» — выкрикнула она ему в лицо, обдав смрадным духом водочного перегара. И она опрометью бросилась прочь.

А он — показалось сразу, словно перелетел, в один короткий миг — уже открывал дверь своего кабинета, успев заметить, что печь, которая топкой выходила в коридор, жарко гопится, потрескивая березовыми поленьями.

В кабинете был полный порядок: газеты с окон сняты, стол чист и гол, и за ним сидел Валера Гаянов, бодрый, свежий, в накинутой на плечи кожаной куртке на лисьем меху. Он что-то сосредоточенно писал карандашом на листе плотной бумаги.

«А! — весело, обрадованно приветствовал Юрика Андропова завотделом по кадрам Ярославского обкома комсомола.— Явился? — Он протянул руку, и рукопожатие было крепким, энергичным, кратким.— Я тут с утра пораньше порядок навел, печь растопил и замел, так сказать, следы кровавых преступлений.— Он весело подмигнул.— Вот, как видишь, тружусь, вчерне набрасываю твою характеристику. Сейчас кое-что уточним. Да ты садись».

«А Соня?..» — Андропов безвольно опустился на стол.

«Что — Соня? — Валера оторвался от сочинения характеристики, поднял голову, пристально посмотрел на Юрика. В глазах были воля, напор, беспощадность, сознание собственной силы. И безнаказанности.— С Соней полный порядок. А вообще... Смехота с этими бабами. Одной рукой: не балуйся! Другой — трусы снимает. Ладно! Как говорится, время — делу, потехе — час.— И опять Валерий Гаянов пристально, долго посмотрел в глаза Андропова.— Сейчас мы все бумажки спроворим. У меня и бланк анкеты с собой. Заполнишь. Но вначале... Хочу я тебе, Юрик, сделать одно предложение... На всю жизнь».

«Это как? — Хозяин кабинета замер.— В каком смысле — на всю жизнь?»

«В прямом. Я тебя, Юрик, давно приметил, изучил. И сделал на тебя ставку».

«Ничего не понимаю!..» — вырвалось у Андропова.

«Сейчас поймешь. Предлагаю: я буду у тебя человеком за спиной. На первые роли не гожусь, да и не по мне шапка. В биографии одна закавыка есть, если копать начнут... Надо, согласись, свои возможности оценивать трезво. Я — практик, умею просечь ситуацию, наладить связи, знаю, как с начальством обходиться. Ты — другая фигура. Ты, Юрик, на первые роли. И — далеко пойдешь, если, конечно, правильно сориентируешься. Так вот, могу сделать тебе карьеру. Начнем с Ярославля. Обком комсомола. Потом... Время-то на месте не стоит. Потом — обком партии. А дальше — не робей, Юрик! — Москва. Главное — верно начать. Дальше само получится-покатится. Я все буду обмозговывать...»

«Постой,— перебил Юрик Андропов,— а ты... Ты кем же...»

«Понял! — в свою очередь перебил Гаянов.— Голова, в корень смотришь. Тут все просто. Мы с тобой в одной упряжке. Ты, скажем, первый секретарь обкома комсомола, я второй или третий, не важно. Мне бы лучше к хозяйственным делам. То же — в обкоме партии. Ну, а после прыжка в Москву — по обстоятельствам. Главное — ты меня за собой тянешь. А уж я там не подведу, развернусь».

Возникла пауза, и в ней было будущее Юрия Владимировича Андропова. Он напряженно, лихорадочно думал.

«Скажи, Валера...— Голос звучал спокойно.— Скажи, а что у тебя за закавыка в биографии?»

«Опять — в корень. В самый корень. Я тебе отвечу. Как на духу. Но сначала ты мне ответь: принимаешь мое предложение?»

«Принимаю».

«Тогда дай пять!»

На этот раз рукопожатие было не просто крепким — стальным: дерни руку — не вырвешься.

«Теперь, Юрик, мы с тобой это... сиамские близнецы, хребтами срослись. Куда ты — туда и я. И — наоборот. Ты уж это запомни.— Валерий Гаянов в отличие от Андропова говорил нервно и воспаленно.— А закавыка... Один пункт в анкете. Я, Юрик, из кулацкой семьи. Только какие мы кулаки? У деда две лошади было и три коровы. Все своим горбом вместе с сыновьями, и среди них — мой отец. Захар Семенович Гаянов. Где в Сибири их кости тлеют? Сгинули мужики. Ладно! Такое наше время, и партия во главе с товарищем Сталиным всегда права. В анкете пишу — «из крестьян».— Валерий судорожно вздохнул.— Разговор, сам понимаешь, сугубо между нами».

«Конечно, конечно!» — поспешил Юрик Андропов.

«Что ж, сейчас мы все бумажки оформим, и гарантирую: через пару-тройку дней вызовем тебя телефонограммой, чтобы время не терять. Я сам в Рыбинск, первому комсомольскому, Геннадию Викторовичу, позвоню. Ты, Юрик, в рубашке родился: ваш первый секретарь по возрасту на повышение в комсомоле не тянет. Расти ему дальше здесь, в Рыбинском райкоме партии.— Валерий усмехнулся.— Если расти... Так что ты готовься к переезду, жену соответствующим образом настраивай. Вперед, Юрик! Мы победим!»

Дальше все произошло, как и говорил Валерий Гаянов. Через два дня позвонил секретарь Рыбинского горкома ВЛКСМ Геннадий Виноградов, Геннадий Викторович:

— Собирайся, Андропов.— В телефонной трубке послышался вздох.— Ретивые вы, новая смена. В Ярославль, к

Гаянову. Заезжай ко мне за личным делом. Гаянов велел передать: едешь пока один, семье еще жить негде. Нет, какие вы все шустрые! — Опять трубка тяжело вздохнула.— А кто здесь работать будет? Кого мне вместо тебя... Впрочем, чего это я?.. Сейчас приедешь, обсудим кандидатуру. Жду после обеда, к двум.

А уже через два месяца, в середине жаркого засушливого июля, Юрий Владимирович Андропов, второй секретарь Ярославского обкома комсомола, приехал в Рыбинск, в Слип, за семьей: квартира была получена. И какая! В новом, построенном недавно доме, для высшего руководства области, двухкомнатная,— улица Малофевральская, 2. Нина не верила, плакала от счастья.

В Рыбинске, в горкоме комсомола, Юрию Андропову устроили торжественные проводы, сначала официальные в актовом зале, потом дружеские, в узком кругу, в кабинете первого секретаря. И после нескольких тостов, кратких речей, объятий, комсомольских песен («Дан приказ: ему на запад. Ей — в другую сторону...») его отозвал в комнатушку секретарши Геннадий Викторович, высокий, худой, дерганый, с впалыми щеками, с желто-коричневыми пальцами от махорочных самокруток, и спросил почти шепотом:

«Скажи как на духу, Юра, что у тебя с Софьей Плаховой произошло?»

«Что значит произошло? — У второго секретаря Ярославского обкома комсомола мгновенно вспотели ладони рук.— Когда?»

«Не знаю когда.— Геннадий Викторович вздохнул.— Перед твоим отъездом, в апреле, выходит».

«Ровным счетом ничего не произошло, Геннадий Викторович».

«Я понимаю. На сплетни у нас народ горазд. Говорят, влюблена она в тебя до беспамятства. Была... Жаль девку...»

«Да что случилось?»

Зазвонил телефон. Геннадий Викторович поднял трубку: «Горком комсомола. У аппарата Виноградов».

...Телефон продолжал звонить настойчиво, с равными перерывами.

Председатель КГБ, открыв глаза, поднял телефонную трубку, спросил хрипло:

— Что?

— Юрий Владимирович, опять Заграев вас домогается. Послать его...

— Да нет,— перебил Андропов.— Переключите на меня.— В трубке уже слышалось прерывистое дыхание.— Здравствуй-

те, Владимир Павлович.— Голос хозяина Лубянки звучал спокойно, вежливо, но холодно.

— Добрый вечер, Юрий Владимирович, вы уж извините, что так поздно беспокою вас... Но крайние, самые крайние обстоятельства...— В своей роскошной квартире на улице Горького Владимир Павлович Заграев просто задыхался от волнения.— Да, самые крайние. Вынуждают... В столь поздний час...

— Да вы успокойтесь, Владимир Павлович. В чем дело?

— Вы наверняка в курсе... На этой идиотской демонстрации, на Пушкинской площади... Ну... О, Господи! Был арестован мой сын, Виталий...

— Факт прискорбный.— Юрий Владимирович помедлил.— Владимир Павлович, вам было известно, что сын состоит членом подпольной фашистской организации?

— Нет! Клянусь, нет! — исторг вопль Владимир Павлович.— Если бы я знал... Собственными руками... Юрий Владимирович, по старой дружбе...— «Старая дружба» заключалась в том, что они были лично знакомы: много лет назад на каком-то месячном семинаре в Высшей партийной школе оба читали лекции, каждый по своему предмету, и за этот месяц часто встречались, беседовали, вместе оказывались за столиком во время обедов и вечернего чаепития.— ...По старой дружбе. Ведь мой Виталий еще совсем мальчик, девятнадцати иету, по глупости. Клянусь, он не представляет для общества никакой опасности. Теперь я лично займусь его нравственным воспитанием...— «Тебе ли толковать о нравственности, толстый боров»,— подумал Андропов.— А в милиции... Ему удалось позвонить домой. В милиции его бьют, издеваются. Моя Зина слегла от горя...

— Милиция мне не подчиняется,— перебил Председатель КГБ.— Звоните Щелокову.

— Юрий Владимирович, голубчик, ведь вы все можете!

«Действительно, все»,— подумал Андропов и спросил в лоб:

— Владимир Павлович, что это у вас там в институте за настроения распространяются?

Возникла пауза. В телефонной трубке лишь тяжело, с хрипом дышали.

— То есть, Юрий Владимирович?

— Настроения такого рода: будто бы Комитет госбезопасности провоцирует избиение партийных кадров по сталинской методике, продвигает своих людей на высшие государственные посты.

На той стороне телефонного разговора что-то произошло: в трубке — скрип, легкий треск, потом полная тишина. Похоже, Владимир Павлович Заграев лишился чувств и грох-

иулся иа пол. Но вот возобиовилось тяжелое дыхание, и ои залепетал сдавленным свистящим голосом:

— Юрий Владимирович... Это какое-то недоразумеиие. Навет... Клянусь, иаговор.

— Вот что,— жестко, властно перебил Андропов,— вы там, у себя в иституте, Владимир Павлович, иаведите порядок, разберитесь в иастроеииях товарищей.

— Да! Да! Юрий Владимирович! Непременно! Разберусь и доложу. Я... Мы... Мы вас ие подведем.

«Что и требовалось доказать».

— И будьте со мной, Владимир Павлович, всегда откровенны.

— Да я всем сердцем! Всегда, всегда!..

«Ну и последний удар, завершающий».

— Не лукавьте, ие лукавьте, товарищ Заграев. А кто, и в довольио-таки зрелые годы, тайио почитывал «Майн кампф», «Протоколы...» и прочую подобиую литературу? — В трубке все замерло, похоже, там иазревал второй обморок.— А ведь яблоко от яблоии недалеко падает. Но, Владимир Павлович, успокойтесь. Кто прошлое помяиет... Словом, положим эти ваши грешки под сукно. А с сыном я попытаюсь вам помочь. Спокойиой иочи.— И Председатель КГБ положил трубку.

«Так... Вроде бы есть песенка прощальиая, и там такие слова: «Еще одии звоиок, и поезд отойдет». Еще одии звонок».

Юрий Владимирович поднял трубку телефоиа и иабрал нужный номер.

— Полковиик Рябииии у аппарата,— тут же прозвучал спокойный, четкий голос.

— Добрый вечер, Иваи Петрович. Вот что: иадо отпустить домой этого Виталия Заграева. С милицией у вас все отработаио?

— Как всегда, Юрий Владимирович.

— Отпускайте. Но возьмите подписку о иевыезде из Москвы, скажем, иа полгода. Сохраиим психологическое воздействие иа эту публику.

— Слушаюсь, Юрий Владимирович!

— Спокойиой иочи.

— Спокойиой ночи.

Председатель КГБ иабрал иомер своего домашнего телефоиа:

— Таня, я сегодня останусь у себя иочевать.

— Но почему...

— Все, все! Миого работы.— Он положил, иет, скорее бросил телефонную трубку и тут же выругал себя за иесдержаниость.

Настроение стало портиться.

«Заказать, что ли, ужин? Нет, есть не хочется. Вскипячу чаю, попью с печеньем».

Юрий Владимирович переменил в кресле позу, расслабился, вытянул ноги. Закрыл глаза.

«Все, все. Сейчас этот кошмар кончится».

«...Ты не знаешь, что случилось?» — Первый секретарь Рыбинского горкома комсомола испытующе смотрел в глаза Юрия Андропова.

Двадцатитрехлетний Юрий Владимирович взгляда не отвел.

«Клянусь, не знаю».

«В начале июня, когда паводковые воды сошли, у деревни Холмики, недалеко от Мологи, два трупа нашли, утопленницы...»

«Кто же?» — вырвалось у второго секретаря Ярославского обкома комсомола.

«Софья Плахова и ее бабушка по матери, Анисья Ивановна Валькова, древняя старуха. Она, совсем одна, в этой деревне жила, в Холмиках, на берегу Мологи».

«Какое несчастье!» — искренне прошептал Юрий Андропов.

«Самое ужасное в этой истории...— Геннадий Викторович извлек из кармана кисет с махоркой и листками нарезанной газеты, стал скручивать козью ножку. Долго не получалось — желто-коричневые пальцы дрожали. Наконец скрутил, чиркнул спичкой, окутался облаком ядовитого дыма.— Самое ужасное в том, что они связали себя веревкой, к ней подцепили пудовую гирю, а старуха к рукам привязала еще какую-то икону. Так их и нашли. Шум поднялся, следствие. Медицинское вскрытие трупов. И оно показало: изнасилована была Соня Плахова».

Юрий Андропов молчал.

«Вот такие дела, товарищ секретарь.— Геннадий Викторович опять окутался облаком махорочного дыма.— Кстати... Когда у тебя был Валерий Гаянов?»

«Точно не помню. Наверное, в середине апреля. А что?»

«Да так. В общем, ты не бери в голову. Дело о самоубийстве Софьи Плаховой закрыто. Только тут у нас новый молодой следователь есть, дотошный парень. Он утопленницами занимался. Есть у него свое особое мнение. Вроде не согласен он с закрытием дела».

«Юрий Владимирович! Геннадий Викторович! — прозвучал игривый женский голос.— Куда вы запропастились? Народ требует».

«Идем, идем! — Секретарь Рыбинского горкома комсомола крепко взял Андропова под руку.— Пошли, по прощальной рюмке. До поезда полчаса. Машина тебя уже ждет».

...Председатель КГБ открыл глаза. И — Господи! Хотя бы в последний раз... в сознании прозвучало: «Зачем ты это сделал, Юра?!»

«Все... Теперь — все».

Лицо покрывали крупные капли пота.

Валерию Гаянову не суждено было стать сиамским братом Юрию Андропову, вести его по пути карьеры вверх: в конце 1937 года, когда по всем этажам руководства комсомолом прокатилась вторая массовая волна репрессий, он был арестован как «враг народа», его судила «тройка». Во время короткого «следствия», длившегося меньше часа, имя Софьи Плаховой не всплывало. Приговор был скорый и неправый: расстрел.

Из дневника Виталия Заграева
21.4.82

Суки! Палачи! Жидо-масонские выкормыши! Ненавижу! Всех ненавижу.

Как они нас сделали! Почему?

Ни хрена себе! Меня продержали в вонючем вшивом КПЗ больше полусуток. И этот, на верхних нарах, его остальная шпанская кодла Болтом обзывала. Ну и кликуха! Весь, курва, в наколке. Спустил мне вниз свои босые лапы, а на них татуировочка на правой: «Они устали». На левой: «Им надо отдохнуть». Ты, говорит, антилигент, почеши пятки. Я и плюнул ему в пятки, псиной воняющие. Тут они на меня всей кодлой. Только два приема успел применить, кто-то по кумпалу шарахнул — я в отключку. Очухался — в камере два мента с дубинками. Болт за ухо держится, и сквозь пальцы — кровища. Один мент как гаркнет: кто на него еще рыпнется — вмиг карцер на трое суток. Третий мент к клетке подошел: «Заграев! На выход! К телефону!» Е-мое! Пахен! Прорвался! Нет, зря я на пахена бочку качу. Он у меня молоток. Успел ему орануть: «При первом допросе били, сижу со шпаной, ночью убить могут». Пахен только одно: «Держись! Вытащу!» Правда, перед тем как трубку бросить, вякнул: «Это я тебя убью, мерзавец, как только дома окажешься». В камеру менты затолкали — голова гудит, правый глаз, чувствую, заплыл, вздохнуть не могу. Два зуба шатаются, поворочать их языком

и выплевывать можно. А тут Болт: «Ничего, антилигент, мы тебя ночью опустим, хором сделаем». Было это часов в семь вечера. Жратву принесли в мисках — какая-то серая блевотина, селедкой от нее несет, кус хлеба. Я не стал жрать, да и не хотелось. Мою пайку какой-то рыжий схавал, Вова Колесо. И правда, круглый со всех сторон, и рожа круглая. Я — в отпаде: что предпринять? Ведь точно, сделают они меня, трахнут всей компанией, их пять бугаев, не справлюсь. Решил: если до ночи не выберусь отсюда — припад кину, в конвульсиях забьюсь, как Боря Сизов, под него сыграю. Такой хай сотворю — весь ментовский участок на уши встанет.

Вроде подремал мизер. Часы при задержании сняли: если выпустим, получишь. Это главный ихний, майор, что ли. Как только привели. Можем, говорит, и оставить, если желаешь. Только в камере их тут же у тебя экспроприируют. Скотина! Слово подобрал.

Как это Стасик Цигейко под гитару ярит? «Сижу на нарах, как король на именинах». Только не сижу — в лежку, все тело, главное, морда побитые. Лежу, думу думаю. Почему же так все вышло? Почему, когда менты портрет порвали и меня к машине поволокли, кореша в бой не бросились? Ведь специально тренировались, к такой вот ситуации готовились. Что на них наехало? А Вяч. Ник.? Только на Трубной площади нас встретил. Быстрый какой-то, суетливый. Не знал я его таким, нашего Учителя. Главное — в глаза не смотрит. Сунул мне портрет, на палки намотанный: развернешь на площади у памятника. Я и не знал, чего там, пока уж у Пушкина не поднял этот портрет. Вяч. Ник. только команды отдал: «Быстро переодеться! Построиться! Каждый отвечающий за шестерку на месте?» — «На месте! — пацаны в ответ. Пошли. Мы двинулись. Думали: и Вяч. Ник. с нами. А он чуть помельтешил рядом — и слинял. Никто и не заметил, как и куда. Что же это такое?

Ну, лежу на нарах, думаю. И забирает меня тоска смертная, черная какая-то, липкая. Всех, всех ненавижу! И шпану эту в камере, и корешей по отряду «АГ», и Учителя тоже ненавижу. А его — больше всех. Однако чувствую: ночь близка. И еще понимаю: не спят все эти, мои сокамерники, затаились, ждут. Команды Болта ждут. Что делать? И тут мент с ключами, дверью нашей клетки гремит: «Заграев! На выход!» Меня с нар прямо скинуло, про все болячки забыл. А Болт мне в спину: «Ты, антилигент, жди. Я тебя на воле найду. Достану». Я обернулся и рукой ему показал: а вот этого не видел?

Смутно помню, как чего-то подписывал, часы свои на руку надевал. Быстро все замельтешило в глазах. Одно помню: вели меня два мента по коридору. Длинный такой коридор.

Один мент как саданет меня локтем в живот, под самый дых, я так и присел. Оказывается, точно: ни вздохнуть, ни охнуть. Что, тихо так говорит, били тут тебя? Я и прохрипел: нет, не били. Сейчас думаю: выходит, слабину дал? Может, и кореша так на площади Пушкина?

И снова не помню, как уже в машине пахена сижу. Вижу: щас он на меня обрушится. Однако рожу мою избитую увидал, аж скривился от боли, только сказал: дома поговорим. Шофера за плечо тронул: поехали!

Но и дома пока разговора не получилось. В прихожую ввалились — матушка! Увидала меня — в истерику, на шее повисла, ноги у нее подкосились, еле держу. «Виталечка! Виталечка! Жив! Что они с тобой сделали?» Тут пахен: «Я этого так не оставлю! До Щелокова дойду!» Я только успел сказать, не менты били, в камере, уголовники. А сейчас соображаю: чего это я? Ведь первый раз меня в участке менты в оборот взяли, как привезли. Только у них все это профессионально, без следов: в комнату затолкнули, по четырем углам встали, и меня, как мяч футбольный,— от одного к другому. А бьют по бокам — в печень, в почки, чуть пониже сердца. Чего там? Сразу я обалдел, искры кругом мельтешат, жара. Надо бы этих палачей наказать. Чего это я: не менты били?

Ладно. Потом. Надо разобраться в себе.

Короче. Какие там разговоры и нотации! Матушка пахена к телефону погнала: вызывай из нашей поликлиники врачей, там всегда дежурная бригада есть. Меня — в ванную. Опустился в горячую воду — от боли взвыл. Но минут через несколько — полный кайф, лежу, балдею. Тут и доки в белых халатах прибыли. Быстро меня обработали, мази-смази, накладки всякие, укольчик какой-то вкатили. Совсем благодать. Подумал тогда: сейчас бы грамм сто пятьдесят пахенского коньячка засосать, и будет полный отпад. Правда, на завтра, то есть на сегодня, направления в поликлинику: к зубному, рентген, еще чего-то. Сейчас десять утра. Ехать мне туда к двум. Терпеть не могу врачей. Пахен обещал машину прислать.

Ну, это вчера. Обработали меня доки, под белы ручки — в кроватку, дали заглотить какие-то две таблетки. Как провалился, проспал до восьми утра. Продрал глаза, чувствую: настроение — всех окружающих поубивать, предварительно трахнув Нинку, земной шарик взорвать, а самому застрелиться.

И, в самый раз, Жорка Комков звонит. Одно к одному! Слушай, вячит, Петька Зуб звонил. От Вяч. Ника по цепочке передать: отряд «АГ» самораспускается. До поры. Его не искать. Сам, когда надо, всех соберет. Все? — спрашиваю. Жорка: все. Молчим оба. Сказать нечего. Так я и бросил трубку. Может, и телефон разбил. Хрен с ним.

Нет, это что же получается? Заложил нас Вяч. Ник., что ли? Кому верить? Кому верить?

Ннчего, ннчего! Мы еще разберемся, мы — отомстнм.

Хайль!.. А! Горнте вы все голубым огнем!

Правда, сейчас бы пнстолет, застрелнться.

Ненавнжу, ненавнжу, ненавижу! Будьте вы все прокляты!

Статья Артура Вагорски «Молодые фашисты в Москве» в газете «Дейли ньюс» 26 апреля 1982 года.

«Итак, казалось бы, невероятное событне: двадцатого апреля в Москве, на Пушкинской площадн, состоялась демонстрация молодых русских фашнстов, приуроченная к очередному дню рождения Адольфа Гитлера. Действнтельно, нонсенс: в столнце государства, заплатившего за победу в войне с германскнм нацизмом более чем двадцатью миллионами жизней своих сограждан, демонстрируют молодчики в черной форме, со свастикой на фуражках, а один нз них (только он был задержан милицней) поднимает над головой портрет... Правда, не только Гитлера, но и Сталнна, вернее, нх сливающиеся профили. Традиционный портретный сюжет в Советском Союзе: нерасторжимое единство вождей в профиль — раньше, до разоблачения Хрущевым «культа личности», Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин. В постсталинскую эпоху профнль Сталнна снимается. И вот он вновь возникает на самодеятельном транспаранте над головамн фашнстских молодчнков двадцатого апреля 1982 года в центре Москвы, на этот раз в том же нерасторжимом единстве с профилем Адольфа Гитлера.

И хотя на Пушкинскую площадь, где разворачнвалось это десятиминутное шоу, не были допущены корреспонденты советских средств массовой информацнн и, естественно, ни одного, даже в несколько строк, сообщення о пронсшедшем не появнлось в газетах, в передачах радио, на телевиденнн, общественное мненне Москвы,— такие новости здесь распространяются мгновенно,— даже не взбудоражено — оно в шоке: в столице СССР демонстрируют молодые фашнсты, притом — на это прошу обратить особое внимание читателей «Дейли ньюс» — безнаказанно, не встречая сопротивления властей.

Думаю, что на Западе легче, чем в Советском Союзе, понять событие двадцатого апреля на Пушкннской площади: нами давно усвоено н осмыслено тождество двух режимов — нацизма в Германии при Гитлере, рухнувшего и проклятого подавляющим большинством современных немцев, н сталинского «соцнализма» в России, который и в наше время благо-

получно здравствует: сегодняшние лидеры СССР лишь отказались от самых крайних, репрессивных методов его построения по сталинским предначертаниям. Для среднеарифметического русского человека осознать и принять эту горькую истину — перефразируем знаменитого советского поэта: Гитлер и Сталин — близнецы-братья...— невозможно. Пока невозможно... Учитывая информационную закрытость СССР (кроме официальной «партийной» историографии, другой там попросту нет), направленность и железную целеустремленность советской пропагандистской машины, гигантской и мощной, наконец, учитывая и судьбы советских людей, особенно старших поколений: для них Великая Отечественная война, победа над гитлеровской Германией — самое святое, что было в их жизни,— народ защищал свою Родину, как принято говорить в России, от «коричневой чумы».

Однако и на Западе, в нашем свободном демократическом обществе, достаточно распространено одно недоумение — я с ним встречаюсь постоянно: как же так? Теперь и в России хорошо известно, кто такой Сталин — тиран, палач, уничтоживший десятки миллионов своих подданных, перемоловший в чудовищной мясорубке политических соперников в борьбе за власть, так называемую ленинскую гвардию, обезглавивший накануне страшной войны Красную Армию, превративший многомиллионное крестьянство в рабов КПСС и так далее и так далее, не перечесть всех его страшных преступлений,— как же так? Они, русские, и сегодня чтят его! Помню, один мой лондонский коллега, впервые попав в Москву и увидев на ветровом стекле рейсового автобуса портрет Сталина, просто отказался верить своим глазам. Ну, во-первых, далеко не все русские, правильнее сказать советские, люди чтят кровавого тирана; во-вторых, тот убийственный факт, что, по русскому выражению, «жив курилка!» — этому есть объяснение. И я его скоро изложу вам.

Итак. Давайте разберемся в двух вопросах.

Первый. Что же произошло двадцатого апреля у памятника великому русскому поэту? Кто они, эти молодые русские фашисты? Чего добиваются? Кто для них Гитлер? И почему в своей символике они соединяют в одно целое Гитлера и Сталина?

Второй вопрос. И он уже принципиально важен для современной политической ситуации в России. Как могло произойти, что фашистская демонстрация вообще могла состояться в Москве? При всепроникающем могуществе и изобилии «средств пресечения», которыми обладает КГБ, это попросту — если исходить из советской законности и здравого смысла — объяснить вроде бы невозможно. Почему они не

встретили никакого сопротивления милиции, которой буквально была забита Пушкинская площадь, и, в конце концов, спокойно разошлись по домам?

Ответ на первый вопрос — продолжение моих трех статей «Русская партия в СССР», в нашей газете (смотрите номера «Дейли ньюс» за 14, 18 и 21 декабря 1981 года). Кратко повторюсь. Многовековая история России — это создание путем завоеваний в течение многих веков огромной многонациональной империи — «от моря и до моря». Именно Москва объединила вокруг себя несметные земли, а русский народ являлся нацией, которая осуществляла — надо сказать, ценой неимоверных жертв и страданий — образование этой гигантской империи. И, в конце концов, имперская идея стала основополагающей в сознании русского народа, она прежде всего питала чувства патриотизма, осознание своей «избранности», национальной гордости (и спеси, надо прибавить). То есть русский народ — имперский народ по своему духу, по своей ментальности. Таким он прошел через всю свою историю от времен крещения Руси до сегодняшнего дня. И здесь необходимо одно историческое уточнение. Или, скорее, поправка. Учебники отечественной истории в Советском Союзе всех уровней непременно делают упор на один тезис. Он внедрялся в народное сознание на протяжении всех шестидесяти пяти лет большевистского правления и проник на Запад, правда, с соответствующими критическими комментариями. Тезис этот следующий: при царях и проклятом капитализме Россия была «тюрьмой народов» (любимое выражение Владимира Ленина), и только Октябрьская революция принесла всем народам бывшей царской империи свободу и счастье. Что же, допустим... Однако дальше в советских учебниках истории вы не найдете реальной картины произошедшего после 1917 года, когда «оковы рабства» пали. В этих учебниках события трактуются так: после победоносной Гражданской войны, развязанной свергнутыми эксплуататорскими классами, которых поддержали силы мирового империализма, началось строительство социализма, естественно, под мудрым руководством Коммунистической партии и лично товарища Сталина.

Мягко говоря, все было несколько иначе. После «Великого Октября», как только большевики начали утверждать советскую власть на окраинах огромной империи, они везде встречали народное и национальное сопротивление (а в глубине России это относится и к русскому народу, прежде всего к крестьянству) — и фактически «единая и неделимая» держава, созданная предшественниками, распалась: покинули «любезное отечество» финны, поляки, украинцы, народы Прибалтики, Кавказа, азиатских территорий. По существу, Граждан-

ская война была собиранием военной силой разбежавшихся народов, и идеологом, а порой и полководцем (Царицынский фронт) в этой кровавой бойне был Иосиф Джугашвили, неумолимый Коба, товарищ Сталин, тогдашний нарком по делам национальностей.

Задача в целом была выполнена. Однако не до конца. Новому объединителю «русских земель» в первые годы Советской власти оказались не по зубам Финляндия, часть «русской» Польши, государства Прибалтики, поспешивших юридически закрепить свою самостоятельность. Напрасно ликуете, господа! Вас еще ждут «дружеские» социалистические объятия.

И действительно, за все свое долгое правление Сталин во внешней политике неуклонно, последовательно и беспощадно осуществлял свой главный принцип: государство Российское должно прирастать землями и потерянными после 1917 года, и, если получится, новыми. Этот принцип воплощался в лозунге, поддержанном, естественно, всем советским народом: «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!» Какое будущее ждет население земного шара, когда эта идея осуществится, можно судить по современной жизни в Советском Союзе. Ну, а хозяева этого всеобъемлющего коммунистического рая будут сидеть, разумеется, в Московском Кремле. И не обольщайтесь, мои сытые, беспечные американские соотечественники: со смертью Сталина эта угроза не исчезла. Как говорится, дело Сталина живет. И побеждает, если пристально присмотреться к современному миру. Для примера: разве вам не достаточно у себя под боком Кубы во главе с Фиделем Кастро? Доктрина внешней политики Советского Союза не изменилась. И не изменится, смею вас заверить, пока у власти в России стоят коммунисты. Уходить же они, во всяком случае добровольно, не собираются. А народ... По выражению великого поэта Александра Пушкина, русский «народ безмолвствует...».

Однако вернемся к эпохе «великого Сталина». Вот вехи его «имперского пути» до Второй мировой войны. 1938 — 1939 годы — в Монголии на озере Хасан и реке Халхин-Гол маленькая «японская кампания» (где впервые отличился Жуков), естественно, военные действия спровоцированы «японскими самураями»; территориальных приобретений еще нет, пока всего лишь демонстрация военной мощи и превращение Монголии в послушного, безропотного вассала Москвы. Тот же 1939 год — сговор с фашистской Германией о разделе Восточной Европы на сферы влияния (пакт «Молотов — Риббентроп»), тайные протоколы о Прибалтийских странах и в результате — «освобождение» братских народов от капи-

талистического ига, «добровольное» присоединение к Советскому Союзу под штыками Советской Армии Латвии, Литвы и Эстонии. Не забыты и «исконно белорусские и западноукраинские земли», которые после Первой мировой войны захватила «шляхетская» Польша: они возвращены в лоно Белоруссии и Украины, то бишь в СССР. А в 1940 году еще одно приобретение: Молдавская Советская Социалистическая Республика «прирастает» бесхозной Бессарабией. Ай да Иосиф Виссарионович! Ай да молодец!

Пора и непослушных финнов вернуть в отеческие пределы. Начинается инспирированная Советским Союзом война с Финляндией 1939 — 1940 годов, «непопулярная война», как ее назовут много лет позже (а военные действия, само собой, первыми развязали финны). И здесь Сталин терпит первое поражение: не по зубам гигантской империи оказалась маленькая Финляндия, народ которой, как один человек, поднялся на защиту своей свободы: понеся огромные потери, прежде всего в живой силе (какое горькое определение в штабной терминологии для убитых и искалеченных солдат!.. Арифметика убийственна: один погибший финн — восемь красноармейцев...), Россия подписывает внешне «почетный» мирный договор — к СССР отходит Карельский перешеек (граница «капиталистического мира» отодвинута от Ленинграда); Финляндия получает взамен участок русской земли на своей границе с грозным соседом. Советский Союз за агрессию исключен из Лиги Наций. Но вождь «всего прогрессивного человечества» упорен и последователен: немедленно все в том же 1940 году на границе с Финляндией создается липовая «банановая» республика — Карело-Финская ССР. На ее обширной, лесной и озерной территории действительно проживает некоторое количество карелов, финнов — ни одного. Но прецедент создан — возникает плацдарм для будущего: «Отсель грозить мы будем...» На этот раз Финляндия, и поможем ей присоединиться к уже готовой с распростертыми объятиями братской и в этническом отношении «советской социалистической» республике. Каким образом это будет осуществлено? Будущее покажет, уроки военного поражения, не сомневайтесь, господа империалисты, учтены.

Но в 1941 году начинается Великая Отечественная война — переиграл «лучший друг и соратник» Адольф Гитлер товарища Сталина — ведь он, параноидально недоверчивый и мнительный, пожалуй, только ему, вождю немецкого народа, и верил. История Второй мировой войны известна. Хотя, думаю, по американским исследованиям мои соотечественники весьма смутно представляют роль России в разгроме гитлеровского

фашизма. Скажу в этой статье лишь одно: именно России, советскому народу прежде всего, мир обязан избавлением от возможности нацистского порабощения. Таков парадокс истории.

И нетрудно догадаться: победа Советского Союза над фашистской Германией осуществлена «под мудрым руководством» тирана, сидящего в Кремле. В Советском Союзе самый популярный лозунг тех лет: «Да здравствует товарищ Сталин, вдохновитель и организатор всех наших побед!» Он — Генералиссимус, разработчик основных военных операций (в советских учебниках истории первых послевоенных лет для десятых классов был раздел: «Десять сталинских ударов»), гениальный полководец (вся его гениальность умещалась в одной емкой фразе: «Нэ считаясь с потерями». Для товарища Сталина люди, народ — всего лишь историческая пыль).

Однако территориальные результаты весомы. В грохоте войны цивилизованное человечество и не заметило, как Советский Союз «мирно» проглотил маленькое независимое государство на границе с Монголией — Туву, народ которой — а как же иначе? — добровольно и с восторгом принял пожатие руки «старшего брата»: возникла еще одна административная единица на карте империи — Тувинская АССР. Германия капитулировала, осуществляются решения Ялтинской и Потсдамской конференций. И опять товарищ Сталин может с удовольствием потереть руки: значительная часть Германии — Восточная Пруссия со столицей Кенигсберг (оказывается, тоже «исконно русские» земли) — превращается в Калининградскую область. Восточная Европа становится протекторатом Советского Союза, и сразу же там начинается сооружение «социалистического лагеря», большого-большого барака,— на первых порах он будет называться «странами народной демократии»,— под неограниченную власть Кремля попадают: Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Румыния, Югославия (она первая еще при Сталине вырвется из Содружества), Албания (скоро и эта крохотная страна освободится от «руки Москвы» и в гордом одиночестве начнет строить «свой» социализм, а Советский Союз лишится стратегически важной базы подводных лодок в Адриатическом море), восточный сектор Германии, зона советского управления после капитуляции «тысячелетнего рейха» — будущая Германская Демократическая Республика.

Впечатляет? Согласитесь, мои уважаемые читатели, весьма и весьма.

Но это еще не все.

Не успела Россия прийти в себя после страшной войны, уже начинается японская — на этот раз большая кампания, к

дальним восточным границам Китая перебрасывается огромный воинский контингент («С войны на войну»,— говорили русские солдаты) — там сосредоточена Квантунская армия Страны восходящего солнца. Военная акция могуча, быстра, победоносна — опыта не занимать. Правда, по сталинской методике: «Нэ считаясь с потерями». Территориальный результат тоже не плох: возвращен в родительское лоно Южный Сахалин и несколько Курильских островов, которые в начале века прикарманили воинственные японцы. Свары из-за этих мизерных островов хватит России и Японии, наверное, на несколько веков. Заодно «вождь народов» договорился с китайцами — стал советским Порт-Артур: русские его построили, сколько солдатских могил кругом с покосившимися крестами («Пусть гаолян им навевает сны»), да и морская военная база отменная: «Отсель грозить мы будем...» самураям. Правда, вскорости после смерти «вождя передовой части человечества» недальновидный и глупый, хотя, по утверждению многих, хитрый Никита Хрущев вернет Китаю Порт-Артур. Он вообще на территориальные подарки оказался горазд.

Но в 1953 году, когда темный князь мира сего забрал черную душу Генералиссимуса в преисподнюю, согласитесь, гигантскую державу оставил своим преемникам Великий Кормчий. Славный, славный имперский путь!

И теперь — к сегодняшнему дню. В той брежневской России, в которой я работаю корреспондентом вашей газеты, в самом тяжелом, даже унизительном положении находится русский народ, как это ни парадоксально звучит. Я опять адресую своих читателей к моим статьям «Русская партия в СССР» в «Дейли ньюс». Сейчас лишь добавлю: действительно, народ, который вынес на своих плечах все тяготы советской истории, основное бремя войны с Германией, «старший брат», по крылатому выражению товарища Сталина, сегодня в Советском Союзе имеет самый низкий уровень жизни — по сравнению с другими народами союзных республик (разве что малые народности восточных и северных окраин еще в большем бедствии). Падает его численность, хиреет русская культура, национальные богатства России перетекают и в экономику союзных республик, и в виде братской помощи социалистическому лагерю в Европе, и в страны с ориентацией построения социализма во всем мире. А это — черная дыра. Одна наша соседка Куба чего стоит — ведь фактически режим Фиделя Кастро держится на советских субсидиях.

В последние годы в России наблюдается возрождение русского самосознания, зреет протест против национальной политики правительства в отношении русского народа, создаются тайные общества и легальные объединения писателей,

художников, студенчества; выходят патриотические журналы и книги (что они из себя представляют — тема для отдельной статьи). И все эти течения, общества, настроения цементирует общая всеохватывающая идея — русская идея былой имперской мощи, величия русского народа как создателя могучей необъятной державы, в которой русский человек — первый человек. Вот почему создатель советской империи Генералиссимус Сталин в ментальном сознании русских и сегодня — национальный герой, отец народа, государственник, столп страны — как Иван Грозный, Екатерина Вторая, Петр Первый (а все эти самодержцы, создавая империю, множа ее мощь, тоже пролили немало народной русской крови).

Надеюсь, моим читателям теперь становится понятно, почему двадцатого апреля молодые люди в фашистской форме на своей демонстрации на Пушкинской площади в Москве подняли над своими головами портрет Гитлера и Сталина. Вы спешите спросить: как же так? Сталин и Гитлер? В принципе я уже ответил на ваш вопрос: между гитлеровским нацизмом и сталинским коммунизмом нет принципиальной разницы — общая идея главенствующей нации (правда, у Гитлера это немцы, арийцы, у Сталина — весь советский народ). Ведь на базе интернационализма замешана коммунистическая идея. Это сегодня Русская партия делает поправку: главенство — у русских, у «Богом избранного народа», русские — «народ-богоносец»; общая — имперская — идея: господство над всем миром.

А теперь — почему русские фашисты? Почему Гитлер? Ответ прост: Сталин был прежде всего практиком в создании советской империи, в его теоретическом наследии нет откровенного обоснования этой кровавой практики: создания мировой социалистической державы (в этом смысле куда более откровенен его сподвижник Жданов: «Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»). А Адольф Гитлер оставил человечеству нетленный теоретический труд — «Моя борьба», где сказано без обиняков, прямо, все именно обосновано: кто такой народ-мессия, каким путем надо идти к мировому господству и... кто главный враг на этом пути.

А главный враг — евреи, всемирный жидо-масонский заговор. Гитлер без всякого стеснения поведал об этом в своей книге: «Ныне я уверен, что действую вполне в духе Творца Всевышнего: борясь за уничтожение жидовства, я борюсь за дело Божие». Сталин наверняка хотел бы высказаться подобным образом — он был патологическим антисемитом, но не мог: завещанный великими предшественниками Марксом, Энгельсом, Лениным интернационализм,— черт бы его взял! — не позволил пойти на подобное откровение. И тут надо еще раз

сказать: Русская партия — а отряд «Адольф Гитлер», демонстрировавший на Пушкинской площади ее крайне правое экстремистское крыло, — все беды сегодняшней России тоже видит в пресловутом жидо-масонском заговоре, который якобы опутал былое мощное Русское государство, проникнув во все его структуры, начиная с 1917 года, с «Великого Октября».

Вот теперь, пожалуй, сказано все. Мы вместе с вами, уважаемые читатели, ответили на вопрос: кто такие молодые русские фашисты? И кто для них Гитлер и Сталин?

Теперь попытаемся найти ответ на второй вопрос: почему власть не приостановила фашистской демонстрации в Москве?

Нет никакого сомнения: демонстрация молодых фашистов проходила с санкции именно власти. Вот какого подразделения ее? А еще точнее: кто? Кто дал «добро» на эту — для сознания советского общества — чудовищную акцию? Недаром же на Пушкинскую площадь не допустили ни одного советского журналиста. Отвечаю: КГБ, его Председатель — Андропов, сумрачный, загадочный герой моих последних исследований.

Во-первых, просто невозможно представить, чтобы отряд «АГ» возник в политической жизни страны сам по себе и мог самостоятельно и, получается, беспрепятственно функционировать. И если вспомнить, что в борьбе за верховную власть Юрий Андропов на определенном этапе поддерживал Русскую партию, даже был инициатором ее активной деятельности и сам же организовал её разгром (хотя не до конца, и вообще мотивы в таком резком повороте к «руситам» Председателя КГБ еще мною не проанализированы; очевидно, этот анализ — предмет отдельной статьи) — если вспомнить все это, то остается допустить только одно: отряд «АГ» — детище КГБ, о чем, скорее всего, молодые русские фашисты не подозревают.

Во-вторых. Чем объяснить бездеятельность милиции? Когда на Пушкинской площади, превратившейся в последние годы в своеобразный московский Гайд-парк; любая антиправительственная акция, даже самая безобидная («Создадим памятник жертвам сталинских репрессий!») и малочисленная (пять-шесть человек), пресекается немедленно и беспощадно. Объяснение только одно: значит, так и было задумано — чтобы они продемонстрировали и беспрепятственно разошлись. Почему? С какой целью?

Пока у меня есть одно предположение. Думаю, я близок к разгадке этого «фашистского феномена». Дело в том, что бойцы отряда «Адольф Гитлер», как мне удалось выяснить из достоверного источника, в подавляющем большинстве —

дети высокопоставленных отцов из государственной и партийной элиты, вплоть до ЦК КПСС. Сделаем предположение: эти партийные и государственные боссы — противники Председателя КГБ в его борьбе за верховную власть. Подобная демонстрация сынков — юных фашистов,— это ли не лучшая компрометация партийную и прочую власть предержащих?

Для чего это надо Юрию Андропову? Если принять мою версию: в мае должен состояться очередной Пленум ЦК КПСС, в работе которого примут участие и те, чьи великовозрастные дети демонстрировали на Пушкинской площади двадцатого апреля. А если все они — ярые противники Председателя КГБ? Правильнее сказать: были ярыми противниками... Может быть, на этом Пленуме что-нибудь произойдет, задуманное Председателем КГБ? Посмотрим. Ждать осталось недолго».

22 апреля 1982 года

Было шестнадцать часов пятьдесят пять минут.

В одной из комнат за кулисами огромной сцены Дворца съездов в Кремле у стола с несколькими телефонами, с монитором, на котором возникали живые картинки до отказа заполненного зала, со стаканом крепкого чая с лимоном сидел Юрий Владимирович Андропов, в безукоризненно сшитом темно-синем костюме, в белоснежной рубашке; черный галстук был повязан аккуратным узлом, седеющие волосы зачесаны назад — тоже с безукоризненной аккуратностью. Председатель КГБ перелистывал страницы доклада, который он произнесет сейчас. Все рассчитано по минутам — доклад на один час. «Почти» — это реакция зала, аплодисменты, которые предусмотрены в определенных местах, но их продолжительность зависит от эмоций, которые, впрочем, тоже были учтены, когда действо в зале Дворца съездов хронометрировалось. Разница с расчетным временем — предположительно — плюс-минус пять минут.

«Что же,— думал хозяин Лубянки,— я вынужден, учитывая фактор времени, въезжать и на Старую площадь, и в Кремль на идеологическом коне по имени «марксизм-ленинизм». Сейчас главное — верховная власть. Смена ее идеологической базы — потом. Потом!.. И, как показал многолетний и горький опыт, не сразу... Ни в коем случае не сразу...»

Щелкнуло в динамике внутренней связи:

— Товарищи, на сцену.

Все дальнейшее — привычно, точно, выверено до мелочей, каждый знает свое место. Вернее, свою роль.

Они — «руководители партии и государства» — направляются к сцене. Во Дворце съездов слышны куранты на Спасской башне — семнадцать часов. Медленно расходится в стороны тяжелый занавес. Первым появляется на сцене Генеральный секретарь ЦК партии, глава Советского правительства, Главнокомандующий и прочая и прочая — в парадном костюме, при всех звездах Героя Советского Союза (и только вблизи можно заметить, что отец нации отрешен, со страшноватой улыбкой на анемичном лице, что дыхание его затруднено и тяжко — это лицо не попадет крупным планом на экраны телевизоров. На крупном плане, уже в конце политспектакля, окажется совсем другая мизансцена)... За Леонидом Ильичом Брежневым следуют ближайшие соратники по установленному ранжиру. Председатель КГБ — седьмым или восьмым номером.

Завтра в «Правде» будет написано: «Бурными, долго не смолкающими аплодисментами, зал стоя приветствует...»

«Ничего, ничего... Подождите».

Торжественное заседание, посвященное сто двенадцатой годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, открывает лиса, хитрая бестия Витя Гришин, первый секретарь МГК КПСС («Ведь я тебя насквозь знаю»).

Звучит гимн Советского Союза. Опять все встают.

— Слово для доклада предоставляется товарищу Андропову Юрию Владимировичу!

В зале, только что слегка шелестевшему,— мгновенная, напряженная тишина.

«Отлично! Не ожидали, сукины дети? Во всяком случае, многие не ожидали. А уж все эти высоколобые советологи и кремленологи, предсказатели хреновы, наверняка предрекли сегодняшнюю трибуну Косте Черненко. Спокойно, спокойно! Никаких эмоций».

Он идет к трибуне не торопясь, но и не очень медленно, встречает взгляд министра обороны товарища Устинова, и тот еле заметно кивает ему.

Юрий Владимирович Андропов на трибуне. Небольшая пауза. Через толстые стекла очков он всматривается в зал. Сплошная масса, сливающаяся в серо-темное полотно. Или поле, которое поднимается вверх под небольшим углом.

Так... Начало. Энергично, с напором. Совсем немного пафоса.

— Товарищи! Гигантская фигура Ленина — революционера и мыслителя, его идеи и его дела обозначили решительный поворот в судьбах человечества. Победа Великого Октября, у истоков которого стоял Ленин, как бы разорвали единое течение исторического времени. («Что верно, то верно!» —

восклицаю я, автор, изнемогающий над мифом об Андропове...) На одном полюсе возник и бурно прогрессирует мир освобожденного труда, устремленный в будущее. На другом — сохранился и еще сохраняется мир эксплуатации и насилия, уходящий в прошлое. Существование и противоборство этих двух миров представляют собой наиболее фундаментальный и глубокий факт социального и политического развития человеческого общества в двадцатом веке.

«Все. Теперь ускорить темп, побыстрее пропустить эту воду... А дальше — убежденность, твердость, нотки если не восторга, то победоносной радости».

— ...Все эти сдвиги, приближающие торжество новой, коммунистической цивилизации, неразрывно связаны с именем, делами, идейным наследием Владимира Ильича Ленина. Ленинизм был, есть и будет победоносным оружием мирового пролетариата, всех, кто борется против старого мира и строит новый мир.

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты».)

Пока аплодисменты гремели, Юрий Владимирович Андропов думал, слепо смотря в зал:

«Интересно, кто из сидящих там прочитал хотя бы основные работы нашего основоположника? Найдется хотя бы один такой? Разве что деятели из Института марксизма-ленинизма во главе с товарищем Егоровым. А любопытно, где там, на каком ряду, его правая рука несравненный Владимир Палыч Заграев? Надо же! Уже работая в институте, правда, младшим научным сотрудником, почитывал «Майн кампф», одновременно работая над какой-нибудь статейкой о теоретическом наследии Владимира Ильича. Да...»

В зале уже была тишина, напряженная и тревожная.

«Что это я? — Он взглянул на часы.— Ничего. Потеряно не больше тридцати секунд. Но... Не отвлекаться, не отвлекаться...

Опять общие места. Скорее, скорее!

Вот! Внимание... Пафос и постепенная теплота в голосе. Чуть-чуть повернуться к нему. Боже! Да слышит ли меня Леня? И вообще, понимает ли он, что происходит?»

— ...И мы имеем полное право сказать: Коммунистическая партия Советского Союза верна великому делу Ленина, верна марксизму-ленинизму. Советский народ, тесно сплоченный вокруг своей родной партии, ее Центрального Комитета во главе с выдающимся ленинцем Леонидом Ильичом Брежневым, уверенно идет по пути коммунистического строительства!

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты».)

Дальше доклад катился как по маслу: все привычно, апробировано, только, пожалуй, в более сжатой форме — молодцы референты и помощники. Ничего не скажешь: молодые мозги.

Однако приближаются несколько,— они отчеркнуты,— которые принципиальны, новы. С одной стороны, кость молодым партийным кадрам всех уровней, пусть грызут ее — пока,— не боясь за свои теплые кресла. С другой — предупреждение всей внутренней фронде: послабления, господа диссиденты и интеллектуалы, в сторону буржуазных «демократических» свобод не будет.

Сейчас, сейчас. Так... В голосе — твердость, спокойствие, немного, совсем чуть-чуть металла.

— ...Если речь идет о наличии в обществе различных несовпадающих точек зрения и интересов, то нет общества, где бы не было подобных явлений *(шорох в зале...)*. Это относится и к социализму, и к капитализму. Однако с той существенной разницей, что при капитализме различие интересов принимает характер классового антагонизма. В политическом плане этот антагонизм находит выражение в существовании различных партий с противоположной классовой ориентацией. Существование, борьба таких партий — действительно признак демократии *(пауза, шорох в зале)*... но демократии формальной, буржуазной, отнюдь не означающей свободы для трудящихся масс.

Поскольку в социалистическом обществе нет частной собственности на средства производства, нет эксплуататорских классов, несовпадение интересов различных социальных групп не доходит до антагонизма. В новом обществе нет почвы для формирования враждебных социализму политических партий. Что же касается учета, сочетания различных интересов, то тут — в зависимости от исторических интересов, конкретных обстоятельств — могут действовать разные механизмы.

В нашей стране и других странах, где существуют однопартийные политические системы, учет той или иной социальной группы и согласование их интересов с общими интересами всего народа осуществляется в рамках одной партии, через всенародно избранные органы власти, через профсоюзы и всю разветвленную систему общественных организаций. В тех же социалистических странах, где существует несколько партий, каждая из них имеет свою социальную опору со своими специфическими интересами. Принципиально важно, однако, что все они стоят на позициях социализма.

Но вот именно это и не устраивает западных проповедников «плюрализма». Они пытаются добиться того, чтобы в

Советском Союзе и других социалистических странах была, пусть даже искусственно, создана организованная оппозиция социализму. Понятно, что этого хотят противники нашего строя. Но советские люди ни за что не согласятся с этим. И они сумеют оградить себя от всякого рода отщепенцев, так и от их зарубежных покровителей. Словом, мы, коммунисты, за развитие демократии в интересах социализма, а не в ущерб ему!

(Из стенограммы торжественного заседания: «Бурные продолжительные аплодисменты».)

...Фу, закончен первый раздел доклада, так сказать, внутренняя ситуация в стране. Теперь второй раздел, он озаглавлен ленинской цитатой: «Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире».

Еще перед началом торжества, листая подготовленный доклад, отпивая мелкими глотками чай с лимоном, перечитав эту цитату, Юрий Владимирович подумал: «А ведь безграмотная фраза! Как-то не по-русски сказано. Кто из референтов мне ее подсунул?»

Что же, старая песня: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» Никуда от набивших оскомину банальностей, суть которых — сплошная ложь, не уйти. Нужно извлечь, где можно, политическую конъюнктурную выгоду сегодняшнего дня. Соответствующие места тоже отчеркнуты.

Итак...

— Когда-то, наверное, будет написана исчерпывающая история нашей эпохи. Можно быть уверенными, что в эту историю золотыми буквами будет вписан тот несомненный факт, что без твердой миролюбивой политики Советского Союза наша планета была бы не только куда более опасным местом для жизни человека, но, вполне возможно, ее уже постигла бы непоправимая беда. И если беды удалось избежать, если мы почти сорок лет живем в условиях мира, если мы уверены в будущем, то огромную роль в этом играла и играет внешняя политика Советского Союза, его борьба против угрозы ядерной катастрофы, за жизнь, за сохранение и процветание человечества.

(Из стенограммы торжественного заседания: «Аплодисменты».)

— Советские люди, все прогрессивные силы земли с большой признательностью оценивают многостороннюю деятельность на благо мира Леонида Ильича Брежнева. Неутомимый труд, самоотверженные усилия, отдаваемые этому благородному делу, снискали Генеральному секретарю ЦК нашей партии самое широкое признание и всенародную благодарность.

(Из стенограммы торжественного заседания: «Аплодисменты».)

«Нет, Леня реагирует. Когда речь заходит о нем, он выбирается из своего полукоматозного состояния. Ишь, вроде даже улыбается. И Костя, хохол деревенский, что-то в державное ушко шепчет. Интересно — что?..»

— Каждое великое дело рождает своих героев, своих подвижников. Таким делом в наше время является борьба за мир. И Леонид Ильич Брежнев, который сам прошел через всю войну, через трудности послевоенной разрухи, ведет эту борьбу решительно, мудро, последовательно, не жалея сил.

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты».)

— ...В ответ на попытки агрессивных сил империализма достичь военного превосходства над Советским Союзом мы будем поддерживать нашу обороноспособность на должном уровне, чтобы, как указывал товарищ Брежнев, надежно обеспечивать обороноспособность нашей страны и всего социалистического содружества.

(Из стенограммы торжественного заседания: «Аплодисменты».)

Черт... Взмок, рубашка прилипла к спине.

Заключение. Напор, энергия, убежденность. Повысить интонацию. В ней наступательные ноты: наше дело правое, мы победим. Итак, вперед!

— Товарищи! Ленинизм имеет историю — историю большую и славную. Но ленинизм не стал и никогда не станет только историей. Живут и будут жить вечно идеи Ленина, освещающие рабочему классу, трудящимся массам путь к социализму и коммунизму. Живут и всегда будут жить дела Ленина, которые открыли великую эпоху практического перехода к новым формам общественной жизни, к социализму. Живет и будет жить созданная Лениным партия, в которой увековечены и его идеи, и его дела. Вся политическая биография нашей партии, все ее развитие находится под могучим воздействием личности Владимира Ильича. Создавая партию, Ленин как бы вложил в нее всего себя! («Что верно, то верно...».— *И. М.*)

«Надо же! Опять вода. Ускорить темп.

Так! Все. Здравицы — несокрушимая вера, пафос, патриотизм».

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза — партия Ленина и ленинцев!

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты».)

— Да здравствует ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс!

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты».)

— Слава великому советскому народу — строителю коммунизма!

(Из стенограммы торжественного заседания: «Продолжительные аплодисменты. Все встают. В зале возгласы: здравицы в честь партии и руководителей государства, в честь советского народа».)

«Так... Сейчас оторут свое статисты. Интересно, сколько им теперь платят? А размещены их группы в зале весьма умело, с учетом акустики: кажется, что все эти восторженные вопли несутся отовсюду, со всех сторон. Впечатляет. Что же, правильно: везде должны работать профессионалы. Да! Ведь сейчас еще — «Интернационал»...»

Пролетарский гимн, исполняемый мощным хором, рвущийся из невидимых динамиков, заполняет величественный зал, сотрясая его стены:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Андропов, чуть повернувшись, видит, как медленно, тяжело поднимается Президиум, Генеральному незаметно помогают встать, поддерживая его большое немощное тело с двух сторон.

«Ничего не скажешь: мир голодных и рабов».

Юрий Владимирович еле сдержал улыбку, гостью не частую на его замкнутом лице.

...Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов!

Зал, похоже, подпевает. Во всяком случае, в первом и втором рядах — видно — кое-кто открывает рот.

Это есть наш последний и решительный бой!
С Интернационалом воспрянет род людской...

«Хорошо, догадались ограничиться одним куплетом и припевом,— думает Председатель КГБ.— Ведь есть в финале строки... Петь этому залу — стыдоба, карикатура. Как там?»

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!

«Хоть стой, хоть падай...»

Это есть наш последний...

«Все! Сосредоточиться. Сейчас — главное».

Пролетарский гимн окончен. Аплодисменты. Здравицы. Зал продолжает стоять. Все взоры устремлены на сцену.

Юрий Владимирович Андропов, не торопясь, спускается с трибуны, шагает вдоль стола Президиума, проходя мимо министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова, чуть-чуть замедляет шаг. Дмитрий Федорович немного наклоняется вперед, приподнимается, протягивает Андропову руку. Улыбка, крепкое энергичное рукопожатие, министр обороны что-то тихо говорит, и ясно: благодарит докладчика за содержательное выступление.

В зале на несколько мгновений замирает, натягивается нервной струной тишина. Магниевые вспышки фотокамер. С трех точек идет съемка телеоператоров («Гена! Крупным планом!»).

Председатель КГБ направляется к своему месту.

Все! Дело сделано: только что этому залу и Президиуму торжественного заседания было продемонстрировано нерасторжимое единство Армии и Комитета государственной безопасности. А еще точнее, все, присутствовавшие здесь, увидели последнюю мизансцену только что разыгранного политического спектакля: у Председателя КГБ в борьбе за верховную власть первый союзник и опора — министр обороны и стоящая за ним военная мощь державы.

Вечером в информационной программе «Время» эту мизансцену увидит вся страна.

25 мая 1982 года

Газета «Правда». Сообщение ТАСС:

«24 мая 1982 года состоялся очередной Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум заслушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнева «О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации».

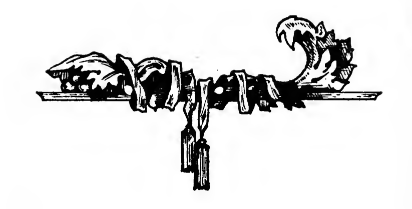
В прениях выступили... (всего двенадцать человек).

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы.

Пленум ЦК избрал секретарем ЦК КПСС члена Политбюро ЦК КПСС тов. Андропова Ю.В.

— перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС т.т. Шалаева С. А., Чазова Е. И., Косгина В. С., директора шахты «Знаменка» Кемеровской обл.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу».

ГЛАВА ПЯТАЯ

29 мая 1982 года

Заседание Политбюро, как всегда, вел Черненко. Леонид Ильич Брежнев отсутствовал, и «правая рука» Генерального, его «верный друг» скромно помещался на стуле рядом с пустующим державным креслом.

— Что же, товарищи,— сказал Константин Устинович с придыханием и легкими хрипами в горле,— повестка фактически исчерпана, все вопросы мы обсудили. Осталось сообщение товарища Андропова. Прошу вас, Юрий Владимирович.

Новый секретарь ЦК КПСС (надо добавить: секретарь по идеологии, то есть теперь фактический преемник покойного Суслова, и об этом не говорилось в сообщении ТАСС, опубликованном в «Правде» 25 мая) неторопливо поднялся, раскрыл папку, заглянул в нее.

В зале повисла пауза. Все смотрели на Юрия Владимировича. Только неутомимый старательный Михаил Сергеевич Горбачев что-то быстро записывал в своем блокноте.

— Товарищи,— спокойно, твердо заговорил бывший Председатель КГБ.— Наши органы безопасности не могут долго оставаться без руководителя. На днях на эту тему у меня был продолжительный разговор с Леонидом Ильичом. Я предлагал кандидатуру товарища Чебрикова. Мой заместитель в курсе всех дел КГБ, словом, передача ему полномочий, мне казалось,— самое верное решение проблемы. Но Леонид Ильич со мной не согласился, он предложил свою кандидатуру...

Андропов перевернул листок в своей папке, и опять возникла тяжелая пауза.

...И в нее — для Юрия Владимировича — вместилась вся картина недавней встречи с Брежневым.

Она состоялась в домашней обстановке, олигархи встретились по-соседски, за чашкой чаю у Леонида Ильича. Получилось так, что Андропов невольно — могло показаться со стороны — напросился на этот «чай». Зная, что Генеральный дома — был вечер,— он позвонил ему:

«Здравствуйте, Леонид Ильич. Извините за поздний звонок. Надо посоветоваться с вами по одному неотложному вопросу».

«По какому, Юра?»

«Необходимо кого-то ставить на мое место в Комитете...»

«Необходимо,— перебил Брежнев.— Ты вот что... Спускайся ко мне, попьем чайку, потолкуем. Жду тебя минут через пятнадцать».

Леонид Ильич принял своего соседа в теплом домашнем халате, в меховых тапочках, небритый, с усталым, сонным лицом. Андропов был, как всегда, в костюме, при галстуке, аккуратен и подтянут.

«Ты прямо как по протоколу,— усмехнулся Брежнев.— Проходи, Юра, нам в моем кабинете чай организовали».

В кабинете царил порядок, чистота, некая пустынность и ощущение, что хозяин здесь не бывает или если и бывает, то очень редко. Небольшая скатерка была накинута на край письменного необъятного стола, и на ней стоял кипящий электрический самовар в окружении чайников, вазочек с вареньями и маслом, сахарницы, фарфоровой розетки в виде распустившейся розы с медом и двух фарфоровых чашек на блюдцах с серебряными старинными ложками.

«Тебе, Юра, с какой заваркой? Вот здесь с травками, а этот — какой-то знаменитый английский сорт. Забыл название».

«Лучше с травками»,— сказал Андропов.

Леонид Ильич, сидя в своем кресле (Юрий Владимирович расположился рядом на стуле с высокой спинкой), с удовольствием, не торопясь, разливал чай.

«Какой дух!» — сказал он, пошлепав губами.

Некоторое время они пили чай в молчании.

«Пусть сам начинает,— думал Андропов,— а я его выведу на цель».

«Так кого же, Юра, ты рекомендуешь вместо себя?» — нарушил молчание хозяин огромной квартиры на Кутузовском проспекте в доме № 26.

«Если из моих заместителей...— Юрий Владимирович помешал чай в своей чашке, тоже в виде распустившейся розы, серебряной ложечкой.— Лучше Чебрикова я никого не вижу».

«И я не вижу»,— вяло, как-то отрешенно согласился Брежнев.

«Одно только обстоятельство,— ускорив темп речи, продолжил вечерний гость Генерального,— все мои замы сидят на Лубянке давно, как и я... По себе сужу...»

«О чем судишь, Юра?»

«Зрение притупляется, Леонид Ильич.— «Хватит. Не пережать. Примет на свой счет».— Неплохо бы человека с опытом, но со стороны».

«Новая метла...— Брежнев перестал потягивать чай, внимательно посмотрел на Юрия Владимировича. Во взгляде не было никакой сонливости, отрешенности, а только одно — настороженность.— Откуда, Юра? Из наших российских вотчин? Или из республик?»

«Думаю, Леонид Ильич».

«И что же надумал?»

«Ну, а как вы считаете, откуда лучше?»

«По мне, так из республик. Человек оттуда меньше повязан в наших московских делах, на первых порах будет от тебя... от нас зависим...»

«Прямо угадываете мои мысли, Леонид Ильич!» — быстро перебил Андропов.

«Кто же там у нас в республиках есть?» — Речь Генерального замедлилась, похоже, он снова начинал впадать в свой полусон: Брежнев устал.

«Пора!» — приказал себе секретарь ЦК КПСС по идеологии.

«Я, Леонид Ильич, перебрал все кандидатуры этого ряда. Лучше Василия Витальевича Камарчука не вижу».

«Знаю, знаю! — победив сонливость, откликнулся Брежнев.— Достойный мужик, крепкий. Ты его кандидатуру на заседании Политбюро обсуди с товарищами».

«Все! Меняем тему!»

«Хорошо, Леонид Ильич. Чаек у вас славный. Вот мяту чую. А еще какая травка?»

«Хрен ее знает, Юра».

«Как весенняя охота, Леонид Ильич?»

«Юра! — воспрянул Генеральный.— Тяга была — страсть! Я двух тетеревов взял! Что, и ты не веришь?»

«Почему же не верю, Леонид Ильич? Господь с вами!»

«Сейчас я тебе расскажу в деталях...»

От вялости и сонливости Брежнева не осталось и следа.

— ...Леонид Ильич предложил на пост Председателя КГБ кандидатуру Василия Витальевича Камарчука, привел свои аргументированные доводы в пользу этой кандидатуры. И я с ним согласился: действительно, товарищ Камарчук прекрасно зарекомендовал себя на Украине. Кроме того, как вы понимаете, новая метла и свежий взгляд нигде не повредят.

По комнате прошелестело нечто — шепоток, колыхание невидимых крыл, и один за другим прозвучали два вопроса:

— А сам Василий Витальевич, он как? Согласен?

— И перемещением его в Москву из Киева мы не оголим КГБ Украины? Обстановка там непростая, особенно в сфере национальных отношений.

Андропов закрыл папку, положил ее на стол перед собой и, легко барабаня по ней чуткими пальцами с аккуратно подстриженными ногтями, сказал:

— Я провел предварительную беседу с товарищем Камарчуком. Он в принципе согласен. Что касается Украины... Естественно, мы не оставим там КГБ без твердого руководства. Кандидатуры уже есть. Вот приедет Василий Витальевич на утверждение, с ним и обсудим эту проблему.

Юрий Владимирович сел на свой стул.

— Значит, так, товарищи,— суетливо заговорил Черненко, перебирая какие-то бумажки, лежащие перед ним на столе,— я ставлю вопрос на голосование...

— Одну минуту,— перебил председательствующего министр обороны Дмитрий Федорович Устинов.— Я думаю вот о чем... Новый Председатель КГБ получит хотя и блестяще налаженное и отлично работающее учреждение... Но оно сложное, специфическое. Словом, я предлагаю за товарищем Андроповым закрепить на какое-то время, скажем, на год, кураторство над органами, пока их новый Председатель всесторонне не войдет в курс дела.

— Правильно! — воскликнул Михаил Сергеевич Горбачев.

А Юрий Владимирович подумал: «Ну, Камарчук на Лубянке у меня долго не задержится. Слишком крут, прямолинеен, диссидентские издания, которые еще сохранились, величают его не иначе как «палачом» Украины. Получив власть Председателя, он может выйти из-под контроля. Во всяком случае, попытается выйти. Но сейчас, скорее всего, на несколько месяцев, он нужен здесь, в Москве, именно в этом качестве — Председатель КГБ под моим руководством».

— Вы, Юрий Владимирович, согласны с предложением товарища Устинова? — спросил Черненко, и в комнате замерла такая тишина, что было слышно, как бьется с жужжанием о стекло окна муха, ожившая под лучами весеннего солнца.

— Вынужден согласиться, Константин Устинович.

— Что же, товарищи, проголосуем по обоим вопросам.

Проголосовали дружно и покорно. Ни воздержавшихся, ни тех, кто «против», не было.

...Юрий Владимирович Андропов поднялся на четвертый этаж, в «свой» кабинет. С двери уже была снята табличка «Михаил Андреевич Суслов», однако новая еще не появилась.

В просторной приемной при его появлении из-за стола с телефонами быстро поднялся секретарь:

— Здравствуйте, Юрий Владимирович!

— Здравствуйте.
— Какие будут распоряжения?
— В архиве несколько ящиков моих документов. Остались от десяти лет работы здесь, в ЦеКа. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы мне их подняли. Хочу кое-что вспомнить.
— Сейчас же займусь этим, Юрий Владимирович.
— Спасибо.
Андропов взялся за ручку тяжелой двери; она открылась легко, бесшумно. И он очутился в кабинете Суслова, хозяином которого теперь стал...
Кабинет был сумрачен, тих, аскетически гол; на окнах задернуты шторы. Дубовый письменный стол гигантских размеров сейчас был пустынен, как футбольное поле без игроков. Над ним портрет Ленина с хитроватым прищуром глаз.
«Будь воля Михаила Андреевича,— подумал Андропов,— на месте Владимира Ильича висел бы портрет Генералиссимуса во весь рост в парадном белом кителе».
По правую руку на столе щит селекторной связи и батарея телефонов.
Перпендикулярно к нему длинный стол для заседаний под темно-бордовой скатертью, по его бокам крепкие стулья, один к одному, как солдаты в строю. У противоположной стены — шкафы с ящичками, в которых размещена знаменитая картотека Главного Идеолога страны — цитаты из произведений классиков марксизма-ленинизма на все случаи жизни (и классовой борьбы, надо добавить).
Андропов нажал кнопку вызова на боковой стороне письменного стола — надо привыкать к забытым порядкам цековских кабинетов.
Бесшумно открылась дверь, появился секретарь из приемной. Это был человек лет сорока пяти, может быть, пятидесяти, с бесцветным незапоминающимся лицом, на котором сейчас застыла печать обреченности («Знает, что я с ним скоро расстанусь»,— подумал Андропов); чем-то неуловимым этот партийный клерк был похож на своего бывшего хозяина.
«Интересно, сколько лет он проработал с Михаилом Андреевичем?»
— Слушаю вас, Юрий Владимирович.
— К завтрашнему дню освободите, пожалуйста, кабинет от картотеки товарища Суслова.
Возникла короткая пауза, наполненная электрическими разрядами недоумения.
— Будет сделано, Юрий Владимирович.
Секретарь вышел из кабинета.
Андропов, дергая за шнурки, раскрыл шторы на окнах — в них хлынул яркий весенний день, и некая безликая тень,

еле ощутимо шелестя крылами, ринулась в дальний темный угол и замерла там, затаившись.

«Да,— размышлял Юрий Владимирович, вернувшись к письменному столу и сев в кресло,— надо здесь формировать свою команду. Фу-ты!.. Какое неудобное кресло: голову откинуть нельзя, ноги не вытянешь, сиди столбом, и твердое чрезмерно. Геморрой у него был, что ли? Кое-кого возьму из Комитета. Но и новых необходимо привлекать, молодых. А каких ребят я собрал вокруг себя за те десять лет! Арбатов, Бурлацкий, Шахназаров, Бовин. Энергичные, «новые», дети XX съезда. Нет, во многом я не принимал их, не вступая в открытую полемику, только слушал, я руководствовался пониманием — надо идти вперед! Они и были людьми будущего, я так воспринимал их и в главном не ошибся... А теперь? Они другие. Прошло двадцать лет... И я другой. Должны у меня появиться сегодняшние «молодые» мозги. Будем искать.

Двадцать лет... В 1957 году в ЦК открылся новый отдел — по связям с коммунистическими партиями социалистического лагеря. Меня отозвали из Будапешта, сразу после того, как была подавлена венгерская контрреволюция. И — на заведование этим отделом. Сказали: награда за деятельность послом в Венгрии во время тех событий. И просидел я здесь, в своем кабинете на третьем этаже, до 1967 года. А ведь считалось, что я работаю под прямым руководством Михаила Андреевича Суслова... Да так и было на самом деле! Главное другое... Было мнение... Надо же! Идиотская в принципе формулировка: «Есть мнение... Было мнение...» Чье? Обезличенное. Конкретных авторов мнения не найти. И вот было тогда мнение, что я лучший ученик «серого кардинала», мы — чуть ли не друзья. Никогда мы не были друзьями! Никогда... Наоборот. Между нами почти сразу возник конфликт. Или, точнее, взаимное неприятие. Мы разные. Он смотрел назад, он был и навсегда остался выкормышем Сталина, а новым веяниям только подчинялся, вынужден был подчиняться. Я смотрел вперед, хотя со временем многое понял в титанической, хотя и кровавой деятельности Иосифа Виссарионовича. Но без крови история, великая история, не творится... Стоп, стоп! Что-то меня заносит. Михаил Андреевич не терпел неподчинения и никогда не забывал обиды, даже самые ничтожные. И ничего не прощал, держа все в своей уникальной памяти. В этом смысле он был очень схож со Сталиным...

Да, да! Он не простил мне первое неподчинение».

...И все это произошло в ту пору, когда Андропов работал в Министерстве иностранных дел, возглавлял Четвертый европейский отдел, который занимался отношениями Советского Союза с Польшей и Чехословакией. После смерти Сталина по инициативе Михаила Андреевича Суслова в Вильнюс (там

сразу после войны он возглавлял Бюро ЦК по Литве) была направлена партийная комиссия под руководством старейшего работника аппарата Центрального Комитета Черноуцана и молодого работника Министерства иностранных дел Андропова для ревизии деятельности партийного руководства Прибалтийской республики, прежде всего первого секретаря ЦК Компартии Литвы Снечкуса — его Главный Идеолог страны подозревал в сепаратистских, националистических тенденциях и в яром антисталинизме, которым в кабинетах и коридорах в сумрачном сером здании на Старой площади — хотя Генералиссимус и отдал душу дьяволу — еще не пахло: до XX съезда КПСС оставалось три года.

Руководители комиссии в Центральном Комитете получили лично от Суслова инструкции и рекомендации: необходимо собрать соответствующие поставленной задаче материалы на Снечкуса и подготовить компромат для снятия его с работы. Однако, всесторонне изучив деятельность республиканской партийной организации, комиссия ничего предосудительного в ней не обнаружила, а товарищ Снечкус в представленном ЦК докладе характеризовался как дельный, компетентный руководитель, «беззаветно преданный нашим идеалам». Разнос руководителей комиссии состоялся в кабинете Маленкова, который, безусловно, действовал по указке Суслова (да и по своей воле: в ту пору Суслов и Максимилиан Георгиевич были едины в понимании задач, стоящих перед партией в сфере национальных и идеологических вопросов).

— Вас зачем туда посылали? — топал ногами товарищ Маленков.

Андропов молчал.

— Нас посылали для того,— невозмутимо говорил Черноуцан,— чтобы мы объективно разобрались в работе партийной организации республики. Что мы и сделали.

— Не занимайтесь демагогией! — кричал Максимилиан Георгиевич, и его круглые крепкие щеки наливались пунцовым румянцем.— Вы получали инструкции от Михаила Андреевича? Получали или нет?

На этот раз промолчал и Черноуцан.

«...Вот с тех пор «серый кардинал» затаил ко мне неприязнь,— думал Андропов, сидя в неудобном сусловском кресле.— И когда меня направили в Венгрию всего лишь советником посла, что являлось явным понижением,— этому перемещению способствовали они оба, Маленков и Суслов. А когда через год меня в Москве утверждали на должность Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Венгерской Народной Республике, только он, Михаил Андреевич, был против. Какой уж тут верный ученик!..»

В дверь постучали, в кабинете появился секретарь приемной.

— Можно вносить, Юрий Владимирович? Всего девять ящиков.

— Вносите.

Двое молодых служащих в синих халатах вошли в кабинет, неся три, поставленных друг на друга, больших ящика, аккуратно перевязанных бечевкой, запечатанной на пересечении сургучными печатями.

— Добрый день, Юрий Владимирович,— сказал один из них.— Куда поставить?

— Пока вон у дальнего окна.— Андропов повернулся к секретарю.— Полки картотеки Михаила Андреевича освободите только от карточек. В шкафах я и размещу те документы из своего архива, которые мне могут понадобиться для работы.

— Хорошо, Юрий Владимирович.

Скоро все девять ящиков возвышались стеной у дальнего окна. Андропов остался один в своем новом кабинете.

«Сначала посмотрю папки с материалами шестидесятых годов,— думал он, испытывая непонятную гнетущую тревогу.— Надо еще раз перелистать материалы о них... О тех, кто работал здесь со мной в те годы. Может быть, и сейчас я кого-то из той команды приглашу к себе».

Юрий Владимирович, глядя на ящики, однако, не спешил подняться из кресла, хотя спина и затекла с непривычки.

«А еще больше он не мог мне простить того обстоятельства, что я стал невольным свидетелем его унижения. И, наверное, всем не мог простить, кто это видел».

Когда это было? Наверное, в пятьдесят седьмом или в пятьдесят восьмом году.

Андропов после Венгрии работал в Центральном Комитете. В конференц-зале проводилось какое-то расширенное заседание, на котором председательствовал Никита Сергеевич Хрущев. Обсуждался один вопрос: работа средств массовой информации в связи с разоблачением культа личности Сталина — кампания только набирала обороты, была в самом пике. Тем не менее Первый секретарь Компартии страны был недоволен темпами и качеством начавшейся работы.

— Повсюду,— бушевал на трибуне Никита Сергеевич Хрущев,— и здесь, в Москве, и на местах дело тормозят скрытые и открытые сталинисты. Очень им хочется поднять из гроба «вождя всех времен и народов» и снова сотворить из него кумира для нашей страны.— И тут глава партии и правительства вдруг резко повернулся к Суслову, окаменело сидевшему в президиуме возле трибуны и опустившему голову вниз.— Вот, пожалуйста! — Хрущев показал рукой на Главного Идеолога. Зал замер.— За рубежом трубят со всех сторон и в газетах и по телевидению... Сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов... Чего сидит? А ждет такого

момента, чтобы сковырнуть меня. За своего любимого Сталина обиделся. Как вы считаете, Михаил Андреевич, правильно говорят западные журналисты?

Полная тяжелая тишина сковала конференц-зал. Все смотрели на Суслова. Смотрел на него и Юрий Владимирович Андропов, сидящий во втором ряду.

На мгновение Михаил Андреевич поднял голову, быстро метнул взгляд по первым рядам, и Андропов встретил этот затравленный взгляд, полный отчаяния, ненависти, черной злобы.

Суслов опять опустил голову к столу и замер, окаменел. На его худом аскетическом лице с впалыми бледно-желтыми щеками все черты застыли — он на глазах у всех превратился в живую мумию.

Странно... Сейчас вспомнить, как дальше проходило то собрание в конференц-зале Центрального Комитета на Старой площади, что еще говорил Хрущев, Юрий Владимирович не мог — перед глазами был только человек-мумия за столом президиума, и нечто трагически-ужасное виделось в его облике, возникшем перед внутренним взором.

Андропов поднялся из неудобного кресла, медленно подошел к ящикам со своим архивом. На самом верхнем была приклеена четверть листа выцветшей бумаги, и его четким разборчивым почерком было написано: «Карелия. Переписка». Сердце забилось часто и сильно.

«Не надо! Мне этого не надо!..»

Но руки, казалось, сами сорвали сургучные печати, развязали бечевки.

Юрий Владимирович открыл ящик. Сверху лежали две папки. На одной было написано — все тем же почерком: «1950 г. Ленинградское дело»; на второй — «Куприянов Г. Н.».

Он взял вторую папку, похоже, повинуясь чьей-то чужой воле, вернулся к письменному столу, сел в сусловское кресло («Мало оно для меня, надо сменить»), дрожащими пальцами развязал шелковые шнурки.

Большой плотный конверт; на нем крупные буквы: Москва, ЦК КПСС, Андропову Ю. В., к нему подклеен листок с машинописной строкой: «Принято 29.8.64 г.». Неразборчивая подпись, печать экспедиции ЦК КПСС.

«Значит, он не отправил его по почте, принес сюда сам. Да, да, было именно так, я вспоминаю...»

Андропов вынул из конверта несколько листов из школьной тетрадки в линейку. Почерк напористый, приземистые, коренастые буквы немного заваливаются вправо.

«Юрий Владимирович!

Мне стало известно, что Ваша жена Татьяна Филипповна, в присутствии ряда авторитетных товарищей-коммунистов, говорила,

что «хотя Куприянова и выпустили из тюрьмы, но все равно он во многом виноват».

«Не читать! Не читать!..»

Однако Андропов уже ничего не мог с собой сделать — он читал дальше.

«Меня возмущает прежде всего тот факт, почему столь безответственные личности, обыватели до мозга костей, в частных разговорах так нагло, бесцеремонно судят о больших вопросах внутрипартийной жизни, о больших государственных делах.

Откуда она все знает? Ведь моего следственного дела, я полагаю, она не читала! Значит, она это говорит, услышав что-то или от Вас, или от другого, близкого ей человека, ответственного работника, занимающего большой пост...»

«Все!.. Теперь Э Т О не остановишь... Надо пережить заново. Опять?.. Да за что же такая мука?..»

Все двери памяти бесшумно распахнулись, через них неслись ледяные сквозняки прошлого, которое, оказывается, никуда не исчезло.

24 — 25 января 1950 года. Карелия, Петрозаводск

В эти дни, метельные, морозные, белые, в столице Карело-Финской Советской Социалистической Республики работал Пленум ЦК Коммунистической партии (большевиков) Карелии, который был созван по инициативе «представителей Москвы».

...И этот Пленум был продолжением кровавого «Ленинградского дела», которое уже завершилось в северной столице России, но волнообразно продолжалось по всему северо-западу страны: добивались бывшие партийные кадры Ленинграда, связанные с «преступной группой А. А. Кузнецова, П. С. Попкова, М. И. Родионова и К°». В списке обреченных был первый секретарь Компартии Карелии Геннадий Николаевич Куприянов, до 1938 года занимавший в Ленинграде крупные партийные посты.

(«Ленинградское дело» — отдельная книга в многотомной эпопее о преступной «сталинской эпохе». Здесь, в этом повествовании, лишь короткая историческая справка о событиях 1949 — 1950-х годов в Ленинграде и окрестностях, без политических характеристик враждующих лагерей. «Ленинградское дело» — это, если до предела обнажить суть происходящего, борьба за власть в верхних правящих эшелонах между двумя группировками: Жданова и его единомышленников, как в северной столице, так и в Москве, и группой Маленкова и Берия. Пока был жив Жданов, глава ленинградской партийной организации и фактический хозяин Ленинграда и области,

он сдерживал и нейтрализовал накал противоборства, часто спасая своих сторонников от прямой расправы.

Тридцать первого августа 1948 года Андрей Александрович скоропостижно скончался.

Умозаключение А. Антонова-Овсеенко: «Не будем удивляться, если когда-нибудь станет известно, что к этому акту Берия руку приложил».

Полгода понадобилось противникам покойного, чтобы сфабриковать «Ленинградское дело». Первые открытые выступления и нападки на ленинградских «врагов народа» начал Маленков, за спиной которого стоял Берия, уже не являвшийся главой Министерства внутренних дел страны, но, безусловно, оставшийся хозяином Лубянки: «В Ленинграде свито антипартийное гнездо, готовится террористический акт, приуроченный к приезду товарища Сталина в город, подаривший миру Октябрьскую революцию» и т. д. Все до боли знакомо и, безусловно, мило сердцу «вождя всего прогрессивного человечества».

Свидетельство И. М. Турко, секретаря обкома в Ярославле, бывшего второго секретаря Ленинградского обкома, которого краснощекий Максимилиан Георгиевич склонял поддержать его в «разоблачении антипартийной группы» в Ленинграде: «Я представлял, что это большой человек, а увидел перед собой хулигана... Он буквально на меня орал, и, кстати, формулировки, которые я от него услышал, затем, на следствии, легли в основу сфальсифицированного протокола».

Четырнадцатого августа 1949 года в Москве, в кабинете Маленкова, были арестованы без санкции прокурора «ждановцы»: бывший первый секретарь Ленинградского обкома партии Кузнецов, его преемник на этом посту Попков, Председатель Совета Министров РСФСР Родионов, председатель исполкома Ленгорсовета Лазутин и первый секретарь Крымского обкома Соловьев, когда-то работавший председателем Леноблисполкома.

«Известия ЦК КПСС», № 2, 1989 г.

«С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группировки Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия — мучительные пытки, побои и истязания.

Для создания видимости о существовании в Ленинграде антипартийной группировки по указанию Маленкова были произведены массовые аресты среди ленинградского партийного актива и руководящих партийных работников, выходцев из ленинградской партийной организации. В Ленинграде раз-

вернулась массовая кампания по замене кадров всех звеньев. В результате этой кампании только в Ленинграде и области в 1949 — 1952 годах было освобождено от работы свыше 2000 руководителей».

...Судебный процесс по «Ленинградскому делу» над «главарями заговора» состоялся в конце сентября 1950 года.

Приговор обвиняемым был вынесен в ночь на первое октября. Родионов, Кузнецов, Попков, Лазутин, а также заместитель Председателя Совета Министров СССР и председатель Госплана Н. А. Вознесенский и второй секретарь Ленинградского горкома партии Я. Ф. Капустин — оба были арестованы в октябре 1949 года — получили высшую меру и немедленно, в ту же ночь, расстреляны.

Это было началом. Волна террора — аресты, «суды», расстрелы,— прокатившись по Ленинграду, ринулась дальше, на север и запад, и в январе достигла Петрозаводска...)

Из стенограммы Пленума ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, состоявшегося 24 — 25 января 1950 года:

«Пленум ведет второй секретарь ЦК КП(б) тов. Андропов Ю. В.
Слушали: «О постановлении ЦК ВКП(б) от 10 января 1950 г. «О работе ЦК КП(б) Карело-Финской ССР». Докладчик — инспектор ЦК ВКП(б) тов. Кузнецов Г. В.

Из доклада тов. Кузнецова Г. В. (24.01.50):

— Первый секретарь ЦК Карелии Куприянов и бывший заведующий отделом ЦК Карелии тяжелой промышленности знали о недостатках в работе Министерства лесной и бумажной промышленности и о неправильном поведении бывшего министра Малышева, но покрывали его безобразия, всячески ограждая от критики. Заведующий отделом легкой промышленности товарищ Башкуров и секретарь ЦК товарищ Андропов, несмотря на сигналы с мест, проглядели факты крупных хищений в мясной и молочной промышленности. И опять-таки здесь вина прежде всего товарища Куприянова, который сквозь пальцы смотрел на подобные факты, тем самым поощряя расхитителей народного добра. И создается впечатление, что первый секретарь ЦК сам заинтересован в подобном положении вещей, очевидно, им преследуются свои корыстные цели. Не исключено также, что у товарища Куприянова есть и политический умысел: у нас имеются сведения, что он поддерживал связи с руководителями ленинградской антипартийной группы, которые, как вам известно, осуждены советским судом и понесли заслуженную кару...

Из выступления тов. Андропова Ю. В. (25.01.50):

— Я признаю, что не проявил бдительность, партийную принципиальность, не сигнализируя вовремя в вышестоящие инстанции о недопустимом, в ряде случаев, поведении товарища Куприянова. Да, между Геннадием Николаевичем и Министерством лесной и бумажной промышленности Союза создались совершенно ненормальные отношения, которые он пытался перенести на других членов бюро, в том числе и на меня. (Реплика из зала Куприянова: «Юрий Владимирович, опомнитесь!..») Куприянов единолично решал важные хозяйственные вопросы республики, ни с кем не советуясь и не считаясь ни с чьим мнением. Теперь я понимаю: вести борьбу с недостатками в нашей республике — это значит вести борьбу с Куприяновым. Такой борьбы я не вел в течение длительного времени. Я с умилением смотрел в рот товарища Куприянова и считал многие вещи совершенно правильными и допустимыми, а возражал только по мелким вопросам, например, в области расстановки кадров. На самом деле это была самая настоящая беспринципная линия соглашательства. Это я понял на Оргбюро ЦК, слушая критику членов бюро и секретарей ЦК не только в адрес Куприянова, но и в свой. Считаю, что Куприянов неправильно вел себя с членами бюро, не признавая никакой критики. Вот и вчерашнее выступление его на нашем Пленуме — та же картина! Я не согласен с этим выступлением товарища Куприянова, считаю его неправильным и ненормальным. (В своем выступлении на Пленуме Г. Н. Куприянов не признал за собой тех ошибок, которые навязывал ему Андропов и послушный хор остальных выступающих, кроме одной: «Я недостаточно мобилизовывал коммунистов на решение хозяйственных задач республики».— *И. М.*) Кроме того, товарищ Куприянов не чист на руку в финансовых вопросах: во время проведения денежной реформы сорок девятого года он незаконно, из партийных денег, положил на свой счет в сберкассе две тысячи рублей. Я признаю себя виновным в том, что не заметил ошибок Куприянова, как и другие наши секретари ЦК. Но я второй секретарь, и, значит, с меня больше спроса...

Из постановления Пленума ЦК КП(б) Карело-Финской ССР 24 — 25 января 1950 года:

...Пункт 19 (всего тридцать пунктов):

Одобрить постановление ЦК КП(б) об освобождении от обязанностей первого секретаря и вывести из состава Бюро ЦК КП(б) тов. Куприянова Г. Н.

Стенограмма Пленума подписана Ю. В. Андроповым.

Куприянов Геннадий Николаевич. Родился 21 ноября 1905 года в деревне Рыло Солигаличского района Костромской области в семье крестьянина-бедняка. 1920 год — вступление в комсомол. 1921 — 1924 годы — боец отряда ЧОН (части особого назначения). Из автобиографии: «Создавал колхозы, руководил выселением кулачества из пределов р-на». С 1926 года — членство в ВКП(б). 1932 — 1935 годы — слушатель Всесоюзного коммунистического университета им. Сталина; в дипломе профессия — пропагандист. 1935 — 1938 годы — на партийной работе в Ленинграде.

Девятнадцатого июля 1938 года избран первым секретарем Карельского обкома ВКП(б).

Во время Великой Отечественной войны Куприянов — организатор партизанского движения в Карело-Финской республике, член Военного Совета Карельского фронта; в конце войны военное звание — генерал-майор.

(Из архива. Телеграмма: «Приказом наркома обороны Сталина второго августа вам присвоено воинское звание Бригадный комиссар. Мехлис».)

Награды Г. Н. Куприянова: два ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Отечественной войны 2-й степени.

После январского Пленума ЦК КП(б) Карело-Финской ССР и его решения об «освобождении от обязанностей первого секретаря и вывода из состава Бюро ЦК КП(б) Карелии» Куприянов был арестован 17 марта 1950 года и отправлен в Москву, в Лефортовскую тюрьму. «Следствие» продолжалось до ноября 1951 года — 4 тома «дела». Допросы вел следователь Мотовкин, по воспоминаниям Куприянова, не без гордости говоривший, что его первый учитель и наставник — Рюмин. Любимый метод ведения допроса — «игра в футбол»: в четыре угла камеры встают «игроки» — Мотовкин и его помощники, а «мяч» — допрашиваемый, который ударами кулаков и ног посылается из угла в угол.

Семнадцатого января 1952 года Военная коллегия Верховного суда СССР подследственному Куприянову Г. Н. выносит приговор: «По ст. 58 (п. 1,7,10, ч. II) и ст. 53 (п.11) — 25 лет лишения свободы в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) с поражением в правах на 5 лет после освобождения и конфискацией всего имущества».

1956 год — Куприянов вышел из заключения на свободу.

1957 год — Геннадий Николаевич полностью реабилитирован и восстановлен в партии.

(Свидетельство Павла Васильевича Селерякова, бывшего главы Петрозаводска в шестидесятые — семидесятые годы:

«В 1957 году, если память мне не изменяет, это было летом в июле или в июне — я оказался в Москве, в кабинете

первого секретаря Представительства Карелии в столице СССР Лубенникова. Мы обсуждали какие-то насущные проблемы республики. В приемной послышался шум, громкие голоса, кого-то не пускала секретарша. Без стука открылась дверь, и в кабинет вошел... Геннадий Николаевич Куприянов. Это был он и не он: изможденный, худой, в серой залатанной робе и в грубых армейских ботинках, лицо в глубоких морщинах, только глаза были прежними — умными, зоркими, полными силы и воли.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал он беззубым ртом, слегка шамкая, но в голосе была насмешка.— Трудитесь в поте лица? Не покладая рук?

Мы молчали. Мы были потрясены...

— Здравствуйте, Геннадий Николаевич,— наконец сказал Лубенников, протягивая ему руку.— Наконец-то...

— Не надо! — перебил Куприянов, не замечая протянутой руки.— Этой темы касаться не будем. У меня к вам единственная просьба: я хочу встретиться с Юрием Владимировичем Андроповым. Ведь он сейчас, вернувшись из Венгрии, работает в ЦК? Возглавляет там какой-то отдел?

— Да, это так,— сказал Лубенников.

— Соедините меня с ним.— И в голосе Геннадия Николаевича прозвучала знакомая неумолимая нота приказа.

Поколебавшись, Лубенников набрал номер. Связь была селекторная, и мы стали невольными слушателями двух состоявшихся разговоров. Вернее — одного разговора...

— Слушаю. Андропов,— прозвучал в кабинете знакомый голос.

— Говорит Куприянов. Я хочу, Юрий Владимирович, встретиться с вами.— Ответа не было.— Я настаиваю...

На Старой площади в своем кабинете Андропов положил трубку.

— Наберите его номер еще раз,— потребовал Куприянов.

Лубенников вращал телефонный диск дважды — Юрий Владимирович не поднимал трубку.

— Ладно! — махнул рукой Куприянов. И ненадолго задумался.— Вот что... Позвоните-ка Никите Сергеевичу. Звоните, звоните.

Лубенников набрал номер телефона главы государства.

— Хрущев слушает.

— Здравствуйте, Никита Сергеевич. Куприянов.

Возникла пауза. Было слышно, как участилось дыхание Хрущева.

— Какой Куприянов?

— Куприянов Геннадий Николаевич, из Карелии.

— Ах, это вы! Рад вас слышать. Рад, что вы...

— Да, да, Никита Сергеевич,— перебил Куприянов,— на свободе, вашими хлопотами.

— Кажется, вы, Геннадий Николаевич, чем-то недовольны? Не понимаю! Ведь вы помилованы!

И тут Куприянов взорвался:

— Мне не нужно от вас помилования! Я отказываюсь от помилования! Я ни в чем не виноват!

— Но ведь вы сами признались... Подписали...

— Подписал! — яростно перебил Куприянов, и из его беззубого рта летела слюна.— Хотел бы я, Никита Сергеевич, видеть тебя на своем месте! Помнится, однажды, на охоте, мы перешли на «ты». Так что, не обессудь. Подписал... Когда тебе на допросах выбивают зубы, ломают ребра... Подпишешь...

— Но и в лагере...— Голос Хрущева был растерянный и виноватый.— Вы... ты создал там какую-то вторую коммунистическую партию, мне докладывали...

— Не партию, Никита Сергеевич, а группу своих единомышленников, таких же убежденных коммунистов, как я... Вот что... По телефону всего не скажешь, не объяснишь. Прими меня, Никита Сергеевич, для принципиального партийного разговора.

— Когда?

— Сейчас, немедленно.

Возникла пауза. Никита Сергеевич Хрущев думал.

— Хорошо. Через час. Пропуск будет на вахте у милиционеров.

Геннадий Николаевич Куприянов вышел из кабинета, не взглянув на нас и не попрощавшись».)

Из автобиографии Г. Н. Куприянова:

«После моего ареста по инициативе Андропова были арестованы за связь со мной: И. В. Власов, П. В. Соляков, А. А. Трофимов, М. Б. Бультянова; снят с работы и исключен из партии председатель Госплана республики Б. С. Алькерович.

Теперь Андропову и его тогдашним приспешникам, таким как Прокконен, Цветков, просто трудно примириться с мыслью, что арестованных по их доносам выпустили на волю. Это не входило в их расчеты».

...С 1 марта 1957 года Г. Н. Куприянов работал директором дворцов-музеев и парков города Пушкина. Он написал и издал несколько книг мемуарного характера; наиболее известная из них — «От Баренцева моря до Ладоги». Но еще больше из написанного Геннадием Николаевичем при его жизни так и не увидело света. Им оставлен обширный архив, хранящийся в Петрозаводске, который ждет своего исследователя и публикатора.

Умер Геннадий Николаевич Куприянов 28 февраля 1979 года, похоронен на старинном кладбище бывшего Царского Села. В газете «Ленинградская правда» 2 марта 1979 года был помещен скромный некролог.

В одной из описей архива Геннадия Николаевича я нашел поблекший листок из школьной тетради. В нем четким, сильным почерком — приземистые буквы чуть-чуть наклонены вправо — записано такое бесхитростное, но рвущее сердце стихотворение:

Сколько людей по подвалам замучено!
Сколько калек и сирот...
Это историей будет изучено.
Правда дорогу найдет!
Вечная память вам, жертвы невинные
Банды садистской, творящей террор!
Кто эти списки кровавые, длинные
Вывесит в залах? Кому — приговор?..
Верю: много имен этих славных
Потомки на бронзе запишут,
И на мраморе стен пролетарских дворцов
Мертвецы оживут и задышат!

29 мая 1982 года

...Юрий Владимирович Андропов неподвижно сидел в кресле, склонившись над листком письма, которое он не мог читать, не хотел,— потому что это было приговором. Или — точнее — приглашением на казнь.

«Но я не мог тогда поступить иначе! — думал он в отчаянии.— Такое было время, такая ситуация в партии. Если бы я стал защищать Куприянова, я бы разделил его судьбу. Может быть, меня бы сейчас вообще не было...»

В то же время Главный Идеолог страны понимал, что все это ложь, жалкий лепет, что нет никакого оправдания. И никогда не будет...

«Прошлого нет, оно не проходит, оно внутри нас. До поры... До какой? Няня Анастасия сказала бы: «До Страшного суда».

И он начал читать обнаруженное в папке письмо дальше:

И в связи с этим я хотел бы услышать от Вас ответ. В чем же я виноват? Может быть, по-Вашему, в чем-то виноваты и И. Р. Соляков, и А. А. Трофимов и И. В. Власов, и М. М. Бультякова, и мои дети, которые после моего ареста были также репрессированы не без Вашего участия?

Я восстановлен в партии без всяких замечаний со стажем с 1926 года. Мне вернули все ордена и восстановили в звании генерала. Если перестраховщики не давали мне больше года никакой работы и не хотят дать той жилплощади, которую я имел до ареста, то это не основание для того, чтобы любая тварь могла позорить меня где угодно и как ей вздумается. Отсюда возникает и та политика, которую проводят с Вашего согласия некоторые ответственные работники Карельского обкома, вроде Татурщикова, который уже после XX съезда

дает письменные официальные справки, что «Куприянов исключен из партии и снят с работы». (Копию такой справки я Вам посылал.)

Я прошу ЦК уже два года: сдержите этих циников. Но все молчат, и это дает мне основание считать, что Татурщиков действует с Вашего согласия и по Вашему указанию.

Я никогда не был карьеристом, и на моей совести нет ни одного человека, которого я бы облил грязью с официальной трибуны после его ареста. Я не искалечил ни одной человеческой жизни.

Я бы не просил ни у кого и этой работы, которую мне сейчас дали, если бы во время допросов мне не сломали руку. Со здоровой рукой я пошел бы работать по старой специальности — плотником. Но, к сожалению, не могу работать топором или лопатой. Кроме того, когда я работал в каменном карьере в каторжном лагере, мне камнем повредили ногу.

Я ничего не прошу у Вас, но как член партии требую ответа.

Если у Вас есть какие-то обвинения против меня, если я, по-Вашему, в чем-то еще виноват, то честно и открыто, как и полагается в партии, предъявите мне эти обвинения и дайте мне возможность объяснить, ответить на них.

Если никаких обвинений нет, то прекратите дискредитировать меня хотя бы по линии официальных партийных органов. Я знаю, что не заткнешь глотку каждому обывателю. Но когда жена секретаря ЦК, используя свое положение, льет грязь на коммуниста с сорокалетним стажем, на генерала, честно воевавшего и не прятавшегося от опасностей войны за свои болезни и за свою номенклатурную бронь, на человека, который четырнадцать лет был депутатом Верховного Совета и кандидатом в члены ЦК ВКП(б),— это омерзительно.

Неужели и Вы испытываете удовольствие бить лежачего? Это несовместимо со званием секретаря ЦК.

Неужели Вы еще не удовлетворены тем, что вместе с И. И. Цветковым вылили на меня ушат грязи с официальной трибуны и наклеили на меня массу всяческих ярлыков. Ведь после моего ареста Вы не называли меня иначе как «бандит Куприянов». А сейчас высшие партийные и государственные органы сказали и записали, что Куприянов ни в чем не виноват. Так что Вам от меня надо? Это решение обязательно для каждого члена партии, в том числе и для секретаря ЦК.

Я не могу, конечно, заставить Вас разобраться со всем этим. Вы просто отмалчиваетесь, как Вы отмалчивались с ответом на мое апрельское письмо. В апрельском письме я просил Вас принять меня для того, чтобы уточнить Вашу точку зрения на отдельные события минувшей войны на Севере, на событие, свидетелем и участником которого Вы были. Вы уклонились от ответов. Хотя от ответов на такие вопросы никогда не уклоняются даже подлинно великие люди, великие революционеры, маршалы, убеленные сединами и покрытые ранами в боях за Родину. Старые большевики, работавшие с Лениным, находят время на это. И так пренебрежительно, по-барски, не относятся к письмам. Я снимаю свою просьбу о приеме, для меня сейчас все предельно ясно. Кстати говоря, я не прошу уже откликнуться на мою просьбу о поездке в Финляндию. И этот вопрос отпадает. Если потребуется, я обращусь с этой

просьбой к Н. С. Хрущеву. Мне просто хотелось бы посмотреть, узнать и прочувствовать, как изображаются и оцениваются некоторые моменты войны противником.

Но я уверен, что добьюсь решения или официального указания, чтобы меня перестали травить и наказали тех, кто этим занимается, если меня вынудят даже обратиться с официальным письмом в Президиум ЦК или к съезду партии.

28.VIII.64. *Г. Куприянов»*.

...Андропов резким жестом оттолкнул от себя листки письма, и они, вспорхнув со стола, разлетелись по полу.

«Не отвечал на письма, отказывал в приеме... Как будто бы он не понимал почему... Как будто бы ничего не было тогда, в июле пятьдесят седьмого... Я не истукан!.. Я тоже человек...»

Но не было ощущения ни силы, ни своей правоты, ни уверенности в будущем.

«Прочь! Прочь! Не расслабляться! Заново пережито — и все! И — никто ничего не знает. Он сдержал свое слово...»

Юрий Владимирович! Не забывайте один из главных законов человеческого бытия: рано или поздно тайное становится явным — или в этой жизни, или за ее пределами. От Страшного суда не уйти.

Из неопубликованной рукописи Г. Н. Куприянова «Партизанская война на Севере»[1].

...Большую, беспокойную и очень кропотливую работу по подбору людей для деятельности в подполье, разработку заданий по каждому району, организацию переброски людей в тыл врага, постоянную связь с подпольем и повседневное руководство подпольными райкомами вел Иван Владимирович Власов. Это был безупречно честный человек, скромный и умный. Настоящий коммунист. Он несколько раз ставил передо мной вопрос о том, чтобы я послал его на работу в подполье, что он организует сеть партийных и комсомольских организаций по всем оккупированным районам, где есть население.

Я категорически отказал ему в этом, так как не видел человека, который смог бы быстро освоиться с делом и полностью заменить И. В. Власова на посту заведующего орготделом.

Кроме того, я хорошо знал, что у него слабое здоровье, хотя он никогда в жизни не говорил мне о своих болезнях и не жаловался на плохое состояние здоровья. Правда, Иван Владимирович говорил

---

[1] Хранится в Государственном архиве общественно-политических движений и формирований Карелии, в г. Петрозаводске.

мие, что его во всей работе по руководству подпольем с успехом может заменить Ю. В. Андропов, секретарь ЦК комсомола республики. Поскольку-де он посвящен во все дела подполья, знает людей. И имеет неплохие способности организатора. Действительно, Юрий Владимирович был единственным помощником Ивана Владимировича во всех делах подполья. И много делал по подбору кадров, по организации переправы людей в тыл врага, но полностью заменить И .В. Власова он не мог. Когда я категорически отказал И. В. Власову послать его в тыл врага, он предложил послать на подпольную работу Ю. В. Андропова.

Характерно, что в это же время, когда Власов поставил вопрос о посылке Андропова секретарем подпольного горкома в г. Петрозаводск, секретарь ЦК по кадрам А. С. Варламов поставил вопрос о посылке Андропова комиссаром партизанского отряда «Комсомолец Карелии».

А. С. Варламов мотивировал посылку Андропова тем, что Юрий молодой, здоровый парень, чего ему околачиваться в тылах? В комсомоле республики остались одни девушки — подростки пионерского возраста. А в ЦК комсомола хватит работников и без Андропова — пусть повоюет. И будет очень хорошо, если комсомольский партизанский отряд возглавит секретарь ЦК комсомола. Единственно, что делает Андропов, говорил Варламов, так подбирает кадры Власову для посылки в тыл. Но это с успехом сделает любая из девушек, которые работают в ЦК комсомола.

А. С. Варламов, конечно, немного утрировал. В комсомоле были не только девушки-подростки. Но численность комсомольской организации республики действительно уменьшилась во много раз по сравнению с 1941 годом. И большой нагрузки в ЦК комсомола, конечно, не было. В аппарате ЦК комсомола в 1943 году работало двадцать пять человек. И конечно, с руководством тремя тысячами комсомольцев они легко справились бы и без Андропова. Но Юрий Владимирович сам не просился послать его на войну, в подполье или в партизаны, как настойчиво просились многие работники старше его по возрасту. Больше того, он часто жаловался на больные почки. И вообще на слабое здоровье. Был у него и еще один довод для отказа отправить его в подполье или в партизанский отряд: в Беломорске у него жила жена, она только что родила ребенка. Все другие работники жили без семей. Как ее оставишь? — говорил Юрий Владимирович. А его первая жена, жившая в Ярославле, забрасывала нас письмами с жалобой на то, что он мало помогает их детям, что они голодают и ходят без обуви, оборвались. И мы заставили Юрия Владимировича помогать своим детям от первой жены».

Свидетельство Евгении Юрьевны Волковой, дочери Андропова от первого брака, в жанре интервью:

— Евгения Юрьевна, вы помните своего отца в ту пору, когда ваша семья переехала из Рыбинска в Ярославль в тысяча девятьсот тридцать восьмом году?

— Нет, не помню. Ведь в ту пору мне было два года. А брат Володя родился уже в Ярославле, в тысяча девятьсот сороковом году. Впрочем... Какие-то смутные воспоминания есть: папа большой, добрый, вроде бы я сижу у него на коленях, стол накрыт, обед или ужин, что-то вкусное приносит из кухни няня Анастасия, тетя Настя...

— У вас была няня?

— Да! У нас была замечательная няня! Она появилась в нашем доме уже в Ярославле, когда мама родила Володю, и вызвал ее отец... Может быть, даже ездил за ней в Ставропольскнй край, в станицу Начутскую, где пятнадцатого июня тысяча девятьсот четырнадцатого года он родился. Дело в том, что тетя Настя была там и его няней с самого рождения. Это была замечательная русская женщина! Мы с Володей выросли у нее на руках, она стала добрым ангелом нашей семьи, просто родным человеком. После того как отец ушел от нас, женившись в Карелии на другой женщине, тетя Настя осталась жить с нами и, окончательно став членом нашей осиротевшей семьи, прожила у нас всю свою долгую жизнь. От нее я н узнала многое и о своем отце, и о его родителях, и о том, как мы жили в Ярославле во время войны, в номенклатурном доме на улице Советской, четыре, где отец, первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, получил замечательную квартиру, нас из нее не выгнали.

— Что же вы узнали от вашей няни о родителях Юрия Владимировича?

— Его отец, мой дед, был из казаков, ведь станица Начутская — казачья, работал на железной дороге инженером, а мать Юрия Владимировича, моя бабушка,— подкидыш.

— Подкидыш?

— Да. Тетя Настя называла фамилию, но я забыла. Кажется, ее подкинули в купеческую семью.

(Архив. Личное дело Ю. В. Андропова. Из автобиографии: «Отец был из донских казаков, железнодорожный служащий, мать из мещан. Мать умерла в 1919 году, когда мне было пять лет, отец — в 1929 году. Мать моя родителей не помнила, она в младенческом возрасте была подкинута в семью купца Флекенштейна и воспитывалась в ней до шестнадцати лет. Рано вышла замуж и вскоре после моего рождения развелась с мужем. Ее второй муж, мой отчим,— Федоров Виктор Алексеевич. В его семье я воспитывался вплоть до окончания железнодорожной школы в 1930 году, до начала самостоятельной жизни».)

— Евгения Юрьевна, а что рассказывала няня Анастасия о вашей жизни в Ярославле во время войны?

— Рассказывали и тетя Настя, и мама. Да и я кое-что помню — за годы войны подросла. Мы бедствовали: было голодно, все обносились... Только один пример. Ведь мы жили в доме ярославской партийной номенклатуры. У них — спецпайки, спецснабжение. А у нас скудные карточки. Выручала тетя Настя. Она у наших соседей выполняла всякие работы: стирала белье, мыла полы, производила генеральные уборки. Расплачивались и деньгами, и продуктами, и обносками: дырявые чулки, рубашки... Тетя Настя собирала отходы с барского стола. Там часто выбрасывали зачерствевший хлеб, подгнившую картошку. Все это она приносила домой... И сейчас мне кажется, что я ничего вкуснее не ела того хлеба, тщательно очищенного от верхнего слоя и поджаренного на подсолнечном масле.

— Неужели отец совсем не помогал вам в ту трудную пору?

— Нет, не помогал. Впрочем... Может быть, и помогал. Я не помню. А мама избегала говорить с нами на эту тему.

— Почему?

— Почему?.. Потому что моя мама, Нина Ивановна Енгалычева, любила моего отца. Любила его всю жизнь, до самой своей смерти. И она не хотела говорить о нем плохо. Никогда!..

— А няня Анастасия — говорила?

— Да... Однажды, без мамы, тетя Настя сказала мне: «Когда твой отец уезжал в Петрозаводск на новую работу, я спросила у него: «Почему ты не берешь с собой свою семью?» Он ответил: «Пока там нет квартиры, негде жить». И тогда я ему сказала: «Юра, ведь ты от нас уезжаешь навсегда, ты уже не вернешься». И он ничего не ответил».

— Ваша няня что-то знала?

— Да, наверное, знала. А может быть, что-то понимала в моем отце.

— Что, Евгения Юрьевна?

— Не знаю...

— Юрий Владимирович писал вам письма из Петрозаводска и потом из Москвы?

— Нет, никогда не писал. У нас нет ни одного его письма. Было бы — я бы сохранила.

— А Нина Ивановна встречалась с ним когда-нибудь?

— Нет, никогда, ни разу.

— А вы?

— Были три встречи. После окончания школы. Не по его инициативе, а по желанию его второй жены, Татьяны Филипповны. Она хотела наладить родственные связи между детьми Юрия Владимировича, мной и Володей — с одной

стороны и Игорем и Ириной — с другой. Но из этого ничего не получилось...

— А ваши встречи с отцом? Какие они были?

— Я не хочу об этом рассказывать. Ну... Он тяготился ими, спешил, оглядывался.

— С вашим братом, Володей, он тоже встречался?

— Нет, не встречался... Не успел.

— В каком смысле — не успел?

— Володя, еще совсем молодым, попал в дурную компанию. Они совершили преступление, Володя был осужден, оказался в колонии.

— И Юрий Владимирович...

— Нет, он ничего не сделал, чтобы помочь Володе, вытащить его оттуда. Хотя ему для этого нужно было только шевельнуть мизинцем.

— Может быть, он не знал?

— Он знал. Ему сообщали об этом. Володя рано умер. Он пил... И на его похороны отец не приехал.

— Чем вы объясняете такое поведение Юрия Владимировича — и по отношению к вам с Володей, и к вашей матери?

— Не знаю! Не знаю! Не знаю!..

— Простите, Евгения Юрьевна. Последний вопрос. Вы осуждаете своего отца?

— Нет... Я его не осуждаю. После его смерти я ему все простила.

Записано 18 ноября 1995 года.

«...Все это, вместе взятое, ие давало мне морального права примеиить высшую силу, высшее право послать Ю. В. Андропова в партизаны, руководствуясь партийной дисциплиной. Как-то иеудобно было сказать: «Не хочешь ли повоевать?» Человек прячется за свою номеиклатурную броиь, за свою болезнь, за жеиу и ребеика. На фронте ие было чрезвычайного положения. «Подождем! — думал.— Может, сам поймет! Может, будет еще иеобходимость, тогда пошлем». И Юрий работал, энергично помогая Власову подбирать кадры для посылки в тыл врага и организовывать их переброску. Мне казалось, что ои работает от душн. Верит в дело, которому служит, считает свою работу нужной н полезной н гордится по-хорошему тем, что ему удалось сделать в развертывании подпольиой работы в тылу врага. По крайней мере, до осенн 1949 года я искренне верил, что это было именно так. Тем более что Власов часто говорил мие, что Юрий Владимирович ему очень миого н хорошо помогает.

В нюле 1949 года, когда руководящие работники Леиинграда былн уже арестованы, Малеиков начал присылать к нам в Петрозаводск комиссию за комиссией, чтобы подбирать материал для ареста меия и других товарищей, ранее работавших в Леиииграде.

В июле вызвали в Москву Ю. В. Андропова, он сидел там десять дней, объясняя Шкирятову, почему на Беломорском рыбзаводе ревизия обнаружила недостачу. Рыбной промышленностью занимался Андропов, он тогда был уже вторым секретарем ЦК КП и, конечно, мог лучше меня объяснить положение. Затем меня вызвали срочно в Москву. Шкирятов очень ругал меня и мне на вид поставил непорядки на Беломорском рыбзаводе. Все свалили при помощи Андропова на меня. Это было начало в подготовке к аресту.

Затем мне разрешили ехать в отпуск. Во время моего отсутствия приехала комиссия ЦК ВКП — искали непорядки. В начале октября меня снова вызвали в Москву — уже с официальным отчетом. Отчет не состоялся. Очевидно, было мало материалов для обвинения.

В конце октября приехала еще одна комиссия, снова искали подходящие материалы. И вот инспекторы ЦК ВКП(б) Е. Кузнецов и Левый по подсказке МГБ взялись за материалы о работе подпольных райкомов.

Они смотрели материалы по Шелтозеру, по Ведлозеру, Сегозеру и Олонцу и сказали, что они не верят никому из тех, кто работал в тылу врага и остался жив. Как утверждали они: это двойники. И что все они продались оккупантам и работали на них. А мы — работники ЦК КП — Куприянов и Власов — политически близорукие люди, не только не понимаем этого, но носимся с подпольщиками и превозносим их работу, просим наградить их орденами. А на самом деле каждого из тех, кто работал в тылу врага, надо тщательно проверять и ни в коем случае не допускать на руководящую работу. Кое-кого и арестовать! А мы их держим на руководящей работе. Горбачева, секретаря подпольного Шелтозерского РК, послали, например, в Сортавалу на самую границу с Финляндией. К тому же всем бывшим подпольщикам мы вернули партдокументы. Что за такую политическую близорукость, говорили Кузнецов и Левый, ЦК ВКП(б) крепко нас накажет. Я сказал, что у меня нет никаких оснований не доверять людям, что все они честные и преданные партии, что свою преданность Родине они доказали на деле, работая в тяжелых условиях, рискуя жизнью.

Весь этот разговор происходил в ЦК партии Карелии, присутствовали все секретари. Я сказал, ища поддержки у своих товарищей, что вот Юрий Владимирович Андропов, мой первый заместитель, хорошо знает всех этих людей, так как принимал участие в подборе, обучении и отправке их в тыл врага, когда работал первым секретарем ЦК комсомола, и может подтвердить правоту моих слов. И вот, к моему великому изумлению, Юрий Владимирович встал и заявил: «Никакого участия в организации подпольной работы я не принимал. Ничего о работе подпольщиков не знаю. И ни за кого из работавших в подполье ручаться не могу».

Я не хотел верить своим ушам и только сказал: «Юрий Владимирович, я не узнаю вас!»

Спорить было бесполезно. Андропов, как умный человек, видел, куда клонится дело, он предвидел мою судьбу, может быть, даже во много раз лучше, чем я сам, ибо был посвящен Шкирятовым и

К" во все, что готовилось против меня, и поспешил отмежеваться. А ведь до этого в течение десяти лет у нас не было с ним разногласий ни по одному вопросу.

И это отречение Андропова от дела, которым он занимался (на это ведь есть архивные документы), было продиктовано, естественно, не скромностью. Разговор шел не о награде орденом за организацию подпольной работы. От ордена, я уверен, он бы не отказался».

Когда политическая карьера Андропова — после венгерского синдрома — уже в Москве резко пошла вверх, когда он стал членом ЦК партии и, наконец, возглавил Комитет государственной безопасности,— официальными биографами нашего героя, верноподданными журналистами в Карелии и Москве, некоторыми бывшими соратниками постепенно был создан романтический образ молодого подпольщика, организатора партизанской войны в Карелии, мужественного и отважного, бесстрашного, не раз оказывавшегося в тылу врага, личным примером воодушевлявшего партизан, талантливого организатора, стратега, пламенного оратора (что верно, то верно: в ораторском искусстве — в отличие от своих косноязычных коллег и тогда, во время войны, и позже — Юрий Владимирович преуспел).

Но вот незадача... Если поставить в стройный ряд все партизанские и подпольные подвиги молодого Андропова, появившиеся в его военной биографии из-под пера услужливых писак, то его грудь должна была быть украшена, как минимум, десятком боевых наград, таких как «Партизану Отечественной войны» 1-й или 2-й степени, «Защитнику Ленинграда», «За победу над Германией», орденами Красной Звезды или Красного Знамени, орденом Славы, орденом Великой Отечественной войны, а по совокупности содеянного и на Звезду Героя потянуть бы могло...

Однако за свои деяния во время партизанской кампании в Карелии Юрий Владимирович удостоен лишь медали «Партизан Отечественной войны» 1-й степени, которую в юбилейные даты получали все, кто участвовал в партизанском движении. Не густо, не густо...

«...Это было продиктовано исключительно большой хронической трусостью и удивительным даром приспособленчества, которыми обладает этот человек, безусловно наряду со многими положительными качествами, которые он несомненно имеет. Я не хочу отрицать наличия у него этих положительных качеств. Но дар приспособ-

ленчества ему очень успешно позволяет использовать все остальные положительные качества в достижении личных целей карьериста.

Этот дар быстрого перевоплощения несомненно является положительным для клоуна и артиста. Может быть, для дипломата. Партийный работник, обладающий таким даром и использующий его в целях личной карьеры, называется хамелеоном — приспособленцем. Или попросту политической мадам фюр-алле. Такова правда истории, правда жизни.

Я надеюсь, что еще коснусь подробнее вопроса о И. В. Власове и Ю. В. Андропове, когда закончу писать о войне на Севере и начну писать об арестах 1949 — 1952 годов, о годах тюрьмы, допросах и материалах обвинения, о людях, которые фальсифицировали обвинения ради безудержного властолюбия и карьеризма. И я расскажу о нашей встрече с Ю. В. Андроповым в 1957 году, когда я только что был освобожден из тюрьмы, если, конечно, это можно назвать встречей...[1]

Не так легко и не совсем приятно писать плохое о человеке, с которым работал десять лет, которого до 1949 года я очень любил и уважал, защищал, когда, возможно, надо было наказывать, о человеке, который много раз в присутствии товарищей называл меня своим учителем. Нелегко признавать свою ошибку в оценке этого человека в прошлом. И все это еще более усложняется тем, что он занимает сейчас большой руководящий пост в партии. В 1949 году, услышав его предательские, трусливые слова о подпольщиках, я думал, что это у него просто от природной трусости затряслись коленки. И до 1956 года все-таки считал его коммунистом. Знаю, что все, что я пишу, пройдет через много мытарств и даже вызовет недовольство у некоторых похожих на Ю. В. Андропова людей. Но верю: все это в конце концов будет когда-то напечатано. Ибо это правдивые показания живого свидетеля перед высшим судом истории. А на суд истории приходят и мертвые. И многие сотни моих современников, работавших в те годы в Карелии, как те, которые сейчас живы, так и те, кто безвременно ушли из жизни, подтвердят эти показания. Все мы придем на этот суд истории и громко заявим: «Мы обвиняем Ю. В. Андропова в карьеризме и приспособленчестве, клевете и шкурничестве». Мне бесконечно жаль Ивана Владимировича Власова, этого честного, скромного труженика, настоящего коммуниста, верного солдата нашей ленинской партии, ставшего жертвой властолюбия и карьеризма Андропова. Мне жаль тех товарищей, которые работали в тылу врага, переносили огромные трудности и лишения, рисковали жизнью во имя защиты Родины, но даже не получили никакой награды. Хотя многие из них достойны высшей награды.

В 1944 году Маленков отклонил наше представление к награде партизан и подпольщиков, и многие оставшиеся в живых подпольщики не получили никакой награды. Хотя, безусловно, ее заслужили.

---

[1] Увы! В архиве нет этих воспоминаний Г. Н. Куприянова. Одно из двух: или их не успел написать Геннадий Николаевич, или кто-то изъял из рукописи страницы об этой встрече.

Больше того, в 1950 году, после моего ареста, некоторые из подпольщиков были арестованы, некоторые сняты с работы по инициативе Ю. В. Андропова. Их всех огульно подозревали. Андропов очень быстро приспособился к обстановке, получил большое доверие у Маленкова, Берия и К°. И это было то самое время, когда мне предъявили обвинения во вредительстве, умышленном засорении пограничных районов республики политически неблагонадежными людьми (имелось в виду переселение в республику финнов-ингерманландцев в 1949 году), в выдвижении на руководящую работу подозрительных лиц, работавших в тылу противника во время войны. И вот Андропов, работавший рядом со мной десять лет, последние три года перед моим арестом бывший моим первым заместителем, получает повышение: его через год после моего ареста берут в аппарат ЦК КПСС, затем посылают на дипломатическую работу. Но и за последний год «своей деятельности» в Карелии Андропов успел многое: продолжал работать вторым секретарем, затем долго замещал первого во время болезни Кондакова, сменившего меня, именно в это время он начал избивать кадры за связь с Куприяновым. Именно за это избиение кадров, «за решительное выкорчевывание куприяновщины, ликвидацию вредительской деятельности Куприянова и разоблачение приверженцев Куприянова» Андропов получил исключительно большое доверие Маленкова, Берия, и через это он добрался до большой власти.

После меня были арестованы В. М. Виролайнен и И. В. Власов, П. В. Соляков и А. Л. Трофимов, подпольщица Бультякова и ряд других. И «дела» их состряпаны Андроповым.

Все эти замечательные люди и честные, мужественные коммунисты сейчас полностью реабилитированы. Многие работники, как В. И. Васильев, М. Ф. Королев — оба великолепные организаторы партизанского движения в республике в годы войны, после моего ареста были сняты с работы Андроповым. Им тогдашний ЦК Компартии Карелии выразил политическое недоверие. Было снято и еще много работников, работавших со мной в годы войны и после нее.

В общем, во время карельской и начала московской карьеры Андропова укорочено и искалечено много человеческих жизней, в том числе и детей. Я считаю, что прав философ Браун, когда в своей книге «Коммунизм и христианство» говорит: «Не считая смерти, уничтожающей всякое сознание, самым безнравственным и самым бесчеловечным является сокращение сроков жизни, а наряду с этим уменьшение счастия жизни».

28 июля 1957 года

Парадная дверь ЦК КПСС на Старой площади открылась, и перед оторопелым милиционером, находящимся на вахте, предстал человек, появление которого здесь казалось невероятным и кощунственным: арестантская роба, серые мятые брюки, разбитые ботинки с порванными шнурками, измож-

денное, заросшее сивой щетиной лицо в резких морщинах, седые волосы.

— В чем дело? — ринулся к нему краснощекий лейтенант милиции в новой форме, сидевшей на нем ладно и щеголевато.— В чем дело, я спра...

Он встретил прямой, жесткий взгляд умных молодых глаз и осекся.

— Моя фамилия Куприянов. Никитой Сергеевичем Хрущевым мне назначена встреча.

— Да, да, Геннадий Николаевич! — К нему уже спешил второй милиционер, пожилой, с интеллигентным лицом капитан.— Проходите, пожалуйста! Никита Сергеевич позвонил. Только одна формальность... Будьте любезны — ваш паспорт.

Куприянов из кармана робы вынул листок бумаги, сложенный вчетверо, протянул его пожилому милиционеру:

— Я еще не получил паспорт. Вот документ, свидетельствующий об освобождении.

Через полминуты, возвращая «документ» Геннадию Николаевичу, милиционер вручил ему листок, сверху которого было крупно напечатано «Пропуск».

— Перед тем как возвращаться,— сказал капитан милиции,— у секретаря Никиты Сергеевича вам поставят время и...

— Знаю, знаю,— перебил Куприянов, принимая пропуск.

— Пятый этаж, Геннадий Николаевич.

Возле лифта он задержался у длинного списка с перечнем фамилий, этажей, кабинетов. Андропова Ю. В. отыскать было легко — список шел в алфавитном порядке.

«Значит, третий этаж. Поехали!»

...Он подошел к двери, за которой помещался недавно созданный новый отдел международных отношений ЦК — «по связям с коммунистическими партиями и правительствами социалистических стран». Этот отдел всего три месяца и возглавлял Юрий Владимирович Андропов.

Куприянов несколько мгновений стоял перед дверью в оцепенении, потом глубоко вздохнул. Дверь была открыта резким сильным движением, он оказался в приемной. Секретарь, молодой человек лет тридцати, был так ошеломлен возникшим перед ним посетителем, что даже не поднялся со своего стула, лишился дара речи...

Несколько секунд Куприянову хватило, чтобы пересечь приемную и открыть дверь кабинета. Кабинет был просторен, в два окна. За ними стоял погожий летний день. Комната была залита ласковым солнечным светом.

Юрий Владимирович сидел за письменным столом, погруженный в чтение какого-то журнала. К столу вела ковровая дорожка.

На звук закрывшейся двери он поднял от журнала голову.

По ковровой дорожке к нему медленно шел Геннадий Николаевич Куприянов.

Андропов, загипнотизированный взглядом незваного гостя, поднялся, подавшись вперед, и с ужасом смотрел на Куприянова безумными глазами, которым толстые стекла очков придавали нечто сатанинское.

— Вы?.. Вы?

— Я,— сказал Куприянов, вплотную подойдя к письменному столу.

Теперь они стояли друг против друга, и только небольшой канцелярский письменный стол разделял их.

— Тебе нечего мне сказать, Юра? — Голос неожиданно стал хриплым.

Андропов молчал...

— Нечего...— Геннадий Николаевич глубоко вздохнул, чтобы хотя бы немного успокоиться.— И мне нечего тебе сказать...

Правая, искалеченная на допросах рука с трудом поднималась до плеча, и поэтому Куприянов, неумело размахнувшись левой, ударил по щеке Андропова, который даже не сделал попытки уклониться, не сильно, но оглушительно: показалось даже, что звонкое эхо укатилось под высокий потолок.

Да, удар был несильный, но оказался достаточным, чтобы Юрий Владимирович, потеряв равновесие, рухнул на стул. От резкого рывка головы на стол упали очки.

И впервые Куприянов увидел глаза своего «верного ученика», своего выкормыша, без очков... Такие глаза не могли принадлежать человеку — они мерцали голубовато-розовым потусторонним светом и наверняка — в одно мгновение подумалось Геннадию Николаевичу — будут так же светиться в полной кромешной тьме.

— Это тебе, гаденыш,— прохрипел Куприянов,— и от меня, и от тех, кто уже не встанет из могил... От всех... От нас, кого ты...— Не хватало воздуха, все вокруг потемнело. «Только бы не здесь...» — Геннадий Николаевич с трудом, тяжко, глубоко вздохнул. Солнечный свет вокруг него постепенно стал восстанавливаться. Он заставил себя улыбнуться, увидев, что Андропов трясущейся рукой нашарил очки и быстро надел их.— Если будешь звонить, принимать меры... Меня сейчас легко найти: я у Никиты Сергеевича Хрущева.

Андропов молчал... На него было невыносимо смотреть.

Куприянов тяжело зашагал прочь по ковровой дорожке.

Уже у двери обернулся:

— Одно тебе обещаю... От меня об этой нашей встрече никто никогда не узнает.

И Геннадий Николаевич вышел из кабинета.

Рука Андропова рванулась к телефонной трубке, но тут же, как бы сама, инстинктивно отдернулась.

«Нет, нет... Нет! Нельзя...»

Юрий Владимирович положил голову на скрещенные на столе руки.

Плечи его задергались в беззвучных рыданиях.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Статья Артура Вагорски «Галина Брежнева, Сергей Медунов и другие» в газете «Дейли ньюс» 18 июля 1982 года.

«Лето. Пора отпусков. Отдыхает в Крыму и вождь Советского Союза Леонид Брежнев в окружении бесчисленной охраны и целой армии врачей.

Можно предположить и некоторое затишье в скрытых невидимых баталиях за верховную власть на кремлевских холмах в Москве. Думаю, что это затишье мнимое. На боевом посту главный стратег и организатор этой войны не на жизнь, а на смерть — Юрий Андропов. Теперь он на Старой площади в кабинете почившего Главного Идеолога коммунистической империи, он Секретарь ЦК КПСС, принявший из безжизненных рук Михаила Суслова эстафету идеологического воспитания советского народа. Эту многотрудную деятельность мой загадочный герой сочетает с кураторством органов государственной безопасности. А в главном кабинете на Лубянке сидит его ставленник Василий Камарчук, до последнего времени возглавлявший КГБ Украины. По-прежнему есть на кого опереться Юрию Андропову в борьбе за кремлевский престол — КГБ и Армия; министр обороны Дмитрий Устинов, как и раньше, во всем поддерживает нового Секретаря ЦК: они — неразделимый тандем.

На кого же теперь направлены удары Андропова? Главные соперники, помышлявшие раньше о высших постах в государстве, либо повержены, либо нейтрализованы, либо скомпрометированы. Все члены ЦК запуганы и послушны. Есть

такой термин в уголовном мире России — «повязать». Так вот, все они повязаны тем, кто сидит в сусловском кабинете на Старой площади.

Главная мишень Андропова сегодня — уже сам Генеральный секретарь правящей партии и глава государства Леонид Брежнев. Но не подумайте, что удары наносятся впрямую, открыто. На это бывший Председатель КГБ не пойдет никогда! У него свои методы...

Началась психологическая война с больным и дряхлым Брежневым в его ближайшем окружении, среди семьи и верных... нет, не соратников, а друзей, о которых он в кругу близких говорит (теперь следует выразиться иначе: говорил...): «Моя опора».

Леонид Брежнев должен понять: в его руках уже нет реальной власти, он не в состоянии помочь в критической ситуации своим самым близким людям — такова сегодня, как я понимаю, стратегическая задача, которую поставил перед собой Юрий Андропов.

В стране продолжается бескомпромиссная борьба с коррупцией — прежде всего для общественного мнения, которое формируют средства массовой информации. Послушные и безотказные для хозяев страны, заказывающих музыку, и первый среди них все тот же Андропов.

Медленно, но неуклонно и последовательно раскручивается «бриллиантовое дело»: постоянно вызывается на допросы к следователю Галина Брежнева, растет число папок этого расследования, о нем Москва полнится слухами, и среди этих слухов одно обстоятельство весьма примечательно — говорят (какое удобное словцо: «говорят...»), что в КГБ заведено дело и на супруга Галины Леонидовны, который занимает пост первого заместителя министра внутренних дел СССР Николая Щелокова, соседа и «друга» Леонида Брежнева по дому номер 26 на Кутузовском проспекте. Оказывается, супругу дочери главы государства предъявлены обвинения во взяточничестве в особо крупных размерах, в получении дорогих подарков в вотчинах империи, прежде всего кавказских и азиатских, и к этим грехам добавляются якобы аморальный образ жизни и некомпетентность в работе. А отец и тесть, недавно обладавший неограниченной властью, ничего не может сделать для любимой дочери и ее мужа: у него нет сил и возможностей остановить оба эти расследования, которые хладнокровно и уверенно ведет КГБ. На Лубянке больше нет «своих людей», нет на Старой площади Суслова, который не допустил бы такого позора: авторитет партийного руководства и интересы государства — превыше всего; члены Политбюро

смотрят Юрию Андропову в рот. Убежден, что все этн слухи имеют под собой реальную основу, но иницнируются, раздуваются органами госбезопасности: в КГБ служба дезинформации — как для заграницы, так н для внутреннего пользования — работает отлаженно и безупречно.

Однако, чтобы покончить с «брнллиантовым делом» (на этом этапе добавлю я в скобках), следует сказать еще несколько слов об одном слухе, который ни в коем случае не сфабрикован в недрах Комитета госбезопасности, а, скорее, является досадной для Андропова утечкой информацни. Из достоверных источников мне стало известно, что выбыл из игры Борис Буряце, бывший любовник Галины Брежневой, он же Борис Цыган, бывший солист Большого театра: это яркий и трагический персонаж «бриллиантового дела» скончался на операционном столе в тюремной больнице, когда ему удалялн вроде бы аппендицит. Мне его искренне жаль... И какой удар по влюбленному сердцу Галины Брежневой!

Перед отъездом на отдых в Крым Брежнев стал «участником» еще одного события, которое свидетельствует о его политическом бессилни. 22 июня в газете «Правда» появилось краткое сообщение о том, что первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Сергей Медунов «Секретариатом ЦК освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу». Такая формулировка в главном печатном органе правящей партии означает лишь одно: закончилась карьера крупного советского функционера. Как мне стало известно, Сергей Медунов из Краснодара уже отозван в Москву, ему предложен пост заместителя министра в каком-то второстепенном министерстве, связанном с сельским хозяйством. Из могущественного и, следует добавить, бесконтрольного хозяина богатейшего южного края России, в который входит обширная курортная зона на берегу Черного моря, и центром ее является город Сочи, этот властолюбивый и наглый человек, по свидетельствам журналистов олнцетворяющий в себе советское комхамство и коррупцию «верхов», превратился в рядового министерского чиновника, хотя по партийной иерархии еще не выпавший из номенклатуры. Но — выпадет. Берусь утверждать, что очень скоро Медунов в лучшем случае окажется на пенсии, в худшем — будет главным действующим лицом на судебном процессе под названием «краснодарское дело». Это — как решит Юрий Андропов.

Так что же произошло? Окончилась война Леонида Брежнева и Юрия Андропова из-за Сергея Медунова. Закончилась поражением Генерального секретаря и полной победой нового

Главного Идеолога страны, а точнее сказать, бывшего Председателя КГБ.

...В мае 1979 года по прямой протекции главы государства первым секретарем крайкома КПСС в Краснодарском крае становится Сергей Медунов, давнишний друг Брежнева (их встреча произошла в пятидесятых годах в Крыму), и начинается его «сидение» в этом благодатном крае, отмеченное неслыханной коррупцией. Особенно она процветает в Сочи, где на руководящих постах теперь находятся «люди Медунова», с которых он получает почти открыто дань — «свою долю».

Юрий Андропов в 1980 году начинает собирать по всем каналам КГБ компромат на тех людей в высших эшелонах власти, которые являются и друзьями Генерального, и его опорой в управлении страной.

Мы в самом начале «большой игры», смертельной интриги; пока прощупывание противника, уяснение его позиций, возможностей. Пробный шар. Как говорится, кто не без греха... В руках Андропова целый набор «кандидатур», пасьянс. Но уж больно колоритен, нагл, уязвим с точки зрения закона (который в Советском Союзе — фикция; особенно когда речь идет о номенклатуре) Сергей Медунов. К нему, кстати, лично Андропов ничего не имеет. Для него Медунов лишь средство тщательно разработанной операции, орудие борьбы.

И вот делается первый ход: в ЦК, в КГБ, в Президиум Верховного Совета хлынули потоком письма «трудящихся» с жалобами на руководство Краснодарского края с конкретными фактами безобразий Медунова. «Трудящиеся» в них изложили все, что собрал КГБ о «деятельности» Сергея Медунова как в Краснодаре, так и в Сочи. Есть такой, если не ошибаюсь, рожденный в России афоризм: «Ответом было молчание».

Хладнокровный и неумолимый Андропов делает второй ход. Письма «трудящихся» — с таким же содержанием — начинают бомбить газету «Правда», и — неслыханное дело! — подборка этих писем появляется в главном печатном органе КПСС. Надо реагировать: «партийная общественность» — и не только она — ждет реакции Кремля и Старой площади. И реакция следует: вызываются «на ковер» в соответствующие кабинеты редактор «Правды» Юрий Афанасьев и получает высочайший разнос. Сергей Медунов, хотя и с подмоченной репутацией, остается на своем посту и, чувствуя неуязвимость собственной персоны, благодаря самому высокому покровительству, продолжает прежний образ жизни и действий. То есть Леонид

Брежнев еще в силе, он, если нужно, может защитить «своих друзей», следует сказать точнее: «свою опору».

Возникает небольшая пауза. Очевидно, она понадобилась тогдашнему Председателю КГБ, чтобы проанализировать причины неудач и предпринять новые действия. Лобовые удары по краснодарскому фавориту Генерального на время прекращены. И хотя публикации в прессе, в основном в московской (журнал «Человек и закон», газета «Советская культура»), разоблачающие краснодарского наместника, появляются,— они лишь фон, на котором Юрий Андропов делает третий ход.

На календаре уже 1981 год. События разворачиваются в Сочи. Андропов превращает в своего союзника главного прокурора курортного края, снабдив его всеми необходимыми материалами и, очевидно, заверив в своей поддержке. Прокурор привлекает к уголовной ответственности несколько самых высоких партийных чиновников города, обвиняя их — с фактами в руках — в коррупции, и среди привлеченных главное действующее лицо — председатель горисполкома, ставленник и друг Сергея Медунова. Совершенно ясно: на суде неизбежно всплывет имя первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, который из свидетеля превратится в обвиняемого. Так задумано главным режиссером этого трагикомического спектакля. Но судебному процессу не суждено состояться — в происходящие события вмешивается Москва. В преступника, клеветника, карьериста превращается прокурор; его увольняют с работы, исключают из партии, он заключен под домашний арест, в квартире произведен обыск... В очередной раз Брежнев доказывает Председателю КГБ, что сила и власть за ним.

Казалось бы, борьба на этом этапе явно неравна, надо бы отступить, угомониться. Но Андропов понимает: в этой первой схватке с Брежневым отступать нельзя. И проиграть — трижды нельзя.

Его следующий, четвертый ход, по высшим номенклатурным правилам, — удар ниже пояса. Он нарушает незыблемую партийную «мораль»,— по русской пословице, не выносить сор из избы («Престиж партии и правительства — превыше всего»): и Медунов, и Брежнев, и все члены Политбюро о сочинских безобразиях узнают из западной прессы — туда, с подачи КГБ, ушла информация, компрометирующая руководство Сочи. Теперь замять дело не удается. Новый, присланный Москвой прокурор возобновляет разбирательство. Начинается судебный процесс, и все знают: в зале незримо присутствует Председатель КГБ, и у него наверняка припасены и другие впечатляющие факты на многих партийных функционеров —

и в Сочи, и в Краснодаре, и в Москве,— он их придерживает до поры. Единственное, что удается суду,— это уберечь Медунова от привлечения его в зал, где проходит процесс, в качестве свидетеля. Однако председатель Сочинского горисполкома «за взяточничество в особо крупных размерах» и коррупцию приговорен к тринадцати годам исправительных лагерей; меньшие сроки получают еще несколько партийных функционеров из славного курортного города. Юрий Андропов дышит Медунову в затылок... Но это еще не победа.

...Почти год Председатель КГБ собирает материалы на краснодарского владыку, но теперь упор сделан на его связи с московскими покровителями, и прежде всего с Леонидом Брежневым. Связи эти небескорыстны: «законы» коррупции одинаковы для всех этажей власти...

И наконец, Юрий Андропов в затянувшемся «краснодарском деле» делает пятый, последний, ход. При этом сам он на заключительном «действии» спектакля не присутствует: на Секретариате ЦК в июле 1982 года о «последних выявленных фактах злоупотребления властью товарищем Медуновым» делает сообщение новый Председатель КГБ Василий Камарчук. В его кратком докладе названы и московские покровители Медунова пофамильно, не упомянут только Генеральный секретарь КПСС, однако «сообщение» составлено так хитроумно, виртуозно, казуистически точно, что все присутствующие на Секретариате понимают, кто скрывается за умолчанием. Решение всех членов Секретариата единодушно (голосуя «за», наверняка все они подумали об Андропове): «освободить от работы».

Вечером на подмосковной даче об этом решении узнает Леонид Брежнев и, выслушав подробности «работы» Секретариата ЦК от «своего человека», подавив вздох (это мое допущение: «подавив вздох»), соглашается с товарищами. Таким образом признав свое окончательное поражение. Единственное, что он сумел сделать для своего друга,— это дать ему маленькую должность в сельскохозяйственном министерстве, тем самым как бы отсрочив судебное разбирательство дела Сергея Медунова. А быть суду над ним или не быть — решать Юрию Андропову. Это наверняка понимает номинальный руководитель Советского Союза.

Каким мыслям предается сейчас (если в состоянии предаваться...) Леонид Брежнев, отдыхая в Крыму?

Может быть, эту статью следовало бы назвать так: «Одиночество Генерального». Он, больной и немощный, сейчас трагически одинок: уже без власти, без «верных» соратников, без той поддержки, которая диктуется круговой порукой,—

она целенаправленными действиями Юрия Андропова разрушена и нейтрализована.

Что последует дальше?

Пока с полной уверенностью могу сказать лишь одно: развязка близка».

25 июля 1982 года

Кабинет Юрия Владимировича Андропова в здании ЦК КПСС преобразился: светло, солнечно — непроницаемые шторы на всех окнах заменены новыми, легкими, светло-коричневого цвета (как в его прежнем кабинете на Лубянке). Вместо портрета Ленина над письменным столом — картина в резной деревянной раме, написанная живописцем (может быть, тем самым, в мастерскую которого однажды попал американский журналист Артур Вагорски) по законам социалистического реализма: Леонид Ильич Брежнев в парадном мундире Главнокомандующего, при всех орденах и звездах, моложавый, подтянутый, бодрый, беседует с двумя пожилыми мужчинами, убеленными сединой, в штатских костюмах; на втором плане штормящее море, военный корабль на самом горизонте. «Новороссийск. Ветераны Малой земли».

Полки картотеки Михаила Андреевича Суслова приспособлены отчасти под библиотеку, отчасти в собрание документов и справочного материала, необходимых для работы нового Главного Идеолога страны.

На письменном столе, как и на Лубянке, ничего лишнего. Только два предмета перекочевали сюда с площади Дзержинского: сувенир, подаренный коллегами, кажется, из Ставрополья: в декоративное миниатюрное бревно, стоящее «на попа», вогнан еще более миниатюрный топор; внизу бревна тонкой славянской вязью написано: «Не руби сплеча». Работая в КГБ, размышляя над сложными решениями, которые надо принять, Юрий Владимирович любил подолгу смотреть на эту безделушку... И настольные часы круглой формы в виде флотского руля с ручками.

Часы шли бесшумно и показывали точное время: без двух минут десять утра.

Хозяин кабинета сидел в новом удобном кресле, сделанном по его индивидуальному заказу, привычно вытянув ноги и расслабившись.

Послышался слабый звуковой фон на щите селектора, прозвучал бодрый молодой голос нового секретаря, переко-

чевавшего в здание ЦК на Старой площади из приемной Председателя КГБ на Лубянке:

— Юрий Владимирович, товарищ Попков.

— Просите.

Начальник Пятого управления КГБ появился в кабинете из бесшумно закрывающейся двери — крупный, аккуратный, в сером отглаженном костюме, с черной кожаной папкой в левой руке. На лице — внимание и тревога, которую он пытался скрыть, но не получалось...

— Здравствуйте, Юрий Владимирович.

— Здравствуйте.— Голос Андропова звучал непривычно официально.— Проходите, Фрол Дмитриевич, садитесь.

Рукопожатие тоже было почти официальным.

— В нашем распоряжении один час. Посвятим его только одному вопросу — журналистскому.

— Все готово, Юрий Владимирович. Господина Жозефа Рафта встречаем сегодня ночью, программа расписана по дням, даже по часам.— Попков раскрыл свою папку.— Сейчас я вам...

— Одну минуту, Фрол Дмитриевич,— перебил секретарь ЦК и, выдвинув ящик письменного стола, вынул из него газету «Дейли ньюс» за 18 июля 1982 года.— Я прочитал в этой газете статейку вашего Артура Вагорски. Вы с ней знакомы?

— Знаком, Юрий Владимирович...

— Что же получается, товарищ Попков? Что пишет этот джентльмен? Как это понимать? Он вышел у вас из-под контроля? Вы его уже не снабжаете соответствующей информацией?

— Снабжаем. Но он имеет, как вы понимаете, и другие источники информации. Его подруга...

— Знаю, знаю! — не сумев подавить раздражение, перебил Андропов.— Но подобных публикаций допускать больше нельзя. Скажите... Материалы этого Вагорски попадают в передачи «голосов»?

— Впрямую ни на одну радиостанцию на Западе, вещающих на Советский Союз, он не работает. У него нет с ними ни кратковременных контрактов, ни договоров. Но выдержки из его статей в обзорные передачи попасть могут. Ведь в последнее время с начала этого года Артур Вагорски пишет только о вас. А к вам, Юрий Владимирович, сейчас в западных средствах массовой информации самый пристальный интерес.

По лицу Андропова скользнула еле заметная улыбка и тут же исчезла.

«Кажется, пронесло»,— с облегчением подумал начальник Пятого управления КГБ.

— Придется заткнуть ему пасть,— сказал он.— Немедленно этим займусь. Выдворим из страны. Надо только организовать предлог.

— Погодите, погодите! — усмехнулся Юрий Владимирович и взглянул на свой любимый сувенир.— Ваш Вагорски безусловно талантливый журналист, в принципе правильно все понимающий. Помните его статью, в которой он рассуждает о Сталине? Оригинально, смело. Во многом я с ним согласен. Просто надо его правильно направить. Ведь кто-то из ваших сотрудников с ним работает?

— Да, Юрий Владимирович.

— Вот и поработайте еще, сами проследите.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

— Отлично. А теперь перейдем к Жозефу Рафту. Итак, ночью вы его встречаете.

— Да. Самолет из Нью-Йорка, в котором он летит, в Шереметьеве-2 будет в один час сорок минут.

— Где вы его поселите?

— В «Национале», в нашем номере.

— Можно было бы и в «Москве». Что, там нет наших номеров?

На этот раз усмехнулся Фрол Дмитриевич.

— В гостинице «Москва» мы не только свои номера прослушиваем.

— И на здоровье,— поморщился Андропов.— Я о другом. Не надо с рядовым зарубежным журналистом роскошествовать. Знаю я эти золоченые апартаменты в «Национале». Плебейством отдает.

— Немедленно исправим.

— Да когда уже поправлять! Пусть. Но, осуществляя программу, учтите это обстоятельство.

— Обязательно учтем, Юрий Владимирович.

— Значит, он у нас впервые?

— Да, впервые. Господину Рафту двадцать семь лет, совсем еще молодой человек. Но весьма перспективный. В своем журнале «Нью-йоркер» числится «первым пером». С ним в Штатах поработали. Ведь вы его политические статьи о Советском Союзе читали?

— Читал. И — удовлетворен.

— А ведь только по полученным от нас материалам...

— Каким образом они были ему предоставлены? — перебил Андропов.

— Через одного польского корреспондента, работающего в Нью-Йорке. Он у нас уже четвертый год. Якобы пишет книгу о России. Легенда для Рафта.

— Понятно. Время нас торопит. В одиннадцать десять у меня встреча с редакторами литературных журналов. Поэтому перейдем к программе.

Начальник Пятого управления вынул из папки плотный глянцевый лист бумаги.

— Господин Рафт пробудет у нас две недели. Запланировано семь встреч. Что-то может измениться в ходе визита.

— Итак, семь основных встреч.

— Да. Социальный и профессиональный спектр мы с вами прикидывали.

— Давайте, давайте, Фрол Дмитриевич! — В голосе Андропова появился азарт.— Имен не называйте. Я постараюсь угадать.

— Хорошо. Журналист...— Попков затянул паузу.

— Дальше, дальше! — Юрий Владимирович сидел в своем новом кресле замерев, полузакрыв глаза; впрочем, под толстыми стеклами очков этого не было видно.

— Экономист... Физик... Режиссер...

Андропов улыбнулся. Попков опять замолчал.

— Продолжайте, мой дорогой, продолжайте!

— Американист... Поэт... Диссидент. Все!

От непонятного напряжения у Попкова вспотел лоб.

— Давайте сюда ваш листок,— крепко потирая руки, сказал новый Главный Идеолог советской империи.

Он быстро пробежал список фамилий, отпечатанный на глянцевом листе синим шрифтом.

— Да...— Лицо Юрия Владимировича стало серьезным.— Всех угадал. Кроме одного.

— Кого же не угадали? — с любопытством спросил разработчик операции под названием «Золотое перо».

— Вернее, угадал. Однако предположил, что вам хватит фантазии...

— О ком речь? — осмелился перебить Попков.

— О поэте, естественно. Опять Евтушенко! Если у него имеется мой городской телефон и Евгений Александрович мне иногда дружески позванивает... И встречались мы с ним, беседовали... Но, уважаемый Фрол Дмитриевич! Зачем же его надо всюду... Прямо подхалимаж какой-то! Что, кроме Жени, безусловно талантливого поэта и гибкого умного человека, у нас с вами больше никого нет?

— Есть, конечно, Юрий Владимирович. Как говорится, только свистни. Недоработка, исправим.

— Исправляйте! — Андропов вдруг коротко хохотнул.— Теперь вот что... Как мы с вами и обговаривали, наш журналист будет работать на два фронта.

— То есть?

— Он печатает свои статьи в американском журнале, так сказать, для западного общественного мнения, и этот же материал становится достоянием наших доморощенных радиослушателей всяческих враждебных «голосов».

— Ах, вот вы о чем! — оживился начальник Пятого управления КГБ.— Простите, не сразу понял. Разумеется, Юрий Владимирович. У Жозефа Рафта договор с «Голосом Америки» на пять двадцатиминутных передач, уж простите, о вашей персоне. Наш человек в «Голосе» все сделал в лучшем виде: оплата у господина Рафта по высшему классу, а он, по американским меркам, человек не очень состоятельный. Содержание передач тоже будет под контролем.

Возникла пауза.

Андропов задумчиво смотрел в окно. Там, на улице, потемнело: ветер нагнал тучи, собирался дождь.

— Скажите,— нарушил молчание хозяин кабинета,— Василий Витальевич в курсе операции «Золотое перо»?

— Нет, Юрий Владимирович.— Голос Попкова был тверд и спокоен.— Нет, не в курсе. У него и без того много дел — вникает в полученное хозяйство. Могу уточнить: вникает досконально.

— Василий Витальевич человек дотошный,— без всякого выражения сказал Андропов.— Жаль, я не могу вас чайком попоить...— Оба взглянули на круглые часы: было без семи минут одиннадцать.— Ничего, в другой раз.

— Вы, Юрий Владимирович, я слышал, в отпуск собрались?

— Да, с первого августа. Едем с женой в Крым, в Форос. Но у нас с вами будет постоянная связь. Сообщайте мне со всеми подробностями о похождениях нашего американского друга.

— Непременно, Юрий Владимирович.

— И последнее. Кто с ним будет работать? Полагаю, они в приемной?

— Так точно! Один журналист, другой работник МИДа.

— Самое короткое знакомство. Я только на них взгляну. Уложимся в пять — десять минут.

Юрий Владимирович нажал кнопку на боковой панели стола.

Бесшумно открылась дверь. В ней появился молодой человек с открытым русским лицом и военной выправкой.

— Пригласите товарищей,— сказал Андропов.

Секретарь отступил назад и в сторону, прозвучал его приветливый голос:

— Проходите, пожалуйста.

26 июля 1982 года

...Американский журналист Жозеф Рафт, корреспондент журнала «Нью-йоркер», где он действительно в последнее время числился если не «первым пером», то одним из первых, проснулся и первое мгновение не мог понять, где он, что с ним.

Жозеф лежал на широкой мягкой кровати, без брюк, но почему-то в рубашке и галстуке, поверх одеяла, закутавшись шелковой накидкой. Лежал на спине, и над ним был высокий белый потолок с золоченой лепниной: амурчики с луками и стрелами и полуобнаженные прелестные создания женского пола разыгрывали невинные любовные сцены.

— Понятно,— сориентировался господин Рафт,— я в России. Они привезли меня в отель... Как он называется, черт бы его взял?

Американец резким спортивным движением поднял с постели свое натренированное тело и очутился перед большим зеркалом в полуовальной резной раме, тоже золоченой.

«Ну и рожа!» — с отвращением подумал он, рассматривая себя в зеркале: помят, под глазами набухло, рыжеватая щетина выросла за эту ночь, непонятно по какой причине, густо и кучно.

«От этой дьявольской «Столичной», что ли?»

Жозеф Рафт был непьющим или почти непьющим. «Всегда быть в форме» — таков его девиз еще со времен колледжа. Он занимался спортом (теннис, бейсбол, горные лыжи, плавание), следил за своим здоровьем, впрочем, без фанатизма, достаточно характерного для современного поколения американцев.

Поэтому сейчас, самокритично рассматривая себя в зеркале, молодой журналист не страдал похмельной головной болью, этой распространенной русской болезнью. Его не мутило, не было желания опять завалиться в постель. Только ощущение сухости во рту, хотелось пить, а голова казалась пустой.

Сняв галстук и рубашку, оставшись в одних трусах, Жозеф покинул огромную спальню («На этой кровати, как минимум, могло бы разместиться пять человек») и отправился иссле-

довать свои апартаменты. Просторная гостиная с широким окном, задернутым портьерой, мягкая мебель, ковры, картины на стенах (рассматривать их сейчас не хотелось: «Потом...»), телевизор, телефон; кабинет — старинный письменный стол, телефон, диван с высокой спинкой, обтянутый светло-коричневой кожей («Я уже забыл, что существуют такие диваны. Кажется, такой же был у деда на ферме в штате Огайо»); четвертая комната — что-то вроде столовой: обеденный белый стол, такие же стулья, шкаф с посудой и — «Вот он!» — холодильник.

Открыв дверцу, Жозеф приятно удивился — бутылки разных размеров: русская водка, американское виски, английский джин, тоник, бутылки с темным и светлым вином, названия на этикетках непонятны — какой-то восточной клинописью. И — явно минеральная вода. Поднапрягшись, он прочитал на этикетке: «Боржоми». Открыв бутылку обнаруженным в шкафу ножом, американский гость прошлепал босыми ногами по паркету и, оказавшись в гостиной, плюхнулся в мягкое кресло.

Он пил минеральную воду со странным названием «Боржоми» прямо из горлышка, жадно, с наслаждением — вода была великолепна. Наступило полное просветление, и Жозеф Рафт наконец вспомнил все, что произошло с ним минувшей ночью.

...В аэропорту Шереметьево-2 его встретили два господина (или товарища, если хотите), приветливые и дружественные, и цепкая память Жозефа тут же закрепила в себе их имена и фамилии: Николай Воеводин, журналист («Я с вами коллега, от Союза журналистов нашей страны») — лет тридцати, высок, спортивен, с худым нервным лицом, ускользающим взглядом; Валерий Яворский, работник Министерства иностранных дел («Моя задача — организация ваших встреч. Кроме того, я ваш переводчик») — за сорок, с изрядной лысиной, полный, медлительный, неряшливый (пуговица рубашки перед брюками оторвана, и разошедшиеся полы обнажили розовую майку), глаза умные и наблюдающие за каждым твоим движением; когда говорит, причмокивает большими мокрыми губами; потом обнаружилось, что Валерий Яворский большой любитель выпить и особенно закусить.

Пока длились таможенные и прочие формальности, шел обычный, несколько скованный разговор обо всем — и ни о чем: как прошел перелет через океан, какая погода в Нью-Йорке. «А вот у нас второй день дожди». «Грибные,— сказал Валерий.— Вы, Жозеф, любите грибы? Теперь попрут. Приглашаю вас к себе на дачу». Но как только все трое, миновав

нейтральную территорию, ступили на советскую землю, разговор обрел конкретность.

— Жозеф,— сказал господин Воеводин,— есть предложение. Машина нас ждет, но, может быть, для начала, по русскому обычаю, за встречу? — Он говорил по-английски с акцентом и с трудом.

— То есть? — не понял американский гость.

— Николай хочет сказать,— пояснил господин Яворский (его английский был безукоризненным),— что за встречу неплохо бы пропустить по рюмочке.

— Раз таков русский обычай...— развел руками Жозеф Рафт.

Он устал за время перелета, организм явно страдал от разницы во времени, хотелось одного: скорее добраться до номера в отеле и завалиться спать.

«Ладно,— подумал наивный Жозеф,— нельзя их обижать. Шеф мне все уши прожужжал о русском гостеприимстве. Выпью одну рюмку».

Как он заблуждался!..

Американский журналист и его сопровождающие очутились в каком-то маленьком баре, где, кроме них, никого не было, и на столике перед ошеломленным Жозефом Рафтом возникли: бутылка «Столичной» водки, очень большая, графин с зеленоватым напитком и несметное количество холодной закуски — бутерброды, конечно же с черной и красной икрой, с рыбой разных сортов, с ветчиной и сыром, жюльены, салаты, в длинной тарелке тонко нарезанная жирная селедка, засыпанная измельченным репчатым луком («Черноморский залом,— сказал Валерий Яворский, алчно причмокивая мокрыми губами.— Деликатес»).

— Да зачем столько?..— в смятении начал было американец.

Но Николай Воеводин перебил его:

— Надо! Вы, Жозеф, в России, не забывайте.

Он разлил водку в большие граненые рюмки, а господин Яворский торжественно сказал:

— Мы надеемся, Жозеф, что ваше знакомство с Россией будет полезным и приятным, что все задуманное вы исполните!

— С нашей помощью! — подхватил господин Воеводин.— Поехали!

Встречающие (или сопровождающие? Как их назвать?) потянулись со своими рюмками к американцу, и ему ничего не оставалось, как чокнуться со своими новыми знакомыми.

— Первую пьем до дна! — почти приказал Николай Воеводин.— Тоже русский обычай.

И Рафт подчинился: одним глотком проглотил огненную жидкость, подумав с порядочной долей журналистского любопытства: «Интересно! Что же будет дальше? Похоже, я становлюсь свидетелем знаменитого русского пьянства».

Если бы только свидетелем, господин Рафт! Берегитесь...

— Теперь приступим к закусочке.— Валерий Яворский крепко потер руки.— Рекомендую, Жозеф, заломчика. Под «Столичную» — самое то...

А дальше...

Что же дальше? По накатанной колее. Вначале американский гость пытался сопротивляться, потом сдался, по-русски махнув на все рукой. Однако за происходящим, помня о своем профессиональном долге, Жозеф продолжал наблюдать, во всяком случае на первых порах.

И больше всего он был поражен одним обстоятельством: сколько же всего они пили (появилась на столе еще одна бутылка «Столичной», а может быть, и две) и ели, особенно этот пузан Яворский. Уму непостижимо! Как это все в них может войти? Да ведь эдак и умереть можно от заворота кишок, как говаривал архаичный и старомодный дед Жозефа Рафта из американского штата Огайо.

Не знал в ту пору молодой американский журналист таких впечатляющих советских афоризмов, как: «это сладкое слово «халява», «на дармовщинку», «фирма платит». Впрочем, возможно, так и не узнал, покинув через две недели пределы нашего загадочного отечества, чтобы на страницах журнала «Нью-йоркер» создать новый, неожиданный образ Юрия Андропова.

...Говорили обо всем. О чем — сейчас вспомнить было совершенно невозможно, и лишь одно, видимо приказав себе, запомнил Жозеф: первая запланированная встреча («Вот с кем?» Память не подчинялась...) состоится сегодня, в двенадцать часов дня.

Рафт взглянул на свои золотые швейцарские часы (подарок родителей в день окончания колледжа) — было двадцать минут одиннадцатого.

«Так... Все. Боевое крещение принял — и точка. Больше со мной, господа Воеводин и Яворский, этого не случится. Привести себя в порядок — контрастный душ, побриться, позавтракать. И — работать, сэр. Работать!»

Жозеф Рафт поднялся из кресла, допил последний глоток боржоми, еще раз по достоинству оценив эту русскую минеральную воду, и отправился искать ванную — он совершенно не помнил, как его везли через ночную Москву, как очутился в этих роскошных апартаментах. Сейчас, переходя из комнаты

в комнату, он думал: «Здесь вполне могла бы разместиться вся наша редакция. Вот тебе и нищая Россия!»

В ванной комнате, облицованной бледно-коричневым кафелем, он обнаружил свои брюки, пиджак, носки и ботинки.

«Значит, ночью я пытался принять душ,— понял он.— Но сил не хватило. Бедный мальчик.— И, взглянув в зеркало, показав себе язык, добавил: — Пьяная русская свинья».

Через двадцать минут американский гость Жозеф Рафт был в полной форме: свеж, безупречно выбрит, благоухающий крепким мужским одеколоном. В спортивную сумку собрано все необходимое для работы: диктофон, «кодак», блокноты.

«Теперь позавтракать».

На столе в гостиной он обнаружил свою визитную карточку-пропуск в отель «Националь» («Вот как называется эта берлога! Значит, мой номер — триста восьмой») и карту-проспект.

Текст был на четырех языках: русском, английском, немецком и французском.

— Отлично! — бодро сказал самому себе Жозеф.— Вот он, «дежурный администратор».

Американский журналист поднял трубку телефона, набрал указанный трехзначный номер, и почти без паузы ему ответили:

— Доброе утро, господин Рафт. Слушаю вас.

— Я бы хотел позавтракать.

— Вы можете заказать завтрак в номер, но это за дополнительную плату. Или, пожалуйста, третий зал на вашем этаже, шведский стол. Стоимость завтрака и ужина входит в дневную оплату номера.

— Благодарю вас. Я отправлюсь в третий зал.

— Приятного аппетита, господин Рафт.

Завтрак занял не более пятнадцати минут. Все как в лучших мировых пятизвездочных отелях с некоторой русской экзотикой: пельмени по-сибирски, копченый байкальский омуль, картофельные котлеты с грибным соусом; все было очень вкусно, а черный кофе с песочной жаровни просто великолепен. Жозеф Рафт определил, что в третьем зале были только иностранцы, русская речь тут не звучала совсем.

Американец вернулся в свой номер (было двадцать минут двенадцатого) и удивился: комнаты были убраны, в ванной заменены все полотенца, на столе в гостиной в хрустальной вазе стоял роскошный букет темно-красных георгинов. В комнатах, особенно в спальне, витали струи нежных дамских духов.

Шторы на окнах были отодвинуты в стороны, и Жозеф невольно воскликнул про себя: «Да я в самом сердце коммунистической столицы!»

Перед ним простиралась широкая, совершенно пустынная площадь, а за ней возвышался за красной кирпичной зубчатой стеной Кремль; на угловой башне алела в лучах солнца рубиновая звезда, а чуть слева, в перспективе, виднелись причудливые витые купола храма Василия Блаженного.

«Значит, там Красная площадь. Все рядом. При первой возможности отправлюсь на прогулку».

В кабинете зазвонил телефон.

Рафт поднял трубку:

— Я слушаю.

— Жозеф! Это я, Ник! Ты как?

«Оказывается, он уже Ник и мы на «ты».

— Я в порядке, господин Воеводин. А вы как?

Возникла пауза, наполненная явным замешательством.

— Я... я звоню от администратора. Машина внизу.

— Я спускаюсь,— сказал американский журналист.

— Одну минуту...— На другом конце провода произошла какая-то возня.

В трубке зазвучал голос Валерия Яворского:

— Доброе утро, господин Рафт. Мы сейчас к вам поднимемся. Надо кое-что уточнить.

Они появились оба через несколько минут, постучав в дверь, и вид у сопровождающих (или опекающих) американского гостя был, мягко говоря, плачевный, особенно у господина Яворского: бурый цвет лица, лепестки синяков под глазами, трясущиеся руки. Да и «Ник» не блистал — он даже не удосужился побриться.

— Прошу! — пригласил русских друзей Жозеф Рафт в гостиную.— Располагайтесь.

Однако визитеры топтались в передней.

— Мы вот что...— вдруг решительно заговорил Николай Воеводин, он же Ник.— Надо бы голову поправить...

— Простите, не понял,— перебил американец.

— Ну... Опохмелиться... После вчерашнего... Немного перебрали..

— Я не знаю, что такое «опохмелиться»,— холодно сказал Жозеф Рафт.— Но если надо — пожалуйста.

— Надо! — жестко и решительно сказал господин Яворский.— Мы, мой друг, мигом. Вы, как я понял, уже позавтракали. Подождите нас здесь, включите телевизор...

Оба сопровождающих по-хозяйски отправились в столовую, где тут же хлопнула дверца холодильника, а Рафт сел

в удобное кресло, и настроение у него испортилось. Создавалась ложная ситуация, он попадал в непонятную зависимость, переставал быть свободным. Дело в том, что в эту поездку американский журналист был приглашен советской стороной, ее инициатива исходила отсюда. «Ваши статьи о Советском Союзе,— сказали ему еще в Вашингтоне, в русском посольстве,— произвели очень хорошее впечатление на руководство нашей страны. И коли вы интересуетесь лидерами России, в частности, личностью товарища Андропова,— приглашение посетить Москву можете расценивать как маленькую награду». Предложение Рафт с радостью принял. Он простосердечно обрадовался, когда ему сказали, что все расходы, связанные с его посещением России, берет на себя Союз советских журналистов.

«Нет уж,— думал Жозеф, слушая возню, звон посуды и возбужденные голоса за дверью столовой,— на поводу у вас я ходить не буду. Сейчас, господа, мы с вами все расставим по местам. Или они опять напьются, как вчера?»

Однако скоро Ник Воеводин и Валерий Яворский появились в гостиной, имея вполне пристойный и даже здоровый вид, нечто деловое и собранное появилось в облике обоих.

«Что же с людьми происходит, — несколько удивленно подумал Жозеф, наблюдая своих сопровождающих,— после того как они утром опохмелятся?»

— Значит, таким образом,— деловито заговорил господин Яворский,— сейчас без четверти двенадцать. В Переделкино мы будем через полчаса. Ничего! Василий Воскресеньев нас ждет, я ему утром звонил. Немного опоздаем, он и не заметит. Все русские поэты рассеянны.

— Все-таки лучше позвонить, сказать, что задерживаемся,— предложил Воеводин.

— Позвони.

Ник ушел в кабинет.

«Да, теперь вспомнил,— обрадовался американский журналист.— Мой первый визит к знаменитому поэту. Стихи его мне показались манерными и в то же время старомодными какими-то. И везде присутствует «эго», уж больно он занят собой и своим внутренним миром. Впрочем, может быть, переводчик виноват. Вообще, по-моему, по переводам оценить и понять поэта невозможно. Поэтов надо читать в оригинале. А вот публицистическая книга Воскресеньева «Крест России» меня весьма заинтересовала».

Вернулся из кабинета Воеводин, сказал:

— Он поздно встал, сейчас только кофе пьет. Даже обрадовался, что мы опаздываем.

— Вот что, господа.— Жозеф Рафт придал своему голосу официальное звучание.— Я хочу сказать вам следующее.— У Ника вытянулось лицо; Валерий Яворский напряженно смотрел прямо в глаза гостю.— Меня несколько угнетает роскошество этого номера. В своих поездках я просто не привык жить в таких условиях. Зачем все это? Словом, я хотел бы переехать в другой, более скромный, если угодно, демократический отель.

— Но...— начал было господин Яворский.

— Это первое,— перебил Жозеф Рафт.— А второе... Я хотел бы сам оплачивать свое проживание в отеле.

— Да ты... Да вы что? — искренне удивился Ник Воеводин.— Ведь за все оплачено! Вся ваша поездка!

— Именно так,— спокойно и, показалось Жозефу, насмешливо сказал Валерий Яворский.— Вся ваша поездка профинансирована «от и до», включая этот номер. Он оплачен на две недели вперед — до последнего дня вашего пребывания в Москве.

— Господи! Да зачем же? — всплеснул руками американский журналист.— А если поменяются наши планы? Мы из Москвы куда-нибудь уедем?

— Нет проблем! — воскликнул с энтузиазмом господин Воеводин.— Уедем — номер вас всегда будет ждать.

— Жозеф,— мягко, дружески сказал Яворский,— я думаю, вам не следует пренебрегать нашим русским гостеприимством. Вас могут неправильно понять, испортятся отношения, могут сорваться намеченные встречи.

Что-то здесь было, что-то таилось, однако Рафт понял, что идти на обострение отношений, создавать конфликтную ситуацию не стоит, даже опасно...

— Ну, хорошо,— сказал он, вздохнув.— Пусть все остается как есть. Поехали?

— Поехали! — воспрянул Ник Воеводин.

Внизу, у подъезда отеля «Националь», их ждала черная «Волга». Американского гостя усадили рядом с шофером, огромным молчаливым детиной с красной крепкой шеей. За всю дорогу до Переделкино он не проронил ни одного слова и воспринимался как самая большая деталь автомобиля, неотделимая от него.

...А в писательском дачном поселке Переделкино знаменитый поэт Василий Воскресеньев уже ждал американского журналиста, нервничал, злился на жену, которая сварила отвратительный кофе и к тому же еще не была одета, ходила

по комнатам непричесанная, в халате, что-то искала и не могла найти. Василий Александрович нервничал, потому что точно знал: от того, как пройдет эта встреча, зависит его поездка в Штаты через две недели, то есть выпустят его на этот раз или не выпустят к американским друзьям.

«А ведь уже афиши отпечатаны,— со сладостным замиранием сердца думал поэт.— Митчел звонил...»

Он знал, что от него требуется, с ним беседовали. Не первый раз, привычно. Однако сегодня особый случай... «Самое главное,— было сказано ему,— чтобы у американца не возникло никаких подозрений. Он хотел встретиться с известным советским литератором, прогрессивных, в их понимании, даже либеральных взглядов. Пожалуйста! Выбор волей случая пал на вас. Подчеркиваю: волей случая! Вы даже не знаете, что интересует этого Жозефа Рафта. То есть он ни в коем случае не должен почувствовать предварительную подготовку его встречи с вами».

Наконец на застекленной веранде появилась миловидная жена поэта (четвертая по счету), молодая, высокая, жгучего цыганского облика, в открытом летнем платье нежно-салатового цвета, смуглую шею украшало колье с тремя бриллиантами.

— Ну, как я? — посмотрела она на мужа черными, без зрачков, глазами.— Сражу американца?

— Замени на столе скатерть и поставь букет полевых цветов, принеси из моего кабинета.

Василий Александрович отправился в ванную комнату и там долго, с пристрастием рассматривал себя в зеркале.

«Виски седеют,— вздохнул он.— И морщин прибавилось. Но в целом ничего!.. Мы еще подергаем хвостиком! Нет, что эти кагебешные суки с нами делают? На что толкают?»

Но в целом отражение в зеркале поэту понравилось: интеллигентное русское лицо с печатью постоянных размышлений («И страданий»,— добавил Воскресеньев, не удержавшись), вполне спортивная фигура, если есть лишний вес, то лишь совсем немного в животе («Надо совершенно отказаться от всего мучного и сладкого. И в кого я такой сластена?»). Летние светлые брюки, тонкая белая рубашка, в манжетах запонки с теплым янтарем, на шее повязан шелковый синий платок.

«Вполне, вполне». Настроение улучшилось, и Василий Александрович на какое-то мгновение, поглощенный созерцанием собственной персоны в зеркале, даже забыл о визите к нему, который сейчас состоится.

— Угощать американца чем-нибудь будем? — послышался с веранды голос жены.

— Посмотрим... по обстановке. Но квас и что-нибудь к нему приготовь. Если бы он один. С ним, наверно, целая свора нагрянет. Мне утром уже звонил его переводчик.

За воротами остановилась машина, просигналила.

— Я встречаю,— засуетился поэт Воскресеньев.— А ты потом выйдешь. Позову.

Проходя через веранду, он быстро осмотрелся — все вроде бы нормально: на круглом столе белая скатерть с красными самоварами шитьем, букет полевых цветов в старинной фарфоровой вазе: скромная кашка, васильки... («Россия, мой американский гость, Россия»); окно распахнуто в сад, на клумбах благоухают флоксы.

Василий Александрович встретил прибывших у калитки, и американский журналист сразу ему понравился: джинсы «Монтана», клетчатая рубашка, рукава небрежно закатаны, на шее какой-то медальон, похоже, индийский. Белобрыс, высокий лоб, веснушки, умные, наблюдающие глаза, волевой подбородок с ложбинкой, спортивная сумка из добротной натуральной кожи через плечо. Во всем облике — раскованность, свобода, доброжелательность. Двое сопровождающих, оба в темных костюмах, были обычны, ничем — для Василия Александровича — не примечательны, насмотрелся он на них... Один, худой и высокий, нес увесистый кейс («Понятно, аппаратура»). Третий, «шофер», остался в «Волге». («Он у них наверняка главный, ведущий»,— определил многоопытный в подобных делах поэт Воскресеньев.)

Хотя писательская — или поэтическая — судьба помотала Василия Александровича по свету, он толком не знал ни одного иностранного языка, просто был невосприимчив к ним, туп, если вещи называть своими именами. Однако для первого контакта кое-что произнести мог.

— Добрый день! — встретил он Жозефа Рафта.— Очень рад! Прошу, проходите! — Его английский был чудовищным, но энтузиазм все сглаживал.— Меня зовут Василий Воскресеньев.

Рукопожатия, представления. Быстро, профессионально включился «переводчик» Валерий Николаевич Яворский.

И скоро все сидели на просторной веранде за круглым столом, и американский гость залюбовался букетом полевых цветов, видами на сад из открытого окна, где в листве деревьев уже появились первые желтые листья, хотя до осени было еще далеко...

— Соня! У нас гости! — крикнул Василий Александрович.— Чего-нибудь легонького, летнего.

И почти мгновенно появилась ослепительная жена поэта с подносом, на котором в фаянсовых фигурных тарелках были фрукты, печенье, конфеты, а также большой графин темно-коричневого кваса, холодный, запотевший. Супруга Воскресеньева была представлена американцу, жеманно протянула ему руку для поцелуя, но в ответ получила демократическое пожатие пальцев. Молодая женщина с обиженным выражением лица вышла и больше на веранде не появилась. Сам Василий Александрович достал из старинного резного буфета высокие тонкие стаканы.

— Вот, прошу! Чем богаты...

— Может быть, сначала мы побеседуем? — улыбнулся Жозеф Рафт, доставая диктофон.

Яворский перевел пассаж гостя, одновременно наградив поэта предупреждающим взглядом: «Осторожно!»

— Пожалуйста, пожалуйста! — заспешил Василий Александрович.— Итак, что вас, Жозеф, интересует?

Дальше беседа шла через «переводчика», и, надо сказать, Валерий Николаевич справлялся со своими обязанностями так умело, что его присутствие почти не ощущалось. Ник Воеводин во время оживленного разговора сидел столбом, правда сумев осушить два стакана кваса с видом алчущего в пустыне.

— Меня, господин Воскресеньев, интересует Россия, прежде всего ее политическая жизнь. Я впервые в вашей стране...

— И каковы впечатления? — перебил нетерпеливый и нервный поэт. (Слушая гостя, он опять вспомнил о своей главной цели: «Вырваться, вырваться! Ведь организованы выступления в семи городах Америки. На уши встану, на ночь этому американцу Соньку отдам, но — вырвусь!»)

— Пока впечатлений нет. Я прилетел этой ночью. Но я изучал вашу политическую и экономическую жизнь по документам, газетам, по некоторым специфическим источникам, которые мне удалось достать. И написал несколько аналитических статей...

— С их переводами я бы с удовольствием познакомился,— вставил поэт Воскресеньев.

На эту любезность американский журналист никак не отреагировал.

— И вот теперь я задумал серию статей о руководителях современной России. Может быть, если все получится, в дальнейшем эти статьи соберутся в книгу. Кстати, подобная книга у меня вышла в начале этого года о лидерах Польши, и главным ее персонажем, так получилось само собой, стал Лех Валенса.

Возникла пауза. Николай Воеводин сидел с абсолютно безразличным выражением лица, иногда с тоской поглядывая на графин с квасом и облизывая пересохшие губы. Роль журналиста «коллеги» Жозефа Рафта ему явно не удавалась. А может быть, опять мучил бедолагу похмельный синдром.

Валерий Яворский незаметно, но с целенаправленным вниманием наблюдал за американцем, и Жозеф это почувствовал.

— Вы полагаете,— уловил основной нерв беседы поэт Воскресеньев,— что в ваших статьях о руководителях Советского Союза тоже появится ведущий герой?

— Да, полагаю.

— И кто же он?

— Думаю — Юрий Андропов.

— Вот как! — вполне искренне удивленно воскликнул Василий Александрович.

— Я уже много прочел об этом человеке, наверное, все, что о нем написано на Западе. У вас о бывшем Председателе КГБ почти нет публикаций. Может быть, теперь, когда он в ЦеКа занял место господина Суслова...

— Может быть,— вставил хозяин государственной писательской дачи, лихорадочно соображая, как вести себя дальше: ведь сейчас начнется главное... От напряжения вспотели подмышки. «Черт! Сейчас темные пятна образуются. Сунула мне Сонька эту белую рубашку!» — Может быть...— повторил он.

— Но журнальные статьи и газетные — это одно. Статьи — зеркало, отражение жизни... Часто отражение бывает искаженным. Нужна сама жизнь, люди.— В голосе Жозефа Рафта прорвалось волнение.— Вот поэтому я здесь, в России. Господин Воскресеньев, может быть, вы поделитесь со мной своим мнением... Я не говорю — впечатлениями. Ведь вам не приходилось встречаться с Юрием... Владимировичем (отчество американский журналист выговорил с трудом) Андроповым?

— Конечно — нет! — с неожиданным испугом воскликнул знаменитый поэт.

— Или разговаривать по телефону.

— Да нет же!

— На Западе прошла публикация... Я читал: ваш не менее известный коллега Евгений Евтушенко встречается... Вернее, встречался с Андроповым и беседовал с ним по телефону. В частности, когда академик Сахаров был выслан в Горький, Евтушенко звонил Председателю КГБ, стараясь объяснить, насколько это абсурдно...

— Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть,— перебил поэт Воскресеньев.

В беседу наконец вступил «журналист» Ник Воеводин:

— Вы, Жозеф, могли бы пообщаться с Евгением Евтушенко, мы такую встречу планировали, но наш поэт, как всегда, в летнюю пору отсутствует. Кажется, сейчас он где-то в Африке.

«Да мы вчера с Женькой в теннис играли»,— чуть не выпалил Василий Александрович, но вовремя сдержался.

— В Африке так в Африке,— сказал американский журналист.— Так вот, господин Воскресеньев, вы не поделитесь ли со мной своим мнением о Юрии Андропове?

— Мнением — пожалуйста! Хотя вопрос несколько неожиданен. Погодите, дайте сосредоточиться. Итак...— Василий Александрович встал из-за стола и нервно, пружинисто прошелся по веранде.

Жозеф включил диктофон.

— Мнение мое таково...— И вдруг поэт Воскресеньев прервал себя:— Скажите, господин Рафт, а почему вас интересует именно Андропов?

Американский журналист усмехнулся:

— Прямой вопрос — прямой ответ. В последнее время и у нас в Штатах, и в Европе стали появляться публикации, в которых Юрий Андропов рассматривается как первый претендент на руководство Россией после Брежнева.

— Вот как! — воскликнул поэт. И внутренне возликовал: «Молодец, Вася, своим вопросом попал в яблочко! Пора!» — Что же, я буду с вами откровенен. Как говорится, дай Бог долгих лет Леониду Ильичу, но... Словом, если говорить о преемнике Брежнева, лучшей кандидатуры, чем Юрий Владимирович, я не вижу.

«Переводчик» Яворский и «журналист» Воеводин быстро переглянулись.

— Почему? — спросил Жозеф Рафт.

— Почему? — Голос поэта Воскресеньева был полон пафоса и убежденности.— Потому что после Ленина в руководстве нашей страны на самом верху он первый истинный, настоящий интеллигент! Некоторые мои товарищи по Союзу писателей встречались с ним. Глубокая культура, вежливость, корректность, удивительная скромность. Юрий Владимирович всесторонне знает русскую историю, отечественную литературу... Интересуется современной живописью.— Василий Александрович просветленно улыбнулся.— В определенном смысле он мой коллега!

— То есть? — спросил зарубежный гость.

— Андропов пишет стихи! К сожалению, знаю об этом тоже из вторых уст, а очень бы хотелось познакомиться с поэтическими пробами Юрия Владимировича.— Василий Александрович перевел дух и лихорадочно подумал: «Неужели только у американца включен диктофон? Ведь должно же у этого типа в кейсе тоже все записываться...» — Словом, я хочу подчеркнуть, что товарищ Андропов очень ответственно и уважительно относится к нашей творческой интеллигенции, понимая, какое огромное значение для духовного нравственного воспитания народа...

— Простите, господин Воскресеньев,— перебил американский журналист,— а как же высылка, правильнее сказать, изгнание из Советского Союза Александра Солженицына? Ведь всю эту акцию, а до нее слежку и травлю вашего великого писателя производили люди Андропова из КГБ, и наверняка он, возглавляя в ту пору органы государственной безопасности, руководил всей этой кампанией?

Валерий Николаевич перевел все сказанное Жозефом быстро, спокойно и бесстрастно. Надо добавить: абсолютно синхронно, ничего не искажая и не умалчивая.

Ник Воеводин заерзал на стуле и, воспользовавшись образовавшейся паузой, залпом выпил еще один стакан холодного кваса.

Василий Александрович впал в легкую панику, подмышки окончательно намокли. «Спокойно, спокойно! — приказал он себе.— Сосредоточиться».

— Во-первых...— заговорил он неожиданно севшим голосом.— Давайте, господин Рафт, смотреть правде в глаза. Мы с вами живем в расколотом мире. Творчество Александра Солженицына в определенном смысле... Даже не в определенном, а во вполне конкретном смысле идеологически враждебно нашему государству. К сожалению... А на войне как на войне. Оставим в стороне художественную прозу Солженицына. Но его самая знаменитая... Я бы добавил: печально знаменитая книга «Архипелаг ГУЛАГ»...

— Это великая книга! — пылко перебил американский журналист.— Вы ее читали?

Поколебавшись мгновение, поэт Воскресеньев сказал:

— Читал. Положение обязывает. Ведь мы, советские литераторы, уважаемый господин Рафт, работники идеологического фронта. Се ля ви, как говорят французы.— Американский журналист собрался было что-то сказать, судя по выражению лица, протестующее, но Василий Александрович остановил его решительным жестом:— Один момент! Позвольте мне договорить. В ситуации с Солженицыным я

прошу вас обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых. Ведь не по своей прихоти Юрий Владимирович выдворил из страны действительно, я с вами согласен, выдающегося писателя, если рассматривать творчество Солженицына с позиций высокого искусства. Председатель КГБ выполнял волю руководства страны, волю Политбюро, наконец. Там принималось это решение. Во-вторых. И это главное, господин Рафт! Вы, как я понял, изучали нашу советскую историю. При Ленине «враг»... Враг в кавычках Николай Гумилев, блистательный поэт, расстрелян. При Сталине... Что говорить! Во «врагов народа» были превращены десятки, сотни деятелей нашего искусства — и расстреляны или погибли в лагерях. Да и Никита Сергеевич Хрущев не очень-то жаловал нашего брата, правильнее сказать, не понимал. Слава Богу, хоть без репрессий обошлось. Почти... Вот и у меня с ним конфликт был... Ладно! — остановил себя знаменитый поэт.— Не хочу об этом, вернемся к Александру Исаевичу. Ведь ему сохранена жизнь! Предоставлена возможность уехать в свободный...— Василий Александрович поперхнулся,— уехать в Европу, разрешено увезти свои рукописи, архив, то есть там он может продолжать заниматься писательством! И уверяю вас... Я просто убежден в этом! Так произошло благодаря Юрию Владимировичу, его усилиям. Наверно, там...— поэт Воскресеньев, расхрабрившись, показал указательным пальцем правой руки вверх,— там были и другие предложения, каким образом избавиться от Солженицына, заставить его замолчать. По сталинской методике. Андропов наверняка понимает масштабность личности Солженицына, хотя и для него он идеологический противник. Но... пройдут годы, улягутся политические страсти, и объективная история все расставит по своим местам. Согласитесь, в такой позиции государственного деятеля самого высокого ранга есть мудрость и... Как бы поточнее сказать? Гуманное разрешение проблемы.

— Пожалуй, вы правы,— сказал Жозеф Рафт.

Эти слова Василий Александрович воспринял как острые шпоры ретивый конь, его обуяло вдохновение, предчувствие удачи, и образ Юрия Владимировича Андропова был дорисован пылко, поэтически, преданно: глубокий государственный ум, гуманизм, но и, когда надо, решительность в поступках, аскетическая скромность в быту («Как у Владимира Ильича Ленина»,— обмолвился знаменитый советский поэт), понимание западной культуры и вообще явная склонность к западному пути развития («Включая экономические приоритеты»).

— Одно знание английского языка чего стоит! — восторгался Василий Александрович, быстро шагая по веранде из угла в угол и вея острым мужским потом из-под подмышек.— Опять и здесь Юрий Владимирович первый среди кремлевских вождей после Ленина!

— Я слышал,— включился в панегирик Ник Воеводин,— Юрий Владимирович и французским языком владеет.

— Вот! — возликовал поэт Воскресеньев.— Так что, дорогой Жозеф, как говорят у нас в России, вашими устами и мед бы пить!

— Не совсем понял,— смутился американский журналист.

— Я был бы счастлив,— засмеялся Василий Александрович,— если бы ваше предположение о руководителе нашей страны после Брежнева стало реальностью.— Поэт наконец сел на свой стул.— Да что же это я? Соловья баснями... День жаркий. Вот прошу! Русский квасок, абрикосики, печеньице.

Квас американскому гостю очень понравился.

— А может быть, останетесь обедать? Водочки хряпнем. Или коньячку?

«Журналист» Воеводин оживился, однако Жозеф Рафт сказал вежливо, но жестко:

— Нет, спасибо. Много работы. Я вам, господин Воскресеньев, очень благодарен...

— Кстати! — бесцеремонно перебил Василий Александрович, подумав, переполненный восторгом: «Все! В Штаты еду!» — Когда вы возвращаетесь домой?

— Через две недели.

— Какое совпадение! Через две, максимум через три, недели я буду в Нью-Йорке, там мое первое выступление, а потом гастрольная поездка еще по шести городам вашей замечательной страны. Так что, мой новый американский друг, приглашаю вас на одну из своих встреч с читателями.

— Я непременно приду,— искренне обрадовавшись, сказал Жозеф Рафт.

— Как мне вас там найти?

Американский журналист из кармашка кожаной сумки достал свою визитную карточку и протянул ее хозяину дачи:

— Прошу!

Василий Александрович вручил американскому журналисту свою визитку. Расстались друзьями. Обиженная супруга поэта провожать визитера к машине не вышла.

...Забегая вперед, следует сказать, что через три недели Василий Александрович Воскресеньев беспрепятственно, без всяких эксцессов в ОВИРе и других инстанциях, выехал в Соединенные Штаты Америки. Его выступления в семи го-

родах этой страны, на которых собиралась главным образом эмигрантская публика из Советского Союза, прошли с большим успехом. На первой же встрече с «читателями» присутствовал Жозеф Рафт. Потом они вместе поужинали в ресторанчике в Бруклине, изъясняясь между собой смесью русских и английских слов.

...Поздно вечером в квартире Попкова, в его кабинете, раздался телефонный звонок. Все домашние были на даче, и в огромной квартире начальник «Пятки» находился один. Его клонило в сон, но он, перебирая бумаги на столе — докладные, доносы, разработки,— мужественно боролся с одолевающей его дремотой, ожидая этого звонка.

— Я слушаю! — проворно подняв трубку, бодрым голосом сказал он.

— Добрый вечер, Фрол Дмитриевич. Простите, что так поздно.

— Да что вы, Юрий Владимирович! Разве это поздно? Добрый вечер!

— Ну... Расскажите в двух словах, как там наш американец?

— Тьфу, тьфу, пока все идет как надо. Сегодня состоялась первая встреча с поэтом Воскресеньевым...

— Где? — перебил Андропов.— В клубе писателей?

— Нет, Юрий Владимирович. Ресторан в ЦДЛ, как место встречи, пришлось переиграть на дачу нашего поэта в Переделкино.

— Что так?

— Здесь у нас маленький прокол. Посадить Рафта на короткий алкогольный поводок не удалось и, как я понимаю, не удастся. Не пьет, вернее, не имеет пристрастия к спиртному. Так что алкогольная зависимость отпадает.

— Да, Фрол Дмитриевич, это наша постоянная ошибка. Всегда надо помнить: западный журналист — не советский, не русский. Но зависимости Рафта от нас надо добиваться. Ведь есть еще один вариант...

— Уже им занимаются, Юрий Владимирович.

— Так...— Последовала пауза.— И как же встреча с Воскресеньевым?

— Вся запись вам будем представлена завтра утром. Василий Александрович отработал свое превосходно. Не буду пересказывать, ничего нет лучше первоисточника. Так что, Юрий Владимирович, ваша рекомендация — создать некоторое торможение в его поездке в Штаты — оказалась весьма продуктивной. Думаю, нашего поэта надо выпустить — заслужил.

— Завтра, во второй половине дня, мы с вами этот вопрос решим. Что дальше у американца?

— Встреча с Робертом Николаевичем Ведеевым. Это завтра. Послезавтра — с Аратовым...

— Вы уж очень-то встречами его не перегружайте,— перебил Андропов.— Как говорится, не гоните лошадей. Пусть и отдыхает, развлекается.

— По культурной программе был сегодня вечером Большой театр. «Лебединое озеро». Представьте, после первого акта сбежал! Хорошо, у нас в театре тройное наблюдение, не только в зале, но и на выходе из театра. Отправился наш Жозеф на прогулку: Красная площадь, набережная Москвы-реки, Александровский сад. Много фотографировал, долго бродил вокруг «серого дома», рассматривал мемориальные доски, что-то записывал. Вообще, Юрий Владимирович, хотя у нас этот шустрый Рафт впервые, но в Москве ориентируется отлично, во всяком случае, в центре. И, судя по всему, весьма осведомлен в нашей советской истории.

— Что же, очень хорошо.— Голос Юрия Владимировича в трубке звучал бесстрастно.— Такой нам и нужен.— И опять возникла пауза. Странным образом Попков почти физически ощущал напряженное размышление Главного Идеолога страны и куратора КГБ: даже стало покалывать в висках и возникла тупая головная боль.— Значит, Фрол Дмитриевич, таким образом... До моего отъезда в Крым держите меня постоянно в курсе. Будем связываться по телефону, как сегодня, вечерами. Возможно, перед Форосом я вас приглашу к себе на дачу. Там все обсудим детально, и дальше материалы по операции «Золотое перо» с курьером будете доставлять мне в Крым. Скажем, раз в три дня.

— Хорошо, Юрий Владимирович.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Фрол Дмитриевич откинулся на спинку кресла. Голова раскалывалась от боли.

27 — 31 июля 1982 года

Двадцать седьмого июля Жозеф Рафт проснулся в своем роскошном номере гостиницы «Националь» рано, было начало восьмого, но почувствовал себя выспавшимся, бодрым. И после короткой зарядки, контрастного душа, облачившись в летний спортивный костюм, первое, чем он занялся,— это, расположившись за письменным столом в кабинете, сделал

короткие записи о происшедшем вчера: потом при работе над очерками, при расшифровке диктофонных записей, пригодится.

Жозеф был доволен вчерашним днем: и встречей с поэтом Воскресеньевым («Он искренен, импульсивен, пожалуй, чересчур нервен, но его характеристика моего героя интересна, может быть, только слишком восторженна. Она для меня просто находка в разработке темы «Андропов и творческая интеллигенция»), и экскурсией по историческим местам Москвы, которую ему устроили любезные Ник Воеводин и Валерий Яворский, и самим собой («Ловко я их обвел вокруг пальца, когда удрал с этого занудного балета! А Красная площадь, Мавзолей произвели на меня какое-то гнетущее впечатление, даже не знаю почему. Надо разобраться... Но самое страшное, что я увидел вчера,— это «дом на набережной». Я его сразу узнал, вспомнив страницы повести Юрия Трифонова»).

Хотелось есть, и, оставив свои записи на столе, американец отправился в кафе со шведским столом на своем третьем этаже. Он вернулся минут через двадцать и опять обнаружил свои апартаменты убранными, на столе в гостиной стоял новый букет — желтые, красные и фиолетовые тюльпаны.

«Смена букетов тоже, наверное, входит в стоимость номера,— подумал Жозеф Рафт.— Этот Союз журналистов на меня денег не жалеет. С чего бы? Или опять русское гостеприимство?»

Была половина девятого. Воеводин и Яворский приедут за ним в десять, чтобы ехать на встречу с Робертом Николаевичем Ведеевым, знаменитым советским диссидентом, автором многостраничного двухтомного труда «Сталинизм на суде истории», который американский журналист тщательно изучил в прекрасном переводе на английский Джимми Кларка. «Интересно встретиться с этим человеком. Чрезвычайно интересно!»

Жозеф удобно устроился в кресле перед телевизором: «Времени уйма, посмотрю, что у них по «ящику» показывают».

Он уже потянулся к телевизору, и в этот момент открылась дверь, ведущая в ванную комнату и туалет,— в гостиной со стопкой белья и полотенец появилось совершенно ослепительное длинноногое существо в короткой серой юбочке и в белом кружевном переднике. Юная блондинка: пышущее здоровьем нежное лицо, короткая челка на лоб, чувственный рот, быстрые карие глаза, высокая грудь.

Несколько мгновений длилось молчание. Жозеф как зачарованный смотрел на возникшее перед ним видение, на

«стопроцентную» (как он определил потом) русскую красавицу.

— Доброе утро, господин Рафт,— прозвучал звонкий чистый голосок.— Я горничная. Простите... Не успела все сделать до вашего возвращения. Вы слишком быстро вернулись.

Сказочное видение говорило по-английски почти без акцента, только с некоторым напряжением.

— Как вас зовут? — спросил Рафт, не в силах оторвать взгляда от горничной.

— Мое имя — Лиза,— улыбнулась девушка и ближе подошла к креслу, в котором сидел гость Союза журналистов.

До него долетел легкий ветерок, игравший с занавеской на открытом окне, донес запах знакомых духов — вчера их струи витали в его номере, особенно в спальне.

«Она пахнет как экзотический цветок»,— расслабленно и несколько сентиментально подумал молодой американский журналист.

Лиза прямо, с легкой летучей улыбкой смотрела на него.

— Может быть, вас что-то не устраивает здесь? — спросила Лиза, быстро обведя взглядом гостиную.— Есть какие-нибудь просьбы, пожелания?

— Да нет, все хорошо. Все просто замечательно.— Он помедлил и не удержался, сказал: — И еще такая горничная.

Девушка подошла к креслу еще ближе. Жозеф увидел родинку возле правого уголка ее рта.

— Мы работаем посменно,— сказала Лиза, по-прежнему открыто и зовуще глядя на него.— Двое суток работаем, трое отдыхаем. Сегодня мои вторые сутки. Если хотите, вечером... или ночью я приду к вам.

— То есть вы...

Лиза быстро подошла к креслу вплотную, прижала душистую ладошку к его губам, коснувшись своими коленями.

— Вопросы потом. Так приходить или не приходить?

— Приходите...

— Вы на двери повесьте трафарет «Прошу не беспокоить». Я буду знать, что вы у себя.

И Лиза со стопкой белья и полотенец непонятным образом быстро и бесшумно исчезла.

У Жозефа Рафта возникло реальное ощущение, что все это пригрезилось ему. Но вокруг еще клубился запах ее духов.

Он забыл про время, просто не заметил, как пролетели полтора часа: сидел в кресле, бродил по комнатам, стоял у окна и бездумно смотрел на Манежную площадь. Состояние было близкое к прострации. И появилось чувство жгучего

ожидания. Чего? Жозеф не мог это чувство определить словами.

«Господи! Да что же это со мной?»

В реальность его вернул телефонный звонок:

— Доброе утро, господин Рафт.— Голос Валерия Яворского был вежлив, но официален.— Мы внизу. Ждем вас.

— Доброе утро. Я спускаюсь.

Жозеф Рафт, когда надо, умел сосредоточиться и работать, работать. Все — для работы. Но сегодня, хотя он и преодолел себя и дело вроде бы шло хорошо, нет-нет да и возникал перед ним эфирный, легкий, манящий образ Лизы. И опять все происшедшее утром в его номере казалось нереальным, «русским», прибавил он, наваждением.

Скорее бы наступил вечер!..

...Аудиенция была назначена на шесть часов вечера.

Диссидент Роберт Николаевич Ведеев принял американского журналиста в кабинете своей московской квартиры, и Жозеф Рафт был поражен этим кабинетом. Вернее, не самой довольно небольшой комнатой с окном в какой-то запущенный сад со старыми темными деревьями и прудом, задернутым ряской («Вроде бы мы в центре Москвы. Неужели тут сохранилась такая патриархальная старина?»), а библиотекой, книгами, которые вмещало это скромное помещение. Книги на стеллажах вдоль всех стен, на этажерках до потолка, на полках, вмонтированных в нишу возле двери, книги на подоконнике — аккуратными стопками, прямо на полу; книгами был завален большой старинный письменный стол, накрытый толстым стеклом, под которым было множество фотографий. В книгах были закладки, листы машинописного текста, заложенные между страницами. Сразу было видно, что хозяин кабинета постоянно работает со всем этим скопищем интеллектуальной информации и наверняка в любой момент найдет книгу, которая ему понадобится.

И еще одно удивило американского журналиста — аскетизм кабинета: книги, письменный стол, печатная машинка на нем, старый чернильный прибор из серого мрамора, рукописи, телефон. Потрепанный диван, на нем подушка в несвежей наволочке и теплый плед. Голые стены — ни одной картины, гравюры. Единственный портрет над письменным столом — Владимир Ленин: огромный лысый череп, резкий прищур умных азиатских глаз, жестко сжатые губы.

Сам Роберт Николаевич был высок, моложав, хотя уже явно перевалил за шестидесятилетний рубеж, розовощек, водянистые серые глаза под светлыми бровями смотрели вни-

мательно, спокойно, и только в их глубине иногда мелькала настороженность.

— Простите, господин Рафт...— Голос знаменитого московского диссидента был ровен и спокоен.— Вынужден вас предупредить: я ограничен во времени — много работы. В нашем распоряжении час-полтора. Поэтому перейдем сразу к интересующему вас вопросу. Итак — Юрий Владимирович Андропов. Что вас интересует?

— Ваше мнение об этом лидере Советского государства. Вы с ним знакомы?

— Лично — нет.

— И никогда не встречались?

— Никогда. Но свое мнение о Юрии Владимировиче имею. Итак... Главное. Если вы читали мои работы, посвященные будущему нашего государства... Словом, я, а также мои единомышленники и здесь в Советском Союзе, и те, которые волею судеб оказались на Западе, убеждены, что в нашей стране назрели глубокие, я бы сказал, кардинальные реформы, как политические, так и экономические. Не буду конкретизировать суть необходимых реформ — это другая тема. Скажу пока одно: для их проведения необходимо окончательно покончить с рудиментами сталинизма, и в области политики, и в экономике.— Роберт Николаевич взглянул на диктофон, стоящий перед ним, на Ника Воеводина и Валерия Яворского, которые напряженно слушали его с непроницаемыми лицами. Яворский монотонно, как отлаженная машина, переводил монолог диссидента слово в слово.— В Политбюро... преобладают люди, которые не понимают необходимости реформ. Таков, к сожалению, и глава государства — Леонид Ильич Брежнев. И он, и его окружение, за исключением двух-трех человек,— мягко говоря, люди весьма преклонного возраста. Они страшатся любых перемен, руководствуясь обывательским тезисом: «На наш век хватит...»

— То есть,— не удержался Жозеф,— после нас хоть потоп?

— Именно,— спокойно подтвердил московский диссидент.— Именно так, господин Рафт. Но объективные законы жизни неумолимы.— Возникла пауза. На розовощекое лицо Роберта Николаевича набежала тучка.— И они действуют в любых условиях, если только их не останавливают грубой силой. Так вот, молодой человек, в Советской стране во всех структурах государственного и политического управления появились люди, понимающие необходимость скорейшего проведения назревших реформ. Во имя строительства истинного социалистического общества, основы которого были заложены Владимиром Ильичем Лениным. Эти люди сегодня присут-

ствуют на всех этажах власти. И есть человек на самом верху, в Политбюро, который смотрит вперед, а не назад, который понимает необходимость скорейшей реформаторской деятельности. Как вы понимаете, это — Юрий Владимирович Андропов.

— Он один такой реформатор в Политбюро? — спросил американский журналист.

— Нет, не один. Еще, пожалуй, двое — Горбачев и министр обороны Устинов. Но они у Андропова за спиной. Он — лидер, он — первый. И если вы меня спросите, с кем я связываю надежду на выздоровление нашего общества от болезней, накопленных при Сталине, да и — увы! — в последние десятилетия,— я вам отвечу однозначно: с товарищем Андроповым.

— Все-таки я не совсем понимаю...— Жозеф Рафт подыскивал точные слова. «Как же сказать, чтобы не задеть... А! В конце концов, что они мне сделают? Я — американский подданный».— Где вы видите хотя бы намек в деятельности Андропова... Я имею в виду деятельность до перехода в ЦеКа партии...

— То есть во время его работы в КГБ? — уточнил Роберт Николаевич Ведеев.

— Да!

— Для того чтобы понять это, необходимо... Вы только, пожалуйста, не обижайтесь! Необходимо родиться в этой стране, прожить в ней всю жизнь, а сейчас, занимаясь современной историей нашего несчастного государства, скрупулезно, каждодневно изучать протекающие политические и экономические процессы и следить за всем, что говорит и делает каждый верховный лидер. Вас пугает одно название — КГБ. А советских людей пугает еще больше. Уже генетический страх, сидящий в крови. Да, пятнадцать лет Юрий Владимирович возглавлял Комитет. Но какие грандиозные перемены в этом ведомстве произошли при Андропове! Только один пример. Вы, коли занимаетесь нашей страной, наверняка знаете: одно из самых страшных зол нашей сегодняшней политической, государственной системы — коррупция. Коррупция — с самого верха донизу. И он — один! — решился на борьбу с ней, невзирая ни на что, ни на какие ранги и звезды. Вы меня понимаете?

— Да, я вас понимаю, господин Ведеев.— Американский журналист испытывал смутное несогласие.— Но хочу у вас спросить вот о чем... За эти пятнадцать лет... И это вы знаете лучше меня... За эти годы, по существу, в России было разгромлено диссидентское движение, можно сказать, его сейчас, по существу, нет. Одна ссылка академика Сахарова в Горький

чего стоит! И всей этой масштабной кампанией разгрома диссидентства руководил Председатель КГБ Андропов...

— Постойте, постойте! — перебил Роберт Николаевич, останавливая Жозефа протестующим жестом.— Прежде всего вам, господин Рафт, надо уяснить тот положительный факт, что в наше время КГБ, слава Богу, не действует по собственной инициативе, а подчиняется Политбюро, выполняет его решения и постановления. Конечно, с Лубянки на Старую площадь поступает информация, могут последовать рекомендации по конкретным делам. Но — подчеркиваю — никакой инициативы, никаких самостоятельных действий. А теперь самое главное. Вы правы: диссидентское движение... Нет, не разгромлено, это слишком сильно сказано. Скорее, деморализовано. И действительно, таков результат целенаправленной деятельности КГБ под управлением Андропова. Но! Обратите на это свое пристальное журналистское внимание. «Покончить с диссидентством!» — такое решение почти десять лет назад было принято Политбюро, покончить с этой «пятой колонной», как говорили они. Директива! И ее надо исполнить. А из тогдашних, да и теперешних, членов Политбюро подавляющее большинство — сталинисты.— И опять Ведеев посмотрел на сопровождающих Рафта, на этот раз с откровенной неприязнью.— Правда, все они стараются скрывать свои взгляды. А что, по товарищу Сталину, значит покончить с «пятой колонной»? Только одно — уничтожить. Физически уничтожить: сгноить в лагерях, приговорить к расстрелу, убить...

Валерий Яворский переводил, потупя взор долу. По худым щекам Воеводина ходили желваки.

— А как поступает Юрий Владимирович? Большинство видных диссидентов высылается из Советского Союза в страны Европы и к вам, в Америку. «Выдворяются» — так приятней для слуха нашего высшего руководства. Несколько судебных процессов, сроки минимальны. Многие, правда, лишаются профессиональной работы, действует институт невыезда из города или области, перлюстрация писем, прослушиваются телефоны... Вот и у меня сейчас прослушивается. Словом, превентивные меры. Но согласитесь: все живы, никто не уничтожен как «враг народа». Тот же Андрей Сахаров. Поверьте мне на слово: по отношению к академику предлагались весьма крутые меры. Особенно на них настаивал покойный товарищ Суслов. Юрий Владимирович изменил ситуацию к лучшему. И в этом столкновении мнений на Политбюро он был один. Или почти один... Так я вас спрашиваю, молодой человек, это «разгром» диссидентского дви-

жения или что-то другое? Да не будь Андропова во главе КГБ, мог бы я почти двадцать лет оставаться на свободе, работая над книгой «Сталинизм на суде истории»? Имел бы доступ в партийные архивы?

«Действительно, как это вам удается?» — вертелся на языке Жозефа вопрос, но он сдержался и спросил другое:

— И сейчас, когда Юрий Андропов стал секретарем ЦеКа, занял кабинет Суслова, ему по-прежнему трудно?

— Да. Трудно. Но лед тронулся. Грядут перемены. Остается подождать. Скорее всего, совсем недолго.

И все присутствующие в кабинете московского диссидента поняли, ЧЕГО надо подождать...

— Какие еще трудности испытывает Юрий Андропов, проводя свою линию в Политбюро? — спросил американский журналист.— Кроме, если я вас правильно понял, сопротивления скрытых сталинистов?

— Ну... Например, национальный вопрос.— Роберт Николаевич впервые за всю встречу улыбнулся.

— Простите, не понял.

— Согласен...— Ведеев помедлил, быстро, с явным сарказмом взглянул на Валерия Яворского.— Вам это непросто понять. Видите ли, господин Рафт, мать отца Юрия Андропова — еврейка.

— Ну и что же? — удивленно спросил американский журналист.

— Дело в том, что антисемитизм у нас имеет весьма сильную политическую окраску. Одно дело бытовой...

— Вы хотите сказать...— перебил Жозеф Рафт.

— Я хочу сказать, что с окончательным утверждением неограниченной власти Сталина все евреи, занимавшие высшие посты в государстве, и прежде всего на самом верху, были не сразу, конечно, постепенно... в основном уничтожены. Уцелевшие физически — изгнаны. Иосиф Виссарионович терпел рядом с собой лишь одного семита — Кагановича. С тех пор и повелось: евреи не должны управлять Россией. Можно сказать, сталинская традиция. Хотя, согласитесь, по законам здравого смысла, все выглядит весьма странно: грузин Джугашвили, патологический антисемит, насаждает юдофобство в России, исповедуя славянский национализм. Впрочем, на склоне лет товарищ Сталин считает себя русским: «Мы, старые русские люди, давно этого ждали...» Так он говорил после разгрома Квантунской японской армии и возвращения России части Курильских островов, половины Сахалина и Порт-Артура.— Роберт Николаевич взглянул на ручные часы.— Так что, мой американский коллега... Я ведь по первой

профессии журналист, историей занялся позже. Так что, сами понимаете, в Политбюро Юрий Владимирович в определенном смысле — белая ворона.

— И все-таки я этого не понимаю! — воскликнул Жозеф Рафт.

— И не старайтесь понять сразу,— снова улыбнулся московский диссидент.— Понимание придет со временем. По мере того как вы будете все глубже постигать советский период российской истории. Коли вы всерьез занялись этим делом. А теперь... еще есть немного времени. Может быть, у вас появились ко мне какие-нибудь конкретные вопросы?

Последовали вопросы, естественно, об Андропове, однако беседа потеряла — для Рафта — первоначальный интерес и остроту. Главное, считал американец, он услышал и понял. Правда, Роберт Николаевич прибавил к складывающемуся в сознании Жозефа образу бывшего Председателя КГБ и теперешнего Главного Идеолога Советского Союза новые черты: деловитость, практицизм, скромность, страстное увлечение политикой, простота, нелюбовь к парадности, показухе, лозунгам.

Аудиенция была прервана Ведеевым почти бесцеремонно: снова взглянув на ручные часы, он сказал:

— Я вынужден прервать нашу беседу и извиниться. Через десять минут придет мой массажист, а потом у меня вторая половина рабочего дня, до двенадцати ночи.

...Уже в машине Николай Воеводин внес предложение:

— Что-то расстроил меня этот борец за справедливость. Даже не знаю чем. Надо бы снять стресс, расслабиться. Жозеф, не пообедать ли нам вместе?

— Нет, нет! — поспешно отказался американский журналист.— Я хочу сегодня пораньше лечь...— Он сидел рядом с шофером и не мог видеть, как на заднем сиденье переглянулись сопровождающие.— Ведь завтра у нас дальняя поездка?

— Относительно дальняя,— подавив усмешку, ответил Яворский.— По вашему желанию, Жозеф, Ясная Поляна. Посещение, так сказать, святой русской могилы.— В голосе дипломата и переводчика прозвучало раздражение.— Мы заедем за вами в девять утра.

— О'кей!

А дальше... Он поднялся в свой номер в отеле «Националь», принял контрастный душ, переодел рубашку, наскоро поужинал в баре, выпив большую рюмку водки, что с ним случалось крайне редко, и опять заспешил в свой номер. Так... Было всего четверть десятого.

«Наверно, рано».

Но все-таки Жозеф вывесил на ручку своей двери картонный трафарет с фразой на русском и английском языках: «Прошу не беспокоить».

«Чем же заняться? Ладно, посмотрю «ящик».

Он включил телевизор, прошелся по программам, их оказалось всего четыре. Смотрел футбольный матч, балет, прогноз погоды, какой-то бестолковый мультик, опять игру в футбол. Ни на чем не мог сосредоточиться, ничего не понимал.

Да что это со мной? Чушь какая-то...

Жозеф Рафт был женат, имел четырехлетнего сына, но с супругой они уже не жили два года — Кэт не давала развода, говорила: «Обеспечь меня и Теодора до его совершеннолетия и тогда, пожалуйста, отправляйся на все четыре стороны».

«Стерва! — подумал Жозеф и выключил телевизор.— Как я ее не раскусил сразу?»

Он побродил по своим апартаментам, постоял у окна, с тоской взирая на рубиновые звезды над башнями Кремля. С тоской, потому что время шло, а Лиза не появлялась.

Американец заглянул в свою столовую, открыл холодильник и взял бутылку «Московской», наполовину опорожненную Ником Воеводиным и Яворским.

«Пить надо что-то одно. Так мне всегда говорил Майкл, первый пьяница в нашей редакции».

Жозеф выпил вторую изрядную рюмку водки, заев ее несколькими маслинами, обнаруженными в открытой банке. Маслины тоже были съедены наполовину.

«Может быть, выйти и поискать ее? Нет, неудобно...»

Он сел в кресло, расстегнул ворот рубашки, вытянул ноги. Приятная теплота разлилась по телу, немного кружилась голова. Было хорошо. Жозеф Рафт закрыл глаза и увидел себя вместе с Кэт на пустынном песчаном пляже Карибского моря. Свадебное путешествие занесло их сюда, в захудалый мотель среди песчаных дюн. В их номере жила большая черная мышь, которая ничего не боялась, и Кэт кормила ее с руки кусочками ветчины, хлеба, бананов. Они уходили далеко от мотеля на длинную косу раскаленного огненно-рыжего песка, купались там голыми и любили друг друга, любили, любили...

«Ты была прекрасна, Кэт, в наше свадебное путешествие, а Лиза все равно придет, и ты ничего с этим не сможешь сделать».

...Он проснулся от легкого прикосновения к плечу, еще не открыв глаза, ощутил запах её духов.

— Лиза!

Она стояла перед ним, смутно различимая, потому что в гостиной не был включен свет, комнату наполняли летние сумерки, подсвеченные городским освещением из окна.

— Просыпайтесь, просыпайтесь, Жозеф. Разве даму так встречают?

— Сколько времени? — хрипло спросил он.

— Первый час ночи. Вы идите в спальню, ложитесь. И — ждите. Я приму ванну.

— Может быть, сначала мы посидим, выпьем чего-нибудь, поговорим?

— Пить я не хочу и есть тоже.— Лиза говорила спокойно, четко, без всякого волнения.— А разговаривать? Разве вы меня пригласили для бесед? Да и время надо экономить.— Она подошла к креслу, как утром, коснулась его колен и вдруг, нагнувшись, поцеловала Жозефа в левое ухо, слегка прикусив мочку.

Мгновенное жаркое желание охватило американского журналиста. Он, раздвинув колени, привлек к себе Лизу и, задохнувшись, стал целовать ее грудь через тонкую ткань платья. Бюстгальтера эта женщина не носила.

Несколько мгновений Лиза терпела внезапную ласку, потом легким, но властным движением отстранила от себя Жозефа.

— Все, все! Какой быстрый... Потерпите немного, господин журналист. Ждите, я скоро.— И Лиза бесшумно ушла в ванную, закрыв за собой дверь.

С колотящимся сердцем Рафт ринулся в спальню, включил ночник на дубовой инкрустированной подставке возле необъятной кровати, быстро разделся, отбросив одежду на ковер, которым был застелен пол, и юркнул под легкое одеяло.

Жозеф Рафт за свою недолгую жизнь был близок всего с пятью женщинами. Естественно, он их всех хорошо помнил. Перед Кэт была хорошая знакомая по колледжу — так, без особых чувств, зов пола. Потом,— он уже работал в провинциальной газете штата Огайо, в которую попал по рекомендации деда, являвшегося почетным гражданином столицы штата,— произошел короткий, но бурный роман с секретаршей редакции, метиской Мэриам,— вот, пожалуй, с ней молодой журналист по-настоящему узнал, что такое близость с женщиной: Мэриам была ненасытной и умелой. Потом — два года с Кэт, которая оказалась совершенно фригидной, а «страсть» во время свадебного путешествия, как потом призналась она, была вынужденной игрой. Наконец, после разрыва с женой, появилась соседка Хельга Лундстрем; она тайком систематически прокрадывалась к нему, сбегая от мужа-инвалида, ко-

торый чудом выжил после автокатастрофы, но перестал после этого быть мужчиной. Вот и все. Невелик опыт. Надо сказать, что Жозеф Рафт был застенчивым от природы. Теоретически он, конечно, все знал, но чтобы познакомиться с женщиной вот так! Да еще с горничной в русском отеле, и почти сразу очутиться с ней в постели... Он и представить не мог, что подобное может с ним произойти. Сказали бы ему, что в России ждет такое приключение,— не поверил бы никогда.

...Скрипнула дверь, и в спальню вошла Лиза. Она была голой. Светлые волосы, высушенные феном, пышной челкой спадали на лоб, почти закрывая глаза. Фигура русской красавицы была идеальных, даже классических форм: тонкая талия, покатые плечи, крепкие крупные груди, которым не нужен лифчик, впалый живот, широкие сильные бедра. Лиза стояла в дверях и с полуулыбкой, усталой или грустной, показалось Жозефу, смотрела на него.

Американец потянулся к дубовой подставке, чтобы погасить ночник, но девушка остановила его:

— Не выключайте. При слабом свете интересней.— И она засмеялась, легко и призывно.— Или вы скромник?

— Иди ко мне, Лиза,— тихо сказал американский журналист, облизав пересохшие губы.

...Прошел час, а может быть, два. Усталый, опустошенный, счастливый Жозеф Рафт лежал на спине рядом с Лизой, положив голову на ее плечо. Нет, оказывается, он еще ничего не знал! Не знал, что может быть между мужчиной и женщиной, когда они сливаются в одно целое. И это все она, Лиза... Она разбудила в нем то, что он и не подозревал в себе. Разбудила медленно, постепенно, и будто из-за огненного горизонта на него, на них двинулся этот раскаленный и сокрушающий вал блаженства страсти, растворения в Н Е Ч Т О, и этим Н Е Ч Т О, подумал Жозеф, может быть только Бог.

Лиза, уткнувшись в его ухо, спокойно и ровно дышала, и он боялся пошевелиться, думал, что она спит.

«Что будет дальше? Господи, что будет дальше?..»

— Уже поздно,— тихо, спокойно сказала Лиза.— Мне пора.

— Куда? — шепотом спросил он.

— Домой.

— Ты живешь далеко?

— Далеко, в Тушино, это новый район Москвы.

— Оставайся у меня до утра.

— Нет. И мне и тебе надо выспаться. Ведь, наверно, у тебя завтра дела?

— Да. Дела всегда есть.

— Вот видишь. Обязательно надо выспаться. Останусь...— она засмеялась,— сна не будет.

— Как же ты доберешься до дома? Ведь городской транспорт и ваше метро...

— У меня машина,— перебила Лиза.

«Ничего себе! У горничной советского отеля — машина!»

— И какая же марка? — спросил он.

— А! Наш задрипанный «Москвич». На «тойоту» или «мерседес» еще не заработала.

— Постой! — Жозеф рывком сел в постели.— Ты...

— Ну? Ну? Спрашивай.

Американец молчал, парализованный внезапной черной тоской. Наконец спросил:

— Скажи, почему ты так поздно пришла ко мне?

— Да один клиент задержал, япошка. Привередливый оказался. И весьма образован в сексуальных делах. Пришлось выдавать ему всю программу по высшему классу. Но и тариф я ему предъявила — высший. Раскошелился, самурай.

Все это говорилось спокойно, даже лениво.

— А мне ты какой тариф выставишь? — сорвавшимся голосом спросил Жозеф.— Назначай сумму.

— Никакой не выставлю.

— Почему?

— Ты не понял? Ты для меня не клиент. Я ни с кем так...

— Но почему?

— Потому что ты мне нравишься. Ты мне понравился с первого взгляда. Может быть, больше, чем понравился. Знаешь, наверно, у каждой женщины есть свой... Как тебе сказать? Идеал, кумир, принц. Она ждет его всю жизнь. Может дождаться, может не дождаться... Кому как повезет. Больше невезучих.

— Лиза, я...— Он обнял ее за плечи, приподнял с подушки и стал целовать глаза, щеки, губы, шею, грудь.

И огненный вал снова поднялся из-за горизонта.

...Она ушла под утро, когда в окне уже начался розово-серый московский рассвет. Легко поцеловав его в губы, сказала:

— Я теперь работаю через трое суток. На всякий случай на столе под вазой с цветами мой домашний телефон.

— Я позвоню завтра! — мгновенно отозвался он.— Нет, сегодня вечером!

...Жизнь американского журналиста Жозефа Рафта в России странным образом раздвоилась. Ему организовывали встречи с людьми, которых вроде бы он сам выбрал — для получения материала о Юрии Андропове (хотя Рафт, пред-

варительно оговаривая поездку в Советский Союз еще в Штатах, в русском посольстве, называл только профессии персоналий, с которыми намеревался встретиться, или их социально-политический статус). Он прилежно, профессионально, не теряя аналитического журналистского интереса к предмету исследования, делал свое дело. Но главным, всепоглощающим стало другое: Лиза, встречи с ней.

На следующий день после их первой ночи, вернувшись из утомительной поездки в Ясную Поляну, перегруженный впечатлениями (особенно поразило Жозефа какое-то мистическое величие аскетической могилы великого русского писателя), он, уже в десять часов вечера, позвонил Лизе:

— Хочу тебя видеть немедленно, сейчас!

— Ты знаешь центр Москвы? — прозвучал в трубке ее голос.— Что-нибудь метров за триста — четыреста от отеля «Националь»?

— Да! Конечно! Большой театр. Красная площадь, памятник Юрию Долгорукому...

— Долгорукий годится,— перебила Лиза.— Жди меня у этого идиотского жеребца с Юрой на хребте...— возникла пауза, наверно, она взглянула на часы,— минут через сорок — сорок пять.— И Лиза положила трубку.

Возле памятника основателю Москвы Жозеф был гораздо раньше и мучился сомнениями: а вдруг это розыгрыш, шутка и она не придет?

Американец не обратил внимания на то, как у кафе на углу остановился замызганный красный «Москвич», скрипнув тормозами,— водитель спешил.

Лиза взяла его под руку, прошептала в ухо, прикоснувшись губами:

— Поехали! Тут запрещена стоянка, как бы менты не засекли.

Они очутились в «Москвиче», на переднем сиденье. И Лиза привезла его к себе, в довольно убогую двухкомнатную квартиру в Тушино. Рафту показалась она несколько странной: казенная обстановка, голые стены, в комнатах не ощущалось присутствия женщины, хозяйки.

— Не обращай внимания на жалкий вид моей берлоги,— сказала Лиза.— Разошлась с мужем, теперь больше живу у родителей, в Измайлово. А тут...— Она не договорила.— Ты хочешь есть?

— Совсем немного. Лучше чего-нибудь выпить.

— О'кей, мой милый. Сейчас сообразим. Иди в спальню, отдыхай. Там телевизор, телефон, если тебе надо кому-нибудь звонить.

В спальне была широкая тахта, застеленная чистым бельем и накрытая тонким мягким одеялом,— Лиза все приготовила для их свидания. Телевизор на маленьком столе, телефон возле тахты на паркетном полу.

Жозеф снял пиджак и ботинки, упал на тахту животом вниз, зарылся лицом в мягкую подушку, хранившую запах ее духов,— и ощущение полного, оглушительного счастья поглотило его.

Жизнь спрессовалась, усложнилась, приобрела новые измерения, в каждый день вмещалась масса событий, приходилось экономить каждый час,— чтобы как можно больше оставалось времени для их встреч.

Тем не менее основное дело, ради которого он приехал в Россию, успешно подвигалось, интересный, порой противоречивый материал о Юрии Андропове накапливался.

...Директор Научно-исследовательского института США и Канады при ЦК КПСС Аркадий Григорьевич Аратов говорил американскому журналисту во время их встреч:

— Я давно знаю Юрия Владимировича, работал у него консультантом в шестидесятые годы, когда он возглавлял в ЦК партии международный отдел, занимающийся исключительно социалистическими странами. И в дальнейшем мы с ним не теряли контактов, вплоть до сегодняшних дней. Позвольте, я прежде всего скажу несколько слов о товарище Андропове — дипломатическом работнике. Именно в этой сфере политической деятельности я с ним работал и продолжаю работать, уже по линии возглавляемого мною института. Так вот... Юрий Владимирович глубокий аналитик, я бы сказал, с философским уклоном. При этом он понимает всю сложность и значение для сохранения мира на планете сотрудничества... нет, надо уточнить: углубление и наращивание сотрудничества между двумя сверхдержавами — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Скажу больше: он политик западной ориентации, то есть понимает, что мир, и в первую очередь западные страны, идет к интеграции.

— А как же разница идеологий? — перебил Рафт.— Классовая борьба?

Академик поморщился:

— Полноте, мой друг. Давайте догмы оставим кабинетным ученым. Пусть себе занимаются в своих теоретических трудах и идеологическими проблемами, и классовой борьбой. Кстати, не удивляйтесь, пожалуйста, если в какой-нибудь статье или интервью товарища Андропова вы прочитаете и о классовой борьбе, и о приверженности марксистско-ленинской идеоло-

гии. Дань времени, учет политических взглядов окружения, то бишь наших вождей.

Жозеф Рафт не верил своим ушам...

— Да, да, мой друг! Мир идет к объединению, и Юрий Владимирович понимает это. Он на десятилетие, если не больше, видит перспективу и определяет цели. Конечно, ему приходится считаться с состоянием умов и руководства нашей страны, и всего общества. При этом он сторонник эволюционного развития на пути сближения наших стран — не торопясь, осторожно, всесторонне осмысливая каждый шаг, никаких резких движений...

— Простите! — перебил недоумевающий американец.— Но, по крайней мере, до последнего времени во всем, что говорил (надо уточнить: говорил очень редко) и что делал господин Андропов, невозможно найти подтверждения ваших слов. Во всяком случае, то, что мне известно...— Жозеф Рафт развел руками.

На этот раз Аркадий Григорьевич улыбнулся:

— Не обижайтесь, но вы очень мало знаете. Я вам изложил взгляды Юрия Владимировича, известные мне из наших приватных бесед. А практические дела... Погодите, давайте немного потерпим.— Академик снова улыбнулся, теперь загадочно.— Думаю, мы с вами скоро будем свидетелями и практических шагов нашей страны в обозначенном мною направлении.

Жозеф заметил, что Ник Воеводин, которого в своих дневниковых записях он стал шутливо называть «своей тенью», слушает откровения Аратова напряженно и с плохо скрываемым недоумением.

Валерий Яворский переводил словообильного академика, как всегда, бесстрастно и пунктуально.

— Что же касается практической деятельности Юрия Владимировича в качестве дипломата,— продолжал Аркадий Григорьевич,— давайте вернемся в дальнее прошлое... Впрочем, не такое уж и далекое. Я говорю о трагических событиях в Венгрии в пятьдесят шестом году. Итак, во время антисоветского мятежа в Будапеште Андропов занимает пост посла нашей страны в республике. Вы, конечно, хорошо знаете об этих событиях. Есть фундаментальные труды так называемых западных советологов о венгерской контрреволюции, в которых товарищ Андропов является чуть ли не инициатором ввода в Венгрию советских войск и организатором подавления мятежа. Так вот, мой молодой американский друг... Кстати, если у вас найдется время, я распоряжусь, чтобы для вас в архивах подняли соответствующие документы. Вот, звоните.—

Академик протянул Рафту визитную карточку.— Познакомитесь с «венгерским синдромом» по первоисточникам...

— Благодарю,— перебил американский журналист,— я постараюсь выкроить время и воспользоваться вашим предложением.

На самое короткое мгновение лицо Аркадия Григорьевича стало сумрачным — похоже, он такого ответа не ожидал.

— Словом, во взорвавшейся Венгрии советский посол Андропов стремился только к одному: не дать пролиться крови. Ведь если бы не были введены войска, в стране началась бы гражданская война. Она, по существу, и начиналась уже. А что это такое, мы, русские, знаем на собственном опыте. Но Россия велика, Венгрия маленькая страна. Да эти темпераментные мадьяры попросту перебили бы друг друга! Это во-первых. А во-вторых... кто в современной Венгрии отец либеральных экономических реформ? Янош Кадар! А ведь тогда, в ноябре пятьдесят шестого года, жизнь Кадара висела на волоске. По существу, Юрий Владимирович спас его, на несколько дней укрыв в своем посольстве. Он уже тогда разглядел в этом политическом деятеле прогрессивного реформатора. А потом, когда страсти улеглись, он всячески способствовал Яношу Кадару, помогая ему занять пост главы государства. Таковы факты, господин Рафт.

— Интересные факты. И я буду вам чрезвычайно благодарен, если вы представите мне возможность по архивным документам убедиться в них.

— Звоните — договоримся,— быстро, несколько суетливо откликнулся академик.— Пожалуй, главную тему мы исчерпали.

— Я вам чрезвычайно признателен, господин Аратов, за то, что вы нашли время встретиться со мной,— любезно сказал Жозеф, одновременно думая с замиранием сердца: «Еще целых полтора часа! Я даже успею заскочить в отель, переодеться. От «Националя» до памятника Пушкину — рукой подать».

Центр Москвы стал для американского журналиста привычным и родным, будто он здесь родился и вырос.

В этот вечер, 29 июля 1982 года, в Москве шел теплый неторопливый дождик, и Жозеф Рафт, появившись у памятника великому русскому поэту на Пушкинской площади ровно в семь часов тридцать минут— как и было условлено с Лизой,— раскрыл над своей головой большой черный зонт. Он уже привык к тому, что Лиза почти всегда немного

опаздывает, на пять — десять минут, и поэтому сейчас осматривался по сторонам.

Мокрые лавочки в сквере вокруг памятника пусты. У пьедестала, на котором, задумавшись, стоит Александр Сергеевич, к его подножию положили букет крупных белых астр; на голове поэта сидит нахохлившийся голубь, похоже очень недовольный погодой; несколько таких же, как он, Рафт, ожидающих: молодые люди в плащах, пожилой субъект под пестрым дамским зонтиком, воровато оглядывающийся по сторонам, милая девушка в легкой кожаной куртке с капюшоном.

К американцу подошла ярко накрашенная красотка с лицом, на котором запечатлелись, правда нисколько не испортив его привлекательности, все тысячелетние пороки человечества.

— Добрый вечер, мальчик,— сказала она на отвратительном английском языке.

— Добрый вечер.

— Десять зеленых за час, крыша моя, хата рядом. Получишь все, что захочешь, включая минет.

— Я не ваш клиент, красавица.

— А ты подумай немного. Всего-то десять вшивых долларов, а удовольствия...

— Я смотрю, Жозеф,— Лиза взяла его под руку,— ты тут без меня не теряешься.

— Не надо опаздывать,— сказал он.— Куда мы отправимся?

— Сейчас придумаем.

Лиза потянула Жозефа к подземному переходу.

«Смотри-ка,— подумала, глядя им вслед, оставшаяся с носом вечерняя бабочка,— к такой же шлюхе, как я, на свидание приперся. Чем это она его так достала?»

— Конечно, можно сразу поехать ко мне,— сказала Лиза уже в подземном переходе.— Да и погода к прогулкам не располагает. Но ведь ко мне мы всегда успеем, правда?

— Конечно.

— Есть у меня, Жозеф, предложение. Ведь тебя, наверно, наши гостеприимные товарищи по всяким валютным кабакам таскают. А как выпьет свои сто грамм простой советский человек в столице моей великой Родины после семи вечера и чем закусывает, ты не знаешь.

— Не знаю,— вздохнул Рафт.

— Есть тут недалеко, вторая остановка на метро, «Пельменная», моя любимая. То есть как любимая... Рядом пэтэуха, где я четыре года оттянула. Так сказать, на заре самостоятельной жизни. Вот в этой «Пельменной» мы с подружками

свои маленькие праздники иногда отмечали, если удавалось деньжат на панели перехватить...

— Постой, Лиза,— перебил Жозеф Рафт.— Что такое — пэтэуха?

— А! Все тебе объяснять надо. ПТУ — производственно-техническое училище. Одна из кузниц молодых рабочих кадров.— И Лиза пропела негромко фальшивым дурным голосом, с иронией и грустью глядя на американца:

Придет пора, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет!..

На них оглядывались прохожие.

— Лиза, у тебя плохое настроение?

— Когда я с тобой, у меня отличное настроение. Так едем или нет?

— Конечно, едем.

У «Пельменной», которая помещалась в подвале старого шестиэтажного дома, топталась мокрая гудящая очередь, человек двадцать, но Лиза, взяв оробевшего американца под локоть, решительно стала проталкиваться к двери, громко и напористо заявив всем:

— У нас заказан столик.

Их увидел через стеклянную дверь толстый лысый швейцар с круглым лоснящимся лицом, в ливрее с желтыми лампасами, заулыбался; дверь услужливо распахнулась:

— Лизонька! Наконец-то! Проходите, прошу! Давненько, давненько!

— Привет, Славик,— сказала Лиза, и Жозеф отметил, что лицо ее напряглось, стало жестким и некрасивым.— Ты у нас все жирок набираешь.— Славик развел руками, широко улыбаясь.— Сегодня чья смена?

— Иди к Катьке, товарке своей, во второй зал. Она вас определит.

— Спасибо, Славик.

— Чего там! Сочтемся.

И уже через пять минут они вдвоем сидели за «служебным» столиком у входа на кухню в углу подвального зала со сводчатыми потолками, битком набитого людьми. Было душно, гадко, накурено, грязно, стоял гул возбужденных голосов. Американский журналист с интересом наблюдал за окружающими, проникаясь «русской экзотикой»,— никогда в подобных «безобразных» (как он определил для себя) заведениях, где едят и пьют, ему бывать не доводилось.

На столе перед ними появились две большие тарелки с горячими, исходящими паром пельменями, щедро залитыми сметаной, селедка, нарезанная толстыми кусками, две запотевшие бутылки «Рижского» пива и два пустых граненых стакана.

Принесшая все это Катька была, как определил Рафт, ровесницей Лизы, может быть, немного старше, миловидная брюнетка с шальными диковатыми глазами и уже чрезмерно располневшая. Грохая бутылки пива на стол, Катька спросила у Лизы, подмигнув Жозефу:

— У вас с собой? А то ведь наша наценка, ты знаешь,— сто процентов.

— С собой,— улыбнулась Лиза.

— Умница! — Молодая женщина извлекла из кармана белого фартука две приземистые рюмки из толстого стекла и поставила их рядом со стаканами.— Отдыхайте. А я побежала. Вон у меня, у окошка, Гарик Араков с дружками гуляет. С обеда гудят.— Катька опять подмигнула, на этот раз Лизе.— Думаю, навар будет от рубля и выше.

Хохотнув, Катька быстро ушла.

— Что она говорила? — спросил американский журналист.

Лиза коротко перевела и, вынув из своей сумки бутылку «Российской», поставила на стол.

— Зачем сто процентов переплачивать? — сказала она, и в голосе ее появилось ожесточение.— Это называется так: «А у нас с собой было». Пусть Гарик Араков переплачивает, он вор в законе. Мы же с тобой сегодня, мой милый, простые советские люди.

У Жозефа Рафта на языке вертелось несколько вопросов, он далеко не все понимал — и из того, что говорила Лиза, и в том, что происходило вокруг. Однако американский журналист, впервые очутившийся в Москве, не хотел показаться Лизе уж совсем наивным и поэтому с вопросами поостерегся и только сказал:

— Тебя здесь все знают.

— Это уж точно,— усмехнулась Лиза,— знают. Вот что, Жозеф... Пельмени стынут. Открывай-ка бутылку... Да, да, не смотри на меня так. Привыкай, раз с нами связался. Есть у нас такая поговорка: «Назвался груздем — полезай в кузовок».

— Не понял.

— Ладно, ладно! Потом поймешь. Открывай. Так... Видишь, все очень просто. Наливай по первой. Умница. И давай, мой американец, выпьем за нас...— Голос Лизы дрогнул.— За то, что мы с тобой вот жили, жили на этом свете и вдруг

встретились...— Она подняла голову и посмотрела на Рафта. В глазах Лизы стояли слезы.

— Что с тобой?..— И Жозеф решился: — Что с тобой, моя любимая?

— Ничего,— резко сказала Лиза.— Все! Не обращай внимания. Поехали! — Она протянула свою рюмку Рафту.— Давай, давай! Чокнемся! Так. За нас, любимых!

Выпили, закусили селедкой, жирной и соленой, и стали есть пельмени со сметаной. Может быть, русская водка виновата, но Жозефу еда показалась очень даже вкусной, хотя и специфической.

— А вторую, паренек, мы выпьем за мою раннюю юность, которая прошла вот на этой улице, что за подвальными окнами нашей замечательной «Пельменной». Видишь, ноги прохожих мелькают? И куда спешат, бедолаги? — Лиза вдруг громко рассмеялась.— Надо же!

— Ты что?

— Вспомнила. Знаешь, как эту занюханную улицу мы, девочки, в пэтэухе называли? Особенно когда первогодок на промысел выводили? Целкотряс!

— Как, как? — не понял Жозеф.

— А! Не вникай. Наверно, специфика русского языка. Не могу для перевода найти такого английского слова. И, Жозеф, закусывай! Нашу водку надо хорошо закусывать. А то станешь русским, сначала алкашом, а потом алкоголиком. Впрочем, ты не успеешь. Ведь ты скоро уедешь домой, в свои Штаты?

— Да, скоро,— сказал Жозеф Рафт, ужаснувшись: «Ведь действительно скоро...» — Через неделю.

— Через неделю...— Лиза взяла бутылку и налила полные рюмки.— Мы сейчас с тобой выпьем за эту нашу неделю.— Она помолчала. И опять тихо засмеялась.— А ты прав: меня здесь многие знают. И я — многих. Вот и в этом зале узнаю многих. Тот же Гарик Араков. Вон как рожу-то водярой накачал: ткни — и брызнет. Мразь черножопая...

— Лиза, что ты хочешь сказать? Этот Гарик?..

— Да ничего я не хочу сказать! Просто ты попал в точку: здесь много моих знакомых. Та же Катька. Ведь она моя товарка по пэтэухе, в одной группе были, кровати в общаге рядом. Сумела здесь, в «Пельменной», зацепиться. Был у нее в ту пору дружок, Петя Ряхов, тутошний повар. Он, как бы я теперь сказала,— протеже ей сделал. Потом, правда, Петя, парень-паренек, сел на три года за воровство, после колонии сюда не вернулся, но успел для Катьки доброе дело сделать. Молоток. Давай выпьем? Просто так, без тостов?

— Давай...

Они чокнулись и выпили.

— Или тот же Славик, лакей при дверях. Он здесь, наверно, сто лет. Мы в пэтэухе появились, он уже был в своих лампасах. Правда, тогда еще молодой был, весь из себя, это сейчас харю отожрал. А в пору моей замечательной юности ничего, смотрелся. Хам, правда, и жлоб. Он всех моих тогдашних подружек перетрахал.

— И...— Американец замешкался.

— Ну? Что «и»? Спрашивай.

— И тебя он тоже...

— Трахнул? А как же! Куда же деваться? Как говаривала та же Катька, хочешь жить — умей ложиться. Не дашь Славику, он тебя с клиентом в зал не пустит. Опять же столик для нашего девичника... Ну, у какой-нибудь деревенской дурехи день рождения. Столик тоже надо отработать. У этого Славика шутка была... Может, и сейчас он так шутит, ведь пэтэуха продолжает функционировать, ковать рабочие кадры.— Лиза тряхнула головой.— Да! Подойдет Славик к нашему столику в разгар наивного веселья... Мы наперебой: «Садись, Славик, вот тебе чистая рюмочка, выпей за здоровье именинницы». Славик выпьет, пожрет пальцами с тарелок. И потом, тыкая в каждую из нас своей грязной лапой, говорит: «Твоя такса такая, твоя такая, а твоя поболе, если кавказского клиента иметь в виду». Всех нас переберет. А мы преданные улыбки до ушей. «Верно, Славик, какой ты умный, Славик!..»

Красный густой туман наполнил все вокруг Жозефа Рафта. Он почему-то вспомнил вульгарную красотку, подошедшую к нему у памятника Пушкину, спросил шепотом:

— Ну, а сейчас, Лиза, твоя такса — какая?

Она подняла голову и с такой печалью и грустью посмотрела на него, что Рафт вдруг задохнулся от черной тоски и ненависти к себе.

— Хороший вопрос, Жозеф,— тихо сказала Лиза.— Сейчас у меня нет никакой таксы. Я не работаю т а к, пока ты со мной. Но ведь осталась только неделя. Ты уедешь. И я наверстаю свое. А сейчас... Чего же мы? Ведь, кажется, был тост: за нашу последнюю неделю! Как раз осталось, наверно, по рюмке, может быть, неполной. Разливай!

Рафт разлил водку.

— Прости меня, Лиза!..

— Что ты! Что ты! За что прощать? А, если хочешь, пожалуйста! Я прощаю тебя на всю оставшуюся жизнь...

— Я люблю тебя, Лиза!

— И я люблю тебя, Жозеф. Ну? За нашу неделю?

— За нашу неделю...

Они чокнулись и выпили — до дна, до последней капли.

Лиза замерла над своей рюмкой, сидела, наклонив голову, водила пальцем по клеенке с лысинами протертой краски, молчала.

— Что с тобой? — тихо спросил американец.

— Со мной? — Она подняла голову, посмотрела на Жозефа; глаза ее были влажны.— Со мной ничего. Со мной все в порядке. Послушай...— И Рафт понял, вернее, почувствовал: Лиза что-то преодолевает в себе.— Вот ты журналист. Что тебя, собственно, говоря...— в ее голосе появилось ожесточение,— интересует в нашей идиотской стране?

— Почему — идиотской?

— А! — Лиза усмехнулась.— Так... Оговорилась, к слову пришлось. И все-таки? Что тебя у нас интересует?

— Меня все интересует. Россия — удивительная страна.

— Вот тут, Жозеф, ты попал в десятку.— Лиза пристально смотрела в глаза американцу.— У нас не соскучишься, только успевай удивляться.

— А конкретно...— Жозефа охватило смутное беспокойство.— Конкретно, я собираю материал об одном из ваших вождей, руководителей государства.

— Надо же! — воскликнула Лиза.— Не ожидала... Такую новость надо обмыть. Вот что, водки больше не хочется. Отполируем принятое пивком. По старому опыту знаю: совсем неплохо...

— Как, как? — перебил Рафт.— Отполируем? Что это значит?

— Не вникай! — засмеялась Лиза, разливая «Рижское» пиво по стаканам.— Терминология наших алкашей. Так кто же этот советский вождь, о котором ты собираешься писать?

— Отгадай!

— Ой, нет, уволь! Откуда мне знать?

— А ты попробуй.

— Давай сначала пива выпьем.

Пиво Жозефу понравилось — в меру горьковатое, насыщенное, в меру охлажденное. К нему бы крупных креветок, сваренных с острыми пахучими специями. Но и жирная селедка, оказывается,— совсем неплохо сочетается с этим пивом, и американец опять, не без иронии, подумал о русской экзотике.

— Ну, так ты будешь отгадывать? — спросил он после того, как выпил второй стакан пива, отметив в себе некую новую стадию опьянения: мир вокруг приобрел одну окраску: радужную. (Жозеф Рафт, конечно, не знал, что на российско-советской почве кайф, снизошедший на него, определяется несколькими сакраментальными фразами: «А провались все

к такой-то маме!», «Идите вы все туда-то!» Возможны варианты: «Раз, ...бена мать, живем!») — Так ты будешь отгадывать?

— Да я и не знаю всех наших вождей! — вдруг зло, даже с ненавистью, сказала Лиза.— На хрена они мне сдались? Ты спроси любого в этом подвале: нам всем до фени кремлевские старики. У них своя жизнь, у нас своя.— Лиза поймала пристальный, внимательный взгляд американского журналиста и поперхнулась.— Ну... Не о Брежневе же ты собираешься писать? О нем все написано.

— Верно. Не о Брежневе.

— О Суслове?

— Лиза, да ты что? Суслов умер еще в январе.

— Правда? А я и забыла. Верно, верно! Вспомнила: в январе всю русскую челядь «Националя» сгоняли на какой-то траурный митинг.— Она смотрела на Рафта злыми сухими глазами.— Короче говоря, не знаю! Ни одна фамилия в голову не приходит...

— Хорошо, я скажу тебе...— Американец понизил голос: — Я собираюсь написать серию статей о Юрии Андропове.

— Надо же! — Лиза удивленно всплеснула руками.— Пожалуй...

— Что — пожалуй? — спросил Рафт.

— Что? — Жозефу показалось снова, что Лиза преодолевает себя.— Пожалуй, только его и знают в народе. Доверяют ему.

— Что ты имеешь в виду? — перебил Рафт.

— Я вот что имею в виду...— Лиза пальцем рисовала на клеенке замысловатые зигзаги.— Я расскажу тебе одну историю. У моих родителей в Измайлово есть сосед по лестничной площадке. На каком-то заводе работает. Они с отцом дружат, случается, на кухне бутылку водки раздавят. Ну, а за выпивкой, сам понимаешь, всякие разговоры, и на политические темы в том числе. Без этого у нас во время кухонных застолий не бывает. В простонародье называется — попиздеть.

— Как, как?

— Непереводимо. Так вот... На заводе, где вкалывает Николай Иванович... Так отцовского приятеля зовут. На его родном заводе произошло какое-то крупное должностное преступление, совершенное в дирекции. Связано оно было с огромными материальными хищениями. И, что интересно, прикрывало хапуг какое-то крупное должностное лицо аж в ЦеКа партии. Представляешь?

— Пытаюсь,— напряженно сказал Жозеф Рафт.

— Наш Николай Иванович, старый коммунист, трудяга, человек кристальной честности и прочее и прочее... Он туда,

сюда... В партконтроль, в горком, в прокуратуру — везде стена! Еще и угрожать стали: клеветник, очернитель. И кто-то его надоумил: напиши в КГБ, самому Андропову, только там и остались честные люди, если наверх глядеть. Написал Николай Иванович Андропову длинное письмо, изложил в нем все как есть. Послал! И что же ты думаешь? Через несколько дней вызывают его на Лубянку, к самому Председателю Комитета!

— Надо же! — невольно вырвалось у американского журналиста.

— Представь себе! Принял Николая Ивановича сам Андропов, внимательно выслушал, оставил свой телефон: «Звоните, говорит, дорогой Николай Иванович, если будут продолжаться преследования на работе, а по фактам, изложенным в вашем письме, разберемся».

— Разобрались? — спросил Рафт.

— Еще как! Через несколько дней на завод комиссия приехала. Уж не знаю какая. Директора с должности сняли — и под суд! А в ЦеКа то самое должностное лицо за холку взяли: полетел со всех постов, из партии пинком под жопу и — просим на скамью подсудимых. И всех его подпевал. Словом, как сказал Николай Иванович отцу, справедливость восторжествовала. И еще, знаешь, что он ему сказал? — Возникла пауза: американец молчал.— Сказал, что этот Андропов очень простой. Открытый, доступный. К нему рядовому человеку даже на прием попасть можно, потому что Председатель КГБ предпочитает получать информацию из первых рук.

Жозеф Рафт молчал: непонятное беспокойство, дискомфорт, разрушение гармонии, совсем недавно заполнявшие его,— нечто подобное испытывал он сейчас, не понимая: почему так происходит?

Лиза спросила, уже спеша и с явным напором:

— Послушай, а как ты о нем собираешь материал?

Американский журналист, усмехнувшись, ответил почти как на допросе:

— Встречаюсь с разными людьми, которые хорошо знают Юрия Андропова, а сами являются весьма заметными персонами в различных сферах жизни вашего общества.

— То есть из привилегированной среды?

— Пожалуй...

— Жозеф, но ведь есть первоисточник.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду самого Андропова! Послушать нашего Николая Ивановича... Прием простых людей...

— Теперь Андропов,— перебил Рафт,— не Председатель КГБ. Он работает Секретарем ЦеКа.

— Какая разница? Наверняка он и на новой должности остался тем, каков он есть. Я бы на твоем месте...

— Что бы, Лиза, ты сделала на моем месте? — перебил американский журналист.

— Кто-то ведь тебе организовывает встречи с представителями нашей зажравшейся элиты? — со злобой спросила Лиза.

...И гармония внутри Жозефа Рафта начала восстанавливаться.

— Естественно, организовывает.

— Вот и попроси их устроить тебе эту... аудиенцию с Андроповым. Уверена: американскому журналисту, который собирается о нем писать статьи, он наверняка не откажет.

— Почему, Лиза?

— А пошел ты, Жозеф, к черту! Втянул меня в этот идиотский разговор.

— Я втянул?

— А кто же? Угадай... «один из вождей»... Один из этих выживших из ума стариков, засевших в Кремле...— Последняя фраза была произнесена шепотом.— Милый, пошли отсюда. Что-то мне стало невмоготу.

— Пошли...

...В эту их ночь Лиза была особенно, невероятно, даже страшно неистова — как будто все это в ее жизни происходило в последний раз.

— Еще, Жозеф, еще! — шептала она, переворачивая его на спину.— Хочу!.. Хочу тебя, мой дурачок... Мой мальчик... Сейчас... Сейчас, сладенький... Он проснется...

Жозеф обваливался в сладостную бездну, взлетая на гребень огненного вала, и опять низвергался вниз. Снова и снова. И сам себя чувствовал в ее объятиях неистовым, ненасытным, могучим.

— Лиза, Лиза, Лиза...— шептал он, сливаясь с ней воедино в судорожном бдении.— Какое счастье... Только Бог... Лиза! Только Бог может послать такое счастье. Это он соединил нас.

— Бог, Бог, Бог...— бормотала она, гибко, сильно и нежно изгибаясь под ним.— Бог...

Лиза заснула внезапно, сразу, не добормотав какую-то фразу.

Он лежал рядом с ней, боясь пошевелиться, опустошенный, счастливый, понимая, что сейчас рядом с ним лежит его женщина, единственная, предназначенная в этом мире только для него. И он принадлежит только ей.

Господи! Что же делать?

Смутное сомнение, беспокойство, даже подозрение (бывалые коллеги в журнале, напутствуя Жозефа Рафта, предупреждали: «Всегда имей в виду: с тобой там могут работать агенты госбезопасности. В любой должности») — все эти страхи сейчас, рядом со спящей любимой женщиной, его единственной, показались ему ерундой, химерой.

«Так не притворяются,— думал он.— Так невозможно притворяться. Надо что-то придумать. Мы придумаем, придумаем...»

За окном уже начало светать. Рафт взглянул на часы — двадцать минут пятого.

Он осторожно выбрался из-под тонкого одеяла. Лиза перевернулась на бок, что-то пробормотав во сне. Она спала с приоткрытым ртом, и на подушке образовалось маленькое темное пятнышко от слюны. Приступ нежности, замешенной на непонятной, сдавливающей сердце тревоге, внезапно ощутил американский журналист.

«Как она беззащитна, беспомощна...»

Он наклонился, еле касаясь губами, поцеловал ее плечо.

Лиза спала...

Стараясь ступать бесшумно, он, голый, проследовал в ванную, принял душ. Стоя под прохладными струями, решил: «Сейчас приготовлю завтрак и тогда разбужу ее».

Мужского халата Жозеф, естественно, не обнаружил и поэтому в кухне появился в повязке из махрового полотенца вокруг пояса.

«Так... Что тут у нее есть?»

Кухня, как и вся эта странная квартира, была убога, аскетична, без признаков присутствия в доме женщины-хозяйки.

Но все необходимое нашлось: на полках кухонного шкафа — посуда, кофе, сахар, печенье, хлеб, в грубых пакетах из серой бумаги несколько сортов конфет (Рафта удивило, что во всех пакетах конфет было одинаковое количество, граммов по триста, как будто некто их отпускал по определенному количеству — ни больше ни меньше; в холодильнике — рыбные и мясные консервы, сливочное масло, сыр, ветчина, яйца.

«Сейчас что-нибудь сообразим. Есть хочется зверски. Во время завтрака я задам Лизе два вопроса. Ее ответ на второй вопрос все прояснит окончательно».

И Жозеф приступил к приготовлению импровизированного завтрака на двоих — он умел и даже любил это делать.

...Уже на сковородке потрескивала яичница с ветчиной, на тарелках разложены маленькие сандвичи с сыром и коп-

ченой скумбрией, в чайнике вскипела вода, на столе живописно расставлена посуда («Маленького букета цветов не хватает»,— подумал Жозеф) — на этой стадии приготовления завтрака в кухне бесшумно появилась Лиза в пестром халатике, накинутом на голое тело, с мокрой головой: она, оказывается, успела принять душ.

— Смотри-ка! — удивленно сказала хозяйка непонятной квартиры.— Ты прямо волшебник.

— Волшебник, переполненный любовью.— Он смотрел на свою женщину, не в силах оторвать от нее взгляда.— Прошу!

Лиза села к столу.

— Кофе, чай? — спросил Рафт.

— Да не суетись ты,— сказала она, и в голосе Лизы Жозеф услышал легкое раздражение.— Я сама себе налью. И тебе тоже. Чай, кофе?

— Мне все равно,— сказал он, обидевшись.

— Тогда чая,— сказала она.

Ели молча. Настроение американского журналиста портилось.

«Да что происходит, в конце концов?» — с удивлением подумал он.

— Вкусно,— нарушила молчание Лиза.— Молодец! Только под такую закуску... У тебя когда начинается рабочий день?

— За мной в отель заедут в одиннадцать.

— Так у нас уйма времени! Сейчас всего лишь восьмой час. А сна — ни в одном глазу, верно?

— Что значит — ни в одном глазу?

— А! Ну тебя! Постой-ка! — Лиза поднялась со стула, подошла к кухонному столу, запустила руку за его угол.— Вроде бы оставалось. Точно!

Она извлекла бутылку пятизвездочного армянского коньяка, наполовину пустую. На столе появились две приземистые рюмки.

— Давай-ка, Жозеф.— Лиза разлила коньяк по рюмкам.— Это у вас вроде бы по утрам не пьют. Но ты, милый, в России. Один мой знакомый говорит: с утра выпил — весь день свободен. Поехали!

— Поехали, Лиза.

— Жаль, лимончика нет,— сказала она, закусывая куском уже остывшей яичницы.

Тепло, благодать, радужное восприятие жизни — все эти великолепные чувства разом посетили американского журналиста. Сначала он, с неожиданным удивлением, подумал: «Я с Лизой и своими опекунами за последние дни выпил алкоголя столько, сколько дома не осилил бы и за год». И потом

подумал: «Наверняка Лизе так же хорошо, как мне. Самое время задать первый вопрос».

— Лиза,— сказал он, смущаясь.— Я хочу у тебя кое-что спросить... Ну... Может быть, это нескромно...

— Валяй,— перебила Лиза, рассматривая пустую рюмку на свет.— Спрашивай.

— У тебя на животе, от пупочка и вниз — шрам. Откуда?

— Да зачем тебе это? — перебила Рафта «единственная женщина».

— Я хочу о тебе знать все! — пылко воскликнул Жозеф.

Лиза неожиданно рассмеялась, встала со стула, подошла к американцу, обняла его голову, прижала к своей груди. Через тонкую ткань халата он ощутил запах ее тела, губы сами нашли напрягшийся сосок.

— Стоп, стоп!

Лиза отстранилась и, довольно грубо оттолкнув Жозефа от себя, отошла к окну, облокотилась о подоконник.

— Глупенький...— Голос ее звучал устало и с сожалением.— Если ты все узнаешь обо мне... У тебя, американшка, крыша сдвинется, увезут в дурдом. А из наших психушек мало кто возвращается в нормальную жизнь.— Лиза усмехнулась.— Если только можно назвать нормальной жизнь так называемого простого советского человека.— Она налила себе полную рюмку коньяку.— Тебе — нельзя, тебе — работать. А я еще день свободна как ветер.— Лиза медленно, с удовольствием отпила половину рюмки, вытерла рот ладонью, закусывать не стала.— А шрам на животе... Что же, изволь, раз ты такой любознательный. Ты, конечно, знаешь, что такое групповой секс? — Рафт молчал.— Это сто лет назад было, когда я еще в пэтэухе обреталась. Была у нас компания: подружки мои, все вчерашние деревенские малолетки. Но все девки разудалые, других к себе не подпускали. А с той стороны — блатари местного масштаба, мальчики — оторви голова. Вот и собирались на одной хате для групповых утех. А в меня тогда — надо же! — студентик первого курса консерватории втюрился, на скрипочке пиликал. Такой пай-ребенок: в кудряшках, с галстучком, носовые платочки духами пахнут. «Лизонька, примите от меня этот скромный букет». А я, дура бестолковая, затащила его в ту нашу компанию, не скрою: интересно было, как мой воздыхатель Петя... Его Петром звали. Как он на все это прореагирует. Прореагировал... Когда все началось на его глазах, когда я по рукам пошла да при ярком свете... Кинулся Петя меня отбивать у очередного партнера... Нет, их тогда сразу два было. Он на них бросился. Драка. Я — разнимать. Вот и получила свое перо. С тех пор шрам, память

о кудрявом Петеньке. Интересно? — Лиза, не отрываясь, в упор смотрела на Жозефа Рафта. Зрачки в ее глазах расширились.— Тебе что-нибудь еще рассказать из своей быстротекущей жизни?

— А что с ним? — тихо спросил американец.

— С кем?

— С этим Петром.

— Не знаю... Не помню. Слинял куда-то. Всех, дорогой мой, не упомнишь.— И вдруг Лиза закричала: — Что ты ко мне прицепился? Скажи? Чего ты мне в душу лезешь? Все! Все! — Она залпом допила коньяк.— Уходи! Я хочу побыть одна. Проваливай!

Лиза вытолкнула американца из кухни.

Оскорбленный, ничего не понимающий, Рафт трясущимися руками оделся и бросился к двери. В передней его остановил тихий голос Лизы:

— Подожди, Жозеф...— Она подошла к нему, нежно, осторожно обняла, прижалась всем телом.— Прости. Прости, милый. Завтра мы не встретимся. Мне надо к родителям. Обещала. Я сама позвоню тебе.

— Когда?

— Завтра вечером. А сейчас — иди! — Лиза подтолкнула Жозефа к двери.

Он очутился на улице, по счастью, тут же подвернулось такси. Не прошло и часа — в своем номере отеля «Националь» американский журналист лежал на своей беспредельной кровати, рухнув в нее не раздеваясь. Было четверть одиннадцатого. Через сорок минут за ним приедут Ник Воеводин и Валерий Яворский — работа продолжается, господа!

«Что же такое произошло? — мучился Жозеф.— Что случилось?» И вертелся в голове Рафта второй вопрос, который он так и не задал Лизе (ночью, проснувшись рядом с ней, он искал ему наилучшее словесное оформление, и варианты менялись один за другим): «Прости, Лиза... Мне в «Пельменной» показалось... Может быть, все это бред. Конечно, бред! Но скажи... И я пойму, я все прощу, потому что я люблю тебя. Скажи: ты не приставлена ко мне вашими спецслужбами?»

Он не успел задать этого вопроса.

Журналист Михаил Нилович Бурчатский произвел на Жозефа Рафта уже в момент знакомства странное, хотя и сильное впечатление, скорее отрицательное. Они встретились в холле Дома журналистов на Страстном бульваре, спустились

в пивной бар, в предобеденное время — двенадцать тридцать — там было пусто, и короткая беседа состоялась за распитием пива с раками, которое подавалось в пузатых, похожих на маленькие бочки, кружках.

— Рад с вами познакомиться, коллега.— Это было сказано еще в холле. Сильное, энергичное рукопожатие. Сам Михаил Нилович крупного телосложения, с продолговатым лицом — нос с горбинкой, полные губы, крепкий подбородок; бегающие зоркие глаза стального цвета; на этом лице постоянно вспыхивает какая-то искусственная улыбка.— К сожалению, во времени ограничен, в час тридцать должен быть у атташе по культуре в английском посольстве. Может быть, мы спустимся в пивной бар и за кружкой пива...

— Очень дельное предложение! — нетерпеливо перебил Ник Воеводин, облизав пересохшие губы.

Валерий Яворский в это позднее утро был непроницаемо хмур и явно чем-то озабочен.

— Я одобряю ваш выбор, господин Рафт,— говорил известный советский журналист-международник Бурчатский уже за кружкой пива.— Юрий Владимирович Андропов из всех современных руководителей Советского Союза, безусловно, самая яркая и, добавлю, перспективная фигура.

Американец хотел было что-то спросить, но Михаил Нилович, поморщившись, остановил его жестом,— похоже, он собирался произнести монолог.

— Вам повезло, дорогой мой! Вы слушаете человека, который не только лично знаком с товарищем Андроповым, но и находится с ним в дружеских отношениях многие годы. Ведь я был еще в шестидесятые, когда Юрий Владимирович работал в ЦеКа партии, одним из его консультантов по ряду специфических международных вопросов, связанных прежде всего с творческой интеллигенцией европейских социалистических стран. С тех пор наши контакты постоянны, я и сейчас, не скрою, с некоторой гордостью могу сказать вам: свободно вхож в кабинет Юрия Владимировича, стоит мне только поднять трубку телефона.

— Михаил Нилович,— перебил Яворский,— пожалуйста, делайте паузы. Я не успеваю переводить.

— Хорошо,— поморщился Бурчатский.

Ник Воеводин пил уже вторую, а может быть, и третью кружку пива, демонстративно громко разламывая раков и еще громче что-то высасывая из красных панцирей.

Рафт понял: подобным образом Ник протестует: и на него, и на Яворского Михаил Нилович не обращал никакого вни-

мания, как будто их рядом нет вовсе. Или так, вынужденная помеха, которую приходится терпеть по необходимости.

— Итак, господин Рафт... Первое, что я хочу сказать об интересующем вас руководителе нашего государства. Согласитесь, лидер страны...— На мгновение журналист-международник замолчал.— Один из лидеров... или не так... Каждый из них. Именно — каждый! Так вот... Он должен, даже обязан знать всю правду о происходящем в стране — в экономике, во внешней и внутренней политике, в социальной жизни общества, знать все, что творится в молодежной среде, в кругах интеллигенции. Словом, обладать всем объемом информации, и — главное (подчеркиваю, нота бене!) — эта информация, какой бы тяжкой она ни была, должна быть стопроцентно объективной.— Михаил Нилович перевел дух, давая возможность для переводчика сделать свою работу.— Так вот, дорогой мой! Из всех руководителей страны сегодня подобной информацией обладает только товарищ Андропов. Он привык получать ее, многие годы работая Председателем КГБ,— именно туда стекалась самая объективная информация. И сейчас, уже в роли Секретаря ЦеКа нашей партии, Юрий Владимирович, безусловно, сохраняет за собой эти источники объективной информации.

«А остальные ваши вожди?» — вертелся вопрос на языке у Рафта.

Но Михаил Нилович предвидел его и поэтому, внимательно выслушав перевод Валерия Яворского (он знал английский), продолжал:

— Прочие наши лидеры, увы, такой информацией не обладают. Она до них или не доходит, или умышленно скрывается, а то и искажается в сторону «плюс», дабы не испортить настроения, а еще хуже — не повлиять на состояние здоровья...— Бурчатский желчно усмехнулся,— в сторону «минус».

«И именно такую, искаженную информацию получает господин Брежнев?» — чуть не спросил американский журналист Жозеф Рафт.

— К сожалению,— продолжал Михаил Нилович,— подобной информацией снабжает Леонида Ильича Брежнева его безответственное окружение, все эти советники и консультанты, которые лучше всего умеют лизать задницы.— Впервые Бурчатский бегло взглянул на пожирающего раков Ника Воеводина и непроницаемого Яворского.— Безответственные — с точки зрения интересов государства. Впрочем, если бы сейчас,— на слове «сейчас» было сделано ударение,— до Генерального секретаря КПСС дошла всеобъемлющая объективная информация о положении в стране, он вряд ли, в

силу своего физического состояния, смог бы оценить ее адекватно и, главное, сделать правильные выводы для принятия ряда неотложных мер.

«Чтобы говорить так,— подумал Рафт,— надо все это знать, во-первых, от первоисточника, а во-вторых, быть уверенным, что и волос не упадет с твоей головы после того, как сказанное господином Бурчатским появится в моем журнале. А что появится — он наверняка знает».

— Первый и основной вывод из сказанного...— Похоже было, что самое важное для себя, а может быть и не только для себя, советский журналист-международник изложил. Темп речи его замедлился, во всем облике появилась некая усталость.— Обладая объективной информацией о положении страны... Однако, согласитесь: только обладать ею — мало, надо действовать. Так вот... Юрий Владимирович знает, что надо делать, у него есть программа неотложных действий, если хотите,— программа реформ. Для того, чтобы их осуществить, не мне вам говорить,— нужна власть.— Воеводин перестал хрустеть раками и замер над тарелкой; Валерий Яворский впервые поперхнулся в своем плавном и безукоризненном переводе.— Нужна вся полнота власти,— закончил свой монолог знаменитый журналист.

Он спокойно, не торопясь взглянул на ручные часы, поднялся со стула:

— Простите, вынужден откланяться. Уже семь минут меня на улице ждет машина.

Михаил Нилович Бурчатский пожал руку только Рафту, не удостоив Воеводина и Яворского даже взглядом, и в испуганно-торжественной тишине вышел из пивного бара.

— Скотина,— еле слышно прошептал Ник Воеводин.

Валерий Яворский поугрюмел еще больше.

Убирая в свою сумку диктофон, американец подумал: «Впечатление такое — прочитал ответственную лекцию и отправился за изрядным гонораром».

Некоторое время пили пиво в молчании.

— Дорогой Жозеф,— заговорил Яворский,— работаем мы с вами неплохо, а вот культурная наша программа хромает. Сами просились в Суздаль — и отказались. Почему? — Рафт молчал, думая: «Куда он клонит?» — Или у вас в свободное время появились другие интересы? Может быть, какая-нибудь московская красотка голову вскружила? Наши девочки такие...

— Что вы, Валерий, имеете в виду?

Яворский смутился, кашлянул:

— Да ничего я не имею в виду! Просто... Сам был молодым. Может, у вас, Жозеф, есть какие-нибудь предложения?

— То есть?
— В смысле культурной программы.
— Есть. Только это не предложение... Скорее, просьба. И она не имеет отношения к нашей культурной программе. Давайте вместе обсудим. Вот о чем, господа, я хочу вас попросить...

...Почти что в это самое время — было двадцать минут первого — в своей «странной» (по определению Жозефа Рафта) квартире проснулась Лиза Смолина.

Ее полные данные таковы: Елизавета Михайловна Смолина, 1958 года рождения, русская, родители — колхозники, беспартийная, образование — среднее техническое; после окончания спецшколы «потенциал действия» по десятибалльной системе оценен +9, кличка — Перепелка.

Итак, Перепелка проснулась в двадцать минут первого. После того как утром она выпроводила Рафта, решение, зревшее в ней последние дни, было принято окончательно: завтра. Лиза послушала, как на лестничной площадке громыхнул лифт и с урчанием повез Жозефа вниз, походила босиком по квартире (паркет приятно холодил ступни), сбросила на пол халат, с интересом рассмотрела себя, голую, в зеркале («Я красивая. А шрам на животе придает мне... Как сказать? Придает пикантности. Клиенты от него балдеют. Особенно почему-то чувствительные японцы»). Получив удовольствие от созерцания собственной обнаженной персоны, Лиза-Перепелка нырнула под одеяло в кровать, которая хранила следы недавней любви с американцем, и мгновенно крепко заснула.

...Ей хватило несколько часов сна, чтобы полностью восстановить силы. Проснувшись, она минут пять лежала неподвижно, глядя в потолок, и во всем ее существе, в такт ударам сердца, повторялось: «Завтра, завтра, завтра...» Но холодок страха, даже ужаса постепенно стал разрастаться в груди.

— Все равно — завтра,— сказала она вслух.— Я не могу так больше.

Все-таки страшно одной принимать подобное решение.

С кем посоветоваться? Кому рассказать? Ведь не ему же! Некому рассказать, не с кем посоветоваться... Одна во всем свете. Родители? Да они тут же умрут от горя, как только узнают, кто я, кому служу... Господи, Господи! Вразуми! И тут Лиза-Перепелка резко села в кровати. Евдокия! Дуся!..

Только ей можно довериться... И посоветоваться — только с ней.

Лиза подтянула за шнур телефон, который был на полу, набрала номер.

— Я слушаю! Але! — прозвучал в трубке гортанный, вкрадчивый женский голос.

— Дусенька! Это я. Здравствуй!

— Ой! Лизок! Ты? Сколько лет, сколько зим!

— Да уже года полтора, наверно, прошло,— сказала Лиза-Перепелка,— как мы с тобой последний раз виделись.

— Верно, верно... Что-то голосок у тебя грустный. Или стряслось что?

— Да как сказать...

— Скажи, как есть.

— Не по телефону, Дуся. Повидаться бы.

— Так приезжай! Приезжай немедля! У тебя же своя тачка?

— Сегодня не могу, подруга. Есть несколько срочных дел. Давай завтра?

— Давай, давай! — радостно заспешила Дуся.— Все свои планы поменяю. У меня есть неделя отгулов. Когда приедешь?

— Завтра — когда скажешь, тогда и приеду.

— Ну... Не с самого ранья. Я, Лизок, спать стала горазда, разбаловалась. Приезжай к двенадцати. Я поздний завтрак организую. Есть у меня клубничная наливочка собственного производства...

— Хорошо, Дусенька,— перебила Лиза.— В двенадцать я у тебя. До завтра.

— Жду, подруга!

Лиза положила трубку телефона, опять спиной упала в кровать и замерла. Ее начала бить мелкая дрожь.

Поздно вечером этого дня Фрол Дмитриевич Попков сидел за своим письменным столом в домашнем кабинете и, поклевывая носом, поочередно смотрел то на отрывной календарь (31.8.82), то на часы-будильник в виде круглой луны (23 часа 25 минут), то на белый городской телефон (он был первым в ряду других четырех телефонов разного цвета).

Телефоны молчали...

«Позвоню сам»,— наконец решился начальник Пятого управления КГБ. И набрал номер.

— Да? — прозвучал в трубке женский голос, похоже раздосадованный и нервный.— Я слушаю!

— Добрый вечер, Татьяна Филипповна. Это Попков. Извините...

— Сейчас, сейчас,— перебила супруга Андропова. И тут же в трубке зазвучал голос Юрия Владимировича:

— Здравствуйте. Только собирался вам звонить. Сборы в дорогу задержали. Завтра отправляемся.

— Поездом?

— Поездом. Татьяна не переносит самолетов.— Андропов вздохнул.— Итак?

— Все, Юрий Владимирович, вроде бы получается, как и задумано. Во-первых, из «Националя» мы получаем пленки со всеми дневниковыми записями Рафта. В них не просматривается даже намека на понимание того, что мы «ведем» американца и информацию он получает соответствующую. Хотя много в его записях скепсиса, я бы сказал, очернительства...

— Не стоит этого бояться,— перебил Андропов.— К сожалению, есть что очернять. Главное — снабжать его нужной информацией. И при этом он должен считать ее объективной и попадающей к нему почти произвольно.— Юрий Владимирович ускорил темп речи — он явно спешил.— Дальше?

Заспешил и Попков:

— Во-вторых, и это главное: Рафт у наших товарищей попросил узнать, есть ли возможность организовать ему встречу с вами лично.— И Фрол Дмитриевич не удержался: — Молодец, Перепелка! Лучший наш работник. Надо бы отметить.

— Отметим. И — поздравляю. В конце его пребывания привезите его ко мне в Форос. Как все это обставить, мы с вами через пару-тройку дней обсудим детально.

— Хорошо, Юрий Владимирович. Что же... Как говорится, хорошего отдыха. И вам, и Татьяне Филипповне...

— Один момент,— перебил Андропов.— В начале нашего разговора вы сказали: «Вроде бы получается, как задумано». Что значит — вроде бы?

— Да как сказать...— Мгновенно большое лицо Попкова покрыла испарина.— Появился один нюанс. Или обстоятельство... Губастый, то есть Яворский, мне передал свои опасения...

— Какие еще опасения? — перебил Андропов.

— Пикантность ситуации, Юрий Владимирович, в том, что у американца не просто связь с Перепелкой — он в нее влюбился.

— Ну и великолепно! — воскликнул Главный Идеолог страны.— Чем сильнее его зависимость от нашего человека, тем...

— Сложность в другом,— решился перебить шефа начальник Пятого управления.— И она влюбилась в американца. Губастый докладывает — сильнее, чем он. «Потеряла голову» — так буквально он выразился.

Андропов некоторое время молчал: в телефонной трубке было слышно его дыхание.

— Да...— наконец сказал Юрий Владимирович.— Я, честно говоря, в амурных делах разбираюсь слабо. Но если это может как-то отрицательно сказаться на работе Перепелки...

— Яворский считает... Уж не знаю почему,— может, Губастый находится в прямом контакте с Перепелкой.

— Пусть он подробно изложит в рапорте свои соображения. Держите ситуацию под постоянным контролем. В случае необходимости принимайте превеитивные меры.

— Слушаюсь, Юрий Владимирович.

— У нас с вами главная задача — успешное завершение операции «Золотое перо».

— В успехе я не сомневаюсь,— твердо сказал Попков.

— До свидания, Фрол Дмитриевич. Через пару дней я сам позвоню вам из Фороса.

1 августа 1982 года

Утро было душное, знойное, над Москвой собиралась гроза.

В этот день у Жозефа Рафта не было запланировано официальных аудиенций. С одиннадцати часов начались его встречи — ознакомительные — в редакциях нескольких газет, он сам их выбрал, выслушивая, правда, неназойливые, деликатные советы Николая Воеводина и Валерия Яворского: «Литературная газета», «Литературная Россия», «Правда», «Советская культура», «Известия». Встречи с редакторами, членами редколлегий и творческими коллективами, каждая встреча не более тридцати — сорока минут.

— Если останется время и будет ваше желание,— сказал Яворский,— можем посетить одно из наших издательств. Вам предоставляется выбор: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Политиздат», любое другое, по вашему, Жозеф, желанию.

— Хорошо — рассеянно сказал американский журналист.— Там посмотрим.

С утра Рафт чувствовал себя отвратительно: тяжелая голова, сердцебиение, стучало в висках. У него было гнетущее,

подавленное состояние. Никогда ничего подобного с ним не случалось.

Уже в конце первой встречи в «Литературной газете» он почувствовал усталость и раздражение. Люди, и их вопросы, и то, как они отвечали на его вопросы,— все казалось ему пустым, неинтересным, фальшивым. Голова болела все сильнее...

Вторая встреча была с членами редколлегии газеты «Правда»: ослепительные улыбки, крепкие, дружественные рукопожатия, букет роскошных роз на столе, торжественность обстановки.

— После встречи,— тихо сказал ему на ухо Яворский,— коллеги приглашают вас на скромный товарищеский обед.

Рафт ничего не ответил.

Встреча началась без четверти двенадцать. Приветственное слово («Я бы так озаглавил свою маленькую вступительную речь: «Будем крепить дружбу и сотрудничество журналистов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки!») с пафосом и модуляциями в голосе произнес главный редактор «Правды», полный вальяжный человек лет пятидесяти, самоуверенный и со светскими манерами. Он был явно захвачен своей речью, она ему нравилась. Прошло уже пятнадцать минут, в маленьком, отделанном серым мрамором конференц-зале большие напольные часы показывали ровно «12»...

Жозеф Рафт в этот момент почувствовал властную необходимость позвонить Лизе — сейчас, немедленно!..— и сказать ей: «Не надо! Не делай этого!» Он не знал, что — ЭТО. Обе фразы отчетливо прозвучали в его сознании.

Но позвонить не представлялось ни малейшей возможности: рядом не было телефона, редактор произносил свою пламенно-восторженную речь, на Рафта из зала смотрели дружеские, улыбающиеся, приветливые лица — белые круглые пятна, пятна, пятна...

...В это самое время — было 12.04 — Елизавета Смолина, Лиза-Перепелка, вошла в подъезд престижного дома в районе Патриарших прудов.

— Здравствуйте! Вы к кому? — спросила, выглянув из своей стеклянной каморки, консьержка, пожилая тучная дама, всем своим обликом смахивающая на надзирательницу в женской колонии.

— К Евдокии Николаевне Савельевой.

— А! К Дусеньке! — Нечто напоминающее улыбку появилось на лице консьержки, а глаза-щелки смотрели пронзительно.— Пожалуйста, пожалуйста!

Пока лифт подимался на девятый этаж, Лиза подумала о том, что вчера все успела: иа счет родителей, а именно иа имя отца, Михаила Иваиовича Смолина, в сельскую сберкассу захудалого районного цеитра Смолеиской области перевела все свои сбережеиия — 23 400 рублей. То-то будет переполоха и радости. Машииу переписала на имя младшего брата Василия, который учится в сельскохозяйствеином техникуме в городе Лебедяиь Орловской области. Вчера пригласила трех своих подруг по спецшколе — Иволгу, Зайчиху и Длиииую, приказав: «Никаких вопросов»; раздала им свои иаряды и обувь, а они, дурехи, ничего не спрашивая, только ревели. Вот и все дела, дамы и господа!

Лифт остановился, бесшумио разошлись дверцы, Лиза оказалась на лестничиой площадке. Темиый коридорчик, поворот налево... дверь, обитая искусствеииой чериой кожей, иесколько замочных скважии, номер 485, синяя киопка звоика в белом кружке...

«Да зачем мие сюда? — вдруг в полиом смятении подумала Перепелка.— Ведь я уже все решила. Бесповоротно! Нет, иет! Еще можио повернуть иа все сто восемьдесят градусов, мие иужна поддержка».

И дверь сразу открылась, в ее проеме стояла полная жеищииа лет тридцати пяти, иа рыхлом лице которой еще увядала былая, редкостиая красота: точеиый иос, монгольский загадочный разрез карих глаз, полиые выразительиые губы; только теперь все как бы терялось, тонуло в одутловатости и морщииах. На Евдокии Николаевие Савельевой был роскошиый бархатиый халат до пола: павлиины, распустившие свои радужные хвосты иа чериом фоне.

— Лизок! Девочка моя! — Перепелка была заключеиа в мягкие, ио крепкие объятия и трижды с чувством расцелована. От Дуси пахло душиыми, крепкими духами и чуть-чуть алкоголем.— Покажись! Покажись... Все такая же красавица писаная. Только бледиенькая. Пошли иа кухию, я там все приготовила.

Евдокия Николаевиа жила одиа в огромиой двухкомиатиой квартире в доме послевоеииой «сталинской» постройки. Гордостью ее была кухня площадью в восемнадцать квадратных метров, по существу третья комиата, где прииимались гости. Здесь и проходили их «девичиики», как оии называли в былые годы довольно частые посиделки.

...Они — это девочки из группы «А-06» спецшколы, расположениой в нескольких казарменных домах, со всеми удобствами: были на территории объекта великолепный спортивный зальчик, два бассейиа, теииисный корт, ухожеииый парк

с белыми беседками среди медноствольных сосен. Весь комплекс школы от окружающего мира прятал высокий бетонный забор, по верху которого шла колючая проволока двумя рядами. Где находится их спецшкола, они так и не узнали никогда. В договоре с дирекцией этого специфического учебного заведения, который каждая из них подписала добровольно, среди прочих многочисленных пунктов были два такие, первый: «За два года учебы воспитанницы (надо же, «воспитанницы») самовольно не покидают территорию объекта, а только отправляются в организованные экскурсии — театр, концерты, музеи и на спецпрактику»; второй: «Воспитанницы не ведут в течение двух лет учебы никакой переписки с родными, близкими и друзьями, не пользуются для контактов с ними телефонной связью, предоставив право на это — в случае крайней необходимости, прежде всего с родителями — дирекции объекта».

Они знали только, что их спецшкола, или «объект» — иначе начальство сие «учебное заведение» не называло — находится не очень далеко от Москвы, километрах в шестидесяти — семидесяти: это можно было примерно вычислить по времени, за которое их везли на экскурсию или на спецпрактику в удобных автобусах со странными стеклами: через них проникал дневной свет, но ничего не было видно — густое молоко перед глазами, как бы просвеченное солнцем.

В спецшколу Елизавета Смолина попала семнадцатилетней девушкой. И, получается, устроил ее туда Славик-швейцар и одновременно вышибала в «Пельменной». «Вытаскиваю тебя с панели,— сказал он, ухмыляясь и ковыряя куцым мизинцем в желтых лошадиных зубах.— Считай, спасаю. Век будешь мне обязана».

— Буду, Славик, буду. Спасибо.

Позади уже осталось собеседование, от которого Лиза чуть не свихнулась,— и ее приняли, для начала, до полного оформления, взяв расписку, что она «забудет» и «собеседование», и то предложение — в смысле новой профессии, которую она получит в спецшколе.

— От «спасиб»,— усмехнулся Славик,— у меня насморк зелеными соплями. Порешим так... Два года отучишься, потом я тебя найду. Ну, иногда... Уж больно ты сладкая, Лизка. Иногда будешь мне давать по старой дружбе.

— Да уж буду, куда от тебя деться.

А дней за десять до этого разговора в «Пельменной» — как раз пятеро подружек из ПТУ чей-то день рождения отмечали — появились в подвальном зале два неприметных гражданина средних лет, правда одетых добротно и аккуратно.

Их, заискивающе улыбаясь и сгибаясь жирной спиной, привел Славик, усадил за «служебный столик». Раньше этих субъектов здесь наблюдательная Лиза Смолина никогда не видела. Просидели они за столом, который был рядом с их девичьей шумной компанией, до конца их гульбы и потом остались, когда, галдя и хохоча, подружки отправились домой, в общежитие тараканье, будь оно неладно! Девки-дуры на «старых мужиков» внимания не обращали, мало ли? А Лиза заметила: те двое на них все время поглядывали, о них явно говорят, несколько раз встретила она внимательный, изучающий взгляд того, что постарше, но без всякого мужского интереса.

«Какой-то другой у него интерес»,— подумала она тогда.

И действительно... Буквально на следующий день, когда Лиза после занятий отправилась за продуктами для их «общего котла» (была ее очередь — подкупали девочки чего-нибудь вкусненького к скудным пэтэушным харчам на кровно заработанные), остановилась возле нее черная «Волга», открылась дверца, и тот, что постарше, вчерашний, голову высунул, улыбнулся:

— Здравствуйте, Елизавета Михайловна! Прошу в машину. Есть интересный разговор.

Обомлела Лиза прежде всего от этого обращения на «вы», да еще по имени-отчеству ее величают. Села в «Волгу». В такой машине — мягко, бархатно, просторно, тихая музыка играет — никогда она еще с клиентами не каталась. А садясь на заднее сиденье, подумала: «Значит, клиент. Вчера не так поняла».

«Волга» быстро промчалась по их улице; мелькнула злосчастная «Пельменная», машина попетляла по незнакомым пустынным переулкам и остановилась в тени старых деревьев — ветви нависали из-за высокого чугунного забора, решетка которого была украшена литыми серпами и молотами, в кругах из дубовых листьев.

Пожилой, обходительный гражданин молчал. Тихо и печально играла музыка.

— Здесь будем? — решилась начать разговор Лиза.

— Не будем, Смолина.— Мужчина вздохнул, не то осуждающе, не то сочувственно.

— А что же...

— Ты комсомолка, Елизавета? — перебил «клиент».

— Комсомолка...— прошептала Лиза.

— Как же так? Комсомолка, принадлежишь к передовому отряду советской молодежи, а занимаешься проституцией?

«Ах ты, моралист хренов! — Темная ярость захлестнула Лизу.— Педераст недорезанный!..»

— Ты, мужчина, своим детям морали читай! Я как-нибудь без них... Моралей ваших... Наслушалась! Еще с первого класса.— Тут она выдохлась как-то сразу и замолчала.

— Что еще скажешь, Лиза? — опять вздохнул непонятный «клиент».

— А то самое! — И Лиза, неожиданно для себя, всхлипнула, слезы закапали из глаз.— Я жить хочу! Как люди! Вон осень скоро, а осенние сапожки, итальянские...— Она перестала плакать и оживилась.— На высоких каблучках, знаете? Так они семьдесят рублей стоят. Где я их возьму? У нас в училище стипендия — двенадцать рублей...

— Вот что, Лиза...— Пожилой мужчина — он сидел за рулем полубоком, повернувшись к ней.— Давай так. Со мной — только на «вы». И зовут меня Константином Владимировичем.

— Хорошо, Константин Владимирович,— прошептала Лиза, и предчувствие невероятных перемен в ее жизни переполнило юную девушку: она чуть не захлебнулась этим новым чувством.

— Я предлагаю тебе попробовать поступить в одну особую школу...

— Что значит — попробовать? — нетерпеливо перебила Лиза.

— Это значит, что предстоит конкурс. Не экзамены, а собеседование. Пройдешь его — будешь принята... Обучение — два года. А стипендия — двести рублей в месяц.

— Сколько? — ахнула Лиза, не веря своим ушам.

— Двести рублей. При этом одежда, питание... Поверь, по высшему классу,— бесплатно.

Изумленную Елизавету Смолину парализовало молчание. Наконец она тихо прошептала:

— Заливаете, Константин Владимирович.

— Честное слово, не заливаю.

— А какая профессия? — спросила семнадцатилетняя пэтэушница.

— Вот! Теперь, Лиза, поговорим серьезно.— Константин Владимирович помедлил немного.— Ничего не поделаешь, девочка... Была, есть и всегда будет эта древнейшая женская профессия.

— Какая? — спросила она, уже понимая, о чем идет речь.

— Та, которую ты осваиваешь по вечерам и ночам, после занятий в училище.— Лиза хотела что-то сказать, но была остановлена повелительным жестом.— Не перебивай меня. Выслушай молча, и, если тебя не устроит наше предложение, ты прямо сейчас откажешься от него, и мы с тобой навсегда

расстанемся. При одном непременном условии: ты забудешь об этой нашей встрече, ее просто не было.

— Да, я понимаю,— сказала Лиза. Пэтэушница Смолина все схватывала на лету — такова уж ее натура.

Константин Владимирович говорил минут сорок. «Целая лекция»,— определила потом Лиза. В этой лекции доминировала в разных вариациях одна мысль: закончив школу, Лиза будет служить Родине на невидимом опасном фронте, станет внештатным секретным агентом органов государственной безопасности Советского Союза. (Что такое «внештатным», Лиза не поняла, но спросить не решилась.)

И Лиза Смолина согласилась. Она блестяще прошла собеседование, хотя оно стоило ей неимоверного психологического напряжения, была принята в спецшколу, в «объект», осознанно подписав договор с дирекцией «учебного заведения», осмыслив каждый его пункт, а их было в этом уникальном документе пятьдесят три.

В группе «А-06» их оказалось двенадцать ослепительных длинноногих красавиц в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Все разные. Их объединяло только два «восклицательных знака», по определению Дуси Савельевой: все они были русскими по национальности и все приезжие, из сельских мест (родители-колхозники); в основном, как поняла Лиза, девочки попали в спецшколу из ПТУ, как она, из захудалых техникумов, со столичных новостроек, где работали лимитчицы.

В их группе только одна воспитанница была «переростком» (как они ее окрестили между собой) — Евдокия Савельева, которой к моменту начала занятий было двадцать шесть лет. Девочки жили попарно, в уютной комнате со всеми удобствами: собственно, это были однокомнатные квартиры, только без кухонь. Лиза оказалась в одной комнате с Дусей Савельевой, и скоро они крепко сдружились, у них не было секретов друг от друга. И вообще постепенно Дуся стала как бы старшей в их группе, хотя старостой была другая девочка. Ее еще звали Мамой, Мамочкой, к ней спешили они и со своими горестями, и с радостями, и с секретами.

Эти отношения сохранились и после окончания школы, когда началась самостоятельная работа — в валютных ресторанах и ночных барах, в лучших московских отелях, в международном аэропорту Шереметьево-2, в «Интуристе» — они официально служили там горничными, официантками, экскурсоводами, стюардессами, однако главная работа, секретная, была совсем другой...

Но это потом, когда опостылевшие стены «объекта», который был больше всего похож на роскошный, со всеми удобствами, маленький концлагерь, были наконец покинуты.

Занятия в спецшколе Елизавете Смолиной — да и всем остальным, наверно,— потом очень долго постоянно снились. Три главных предмета: иностранные языки, один главный, второй «по выбору» (у Лизы был главный английский, «по выбору» — немецкий) — по три-четыре часа каждый день, не считая «домашних заданий»; спецподготовка — все, что связано с секретами предстоящей главной работы по техническим параметрам, и — «уроки любви» (так это называлось): сначала теория, начиная с вакхического опыта времен античности и до наших дней, потом практика — девочкам привозили партнеров, и мускулистых молодых жеребцов, и ветхих старцев (вот тогда, в начале практики, из «объекта» было отчислено несколько «воспитанниц» по причине «профнесостоятельности» — в группе «А-06» такая участь постигла двоих). Кроме того — мощная физическая подготовка, каждодневные занятия спортом, а также уроки музыки и танцев, уроки «поведения в свете», умение держать себя в любом обществе, этикет застолья, краткие спецкурсы по искусству, литературе, мировой и отечественной истории; три кинокартины в неделю: один советский, один из мировой классики, один порнофильм.

В группе «А-06» лучшими воспитанницами были Евдокия Савельева и Елизавета Смолина. Наверно, поэтому после окончания «учебы» они были распределены по «высшему классу» — Евдокия в «Интурист», Елизавета в гостиницу «Националь».

И началась работа... помимо всего прочего, на благо любимой социалистической Родины и во имя ее безопасности.

Да, дружбу девочки из группы «А-06» сохранили, и их объединяющим центром стала Дуся, Евдокия Николаевна (так ее уважительно стали называть некоторые девочки, самые младшие из них) — она объявилась в огромной квартире в «сталинском» доме в районе Патриарших прудов: вначале всех обзвонила — надо же! Сумела разыскать, собрала в своей столовой, организовав обильный изысканный стол:

— Девоньки! Не будем терять друг друга! Давайте раз в месяц или в два собираться у меня. Все условия — сами видите. О работе — ни слова, раз подписку дали...

— Смертную подписку,— пискнула одна из них.

— Верно, Кукушечка, смертную.— Евдокия обняла за покатые плечи смуглую высокую Кукушку (они, естественно, знали «кликухи» друг друга, которые получили в спецшколе).— А поэтому так побалакаем о делах наших бабьих, о

том о сем. Ну, давайте по первой, за нашу нерушимую дружбу!

Выпили по первой, стали с удовольствием закусывать.

— И вот что, девоньки, если у кого беда какая, горе... Мало ли! Сразу ко мне — всегда чем могу, помогу. Да мы все! Всем миром! Верно?

— Верно! Верно! — загалдели девоньки со всех сторон.

И действительно, приключалось что нехорошее — и по главной «работе» тоже (вон Белка однажды на каком-то рыжем немце сифон схватила) — перво-наперво летели к Дусе, к Евдокии Николаевне: помоги, спасай! Помогала, спасала.

Да и всей группой у Дуси продолжали встречаться — или по праздникам, или просто так. Правда, с годами все реже и реже.

...По ковровой дорожке, которая покрывала пол коридора, ведущего на кухню, Лиза шла за Евдокией, невольно отмечая нездоровую полноту своей подруги по спецшколе. А казалось, совсем недавно Дуся была стройной, подтянутой, с безукоризненной фигурой, от которой все кобели-мужики писались.

Они оказались на кухне. Все здесь сверкало, сияло, было прибрано и ухожено, стол накрыт на двоих — друг против друга стояли два прибора и две рюмки. От разнообразной закуски, фруктов, маленьких разноцветных графинчиков рябило в глазах.

— Иди, Лизок, если хочешь, помой ручки. Вторая дверь направо. Не забыла? Или, может быть, для разгона по рюмахе хряпнем?

— Постой, Дуся... Сначала я тебе скажу...— Лиза стояла в дверях и смотрела на Евдокию Николаевну, которая разливала в рюмки вишневую наливку собственного приготовления, замершими горячими глазами; в них жутковато расширились зрачки.— А там посмотрим.

— Господи! Да что же стряслось-то?

— Я рву с ними.

— Что?..

— Я рву с этой жизнью, я не могу больше... И дурачить его я не позволю больше, не позволю!.. Дуся! Что они с нами сделали? В кого превратили? — Лиза разрыдалась.— Он спасет меня! Я знаю — он спасет... Мы с ним вместе уедем из этой безысходной страны...— Рыдания душили ее, и Лиза инстинктивно зажимала рот руками.— Жозеф найдет способ, как это сделать...

— Хватит! — крикнула Евдокия Николаевна.— Прекрати сейчас же истерику! Садись! — Она насильно усадила Лизу-Перепелку в кресло.— На-ка, минералки выпей.— Зубы Лизы сту-

чали о край фужера.— Вот и умничка. А теперь рассказывай! Все рассказывай, по порядку, чтобы я поняла. И что-нибудь придумаем, сообразим. Нет безвыходных ситуаций.

...Через час или полтора Евдокия Николаевна проводила свою давнишнюю подругу до троллейбусной остановки. Отчужденно стояли, дожидаясь троллейбуса, молчали. Наконец из-за поворота показался его тупой желтый нос, и Дуся тихо сказала:

— Еще есть время. Откажись от этой безумной идеи.

— Нет.

— Ты встретишься с ним сегодня?

— Да, может быть, сегодня вечером. Если дозвонюсь. Он возвращается в отель поздно. Тогда завтра. Завтра с утра моя смена.

— Лизка! Сумасшедшая! Опомнись! Еще есть... есть время все исправить. Ведь ты погубишь себя, дура!

— Лучше погибнуть, чем жить так!

Раскрылись дверцы подошедшего троллейбуса, и Перепелка вошла в него, не оглянувшись на Дусю.

А в глазах Евдокии Николаевны Савельевой стояли слезы, она смотрела вслед троллейбусу и ничего не видела: перспектива улицы размывалась, исчезала. Дуся ринулась домой. Она не помнила, как оказалась в своей огромной, одинокой квартире, в гостиной упала на тахту, зарылась лицом в атласную подушку — и завыла.

...Потом, может быть через час, Евдокия Николаевна прошла в кухню, налила себе большую рюмку водки, настоянной на ягодах можжевельника, выпила залпом, закусывать не стала, села в кресло, в котором совсем недавно сидела Лиза Смолина, закинула ногу на ногу, подкатила к себе тумбочку на колесиках с телефоном, подняла трубку, помедлив, набрала номер.

— Говорите,— прозвучал в трубке четкий, спокойный мужской голос.

— Это Иволга...

— Я слушаю тебя, Иволга.

Рафт в своем роскошном номере отеля «Националь» появился в седьмом часу вечера. Он сумел переломить себя — еще со времен колледжа Жозеф воспитал в себе эту черту характера: если надо, работать как машина, хорошо отлаженная, с четкой программой. Встречи в редакциях, беседы, иногда переходящие в диспуты, фуршеты. «Ваш бокал шампанского, господин Рафт!» — «Благодарю!» Сердцебиение

прекратилось. «Я — здоров. Я — здоров». «Так... Этот тип говорит интересно. Надо записать». И включен диктофон. «Жозеф, теперь в «Известия». Вы не устали?» — «Едем, Ник!» На лице Воеводина радостная растерянность. Следующая встреча: знакомства, рукопожатия, улыбки, дружеские похлопывания по плечу. Вопросы — ответы... Вопросы — ответы... Так в четырех — или в пяти? — редакциях ведущих газет Советского Союза. Интересно... Иногда слишком официально. Есть нечто общее. Надо спокойно осмыслить и проанализировать записи — и в блокноте, и на ленте диктофона. Потом, уже дома. Дома... Господи, что меня мучает? Лиза? Да, Лиза! Не отвлекаться, не отвлекаться. «Валерий! Вон та милая дама давно тянет руку, чтобы задать свой вопрос, а вы — никакого вниманни».— «Простите, Жозеф».

От совместного ужина в ресторане «Арагви» с кавказской кухней («Столик, дружище, уже заказан»,— Валерий Яворский плотоядно облизал губы) он отказался:

— Нет, друзья, вынужден отклонить заманчивое предложение: переел во время товарищеского обеда в «Правде». Еще два дня обедать не буду. А столик в ресторане, думаю, не пропадет. Вы и без меня там управитесь. Поработали мы сегодня славно. Благодарю!

— Тогда до завтра, Жозеф! — Лицо Яворского непроницаемо.— Мы заедем за вами в десять. Такое время определил маэстро — десять тридцать.

— До свидания. Желаю хорошо провести вечер.

...Когда он вошел в свой номер, было двадцать минут седьмого.

«Так... Душ. Переодеться».

Стоя под упругими струями душа, сначала горячими, а потом холодными, он думал теперь только о ней: «Лиза, Лиза, Лиза...» — и почти осязаемо представил, как обнимает ее — здесь, в ванной, под струями душа.

«Так... Надо поужинать. Совсем легкий ужин: черный кофе, апельсиновый сок, какой-нибудь сандвич».

Рафт не признавался себе, что таким образом просто оттягивает время. Или убивает время? Как сказать точнее? Впрочем, разве можно убивать время? Это оно убивает нас.

Вечером Лиза обещала позвонить.

Он уже направился к двери, чтобы идти в кафе со шведским столом на своем третьем этаже. Но не удержался: быстро вернулся в гостиную, схватил трубку телефона, набрал номер. Длинные гудки. Рафт ждал долго — несколько минут. Лизы дома не было. Или она не поднимала трубку.

«Да нет же! — успокаивал себя Жозеф.— Она сегодня у своих родителей».

В кафе он оказался за столиком с приятным господином лет сорока пяти, англичанином, музыкантом, приехавшим на гастроли, и они интересно, правда несколько отвлеченно, поговорили о русской музыке. Время шло, и Рафт был рад такому обстоятельству.

...В этот самый час в Крыму, в Форосе, Юрий Владимирович Андропов искупался перед ужином в ласковом теплом море. Пляж был абсолютно пуст, вода идеальной голубизны и прозрачности — за несколько метров видно дно в мелкой гальке; только два телохранителя бесшумно плавали на почтительном расстоянии от Главного Идеолога страны, а за ними простиралось море, все в огненных отсветах вечернего низкого солнца, и уже совсем далеко маячил, казалось застывший на месте, военный корабль.

После купания Юрий Владимирович, закутавшись в махровый халат, проследовал в небольшой белый павильон — «медицинский», называла его обслуга,— где его уже ждали врач, медсестра и массажист: успокаивающий, даже расслабляющий массаж — и перед ужином, и перед возможной вечерней прогулкой по парку, благоухающему терпкими тропическими ароматами, и перед сном. (Сон, вернее, отсутствие нормального сна — одна из самых тяжких проблем здоровья товарища Андропова.)

Юрий Владимирович уже собрался снять халат и бросить его на руки бесшумно подбежавшей молоденькой медсестре — но в это время в дверь тихо, но энергично постучали, и в комнату вошел один из помощников с телефонным аппаратом в руках.

— Прошу прощения, Юрий Владимирович. Товарищ Попков.— Помощник, поставив телефон на маленький столик, передал трубку Андропову.— Говорит, чрезвычайно срочно...

Юрий Владимирович остановил помощника жестом, бегло взглянув на всех, кто находился в комнате. Сейчас же врач, медсестра, массажист и помощник вышли, стараясь ступать бесшумно.

Рядом с топчаном для массажа стояло удобное плетеное кресло, и Андропов, опустившись в него, закутав длинные, в синих венах, ноги полами халата — он почувствовал внезапный озноб, хотя вечер был южный, теплый, если не сказать — душный,— сказал спокойно и ровно:

— Здравствуйте, Фрол Дмитриевич.

— Добрый вечер, Юрий Владимирович.— Голос начальника Пятого управления КГБ прерывался от волнения.— Хотя... не такой уж он и добрый...

— Так что случилось? Успокойтесь, не спешите. Я вас внимательно слушаю.

Попков говорил минут десять, и Андропов не прерывал его.

— Все? — наконец спросил он.

— Все...

— Где она сейчас?

— Пока изолирована.

— Так...— Андропов помедлил. Эластичная купальная тапка равномерно покачивалась на подагрической ноге.— Первое. Наша встреча здесь, в Форосе, с этим Рафтом отменяется. Второе... Скажите, американец может предпринять какие-то шаги?

— В смысле?

— В смысле того,— в голосе Андропова зазвучало раздражение, но он тут же подавил его,— что начнет разыскивать ее, предпримет свое расследование.

— Может, Юрий Владимирович. Вы угадали. И Губастый говорит: может. Рафт и по натуре такой. И... основной аргумент: он ее любит...

— Вы опять об этой любви! — резко перебил Андропов.— В-третьих, вот что... Надо сократить программу его пребывания. Как вы считаете: у него достаточно материала для статей?

— Думаю, вполне достаточно.

— Вот и отлично. Главное... Я уже не раз говорил вам об этом. Главное, чтобы операция «Золотое перо» прошла успешно.

— Так и будет, Юрий Владимирович.

— А для этого на американца надо оказать... Нет, не давление, а некое психологическое воздействие, в том смысле, что ему не следует лезть в дебри. Ведь можно все потерять: карьеру, будущее, наконец.

— Я уже предпринимаю некоторые шаги в этом направлении.

— Рад, что мы с вами мыслим в одном ключе.— Возникла пауза.— Да... А с ней... Изоляция в нашем с вами, прямо скажем, тяжком случае — это не полное решение проблемы.

— Понимаю, Юрий Владимирович.

— Да! — вдруг заспешил Андропов.— Чуть не забыл. Я тут внимательно поработал с записями беседы Рафта с уважаемым академиком Аратовым. Явно перебрал наш ученый муж, пе-

рестарался. Да еще какие-то архивные материалы он предоставит американцу! Не может быть никаких документов на подобную тему! Вот что, Фрол Дмитриевич. Судя по той характеристике, которую вы даете лихому борзописцу,— он из тех, кто умеет и любит докапываться до глубин. Не исключено, что он попробует получить эти мифические архивные материалы и будет звонить Аркадию Григорьевичу, коли он всучил Рафту свою визитку. Пожалуй, следует поступить так: пусть академик совершит какой-нибудь вояж... не знаю... Во Францию, в Англию. Куда угодно, надо только, чтобы поездка была по его профилю.

— Это — без проблем, Юрий Владимирович.

— Конечно, можно было бы с Аркадием Григорьевичем поговорить открытым текстом. Но... Не стоит. Отправим его прогуляться... Он сам все поймет.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

— Пожалуй, все. Держите меня в курсе. До свидания.

— До свидания, Юрий Владимирович. Хорошего вам отдыха.

Андропов, не ответив, положил трубку телефона и некоторое время сидел в плетеном кресле, задумавшись, закинув ногу на ногу. Эластичная купальная тапка, зацепившись за большой палец левой ноги, медленно покачивалась — вверх-вниз, вверх-вниз...

...К себе в номер Жозеф вернулся в половине девятого вечера и, не зажигая света, сел в кресло возле телефона на столе и телевизора, который он тут же включил, убрав звук. Что-то мелькало — пестрое, разное, бессмысленное. Рафт смотрел то на телефон, то на экран телевизора. Больше на телефон.

Телефон молчал — Лиза не звонила.

Так он просидел некоторое время в нервном напряжении, которое постепенно сменилось тяжелым отупением, почти прострацией, и в таком состоянии Рафт заснул.

Его разбудил телефонный звонок.

«Лиза!» — подумал он, еще не проснувшись окончательно. Открыл глаза. Гостиная погружена в полумрак. На экране телевизора шел жестокий поединок боксеров, негра и белого, оба в тяжелом весе, и оба были мало похожи на людей. Телефон звонил. Рафт одной рукой выключил телевизор, другой схватил трубку телефона.

— Слушаю! — задохнувшись, сказал он.

— Хелло! Это Майкл? — Судя по голосу, говорило совсем юное существо и по-английски вполне прилично: акцент, наверно русский, еле ощущался.— Здравствуй, Майкл.

— Нет, это не Майкл.

— Ой! Простите... Тогда, может быть, вы замените мне Майкла? Меня зовут Мартой.

Рафт положил трубку телефона и тут же набрал Лизин номер. Длинные гудки. Долго-долго — длинные гудки... Лизы дома не было.

Жозеф взглянул на часы — без двадцати час ночи.

«Где же она? Неужели все еще у родителей?»

Рафт заметался по темной гостиной, бесцельно, хаотично, зачем-то отодвинул портьеру на окне и несколько минут смотрел на пустую Манежную площадь, на Кремль, на кровавые яркие звезды, венчавшие его башни.

«Без суеты, без суеты! — наконец приказал он себе.— С утра ее дежурство. И она придет. А сейчас — спать».

Спал он беспокойно, что-то снилось ужасное, но, просыпаясь от собственного глухого крика, он не мог вспомнить, что именно. Вскакивал, потный, с колотящимся сердцем, бежал к телефону, звонил.

Там, в странной квартире Лизы, трубку никто не брал...

Так в течение этой кошмарной ночи он просыпался несколько раз — и звонил, звонил, звонил...

2 августа 1982 года

...В восемь утра американский журналист Жозеф Рафт был бодр, чисто выбрит, благоухал своими крепкими духами, свежая белая рубашка была, учитывая специфику предстоящего визита, подчеркнута черным галстуком-бабочкой. Только в половине девятого он пошел завтракать, сказав себе: «Вернусь, а она ставит на стол новый букет цветов».

Завтракал он не торопясь, растягивая время. Правда, если бы у него спросили, что он ел только что, Жозеф не сумел бы ответить.

Он вернулся к себе в начале десятого и сразу понял: у него никто не производил утреннюю уборку. Лиза не приходила.

Рафт, оставив дверь в гостиной открытой, сел в кресло, устроился поудобнее, вытянув ноги, и стал ждать, твердя про себя, как заклинание: «Она придет, придет, придет...»

И действительно, в двери загремел ключ — Рафт взглянул на часы: без десяти десять.

«Наконец-то!..»

Дверь открылась, и в переднюю вошла высокая стройная девушка: узкая черная юбка, белая кофта; в руках у нее была стопка полотенец.

— Ой!..— воскликнула она, увидев Рафта.— Простите...— По-английски она говорила с трудом.— Я думала, вас уже нет. Здравствуйте! Я ваша горничная. Меня зовут Машей.

— А... А Лиза?..— вырвалось у него.

— Лиза? — Новая горничная, тоже безупречно красивая, но другая, другая, с удивлением смотрела на него.— Не понимаю...

— Да ведь сегодня дежурная горничная — Лиза...

Маша улыбнулась:

— Простите, даже не знаю, что вам сказать. Меня перевели сюда с пятого этажа. Теперь я на третьем, у вас, буду работать. И это — повышение. Сегодня и завтра моя смена.

Рафт хотел еще что-то спросить, но в этот момент зазвонил телефон.

«Это — она!..»

В трубке зазвучал голос Валерия Яворского (Жозеф совсем забыл о своих сопровождающих. Или как их назвать?):

— Доброе утро, Жозеф. Мы внизу. Спускайтесь. К этому светиле опаздывать не рекомендуется.

К прославленному театру они подъехали, когда стрелки часов на круглых часах, прикрепленных к фонарному столбу на углу улиц напротив станции метро, показывали двадцать пять минут одиннадцатого.

— Слава Богу, вовремя,— с облегчением сказал Ник Воеводин.

«Чего они так дрожат перед этим режиссером?» — подумал Рафт.

У служебного входа в опальный театр их встретила дама неопределенного возраста, с яркой помадой на губах, густо напудренная, пахнущая французскими духами и табаком. Протягивая Жозефу руку для поцелуя, сказала по-английски, томно и нервно одновременно:

— Доброе утро! Он вас ждет! Ждет! Прошу!

Они прошли по каким-то театральным задворкам — переходы, крутые узкие лестницы, бутафорский театральный хлам; в прорезь кулисы мелькнула сцена, освещенная яркими софитами; на ней рабочие монтировали декорации, похоже, средневекового русского града.

Подъем по крутым ступеням вверх, узкий коридор, слабо освещенный; и прямо перед ногами американского журналиста пробежала огромная жирная крыса. Жозеф чуть не вскрикнул.

— Не обращайте внимания,— сказала сопровождавшая дама, пожалуй, даже весело.— Их тут полно. Вполне мирные существа. Мы с ними, можно сказать, в дружеских отношениях.

Свернули за угол, и коридорчик уперся в обшарпанную дверь с табличкой: «Главный режиссер».

— Прошу! — Дама распахнула дверь.

И они оказались в просторной комнате с двумя большими окнами, выходящими в зеленый дворик, замкнутый стенами домов из красного кирпича — чахлые деревья, клумбы, травка на газонах; на всех стенах театральные афиши на многих языках, с автографами, подрисованными карикатурами, стихами, наскоро, размашисто написанными; полки с масками, статуэтки, макеты театральных декораций. Картины на стенах: лишь одна написана в реалистической манере — портрет самого маэстро в костюме и гриме Отелло. От абстрактных сочетаний красок и линий на остальных полотнах рябило в глазах. Старинная мягкая мебель, большой письменный стол, заваленный бумагами, газетами, журналами, афишами, всяческими безделушками. На другом квадратном столе, задвинутом в угол и покрытом бархатной скатертью бежевого цвета с бахромой (вся она в пятнах и разводах),— самовар, кофеварка, кучно составленные чайный и кофейный сервизы, оба фарфоровые. Пол застлан ворсистым ковром, и посередине комнаты на этом ковре развалился большой пушистый рыжий кот с белым брюшком, и по позе сразу видно, что главное содержание этого субъекта — вселенская лень: на появление гостей он никак не прореагировал, не шевельнулся, даже не открыл глаз; наверняка с театральными крысами он живет в мире и согласии. Кроме кота, в комнате никого не было.

— Иду, иду! — послышался хорошо поставленный бархатный голос.

Открылась неприметная дверь в углу глухой стены, и появился маэстро, всемирно знаменитый режиссер театра, известного спектаклями, в которых в аллегорической, а достаточно часто и в открытой форме, выражены протест и борьба с существующей в России политической системой.

Был маэстро уже немолод, может быть, приближался к шестидесяти, а то и перешагнул их, высок, грузен, что-то женское присутствовало в лице с дряблыми щеками, но бледно-голубые глаза под седыми бровями смотрели молодо, зорко, были полны энергии и воли, и весь он, в безукоризненно сидящем на нем бежевом костюме, в белоснежной рубашке с шелковым синим шарфиком на морщинистой шее, излучал флюиды могучей жизненной энергии, действия — и спокой-

ствия. Движения его были пластичны, уверенны, и уже через несколько мгновений этот человек не воспринимался как старик. «Для истинных людей искусства возраста нет»,— подумал Жозеф Рафт.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Маэстро говорил по-английски совершенно свободно. Он энергично пожал американцу руку, потом сопровождающим, спросил, бегло взглянув сначала на Яворского, потом на Воеводина, очевидно заранее зная ответ: — А вы, уважаемые, переводчики?

— Я — переводчик,— сказал Валерий Яворский.

— А я,— поспешил Ник,— с коллегой Рафтом от Союза журналистов.

— Понятно,— сказал знаменитый режиссер, и еле заметная саркастическая улыбка мелькнула на его лице.— Что же... товарищи и господа, прошу! Располагайтесь. Симочка! — повернулся маэстро к даме, встретившей их.— Вы нам чайку и кофе. Кто что соизволит.— Все это говорилось по-английски.

— Один момент!

Симочка захлопотала у стола с самоваром. Минут через десять на углу письменного стола появился расписной поднос — русская тройка на черном фоне — с горячим чайником, кофейником, посудой, сахарницей, печеньем, вазочкой с конфетами. Симочка в разговоре участия не принимала: что-то приносила, уносила, разливала в чашки чай и кофе, двигаясь бесшумно. Зато рыжий кот в аудиенции участие принял: как только маэстро сел в свое кресло, он ожил, открыл изумрудные глаза, поднялся с ковра, потянулся, выгнул спинку и уже через минуту прыгнул на колени к хозяину кабинета.

— Хорошо, Макбет,— сказал режиссер, лаская большой белой рукой кота,— можешь поприсутствовать, только — никакого хулиганства.

— Он хулиган? — спросил, улыбнувшись, Рафт.

— Больше — бандит и вор. У Макбета было тяжелое детство. Он постоянно норовит что-нибудь стянуть со стола. Но сейчас для него тут нет ничего интересного. Итак... Я думаю, мы будем говорить по-английски.— Хозяин кабинета повернулся к Яворскому:— Вы не возражаете?

«Переводчик» передернул плечами, сказал по-русски, похоже, с облегчением:

— Баба с воза — кобыле легче.

— Значит, господин Рафт... Я правильно произношу вашу фамилию?

— Да, правильно.

— Значит, если я правильно осведомлен, вас интересует личность Юрия Владимировича Андропова?

— Да. Но я бы уточнил, имея в виду встречу именно с вами: личность Андропова и его роль... И его роль в развитии советского искусства, в частности, театрального искусства.

— Понятно...— Маэстро откровенно усмехнулся.— Давайте тему сформулируем так: «Юрий Андропов и советский театр». Но, может быть, вы мне зададите свои вопросы, господин Рафт? И тогда наша беседа приобретет конкретику.

— Согласен! — Все было отринуто. Все личное. Жозеф Рафт работал. Надо делать свое дело, господа! Всегда и при любых обстоятельствах.— В таком случае, первый вопрос: правда ли, что Андропов, будучи Председателем КГБ, покровительствовал вашему театру? Да и сейчас покровительствует. Вроде бы отстоял несколько спектаклей, которые власти, цензура... Кто там у вас этим занимается? Словом, которые собрались закрыть, запретить,— а он отстоял.

— Ну...— Знаменитый режиссер задумался.— Сказать — несколько спектаклей, это преувеличение. Один спектакль. Может быть, два.

— Это говорит о том, что Андропову нравится ваш театр? Что он разделяет концепцию ваших спектаклей, их философию?

— Нет, ничего подобного и близко не наблюдается. Да Юрию Владимировичу, насколько я понимаю, и времени нет ходить в театры. За все годы у нас он если был на двух спектаклях — уже хорошо. Да и то — это спектакли, в которых был занят его зять...

— Простите, не понял,— перебил американский журналист.

— Давайте я вам расскажу маленькую новеллу о том, как я имел честь познакомиться с товарищем Андроповым.— По лицу маэстро снова промелькнула летучая саркастическая улыбка.— Однажды... Уж не помню, в каком году, зазвонил вот этот телефон. Поднимаю трубку: «Я слушаю». В ответ: «Здравствуйте. С вами говорит Андропов». Я, помню, переспросил: «Кто? Кто?..» Подумал — ослышался. «Юрий Владимирович Андропов». Не скрою, растерялся, сразу стал лихорадочно соображать: что такое в последнее время мы натворили? Звонки сверху... А этот, как вы понимаете, с самого верха... Подобные звонки в нашем театре раздавались... И раздаются, приходится констатировать, с единственным содержанием: разносы, угрозы, запреты, предупреждения, в лучшем случае — увещевания. А тут! Сам Андропов... Тем не менее говорю спокойно: «Слушаю вас, Юрий Владимирович». И представьте, этот человек обращается ко мне с просьбой: его дочь Ирина, страстная поклонница нашего театра, собирается принять участие в конкурсе: мы создали свою студию

для подготовки молодой артистической смены, и вот был объявлен конкурс. Абитуриентов — тьма. И Юрий Владимирович мне говорит: «Ирина вознамерилась стать актрисой, попасть в ваш театр. Я убежден, что особых данных для этой профессии у нее нет и вообще театр — не ее будущее. Может быть, я консервативен,— говорит Андропов,— но таково мое отцовское убеждение. И поэтому,— продолжает Юрий Владимирович,— у меня к вам просьба: убедительно прошу, пусть тот факт, что Ирина моя дочь, никоим образом не повлияет на оценку ее театральных данных. Оцените ее по заслугам — и только. Почти уверен, что вы поймете: я прав». Вот примерно такой разговор...— Маэстро сделал глоток остывшего кофе.— Юрий Владимирович оказался прав: его дочь Ирина, вполне милая интеллигентная девушка, могу добавить, красавица, театральными талантами не блистала, и я не принял ее в нашу студию. Вот таким образом, пока заочно, я познакомился с Андроповым.

— Почему — пока? — спросил Рафт.

— Вот! Сейчас расскажу. Симочка! Мне бы горячего кофейку, этот совсем остыл.

— Один момент.

Пока происходила смена чашек с кофе, Жозеф обратил внимание на одно странное обстоятельство (впрочем, он Э Т О заметил еще во время рассказа маэстро): «сопровождающие» Яворский и Воеводин вели себя непонятно — не притрагивались к чаю и кофе, переглядывались, посматривали на часы, явно нервничали, похоже, чего-то ожидая.

Когда чашка с горячим кофе появилась перед режиссером, Яворский поднялся, весьма проворно для своего рыхлого грузного тела, и сказал:

— Извините... Мне бы позвонить.

— Пожалуйста,— последовал вежливый ответ.— Соседняя комната, обитель нашего завлита. Он сейчас в отпуске.— Маэстро улыбнулся.— Там вам никто не помешает. Симочка, будьте любезны, проводите.

Симочка и Яворский вышли из кабинета.

«А Ник бледен и странно напряжен,— отметил Рафт.— Или опять состояние похмелья после вчерашнего посещения ресторана «Арагви»?»

— Дело вот в чем,— продолжал рассказ режиссер.— Дочь Андропова, очевидно, по-настоящему любит театр. Она получила гуманитарное образование и стала театральным критиком. А дальше... Ирина познакомилась с одним нашим артистом. Роман, любовь, замужество. И таким образом наш актер стал зятем Юрия Владимировича, который, после за-

мужества дочери, действительно был, если мне память не изменяет, на двух спектаклях, в которых муж Ирины исполнял главные роли.

— И после этого вы уже очно познакомились с Андроповым?

— Именно так. Он был на банкете здесь в театре, после премьеры одного из этих спектаклей. Вот тогда я и имел честь, так сказать, пожать державную руку.— Маэстро сделал паузу. На сказанное Ник Воеводин никак не реагировал: он был отвлечен какой-то своей, похоже тяжкой, думой и, скорее всего, повествование маэстро не слушал.— Или почти державную. Помню ощущение от пожатия этой руки. Она была большой, бессильной и холодно-влажной. Прямо скажу: ощущение не из приятных.

— Ну...— Рафт подыскивал слова.— А как вел себя Андропов в застолье, в вашей артистической компании?

— Если кратко — достойно, стараясь оставаться в тени. Он явно не хотел быть в центре внимания. Я бы рискнул сказать, что Юрий Владимирович стеснительный человек. Стеснительный, но с обостренным чувством собственного достоинства. Судите сами. На том банкете произошел маленький, но весьма впечатляющий инцидент. Был произнесен какой-то тост... Уж не помню какой. По русскому обычаю, перед тем как выпить, все стали чокаться рюмками друг с другом. Юрий Владимирович потянулся со своей рюмкой с коньяком — он ее одну и пил по глотку в течение всего вечера — к одному нашему известному, даже знаменитому актеру, барду, бунтарю, пребывающему в открытой оппозиции к властям предержащим. И тот демонстративно отказался чокнуться с Председателем Комитета госбезопасности. Я наблюдал за этой мизансценой как режиссер: интересно! За столом возникла мгновенная тишина, а сидело за ним человек тридцать. Все смотрели на актера и Андропова. Они находились друг против друга. И в этой, я бы сказал, страшноватой тишине Юрий Владимирович, улыбнувшись, пристально глядя на актера-бунтаря, сказал, подчеркнуто тихо, но все слышали: «Я рекомендую вам не отказываться чокнуться со мной.— Была выдержана блестящая актерская пауза.— Не забывайте: у КГБ длинные руки». И наш прославленный актер чокнулся с Андроповым, правда ничего не сказав, выпил свой бокал до дна и молча вышел из-за стола.— Маэстро трижды хлопнул ладонями рук. На его щеках появился румянец. Кот Макбет, который успел заснуть у него на коленях, открыл глаза и недовольно мяукнул.— Никаких реплик, дружище! — Режиссер ласково потрепал кота за уши.— Согласитесь: какой

блестящий, по всем правилам высокого искусства мини-спектакль!

— То есть... Если я вас правильно понял...— Краем глаза Рафт заметил, что Ник Воеводин с нетерпением посматривает на дверь и явно томится.— Некая благосклонность Андропова к вашему театру, поддержка, ну и так далее... все это объясняется, так сказать, родственными связями?

— Не совсем.— Маэстро задумался.— Хотя отчасти, как говорится, имеет место быть и то, о чем вы упомянули. Но главное... Принципиально главное — в другом. Андропов прежде всего политик. Я допускаю — и коварный политик.— На эти слова Воеводин никак не отреагировал.— Наш театр популярен у передовой, в моем понимании, интеллигенции, творческой, технической, военной, у молодежи, прежде всего студенческой, то есть в той среде, в которой живет... мучительной жизнью, надо уточнить... в которой живет фронда существующему режиму. Политик, выстраивающий свое будущее с достаточно дальней перспективой, помышляя, безусловно, о верховной власти... А, по моему убеждению, к достижению этой власти направлены все помыслы и усилия Юрия Владимировича... Такому политику очень важно заручиться поддержкой этой среды, создать иллюзию и заставить людей поверить в то, что он разделяет многие политические и этические взгляды этой среды... Отсюда и поддержка товарища Андропова нашего театра.

— Простите,— перебил Рафт, отметив, что в диктофоне скоро кончится пленка,— вы сказали: создать иллюзию...

— Да, именно так: создать иллюзию.

— Тогда... Вопрос, который я задавал всем, с кем мне довелось беседовать в Москве об этом человеке. Скажите, какую главную черту характера Юрия Андропова вы бы выделили, поставили на первое место?

— Извольте! — быстро откликнулся знаменитый режиссер.— Аскетизм в личной жизни, и своей, и членов его семьи. У Андропова нет жажды личного обогащения.— Непостижимо! Ник Воеводин все это вроде бы слышал. Или не слышал?.. Он, физически находясь в кабинете, похоже, на самом деле пребывал где-то еще, в другом измерении и по-прежнему на чудовищно-крамольные слова маэстро никак не реагировал, только смотрел на дверь, за которой недавно исчез Яворский.— Ему не нужна та плебейская роскошь, которой себя окружили кремлевские олигархи. Он в быту пуританин, подчеркнуто, даже болезненно честен; никаких привилегий для себя. Такого же отношения ко всей этой мишуре он требует от своей жены и детей. Юрий Владимирович даже тяготится теми

материальными благами, больше чем излишними, которые положены ему по рангу. Повторяю: аскетизм в личной жизни и безупречная честность на бытовом уровне — такова черта натуры Андропова, которая разительно выделяет его из нашей высшей партийной элиты...— знаменитый режиссер, как и Рафт, а может быть, и раньше американца, давно заметил странное состояние, в котором пребывал «коллега» Жозефа Ник Воеводин, и теперь не обращал на него внимания,— которая, в основной своей массе, исключения — единицы, погрязла в коррупции, личном обогащении, в убогом стремлении к материальным благам, удовлетворениям тела и желудка. Это, знаете ли, когда ты черную икру жрешь большими ложками сколько хочешь, пока она не полезет из ушей.— В голосе маэстро звучали ненависть и презрение.— Словом, в этом плане Юрий Владимирович Андропов на нашем кремлевском олимпе — белая ворона.

— Так это же замечательно! — вырвалось у несколько оторопевшего от услышанного Жозефа Рафта.

Возникла пауза. Знаменитый режиссер молчал, и лицо его было скорбно.

— Не уверен,— наконец тихо сказал он.— Лучше бы этот человек свою, безусловно недюжинную, энергию тратил, как его коллеги по Политбюро, тоже на достижение всего этого.

— Но... почему? — изумился американский журналист.

— Потому что сейчас эта могучая энергия употреблена только на одно... На достижение поставленной цели. А цель эта — верховная власть в стране.

— Ну и что же в этом плохого?

Ответить на поставленный вопрос — естественный с точки зрения здравого смысла и логики — маэстро не успел: открылась дверь, и в кабинет вошел Валерий Яворский. Взглянув на него, маэстро спросил:

— Что-то случилось?

— Да нет, что вы! Ничего не случилось.— «Переводчик» говорил быстро и был явно возбужден и взволнован.— Просто... Некоторые обстоятельства... Мне... Да и товарищу Воеводину...

— То есть,— пришел ему на помощь маэстро, теперь открыто язвительно улыбаясь,— возникли обстоятельства на работе? Вас срочно вызывают?

— В какой-то степени...

— Работа есть работа. Да мы, собственно, с господином Рафтом обо всем переговорили. Не так ли?

— Да, да... Пожалуй,— пролепетал ничего не понимающий американский журналист.

— Вот и прекрасно! — Знаменитый режиссер легко поднялся из своего кресла. Кот Макбет с недовольным мяуканьем брякнулся на ковер.— Не смею больше задерживать, господа... и товарищи.

...Через несколько минут озадаченный Рафт уже сидел в черной «Волге». В машине их было трое: Ник Воеводин оказался за рулем — шофера, очевидно, отпустили, и Жозеф с Яворским сидели сзади.

— Да что происходит, черт возьми? — наконец пришел в себя американец.

— Кое-что изменилось, Жозеф,— сказал Яворский, уже спокойно и не торопясь.— Я вынужден вас огорчить. Во-первых, к сожалению, не состоится встреча с товарищем Андроповым в конце вашего пребывания в Советском Союзе, о чем первоначально было оговорено. У Юрия Владимировича немного ухудшилось здоровье, врачи не рекомендуют... Потом... Согласитесь... Он все-таки на отдыхе.

— А во-вторых? — спросил Рафт, подумав: «Все это связано с Лизой».

— Во-вторых... Возникли некоторые трудности с организацией еще двух ваших запланированных встреч: с академиком-атомщиком Николаевым и экономистом, тоже академиком, Разумовским.

— В чем же эти трудности заключаются? — спросил Рафт.

— Ну...— В голосе Яворского смешались растерянность и раздражение.— Академик Николаев на каком-то симпозиуме основной докладчик, готовится, занят. А Разумовский...

— Он оказался в больнице,— перебил «переводчика» Воеводин.— Инфаркт.

Американский журналист молчал.

— Мы все уточним, Жозеф.— Валерий Яворский говорил медленно, похоже обдумывая каждое слово.— Скорректируем. Сегодня у вас вечером театр. Вам повезло, что именно сейчас в Москве гастролирует Большой драматический театр Ленинграда, там великолепная труппа, говорят, прекрасный репертуар.

Жозеф Рафт молчал...

— А до вечера вы свободны. Мы за вами заедем. Возможно, кто-то один из нас.

— Хорошо,— сказал американский гость.

— Давай, Николаша, в «Националь».— Яворский тронул плечо «журналиста» Ника.

...Оказавшись в своем позолоченном номере, Жозеф, сняв пиджак, прошел в спальню, сняв ботинки, лег на кровать.

На потолке, изнемогая от желания, резвились амуры и полуобнаженные нимфы.

Нет, в спальне больше не витали струи духов, которыми пользовалась Лиза.

«Стоп! Спокойно.— Рафт быстро поднялся с кровати, прошел в кабинет, достал свои блокноты с записями, пронумерованные кассеты диктофона, кассеты отснятой пленки, тоже пронумерованные.— Прежде всего — дело. Похоже, дальнейшее исследование главной моей темы может прерваться. Достаточно ли у меня материала?

Сейчас разберемся...»

Рафт работал за письменным столом часа три.

«Достаточно,— сказал он себе, потянувшись на стуле и хрустнув суставами.— Вполне достаточно. Разве что вот это...— В руке у него была визитная карточка академика Аратова.— Хорошо бы получить обещанные архивные материалы. Только понадобится для перевода Яворский. Ладно! Договорюсь на завтра».

Рафт набрал номер телефона, указанный на визитке.

— Добрый день! — прозвучал в трубке приветливый женский голос, говорили по-русски.— Приемная института...

— Простите! — перебил Жозеф.— Можно академика Аратова?

— Здравствуйте! — Секретарша перешла на английский.— Кто его просит?

— Я Жозеф Рафт, журналист. У нас с господином Аратовым была договоренность...

— От имени Аркадия Григорьевича я вынуждена извиниться перед вами.— Последовала небольшая пауза.— Верно, верно. Вот передо мной список лиц, с которыми у товарища Аратова были назначены встречи, переговоры... Тут и ваша фамилия. Но дело в том, что Аркадий Григорьевич срочно вылетел в командировку в Канаду.

— Надолго? — спросил Рафт.

— Дней на десять. Позвоните, пожалуйста, недели через две, и все ваши проблемы с Аркадием Григорьевичем вы решите.

— Благодарю. До свидания.

— До свидания.

Рафт положил трубку телефона. Посидел несколько минут в задумчивости. Взял карту — проспект отеля «Националь».

«Так... Вот он, главный администратор...»

Американский журналист набрал номер из трех цифр.

— Здравствуйте. Я вас слушаю.— Явно молодой мужчина говорил по-английски с чудовищным акцентом.

— Здравствуйте. Я — Жозеф Рафт. Я живу в триста восьмом номере. Мне необходимо получить одну информацию.

— Пожалуйста, господин Рафт.

— До сегодняшнего дня мой номер убирала в одну из смен горничная... ее зовут Лиза. Сегодня начало ее смены. А утром пришла другая...

— В чем проблема? — перебили Жозефа.— Вас не устраивает новая горничная? Она плохо справляется со своими обязанностями?

— Вовсе нет! Но я хочу знать, куда подевалась Лиза? У меня к ней дело.

— Извините, господин Рафт, я не обладаю интересующей вас информацией. Я секретарь главного администратора товарища Зайцева. Думаю, у него вы получите исчерпывающие ответы на все ваши вопросы.

— Так соедините меня с товарищем Зайцевым! — Жозеф, сдерживая непонятный, внезапно возникший гнев, старался говорить спокойно.

— Иван Петрович будет в семнадцать часов.

Положив трубку телефона, Рафт взглянул на свои золотые швейцарские часы — было двадцать минут четвертого.

«Хорошо, подождем».

Американец спустился вниз, в ресторан, и плотно, не торопясь, пообедал без капли алкоголя, только сок и минеральная вода. Заказал он себе экзотические, с его точки зрения, блюда русской кухни: салат «Лето» с брусникой и морошкой, мясную окрошку (она ему особенно понравилась), расстегаи с осетриной, малиновый кисель на меду и чашку черного кофе по-турецки.

Вернувшись в номер, Жозеф Рафт работал со своими материалами до семнадцати часов, а в 17.05 набрал номер главного администратора отеля «Националь» Ивана Петровича Зайцева.

— Здравствуйте, господин Рафт! — Голос товарища Зайцева был тверд, спокоен, державен; и, если бы Жозеф был сведущ,— с характерным лондонским выговором.— Я вас слушаю.

— У меня к вам один деликатный вопрос...

— Знаю, знаю,— перебил Иван Петрович.— Мне секретарь передал...— похоже, товарищ Зайцев усмехнулся,— ваш вопрос. Удовлетворяю его: со вчерашнего дня горничная третьего этажа Елизавета Смолина от работы освобождена, уволена.

— Можно знать, по какой причине?

— Да...— Теперь Иван Петрович Зайцев явно усмехнулся.— Вы, господин Рафт, вторгаетесь в сферу... Впрочем, ладно, раз вам так интересно. Гражданка Смолина освобождена от работы в нашем отеле за аморальное поведение.

— То есть?

— Мы установили, что свою основную работу она сочетает еще с одной...— Товарищ Зайцев помолчал, очевидно ожидая вопроса, но Рафт молчал.— Она занималась проституцией, выбирая богатых иностранных клиентов, проживающих в нашем отеле. Это совершенно несовместимо...

— Благодарю вас, товарищ Зайцев...— В слово «товарищ» Жозеф вложил всю ненависть, на какую только был способен.— Вы удовлетворили мое любопытство.— И он, не сдержавшись, громко бросил трубку телефона.

«Спокойно, спокойно,— приказал себе американский журналист.— Все только начинается».

Он сел к столу, открыл блокнот и написал на плотном глянцевом листе прекрасным пером ручки «Паркер»:

«Мои русские друзья!

От театра вынужден отказаться: неважно себя чувствую. Наверно, результат переутомления. Решил совершить большую пешую прогулку по вечерней Москве.

Дружески — Жозеф Рафт.

2.8.82».

Из карты-проспекта он вынул конверт для писем с грифом «Националь», вложил в него записку, заклеивать не стал, написав на нем: «Г-дам Яворскому, Воеводину».

Затем Жозеф Рафт тщательно оделся — для вечерней прогулки по русской столице: тенниска, спортивный легкий костюм, кроссовки «Адидас»; в небольшую дорожную сумку из эластичной искусственной кожи — была у него и такая — уложены бумажник, документы, фотоаппарат «кодак» (на всякий случай). Было без четверти шесть вечера.

«Вперед! — приказал себе Жозеф. И добавил, испытав внезапный ужас, как перед прыжком в бездну: — Господи! Помоги мне!..»

Он спустился вниз, письмо с запиской передал дежурному администратору, сказав:

— Положите в ячейку вместе с моим ключом. Скоро за мной приедут два джентльмена. Передайте, пожалуйста, конверт им.

— Будет исполнено, господин Рафт. Не беспокойтесь.

Американец вышел из отеля «Националь», огляделся по сторонам. Вечер был теплый, пасмурный, но без дождя. Улица Горького, как всегда, запружена людьми и машинами.

Жозеф направился к подземному переходу, подумав: «Такси лучше поймать на углу». Оказавшись на перекрестке в том месте, где улица Горького вливается в Манежную площадь, он стал всматриваться в поток машин, которые от Театральной площади волнами накатывали на него.

Первое такси появилось минуты через три, но на поднятую руку Рафта не прореагировало, хотя машина была пуста. И второе такси промчалось мимо. Остановилось третье, шофер распахнул дверцу. Это был молодой парень лет двадцати пяти, крупный, с резкими энергичными чертами лица, с короткой стрижкой рыжих волос.

— Прошу!

Садясь рядом с водителем, Рафт подумал: «Он, наверно, не русский. Скорее похож на американца. Или на скандинава».

Таксист поплотнее захлопнул дверцу, потянувшись через колени журналиста, быстро, внимательно взглянув на него.

— Куда? — спросил он.

Рафт по интонации понял вопрос, ответил:

— Тушино.

— Улица? — Шофер наморщил лоб, вроде бы поднатужился, сказал: — Стрит...

«Господи! — с холодным ужасом подумал Рафт.— Я же не знаю ни названия улицы, ни номера дома...»

Но тут он вспомнил и сказал с радостью и облегчением:

— Универсам! Большой...— Руками была изображена необъятная фигура.

Таксист улыбнулся:

— Тушинский новый универсам.

— Да! Так! — «Так» Рафт сказал по-русски, и сам не понимая, откуда у него взялось это слово.

Они поехали.

Дорога заняла сорок три минуты. Время терялось главным образом на перекрестках, на развязках, под светофорами.

«Как же непродуманно, нелепо у них проложены городские маршруты! — думал Жозеф Рафт, на этот раз внимательно наблюдая жизнь российской столицы из окна машины — раньше, когда его в Тушино возила Лиза, у него не было такой возможности: он смотрел только на нее.— Наверно, нет ни одной скоростной трассы, пересекающей без остановок весь город. Во всяком случае, мы на всем пути таковой не встретили».

И — удручал вид самой советской столицы: миновали центр, более или менее приближающийся к облику больших европейских городов,— начались кварталы обшарпанных убогих домов, развороченные работами улицы, и похоже так и не оконченными,

длинные заборы, неогороженные свалки, унылые пустыри... опять одинаковые ряды казарменных домов; никакой рекламы, убогое освещение (уже смеркалось), серо, однообразно, тускло, выть хочется...

— Универсам,— сказал таксист. И добавил, естественно, по-русски: — Он в Тушино один.

— Да, да! Здесь!..— обрадовался Рафт: он сразу узнал этот огромный продовольственный магазин, похожий на спортивный комплекс под крышей или бассейн.

Шофер вышел из машины, распахнул перед ним дверь.

Жозеф щедро расплатился с таксистом, похлопал по плечу.

— Спасибо! — сказал он по-русски.

Теперь Рафт спешил — вон дом, в котором живет Лиза,— второй слева от универсама, на широком проспекте, обсаженном молодыми хилыми деревцами. Третий подъезд, подняться лифтом на седьмой этаж, дверь в коридорчик, пройти направо — и упираешься в ее дверь. Номера квартиры журналист не помнил, но у него была безупречная зрительная память.

Он спешил, почти бежал не оглядываясь.

А «таксист» поднял капот машины, наверно что-то забарахлило в моторе, и копался в нем до того момента, пока Рафт не вошел в подъезд. После этого «таксист», хлопнув капотом, сел за руль, закрыл дверцу, вынул из-под сиденья телефон и быстро набрал номер.

— Говорите,— прозвучал мужской голос.

— Это Седьмой.

— Слушаю тебя, Седьмой.

— Объект сразу нашел дом, вошел в третий подъезд. Сейчас, наверно, поднимается на лифте.

— Понятно. Передай его Двенадцатому. Он на верхней чердачной площадке третьего подъезда.

— Слушаюсь!

— И мы на всякий случай тебя продублируем.

Рафт поднимался на седьмой этаж. Да, он не ошибся — это ее подъезд: впервые оказавшись с Лизой в лифте,— неужели это было всего несколько дней назад?..— он обратил внимание на смешной рисунок, небрежно, но выразительно исполненный черным жирным фломастером, рисунок украшал панель лифта: Жозефу улыбалась и подмигивала лукавая, даже, пожалуй, ехидная рожица.

И сейчас рожица улыбалась ему, подмигивая и вроде бы подбадривая: «Не робей, парень! Все будет о'кей!»

Лифт остановился. Разошлись дверцы. Американец вышел на лестничную площадку. Застекленная дверь в коридорчик,

тускло освещенный, повернуть направо... Сердце бешено колотилось, и унять его клокотание в груди было невозможно.

Вот она, ее дверь! Ее! Он узнал, вспомнил: дверь обита черной клеенкой, и возле замочной скважины кусок обивки оторвался, висит рваным клоком, и у него белая изнанка.

И сейчас он висит, этот кусок обивки...

Минуту, может быть, две, Жозеф смотрел на этот клок клеенки, собрав всю свою волю: «Успокойся, успокойся, успокойся!..»

Наконец он нажал кнопку звонка. За дверью застрекотало, громко и требовательно. Тишина... Глазка в двери не было.

Жозеф позвонил еще раз.

И за дверью послышались неторопливые шаги.

«Она дома! — Жаркая волна счастья с головой накрыла его.— Лиза! Моя любимая...»

Дверь открылась. В ее проеме стояла старая женщина, простоволосая, неряшливая, в затертом байковом халате, застегнутом на две пуговицы; полы халата разошлись, и была видна нижняя рубашка голубого цвета.

«Родители... Наверно, к Лизе приехали родители...»

Женщина, щурясь, подозрительно смотрела на американца.

— Вам кого? — спросила она; голос был хриплый, простуженный.

По интонации, может быть интуитивно, он понял смысл вопроса.

— Лиза...— сказал Жозеф.— Лиза...

— Какая еще Лиза? — Женщина попыталась закрыть дверь, но Рафт, вцепившись в ручку, удержал ее.

— Здесь живет Лиза... Позовите ее. Лиза! — крикнул он громко.— Лиза!..

— Дед! — в свою очередь закричала старуха дурным голосом.— Тут хулиган какой-то, иностранный! Ой! Помогите!

В передней появился жилистый старик в пижамном мятом костюме (потом Рафт сделал предположение, что он вылез из-под одеяла) с перекошенным злобой и решительностью лицом, иссеченным глубокими морщинами. Он оттолкнул старуху, дернул на себя дверь, и теперь через узкую щель была видна только его голова. На Жозефа смотрели злые, насмешливые глаза.

— Ну? Чего надо, бусурманская рожа? — Старик говорил почти спокойно, и в его спокойствии ощутил американский журналист некую темную победную силу.— Чего надо, спрашиваю?

Не зная слов, Рафт понял смысл сказанного.

— Мне нужна Лиза.— Он уже понимал всю бессмысленность и безнадежность своих усилий, бессмысленность говорить с ними по-английски.

— Нет тут никакой Лизы! И никогда не было! Понял?

Дверь захлопнулась. За ней прогремела цепочка.

В полном отчаянии Рафт опять нажал кнопку звонка и не отпускал с нее палец. За дверью звонок звонил, звонил... А Рафт умолял:

— Да откройте же! Нам нужно объясниться... Скажите, где Лиза, и я уйду...

— Хулиган! — завизжала старуха, похоже, крича в замочную скважину.— Бандит! Я сейчас в милицию позвоню!..

Слово «милиция» Жозеф понял.

«Все! — приказал он себе.— Успокойся. Угомонись!»

Спускаясь в лифте вниз, он решил: «Я найду ее. Я найду ее во что бы то ни стало!»

Бодался теляти с дубом...

Как только американец вышел к проезжей части широкого проспекта (он был пуст, слабо освещен тусклыми фонарями, машины проезжали редко), метрах в ста от него показался зеленый глазок такси. Рафт поднял руку. Машина остановилась.

Садясь на заднее сиденье, Жозеф, даже не взглянув на водителя, сказал:

— Отель «Националь».

— Будет сделано, шеф. Нон проблем.

В аптеке на улице Горького недалеко от отеля Рафт купил сильнодействующее снотворное (так он и объяснил одной из продавщиц, которая говорила по-английски: «Нужно сильнодействующее». Ему назвали лекарство, объяснили: «Одну таблетку за полчаса до сна»).

Дежурному администратору «Националя» он сказал:

— Завтра утром разбудите меня, пожалуйста, телефонным звонком в восемь тридцать.

— Непременно, господин Рафт. Конверт ваши друзья получили. Сказали, что вечером будут звонить.

— Спасибо.

Жозеф принял ванну, в девять часов вечера поужинал в кафе на четвертом этаже, там была итальянская кухня — он любил острые специфические блюда из рыбы. У себя в номере, в спальне, поставил телефон на тумбочку рядом с подушкой, отыскал в спортивной сумке нужную ему на утро записную книжечку, положил ее рядом с телефоном.

«Все. Спать. Необходимо хорошо выспаться».

Он проглотил таблетку снотворного, запив ее стаканом боржоми, разделся, лег в кровать, погасил свет и... не заметил, не ощутил, как упал, провалился в крепкий, беспробудный сон.

3 августа 1982 года

...Его разбудил телефонный звонок. Не открывая глаз, он (сразу вспомнив разработанный вечером план) нашарил трубку, прижал ее к уху:

— Я слушаю.

— Доброе утро, господин Рафт. Время — половина восьмого.

— Благодарю.

— Вчера вечером вам несколько раз не могли дозвониться. Справлялись у нас, у себя ли вы в номере.

— Я очень крепко спал.

— Мы так и объяснили. Удачного дня, господин Рафт.

— Благодарю.

«Полчаса на туалет, одеться надо соответственно, официально».

В восемь часов утра Жозеф в строгом черном костюме-тройке, в белой рубашке, воротничок которой подчеркнуто аккуратно стягивал тоже черный галстук с еле заметными золотыми блестками, взял в спальне записную книжку с нужными ему телефонными номерами и прошел в кабинет.

Так... Сначала позвонить в наше посольство, атташе по культуре. Во второй день визита Рафт был доставлен сопровождающими Яворским и Воеводиным в невзрачное по внешнему виду многоэтажное желтое здание на Садовом кольце и был принят респектабельным господином лет сорока — это и был атташе по культуре,— который в конце дружеской беседы сказал: «Планы у вас, Жозеф, грандиозные. И — нелегкие. Возникнут проблемы, нужна будет помощь — звоните, заезжайте». Затем корреспондент журнала «Дейли ньюс» Артур Вагорски, аккредитованный в Москве (они не были знакомы, Рафт только читал статьи своего коллеги, посвященные их общему герою — Юрию Андропову, и они его весьма заинтересовали); московский телефон Вагорски достали в Штатах, в редакции «Дейли ньюс». Еще четыре телефона американских журналистов, работающих в советской столице. Телефон Гарри Файлера, хорошего товарища по колледжу, здесь он в торговом представительстве США, на какой-то большой дол-

жности («Гарри позвоню в крайнем случае, он в России давно, лет пять или шесть»).

«Начнем с атташе по культуре,— решил Рафт.— Договориться о встрече... желательно — немедленной встрече. На ней я изложу суть проблемы, ничего не скрывая».

Он стал набирать номер американского посольства, вызов сорвался на третьей цифре, пошли короткие гудки. Рафт повторил набор — та же картина: после третьей цифры в телефонной трубке щелкнуло, возник шипящий тон, и на нем начались короткие гудки. Так повторялось еще несколько раз.

Рафт стал набирать номер Артура Вагорски — то же самое: после третьей цифры начинались короткие гудки.

Жозеф последовательно пытался набирать номера всех, кому собирался звонить, уже понимая, что делать это бесполезно.

«Так, может быть...— схватился американский журналист за предположение, как утопающий хватается за соломинку,— может быть, у меня просто сломался телефон?»

И, взяв карту-проспект отеля «Националь», Рафт, найдя нужную страницу, стал набирать номер дежурного администратора. Вызов сорвался на второй цифре — возник бьющий в барабанную перепонку зуммер высокого тона.

«Спущусь вниз, узнаю, в чем дело там. В конце концов, есть главный администратор».

Но голос, возникший внутри его, как бы помимо воли Рафта сказал: «Этого нельзя делать».

«Да, этого нельзя делать,— уже осмысленно повторил про себя Жозеф Рафт.— Опасно. Только можно навредить. Так... Сейчас сообразим. Вот что!.. Немедленно поеду без всякого звонка в посольство. Поймаю такси — и поеду. Впрочем... Немедленно — отменяется. Надо успокоиться, взять себя в руки. Вот что, самое время позавтракать. И позавтракать плотно. А уже потом...»

Американский журналист, сдерживая себя, не торопясь отправился в кафе на своем этаже.

...Жозеф уже расправился с остатками весьма вкусного блюда под названием «котлета по-киевски», намереваясь еще съесть жареного карася в сметане — он уже облюбовал себе небольшую рыбку, аппетитно потрескивающую на жаровне,— когда увидел недавнего знакомца, английского музыканта; позавчера они беседовали здесь, надо признаться, как два профана, особенно он, Жозеф, о русской музыке. Музыкант нес в руках по приземистой рюмке, судя по цвету, с коньяком, налитым на две трети, следуя прямехонько к американцу и широко улыбаясь.

— Доброе утро, мой друг, доброе утро! — Житель туманного Альбиона сиял радостью и благодушием. Только дышал часто, похоже, спешил куда-то.— Рад вас видеть. Прекрасно, что обнаружилась знакомая душа. Вы разрешите присесть рядом с вами?

— Пожалуйста.

Англичанин тяжело сел на стул напротив Жозефа. За столиком они были одни. В этот еще ранний час — без четверти девять — в кафе посетителей оказалось совсем мало. От музыканта остро попахивало потом.

— И может быть, вы не откажетесь выпить со мной глоток коньяку? Чудный коньяк, «Арарат», армянский, марочный, лучший в этой стране.— Он говорил возбужденно, спеша, захлебываясь.— Есть замечательная причина. Можете поздравить меня!

— Да что произошло? — спросил заинтригованный американский журналист.

— Вчера с огромным успехом прошел мой первый концерт. Рахманинов, Второй концерт для фортепиано с оркестром! Мое соло! — Голос музыканта дрожал от волнения.— С перерывом через десять лет!.. Почти десять без двух месяцев... Боже мой!..

— Я вас не совсем понимаю,— сказал Жозеф Рафт, испытав внезапную тревогу.— Что же произошло десять лет назад?

— Произошло! Произошло... Хотите услышать печальную новеллу? Маленькую исповедь? Вам будет интересно. Тем более вы — журналист, писатель.

— Да, конечно. Я вас слушаю.

— Но сначала давайте выпьем. Простите за нескромность — за мой вчерашний успех.

— Я вас поздравляю... Чарльз...

— Беккер.

— Я вас поздравляю, господин Беккер, с успехом у русской публики.

— Благодарю! И давайте отведаем этот нектар.

Подняв рюмки и посмотрев в глаза друг другу, они сделали по глотку армянского коньяка «Арарат». Напиток действительно был великолепен.

— Ну, а история вкратце такова...— Во время рассказа английский музыкант Чарльз Беккер не отрываясь смотрел перед собой, упершись взглядом в стол и иногда похрустывая пальцами, наверно, от нахлынувших ностальгических воспоминаний.— Десять лет назад мне посчастливилось попасть на гастроли в Советский Союз. Впервые! Двенадцать концертов:

четыре здесь, в Москве, и по четыре в Ленинграде и Киеве. Тогда я был еще относительно молод, строен, как вы, нравился женщинам. Гастроли начинались в Москве, в Концертном зале Консерватории. И, мой друг, какой же был успех уже на первом концерте! Как вчера... Второй концерт, третий... Опять успех, триумф! Предстоял четвертый концерт в советской столице. А жил я здесь, в «Национале»... И сейчас постарался устроиться здесь... Боже! Как жгут эти воспоминания!.. Дело в том, что с первого же дня, вернее с первой ночи, у меня начался бурный, я бы сказал, испепеляющий роман с очаровательным, волшебным существом. Потом, когда все осталось позади, для себя я назвал все происшедшее «русским романом». Если бы я был писателем! Сюжет для Шекспира, Диккенса! Ее звали Настей. Фантастическая Настя, я знал только ее имя, больше ничего. Она работала в ночном баре, кажется, на четвертом этаже. Я в первый же вечер увидел ее за стойкой, освещенную матовым нереальным светом, заговорил с ней, коснулся руки — и искра, пожар, извержение вулкана! В эту же ночь она уже была у меня в постели. Мы оба потеряли голову, сошли с ума от восторга! Так продолжалось в последующие дни и ночи. Когда Настя не работала, мы ехали с ней куда-то за город, в холодной электричке. Зима, глубокий снег, луна над соснами, старая дача, жарко топится печь, русская водка, широкая жесткая кровать, и мы одни, больше никого... Неужели все это было?.. А за два дня до четвертого концерта в Москве Настя пропала, исчезла...

— Исчезла? — впервые перебил «музыканта» Жозеф Рафт.

— Да, исчезла. Она не появлялась за стойкой бара два дня. Никто из тех, кто работал с ней, ничего мне объяснить не могли. «Наверно, заболела» — вот и все, что они говорили. Я отправился на ту самую старую дачу... Я разыскал ее. Кажется, станция называется Фирсановка. Дача оказалась заколоченной, нежилой. Только на снегу, который занес тропинку, я увидел много следов... Наверно, там были и наши с Настей следы. Я предпринял следующий шаг: обратился за разъяснениями к администрации отеля. Мне сказали: Настя... Назвали ее полное имя, фамилию... Не могу сейчас вспомнить фамилию. Все-таки десять лет тому... Словом, мне сказали: она уволена за аморальное поведение. Что это значит, не объяснили. Не захотели объяснить: «Извините, господин Беккер, подобные проблемы с жильцами отеля не обсуждаем». Я не успокоился, я решил найти Настю. Мне тогда показалось, что дальше жить без нее я не смогу.— Возникла пауза. Анг-

лийский музыкант хрустнул пальцами.— Как мы слепы и наивны, когда влюбляемся вот таким образом. «Все проходит...» Кажется, так сказали древние мудрецы? Словом, в задуманном плане я сделал первые шаги: решил обратиться за помощью и советом в наше посольство, были у меня в ту пору хорошие знакомые среди английских дипломатов, по телефону договорился о встрече. И меня предупредили: прекратите бессмысленные поиски вашей проститутки...

— Кто предупредил? — перебил Рафт; он старался говорить спокойно.— Каким образом?

— Позвонили по телефону и вполне вежливо предупредили. Я не внял, счел телефонный звонок мелкой провокацией. Не внял, мой друг! Продолжал свое частное расследование, вовлекая в него соотечественников, работавших тогда в Москве. И — грянул гром: были прерваны мои гастроли в Союзе — ни Ленинграда, ни Киева я не увидел, буквально в течение суток я был выдворен из страны, можно сказать, выпихнут. Уже в аэропорту, минут за десять до посадки в самолет, отлетающий в Лондон, мне дали недвусмысленно понять, что гастроли в Советском Союзе для меня аннулируются навсегда. Понадобилось десять лет, чтобы запрет был снят. Но это еще не все. Непонятным, непостижимым образом у меня начались неприятности в Англии: я стал получать отказы в сотрудничестве с оркестром, с которым уже была предварительная договоренность, отменялись гастроли, в прессе появились мерзкие рецензии и статьи, в которых я объявлялся бездарем, неучем, дилетантом, не имеющим своего музыкального мышления, намекалось на мои какие-то физические отклонения и прочее. Короче говоря, они достали меня и на родине, отравили жизнь, музыкальную карьеру, которая начиналась блестяще. Они достанут кого угодно, если это им надо, и сделают с ним что захотят...

— Кто — они? — перебил Рафт, стараясь поймать взгляд неожиданного утреннего собеседника.

Взгляд ускользал — Чарльз Беккер упорно смотрел в стол.

— Я не знаю, кто они,— сказал «англичанин» с напором.— Но у меня такое ощущение, что они не только здесь, в России, они — всюду! Не удивлюсь, если встречусь с ними на том свете — или в раю, или в аду.

«Вы встретитесь в аду»,— хотел сказать Жозеф Рафт и с колоссальным усилием сдержался.

Дело был сделано. Господин Беккер взглянул на часы.

— О! — воскликнул он с явным облегчением.— Однако мы заболтались. У меня в десять часов репетиция, надо подго-

товиться.— Коньяк «Арарат» был допит одним глотком.— Думаю, мы еще не раз встретимся и поболтаем.

«Английский музыкант» Чарльз Беккер заспешил к выходу, налетая на стулья.

Оставшись один, Рафт некоторое время сидел в неподвижности. Есть уже не хотелось, и от карася, зажаренного в сметане, он отказался. Жозеф, поднявшись со стула и подойдя к стойке раздачи, попросил подать ему чашечку черного кофе, сваренного в раскаленном сером песке, по-турецки, вернулся с ней к своему столику и медленно, не торопясь выпил кофе, перемежая его маленькими глотками армянского коньяка.

«Я чего-то не понимаю,— думал он, стараясь быть сосредоточенным и хладнокровным.— И мне, скорее всего, не надо стремиться понять ЭТО. Главное — в другом. Первое. Я никогда не найду Лизу. ОНИ этого не хотят, и, значит, я ее не найду, какие бы отчаянные шаги ни предпринимал. А только наврежу себе... Может быть, она сама найдет меня,— не веря самому себе, думал американский журналист.— Когда-нибудь. Позже... Второе... И это самое главное. Самое-самое! Я собрал уникальный сенсационный материал. Статьи о Юрии Андропове в журнале «Нью-йоркер» наверняка станут сенсацией. Надо смотреть правде в глаза: если ОНИ захотят, все может рухнуть, публикации моих статей не состоятся. Теперь я понимаю: это ОНИ смогут сделать, это в их власти. И тогда — конец моей журналистской карьере, которая так блестяще началась. Но зачем? Господи, зачем ОНИ так поступают? Не задавать, не задавать этого вопроса! — приказал себе Рафт.— И не искать на него ответа...»

Он вернулся к себе в номер, упал в мягкое кресло перед телевизором и чувствовал себя мерзавцем, предателем, одиноким, беспомощным, крохотной песчинкой, которую по своей воле носят в океане бессмысленного бытия черные могущественные силы.

Однако постепенно Жозеф Рафт успокоился, взял себя в руки, стал мыслить спокойно и трезво, и в логических рассуждениях его в разных вариациях повторялся один тезис: надо работать, делать свое дело.

«Любовь — на час, дело — на всю жизнь». У кого это я прочитал?»

Окончательно успокоившись, американский журналист обнаружил, что его роскошный номер тщательно прибран («Значит, горничная Маша уже приходила»); на столе, перед ним, в хрустальной вазе благоухают белые розы. Он их зачем-то сосчитал — семь штук.

Наверно, ему дали ровно столько времени, сколько нужно было, по их расчетам, чтобы американский гость Союза журналистов СССР полностью пришел в норму и мог думать трезво и здраво,— зазвонил телефон.

Жозеф Рафт поднял трубку.

— Доброе утро, Жозеф,— зазвучал бодрый энергичный голос Валерия Яворского.

— Доброе утро.

— Как спалось?

— Отлично.

— Вы уже позавтракали?

— Да, позавтракал,— подавив вздох, сказал американец, безропотно принимая правила игры, предложенной ему.

— И великолепно! Значит, вы в полной физической и творческой форме?

— Стопроцентно.

Рафту показалось, что трубка издала вздох облегчения.

— Значит, такие обстоятельства,— деловито продолжал «переводчик» Яворский.— К сожалению, две оставшиеся встречи так и не состоятся, а замену нашим академикам мы найти не смогли, слишком мало времени на раскрутку. Но! — В голосе «работника» Министерства иностранных дел зазвучали игривые нотки.— Мы у вас в долгу. И вот какое предложение... Вы как-то обмолвились, что, если представится возможность, хорошо бы попасть в Ленинград. Такая возможность есть! Через два часа начинается ваша двухдневная поездка в северную российскую столицу...

— Но я...— начал было Рафт.

— Никаких «но», Жозеф! — напористо перебил Яворский.— Подумайте, когда еще у вас будет такая возможность! Сам город, театры, музеи, Эрмитаж, экскурсии в Петродворец, в Пушкин, то бишь в Царское Село. Да куда пожелаете! Отведаете питерской кухни в лучших ресторанах...— Рафт ясно представил, как «переводчик» плотоядно пошлепал своими мокрыми губами.— В Питер мы летим самолетом. И рейс через два часа. Так что на сборы вам тридцать минут, крайнее — сорок. Мы с машиной внизу. Или подняться к вам, помочь собрать необходимое для предстоящего путешествия?

— Мне на сборы достаточно двадцати минут. Впрочем... Поднимайтесь вместе с Ником. Может быть, вы хотите перед дорогой выпить по рюмочке вашей замечательной водки?

— Вы отличный парень, Жозеф. У нас это называется «на посошок». Через несколько минут мы будем у вас.

6 августа 1982 года

Лайнер, взявший курс из Москвы в Нью-Йорк, был в полете уже полтора часа, и сейчас, как было объявлено по радио, внизу уплывала назад Польская Народная Республика (рейс выполнялся советской авиакомпанией «Аэрофлот»). Шел третий час ночи, и, отдернув шторку на иллюминаторе, Жозеф Рафт ничего не видел, кроме тьмы внизу, а вверху небо в пугающе ярких звездах. Он лишь ненадолго оторвался от работы, чтобы немного передохнуть. И сразу нахлынули картины и переживания двух дней, проведенных в Ленинграде, этой — воистину так! — Северной Пальмире. Американский журналист был перенасыщен впечатлениями, вторая русская столица поразила его своим мрачноватым великолепием, загадочностью, тяжестью, не только архитектурной, но и незримой, тем, что называется аурой. Программа, предложенная ему, была насыщенной до предела. Просто не было возможности остаться хоть на час одному, подумать, осмыслить. Израсходованы многие метры фотопленки, наскоро, конспективно, с сокращением слов исписано несколько блокнотов. «Потом, дома,— говорил себе Жозеф,— все приведу в порядок, расшифрую все записи, а когда будут отпечатаны снимки, может быть, какому-нибудь иллюстрированному журналу предложу большой материал — «Ленинград-82», что-нибудь в этом роде. Но сначала — Андропов».

Вчера, еще из Ленинграда, он позвонил в редакцию «Нью-йоркер», и ему было сказано, что для его первых двух статей (из запланированных пяти) в двух номерах журнала, которые готовятся к печати, оставлена площадь, и поэтому хорошо, если бы из России он привез уже написанную первую статью, которая пойдет в номер с колес, а еще лучше — две статьи.

И вот сейчас, в ночном лайнере, который летел над спящей Европой, Рафт работал: уже был исписан блокнот, первая статья вчерне почти готова. Отшлифовать, пожалуй, усилить несколько мест, расставить акценты. И по прибытии в Нью-Йорк — прямо в редакцию, за свой компьютер.

«Лететь еще несколько часов,— думал американский журналист.— Может быть, успею набросать конспект второй статьи. Только бы не одолела сонливость».

Он нажал кнопку вызова бортпроводницы.

Через минуту появилась стюардесса — длинноногая, стройная, с высокой грудью; она была блондинкой, густая челка падала на лоб.

У Рафта потемнело в глазах.

— Я вас слушаю.— Жозеф молчал.— Вы плохо себя чувствуете? Да что с вами?

— Ничего, ничего! Я в порядке. Принесите, пожалуйста, большую чашку кофе. И покрепче.

...В первый день пребывания Жозефа Рафта в Ленинграде, а именно третьего августа 1982 года, на подмосковной станции Сходня по Октябрьской железной дороге произошло в общем-то рядовое, особенно для милиции, событие: на квартиру к местному участковому Михаилу Захаровичу Прудкину — а жил он в собственном доме с большим палисадником, в котором роскошно цвели белые и оранжевые флоксы,— прибежали два мальчика лет десяти с лицами, искаженными страхом и ужасом.

— Там...— начал один из них, еле выговаривая слова.— Она в кустах...

— Страшная...— прошептал второй мальчик.

— Фу-ты!..— в сердцах сказал Михаил Захарович, пятидесятитрехлетний тучный мужчина с огромным животом, уже все поняв и поднимаясь из-за стола (он в этот час обедал).— Только этого сегодня не хватало! Где? Пошли.

Через два часа на стол начальника местного отделения милиции лег документ, написанный от руки корявыми неровными буквами, клонящимися то вправо, то влево:

«РАПОРТ

Школьникамн Видеевым Сергеем, Садовая, д. 12, и Бойковым Евгеннем, Садовая, д. 17, прнмерно в 13 час. сего дня у полотна железной дороги в трехстах метрах от станцин в направлении к Фирсановке обнаружен труп женщины со следами насилия: трн ножевые раны в области сердца, лицо изуродовано до неузнаваемости, очевидно, ударом большого тяжелого предмета. Прн первом осмотре на месте преступления предметов убнйства не обнаружено. Прн убитой ннкаких документов или вещей не оказалось. Она была только в летнем нзорванном платье, подол задрался до груди. На жнвоте трупа длинный белый шрам от пупка к паху.

Сейчас на месте преступления работает прнбывшая из Химок в 13 час. 55 мин. следственно-оперативная группа.

3.VIII.82. 15 час. 20 мин.

Ст. лейтенант М. Прудкин».

Пять больших статей Жозефа Рафта о Юрии Андропове, опубликованные в журнале «Нью-йоркер», имели огромный успех в разных слоях американского общества, вызвали дискуссию в прессе, были перепечатаны рядом европейских изда-

ний. И накоиец достигли ушей радиослушателей в Советском Союзе: когда иа волне «Голоса Америки» статьи полностью передавались в эфир, мощные глушилки, круглосуточно работавшие в СССР, прекращали свою забойную, в буквальном смысле слова, деятельиость.

18 августа 1982 года

В этот день в Нью-Йорке в иебольшом зальчике, который находится в полуподвале одного из небоскребов Манхэттена, состоялось первое выступлеиие русского поэта Василия Воскресеиьева. На ием присутствовал Жозеф Рафт — ои, человек пунктуальный, сам разыскал поэта, обиаружив в иформациоииом отделе своего журиала крохотное объявление в иесколько строк о семи встречах с «читателями» гостя из России в городах Америки. И вот — первая встреча в Нью-Йорке.

Василий Александрович, который, естествеино, забыл о своем приглашении, сделаииом американцу в Переделкино, тем не меиее чрезвычайио обрадовался, когда в телефонной трубке, в скромном номере трехзвездочиого отеля, услышал голос Рафта.

На концерте Жозеф был почетным гостем, сидел в первом ряду, и хотя не понимал того, что говорит со сцены Воскресеиьев, темпераментно жестикулируя, ие поиимал смысла стихов, только интуитивио иногда, как ему казалось, догадывался, но постепенно заразился энтузиазмом зала, который был переполиеи, вместе со всеми аплодировал, его растворила в себе восторжеииая, иервио-приподнятая атмосфера этого иеобычиого литературного вечера.

А потом он с Василием Воскресеиьевым оказался в русском ресторанчике в Бруклине, и за соседними столиками сидело миого людей, которых Рафт видел в зале, где выступал поэт,— здесь как бы продолжалась встреча с читателями: к Воскресеньеву подходили мужчииы и женщииы, иногда с рюмками или бокалами, что-то говорили, чокались с Василием Александровичем и с Жозефом, улыбались ему, хлопали по плечу. Было похоже, что здесь все друг друга зиают.

Гул голосов, смех слышались отовсюду, между столиками быстро сновали официанты.

Только перед малеиькой эстрадой было иекое пространство для танцев, иад иим вращался шар из множества зеркальиых граней, и, когда иа сцене начиал играть очередную томительиую мелодию цыганский квартет, в котором солировала скрипка, в зале до полумрака убавлялся свет, иа вращающийся

шар падали цветные прожектора, и разноцветные зайчики разбегались по потолку и пустому пространству, которое постепенно заполнялось танцующими парами.

В самом начале застолья радостно возбужденный, взвинченный Василий Воскресеньев сказал, обратившись к приятному молодому человеку за соседним столиком: «Саша, переведи!»

— Жозеф, дружище. Сегодня ты у меня в гостях, я угощаю! Считай, что ты опять в России. Этот ресторан — ее малая капля, а все, кто здесь собрались,— твои друзья.

— Хорошо, Василий,— согласился Рафт.— Принимается. Но с одним условием: на днях ты будешь моим гостем, я тебя поведу в китайский ресторан, я его очень люблю, и там собираются мои друзья. Идет?

— Еще как идет! — обрадовался русский поэт.

— И вас... Вас зовут Сашей? Вас я тоже приглашаю. И как переводчика, и как нового, уверен, хорошего знакомого. Согласны?

— Согласен.— Этот Саша был подчеркнуто вежлив, выдержан и, как впоследствии заметил Рафт, пил только минеральную воду.

— Заговор составлен! Ура! — развеселился Воскресеньев. И в дальнейшем им было весело: они хохотали над всякими пустяками, изъясняясь, когда не прибегали к помощи Саши, на чудовищной смеси русских, английских, немецких слов.— Итак, я угощаю. Что будешь пить?

— Водку! — сказал американский журналист.

— Ну ты, Жозеф, даешь! Молодец!

— И, если можно, «Московскую». Тут такая найдется?

— Найдется,— сказал пожилой официант, который уже стоял перед их столиком, чуть-чуть услужливо согнувшись.

— А закусить...— Русский поэт пробежал взглядом по листу меню.— Чего тут только нет! Значит, так...

— Одну минуту, Василий,— перебил Рафт, тронув за плечо Сашу.— Будьте любезны, переведите. Мне бы очень хотелось... Пельмени со сметаной и селедку с луком, таким белым, острым...

— Репчатым,— подсказал официант.— Нет проблем.

— Ну, а кроме пельменей и селедки...— Василий Александрович алчно потер руки.— Мой заказ будет такой...

...Через полчаса они уже наполнили рюмки в третий раз, и поэт произнес тост:

— Давай, Жозеф, за дружбу! За нашу с тобой дружбу! За дружбу американского и советского народов! За дружбу наших великих стран!

— Давай, Василий! За дружбу! А следующий тост мой...

— Идет! Даже интересно!

Они чокнулись, выпили, стали закусывать.

Сибирские пельмени со сметаной и уксусом были великолепны, селедка, приправленная маслом, таяла во рту, горьковатый репчатый лук придавал ей особую пикантность.

Жозеф Рафт опьянел, опьянел как-то мягко, сладко, обволакивающе, томительная грусть сжимала сердце, расплывались огни, цыганский квартет исполнял медленный танец, кажется танго, разбежались, рассыпались разноцветные зайчики — по потолку, по стенам, по расплывающимся в полумраке лицам,— и всех этих людей, окружающих американского журналиста, он сейчас любил, жалел почему-то... Это было совершенно новое, неведомое раньше состояние души.

«Я, наверно, превращаюсь в русского»,— подумал Жозеф.

— Эй, куда ты ушел? — приплыл из табачного дыма, невнятного говора, стонов скрипки голос поэта Воскресеньева.— Нолито. Где твой тост?

— Да, да...— Рафт поднял рюмку.— Давай, Василий, выпьем за русских женщин!

— Ну, ты даешь! С удовольствием! Лучше наших женщин...

Они чокнулись. «За тебя, Лиза,— сказал про себя Рафт.— Если можешь, прости...» Выпили.

Легкое дуновение, шорох невидимых крыл над его головой, еле уловимое прикосновение к щеке, ласковое и нежное. И... через разводы табачного дыма, через духоту зала мгновенной струйкой пронесся аромат ее духов.

«Лиза, Лиза, Лиза...»

А зал аплодировал, пришел в движение. Все смотрели на маленькую эстраду. У микрофона стояла молодая женщина в длинном цветастом платье до пола, тонкая талия перехвачена поясом, смуглое лицо, черные волосы рассыпаны по плечам, мерцают большие, наверное тоже черные, глаза. На запястье смуглых рук браслеты.

— Катя! Катюша! — кричали со всех сторон.— Катенька! Прелесть наша! Катя! Давай «Две гитары»!

И прозвучал аккорд гитарных струн. Зал мгновенно смолк.

Женщина запела...

Жозеф не понимал слов, но чувствовал сердцем: «Обо мне. О нас...»

— Эх, раз! — томительно, со страстью произнесла певица первые слова припева.

— Еще раз! — дружным хором ответил зал, в такт хлопая в ладоши.— Еще много, много раз!..

— Саша, переведите,— прошептал Рафт, стараясь проглотить комок, который застрял в горле.

Саша перевел — женщина пела:

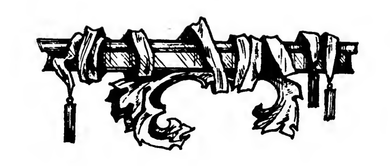
Поговори хоть ты со мной,
Гитара семиструнная.
Вся душа полна тобой,
А ночь такая лунная...
Эх, раз!..

— Еще раз! — исступленно подхватил ресторанный зал.

— Еще много, много раз!..— вместе со всеми скандировал Жозеф Рафт, и по щекам его текли слезы.

Почему да отчего
На глазах слезинки?
Это просто ничего —
По любви поминки...

Эх, раз! Еще раз!..
Еще много, много раз...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

28 августа 1982 года

Председатель Комитета государственной безопасности Советского Союза Камарчук, поглядывая на ручные часы — было без четверти десять утра,— волновался: зачем он так внезапно понадобился Андропову? Час назад позвонил сам Юрий Владимирович, предложил прибыть к нему в десять часов, сказав, что дело срочное.

«Срочное дело...— с раздражением думал новый хозяин Лубянки.— Очевидно, у него срочное дело. Ведь не у меня здесь? И так он будет дергать каждый раз, когда я ему понадоблюсь?»

Дальше Камарчук не хотел размышлять на эту тему, потому что, человек властный, волевой, самостоятельный, прямолинейно-смелый, привыкший лично отвечать за порученное ему дело и действовать по своему усмотрению, он понимал, что по первому приказу предстанет пред очами Главного Идеолога и беспрекословно будет делать то, что он от него потребует: ведь от Юрия Владимировича он получил руководство самым могущественным ведомством страны, огромную власть; в этом кабинете, к гигантским размерам и некой давящей атмосфере которого Василий Витальевич никак не может привыкнуть, он был лично Андроповым представлен высшим чинам Комитета, здесь выслушал дружеские наставления, в которых, однако, в завуалированной, даже иезуитской, форме была выражена одна характерная мысль: «Да, теперь ты здесь Первое лицо, но не забывай — ты лишь моя правая рука». Эту тонкость в андроповском напутствии

товарищ Камарчук — в силу неизощренности ума и мышления — тогда не уловил, и скорее всего ЭТО было сказано больше для руководителей управлений КГБ, присутствовавших при представлении нового начальника, а не для него; но позже Василию Витальевичу смысл сказанного популярно растолковали — без свидетелей. Такие «толкователи» в коридорах верховной власти органов государственной безопасности, любой страны надо добавить,— всегда найдутся.

«Что он замышляет? — думал сейчас Председатель КГБ.— Ясно одно: что-то будет делаться моими руками».

Андропов был единственным человеком, которого Камарчук боялся в этом бренном и грязном мире. Пожалуй, необходимо уточнить: боялся, одновременно преклоняясь перед ним,— и начинал ненавидеть, ненавидеть все сильнее и сильнее. И в этой растущей ненависти к своему благодетелю и покровителю он не хотел признаться даже себе, всячески противился этому чувству — но не получалось...

Зазвонил телефон внутренней связи. Председатель КГБ поднял трубку:

— Ну?

— Машина у подъезда, Василий Витальевич.

...В кабинете Секретаря Центрального Комитета КПСС по идеологии Председатель Комитета государственной безопасности появился ровно в десять утра.

— Прошу, прошу, Василий Витальевич! — приветствовал его Андропов, поднявшись из кресла и с дружеской улыбкой на лице, которое еще хранило легкий крымский загар, шагая навстречу.— Здравствуйте!

— Доброе утро, Юрий Владимирович.

Крепкое энергичное рукопожатие.

«Только пальцы холодные,— подумал Камарчук.— И ладонь влажная».

— Прошу, присаживайтесь.

Их разделяло поле огромного письменного стола.

Андропов нажал кнопку селектора, сказал буднично:

— Меня ни с кем не соединяйте.

— Хорошо, Юрий Владимирович,— бесстрастно прозвучал голос секретаря.

— Я просмотрел папку с документами и отчетами, которую получил от вас. Вижу — и в этом я не сомневался — вы быстро и энергично вошли в курс дел и проблем...

Камарчук хотел что-то сказать, но Андропов остановил его жестом руки, и тень раздражения скользнула по его лицу.

— Вы меня извините. В ближайшее время мы подробно обсудим все ваши дела, а сейчас... Как всегда, ограничен

временем. Осваиваю наследство бывшего хозяина этого кабинета. Оно, думаю, вы это понимаете,— нелегкое.

— Понимаю, Юрий Владимирович.

— Сейчас только об одном вопросе из вашего хозяйства.— На слове «вашего» было сделано ударение. Андропов выдвинул ящик письменного стола, вынул из него папку, не раскрывая, положил перед собой.— Вот! Так называемое «бриллиантовое дело». У меня копии. Оригиналы у вас. В ваших последних отчетах я не нашел никаких подтверждений, что это... согласен, трудное дело... я понял, что оно не продвигается. Минуту, Василий Витальевич, не перебивайте. И — я вас понимаю. Психологически — трудно. Дочь главы государства.— Возникла пауза. Через пространство письменного стола на Председателя КГБ был устремлен прямой колючий взгляд, которому толстые, чуть затемненные стекла очков придавали нечто зловещее и неумолимое.— Мы вступили на путь бескомпромиссной борьбы с коррупцией в верхних этажах государственной власти. Если мы не одержим победы в этой борьбе и проиграем — будет проиграно государство, попрана святая коммунистическая идея. Вы понимаете это?

— Да, Юрий Владимирович,— во рту Камарчука пересохло,— понимаю.

— «Бриллиантовое дело» в этой борьбе — принципиально. От того, чем оно закончится, зависит конечный результат всей кампании, начатой нами. Согласитесь,— беспрецедентной кампании.

— Да, Юрий Владимирович, беспрецедентной.

— Конечного, подчеркиваю, успешного завершения «бриллиантового дела»... Успешного, с точки зрения законности и справедливости, ждет вся страна. И ждут коррупционеры всех мастей и рангов, до которых еще не дотянулись наши руки по тем или иным причинам. Ждут с надеждой, что дело провалится, заглохнет. Доводим его до логического конца — побеждаем всю эту преступную публику, считайте, одним махом.

— Но...— решился наконец Василий Витальевич,— Леонид Ильич...

— Речь идет о дочери товарища Брежнева! — резко, почти грубо, перебил Андропов.— О престиже... Вернее, о сохранении престижа главы государства мы позаботимся.— Юрий Владимирович побарабанил длинными нервными пальцами по папке с ксероксными копиями «бриллиантового дела».— Хотя... Если уж говорить о справедливости... Закон есть закон. Он один для всех. Вы со мной согласны? — Но Камарчук не успел ответить.— Кстати! — воскликнул Андропов и продол-

жил, ускорив темп речи: — Думаю, пора всерьез заняться и муженьком уважаемой Галины Леонидовны. Что же получается? Первый заместитель министра внутренних дел... Читаю в ваших же документах о его художествах, разговорами и слухами о них полнится Москва, да и не только Москва, а гражданин Чаранов и в ус не дует, продолжает свои безобразия...

— Потому что,— на этот раз твердо перебил Председатель КГБ,— чувствует себя неуязвимым.

— Почему? — спросил Андропов, естественно заранее зная ответ.

И Камарчуку ничего не оставалось, как ответить:

— Потому что Юрий Чаранов — зять Леонида Ильича Брежнева.

— Все, Василий Витальевич! — преодолевая возбужденность в своем голосе, сказал Андропов.— Давайте договоримся... Раз и навсегда договоримся: для нас с вами нет ни рангов, ни родственных связей в борьбе за высшие интересы государства и идеалы коммунизма. Вы со мной согласны?

— Да...

— Так действуйте же, Василий Витальевич! Действуйте немедленно и энергично, как вы умеете, как на Украине вы действовали, например, в искоренении националистической диссидентской крамолы! А я вас всегда поддержу и помогу, если понадобится моя помощь.

31 августа 1982 года

Накануне, а именно двадцать девятого августа, два человека — Галина Леонидовна Брежнева-Чаранова и ее муж — получили повестки от следователей КГБ с требованием (именно с требованием, а не с приглашением) прибыть 31 августа сего года в такой-то кабинет, к «10-ти часам утра для дачи показаний». Обе повестки были написаны в приказной, жесткой форме: «прибыть», «иметь при себе» и так далее.

Галина Леонидовна, хотя и перепуганная, все-таки выдержала характер: опоздала на сорок минут и в кабинет следователя вошла с разгневанным выражением лица, ожидая встретить холодноватого, но корректного Захара Егоровича Мирашова, который в этом кабинете уже неоднократно беседовал с ней об этих чертовых бриллиантах, и не только о них.

Каково же было ее удивление и испуг, когда в ненавистном кабинете за письменным столом она увидела совсем другого

следователя — молодого, раскормленного, белобрысого, с «наглой рожей» (как потом она докладывала мужу), с прямым, «раздевающим» взглядом голубых глаз.

— Здравствуйте...— пролепетала Галина Леонидовна, стоя в открытой двери и соображая, как же вести себя дальше.

— Закройте, гражданка Чаранова, за собой дверь и садитесь вот на этот стул, напротив меня.

— Что?..

— Я непонятно выразился? — Голос был резкий и явно насмешливый.— Закрывайте дверь и садитесь на этот стул.

Галина Леонидовна осторожно закрыла дверь и покорно села на указанный ей стул. Внутри все мелко, гадко дрожало.

— Еще бы десять минут, гражданка Чаранова, и я послал бы за вами машину. Вы бы были доставлены сюда под стражей.

— Что?.. Да как вы со мной разговариваете?

— Да, да! Вы были бы доставлены на допрос под стражей.

— На допрос?

— Именно. Так что, если в следующий раз вы явитесь не в указанный в повестке час, а с опозданием хоть на пять минут,— пеняйте на себя.

— Это как вас прикажете понимать?

— Понимать в прямом смысле. А теперь, гражданка Чаранова, первый, и единственный, вопрос. Его вам неоднократно задавал Захар Егорович Мирашов: где третья часть драгоценностей, прежде всего бриллиантов, похищенных у Бугримовой, а потом оказавшихся у вас?

— Я уже сто раз говорила!..— сорвалась на истерический крик дочь главы Советского государства.— Не знаю я ни о каких драгоценностях этой вашей Бугримовой! Нет у меня никакой трети!

— То есть вы отказываетесь честно и чистосердечно все рассказать, раскаяться в содеянном?

— В каком еще содеянном? Пошел ты к черту! Молокосос!..

— В таком случае, гражданка Чаранова...— Голос молодого следователя не повышался и не понижался, а звучал по-прежнему холодно и насмешливо.— В таком случае мы будем вынуждены произвести обыск в вашей квартире, а также в квартирах ваших ближайших родственников, включая родителей.

— Вы...— Голос у Галины Леонидовны сорвался, и она перешла на свистящий шепот: — Вы не посмеете! Вы не имеете права!..

— А пока, гражданка Чаранова...— Перед ней на столе появился квадратный листок.— Подписка о невыезде из Мос-

квы. Вот вам ручка. Поставьте свой автограф здесь.— Куцый палец с желтым ногтем ткнул в нижнюю строку листка.

— Ничего я не буду подписывать! — громовым тяжким голосом закричала дочь Леонида Ильича Брежнева.

— Что ж, гражданка Чаранова... Я вынужден препроводить вас в камеру предварительного заключения. Пока на несколько часов. Там вы и подумаете обо всем в одиночестве...

— Давайте, давайте ручку! Где расписываться?

Ручка в пальцах Галины Леонидовны дрожала, и «автограф» получился совсем неразборчивый.

В отличие от супруги, Юрий Чаранов на повестку от следователя КГБ не прореагировал никак — попросту, скомкав, выбросил ее в корзину для мусора возле письменного стола в своем кабинете. Не впервой. Кажется, уже три повестки этих зарвавшихся чекистов постигла та же участь.

С утра 31 августа 1982 года первый заместитель министра внутренних дел страны победившего социализма (или «развитого социализма», как любил выражаться тесть Чаранова) маялся жестоким похмельем. Прибыв на работу в половине десятого, он, открыв холодильник в хозяйственной подсобке, которая при необходимости легко превращалась в интимную комнату для дружеского застолья, извлек из него бутылку «Столичной», только слегка початую, и принял на грудь более трети стакана, точно сто пятьдесят граммов, как говорится — глаз-ватерпас. Полегчало совсем немного, надо бы еще, но Юрий Николаевич крепился, зная по горькому опыту, что опохмелка может легко, незаметно, плавно перейти в очередную пьянку, а на одиннадцать часов назначена коллегия министерства, ему предстоит сделать сообщение о положении дел их ведомства в Азербайджане и Армении. Он вернулся из командировки в эти вотчины два дня назад, еще окончательно не придя в себя от кавказского гостеприимства.

«Как только жив остался,— думал сейчас Чаранов, пытаясь вникнуть в смысл документов, приготовленных помощниками для сегодняшнего сообщения на коллегии, но — не вникалось...— Однако вернулся не без трофеев, не без трофеев...»

Было без четверти одиннадцать.

Щелкнуло в селекторе, вспыхнула зеленая лампочка приемной, зазвучал испуганный голос секретарши (первый замминистра предпочитал секретарями держать особ женского пола):

— Юрий Николаевич! Тут товарищи из КГБ... К вам...

— Что? Как они проникли в здание? Не пускать!

Но в кабинет уже входили двое в штатском, один пожилой, лет сорока пяти, другой молодой. Черт его знает, сколько

ему лет, но рыло квадратное, о таких сказано: просит кирпича. Он остался стоять у дверей. А пожилой четким шагом, правда не очень-то торопливым, подошел к письменному столу, за которым сидел Юрий Чаранов, от изумления («Какая наглость!») окаменев, превратившись в скульптуру под названием «Не может быть!».

— Майор госбезопасности Коновалов,— буднично представился пожилой, протягивая хозяину кабинета свое раскрытое удостоверение.

— Вон! — заорал Юрий Николаевич, поднимаясь ожившей глыбой над письменным столом; щеки его налились пунцовой краской, а лоб остался белым.— Вон!..

Ни один мускул не дрогнул на лице майора Коновалова.

— Гражданин Чаранов,— пряча свое удостоверение, спокойно спросил незваный гость,— вы получили повестку? Сегодня, в десять утра, быть у следователя КГБ товарища Евдокимова в кабинете номер сто четыре?

Юрий Николаевич молчал.

— Вы ее получили,— продолжал кагебешник, даже с некоторой усталостью в голосе.— И все предыдущие повестки тоже получили. Одно из двух, гражданин Чаранов: или для вас закон не закон, или вы чрезмерно перегружены работой. Давайте предположим второе: перегружены, надорвались, в поте лица трудясь на ниве борьбы с преступностью. Мы вам поможем.— Возникла пауза.— Поможем в вашей ситуации. Внизу ждет машина. Мы вас за десять минут доставим в кабинет следователя Евдокимова.

— Что?! Да я сейчас же...— Юрий Николаевич потянулся к селектору, но его руку перехватил молодой, непостижимым образом оказавшийся у письменного стола, и хватка у него была железная.

— Гражданин Чаранов, вы собираетесь оказать нам сопротивление? — «Исполнить порученное дело,— больше ничего не выражало лицо майора госбезопасности Коновалова.— Исполнить при любых обстоятельствах и во что бы то ни стало».— Или для вас предпочтительнее, чтобы вы были доставлены силой? Кстати, внизу еще две машины с нашими людьми... На всякий случай. Петр, отпустите руку генерала. Право, не стоит устраивать бессмысленную стрельбу.

— Не стоит,— согласился первый заместитель министра внутренних дел, испытывая странное чувство — оцепенения, полного безразличия к происходящему.— Но у меня в одиннадцать коллегия, мне предстоит...

— Камарчук звонил вашему министру. Товарищ Щелоков в курсе. Коллегия пройдет без вас. Думаю, дело от этого не очень пострадает.

Юрий Николаевич молчал.

— Советую, гражданин Чаранов, пройти с нами по министерским ковровым дорожкам дружески, с улыбкой на устах. Сделаем все, чтобы не пострадал ваш авторитет.

— Да, хорошо...

Появившись в своей приемной в сопровождении новых «друзей», первый замминистра сказал миловидной секретарше, каменно улыбаясь:

— Я ненадолго с товарищами.

На лице секретарши застыл вопрос, который она не решилась задать.

Поздно вечером — было начало двенадцатого — на загородной подмосковной даче, спрятавшейся за высоким забором в березовой роще, которая спускалась к пустынному берегу Москвы-реки (здесь никогда не появлялись рыбаки или купальщики), ждали Хозяина (так с уважением и некоторым страхом называли его в этом доме и находившиеся в нем, включая обслугу),— пребывали в напряжении.

В комнате, где был скромно сервирован стол для чаепития (никакого спиртного), с камином, в котором потрескивали березовые поленья (вечер выдался прохладный), находились три человека, трое мужчин средних лет. Все сидели в мягких креслах, обратив лица к живому огню камина, все молчали.

Появился четвертый — высокий, аскетически худой; на длинном носу, казалось, еле удерживались очки в тонкой золоченой оправе.

— Они проехали через первый пост,— сказал он жидким подростковым тенором.

— Значит, через десять — двенадцать минут будут здесь,— сказал один из тех, кто сидел у камина.

...Юрий Владимирович Андропов вошел в комнату бесшумно, вроде бы осторожно, и в стеклах его очков отразились отблески пламени камина.

Все быстро поднялись со своих мест.

— Добрый вечер, товарищи!

Он молча пожал руки каждому из присутствовавших. Подошел к камину, несколько мгновений смотрел на огонь. Весело потрескивали березовые поленья.

— Давайте сразу к делу,— сказал Хозяин, не оборачиваясь.

— Две записи, Юрий Владимирович. Первая — разговор Галины Леонидовны и Чараиова...

— Где? — перебил Андропов.

— В машиие Юрия.

— Отличио! Дальше!

— Второй разговор записаи иа даче Геиерального, в Заречье. Вериее, окончание разговора. Оии приехали туда...

— Ои ие выставил их за дверь?

— Нет, он их выслушал и...

— Хорошо,— сиова перебил Андропов.— Начием с первой записи.

— Мы, Юрий Владимирович, как всегда, произвели моитаж: очистили текст от шелухи, повторов, иенужного выяснеиия личиых отиошеиий, иапример, где это возможио, убрали мат. Оставлеио главное, суть.

— Поиятно, понятно! — воспалеиио сказал Юрий Владимирович и сел в свое кресло возле стола.— Налейте мне, пожалуйста, чая. И покрепче. Приступим!

...Еле слышиое потрескиваиие ленты, шорохи, мужской кашель.

Галина Леонидовна. Ну? Дождался? «Положил я иа их повестки!» Вот и положил... Зачем зря гусей дразиить? Приехал бы. Что, не сумел бы им мозги запудрить, что ли? А то по-другому, по-свойски: «Поедем, ребята, в баньку, там все и обсудим по-хорошему». Что они, ие люди? Я бы...

Юрий Николаевич. Заткнись, дура! «Я бы, я бы...» Ты вот бегала на все их вызовы. А толку? (Кашель, невнятиое бормотание.) Я одно не пойму...

Г. Л. Чего, Юра?

Ю. Н. Все они, сволочи, зиают. И по Кавказу, и по Азии... По Узбекистану, по Киргизии. Да и тут, в Москве... Все иаше застолье в кабиие ресторана «Баку» записаио. Вот такую папку этот Евдокимов передо миой положил: «Ознакомьтесь виимательио с каждым документом». Два часа зиакомился. Взмок. Там, дорогуша, все зафиксироваио: и суммы, и места, где и кем вручалось, и подарки доскональио описаны. В том числе те, которые велеио передать вашей драгоцеииой особе. И дела, которые я помог свернуть. Кто с моей помощью иа волю вышел. Или суда избежал... Словом, все у иих есть. И все, иикуда ие деиешься, точно!

Г. Л. Господи!

Ю. Н. Одио в этой папке отсутствует — источиик ииформации. Имеи иет. Пока мие лишь ясио, что кто-то профессиональио работает на иих из моего ближайшего окружеиия. Кто? Найду — задушу собственными руками!

Г. Л. Ой! Ну прямо Стенька Разин! Да ты теперь у них на коротком поводке. Когда захотят, тогда и выдернут. Других от тюряги спасал, теперь сам сядешь для начала на скамью подсудимых.

Ю. Н. Типун тебе на язык!

Г. Л. Да ладно! Это я так... Прости. На нервной почве. Давай хоть сегодня грызться не будем. Чем там, на Лубянке, у тебя закончилось?

Ю. Н. Чем... Было сказано: «Ознакомительная встреча». Подписка о невыезде. На прощание было сказано очень любезно: «Не обессудьте, Юрий Николаевич, но документы в этой папке вынуждают нас завести уголовное дело, и в его разбирательстве вы — главный персонаж». Так и сказал, скотина: «персонаж». И ручками развел: «До скорых встреч».

Г. Л. Совсем оборзели. А мне что этот белобрысый скот с наглой рожей выдал! Обыск они у нас произведут! И у нас и... Нет, надо же! И у родителей...

Ю. Н. Нет, Галина, ты все же дура набитая! Это же понт! На понтяру они тебя берут! Хотели бы произвести обыск, стали бы они об этом заранее предупреждать? Нагрянули бы среди ночи с ордером на...

Г. Л. Это ты безмозглый идиот! Алкоголик несчастный! Последние извилины в водке растворил...

На этой фразе запись была остановлена.

— Дальше, Юрий Владимирович, семейный скандал, взаимные оскорбления минут на двадцать.

— Ну и...— В голосе Андропова слышалось явное нетерпение.

— Сейчас...

Г. Л. Это ты пойми, Юрочка... (Всхлипывает.) И прости меня, совсем психопаткой стала в последнее время. Ты пойми, миленький! Конечно, явятся они с обыском ко мне ли, к родителям на Кутузовский или в Заречье... Ясное дело, ничего не найдут. Ведь не в этом дело... (Всхлипывания.) Совсем не в этом дело. Не под нас он копает...

Ю. Н. Кто — он?

Г. Л. Ну право же! До чего ты у меня бестолковый, лапушка! Все это — игры Юрика Андропова. Он всем дирижирует. Этот телеграфный столб Камарчук у него послушный и точный исполнитель. Тут ему в профессионализме не откажешь. А копает Юрик под папашку моего бедного, под Генерального. Представляешь: на квартиру главы государства являются с обыском кагебешники... И на следующий день все об этом узнают. Служба распространения слухов у них на высоте. Представляешь, некто кому-то звонит и, задыхаясь,

курва, от восторга, шепотом сообщает: «Ночью у Леонида Ильича и Виктории Петровны произведен обыск». А дальше по телефонной цепочке новость будет обрастать подробностями, как снежный ком, который катится с горы: подписка о невыезде... Это у Генерального секретаря родной правящей партии взята подписка о невыезде. Дальше, оказывается, он уже под домашним арестом. Ну, и прочее. И означает это, Юра, одно: конец папашке. В лучшем случае — с почетом, а может быть, и без почета отправляют старика на пенсию, тихо умирать. А для нас с тобой оба варианта будут иметь один результат: нам приходит полный пиздец. Или пердомонокль. Выбирай, что лучше.

Ю. Н. Согласен, Галя. Если так — нам хана. И что же делать?

Г. Л. Вопрос стоит, мой миленький, как говорится, ребром: или они нас, или мы их. И надежда тут только на отца. Он единственный может принять решение, отдать приказ...

Ю. Н. (шепотом). Понимаю! Ты голова, Галина! Так звони бате!..

Шуршание ленты. В комнате стояла полная, давящая тишина. Только потрескивали поленья в камине. Юрий Владимирович Андропов так и не притронулся к стакану с крепким чаем, который уже успел остыть.

Леонид Ильич Брежнев (глухо, невнятно, редко). Да?.. Я слушаю...

Г. Л. Папа... (Всхлипывает.) Это я...

Л. И. Дочка? Ага... (Хриплое, тяжелое дыхание.) Слушаю.

Г. Л. Папа, я тебя разбудила? Ты спал? (Всхлипывает.)

Л. И. Ага... Вздремнул немного... Ты (тяжкое дыхание). Ты чего ревешь?

Г. Л. Папа, у нас с Юрой беда...

Л. И. Опять беда? (Что-то похожее на смех.) Ну? Чего стряслось?

Г. Л. Не по телефону, папа. Это большая беда... Очень большая беда... Она касается нас всех. И тебя тоже. Можно, мы к тебе приедем?

Л. И. (темп речи убыстряется). Сколько щас времени?

Г. Л. Без четверти четыре.

Л. И. Ага... После обеда соснул. Ладно, приезжайте. Прямо щас.

Запись оборвалась.

Все молчали. Андропов, помешивая серебряной ложечкой остывший чай в стакане, задумчиво сказал:

— Умная женщина Галина Леонидовна.

— В отца,— вымолвил кто-то с ехидцей.

Но полушутка, заключенная в этой фразе, вернее, в ее интонации, одобрения не получила: на лицо Главного Идеолога страны набежала хмурая тучка и прочно на нем обосновалась.

— А Леонид Ильич,— продолжал Юрий Владимирович спокойно и бесстрастно,— судя по голосу, вполне в форме. Ведь он два дня назад как из отпуска вернулся. Ему Крым и Черное море так же, как и мне, на пользу.

В комнате висела озадаченная тишина.

— Между прочим...— Андропов отпил глоток холодного чая.— Интересный сюжет. С неделю, наверное, назад или чуть больше — Генеральный был еще в Крыму. Сижу в своем кабинете, у меня в гостях Саша Бовин, пригласил по старой дружбе. Беседуем, шестидесятые годы вспоминаем. Звонок по правительственной связи. Поднимаю трубку — Леонид Ильич. «Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» Я, естественно: «Как здоровье? Как отдыхается?» Генеральный: «Море чудное — штиль, вода — двадцать четыре градуса, дно на семь метров видать, мерили. Сегодня,— говорит,— два часа плавал». И вдруг спрашивает: «Кто там у вас теперь Политбюро ведет?» Я отвечаю: «Как всегда, товарищ Черненко». Тут Леонид Ильич сердито кашлянул и говорит: «Для чего же мы тебя Секретарем ЦеКа избрали? Теперь ты должен вести все эти заседания». И положил трубку. Большой оригинал наш Генеральный.— Пальцами по краю стола была отбита нервная дробь.— Ну и... Что там, в Заречье?

— Они, Юрий Владимирович, долго беседовали вне дома, прогуливались по саду. Около часа.

— Черт!..— вырвалось у Андропова.

— Потом вернулись в дом, поднялись на второй этаж. Вот тут удалось записать. Получается самый конец разговора. Качество записи неважное. Условия. Как могли, очистили от помех...

— Давайте, давайте!

Шуршание ленты, потрескивание.

Л. И. (очень плохая слышимость, то на высоких нотах, то на низких). Сил не хватило... Проглядел... Не сберег... Какие люди... Ладно... Соображу.

Г. Л. (истерически). Папа! Быстрее надо! Поздно будет! Быстрее соображай!..

Л. И. (неожиданно спокойно). Уймись. Быстрее... Быстрота нужна при ловле блох. Вот что, Юра...

Ю. Н. (поспешно, подобострастно). Да, батя?

Л. И. Я тебе позвоню...

Ю. Н. Когда?

Л. И. (похоже, размышляя о чем-то). Николая пока тревожить не будем. Или... Ладно, я подумаю. Надо посоветоваться с товарищами.

Г. Л. С какими товарищами, папа? Где они, твои товарищи?

Л. И. Есть кое-кто. Остался... Все! На днях приму решение. А сейчас пошли чай пить.

Г. Л. (сквозь слезы). Но, папа!..

Л. И. Все, все...

Запись оборвалась. И опять все молчали.

— Что же...— сказал Андропов, повернувшись к камину и глядя на затухающие угли, подернутые пленкой серого пепла.— Пожалуй, плод почти созрел.

— Может быть,— сказал один из присутствующих в комнате,— следует ускорить процесс?

Юрий Владимирович усмехнулся:

— Каким образом?

— Тряхнуть дерево, на котором плоды зреют. Потаскать их каждый день на допросы.

— Галину Леонидовну больше трогать не надо.— Хозяин взял кочережку с деревянным держаком, разворошил угли в камине: заскакали яркие искры, устремляясь в дымоход.— Она уже созрела, если не сказать,— перезрела. От родителя не отлипнет. А вот товарищ, точнее, гражданин... Пока гражданин Чаранов... Не повезло Галине Леонидовне с очередным супругом. Его, пожалуй, встряхнуть разок-другой не помешает. Изо всего, что на него навешано, следует выбрать одно дело, которое тянет, скажем, на десятку. Очень это важно — ощущение конкретности наказания за содеянное.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

Андропов поднялся, обвел всех, кто был в комнате, внимательным неторопливым взглядом.

— Что же, друзья, всех благодарю...— Задвигались кресла, через мгновение «друзья» стояли по стойке «Смирно!», преданно глядя на Хозяина.— А вас, товарищ Царевский, прошу остаться. Задержу ненадолго.

Через минуту в комнате стояли у затухающего камина Юрий Владимирович Андропов и товарищ Царевский, высокий, худой; он часто нервно подергивал жилистой шеей, и тогда казалось, что круглые очки в тонкой золоченой оправе вот-вот свалятся с кончика длинного носа. Но они каким-то чудом держались.

— Присаживайтесь к столу, Илья Евгеньевич,— сказал Главный Идеолог.— Сейчас нам принесут горячий самовар, почаевничаем.

— С удовольствием, Юрий Владимирович.

— Подведем первые предварительные итоги, очертим круг ближайших задач...

7 сентября 1982 года

Председатель КГБ стоял у окна своего огромного кабинета и смотрел на Лубянскую площадь, которую поливал монотонный осенний дождь.

«С утра зарядил,— думал глава Лубянки.— Значит, весь день такой будет. Осень. Хороша осень в Киеве».

Настроение портилось. Теперь почти каждый день так: приехал на работу, и через несколько часов — хоть на стенку лезь.

«Черт меня попутал,— думал Василий Витальевич.— Согласился. На Украине все было ясно: я — хозяин, я принимаю решения, мое слово — закон. Я — последняя инстанция. А тут? Все время что-то решается за моей спиной. Интриги, возня. Меня ставят перед фактом. Я подчинен чьей-то воле... Впрочем... Чего это я? Известно, чьей воле. Благодетель хренов. Не понадоблюсь — ноги об меня вытрет в прихожей этого самого кабинета. Надо ломать...»

Довести до логического конца свои размышления Камарчук не успел — бесшумно открылась дверь, и в кабинете появился его первый помощник, рекомендованный Андроповым. Рекомендованный ненавязчиво, но в то же время каким-то особым образом... Каким? Василий Витальевич определить не смог. Все свелось к тому, что у него не было времени на размышление, углубленное знакомство с личным делом своей правой руки... Короче говоря, что-то возражать просто не представилось возможным.

«И с первого дня повадился входить без стука...» — с бессильной яростью думал Председатель Комитета государственной безопасности.

Повернувшись к вошедшему, Камарчук увидел, что Илья Евгеньевич Царевский взволнован. И взволнован чрезвычайно: на бледных впалых щеках появился румянец, по жилистой шее ходил кадык, очки на кончике носа часто подрагивали, похоже, в такт ударам всполошенного сердца.

— Что случилось?

— Час назад... От подполковника Боярова...— Высокий писклявый голос первого помощника сорвался.— Ну... Он у нас Беркут. Сначала он позвонил по конспиративному телефону, назначил встречу. Только что мы пересеклись. Источник, как вы знаете, прямо из кабинета Чаранова. Вот...

И Царевский передал своему шефу лист бумаги с машинописным текстом, занимающим полстраницы.

Василий Витальевич читал донесение агента из недр Министерства внутренних дел и чувствовал, что не может справиться с дрожью, которая возникла в руках.

— Я думаю,— тихо сказал Царевский.— Я думаю, надо немедленно позвонить Юрию Владимировичу.

— Я сам знаю, что мне надо делать! — гаркнул Камарчук.— Сам! Понятно?

— Извините.

Илья Евгеньевич Царевский исчез из кабинета. Растворился.

Дочитав до конца страшный документ, Председатель КГБ некоторое время стоял в тяжкой задумчивости, потом решительно прошагал к письменному столу, сел в кресло, поднял трубку телефона прямой связи с домом на Старой площади, набрал номер.

— Я вас слушаю,— прозвучал спокойный голос Андропова.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович...

— Добрый день, Василий Витальевич.

— Мы получили донесение от Беркута.

— Так прочитайте мне его.— Голос Андропова по-прежнему был абсолютно спокоен.

«Он все знает!..» — пронеслось в сознании Камарчука.

— В чем дело? Читайте! Ведь мы с вами знаем, что нас никто не услышит.

Камарчук читал донесение Беркута, стараясь унять волнение в своем голосе:

— «Сегодня, седьмого сентября сего года, во втором кабинете Чаранова с бронированными стенами — утечка информации с применением средств прослушивания невозможна — в одиннадцать часов утра был утвержден план операции «Захват», который предусматривает арест товарища Андропова утром десятого сентября сего года или на его квартире: Кутузовский проспект, двадцать шесть, или на Старой площади, когда его машина подъедет к зданию ЦеКа. Операция будет осуществляться двумя спецгруппами отряда особого назначения «Пантера», созданного при Министерстве внутренних дел СССР. Операция детально разработана лично Чарановым и будет проходить под его непосредственным руководством. Министр Щелоков пока не в курсе задуманного. Он получит официальное разрешение на арест Андропова, «в интересах безопасности государства» (слова Чаранова) от Брежнева утром десятого сентября, и тут же последует приказ от главы государства: арест немедленно произвести, поручив его генерал-лейтенанту Чаранову».— Телефонная трубка, прижатая к уху, намокла от пота, и Камарчук

быстро вытер ее о рукав пиджака.— Вот такие дела, Юрий Владимирович...

— Что же, товарищ генерал...— Или показалось? В голосе Андропова прорвалась нотка ликования.— Вам и карты в руки. Действуйте. Не мне вас учить. Только два пожелания. Первое. Постарайтесь избежать насилия, прямого столкновения, стрельбы. Второе. И — главное. Необходимо сделать все, чтобы информация о событиях десятого сентября не просочилась в средства массовой информации зарубежных стран. Удачи.

— Спасибо, но... А как же вы, Юрий Владимирович? Ведь...

— Обо мне не беспокойтесь. Я свяжусь с вами.— Возникла короткая пауза.— Когда все кончится. До свидания!

— До свидания...

Камарчук еще некоторое время держал в онемевшей руке трубку телефона.

«Это не Чаранов и не Брежнев затеяли арест Андропова,— думал Председатель Комитета государственной безопасности Советского Союза.— Это он сам решил «арестовать» себя...»

9 сентября 1982 года, 23 часа 20 минут

На подмосковном военном аэродроме на взлетной полосе стоял самолет. Двигатели его уже работали, неярко светили бортовые огни. В некотором отдалении на летном поле смутно виднелось несколько грузовых машин с крытыми кузовами, и уже неразличимы были в черноте осенней ночи две цепи десантников, образовавших два надежных кольца охраны вокруг самолета и трех легковых машин, стоявших недалеко от его хвоста.

В слабом свете бортовых огней самолета мелькали тени людей, слышались короткие негромкие команды.

И вдруг все смолкло, замерло — во мраке ночи вспыхнули ослепительные фары приближающихся машин, нарастал грохот моторов.

Первыми к самолету подкатили две черные «Волги», и тотчас из них выскочили люди в штатском, человек десять, а то и больше, образовав фигуру в виде буквы П. Через мгновение в нее, под «перекладину», въехала черная «Чайка» (как известно, такие машины в народе называют «членовозами»), резко затормозив; из «Чайки» никто не вышел.

К хвосту самолета подъехал микроавтобус и тут же начал осторожно карабкаться в его чрево по грузовому трапу, опущенному на землю. Возле трапа остановились две легковые

белые машины, из них вышло семь человек, трое из них женщины — все молча, с напряженными лицами следили за тем, как медленно карабкается вверх микроавтобус — бригада врачей наблюдала за погрузкой уникальной аппаратуры с искусственной почкой. Скоро микроавтобус исчез внутри самолета. Грузовой трап, оторвавшись от земли, принял горизонтальное положение и стал рывками втягиваться в самолет.

— Прошу на посадку, товарищи! — властно прозвучал за спинами врачей голос.

Пассажирский трап уже был спущен недалеко от хвоста самолета, и люди молча, спеша, направились к нему.

Через минуту к охране, образовавшей вокруг «Чайки» каре, прошагал, четко печатая шаг, человек в длинном кожаном пальто, без головного убора; и в осеннем мраке, растворившем в себе все окружающее, его абсолютно лысый череп казался неярким круглым фонарем. Перед лысым охрана молча расступилась.

Он распахнул дверцу «Чайки» рядом с водителем.

— Прошу, Юрий Владимирович! — Голос был тихий, вкрадчивый, полный желания угодить.

Из машины вышел Андропов в черном демисезонном пальто, сшитом безукоризненно по его крупной фигуре, в фетровой шляпе с короткими полями, в очках со слегка затемненными стеклами. Привычный образ — для публики. Впрочем, он и сам сжился с этим своим несколько таинственным образом.

Захлопали другие дверцы машины. Рядом с Юрием Владимировичем оказалось четверо мужчин; среди них был наш знакомец — Илья Евгеньевич Царевский; круглые очки в золоченой оправе на его длинном носу отсутствовали. Удивительно...

Все — первым Андропов — за лысым в кожаном пальто проследовали ко второму трапу самолета, который был расположен ближе к кабине пилотов. Охрана расширила букву П и следовала за ночными пассажирами на некотором расстоянии, однако сохраняя фигуру каре; слышались тяжелые шаги...

Ступеньки трапа были устланы ковровой дорожкой. У его основания лысый шагнул в сторону, уступая дорогу Главному Идеологу.

— Ни пуха ни пера, Юрий Владимирович! — интимно сказал он.

— К черту!

Они обменялись рукопожатием.

Кроме четверых из «Чайки» за Андроповым поднялись в самолет еще шестеро крепких молодых людей в штатском — личная охрана первого лица Советского государства. Пока, правда, не провозглашенного официально.

...Мгновенно втянулся внутрь трап, захлопнулся люк двери. Легковые машины отъехали от хвоста самолета.

Взревели двигатели. Огромная машина дрогнула всем своим корпусом, медленно двинулась, ярко вспыхнули светящиеся прерывистые трассы по бокам взлетной полосы. Самолет начал стремительный разбег.

— По машинам! — раздалась команда, произнесенная в мегафон.

И тотчас послышался топот множества ног — невидимые десантники из двойного оцепления места тайного отлета бежали к крытым грузовикам.

С того момента, как «Чайка» доставила Андропова и сопровождающих его лиц на военный аэродром, прошло семь минут.

...Да, это был десантный самолет, но один из его отсеков был специально оборудован: ковер на полу, стены обшиты толстыми слоями плюша цвета мореного дуба. Мягкие кресла, удобная тахта с подушкой и мохеровым пледом. Два стола, ножки которых закреплены в полу,— один круглый, «для приема пищи» (так сказано в инструкции, предназначенной обслуживающему персоналу), второй письменный, для работы, с батареей телефонов. По правую руку от него панель с кнопками: «врач», «нач. охраны», «перв. помощник», «официант», «перв. пилот». Бытовая комната — умывальник, душ, туалет.

Юрий Владимирович прилег на тахту, укрылся мохеровым пледом, подтянув его к самому подбородку. Слабость во всем теле. Горечь во рту.

«Постоять под горячим душем? Согреться».

Но не хотелось шевелиться.

«Заснуть бы на час или полтора. И ночь и день предстоят трудные. Но ведь, как всегда, не засну, придется проглотить таблетку».

«Вставай!» — приказал он себе. И... не подчинился приказу. Просто — не было сил.

«Ладно, сейчас...»

Андропов лежал на спине, глядя в близкий белый потолок. Гул двигателей самолета еле слышался, заглушаемый обивкой правительственного салона. Только ощущалось мелкое дрожание, вибрирование.

«Может быть, от этой вибрации мне так хреново? Когда я последний раз летал на самолете? Да, в семьдесят девятом, в Кабул. Мы готовили нашу войну в Афганистане. Мы были правы, правы! И сейчас правы, несмотря на вопли пацифистов всех мастей. Сохраняя там наше военное присутствие, мы таким образом... Не отвлекаться, не отвлекаться! — приказал себе Андропов.— Не отвлекаться от дел сегодняшней ночи и завтрашнего дня».

...Операция «Блиц» была тщательно разработана в последние две недели, высокие участники ее в Восточной Европе, в странах-сателлитах предупреждены и ждали... Несколько часов назад с ними было согласовано время встреч, в соответствии с жестко утвержденным графиком. Вся операция была рассчитана на восемнадцать часов — Андропов опасался покинуть Москву больше чем на сутки в эти решающие дни.

Да, Юрий Владимирович сам выбрал время этих восемнадцати часов — ночь с девятого на десятое сентября и день десятого сентября. Решение им было принято седьмого сентября после телефонного звонка Камарчука. Так совпало. Или, если угодно, такова воля Провидения. А еще проще — почему бы не воспользоваться возникшей ситуацией? В глазах ближайших соратников, посвященных в основные замыслы Главного Идеолога, его авторитет в результате не пострадает, а в представлении противника, всей этой кремлевской рухляди и днепропетровской мафии, сгруппировавшейся вокруг Генерального, после того как в одно целое объединятся его блицтурне по странам Восточной Европы и события десятого сентября в Москве (он был уверен: Камарчук не подведет; в крайнем случае Василия Витальевича поправят или подскажут, как надо действовать),— после всего этого авторитет его в глазах врагов возрастет многократно.

Кроме того, дорогие товарищи, уважаемые дамы и господа, этот «Блиц» — выстрел дуплетом. Потому что... И в этом он признавался только себе, себе одному, и никому больше. Потому что береженого Бог бережет. (Бог ли бережет подобных? — заметим мы в скобках.)

И тут надо сказать, что Юрий Владимирович Андропов был трусом. Не просто трусом, а трусом патологическим. Как тут не вспомнить товарища Сталина? Схож, схож — и весьма: обоих — бывшего непревзойденного тирана двадцатого века и нашего, ничего не скажешь, масштабного героя, стоящего сейчас в двух шагах от давно поставленной Главной цели — объединяют две всепоглощающие, испепеляющие страсти: жажда всеохватывающей, неограниченной власти — животный, утробный, неистребимый страх за свою драгоценную и

неповторимую жизнь, усугубленный у Андропова — да воздастся каждому по делам его! — бременем многих болезней.

...В том числе постоянной, многолетней бессонницей, приобретенной еще в Венгрии, во время известных событий.

Юрий Владимирович рывком отбросил плед, осторожно поднялся. Бил мелкий озноб, холодно стало рукам, хотя в его воздушной обители поддерживалась постоянная температура, определенная врачами,— 21°С.

Андропов подошел к панельке с кнопками, нажал ту, под которой значилось: «Перв. пилот».

— Старший пилот, полковник Никитин! — четко прозвучал уверенный твердый голос, как бы упавший с потолка.

— Здравствуйте, полковник.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович.

— Сколько еще лету до Будапешта?

— Момент.— Короткая пауза.— Через один час сорок минут будем на месте. Если не затруднят посадку погодные условия. Думаю, все будет по графику. Нас принимает военный аэродром в сорока километрах от венгерской столицы.

— Благодарю, товарищ Никитин.

Затем была нажата кнопка, под которой значилось: «Врач».

— Слушаю вас, Юрий Владимирович,— прозвучал женский голос.

— Клавдия Павловна, необходимо снотворное. Заснуть на полтора часа.

— Иду, Юрий Владимирович.

Врач появилась тут же. Это была миловидная женщина лет сорока, с открытым доверчивым русским лицом, в белом, хрустящем крахмалом халате.

— Вот, Юрий Владимирович, это...

— Клавдия Павловна! — перебил Андропов.— Мы же договорились: не хочу знать названий всех этих ваших снадобий...

— Хорошо, хорошо. Легкий препарат. Действует быстро, сон глубокий, но короткий...

— И прекрасно. То, что надо. Давайте его сюда!

Продолговатая таблетка была двух цветов — голубого и розового.

«Голубые и розовые сны»,— почему-то подумал Юрий Владимирович, запивая таблетку глотком минеральной воды.

Он опять лег на тахту, повернувшись на бок к стене, укрылся пледом. Тут же бархатными волнами стали накатывать волны тепла, умиротворения, спокойствия. Образовалось серое пространство, которое ощущалось плотной массой. В этом пространстве замелькали пока смутно различимые, издающие рокот чудовища. Юрий Владимирович, как бы воп-

реки своему желанию, стал всматриваться в них, одновременно думая: «Вполне достаточно трех стран. Ведь задача — передать информацию. Главное: источник этой информации — я». Он увидел задымленную улицу Анараши, центральную магистраль венгерской столицы. Впрочем, тогда, в конце 1956 года, она уже называлась проспектом имени Сталина. По проспекту шли танки с красными пятиконечными звездами на бортах и прямой наводкой били по домам. Андропов, повернувшись на спину, усилием воли прогнал видение, и серое пространство, еще более уплотнившись, стало ощущаться ласковой колыбелью, в которой, совсем крохотного, его качала няня Настя.

Вверх-вниз, вверх-вниз. В сером, тепло-влажном пространстве Вселенной. Вверх-вниз...

Потом — незаметно, постепенно, плавно наступило ничто.

10 сентября 1982 года,
01 час 10 минут (время московское)

— Юрий Владимирович...— На его плече лежала теплая успокаивающая рука.

— Да? Что?..

— Идем на посадку.— Голос врача Клавдии Павловны Ивановой был тоже успокаивающим и добрым.

— Прекрасно! Я встаю.

Он чувствовал себя выспавшимся, бодрым, полным сил.

...В Венгрии была глубокая ночь — черная, осенняя.

Десантный советский самолет совершил посадку точно в запланированное время, и дальше все происходило согласно предварительной договоренности: при встрече — никакой официальной помпы, протокольных мероприятий, никаких журналистов, визит неофициальный, рабочий.

Спускаясь по трапу, Андропов не видел встречающих внизу: все освещение — включенные подфарники нескольких легковых машин, подъехавших почти вплотную к самолету.

Он ощутил теплую влагу ночного воздуха, в отдалении сбежались в кучу яркие огни,— наверное, там диспетчерская военного аэродрома.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович. С благополучным прибытием. Добро пожаловать!

Слова произносились медленно, с напряжением, но акцент почти не ощущался.

Ночному непрошеному гостю сдержанно улыбался глава Венгерской Народной Республики и вождь коммунистов Венгрии Янош Кадар, протягивая руку.

Крепкое братское рукопожатие.

«Никаких воспоминаний,— приказал себе Андропов.— Только текущий момент. Только наши проблемы. Никаких воспоминаний...»

(Из мемуаров Миклоша Васарели, пресс-секретаря Имре Надя:

«Ночью с третьего на четвертое ноября 1956 года Янош Кадар был привезен в советское посольство на улице Байза, и там состоялась его беседа с послом Советского Союза в Венгрии. Как стало потом известно, Кадар был первым венгром, которому Андропов, человек скрытный и осторожный, изложил все прямо и откровенно: Имре Надь человек конченый, его политическая карьера завершится в тюремной камере; советским войскам отдан приказ подавить восстание; если Кадар откажется сотрудничать с Москвой, его ждет та же участь, что и Надя. И Андропов убедил Кадара принять советскую точку зрения.

В эту роковую ночь Имре Надь остался спать в парламенте. В четыре часа утра его разбудили: советские войска штурмуют Будапешт. В пять часов двадцать минут он обратился по радио к гражданам своей страны:

— Говорит Имре Надь, Председатель Совета Министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска атаковали столицу с явным намерением свергнуть законное демократическое правительство Венгрии. Наши войска сражаются. Правительство находится на своем посту. Я сообщаю об этих событиях народу нашей страны и всему миру.

Через полчаса Имре Надь узнал о том, что Янош Кадар сформировал просоветское правительство страны, и власть ему несут на своей броне русские танки, уже ворвавшиеся в центр Будапешта...»

Добавим к этим воспоминаниям только один штрих. Имре Надь укрылся в югославском посольстве, в котором пробыл двадцать два дня. Он вышел оттуда, получив гарантии личной безопасности и от новых властей Венгрии, и лично от посла СССР Андропова. Не доехав до дома, он был арестован сотрудниками советской госбезопасности и брошен в тюремную камеру; через полтора года состоялся «суд», который вынес народному вождю Венгрии смертный приговор. В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое июня 1958 года Имре Надь был казнен.)

— Поскольку ночь, Юрий Владимирович, я предлагаю нашу беседу провести в несколько неофициальной обстановке.
— Где же?
— Есть у нас в Буде небольшая правительственная резиденция, скромный, но уютный замок, четырнадцатый век.
— Хорошо... Это даже интересно.
— Прошу в машину, Юрий Владимирович. На время, которое вы будете находиться в нашей стране, всем вашим людям будет оказано венгерское гостеприимство.
В черный длинный «роллс-ройс» он сел со своими телохранителями. Машина Яноша Кадара шла впереди. Спереди, с боков, сзади оба правительственных лимузина сопровождал эскорт вооруженных мотоциклистов. Временами в салон машины попадал слепящий свет фар.
Андропов сидел рядом с шофером, полузакрыв глаза. Ночь, Венгрия, и прошлое рядом, от него не уйти.
«Не вспоминать, не вспоминать...»
...Наверное, он задремал. Потому что, открыв глаза, увидел: машина мчится по мосту, внизу — Дунай, в котором отражаются левобережные огни Будапешта, водная гладь широка и необъятна, и уже возникает впереди правый берег, тоже в огнях, похоже, гора Вароxедь.
Венгрия. Дунай. Где-то недалеко остров Чепель, на котором в ту пору была расположена советская военная база Токол.
«Не вспоминать! Да будь оно все проклято!..»
Сделаем это за Юрия Владимировича: вспомним.
Накануне советского вторжения в Венгрию, третьего ноября 1956 года, на базе Токол, окруженной быстрыми водами Дуная, начались переговоры венгерской делегации и представителей советской стороны, которые предложил срочно провести посол СССР в Венгрии господин Андропов, и речь на переговорах должна была идти о выводе советских войск из Венгерской Народной Республики.
Как только в комнате для переговоров появилась венгерская делегация в полном составе, в нее ворвались агенты КГБ, и все члены делегации были арестованы. Ее руководитель, генерал Пал Малетер, герой Венгерской революции, был тут же расстрелян.
По существу, одним ударом была обезглавлена венгерская армия.
Из воспоминаний члена делегации на несостоявшихся переговорах бывшего Председателя Совета национальной обороны и командующего венгерской национальной гвардией генерал-майора Бела Кимрали:

«Прошло четверть века, но и сейчас я отчетливо вижу фальшивую улыбку Андропова, его холодные серо-голубые глаза, в которых явно присутствует гипнотическая сила. Это были глаза инквизитора: вы мгновенно схватывали, что он мог с одинаковым успехом и улыбаться вам, и уничтожить вас. Это был человек, который прекрасно понимал, что происходит на самом деле. Однако до последнего момента он прикидывался передо мной, перед премьер-министром и другими, что дела идут, как обычно, как положено. Даже пираты, перед тем как атаковать корабль, выбрасывают черный флаг. Андропов был сплошной цинизм и расчет. Андропов для венгров — символ террора, который последовал за советским вторжением. Он сделал Венгрию безмолвной — как кладбище. Он депортировал тысячи венгров в Россию и отправил на виселицу сотни беззащитных юнцов».

Из воспоминаний тогдашнего шефа будапештской полиции полковника Шандора Копачи:

«Андропов производил впечатление сторонника реформ. Он часто улыбался, у него находились лестные слова для реформаторов, и нам было трудно уразуметь, действовал ли он только согласно инструкциям или по личному почину. Он был, несомненно, человек благовоспитанный и располагающий к себе. Вместо того чтобы приказывать то или это, как действовал его предшественник, Андропов всегда «советовал» или «рекомендовал». Но я неизменно чувствовал в нем что-то холодное и непроницаемое. Казалось, что его глаза меняли окраску, и было в этих глазах ледяное пламя, скрытое за стеклами очков.

Никогда не забуду последнюю встречу с этим страшным человеком. Так произошло — она случилась в последний день нашей революции. Вместе с женой я торопился в югославское посольство, где мы надеялись получить политическое убежище. Прямо на улице нас задержали агенты КГБ и доставили в советское посольство. Встретил нас Андропов, радушный, приветливый, как будто мы званые дорогие гости и он чрезвычайно рад нашему появлению. Он пригласил нас к столу «на чашку чаю» и, улыбаясь, сказал, что вот Янош Кадар формирует новое правительство и что он очень хотел бы видеть в нем полковника Копачи. Я поверил советскому послу. «Время тревожное,— сказал он.— Если хотите, мы предоставим вам машину, и вы будете доставлены к главе нового венгерского правительства». Я согласился. К подъезду была подана бронемашина. Я на всю жизнь запомнил, никогда не забуду Андропова в последнюю минуту нашей последней встречи: он стоял на верхней площадке лестницы, улыбался

мне, махал на прощание рукой... Советская бронемашина доставила меня прямиком в тюрьму, из которой я вышел по амнистии семь лет спустя, в 1963 году».

Из воспоминаний Георга Хелтей, заместителя министра иностранных дел в правительстве Имре Надя:

«Ум и хладнокровие — вот что отмечало Андропова, человека, который, безусловно, являлся высшей инстанцией, выносящей решения, кого именно и сколько должно быть казнено. Я уверен, что ему была дана абсолютная власть расправляться с революционерами. Так что царство террора в Венгрии было царством террора Юрия Андропова. Оно связано с его именем навеки...»

— Ну, Юрий Владимирович, вот мы и прибыли.— Дверцу машины распахнул сам Янош Кадар.— Прошу.

Небольшой двор перед парадными дверями замка, который вымощен крупными, отполированными временем булыжниками; во мраке неясно видны высокие каменные стены с зубчатым верхом. Неяркие фонари асимметрично расставлены среди клумб, источающих терпкие запахи. У дверей швейцар в ливрее, услужливо, но с достоинством распахивающий их тяжелые створы перед высоким гостем. Кадар входит в замок за Андроповым, чуть приотстав, на полшага, но в застекленной галерее, в которую они попали, опережает Юрия Владимировича, чуть-чуть шагает впереди и распахивает дверь справа:

— Прошу.

Небольшой овальный зал с высокими стрельчатыми окнами, за которыми стоит черная ночь. По стенам лампы в виде подсвечников. Огромный ковер на полу. Мягкая мебель. Единственная картина в тяжелой темной раме между двумя окнами: средневековый рыцарь во всем облачении на сильной мускулистой лошади устремил сумрачный взгляд из прошлого в ваши глаза. У глухой стены — сервированный стол — холодные закуски, фрукты, напитки.

— Юрий Владимирович, может быть, после перелета... Как у вас говорят, чем Бог послал.

— Нет, нет, Янош! Благодарю. У меня режим, диета. Да и ночь. Я приношу свои извинения, что из-за меня и у вас эта ночь без сна.

— Что вы, Юрий Владимирович! Интересы общего дела — превыше всего.

— Именно так, мой друг.

Они садятся в кресла по бокам низкого столика, на котором стоит ваза с большими, неестественно большими, белыми розами.

«Уложимся в полчаса»,— говорит себе Андропов.

Первые несколько вопросов задает гость из Москвы: как здоровье товарища Кадара? Каково положение в венгерской экономике? Вроде бы возникли проблемы в отношениях партии и творческой интеллигенции? («Тут у нас, Янош, общие проблемы».) Оба понимают формальность этих вопросов, и на их ответы уходит не более десяти минут.

— Вас, Янош,— спрашивает наконец Андропов,— наверняка интересует основная цель этого моего несколько неожиданного визита к вам.

— Безусловно. И меня, и моих ближайших соратников.

— Дело в следующем...— Максимальная сосредоточенность. Ни одного слова, которое может быть истолковано двояко. Ясность. Четкость. И — убежденность в своей правоте. В двух следующих встречах с руководителями социалистических стран эта информация будет повторена почти дословно.— Дело в следующем... Положение со здоровьем Леонида Ильича Брежнева таково, что, увы, он окончательно не в состоянии руководить ни нашим государством, ни международным коммунистическим движением.— «Только бы избежать вопросов»,— и Юрий Владимирович ускоряет темп своего монолога.— В сложившейся обстановке Политбюро нашей партии фактически на меня возложило руководство страной, хотя, конечно, сам факт этого руководства, как вы понимаете, не оформлен юридически. Пока. И, учитывая сложное положение в стране, прежде всего в экономике, я вынужден принять эту тяжкую ношу...

— А...— неожиданно перебивает Янош Кадар. И Андропов уже знает, какой сейчас будет задан вопрос. Он готов к нему, но все-таки была надежда, что его собеседнику хватит политического такта и... сработает сидящий во всех них страх и осмотрительность, внедренные в верных вассалов его недавним ведомством (впрочем, оно и сейчас его...). — А что же товарищ Брежнев? Как...

Юрий Владимирович останавливает Яноша Кадара не резким, но в то же время повелительным жестом руки:

— Во-первых, мы сделаем все, чтобы поправить здоровье Леонида Ильича. Но для этого он должен быть освобожден от тяжкого груза руководства державой. Этот великий человек, простоявший на своем посту бессменно восемнадцать лет,— в голосе Юрия Владимировича появился пафос,— заслужил настоящий полный отдых. И посему, и это во-вторых,— вся страна в ближайшее время с почетом проводит его на пенсию. Леонид Ильич будет самым знаменитым пенсионером нашего государства. Уверяю вас, Янош, тот день, в который вождю советского народа будет вручена пенсионная

книжка, станет всенародным праздником благодарности и хвалы... Да, да! Леонид Ильич заслужил такой триумф!

— Заслужил! — как эхо повторил Янош Кадар, не сумев скрыть облегчение в своем голосе.

— Я же надеюсь,— с напором закончил Андропов изложение главного тезиса своего сообщения,— что венгерские товарищи, учитывая и свои интересы, прежде всего в области реформаторской деятельности, поддержат мою кандидатуру на высший пост Советского Союза, когда этот вопрос будет поставлен историей на повестку дня.

— Можете не сомневаться, так и будет!

— Спасибо, Янош! — Андропов протянул руку Кадару, которого именно он в кровавом ноябре 1956 года поставил во главе Венгрии. Рукопожатие было крепким и долгим.

Затем Андропов, почти демонстративно, взглянул на ручные часы — было без восьми минут три часа.

— Да, Юрий Владимирович! — заспешил Янош Кадар.— Все готово для возложения венка. Привезенная вами лента...

— Так едем! — перебил высокий — самый высокий — московский гость и верный друг венгерского народа.

...Этот жест он задумал еще в Москве — венок алых роз к подножию памятника советским воинам — освободителям Венгрии и Будапешта от гитлеровского фашизма на горе Гелерт, лично от него.

Памятник оказался совсем рядом с замком, где только что состоялась аудиенция. По узким средневековым улочкам, слабо освещенным, следовал кортеж из нескольких машин — теперь в мероприятии принимала участие вся советская делегация. И, кроме того, в бежевой «Волге» ехали полусонный «чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгерской Народной Республике» и атташе посольства по культуре; их час назад вытащили из теплых постелей, только что им пожал руки Юрий Владимирович, при этом пристально, гипнотизирующе смотрел в глаза, и этот ночной взгляд поверг дипломатов в трепет и смятение. Они толком не могли понять, что происходит, не ведая, конечно, что для Андропова оба — лишь источники информации, нацеленной на советскую колонию в Венгрии, и не только на нее.

Но вот и памятник. Он стоит на возвышении, с площадки которой открывается широкая панорама на Дунай, на левобережную часть венгерской столицы — Пешт. Уже еле заметно посветлело небо, на его фоне стали различимы крыши домов, кроны замерших деревьев — тихо, ни единого дуновения ветерка. Душно. («Душно,— думает Андропов.— Нечем дышать...») Огни Пешта, ушедшие к самому горизонту, не ка-

жутся такими яркими, как два часа назад. В Дунай упало небо. Оно все в ярких звездах.

Памятник подсвечен двумя прожекторами. Может быть, они включены специально, по случаю прибытия высокого московского гостя? По бокам памятника застыл почетный караул. Попарно солдаты венгерской национальной гвардии в ярких парадных мундирах. Ну, караул-то уж точно — поставлен для Андропова.

Юрий Владимирович выходит из машины. Несколько магниевых вспышек фотокамер. Осторожно повернувшись, он видит в стороне за широкими спинами телохранителей несколько журналистов, человек семь или восемь.

«Молодец Илья Евгеньевич»,— удовлетворенно думает глава Советского государства, пока не официальный. («Терпение, господа и товарищи! Терпение...)

У себя в стране ночное блицтурне держится в строжайшей тайне, хотя, естественно, завтра же о нем будут знать все члены Политбюро и конечно же Леонид Ильич Брежнев, если он в состоянии еще что-то понимать и чем-то интересоваться.

Здесь, в Европе, эти краткие визиты тоже особо не афишируются. Однако и секрета из них делать не стоит. Небольшая утечка информации — для прессы — здесь, в Венгрии, осторожно, незаметно, деликатно. («Умница, умница этот Царевский. Я в нем не ошибся».) А дальше — покатится само собой, от пронырливых умников с диктофонами, теле- и фотокамерами ничего не утаишь. И завтра к вечеру («То есть не завтра! Сегодня к вечеру!») о его блицтурне и встречах с тремя лидерами восточноевропейских социалистических стран будет знать весь западный мир.

...Они медленно, рядом идут к памятнику советским воинам-освободителям — Юрий Владимирович Андропов и Янош Кадар. Перед Андроповым, чуть слева, два советских солдата шествуют замедленным церемониальным шагом, вытягивая носки; в их руках большой венок — переплетение веток лавра и ярко-красных роз.

За вождями двух братских стран следует небольшая советская делегация. По выражению лица «чрезвычайного и полномочного» можно догадаться, что он так ничего и не понял: что происходит?.. Не лучший вид и у нашего атташе по культуре.

Советские солдаты с венком подходят к памятнику. Венгерские гвардейцы берут «На караул!»; приклады винтовок с примкнутыми штыками синхронно ударяют по граниту.

Андропов поворачивает голову назад. Тут же возле него возникает Царевский — круглые очки зацепились за самый кончик носа, и в их стеклах, слепя, отражаются прожектора.

— Подпустите...— тихо, почти шепотом.— Подпустите поближе журналистов.

— Момент, Юрий Владимирович!

...Венок опускается к подножию памятника.

К нему подходят Андропов и Кадар. Несколько мгновений они стоят молча, склонив головы. Они оба скорбят по ста сорока тысячам советских солдат, которые лежат в венгерской земле. Они отдали свои молодые жизни за свободу и счастье Венгрии. Их дело свято.

Янош Кадар кладет к подножию памятника свой букет.

Андропов наклоняется, поправляет ленту на своем венке.

Совсем рядом — толпа журналистов, похоже, их стало больше. Напор корреспондентов с трудом сдерживают телохранители. Магниевые вспышки, жужжание теле- и фотокамер.

— Господин Андропов! Ваша основная цель посещения Венгрии?

— Кто, по вашему мнению, будет преемником Брежнева?

— Куда вы направляетесь теперь?

Он только сдержанно улыбается, показывает на уши: «Плохо слышу», показывает на ручные часы: «Нет времени».

Рядом возникает Илья Евгеньевич Царевский (свои очки он держит в руках).

— В машины, товарищи! — высоко звучит его подростковый фальцет.— Прошу в машины!

Журналисты бросаются к памятнику и снимают венок из лавровых листьев и алых роз. Крупным планом — светло-коричневую ленту с четкими словами: «Советским солдатам, освободителям Венгрии, от Юрия Андропова».

Ничего не скажешь: скромно, достойно, ясно.

Дело сделано, господа... и товарищи!

...Стремительная езда, горечь во рту, знобит. Кажется, уже светает? Церемония краткого прощания, напутственные слова, рукопожатия, никаких объятий и поцелуев — он принципиально против этого брежневского церемониала, двусмысленного и отталкивающего, во время встреч и прощаний на высшем уровне. И — не забывайте! — товарищ Андропов аскет. Даже больше — пуританин.

Его незаметно поддерживают, когда он поднимается по трапу: слабость, слабость, будь она неладна!..

Быстрый разбег десантного самолета. Отрыв от земли почти неощутим. В его отсеке начинает стремительно светлеть,

и вдруг в три иллюминатора с левой стороны врываются косые солнечные лучи. Утро?

Юрий Владимирович — он сразу лег на тахту, войдя «к себе»,— неохотно вытаскивает левую руку из-под мохерового пледа, смотрит на часы — 5.10.

«Утро... Как там, в Москве?..»

Деликатный стук в дверь.

— Прошу! Входите.

Появляется Илья Евгеньевич Царевский. За ним бесшумно входят в белых халатах врачи во главе с Клавдией Павловной: их четверо.

— Небольшие медицинские процедуры,— говорит Илья Евгеньевич, бодро улыбаясь.

— Приступайте.

Он спокоен, тверд. Он привык. И — надо.

Царевский направляется к двери, но Андропов останавливает его вопросом:

— Когда мы будем в Праге?

— Должны приземлиться в шесть тридцать пять. Пока мы в графике. Уверен, Юрий Владимирович, все будет в порядке. Тьфу! Тьфу! Стучу по дереву.— Он трижды стукнул по краю письменного стола костлявым кулачком и исчез.

Клавдия Павловна садится на край тахты, берет в свои теплые добрые руки его руку, холодную и влажную.

— Пока мальчики готовят свои штучки,— улыбается она,— мы займемся пульсом и давлением. Так, так... Прекрасно! Пульс как у бегуна на длинную дистанцию. Сегодня, Юрий Владимирович, процедур минимум, учитывая ситуацию, но по интенсивной программе.

...Пока длятся ненавистные процедуры, он старается думать о своем, анализировать, строить планы, сомневаться...

Подвергай все сомнению. Кто это сказал? Кажется, Карл Маркс. Верно, очень верно... Подвергай все сомнению. Подвергать, подвергать...

Конечно, было бы совсем неплохо нанести блицвизиты еще в три социалистические страны — с теми же целями и задачами. Но... Безусловно, в Болгарии все прошло бы великолепно. Однако сейчас нельзя там светиться. После неудачного покушения на Папу Римского в Париже этот чертов «болгарский след», который нам навязывают... Нет, Болгария отпадает. Подождем. Не надо лезть на рожон. Румыния? Нет уж... Бухарест тоже отпадает. Кто и как проворонил Николае Чаушеску? Никитка, конечно. Ох уж этот Никита!.. Впрочем, пожалуй, Румыния начала выскальзывать из рук (давайте уточним: из братских коммунистических объятий Москвы)

еще при Иосифе Виссарионовиче. Надо заняться проблемой Румынии. Может быть, следует поднять румынский народ против этого диктатора, мерзкого карлика, который не что иное, как жалкая пародия на Муссолини. Подумаем, подумаем... И кончит этот отступник и ренегат на виселице или его растерзает революционная чернь. (Забегая в историческое будущее, отметим: вы как в воду глядели, Юрий Владимирович.)

«Ненавижу! А что этот паук сказал в 1968 году, когда мы спасали социализм в Чехословакии?..»

(В дни вторжения советских войск в Чехословакию Николае Чаушеску отказался подчиниться Верховному командованию Варшавского пакта и участвовать в карательной экспедиции, в военном походе «братских стран» на восставшую, и в подавлении танками «пражской весны». Во время гигантского многотысячного патриотического митинга жителей Бухареста на площади Республики Чаушеску произнес с балкона пламенную антисоветскую речь. В частности, он сказал:

«Говорят, будто в Чехословакии возникла угроза контрреволюции. А завтра, пожалуй, найдется кто-нибудь, кто скажет, что контрреволюционные тенденции проявились и у нас здесь, на этом собрании. Но мы ответим всякому: румынский народ никому не позволит посягнуть на территорию своего отечества!.. Будьте уверены: мы никогда не станем предателями родины, предателями интересов нашего народа!»)

— Погоди, Николашка...— Побелевшие губы шевелились, но горячечного шепота разобрать было невозможно.— Мы до тебя доберемся... Разваливать социалистический лагерь? Мы...

— Клавдия Павловна, похоже, начинается бред. Не понимаю, в чем дело?

— И пульс участился. Повышается давление...

— Коля, вот эту ампулу. Готовьте шприц.

Ласковая умелая рука Клавдии Павловны натирает тампоном ваты, пропитанным спиртом, вену на изгибе левой руки.

— Так...— Игла вводится абсолютно безболезненно.— Вот и умничка. Сейчас мы глазки откроем. Все будет преотлично.

Мелко трепещут ресницы. Андропов открывает глаза. Над ним улыбающееся, радушное лицо Клавдии Павловны, полное бодрости и оптимизма.

— Ну вот! Мы в полной форме.

— В чем дело? — Его голос резок, даже груб. «Где я был только что? Куда проваливался?» — Делайте свое дело.

— Делаем, миленькнй, делаем. Еще, Юрий Владнмирович, потерпеть совсем немного, пять мннуток, не больше.

...Остается Польша. Нет уж, увольте! Общаться с генералом Ярузельскнм? Просить у этого Войцеха, который со своей прямой железной спиной и в черных очках на неподвижном лнце похож на манекен,— просить у него поддержкн? Упускаем, упускаем Польшу! Не вняли мон коллеги, маразматические старцы, что только одна сила сохраняла, сохраняет и будет сохранять соцналистическнй лагерь — и приумножать его! И сила эта — армия, мощь советского оружия. Что, я не прав?

— Я не прав? Если бы... Если бы не я...

— Он опять начинает бредить.

— Ничего не понимаю. Что происходит, Клавдия Павловна?

— Спокойно... Мы не можем влезать в его черепную коробку. Так... Снльное успокоительное, снотворное, на самый короткий срок действия. Вот... Пятнадцать — двадцать минут. Лидия Ивановна, подержите руку.

«Если бы не я... Не настоял бы, не добился... В пятьдесят шестом году мы бы потеряли Венгрию, в шестьдесят восьмом — Чехословакию. А Афганистан? Сейчас мы там, а не американцы. Польша... Польша... Она уходит... Ярузельскнй... И не только он...»

— Все. Он отключен на пятнадцать минут. Давайте решать, что делать дальше.— На лбу Клавдии Павловны появились бисеринки пота.— Коля, пригласите Царевского.

...Когда на Страшном суде Юрню Андропову прикажут: «Назовите имена вашнх самых ненавистных полнтических противников на земле, которых вы хотели уничтожить н не успели нлн не смоглн», среди многих имен первыми он назовет четырех поляков: руководителя «Солидарности» Леха Валенсу, Папу Римского, Иоанна Павла Второго, в мнру Кароль Войтылы, помощника американского президента Картера по национальной безопасности Збигнева Бжезннского н министра обороны Польшн в 1980 году генерала Войцеха Ярузельского. Первым, конечно, он назовет Ярузельского. Историческая хронология вынуждает поставить его в этом достойном ряду четвертым.

...В отсеке десантного самолета, в котором над простертым на тахте Андроповым колдовали врачн, появился взволнованный Илья Евгеньевич Царевский.

— Что случилось?

— Думаю, нервный стресс, усугубленный недугами, с которыми мы ведем постоянную войну.

— Но в чем причина? — В писклявом голосе первого помощника Председателя КГБ Камарчука и одного из самых приближенных и доверенных лиц в тайной «команде» Андропова явно звучит подозрение, помноженное на гнев.

— На ваш вопрос, Илья Евгеньевич,— спокойно говорит врач,— может ответить только сам Юрий Владимирович. Я думаю, причина в эмоциональном, психологическом состоянии нашего пациента.

— Через час мы приземлимся в Праге. Что же делать? Ведь там уже готовятся к встрече.

— Я предлагаю вот что...— Врач Иванова нетороплива и сосредоточенна.— Через полчаса мы поставим Юрия Владимировича на ноги. Ненадолго...

— На сколько? — нетерпеливо перебивает Царевский.

— На час. Может быть, больше. Этого вполне достаточно для церемонии встречи. Тем более она не по официальному протоколу.

— Да, это так.

— А потом, Илья Евгеньевич, понадобится часа два для углубленной профилактики с применением всех наших средств. Они достаточно могущественны. К полудню Юрий Владимирович будет в полной форме для осуществления своей миссии. Вы можете прямо сейчас связаться с чехословацкими товарищами?

— Разумеется, могу. Я обо всем договорюсь.— Через свои круглые очки он пристально, недобро смотрит на врача.— Клавдия Павловна, ответственность на вас. Отвечаете головой.

Илья Евгеньевич, осторожно ступая — хотя ковер на полу глушит любые шаги — выходит из воздушного кабинета Андропова.

Минуту или две врачи молчат, глядя на Главного Идеолога, погруженного в глубокий, короткий, противоестественный сон.

— Что же, товарищи, давайте все приготовим. Скоро он выйдет из состояния сна.

Итак, меньше часа осталось до посадки самолета на засекреченном — «правительственном» — аэродроме всего в нескольких километрах от столицы Чехословакии. Используем время для небольшого экскурса в совсем недавнюю историю.

Польша в 1980—1981 годах и Андропов. Андропов и Ярузельский. Есть, есть за что советскому лидеру, умело и расчетливо идущему к верховной власти, ненавидеть польского генерала. Юрий Владимирович выиграл в Венгрии в 1956 году, выиграл в Чехословакии в 1968 году и потерпел сокрушительное поражение в Польше в 1976—1981 годах. И во

всем виноват непроницаемый истукан Войцех, этот жалкий шляхтич. И... вся брежневская свора, которая пошла у него на поводу. Так считает Андропов. Но у политики и истории свои оценки и своя логика.

Вот краткая хроника тех драматических лет.

Осень 1980 года. Польша охвачена антисоветскими (более верно — антирусскими) волнениями. Коммунистическое руководство страны деморализовано. Польша становится самой свободной страной в Восточной Европе: разрешены антиправительственные демонстрации, рабочие получают право на забастовки, свободная церковь и первые независимые, бесцензурные газеты.

Ноябрь 1980 года. Власть в Польской республике вот-вот окажется в руках свободных профсоюзов, у «Солидарности» во главе с Лехом Валенсой. Страна накануне всенародного восстания, которое наверняка сметет просоветский ненавистный режим, и в результате — это ясно политикам и в Москве, и в европейских столицах, и в Вашингтоне — Польша покинет «социалистический лагерь» и выйдет из военного Варшавского пакта.

Угрозы из Москвы подавить польскую «контрреволюцию» сыплются как из рога изобилия, но — не действуют. Не действуют и советские военные маневры на территориях, примыкающих к границам Польши: грохот танков у границ и рокот самолетов над польскими городами и весями заглушается всенародным патриотическим кличем: «Ище Польска не сгинела!»

На заседаниях Правительства и Политбюро Андропов убеждает: подавить польскую контрреволюцию военной силой. Немедленно, пока не поздно. Опыт есть: Венгрия, Чехословакия. (И тут надо заметить в скобках: слаб в истории русско-польских отношений Юрий Владимирович, более того — невежествен. Польша — не Венгрия или Чехословакия, в этих двух странах до известных событий не было антирусских настроений. В Польше у этих настроений, увы, вековые традиции. Как говорится, смотри любое пособие по польско-советским отношениям или соответствующие статьи в Большой советской энциклопедии, а еще лучше в энциклопедии Брокгауза и Эфрона. Например, товарищ Сталин, в отличие от нашего «революционного романтика», глубоко интересовался историей польского вопроса: недаром он отказал коммунистической клике, пришедшей к власти в Польше на советских штыках после Второй мировой войны, когда они запросились в состав Советского Союза на правах республики: уж больно

тяжела ноша, получили власть — правьте. Правда, правьте, как вам из Москвы повелят...)

Конец ноября 1980 года. Все донесения секретных агентов из Польши говорят об одном: страна на грани революционного взрыва. Брежнев и его «единомышленники» по Политбюро колеблются, хотя Андропов (ведь у него, Председателя КГБ, объективная информация из первых рук) продолжает настаивать: подавить военной силой, ввести мощный контингент советских войск. Брежнев колеблется... В его позиции присутствует неистребимое русское «авось»: глядишь, и как-то все само собой образуется. Стар, болен, устал... На все хочется закрыть глаза.

И тогда Андропов и его сторонники в военном ведомстве решают действовать проверенным методом: осуществить акцию за старческими спинами кремлевских «вождей» и поставить их перед свершившимся фактом. Опыт есть — Афганистан. Но существует одна проблема — Соединенные Штаты Америки. В случае советского вторжения Польша в лице ее новых лидеров из «Солидарности» может обратиться за военной помощью в НАТО, где США — первая скрипка.

Но тут сама история протягивает руку Юрию Владимировичу и его боевым генералам (как в армии, так и в КГБ): в Штатах предвыборная гонка — Картер против Рейгана (или наоборот); безвластие — старые правители еще не сдали свои полномочия, новые их еще не приняли. Не до Польши и прав человека в ней.

Леонид Ильич Брежнев отправляется с визитом в Индию, увозя с собой изрядную свиту ближайших соратников.

Час пробил, уважаемые товарищи и также леди и джентльмены!..

Первое и второе декабря 1980 года. Руководство польской операцией Андропов поручает командующему войсками Варшавского пакта маршалу Виктору Куликову. Не подведет маршал. В срочном порядке в армию призываются резервисты. По всем дорогам, ведущим к польской границе, непрерывными грохочущими потоками идут танковые колонны, тяжелая артиллерия и вереницы автомашин с пехотой. Военная армада из пяти отборных дивизий движется к «братской» стране, чтобы защитить от контрреволюции «социалистические завоевания» польских трудящихся.

В советской прессе, безропотно послушной командам из кабинетов КГБ, в эти два дня начинается беспрецедентная антипольская кампания: «советское общественное мнение» подготавливается к неизбежному акту — вторжению советских войск в Польшу, чтобы на следующий день в письмах тру-

дящихся, на бесчисленных митингах «одобрить и поддержать».

Ночь с третьего на четвертое декабря 1980 года. По радио оглашается «Заявление» Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии. Оно начинается словами: «Граждане, судьба нации и страны повисла на волоске». Через несколько часов то же радио Варшавы передает информацию: «...только что состоялась чрезвычайная сессия Комитета обороны, экстренно созванной министром, генералом Войцехом Ярузельским; обсуждены задачи, которые встали перед армией в сложившихся обстоятельствах».

Четвертое декабря 1980 года, утро. В сообщениях многих агентств мира проходит информация о том, что советским войскам отдан приказ о наступлении и переходе польской границы.

Ни у кого уже нет иллюзий: катастрофа неминуема.

После нападения гитлеровской Германии на Польшу первого сентября 1939 года в польской истории не было более драматической ситуации.

Мир поставлен на грань третьей мировой войны.

Но утром четвертого декабря произошло, казалось, уже невероятное: из дневных и вечерних выпусков радио и теленовостей в срочном порядке изымались сообщения ТАСС о контрреволюции в Польше. Замерли на западных дорогах СССР бронированные колонны советских войск — последовал приказ Верховного Главнокомандующего Леонида Брежнева прекратить наступление.

Что же случилось?

Генерал Ярузельский официально обратился к Советскому правительству и главе государства. Суть обращения была предельно конкретной: в случае вторжения он отдаст войскам приказ сражаться и призовет польский народ на борьбу с оккупантами. То есть начнется масштабная русско-польская война.

На этот раз победил здравый смысл. Очнулся от спячки Брежнев и проявил волю. Скорее всего, тут сработал инстинкт самосохранения.

Это было первое поражение Юрия Андропова в начавшемся единоборстве с генералом Ярузельским. Но не тот человек Юрий Владимирович, чтобы сдаваться после первого проигрыша.

Польская революция вступала в первую фазу: политического безвластия и уличной анархии. «Разделяй и властвуй!» — какой бессмертный тезис! Андроповым была сделана ставка на размежевание поляков, создание в польском обществе враждеб-

ных лагерей. Больше анархии! Больше беспредела! Пусть поляк идет на поляка, и не важно, коммунист он или антисоветчик. «Солидарности» советской пропагандой приписываются высказывания и действия, которые существуют в разработках, рождаемых в кабинетах КГБ. Польша, как и задумано, все больше погружается в анархию. Еще немного — и страна, находящаяся в состоянии политического и экономического хаоса, будет не в состоянии оказать сопротивление советским войскам, которые придут на помощь гибнущему коммунистическому режиму. Надо целенаправленно действовать — и ждать. Час икс не за горами...

Но Юрий Владимирович — надо отметить, от факта, как говорится, никуда не уйти — в силу бюрократического примитивного мышления, так и не поняв, не осмыслив «польский вопрос», проглядел, не оценил по достоинству одного человека, который для Польши в этот роковой год — 1981-й — стал спасителем отечества. Этот человек видел в анархии, с которой Андропов связывал все надежды в разрешении польской проблемы, главную угрозу для своей страны. «Покончить с анархией, и тогда Польша сможет противостоять «старшему брату — России» — такова была задача, которую он поставил перед собой.

Этим человеком был генерал Ярузельский.

Андропов не придал значения двум примечательным фактам в политической жизни Польши в этот бурный год: в феврале генерал Ярузельский стал премьер-министром, сохранив за собой пост министра обороны, а в октябре 1981 года был избран Первым секретарем Центрального комитета Польской объединенной рабочей партии. Подобного в «социалистическом лагере» Восточной Европы за всю его историю не было никогда. Если бы Юрий Владимирович Андропов (или его помощники) удосужился заглянуть в свод законов Польской Народной Республики, он бы обнаружил там прелюбопытнейший факт. А именно: Комитет обороны Польши состоит из трех человек: Первого секретаря правящей партии, Председателя Совета министров и министра обороны. Не удосужился. А зря... Теперь, в октябре 1981 года, Комитет обороны Польши состоял из одного человека — Войцеха Ярузельского. По существу, военный диктатор был уже налицо. Дело оставалось за малым: взять власть. Надо сказать, что для этого в хаосе и сумятице бурных политических столкновений и уличных беспорядков немногословный и непроницаемый генерал сделал немало: вводом лояльных ему высших чинов армии в правительственный кабинет и политбюро, по существу, поставил их под свой контроль, создал специ-

альные вооруженные отряды для борьбы с анархией и коррупцией, оставил в армии сорок тысяч солдат, подлежавших демобилизации. Наконец, он восстановил культ польских исторических героев Тадеуша Костюшко и Юзефа Пилсудского, которых официальная Москва считала злейшими врагами России. Вроде бы все сделано.

Неожиданно, во всяком случае для советского руководства и лично для Юрия Андропова, гром грянул тринадцатого декабря 1981 года. Это был день польского восемнадцатого брюмера: в Польше произошел военный переворот. Как сообщала на следующий день советская пресса, находящаяся еще в состоянии полушока, «военная хунта во главе с черным генералом Ярузельским захватила власть» (это потом начнется откат, смягчение формулировок, «сближение позиций», поиски компромиссов, жвачка о «единых» задачах в построении справедливого социалистического общества» и проч. и проч.). Тогда же, в декабре, факт был налицо: в Польше действительно к власти пришли генералы, установлена военная диктатура во главе с Войцехом Ярузельским, из всех правительственных структур были устранены лидеры «Солидарности» (некоторые из них арестованы, но вскоре всех выпустили на свободу).

С первых же дней решительно и без лишних слов в стране начала подавляться анархия. Польша постепенно превращалась в военизированный лагерь, способный противостоять советским войскам, если Москва во второй раз попробует решить силой «польский вопрос» в своих интересах.

Напрасно многие западноевропейские и американские эксперты считали, что «переворот Ярузельского» готовился и инспирировался Москвой. Он для советского руководства был такой же неожиданностью, как и для аналитиков западного мира.

Надо осознать неопровержимый факт: польские военные во главе с генералом Ярузельским взяли власть в стране, когда стало ясно, что «Солидарность» не в состоянии (на том историческом этапе) выполнить разработанную ею же программу демократических реформ, не поставив под угрозу суверенитет Польского государства. По существу, в декабре 1981 года революция в Польше из рук рабочих перешла в руки военных. Таким образом, генерал Ярузельский спас свою страну дважды — от вторжения советских войск и создал для польского общества историческую перспективу демократического и независимого развития.

В представлении автора этой книги Войцех Ярузельский является таким же национальным героем Польши, как Тадеуш Костюшко и Юзеф Пилсудский.

...Приход к власти генерала Ярузельского означал сокрушительное поражение Юрия Андропова, первое в его безукоризненной — по внешнему ряду — политической карьере.

Есть, есть за что ненавидеть Главному Идеологу Советского Союза польского генерала!..

...Было шесть часов тридцать пять минут (время московское).

На военном аэродроме в дальнем пригороде Праги светило ласковое солнце, уже довольно высоко поднявшееся в белесом небе.

По трапу Юрий Владимирович спускался в отличном настроении, чувствовал себя бодрым, свежим,— как после долгого, крепкого здорового сна.

Так... Кто там внизу? Толпа изрядная, и в стороне, за оцеплением солдат с белыми ремнями и в белых касках, журналистов — целая туча.

Отлично. Так и должно быть. Все идет как надо. Так кто же... Ага! Густав Гусак, естественно, собственной персоной: приветственный взмах рукой, нечто похожее на улыбку. Вокруг него — ближайшие сподвижники, человек пять. «Кажется, двоих знаю. А это кто? Улыбается до ушей. Да как же я сразу не узнал? Наш посол. Похож на ленивого сытого кота. Разжирел на вольных хлебах». Приветствия. «Добро пожаловать, Юрий Владимирович!», рукопожатия, улыбки; магниевые вспышки, журналисты напирают, их с трудом сдерживают солдаты.

«А что мои молодцы?» Здесь, здесь, они, растворившись в толпе встречающих, образовали вокруг него незримое оцепление.

Они стоят рядом, Густав Гусак, президент Чехословацкой Социалистической Республики («А ведь тоже не без моей помощи на троне») и Юрий Владимирович. Андропов ловит себя на мысли, не совсем понимая, почему она неприятна ему: «Мы с ним одного роста. И, наверное, одного веса. И плащ у него на мой похож...»

— Юрий Владимирович, наш разговор состоится через два с половиной часа...

— То есть как? — перебивает Андропов.

— Меня попросили ваши товарищи...— На лице чехословацкого президента растерянность.

— Да, да! — выныривает рядом Царевский и шепчет, почти касаясь андроповского уха своим длинным носом: — Врачи настаивают.

— Ах, так...— Он уже все понимает: не первый раз. И поворачивается к президенту братской страны: — Хорошо, товарищ Гусак.

— Вам, Юрий Владимирович, необходимо отдохнуть после ночного перелета. Вас ждет небольшая загородная резиденция. Она у нас для самых почетных гостей.

— Хорошо, хорошо...

Они оба идут к машинам по ковровой дорожке, положенной на влажное бетонное покрытие военного аэродрома.

...Теперь кортеж машин — головные, как и в Будапеште, сопровождают эскорт вооруженных мотоциклистов — замыкает медицинский микроавтобус с японским аппаратом искусственной почки.

На зеленом берегу Влтавы перед двумя первыми лимузинами бесшумно распахиваются створы старинных ворот. Довольно долгий проезд по аллеям парка, над которыми сплелись кронами платаны. Впереди возникает усадьба в стиле барокко, чем-то смахивающая на небольшой дворец, правда довольно безвкусный.

— Надеюсь, уважаемый Юрий Владимирович, здесь вам понравится.— Густав Гусак — сама любезность.— Советую воспользоваться бассейном. В нем местная минеральная вода, имеющая целебные свойства.

— Спасибо, мой друг.

Перед Андроповым распахивается дверца машины, один из телохранителей помогает выйти — уже ощущается слабость, дрожат колени, перед глазами возник прозрачный рисунок; змейки, скрученные спиралью, которые движутся рывками, не покидая поля зрения.

«Опять эта змейка. Хреново...»

Однако он видит и со змейками в глазах, что рядом с двумя лимузинами, замершими возле парадных дверей дворца, останавливается микроавтобус и две легковые машины, из которых выходит бригада его врачей.

Рядом с ним оказывается Клавдия Павловна, говорит тихо, дружески, интимно:

— Идите, Юрий Владимирович. Через полтора часа вы будете чувствовать себя абсолютным молодцом.

— Почему же вы не добавите: стопроцентным? — слабо улыбается Андропов.

— Стопроцентным молодцом.

...Рабочая встреча президента Чехословакии Густава Гусака и Секретаря ЦК Компартии Советского Союза, Главного Идеолога страны, члена Политбюро товарища Андропова проходит в Праге, в Старом Городе, в небольшой правительственной вилле, в стиле и обстановке которой начисто отсутствуют все официальные, помпезные, партийные приметы («Что он, сговорился с Кадаром, что ли?»). В небольшом уютном зале, главная достопримечательность которого — бекке́ровский рояль,— их только двое; из окон широкая, чарующая панорама Праги, утонувшей в нежно-голубоватой дымке. Андропов бодр, собран, на щеках появился легкий румянец.

Густав Гусак в сосредоточенном молчании выслушивает почти слово в слово то, что Юрием Владимировичем в Будапеште было сказано Кадару о состоянии здоровья Брежнева, о скором неизбежном уходе его на пенсию, что труднейшую ношу руководства страной в сложившейся ситуации вынужден принять на себя он, и:

— Я рассчитываю на понимание и поддержку чехословацких товарищей.

— Безусловно,— только и промолвил Густав Гусак.

А теперь второй важный тезис, который должны знать лидеры социалистических стран Восточной Европы (и весь мир):

— Наверняка я не сделаю для вас открытие, сказав, что советская экономика находится в катастрофическом состоянии. И моя первая задача — остановить сползание страны в пропасть... Буду называть вещи своими именами... В пропасть экономического краха...

— У нас в экономике подобные проблемы,— живо откликнулся чехословацкий президент.— Мы неотделимы от вас, плывем на одном корабле. Каким образом, Юрий Владимирович, вы собираетесь поправлять положение?

«Что за бестактный вопрос, кретин! Сколько ни дрессируй вас...» Затягивается пауза. От напряжения у Андропова на носу выступили бисеринки пота.

— Мною на предприятия провальных отраслей производства будут посланы талантливые и честные офицеры из армии и органов государственной безопасности. Это первый шаг, а там посмотрим. На стабилизацию в экономике, на то, чтобы отвести ее от пропасти, на краю которой она балансирует, мне, как минимум, необходимо два года. («Вот это основное! Это должны уяснить западные лидеры».) Два года международной стабильности и спокойствия.

Густав Гусак молчал...

...Проводы, рукопожатия, формальные краткие речи, напор корреспондентов (для них абсолютно безрезультатный), небольшая усталость, но никакой слабости («Я чувствую себя превосходно!»); разбег десантного самолета по бетонной полосе, взлет. Курс — на Берлин.

...Он лежит на тахте в своем воздушном кабинете, укрывшись пледом. Чувство удовлетворения, исполненного долга, но что-то скребет на душе.

За круглыми иллюминаторами — облака, облака.

Московское время — девять часов сорок минут.

«Что в Москве?... Отвлечься, отвлечься от московских проблем! Все, что нужно, сделано, и я там сейчас не нужен».

Юрий Владимирович лежит на тахте, закинув руки за голову, смотрит в белый потолок — на нем играют голубые и солнечные блики. Мелкое подрагивание самолета действует убаюкивающе.

«А Густав Гусак — умница. И — деликатен, интеллигентен. Впрочем, прежде всего — осмотрителен, напуганно-осторожен: ни одного вопроса о шестьдесят восьмом годе, никаких воспоминаний о тех событиях, как будто я к ним не причастен. Но ведь он-то знает!..»

Вот почему неспокойно на душе — от воспоминаний, если им дать толчок, не уйти. Пора бы к этому привыкнуть; для воспоминаний нет времени, они рядом, всегда в тебе, только лежат под спудом, этим камнем самосохранения. Но стоит обстоятельствам сдвинуть его хотя бы чуть-чуть — и в образовавшуюся щель воспоминания, обретая иллюзию сегодняшней реальности, вырвутся наружу...

... «Пражская весна» 1968 года: в Чехословакии реформаторское правительство Александра Дубчека; социализм с человеческим лицом. Но есть все основания сделать вывод, анализируя события, происходящие в «братской стране», что конечная — пока скрытая — цель восставших, правда, без всякого насилия чехов и словаков («бархатная революция») — выход государства из социалистического лагеря и военного Варшавского пакта. Во всяком случае, к такому выводу приходят аналитики из КГБ: в Чехословакии повторяются венгерские события 1956 года, мы теряем страну, спасет положение только масштабная военная акция! Подавить контрреволюцию можно и нужно, притом немедленно, силой грозного советского оружия.

Зададимся вопросом: зачем все это нужно нашему загадочному герою? Председатель КГБ спасает от развала социалистический лагерь? Нет. Он прекрасно знает, что «контрреволюция» в Чехословакии — блеф, там пришло к власти

«другое» правительство, но его члены — коммунисты. Правда, коммунисты новой формации, они действительно намереваются строить в своей стране «социализм с человеческим лицом» (наивные идеалисты! — с горечью приходится воскликнуть). Они и не думают покидать социалистический лагерь, рвать дружеские отношения, с Советским Союзом: другое дело — строить их на новой, равноправной основе. И все это доподлинно известно Андропову. Так в чем же дело?

Все элементарно, все просто, как мычание, дамы и господа, леди и джентльмены, а также уважаемые товарищи. После своей «победы» в Венгрии, высоко оцененной Никитой Сергеевичем Хрущевым и остальными членами Политбюро (разве что за исключением «серого кардинала» Суслова — обидчив, обидчив старец — и мстителен), после того как политическая карьера Юрия Владимировича резко пошла вверх, а также возрос его авторитет среди правящей партийной элиты, им была поставлена цель — уверяю вас, именно тогда: верховная власть в стране. Для этого надо доказывать только одно: в труднейших ситуациях, когда надо спасать страну, коммунистическую идею, «социалистический лагерь»,— ты поступаешь решительно, умело, находишь оптимальные варианты действий — и побеждаешь. Побеждаешь, опираясь на силу. Ну а если этих ситуаций нет — их надо умело создать.

И разве «контрреволюция» в Чехословакии в 1968 году, эта чертова «пражская весна» не почва, на которой, посеяв правильно подобранные зерна, можно будет собрать нужный урожай?

— Товарищи, ситуация крайне опасная. Информация, которой я обладаю, свидетельствует об одном: мятеж ширится по всей стране, антисоветские настроения захватывают все новые слои населения, контрреволюция вооружается. Еще и еще раз говорю вам: только вводом войск в Чехословакию мы предотвратим катастрофу. Ведь вы не хотите вторую венгерскую трагедию?

Внимательно слушают Председателя КГБ члены Политбюро, покряхтывает Леонид Ильич Брежнев. Все остальные молчат, поглядывая на него.

— Но, товарищ Андропов...— наконец говорит глава Советского государства.— Уж больно не похожа сегодняшняя Чехословакия на ту Венгрию.— «Да, да, не похожа»,— кивают прочие члены Политбюро.— Где факты, подтверждающие контрреволюцию в братской стране? Где вы обнаружили вооруженное сопротивление? — Леонид Ильич разводит руками.— Не будем пороть горячку. Проведем с чехословацкими товарищами переговоры за круглым столом. Думаю, догово-

римся.— «Договоримся, договоримся»,— кивают члены.— В крайнем случае пойдем на некоторые компромиссы.— «Пойдем! Пойдем!» — чуть ли не хором.

«Ах, вам нужны факты? Доказательства? Ладно! Они будут».

И тут надо сказать прямо: если бы не целенаправленная, иезуитская, но достаточно часто и нагло-лобовая деятельность (не было времени на нюансы и тщательную проработку операций) КГБ в тесном контакте с местной тайной полицией, которой руководили «воспитанники» Лубянки,— не было бы вторжения советских войск в «братскую страну».

Но прежде чем собрать «факты», которые убедят советское руководство в необходимости военной акции против взбунтовавшейся Чехословакии, Андропов должен решить одну очень сложную задачу: учитывая опыт Венгрии, он понимает, что нельзя допустить прямого военного столкновения советских войск с чехословацкой армией: начнется война, в которой весь народ, судя по настроениям общества, поддержит армию, встанет на защиту своей страны. Это будет именно народная война, которая погрузит страну в кровавый хаос, и конец ее непредсказуем. Есть только один выход: парализовать армию Чехословакии, создать ситуацию, при которой ее сопротивление было бы невозможно.

И разрабатывается масштабная провокация — не откажешь Юрию Владимировичу в коварстве, вероломстве и изощренности ума: чехословацкая армия получает секретный приказ Верховного командования Вооруженных сил стран Варшавского договора. В нем говорится: «По полученным агентурным данным возникла реальная угроза странам социалистического содружества со стороны вооруженных сил ФРГ, которые будут поддержаны военной мощью НАТО. В этой связи «произвести концентрацию своих сил вдоль границы с Западной Германией и тем самым обеспечить оборону Чехословакии и всего лагеря социализма».

В течение месяца, с пятнадцатого июля по пятнадцатое августа 1968 года, происходит передислокация чехословацкой армии — одиннадцать дивизий (всего их двенадцать) занимают оборонительные рубежи на своей западной границе, вызывая удивление и крайнюю озабоченность у правительств европейских стран, прежде всего у Западной Германии.

Пятнадцатого августа «необъяснимая» (с позиций здравого смысла) военная операция завершается. На нее ушел ровно месяц.

Шестисоттысячной советской армии при поддержке семи тысяч танков для достижения поставленной цели потребова-

лось пять дней: сметая все на своем пути, в том числе в социалистическом отечестве по причине безобразного состояния дорог, в ночь с двадцатого на двадцать первое августа «дружественные войска» несколькими колоннами пересекли советско-чехословацкую границу, вторгшись в пределы «братской» страны.

Но пока двадцатое августа еще не наступило, чешская армия движется к западным границам спасать социалистический лагерь. Члены Политбюро во главе с Генеральным секретарем еще колеблются: вводить ли войска? А КГБ между тем собирает «факты», создавая для них соответствующие ситуации.

И одна акция «людей Андропова» и их чехословацких подельников весьма конкретна: первым из новых руководителей Чехословакии агентами КГБ арестовывается министр обороны страны Мартин Азура. Профилактическое мероприятие: дабы не успел отдать приказ армии оказать сопротивление — ведь день (вернее, ночь) икс близка...

Между тем армия Чехословакии движется к своим западным границам. Советские генералы ждут тайного приказа для внезапного блицброска: «чехословацкая операция» тщательно разработана, но пока в ее детали не посвящены ни члены Политбюро, ни члены правительства. «Так, есть кое-что. Заготовки. На всякий случай».

(Из воспоминаний председателя Национального собрания Чехословакии Йозефа Сморковского: «Я могу сказать, что до половины двенадцатого ночи двадцатого августа я никогда раньше не слышал ни прямо, ни через второе лицо, что они решили войти на нашу территорию и занять нашу страну».

Из выступления первого секретаря ЦК Коммунистической партии Чехословакии Александра Дубчека накануне советского вторжения: «Как вы, товарищи, вообще можете думать, что братская социалистическая страна нападет на нас?»)

Кстати, КГБ для «внутреннего пользования» запустило «утку», что советские войска вошли в Чехословакию за два часа до того, как это собиралась сделать армия ФРГ, тем самым сорвав планы поджигателей войны. В атмосфере нагнетания слухов о пока подпольных действиях контрреволюции, которую, правда, никто в глаза не видел, при начавшихся ночных арестах сторонников «социализма с человеческим лицом»,— в этой противоречивой взрывоопасной обстановке начались переговоры правительственных делегаций СССР и Чехословакии в пограничном словацком местечке Чиерне-над-Тиссой. Делегацию Советского Союза возглавил Леонид Ильич Брежнев.

А накануне переговоров ведомством Андропова и членам Политбюро, и лично Генеральному секретарю, и советской общественности, и ошеломленной Чехословакии — всему миру были представлены «неопровержимые факты» действий контрреволюции и подготовки ею свержения социалистического строя.

Вот эти факты.

В нескольких областях Западной Украины распространяются листовки,— по утверждению советской пропаганды, отпечатанные в Чехословакии,— в которых звучит призыв отторгнуть Закарпатскую Украину и присоединить ее к Чехословакии; чехи и словаки придут с оружием в руках на помощь к братьям украинцам, когда начнется справедливая борьба с москалями. (Кстати, эту листовку, как вещественное доказательство, во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой, предъявляет чехословакам украинский вождь Петр Шелест, а на следующий день он вынужден приносить извинения: простейшая экспертиза разоблачает фальшивку.)

Недалеко от города Соколова, в Северной Баварии, обнаружен склад американского оружия, секретно переданного янки для чехословацкой контрреволюции. Правда, очень скоро устанавливается: оружие действительно американского производства, но смазка на нем из Восточной Германии, и рядом обнаружены рюкзаки, в которых контрреволюционное оружие было доставлено и, очевидно, в спешке брошенные, на них русские надписи. Но это уже досадные мелочи. И вторая часть информации далеко не до всех доходит, и уж точно не достигает ушей членов Политбюро...

Поступает убийственное сообщение: разведкой Восточной Германии перехвачено письмо директора Еврейского центра по расследованию преступлений нацистов в Вене Симона Визенталя; в нем содержится информация, что — страшно подумать! — «пражская весна» — дело рук сионистов, получивших поддержку в осуществлении своего коварного замысла у империалистических кругов Соединенных Штатов Америки. Нелепость выдумки очевидна, и на Западе эта чушь даже не опровергается. А в Кремле и в определенных кругах советской общественности верят, преисполненные патриотического гнева: антисемитизм — болезнь, поражающая разум.

...Два человека Андропова делали всю эту «грязную работу» (естественно, в их подчинении была целая армия тайных агентов, «бойцов невидимого фронта» обеих стран) — посол Советского Союза в Чехословакии Степан Червоненко и офицер КГБ, наверняка высокого ранга (появлялся он на людях в штатском), Иван Удальцов. Оба были на виду,

действовали почти открыто, их хорошо знали в правящих кругах страны и с ними связывали всю разнузданную кампаиию по созданию «контрреволюции» в Чехословакии.

(Из воспоминаний Йозефа Смрковского:

«На переговорах в Чиерие-иад-Тиссой я говорил главе Советского государства:

— Товарищ Брежнев, эти двое представителей Советского Союза оказывают иашей дружбе медвежью услугу. Вас иеправильио информируют. Поедемте к ним, товарищ Брежиев, в Прагу, в Брио, в Пльзеиь, в Братиславу, выбирайте, куда хотите. Мы поедем с вами. Увидите, как иаш иарод поддерживает коммуиистическую партию, социализм, дружбу с Советским Союзом. Поезжайте и убедитесь сами: имеющийся у вас материал, свидетельствующий о якобы существующей контрреволюции в иашей страие,— это собранные отовсюду сплетни, мелочи и фальшивки.

Ои ие поехал...»)

Руководители Чехословакии не знали, что товарищи Червоненко и Удальцов лишь прямые исполнители (особеиио последний) того, что предписаио им Главиым режиссером иачавшейся исторической драмы — Председателем КГБ Юрием Владимировичем Андроповым. И режиссер-постановщик не где-то в московском далеке, ие в своем кабинете иа Лубянке. Когда началась подготовка «чехословацкой операции», Андропов иесколько раз иикогнито появлялся в Праге, а в решающие дии советского вторжения иаходился там постоянно, личио руководя действиями своей «иевидимой» и видимой армии. Одии из тайиых кабииетов Главиого режиссера иаходился в доме иа Бортоломейской улице, в котором размещалась штаб-квартира чехословацкой госбезопасиости — там клокотал котел с кровавым варевом: составлялись списки «контрреволюциоиеров», подлежащих немедлеииому аресту, фабриковались «дела» на неугодных лиц, разрабатывался план молииеиосиого ареста руководства страиы и партии во главе с Александром Дубчеком, готовились иовые «акции» чехословацких врагов социализма. Режиссер ставил масштабиый исторический спектакль, точиее сказать, историческую трагедию, ио сам был иевидим.

(Из иитервью журиалу «Шпигель» бывшего майора КГБ Станислава Левчеико, ставшего иевозвращеицем в 1979 году:

«Андропов очеиь скрытиый человек. Ои ие стремится к тому, чтобы о ием вообще было что-либо известио, предпочитая оставаться иепроницаемым. Даже в своей работе,— хотя всеми операциями руководит лично ои, все, что происходит в КГБ, делается только с его ведома и под его руководством,

он часто предпочитает оставаться в тени, предоставляя техническую сторону дел своим помощникам».)

Переговоры в Чнерне-над-Тнссой не дали положительных результатов: перевесили «факты», предоставленные ведомством Юрия Андропова о «контрреволюцнн» в Чехословакнн, помноженные на имперскне амбнцнн кремлевских вождей. Андропов победил. Но это была нелегкая победа. Прн голосованнн на Политбюро — «вводить — не вводить» — голоса распределились так: семь — «за», пять «против». Согласитесь: дальнейшая карьера нашего триумфатора внсела на волоске — еще бы один голос «против» — и все бы могло измениться: шесть на шесть... Но и это истнна: у нсторнн нет сослагательного наклонення.

Наступила ночь с двадцатого на двадцать первое августа 1968 года. Свершнлось! И обратного хода не будет. Мой сумрачный герой может торжествовать: он действнтельно победил.

Не важно, что потом события в нсторнческой трагедии развнвалнсь не совсем так, как в написанной пьесе. Например, не удалось арестовать правительство завоеванной страны, посадить на скамью подсудимых н устроить показательный судебный процесс (учиться, учиться у Иоснфа Внссарноновнча!), Александру Дубчеку — уготовить судьбу Имре Надя: под давленнем многих обстоятельств советское руководство и лнчно товарищ Брежнев (которые теперь действовали — куда деваться? — почти под диктовку Председателя КГБ) вынуждены былн «полнтнческнх преступннков», прнвезенных в Москву, превратить в «участннков переговоров». Лншь один нз высоких пленников, председатель Народного фронта Чехословакин Франтишек Клигель отказался прннимать участие в этом недостойном спектакле. (Свидетельство члена арестованного чехословацкого правительства Зденека Млынаржа: «...И Франтишек был прав. Как подтвердило будущее, его поведенне гораздо точнее отвечало ситуации, чем наше: нас ведь действительно шантажировали, ио мы тешили себя иллюзней, будто мы все еще политики, с которыми ведут переговоры политики другой страны».)

Тем не менее и на этот раз дело было сделано. И если Венгрию Андропов превратил в безмолвное кладбнще, то Чехословакия после его «плодотворной деятельности» снова была загнана в барак соцналистического лагеря, с темн порядками, которые были милы кремлевским сидельцам.

...Но чехословацкнй барак остался бурлящим и непокорным.

Я, автор этого повествования, через год, весной шестьдесят девятого, попал в Чехословакию с туристической группой из Тулы, в которой в ту пору жил и работал. Я оказался в клокочущей, бурлящей митингами Праге, увидел на улицах и площадях лица людей, полные страсти и вдохновения,— не сдадимся! Будем бороться! Я не раз в разных обстоятельствах испытал на себе ненависть и презрение к нам, русским. На отеле, в котором мы жили, недалеко от Вацлавской площади, каждую ночь появлялась огромная надпись: «Русские, мы вас любили!» Днем ее стирали, наутро она была на месте: «Русские! Мы вас любили!..» Высшего национального позора я не испытывал никогда.

Мы оказались опять в Праге, совершив поездку по стране, когда со всех постов снимали Дубчека. С утра была какая-то загородная экскурсия, мы возвращались в столицу непокоренной Чехословакии во второй половине дня. На перекрестках шоссейных дорог — советские и чехословацкие танки. Нас обгоняют крытые машины, в них наши солдаты — растрепанные, хмурые лица. В Праге, на улицах и площадях,— возбужденные, кипящие толпы людей, полицейские машины, отряды солдат, и советских и чехословацких. В номере отеля включаю телевизор — выступает Александр Дубчек, он что-то страстно говорит соотечественникам, слезы стоят у него в глазах. Невозможно смотреть, невыносимо. Какой наш позор, какое горе...

Я выхожу на улицу. Напротив отеля в окне дома на третьем или четвертом этаже выставили телевизор, и звук многократно усилен какой-то техникой: голос Александра Дубчека звучит громко, резко.

Перед домом собирается толпа, людей все больше и больше. Кто-то поднимает над головой большой портрет руководителя чехословацких коммунистов.

— Дуб-чек! Дуб-чек! — скандирует толпа.— Дуб-чек! — катится над улицей, которая уже заполнена народом.

Он говорит, я слышу в его речи слово «русские» — и вдруг все, кто стоит рядом со мной, разом поворачиваются к отелю, в котором мы живем (в нем традиционно останавливаются туристы из Советского Союза).

— Рус-ские, до-мой! — скандирует толпа, и громкое грозное эхо катится над ней.— Рус-ски-е! До-мой!..

Над головами еще портреты тех лидеров страны, которых ведомство Андропова объявило контрреволюционерами и врагами социализма. Плакаты, плакаты, плакаты... На одном, огромном, его держат парень и девушка, по облику явно

студенты, написано по-чешски и по-русски: «Да здравствует свобода!»

...Если даже до этого часа ничего не знать о стране, в которой ты живешь, не задумываться о режиме, поправшем ее, достаточно только этого часа невольного участия в драматическом стихийном митинге в оккупированной, но непокоренной Праге, чтобы прозреть.

В 1968 году я ничего не знал о демонстрации двадцать пятого августа на Красной площади восьмерых настоящих граждан нашей страны, ее патриотов, в защиту Чехословакии. С этой демонстрации, собственно, и началось диссидентское движение в Советском Союзе: о ней, естественно, промолчали средства массовой информации Советского Союза, а по «вражеским голосам» я о ней не услышал, пропустил.

Весной 1969 года, вернувшись из Чехословакии, я не находил себе места — мне было мало кухонных разговоров и рассказов об увиденном и пережитом друзьям (только самым близким друзьям...) — я искал возможности хотя бы что-нибудь сказать своим согражданам о Чехословакии, увиденной мною, и о том, кто мы там. Сказать прямо не было никакой возможности. Мне удалось совсем-совсем немного... В тульской комсомольской газете «Молодой коммунар» я опубликовал серию очерков «Крымские записки», которые начал писать той же весной, находясь в Коктебеле, под Феодосией. Вот отрывок из очерка «У Айвазовского»:

«В Феодосийской галерее я был несколько раз, в разные годы, и всегда поражала меня одна картина. Не только мастерством исполнения, но и замыслом. «Наполеон на острове Святой Елены» — так называется она.

...У крутых скал бушует огромный могучий океан. Величественные валы, в пене и брызгах, идут на пустынный остров. Океан, обрывистые дикие берега, хмурое небо. И на утесе крохотная одинокая фигурка в характерной позе: на высокий лоб надвинута треуголка, руки скрещены на груди, правое колено немного выставлено вперед. Император Наполеон, бывший властитель Европы, мечтавший силой оружия положить к своим ногам весь мир, перед лицом вечной стихии. Как он ничтожен рядом с мудростью и силой океана! Крах честолюбивых мечтаний, печальный финал, казалось бы, такой блистательной жизни. Для меня Наполеон никогда не может быть исторической личностью, достойной восхищения, я не понимаю гения, избравшего войны, насилие и убийства путем к намеченной цели. Тем более когда достижение этой цели, пусть даже совпадающей с понятием социального и политического прогресса на данном этапе исторического развития,

связано с подавлением и узурпированием военной мощью других стран и народов. Думаю, что именно так воспринимал воинственного императора Айвазовский, и это восприятие нашло пластическое воплощение в полотне «Наполеон на острове Святой Елены». Великая картина!» («Молодой коммунар». 21.4.1969.)

Поняли мои читатели подтекст этих сентенций в контексте времени, в котором мы жили тогда? Думаю сейчас, что если и поняли, то единицы...

...Юрий Владимирович Андропов тряхнул головой, стараясь прогнать воспоминания: «Все, все! Хватит! Опять замелькала эта загадочная змейка перед глазами — повышается давление. Ну, хорошо... Только это... Ведь кто сейчас об этом знает? Узкий круг посвященных. И круг этот становится все безлюдней. И он, истукан с нечленораздельной речью. Впрочем, тогда он еще не был истуканом».

Как не вспомнить? Но какое тяжкое, мучительное воспоминание! Не удалось, не сумел переломить...

...На танках, входивших в Чехословакию в 1968 году, на их башнях, были две белые полосы — для того, чтобы советская авиация с воздуха не спутала свои бронированные машины с другими (допускались две возможности: или «братская страна» окажет вооруженное сопротивление, и возможен вариант танковых боев, или войска НАТО войдут в Чехословакию, в которой, по их понятиям, «попираются права человека»,— и тогда сражения танковых армад неизбежны... Того и другого, как известно, не случилось).

Но по-разному были нанесены эти белые полосы на башни советских танков: на одних — две параллельные линии под небольшим углом по ходу машины — и им надлежало войти в Чехословакию. На других башнях белые полосы пересекались крестом, и танкам с этими белыми крестами был предписан иной маршрут, вернее, дальше, через Чехословакию, в другую страну...

В самый разгар советского вторжения в Чехословакию на даче Леонида Ильича Брежнева появился Председатель КГБ (он только что прилетел тайно из Праги и ночью намеревался туда вернуться). На террасе, где вождь Советского государства подремывал в удобном плетеном кресле, их было двое.

— Леонид Ильич,— сказал Андропов.— Появилась уникальная возможность, которую нельзя упустить ни в коем случае.

— Какая возможность?

— Через несколько дней с контрреволюцией в Чехословакии будет покончено. Армия исполнила свой интернациональный долг.

— Так. И что дальше? — От полудремоты Брежнева не осталось и следа.

— В несколько дней, крайнее в течение двух недель, мы можем покончить с режимом Тито в Югославии и вернуть страну в социалистический лагерь и в Варшавский пакт.

— Что?..— Мохнатые черные брови в изумлении поползли на лоб.— Что?..

— Вот, Леонид Ильич, тщательно подготовленный и в деталях проработанный план, где учтены все нюансы и возможные непредвиденные обстоятельства.— Андропов положил перед ошеломленным главой сверхдержавы и Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами внушительных размеров папку.— Другой такой уникальной возможности не будет. Приказ — и через несколько часов стремительного броска наши танки в Белграде. И — надо спешить. Для согласований в Политбюро нет времени, дорог каждый час. Как говорят у нас в народе, куй железо, пока горячо. Скажем, в течение часа или двух вы изучаете наши разработки, подписываете...— Андропов щелкнул пальцами по кожаной папке.— И сегодня же ночью или завтра на рассвете операция начинается!

— А Запад? — тихо спросил Брежнев.

— Запад проглотит! — воспрянул Председатель КГБ.— В том-то и дело! Повторяю: другой такой ситуации не будет. Запад в шоке... И пока он в шоке... Вы знаете, какой приказ приняло правительство ФРГ? — Брежнев молчал.— Вернее, это жесткая рекомендация. Всем водителям автомобилей на дорогах, ведущих к чехословацкой границе, за десять километров от нее вечером и ночью гасить фары. Дабы мы не приняли их за военные колонны, идущие на помощь контрреволюционерам. Каково? Так когда же, как не сейчас?

— Нет,— твердо сказал Брежнев, отодвигая от себя папку с чудовищным планом.

— Но... почему? — Голос Андропова сорвался.

— Вы хотите, Юрий Владимирович (тогда они были еще на «вы»), чтобы с моим именем потомки связывали начало третьей мировой войны? Нет!

И Леонид Ильич Брежнев, тяжело поднявшись из плетеного кресла, больше ничего не сказав, покинул террасу.

...Нечто похожее на стон вырвалось у Юрия Владимировича сквозь плотно сжатые побелевшие губы. И опять появился озноб. Холодно.

«Глупец, глупец! Если бы он меня послушал тогда! Перевес в Европе был бы на нашей стороне. Можно было бы снова начинать во Франции и в Италии. А там...»

Решительно, торопливо постучали в дверь.

«Царевский».

— Входите, Илья Евгеньевич.

На лице первого помощника Председателя КГБ было беспокойство пополам с явным испугом:

— На связи Камарчук. У него для вас срочное сообщение. Перевести на ваш телефон?

Андропов резко поднялся, отбросив мохеровый плед.

— Я же сказал ему...— В голосе Главного Идеолога прорвалась ярость. Но он тут же взял себя в руки.— Я же сказал Василию Витальевичу: сам свяжусь с ним.— Теперь Андропов говорил спокойно, ровно и устало.— Он знает, что ему делать, от и до. Вот и пусть делает свое дело. Идите и так ему и передайте.

— Слушаюсь, Юрий Владимирович.— Царевский повернулся к двери.

— Постойте! — В голосе воздушного путешественника опять появились нотки если не ярости, то негодования.— Скажите товарищу Камарчуку, что от успешного завершения дела зависит его карьера. Ну... не в такой прямой форме. Найдите более... мягкую формулировку этой мысли.

— Будет сделано. Формулировку найду.

— Да! Илья Евгеньевич, когда нас принимают в Берлине?

Царевский взглянул на ручные часы.

— Сейчас одиннадцать десять. В Берлине расчетное время посадки двенадцать двадцать пять. То есть лететь еще один час пятнадцать минут.

— Хорошо, Илья Евгеньевич. Ступайте. Снимите с телефона Василия Витальевича. Он там, наверное, нервничает.

Царевский бесшумно исчез.

«Все. Собраться. Немцу я скажу третий тезис. Он плавно вытекает из второго. Собраться... А сейчас — принять горячий душ».

...Было без четверти тринадцать часов (время московское), когда десантный самолет с Андроповым и его спутниками на борту совершил посадку на засекреченном аэродроме той

части Берлина, который был столицей Германской Демократической Республики. Это был правнтельственный аэродром.

В Берлнне шел осенний, монотонный, беспросветный дождь. Спускаясь по трапу, Юрий Владимирович был неприятно удивлен, увидев солдат в парадной форме, замерших по команде «Смирно!» и готовых к ритуальному церемонниальному прохождению.

«Черт бы побрал этого Эрнха! Мне с ним придется шествовать мимо этих оловянных истуканов. Ведь договорено было: при встрече никакнх протокольных хреновин. Не могут немцы без маршей, парадов, печатанья строевого шага. В кровн, что ли?»

Над Андроповым стремительно распахнулся огромный черный зонт, громко щелкнув, и от этого звука Юрий Владимирович вздрогнул, екнуло сердце.

«Олухи! Наверняка этот идиотскнй зонт отечественного производства, по «спецзаказу».

Зато зонт наполовину закрыл толпу встречающих.

«И прекрасно! По крайней мере, не все эти рожи на виду».

По зонту над головой барабанил дождь.

Невидимый оркестр грянул воинственный марш.

«Илн это их гимн? Скорее! Скорее покончить со всей этой суетой». Рукопожатия, заученные улыбки, краткие речи, какая-то сумятица и давка за спиной: «Господин Андропов, чем объясняются ваши встречи с лидерами трех стран? Какова прнчина?» («А пошел ты...») Откуда взялся этот кретинский плакат? «Пламенный привет от немецких рабочих верному ленинцу товарищу Андропову!»

«Господн! Сколько же кругом иднотов!»

— Расступнтесь, товарнщи! Расступнтесь! Прошу, Юрнй Владимировнч!

...Вереница правительственных машин на бешеной скорости мчится по мокрым, серым улнцам Восточного Берлина, естественно, в сопровождении мотоциклистов, периодически издающи: пронзительные сирены.

«Хоть ума хватило не согнать трудящихся на улицы для торжественной встречи. И за то спасибо. Где же состоится моя беседа с Первым секретарем Соцналистнческой единой партин Германин, Председателем Государственного совета и главой Германской Демократнческой Республики? А, все равно. Лишь бы скорее все это закончить.— И, прорвав волевую преграду, в сознании вспыхивает вопрос, написанный раскаленными красными буквами: — Что в Москве? Как там?.. Скорее, скорее все закончить здесь и... Нет, сначала позвоню.

Позвоню, когда вылетим из Берлина. Или нет... Когда приземлимся у себя».

...Машина сбавляет ход, кортеж черных лимузинов появляется на площади, абсолютно пустой, перед огромным помпезным, давящим своей каменной мощью зданием Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии.

«Значит, он выбрал для аудиенции свой партийный кабинет. Что же, резонно».

Мраморные лестницы, пустые залы, аскетическая скромность интерьеров, безлюдье.

И наконец, огромный прохладный кабинет: письменный стол похож на теннисный корт; портреты вождей всех братских коммунистических партий.

— Прошу, товарищ Андропов. Вот мы и одни.

Правда, в кабинете присутствуют четверо — беседа идет через переводчиков, геноссе Эрих Хонеккер не знает русского языка, а если и знает, то «отшень, отшень плёхо»; во всяком случае, думает он по-немецки. И все-таки они одни. На переводчиков не стоит обращать внимания — они не люди, а живые механизмы, приспособленные для дела. И — только.

— Итак, мой друг Эрих...

У вождя одной половины немецкого народа округляются глаза: он впервые встречается с товарищем Андроповым. И потом... Раньше ни один высокий лидер Советского Союза не обращался к нему так неофициально, даже товарищ Брежнев.

«Ничего, ничего! — Андропов прямо смотрит в лицо собеседника и еле заметно улыбается.— Ты будешь моим другом. Или не будешь никем».

— Вот какие обстоятельства, мой друг Эрих, побудили меня прибыть к вам...

Далее все повторяется почти синхронно: здоровье Леонида Ильича («Да, да, увы, всех нас рано или поздно ждет пенсия»), ситуация в руководстве страной — тяжкая ноша власти, которую по просьбе товарищей из Политбюро он вынужден взвалить себе на плечи; критическое положение в советской экономике, нужно хотя бы два года стабилизации и внутри страны и...

— Нам абсолютно необходим период международного спокойствия,— вздыхает Юрий Владимирович.

И тут Эрих Хонеккер спрашивает с немецкой прямолинейностью:

— А как же Афганистан?

«Молодец, Эрих! Хороший вопрос. От него я и оттолкнусь — для главного тезиса».

— Поверьте мне: мы, может быть, больше всех заинтересованы в мирном разрешении афганской проблемы. Мы готовы пойти на уступки! Уточню: на почетные уступки. Они возможны при одном непременном условии: Афганистан должен остаться в сфере советского влияния. Будет достигнута такая договоренность с Западом — мы тут же начнем поэтапный вывод войск.

Эрих Хонеккер молчит, наморщив лоб,— он думает.

— Не скрою от вас, мой друг Эрих...— «Вот! Сверхглавное. Основной аккорд. Нота бене!» — Далеко не все члены Политбюро разделяют эту мою...— на слове «мою» сделано ударение,— точку зрения. Да и в ЦеКа партии у меня еще много врагов. Поэтому, как политический лидер страны, я не могу сделать односторонние уступки. Первым эти уступки должен сделать Запад. И — я отвечу на них. Но не сразу. Через год. Может быть, через два. В зависимости от того, как будут развиваться события.

По лицу Хонеккера Юрий Владимирович читал: «Немчик начинает понимать. Он, похоже, допер до того, в чьих руках сейчас в Москве реальная власть. Что же, пора!»

— И я, товарищ Хонеккер, очень надеюсь, что руководство ГДР и лично вы поддержите меня в ближайшее время, которое, судя по всему, будет решающим для судьбы Советского Союза и всего социалистического лагеря.

Глаза первого коммуниста Германии воинственно сверкнули. Юрий Владимирович совсем бы не удивился, если бы Эрих Хонеккер сейчас вскочил, вскинул руку в фашистском приветствии «Хайль!» и гаркнул бы: «Яволь!»

Но хозяин кабинета только сказал тихо и твердо:

— Мы вас поддержим, товарищ Андропов.

«Все! Все!.. Домой».

...Краткий товарищеский ужин, тосты и здравицы (Юрий Владимирович ни к спиртному, ни к изысканной еде почти не притрагивался); стремительная езда на немецких «членовозах» по берлинским улицам (дождь разошелся еще пуще, и город казался особенно мрачным и неприветливым).

Аэропорт. От машин полицейские теснят огромную толпу журналистов. («Господа! Товарищи! Встречи с прессой не будет!») Черный зонт над головой, по нему барабанят частые дождевые капли. Внял Эрих: проводы неофициальные, никаких протокольных мероприятий. Нет солдат, нет оркестра, минимум официальных лиц. («Главное — вовремя и четко отдать приказ».) Скорее вверх по трапу. В дверях обернуться, сделать ручкой. Так... улыбка. Все!

...Уже лежа на своей тахте под теплым пледом, он ощущает разбег десантного самолета по взлетной полосе. Безмерная усталость. Но и чувство удовлетворения, исполненного долга.

Курс — на Москву. Московское время — пятнадцать часов сорок минут...

...Между тем события в Москве в этот день, десятого сентября 1982 года, разворачивались следующим образом.

Рано утром — Николай Анисимович Щелоков еще и не просыпался — в спальне московской квартиры министра внутренних дел раздался телефонный звонок в аппарате прямой связи с Генеральным секретарем, то есть звонили из канцелярии товарища Брежнева со Старой площади.

Министр в помятой пижаме, пропахшей табаком и потом, неверной со сна рукой схватил трубку телефона.

— Щелоков у аппарата.— «Что-то стряслось». Дурное предчувствие охватило его.

— Здравствуйте, Николай Анисимович.— Голос был официальный, вежливый, но ощущалось в нем напряжение.— Вам надлежит быть в кабинете Генерального секретаря в восемь часов.

— Сегодня? — впав в панику, спросил министр.

— Разумеется.

— Так, может быть, мне сейчас...— Николай Анисимович взглянул на ручные часы, которые лежали на тумбочке, стоящей рядом с кроватью: было без двадцати семь,— подняться к Леониду Ильичу и...

— Генеральный секретарь,— прервали его,— в настоящий момент едет на работу из Заречья в ЦК партии для встречи с вами, Николай Анисимович.

В телефонной трубке треньнуло, и связь оборвалась.

«Пропал,— подумал министр.— Да что же случилось?»

Ничего конкретного: «Почему? Зачем?» — он предположить не мог, и от этого становилось совсем худо.

...Однако в восемь часов утра пять минут — все-таки опоздал, как ни торопился,— Николай Анисимович Щелоков, подтянутый, напряженный, в генеральской форме, отлично сшитой по его фигуре, появился в кабинете Генерального, сопровождаемый молодым помощником Брежнева, который, доставив министра пред державные очи, тут же удалился.

Леонид Ильич неподвижной глыбой зависал над письменным столом и вид имел хмурый, недовольный, невыспавшийся. Ему явно предстояло сейчас сделать то, чего делать не хотелось, то есть не то чтобы не хотелось, а страшно — но надо. Что

надо, он чувствовал инстинктом старого вожака, чью волчью стаю загоняют в квадрат, огороженный красными флажками.

— Доброе утро, Леонид Ильич.— Голос у министра внутренних дел неожиданно осип.

— Не такое уж оно доброе.— Брежнев шевельнулся и опять застыл в своем кресле.— Садись, Николай, сюда, чтобы я видел твои глаза, и слушай. И постарайся не задавать лишних вопросов.

— Я весь внимание, Леонид Ильич.

— Ишь ты! — Генеральный слабо улыбнулся непослушными губами.— Говорить вы все у меня стали мастаки. «Весь внимание...» Так слушай, Николай. Я, как глава государства и Генеральный секретарь нашей партии, отдаю тебе приказ... Смотри, смотри мне в глаза! Отдаю приказ: немедленно, сейчас арестовать Юрия Владимировича Андропова.

— Что?!

— Или давай так... Другая формулировка. В интересах безопасности государства подвергнуть товарища Андропова задержанию... Ну... скажем, на трое суток. А там — поглядим.

— Леонид Ильич! Но... В чем дело? На каком основании?

— Коля! Ты...— Генеральный, наверное от волнения, стал задыхаться и говорил все реже.— Ты задаешь лишние вопросы. Основания тебе нужны? Ты, наверное, не хочешь вылететь из своего кресла? Или того хуже... Голова с плеч покатится... Рыльце-то в пушку?

«У кого оно не в пушку?» — с ненавистью подумал министр внутренних дел. С ненавистью к Андропову. И сказал:

— Но, Леонид Ильич... Такую операцию надо заранее готовить.

Брежнев усмехнулся:

— Тебе ее готовить не надо. Все подготовлено. Ты только отдай приказ.

— Кому?

— Юре.

— То есть моему...

— Да! Да! — уже раздраженно и зло перебил Брежнев.— Твоему первому заместителю генерал-лейтенанту Чаранову.— Генеральный пошлепал губами.— Моему зятю. Прямо отсюда и звони. Там только твоего звонка и ждут.

— Где?..

— Ты, Николай, конечно, телефон штаба своего спецподразделения «Пантера» на память знаешь?

— Знаю.

— Вот и звони туда. Юра там, ждет.

Возникла тягостная, тяжелая пауза.

— Ну? Чего ты? — Брежнев побагровел, на анемичном оплывшем лице как-то особенно резко проступили глубокие морщины. Он кричал, и изо рта летели брызги слюны.— Чего тебе еще? Чего ты тянешь время? Он выезжает на работу без десяти десять. В вашем с Юркой распоряжении час и сорок минут!

— Леонид Ильич.— Голос Николая Анисимовича был тверд.— Я не могу отдать приказ без вашего письменного распоряжения.

И опять возникла пауза.

— Значит, не можешь?

— Не могу...

— Ладно!.. Нет времени препекаться. Я еще с тобой сочтусь. Устное слово Генерального для него ничто... Ладно...

Брежнев выдвинул ящик письменного стола, вынул из него глянцевый лист бумаги с красно-золочеными буквами: «Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза».

Щелоков, схватив лист, быстро скользил взглядом по печатным строчкам: «Министру внутренних дел... в интересах безопасности государства... 10 сентября сего года... произвести задержание на трое суток... товарища Андропова Юрия Владимировича...»

— По какому телефону звонить?

— Вот по этому.

...Леонид Ильич не вникал в то, что говорит министр внутренних дел своему первому заместителю. Или так: вникал и не вникал. Он был удовлетворен. И не без тщеславия думал, правда вяло и расплывчато, потому что только что состоявшийся разговор с Николаем Анисимовичем, его приятелем, другом, единомышленником, соседом наконец, чрезвычайно утомил его. А думал он о том, что очень даже правильно поступил, столкнув лбами Щелокова и Андропова.

Действительно, не откажешь Леониду Ильичу в умении плести интриги: разыгрывать кадровые пасьянсы, осуществлять хитроумные перестановки на шахматной доске, где черные и белые — главные фигуры номенклатуры партийной и государственной,— и все это делать с единственной целью: удержать в своих руках власть, избежать или предотвратить переворот в Кремле и на Старой площади. А что такой переворот возможен, учитывая опыт своих предшественников («Недальновидным, недальновидным оказался Никита Сергеевич!»), товарищ Брежнев не сомневался. И если он в чем-то преуспел за восемнадцать лет своего царствования в «процветающей» советской империи (именно так однажды

он охарактеризовал свою страну во Франции, выступая по государственному каналу телевидения: «Советский Союз — процветающая страна» и, скорее всего, был искренен, говоря так, ибо давно не знал, как и чем живут его сограждане), то преуспел Леонид Ильич Брежнев в плетении придворных интриг. Правда, в последние годы появился на самом верху другой хитроумный и, «тут я согласен с товарищем Черненко», опасный интриган. Пора дать ему окорот, права Галя.

Не без основания Леонид Ильич думал, что главная возможность государственного переворота может исходить из двух силовых ведомств: Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности, ведь оба они располагают своими войсками и, затеяв переворот, могут опираться на военную силу. Поэтому надо держать их на коротком поводке, в состоянии взаимной неприязни и под постоянным контролем. Потому и поселил Генеральный двух силовиков с собой в одном доме на Кутузовском проспекте, в одном подъезде: Щелокова под собой, Андропова над собой, прямо-таки слоеный правительственный пирог. А как же иначе, уважаемые? Доверяй, но проверяй. К тому же на поверхности соседи, приятели, домами дружат, общие чаи-обеды случаются, жены у одной портнихи наряды справляют, чего в спецмагазине из сладкого-соленого заказать, сообща обсуждают. А для прочей номенклатурной публики, да и для ближайших соратников по Политбюро, мнение: вон на какую мощь Генеральный опирается! Милиция, внутренние войска, органы государственной безопасности. Сила!

А самих соседушек очень полезно друг против друга ставить, науськивать, если уж так прямо сказать, по-честному. Каким образом, спрашиваете? Ну, вот вам пример. И Щелокову и Андропову дают звания генералов армии одновременно, то есть, считайте, в один день — указы о присвоении чинов Президиумом Верховного Совета во всех газетах рядышком напечатаны. Справедливо? Решайте сами, уважаемые: КГБ выполняет огромную, сложную, многогранную работу как внутри страны, так и за пределами любезного отечества. Разве сравнишь с милицией, которая с уголовным миром воюет (не очень успешно, надо заметить), нарушителей правил уличного движения нещадно карает, алкоголикам спуска не дает, нет-нет да на тайные притоны налетает, случается, там и какого вора в законе накроют. Все равно, согласитесь, ни в какое сравнение с деятельностью госбезопасности не идет. Уязвлен Юрий Владимирович Андропов? Уязвлен! Да еще как! Волком на соседа по подъезду поглядывает. Пожалуй, надо шаг к некоторому перевесу Председателя КГБ сделать

щелкнуть Щелокова по носу («Ха-ха! Не плох каламбур: по носу Щелокова щелкнуть!»). Извольте! Введу-ка я Андропова Юру в члены Политбюро, а Николаша пусть подождет. Ввели. «Чегой-то ты, Николай, сегодня такой невеселый, не ласковый? Или перебрал вчера?»

А получилось — переиграл Леонид Ильич сам себя. Перестарался. Не заметил, как вроде бы само собой получилось: доложил однажды на Политбюро, как его полноправный член, Юрий Владимирович с фактами в руках (а факты, как говаривал Иосиф Внссарионович, «упрямая вещь»): не справляется милиция с охватившей страну коррупцией и взяточничеством. И тезисы резолюции предложил: переподчинить сферу борьбы с этим двойным злом Комитету государственной безопасности. Тезисы слегка подредактировали, резолюцию дружно приняли. Пришлось и ему руку поднимать: не может же Генеральный быть против борьбы с этими язвами, коррупцией и взяточничеством. И откуда только они взялись? Говорят, узнав об этом решении Политбюро, Николай Анисимович так в своем кабинете зубами скрипел — за дверью слышно было. Потеха!

И посему, дорогие товарищи и соотечественники, сегодня, десятого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года министр внутренних дел расстарается. Считайте, его звездный час. Вернее, день. Ему ли не знать, если что... Если, скажем, на месте Леонида Ильича — товарищ Андропов. Чья первая голова полетит? То-то...

Зевнул Генеральный. Он даже не заметил, как его кабинет покинул Николай Анисимович Щелоков — выполнять державное распоряжение.

«Постарается, постарается Коля. Эх, соснуть бы!..»

...В штабе спецподразделения «Пантера», городок которого уютно — и незаметно, за высоким зеленым забором — расположился в березовой роще на берегу речки Сходня, до центра Москвы езды, если скоро надо, тридцать минут,— молчали все телефоны, и Юрий Николаевич Чаранов нервничал: «Что? Или эта семидесятилетняя дубина упирается? Не может его батя переломить?» Он ходил по комнате — с телефонным блоком, компьютерами, подробными картами Москвы, Московской области, Советского Союза,— ходил большими громкими шагами, и его провожали взглядами еще три милицейских чина высоких рангов, принимавших участие в разработке операции «Захват».

Наконец зазвонил один из телефонов.

«Слава тебе, Господи! Отелился!»

Но это был не Щелоков — докладывал лейтенант Егоров, находящийся в Москве, в районе правительственных гаражей:

— Машина объекта не выезжала, хотя по времени давно пора...

— Этого еще не хватало! — вырвалось у генерал-лейтенанта Чаранова.

— Скорее всего, ее в гаражах и нет.

— Как это нет?

— Я тут узнал... Ребята подсказали: вчера поздно вечером машина была вызвана, и вроде бы в ней объект уехал на свою дачу. Наверное, прямо оттуда...

— «Вроде бы!» — заорал в телефонную трубку первый заместитель министра внутренних дел.— «Наверное». Да у тебя...

Чаранов бросил трубку — звонил красный телефон правительственной связи.

— Да? Это я...

— Доложитесь точно.

— Есть, товарищ министр. Ваш первый заместитель генерал-лейтенант Чаранов у аппарата!.

— Я, товарищ Чаранов, отдаю вам приказ: немедленно произвести арест гражданина Андропова и доставить его под усиленной охраной в наше министерство, в мой кабинет. Я буду там.

— Слушаюсь!

— А теперь, Юрий Николаевич,— голос Щелокова утратил командные официальные нотки, зазвучал дружески, почти интимно,— доложите мне кратко о том, как разработана операция. Уложитесь в три-четыре минуты.

Зять Генерального уложился в две минуты.

— Что же,— выслушав своего заместителя, сказал министр внутренних дел без особого энтузиазма; что-то его тревожило,— действуйте, Юрий Николаевич. Ни пуха!

— К черту! — с удовольствием гаркнул Чаранов, бросая трубку.

Он обвел воспаленным взглядом присутствующих.

«Пан или пропал! Некуда ему деваться. Или дома, или на даче. Едет на работу — перехватим в пути на подъезде к Старой площади. Решил почему-либо остаться дома на Кутузовском — возьмем тепленького в постельке».

— Все, товарищи! Приступаем! Приказ получен. Объект едет на работу с дачи.— Юрий Михайлович говорил уверенно, сам убедив себя: «Он на даче. Больше ему быть негде».— До ареста объекта я остаюсь здесь, у меня связь со всеми тремя группами. Буду координировать действия. По коням!

Было восемь часов пятьдесят пять минут.

...Без трех минут девять в кабинете Председателя Комитета государственной безопасности зазвонил один из телефонов. Василий Витальевич Камарчук поднял трубку:

— Я слушаю.

— Докладывает Метеор. Они начали.

— Начинайте и вы.

— Слушаюсь!

...Собственно говоря, план операции «Захват» был разработан Чарановым и его помощниками по самой простой, даже примитивной схеме. Три отряда спецподразделения «Пантера» на легковых машинах должны перехватить объект: или на Кутузовском проспекте, когда он будет следовать из дома, или с дачи (уже когда операция началась, Юрий Михайлович сделал соответствующее распоряжение); или возле здания ЦК КПСС на Старой площади, если объект попытается прорваться на Лубянку, где он, естественно, окажется в безопасности; или, наконец, объект будет задержан при выходе из дома на Кутузовском проспекте, если он там, а по каким-либо причинам первые два отряда окажутся перехваченными на улицах Москвы — такой вариант развития событий предусматривался.

Следует сказать несколько слов о спецподразделении «Пантера». Это засекреченное милицейское формирование было создано министром внутренних дел Щелоковым накануне Олимпиады-80 для «борьбы с терроризмом», как говорилось в соответствующем приказе с грифом «Совершенно секретно». Знали о спецподразделении несколько человек из ближайшего окружения Николая Анисимовича, знал о нем и Генеральный. Кстати, новейшее снаряжение для «Пантеры» закупалось через финскую полулегальную фирму в Канаде и Западной Европе в обход всех натовских эмбарго. И подготовка у ребят была соответствующая: каждый — супербоец, умеющий действовать и автономно и сообща, в любых условиях, с единственной целью: выполнить поставленную задачу.

Но на любую силу всегда найдется сила противовеса, особенно если план противника известен заранее. Во-первых, Юрий Владимирович Андропов с самого начала все знал о «Пантере» и, передавая дела новому Председателю Комитета государственной безопасности, соответствующей информацией о тайном военизированном формировании милицейского ведомства его снабдил. Во-вторых, в распоряжении Василия Витальевича Камарчука был не менее мощный отряд — «Альфа». Его боевикам, тоже образовавшим три группы во главе с опытными командирами, и было поручено пресечь операцию «Захват», и только Камарчуку

было известно, что захватывать милицейским парням было некого, но ни офицеры, ни рядовые бойцы «Альфы» об этом не знали.

Беспокоили Василия Витальевича два отряда «Пантеры». Первый, уже появившийся в начале проспекта Мира, как ему только что доложили, и второй, который по Большой Филевской улице должен прорваться на Кутузовский проспект к дому номер двадцать шесть. На Большой Филевской его, конечно, ждут, и все же... И совсем не болела голова у Председателя КГБ по поводу третьего отряда «Пантеры», цель которого — Старая площадь: его возглавляет полковник Берестов, он же Беркут, который и сообщил в КГБ о готовящейся в бронированном кабинете первого зама Щелокова операции «Захват». С Берестовым проблем не будет, он своих людей сдаст по первому приказу.

Итак, все три отряда подразделения «Пантера» в легковых машинах уже в Москве и движутся своими маршрутами. Правда, полковник Раковский, которому поручено со своими людьми как можно быстрее достигнуть дома № 26 на Кутузовском, изменил маршрут: его три «Волги» с мощными спецдвижками мчатся к цели по Малой Филевской, идущей параллельно Большой Филевской, где их ждут в засаде бойцы «Альфы».

Десять часов пять минут. Четыре белые «Волги» и внешне потрепанный микроавтобус желтого цвета уже миновали Рижский вокзал и, превышая скорость, движутся в центр. В машинах бойцы «Пантеры», и этим отрядом командует полковник Тарасов, он в первой по ходу машине.

— Товарищ полковник,— тихо говорит водитель,— проспект совсем опустел. Нет встречных машин.

— Что за чертовщина?

— Ганшники. На двух тачках. Требуют остановиться.

— Останавливайся. Проскочим — они все равно передадут своим.— Тарасов берет трубку телефона, набирает номер.

— Что там у вас? — взволнованный, хриплый голос Чаранова.

— Нас останавливает ГАИ.

— Да какого х...? Жмите дальше!

Полковник Тарасов уже все понял, он молча кладет трубку телефона.

— Тормози,— говорит он спокойно и по рации передает приказ в остальные машины: — Оружия не применять, сопротивления не оказывать.— Встречает недоумевающий взгляд водителя.— Их, парень, будет на каждого из нас по десять.

Все происходит в течение нескольких минут. За это время проспект Мира перекрыт от Рижского вокзала до Сретенки. Из переулков Капельского, Орлово-Давыдовского и Безбожного вырываются десятка три легковых машин, набитых прапорщиками и офицерами войск госбезопасности. Машины берут в каре три белых «Волги» и желтый микроавтобус.

Полковник Тарасов успевает сказать по телефону Чаранову:

— Мы остановлены и окружены. Сопротивление бессмысленно. Жертвовать людьми я не буду.

И в ответ слышит ругань...

Только несколько офицеров войск ГБ в полевых мундирах Советской Армии, остальные, а всего их человек пятьдесят — шестьдесят, в штатском.

Подкатывает большой автобус с затемненными окнами.

— Оружие сдать! Руки за голову! В автобус!

...Юрий Николаевич Чаранов из штаба спецподразделения «Пантера» пытается связаться с полковником Берестовым, который уже должен быть со своими людьми на Старой площади, но связи нет... Первый заместитель министра внутренних дел не знает, что отряд полковника Берестова добровольно, по собственной инициативе, вернее, по приказу полковника, уже сдался подразделению КГБ, которое ждало их у здания Центрального Комитета Компартии Советского Союза.

...И только отряд полковника Раковского достигает своей цели: на трех «Волгах», промчавшись по Малой Филевской улице и, таким образом, оставив с носом засаду «Альфы» на Большой Филевской, они вырываются на Кутузовский проспект по улице Барклая. Вот он, знаменитый правительственный дом.

Машины пролетают под аркой дома — и их встречает... вооруженная охрана Девятого управления КГБ, многократно усиленная предусмотрительным Камарчуком,— на всякий случай. Полковник Раковский настоящий русский офицер, человек чести и долга. У него приказ его министра, санкционированный главой государства: «подвергнуть аресту» Андропова Ю. В. «в интересах безопасности государства».

— Прорываться в подъезд! — приказывает он своим людям.

Завязывается короткая схватка, гремят выстрелы. Но силы слишком неравны. Нет подробностей и деталей этого трагического эпизода, случившегося в Москве утром десятого сентября 1982 года. Потому что — нет свидетелей... Куда-то они все быстро исчезли. Известно только, что убитых не было. Однако во второй половине дня в один из госпиталей КГБ

было доставлено девять человек с огнестрельными ранениями разной степени тяжести. Пятеро из них были из подразделения «Пантера», и привезли их под конвоем. Среди раненых был и полковник Раковский. На следующий день он погиб на операционном столе под ножом хирурга.

Кстати, весьма странно сложилась судьба полковника Берестова, он же секретный агент КГБ Беркут. Сразу после событий он был послан на новое место прохождения службы — в пылающий войной Афганистан, и через три недели его «уазик» подорвался на мине в пригороде Кабула. Прав, тысячу раз прав товарищ Сталин, говоря: «Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы».

Остается только добавить, что многие военные, которые были вовлечены в драму этого дня (правильнее сказать, в псевдодраму, потому что охота велась за тенью, за пустотой...), столкнувшиеся в конфликте по воле верховных правителей, в дальнейшем оказались в Афганистане. И среди них, представьте себе, телохранитель дочери Главного Идеолога Ирины Юрьевны Андроповой — он был десятым, которого ранили во время схватки во дворе «правительственного дома», но отвезли его не в госпиталь, а на одну подмосковную дачу, где молодому человеку был обеспечен индивидуальный медицинский уход по высшему разряду, он скоро поправился и тут же был направлен в Афганистан. Он погиб там в звании майора за месяц до кончины человека, который определил его судьбу.

Но события десятого сентября 1982 года провалом операции «Захват» не завершаются.

По Москве ползут слухи о стрельбе на Кутузовском проспекте, быстро распространяясь по огромному городу, и стремительно растекаются по стране.

Председатель КГБ Камарчук осуществляет окончательное подавление мятежа жестко и оперативно: все руководящие милицейские чины, участвовавшие в заговоре, берутся под домашний арест; первый в этом списке — Юрий Николаевич Чаранов. Для всех одна формулировка: «До выяснения обстоятельств не покидать квартиру». Каких обстоятельств — всем ясно. Жилища мятежников берутся под охрану. Но есть еще два человека, которые по законам логики первыми должны быть подвергнуты домашнему аресту: это глава государства и Генеральный секретарь правящей партии Леонид Ильич Брежнев и министр внутренних дел страны Щелоков. Но Камарчук не решается принять такое решение единолично. Вот поэтому он и пытался связаться с Юрием Владимировичем Андроповым, когда тот на десантном самолете завершал

свой блицвояж, направляясь в третью столицу «братской страны» — Восточный Берлин.

Но разговора не состоялось. Более того, Царевский говорит ему по телефону с борта самолета:

«Юрий Владимирович сейчас чрезвычайно занят срочной государственной работой. Он сказал, что в ваших руках все полномочия и силы, что он вам полностью доверяет, рассчитывает на вашу мудрость и профессионализм, и от того, как завершатся сегодняшние дела в Москве, зависит ваше сотрудничество...»

«Что значит — «ваше»?» — перебил Камарчук.

«Это значит: его, Юрия Владимировича, сотрудничество с вами, Василий Витальевич».

На этом странный разговор Председателя КГБ со своим первым помощником, сопровождавшим Андропова в не менее странном вояже по трем социалистическим странам, закончился.

«Понятно,— думал Василий Витальевич, положив трубку телефона.— Как всегда. Он все придумал и ушел в тень. Мы исполнители игры. Я убежден, что и Брежнева и Щелокова тоже надо для начала посадить под домашний арест. Но пусть это решает он. Или уж мы вместе».

Тем не менее Председатель КГБ продолжает действовать жестко и хладнокровно. Он знает, что за неудачной акцией Брежнева и Щелокова стоят немалые силы — их сторонники и в Политбюро во главе с Константином Устиновичем Черненко, и в ЦК (хотя и пошерстил там Андропов «днепропетровскую мафию», но кое-кто еще уцелел); есть люди Брежнева и в Министерстве обороны, и в Генштабе, с которыми накануне десятого сентября не исключены консультации и возможность поддержания идеи операции «Захват». Сейчас вся эта публика в панике и на многое может решиться, потеряв голову. И поэтому Камарчук приводит в наивысшую боевую готовность подчиненные ему войска КГБ, объявляет в Москве военное положение и, наконец, прерывает все линии связи с внешним миром, как с западными государствами, так и с социалистическими, дабы не допустить никакой утечки информации о произошедшем в советской столице: в два часа дня одновременно выходят из строя — как назавтра будет объяснено официальными лицами, «по техническим причинам» — две компьютерные системы, закупленные во Франции для Олимпиады-80 и теперь использованные для телефонной связи с внешним миром.

Это последнее обстоятельство — когда вдруг замолчали разом все телефоны, по которым можно связаться с любой

точкой планеты,— вызывает панику и в Москве, и в других городах Советского Союза. Никаких сведений о том, что же произошло, нет. Люди не знают, что думать, и, естественно, первое, что приходит в голову: началась война. Или вот-вот начнется. Особенно паника охватывает провинцию. Во многих регионах в продовольственные магазины выстраиваются длинные очереди, за несколько часов с полок сметается все: мука, соль, сахар, крупы, мыло, спички, зубная паста. Есть угроза — таков исторический опыт нашей страны,— что эта эпидемия страха, ужаса, неизвестности будет распространяться все шире и шире...

Так проходит несколько часов. Московское время — 17.35.

В кабинете Председателя КГБ раздается звонок из дома на Старой площади.

Василий Витальевич срывает трубку:

— Камарчук у аппарата.

— Здравствуйте, Василий Витальевич.— Спокойный, неторопливый голос Андропова.

— Здравствуйте, Юрий Владимирович.

— Вы не могли бы подъехать ко мне?

— Сейчас?

— Да, если можно, сейчас.

...Через десять минут Председатель КГБ был в кабинете Первого Идеолога Страны Советов.

Андропов сидел за своим столом в безупречном, отглаженном темно-синем костюме, темно-синий галстук был повязан аккуратным узлом, из рукавов пиджака выглядывали ослепительно белые манжеты рубашки, зажатые запонками с темными дорогими камнями. Хозяин кабинета свеж, чисто выбрит, сдержан, подтянут. Доброжелателен.

— Проходите, проходите, Василий Витальевич.— На лице появляется приветливая улыбка. Андропов поднимается, протягивает Камарчуку, подошедшему к столу, руку. Крепкое рукопожатие. Явно дружеское.— Присаживайтесь вот здесь. Основную информацию о всех событиях я уже получил.— «От кого, интересно?» — думает Председатель КГБ.— Вы справились с поставленной задачей блестяще. Блестяще! Благодарю. Но хочу, естественно, вкратце услышать вас.

Доклад Камарчука сух, конкретен, категоричен в формулировках, насыщен фактами, именами, московской географией.

— Вот, Юрий Владимирович, список лиц, находящихся под домашним арестом. Считаю, что на них всех необходимо заводить уголовные дела, получать у прокурора ордера на арест до начала судебного разбирательства. Вот список лю-

дей... В нем четверо членов ЦеКа, которые так или иначе причастны к попытке вашего незаконного задержания...

— Каким образом причастны? — перебивает Андропов.

— Они... У меня есть записи этих разговоров. Они одобрили готовящуюся акцию и намеревались на чрезвычайном Пленуме ЦК узаконить ее.

— Интересно...— задумчиво и абсолютно спокойно говорит Юрий Владимирович.— Разрешите-ка взглянуть на этот список.— Лист бумаги еле заметно подрагивает в его большой белой руке.— Так-так... Знакомые все лица... Что еще, Василий Витальевич?

— Еще? — И возникает тяжелая внезапная пауза.— Есть два главных организатора так называемой операции «Захват». Это товарищи Брежнев и Щелоков. Признаюсь: без вас я не решился... Поэтому я пытался связаться с вами, когда вы летели в Берлин. Чаранов только исполнитель. И конечно, прежде всего их надо подвергнуть домашнему аресту. И не только домашнему. Вообще, Юрий Владимирович, я считаю, что это дело надо довести до конца.

— То есть? — И впервые в голосе Андропова прозвучала жесткость.

— Завершить все превентивные мероприятия, чтобы с заговором против вас покончить раз и навсегда. Произвести аресты виновных, включая Брежнева и Щелокова, сделать соответствующие заявления — от Политбюро... Вернее, от верных вам членов Политбюро, от Правительства, может быть, от Верховного Совета и начать подготовку показательного открытого судебного процесса, а на нем обязательно выйти на всех коррупционеров, окопавшихся вокруг Генерального секретаря. Я, Юрий Владимирович, тщательно ознакомился со всеми материалами, которые получил от вас. И у меня, уж поверьте, человека искушенного, волосы встали дыбом. Ведь они погубят страну! Если еще не погубили...

— Здесь я с вами согласен. «Если еще не погубили...» Но мы не можем сейчас пойти на те крайние меры, которые вы предлагаете.

— Но почему? — с изумлением вырвалось у Камарчука.— Ведь такой подходящий момент!

— Нет, мы этого делать не будем. Во-первых, в случае начала арестов спровоцируем их на открытые выступления, то, что они имеют, без боя не отдают. И в стране может начаться смута. Во-вторых, дорогой Василий Витальевич, мы сегодня с вами победили, уверяю вас! Прежде всего благодаря вашим решительным действиям. Не надо никаких арестов, ни домашних, ни прочих. Упаси вас Бог от показательных

процессов. Все эти так называемые заговорщики деморализованы, они в шоке. И этого вполне достаточно.

Потрясенный Председатель КГБ молчал.

Андропов думал: «Ты только завершил, мой меднолобый друг, то, что я тщательно подготовил. Из ста шагов ты сделал последние два... ну, три шага. И потом... Есть еще и в-третьих, если иметь в виду предложенный тобой план. Арест Брежнева! Показательный процесс... Хорош я буду в глазах Запада! Узурпатор, тиран. Нет уж! Слишком много истрачено сил и средств на то, чтобы там на меня смотрели совсем по-другому».

— ...Итак, подведем итоги. Резюме, подчеркиваю еще раз: мы победили. Мы с вами победили.— На слове «с вами» было сделано сильное ударение.— Даже мне представляется, следует сделать некоторый откат.

— Откат? — Камарчук окончательно перестал понимать своего державного шефа.

— Да, да, мой дорогой, откат. Тут сказался ваш сильный, решительный характер. Вы несколько пережали. Ни в коем случае не говорю вам это в укор. Ни в коем случае! Просто... Уж простите, вы еще не политик. Не политик на самом верху в нашей трудной стране. Но, я уверен, вы им обязательно станете. А посему... первое, что мы с вами сделаем,— это отменим все домашние аресты...

— Но...

— Да, да, отменим. Пусть себе работают как ни в чем не бывало. Именно так! Как ни в чем не бывало. Сделаем с вами вид, что вообще в Москве сегодня ничего не произошло. Ну... Потом, попозже, мы с вами поработаем с людьми, которые принимали участие в этой заварухе с обеих сторон. Может быть, ближе к вечеру я вам по этому поводу позвоню. Я уж тут изучил некоторые документы, совсем тепленькие. А сейчас, как вернетесь к себе, позвоните всем томящимся под домашним арестом и отпустите их на все четыре стороны. Естественно, надо снять охрану всех этих квартир. И особенно ничего не объясняйте: «Вы свободны, товарищи, работайте». И — все. Только, пожалуй, Юрию Николаевичу Чаранову я позвоню сам, сниму с вас груз объяснения с ним.

Председатель КГБ молчал.

— Далее, Василий Витальевич, давайте быстренько отменим военное положение в Москве, снимите напряжение в своих войсках, пусть с завтрашнего дня проводят обычные плановые занятия. И конечно же немедленно должна быть восстановлена телефонная связь с внешним миром. Посове-

туйтесь с товарнщами, надо н для Запада, н для внутреннего пользования найти удобоваримую версию случнвшегося.

— Все? — спросил Камарчук.

— Пожалуй... Впрочем, вот что. Эти четверо нз ЦК... коли у вас есть запнсн...

— Есть запнси разговоров троих.

— Хорошо, пусть трое. Вы их вызовите к себе, н пусть их с запнсями в руках следователн пожурят немного, по-отечески, но и так, чтобы в определенных местах зачесалось. Не мне вам говорить, наши с вами ребята все это проделывают в лучшем виде. И — отпустите. В крайнем случае — кому-нибудь можно вручить подпнску о невыезде. Месяца на три. По обстоятельствам.

— Будет сделано, Юрий Владимирович.

— Вот и отлично! Действуйте. А вечером, часов в девять-десять, я вам позвоню. Нам с вами, Василий Витальевич, предстоит свершить немало ответственных дел.

Крепкое рукопожатне. Дружеское.

За Председателем КГБ бесшумно закрывается дверь.

Несколько мгновений Андропов сидел не шелохнувшись. Внутри его существа клокоталн, переплетаясь, черный восторг, ощущенне собственного могущества, презрение н даже гадлнвость к ннчтожным противннкам, предчувствне скорой окончательной победы, н все эти чувства, ощущения вытеснили из больного старого тела усталость, недомоганне, физическую боль, которая в последние месяцы почти всегда была с ннм. Он чувствовал себя превосходно! Он был полон сил и планов.

Так... Еще несколько штрихов — н политическнй пейзаж сегодняшнего дня будет дорнсован. Начнем с благородного семейства. Ведь это там, у Гали и Юры, возник идиотский прожект, изначально обреченный на провал. И название операции... «Захват». Никакого полета фантазии. Однако же надо было их довести до определенной кондиции, чтобы план созрел в помутневших от страха головах.

Что же, пора! И жгучее, почти физическое чувство, близкое к сладострастию, посетило нижнюю часть тела нашего печального героя, жаркой волной поднимаясь к голове.

Юрий Владимирович Андропов, улыбнувшись, набрал номер квартиры, в которой обитали Чарановы.

Долгие гудки, наконец кто-то поднимает трубку; дальний фон какого-то шума, кажется, голосов, смешанных с музыкой; частое, прерывистое дыхание.

— Кто еще? — ннзкий, хрипловатый женский голос.

— Здравствуйте, Галина Леонидовна. Говорит Андропов.

Пауза. Дыхание учащается.

— Здравствуйте... Здравствуйте, Юрий Владимирович. Сейчас...

Опять пауза, и Главный Идеолог страны слышит крик, хотя и отдаленный, но вполне отчетливый:

— Заткнитесь, кретины! Юрик звонит... Катька! Выруби музыку!..— И уже в телефонную трубку мадам Брежнева-Чаранова говорит с придыханием, стараясь подавить страх в своем голосе: — Я вас слушаю, Юрий Владимирович.

— Будьте любезны, Галина Леонидовна, позовите к телефону Юрия Николаевича.

— Подождите, пожалуйста, минутку...

Шипящий фон, отдаленные неразборчивые голоса, похоже, говорят там на повышенных тонах. И опять в телефонной трубке голос дочери главы государства, Генсека:

— Извините, Юрий Владимирович, он... он не может подойти. Не в состоянии...

— То есть?

— Надрался, как скотина! — Вдруг срывается на крик если не первая, то уж наверняка вторая леди в Советской стране:— Невменяем — вот и все «то есть».

— Понятно... Слаб, слаб человек.— Голос Юрия Владимировича звучит мягко, интеллигентно, сочувственно.— Верно, Галина Леонидовна? — В ответ — только прерывистое дыхание.— Тогда вот что... Когда ваш супруг станет вменяем, передайте ему, пожалуйста, что домашний арест отменен...

— Что?! — Изумленный голос-вопль.

— Передайте ему: домашний арест отменен. Пусть Юрий Николаевич продолжает спокойно трудиться...— Юрий Владимирович издает некий короткий звук, похожий на смешок,— когда вернется к естественному человеческому состоянию. До свидания, Галина Леонидовна. Желаю вам всяческих благ.— И Андропов кладет трубку.

«Прекрасно! Сейчас начнется великий перезвон. Ни Щелокову, ни Черненко, ни прочим я звонить не буду. Пусть пребывают в подвешенном состоянии и до послезавтрашнего дня доходят до кондиции. Однако пора поговорить с Леней».

Он, с удовольствием потянувшись и хрустнув пальцами, нажимает клавишу селектора.

— Я вас слушаю, Юрий Владимирович,— тут же звучит энергичный, твердый голос секретаря из приемной.

— Узнайте, пожалуйста, где сейчас товарищ Брежнев, и, если возможно, соедините меня с ним.

Андропов сидит в излюбленной позе — расслабившись, вытянув ноги, прижавшись головой к высокой спинке кресла; глаза под толстыми стеклами очков полузакрыты.

Включается селектор.

— Леонид Ильич в своей загородной резиденции, в Заречье. Он поднял трубку телефона.

«Конечно, ему все известно, включая мои визиты в Восточную Европу. Только, скорее всего, без подробностей и ответа на вопрос: «Зачем?» — думает Главный Идеолог страны, ласково произнося первую фразу:

— Здравствуйте, Леонид Ильич.

Молчание, невнятные звуки, хриплое дыхание, похоже, шлепанье губ.

— Здравствуй, Юра...— Захлебывающееся покашливание.— Здравствуйте, товарищ Андропов... Собственно, в чем дело?.. Да... Конечно... Они...— Невнятная фраза, которая заканчивается словом «ошибка».

— Леонид Ильич, я вот почему звоню.— Андропов ускоряет темп речи.— Послезавтра заседание Политбюро. Как вы себя чувствуете?

— Очень плохо, Юра... Совсем не сплю... Ага. Хреново...

— Так вы не будете на заседании Политбюро?

И Брежнев там, в своем Заречье, наверное, как всегда во второй половине дня, лежа на диване перед телевизором, инстинктивно догадывается, что ему надо ответить.

— Не буду, Юра... Сил нет...

— В таком случае, Леонид Ильич, вы не беспокойтесь...— Юрий Владимирович помедлил, подыскивая нужное точное слово,— мы проведем это Политбюро как надо.

— Да, Юра... Как надо...— Опять несколько слов неразборчиво.— Проведи...

«А теперь самое время — о Джуне. Давно пора».

— Вашим здоровьем, Леонид Ильич, надо всерьез заняться. Я поговорю с Чазовым. Может быть, прибегнем к помощи западных медиков.

— Не знаю, Юра... Уже прибегали.

«Пора! Сейчас!» — приказывает себе Андропов.

— И вот еще что, Леонид Ильич...

— Я тебя... вас слушаю...

— Мы тут посоветовались с товарищами. Есть мнение... Я о Джуне. О Джуне Давиташвили. Понимаете, Леонид Ильич, распространяются всяческие слухи: знахарка лечит главу государства. Биоэнергия, эманация какая-то, чертовщина. Все это весьма далеко от передовой советской медицины, стоящей на материалистических позициях марксизма-лени-

низма. Подрывается ваш авторитет, Леонид Ильич. И не только ваш — а руководства страны, партии. Так что целесообразно прекратить посещения Джуной вашего дома. Мы соберем для лечения вождя страны светил отечественной и мировой медицины, современной медицины, вооруженной...

Произнося пространную тираду, Главный Идеолог больше всего не хотел, чтобы Брежнев перебил его — надо довести и э т о до конца, поставить все точки над «i». Но Леонид Ильич прервал андроповский монолог:

— Я понял, Юра... Это... Ага... Раз товарищи...— Голос Брежнева сорвался, сдавленный спазмом. Неразборчивая фраза или несколько слов, произнесенные с бульканьем, с захлебываниями.— Джуна... Ага... В интересах партии и народа...— Голос прервался. Несчастный старик плакал.

Или сам Леонид Ильич, или кто-то, оказавшийся рядом, положил трубку.

В ухо главы государства — пока необъявленного, но реального — бились короткие гудки.

«Все. Домой. Слишком трудный день. Отдохну и у себя поработаю».

Настроение портилось. Он нажал кнопку селектора.

— Пожалуйста, машину к подъезду и охрану. Я спускаюсь.

12 сентября 1982 года

Календарное заседание Политбюро, как всегда, было назначено на десять часов утра. В зале почти все были в сборе. Можно сказать, кворум. Случай небывалый. Из Казахстана спешно прилетел Кунаев, из Киева прибыл Щербицкий, из Ленинграда — Романов. Пожаловал восьмидесятитрехлетний Пельше, сейчас отрешенно сидящий с опущенной головой у окна; похоже, пребывает в состоянии полусна, и никакого волнения на его застывшем лице-маске. Здесь и Тихонов, последнее время занятый в основном своим здоровьем и потому редко появляющийся на заседаниях Политбюро. Все-все тут — и Громыко, и Устинов, и Гришин, и, конечно, Горбачев, не говоря уж о Черненко. И все посматривают на него: пора начинать — две минуты одиннадцатого. Но — странное дело! — не занимает Константин Устинович свое место — стульчик рядом с пустующим державным креслом, предназначенным для Генерального, чтобы, как всегда, вести заседание: притулился с края стола напротив, копается в каких-то бумажках, низко опустив седую кудрявую голову, глаз ни на кого не поднимает. Непривычно. Невероятно.

Да, почти кворум. Отсутствуют двое: Леонид Ильич Брежнев (но к этому все давно привыкли) и Юрий Владимирович Андропов, человек пунктуальный и точный во всем. Такого тоже никогда не было.

А между тем уже пять минут одиннадцатого, и Главный Идеолог страны у себя в кабинете: многие видели, как он подъехал на своей машине к зданию ЦК родной Коммунистической партии, как входил в кабину лифта, чтобы подняться на свой четвертый этаж. В чем дело?

Напряжение нарастает, все поглядывают на дверь, правда, украдкой; шелест тихих голосов.

Десять минут одиннадцатого. Дверь открывается. Мгновенная полная тишина.

Входит Юрий Владимирович Андропов — свеж, подтянут, как всегда. В строгом официальном костюме, при галстуке; на лице несколько скованная улыбка, невозможно понять выражение глаз под затемненными стеклами очков, и только слабый румянец на щеках выдает волнение.

— Здравствуйте, товарищи! — негромко говорит он, неторопливо направляясь к столу президиума.

В ответ дружное, но с разной интонацией: «Здравствуйте», «Доброе утро»; двигаются стулья, невнятный шепоток.

А Юрий Владимирович — и в этот миг все разом умолкает и замирает, можно сказать, совершенно по Николаю Васильевичу Гоголю, «немая сцена»,— занимает кресло Генерального. Он пока не садится, а стоит сзади этого советского трона, символа верховной власти.

— Перед тем как перейти к запланированным вопросам сегодняшнего заседания Политбюро,— буднично, спокойно говорит товарищ Андропов, и в его голосе окончательно преодолено волнение,— я хочу поднять одну животрепещущую тему, которая, безусловно, волнует каждого из нас и всю страну.— Движение грузных тел на стульях, ветерок эмоций, и быстро все затихает; никуда не уйти от штампа: мертвая тишина.— Речь идет о главе нашего государства.— Кто-то не сдержал звук, похожий на возглас изумления.— Вчера я имел беседу с Леонидом Ильичом на эту тему. Да! Восемнадцать лет у руля страны стоит выдающийся человек, истинный ленинец-интернационалист, блестящий политик, борец за мир во всем мире. Заслуги его перед партией и народом — безмерны! — Голос Главного Идеолога страны звучит взволнованно, пафосно, и одновременно в нем прорываются нотки скорби.— Но, товарищи!.. Восемнадцать лет неимоверного, напряженного труда, груз забот и о своем народе, и о международном коммунистическом движении, возраст, болезни...

Не слишком ли мы с вами большие эгоисты? Не прячемся ли мы за спину Леонида Ильича, переложив на него все трудности нашей борьбы за светлое будущее человечества, все нелегкие задачи, которые необходимо решать в ходе коммунистического строительства в нашей стране? Неужели мы хотим, чтобы этот прекрасный человек тянул свой огромный воз до конца, до последнего вздоха и буквально пал на своем посту?

— Нет! Мы не хотим этого! — в ледяной тишине страстно восклицает Михаил Сергеевич Горбачев.

— И будем откровенны и честны,— продолжает Андропов с напором и силой.— Мы с вами руководители страны, политики, ответственные люди. Все мы знаем, насколько серьезно болен Леонид Ильич Брежнев, ему уже не под силу везти этот воз. Так будем же гуманны. Наш руководитель, наш вдохновенный вождь заслужил отдых, покой, всестороннее каждодневное лечение, не омраченное государственными заботами.

— Правильно!

— Верно! — прозвучали реплики.

— Мы проводим Леонида Ильича на пенсию, превратив этот день во всенародный праздник! Мы воздадим ему высшие почести, вручим высшие правительственные награды, он отправится на отдых, окруженный верными преданными соратниками, ближайшими родственниками, в атмосфере общенародной признательности и благодарности.— Совершенно неожиданно вышедший из полуспячки Арвид Янович Пельше трижды азартно хлопнул в ладоши. По залу прокатился краткий шумок. Андропов на происшедшее, казалось, не обратил никакого внимания.— И, товарищи,— деловито говорил он,— к этому дню надо заранее готовиться. Девятнадцатого декабря Леониду Ильичу исполнится семьдесят шесть лет. Не объединить ли нам день рождения Брежнева и вручение ему пенсионной книжки в одно торжество? И, таким образом, мы смягчим неизбежную горечь, которую испытывает выдающийся человек, привыкший трудиться всю свою сознательную жизнь, уходя на пенсию. Предлагаю создать специальную комиссию, которая займется подготовкой всех мероприятий — девятнадцатого декабря текущего года.

— Правильно! Создать комиссию! — Кажется, опять Михаил Сергеевич Горбачев.

— Но возникает, товарищи, еще одна проблема. К этому дню надо готовить и общество. Наш народ привык видеть Леонида Ильича у руля государства в течение восемнадцати лет. Стоит товарищ Брежнев на трибуне Мавзолея в дни

наших праздников — значит, в стране все в порядке, значит, мы продолжаем идти верным путем. Психологически расстаться с этим образом вождя на трибуне Мавзолея непросто, мы сразу не должны травмировать общество, нужна подготовка к этому шагу. Тем более накануне очередная годовщина Великого Октября, и, естественно, во дни торжеств Леонид Ильич должен быть со своим народом. Думаю, что и этими вопросами займется комиссия, о которой я говорил. Мы создадим ее ближе к декабрю в рабочем порядке, и о ней подробно будет доложено Политбюро. Вот, пожалуй, и все, что не входит в основную повестку сегодняшнего заседания, вот те мысли и предложения, которыми я хотел с вами поделиться.

Было абсолютно тихо. Все молчали.

И тут поднялся товарищ Кунаев, кашлянув в кулак, спросил:

— Юрий Владимирович, а что произошло в Москве десятого сентября?

Главный Идеолог страны поднял брови:

— А что произошло? Мне ничего не известно.

— Ну, как же...— Вождь казахского народа развел руками.— Вроде бы перестрелка во дворе вашего дома, домашние аресты... А что была прервана международная телефонная связь — это точно.

— Товарищ Кунаев,— в голосе Андропова отчетливо слышались металлические ноты,— вопрос не по адресу. За подобной информацией обращайтесь в соответствующие ведомства — в Комитет государственной безопасности, в Министерство внутренних дел.

— А... а ваши визиты...— Товарищ Кунаев, надо полагать, закусил удила. Или, может быть, не до конца понимал, с кем разговаривает.— Чем вызваны ваши визиты в три страны Восточной Европы?

Все замерли. Все ждали.

— Простите, Мухаммед Ахмедович, не расслышал вопроса.

Похоже, до вопрошателя наконец дошло, какую ситуацию он создает для себя,— вторично вопрос не прозвучал.

— Константин Устинович,— повернулся к Черненко Андропов.— Приступим к повестке дня. Что там у нас?

«Первый друг» и «правая рука» Генерального находился в шоке или трансе: он не понял заданного ему вопроса и смотрел на Главного Идеолога страны не мигая, с диким первобытным ужасом.

— Я говорю,— Андропов улыбнулся,— пора приступать к утвержденной повестке заседания Политбюро.

— Да, да... Вот...— Товарищ Черненко протянул Юрию Владимировичу лист бумаги, часто дрожащий в его руке.

Получив отпечатанную повестку заседания, Триумфатор сказал буднично и, пожалуй, устало:

— Что же, товарищи, приступим к работе.

24 октября 1982 года

Статья Артура Вагорски «НАКАНУНЕ» *в газете «Дейли ньюс».*

«Итак, финал рядом. Хочется сказать — завтра. Финал исторической драмы, разыгранной в Московском Кремле и на Старой площади, автор которой и постановщик — Юрий Андропов, герой моих последних публикаций в «Дейли ньюс».

К сожалению, я — как и мои коллеги из других западных газет, журналов, телекомпаний, которые аккредитованы в Москве,— не обладаю никакой информацией о том, что здесь произошло полтора месяца назад, 10 сентября 1982 года. Источников нет, только слухи. А они таковы: якобы в этот день была сделана попытка арестовать Андропова, обвинив его в «государственной измене»(?). Повторяю: это только слухи, и, похоже, скорее всего ложные, потому что после этого дня никаких изменений, перестановок, смещений в верхних эшелонах власти Советского Союза не произошло.

Но есть один знаменательный факт: именно после 10 сентября в советских средствах массовой информации стали мелькать сообщения, пока краткие, не всегда внятные, о том, что глава государства Леонид Ильич Брежнев «по состоянию здоровья», возможно, скоро покинет все свои посты и уйдет на заслуженный отдых. Ему воздадут все возможные в этой стране высшие почести «за выдающиеся заслуги перед партией и народом». И с каждым днем таких заявлений в прессе, на телевидении и радио становится все больше, хотя чаще всего они произносятся вскользь, между другими новостями, как бы более важными. Пока... Что же из этого следует? Только одно: общественное мнение России начинают готовить к уходу Брежнева на пенсию, то есть к отстранению его от власти. И кто за этим стоит, кто организует «вынос тела» из Кремля — догадаться нетрудно. Об этом сейчас в Москве и стране говорят все, хотя, естественно, с оглядкой: люди и ждут ухода маразматического лидера, ставшего давно позором государства, и в то же время боятся перемен, наученные своим горьким историческим опытом: у большинства нет

сомнеиий, что преемником Брежнева станет Юрий Андропов, пятнадцать лет возглавлявший самую страшную организацию Советского Союза — Комитет государственной безопасиости.

Кстати, замечу: я убежден, что эта кампания в прессе, иа радио и телевидении началась после 10 сентября не случайио. Что-то в тот день все-таки произошло, ускорив, подтолкнув события, и я подозреваю, что главное действующее лицо в иих — бывший миоголетиий Председатель КГБ. Хотя вряд ли мы когда-нибудь узиаем, что именно случилось: продвижеиие к власти моего героя достаточио часто происходит в глубокой тайне, в темноте. Но то, что мы иаблюдаем финал противостояиия Брежнева и Андропова,— очевидно. Повторяю: развязка рядом.

И вот вам самый свежий советский анекдот: Леоиида Брежнева вытаскивают на очередиую трибуну, выступить перед соотечественниками. Ои достает заготовленные листки с речью и начииает читать: «Невосполнимую утрату понесла наша партия, общество, все мировое коммунистическое движение... Ушел из жизии вериый ленинец, вождь советского иарода товарищ Брежнев...» Спохватывается, осматривает себя и говорит: «Ой! Извииите! Опять по ошибке пиджак Андропова иадел...» Согласитесь, грустиый, даже зловещий анекдот.

Теперь я прошу своих читателей обратить виимание иа следующее, весьма интригующее обстоятельство. В последнее время на телевидении глава Советского государства предстал перед своими согражданами в несколько новом свете. Запад привык к этому образу Брежнева: измождеиный, иеадекватный старик, иа официальных церемониях во время зарубежных визитов с ним постояиио что-то случается — ои спотыкается, с трудом идет, поддерживаемый телохранителями, ие может самостоятельио подняться по трапу самолета, лицо окамеиевшее, с застывшими чертами и морщинами, будто вылеплеиными из воска, ие лицо, а маска мумии; ои с трудом, невнятно говорит, едва шевеля иепослушными губами... Горькое, печальное, страшиое зрелище. Таким своего вождя до последнего времени, за редчайшим исключением, советские люди на экранах телевизоров не видели: телекамеры стыдливо и поспешно отворачивались, когда с ним что-то случалось, избегали крупных планов, которые, как известно, самое беспощадное зеркало. Никогда в эфир не шли прямые репортажи с места событий, отснятый материал тщательно редактировался, производился, судя по всему, сложнейший монтаж, который могли осуществить только величайшие мастера своего дела, и в конечном счете страна лицезрела своего руко-

водителя хотя и не в лучшем виде — все скрыть невозможно, для этого нужен двойник,— но все же в достойном виде. И вот все разом изменилось: теперь граждане Советского Союза каждодневно с ужасом и жалостью наблюдают на своих экранах Леонида Ильича Брежнева таким, каков он есть на самом деле. Более того: создается впечатление, что специально подчеркиваются, смакуются, подаются крупным планом все казусы, которые с ним случаются, все его физические недостатки, вся старческая беспомощность и... трагизм этого человека, возглавляющего сверхдержаву, военного монстра, перед которым трепещет весь мир. От этих телевизионных шоу страна все быстрее приближается к состоянию шока.

И еще одна перемена последнего времени в формировании нового образа Леонида Ильича Брежнева: и внутри страны, и во всем мире ТАСС распространил целую галерею фотоснимков главы государства, которых до сих пор никто никогда не видел. Эти фотографии — не официальные портреты, а фотосюжеты камерные, даже интимные — появляются в советских и западных газетах и журналах, мелькают в телевизионных передачах. Брежнев в летней рубашке-безрукавке под большим зонтом, защитой от солнца, читает газету; на втором плане Черное море в белых барашках волн. Брежнев на даче: скамейка, за ней цветущая сирень, на руках дедушки внучка, он что-то рассказывает ей, веселое,— девочка смеется. Брежнев с многочисленными домочадцами, и рядом с ним супруга, Виктория Петровна (очевидно, на этом снимке советские граждане впервые увидели жену своего вождя — ведь в Советском Союзе нет статуса первой леди). Брежнев на берегу идиллической речки — туман над водой, знаменитые плакучие ивы, присел старец на пенек, смотрит, задумавшись, в бесконечность родимых далей, которые раскинулись на том берегу, уходя к горизонту,— есть что вспомнить... Словом, образ старика, пенсионера, достойно прожившего свою жизнь, и вот впереди — заслуженный отдых.

И теперь я задаю себе — и вам, мои внимательные читатели,— жестокий вопрос: что выгоднее, предпочтительнее для Юрия Андропова: насильственная отправка Брежнева на пенсию или его смерть? Высказываю свое предположение: смерть. Вы спросите: почему? Отвечаю. Конечно, Леонид Ильич Брежнев на пенсии — уже победа. Но он — жив и на отдыхе остается центром, вокруг которого могут объединиться люди высшей советской номенклатуры, которые сейчас ненавидят и боятся Андропова. Эта ненависть и жажда реванша многократно возрастут, когда Юрий Андропов займет место отправленного на отдых лидера страны. А он его займет, теперь

на этот счет у меня не осталось никаких сомнений. Так не головная ли боль для Андропова — пусть полутруп, но все-таки живой Брежнев, консолидатор всех антагонистов нового главы государства?

Другое дело — смерть.

И не поэтому ли, задумываюсь я, уже несколько последних месяцев для больного, немощного Леонида Брежнева составлен напряженный график работы — почти еженедельные поездки, и близкие и дальние, выступления, выступления... Наверное, ему говорят: так надо, вы первое лицо государства, народ и мировое сообщество ждут вашего слова. Не всякий здоровый человек выдержит такую рабочую нагрузку. Не присутствует ли здесь дьявольский замысел: ускорить «естественный» уход «вождя» в мир иной?

В этой связи расскажу вам о событии, которое сейчас в Москве — новость номер один. И это уже не слухи. За достоверность ручаюсь — сведения из первых рук.

Хорошо известно — в западной прессе на этот счет было немало публикаций,— что уже несколько лет помимо официальных советских врачей во главе с академиком Чазовым здоровьем Леонида Брежнева занималась знаменитая целительница Джуна Давиташвили. Да, эманация, биоэнергия, карма, лечение сначала души, а уже потом тела,— словом, все то, что здесь, в России, пренебрежительно называют «нетрадиционной медициной». Эта удивительная, уникальная женщина, которую знают далеко за пределами Советского Союза,— и это уже по слухам — несколько раз вытаскивала Брежнева в прямом смысле слова с того света. Кстати, услугами Джуны пользовались и другие члены Политбюро, пользуются и знаменитости советского искусства. В Джуне Давиташвили Леонид Брежнев видел свою последнюю надежду, он очень верил в сверхчеловеческие возможности этой женщины. И вот, примерно месяц назад, Джуну отлучили от безнадежно больного главы СССР. Как объяснили это старику, который достаточно часто находится в состоянии комы, не знаю, информация на этот счет ниоткуда не просочилась. Но факт остается фактом: Джуна больше не появляется в доме Леонида Брежнева. Согласитесь, есть почва для подтверждения вышесказанного: если выбирать между уходом на пенсию и смертью — предпочтительнее смерть.

А теперь я возвращаюсь к своему главному герою — и, перед тем как сделать заключительный вывод, один весьма любопытный эпизод, и, представьте, из литературной жизни России.

Зададимся вопросом: есть ли сегодня у Юрия Андропова реальный конкурент в борьбе за брежневское наследие? Есть, отвечают некоторые западные советологи. Это Константин Устинович Черненко. В России, особенно в среде политической и интеллектуальной элиты, этот человек не пользуется абсолютно никакой популярностью и авторитетом. Более того — к нему там отрицательное, даже пренебрежительное отношение. Но Черненко — «первый друг» Брежнева, его «правая рука». И, главное, вокруг него группируется так называемая «днепропетровская мафия» (политическая карьера Черненко, как и Брежнева, начиналась в Днепропетровске на Украине, там они и сблизились), ее самый верхний эшелон. Уж эти-то люди хотят видеть в кресле главы государства только Черненко, для них Андропов на этом посту — гибель, если не физическая, то наверняка политическая и материальная. Вот они-то и сделали несколько отчаянных попыток продвинуть на вершину власти своего Константина Черненко. И одна из них,— у людей этого сорта и морали для достижения цели все средства хороши,— литературная.

Дело в том, что Леонид Брежнев в последние два года стал «писателем». Верноподданные литераторы даже приняли новый талант в свой Союз писателей. Ему вручили членский билет № 1. Все очень просто: Леонид Брежнев в промежутках между своими политическими и прочими трудами написал мемуары, целую трилогию, которые частями печатались в журнале «Новый мир». И вот в октябрьском номере этого «самого прогрессивного и либерального органа» должна была появиться последняя, заключительная часть мемуаров вождя страны, где повествование завершается нашими днями,— и не появилась[1].

Почему? — спросите вы. Естественный вопрос. Шедевр создавался бригадой литературных поденщиков, товарищ Брежнев лишь невнятно наговаривал на магнитофонную ленту свои воспоминания, из которых мастерам — и разбойникам — пера предстояло вылепить удобоваримую литературную фигуру. Тем не менее ближайшие соратники и друзья советовали новоиспеченному писателю, какие политические цели ставить перед собой в масштабных мемуарах, «которыми,— утверждали они,— будет зачитываться все прогрессивное человечество». И в последней части воспоминаний появилось своеобразное «политическое завещание» увядающего советского руководителя.

[1] Третья часть воспоминаний Л. И. Брежнева «Целина» была опубликована в январском номере журнала «Новый мир» за 1983 год.

Спешу, уважаемые читатели, удовлетворить ваше любопытство. Да, октябрьский номер журнала «Новый мир» вышел без заключительной части «блистательных» — как пишет советская критика — брежневских мемуаров. Их по неизвестной — литературной и всей остальной общественности страны — причине задержала цензура, а Цензурный комитет — это, как говорят в России, и ежу понятно — структура, неотъемлемая от КГБ.

Но тем не менее, тем не менее... Совсем недавно я держал в руках — и, естественно, внимательно прочитал — ксерокопию верстки, не попавшей пока в журнал, третьей части воспоминаний вождя советского народа. Там-то я и обнаружил «политическое завещание» Леонида Брежнева. Там он дает всем своим соратникам по Политбюро характеристики, как бы на каждого из них примеряя свою шапку Мономаха. И Юрий Андропов удостоен несколькими словами, автор его «высоко оценил»: скромен, человечен, обладает деловыми качествами. Не густо... Зато Константин Черненко охарактеризован более подробно и весомо: он человек, «умеющий убеждать и находить правильные организационные формы» (Каково!), он «непреклонный борец, чуткий к мнению товарищей, но беспощадный к самому себе». Что тут сказать? Снимем шляпу, джентльмены, дамы и господа. Перед нами — достойный преемник. Не волнуйтесь, он продолжит дело Леонида Брежнева.

Не думаю, что Юрий Андропов серьезно опасается конкуренции Черненко. Скорее всего, цензурная акция, о которой я рассказал,— превентивная мера, профилактика. На всякий случай. Уж такой человек будущий глава Советского Союза.

Подведу итоги. Создан новый образ Леонида Брежнева — делается все для отправки его на пенсию. Не исключено, что предпринимаются и другие шаги — для другого ухода с политической арены главы Советского государства. Но пусть все-таки это остается моим предположением.

Надо сказать, что создан или, правильнее сказать, дорисован новый образ и моего основного героя. Здесь потрудились не столько советские журналисты — они немногословны, почти немы, когда берутся писать об Андропове,— сколько западные. Прежде всего я имею в виду серию очерков о теперь уже нашем общем персонаже Жозефа Рафта, которые опубликованы в журнале «Нью-йоркер»: Юрий Андропов — политик новой формации, скрытый либерал, сторонник постепенного сближения с Западом, будущий реформатор, интеллектуал, интеллигент, увлекающийся литературой, живописью, современной музыкой, почти друг венгерского народа, которому он подарил «отца венгерских реформ» Яноша Ка-

дара... И так далее и тому подобное. (В одной из ближайших статей я намерен поспорить со своим коллегой Жозефом Рафтом.)

К этому новому — и неожиданному — портрету Юрия Андропова полтора месяца назад он сам добавил несколько штрихов, совершив молниеносную поездку в три социалистические страны Восточной Европы. Кстати, об этих кратких визитах в советских средствах массовой информации не сообщалось. Так вот. Оказывается, мой таинственный герой на кремлевском олимпе в своих реформаторских и демократических устремлениях одинок, у него много врагов. И чтобы начать преобразования, ему нужна фора — минимум два года. Не ждите от него в эти два года решительных кардинальных преобразований ни внутри страны, ни во внешней политике (например, в проблеме вывода советских войск из Афганистана), дайте закрепить победу, удержать власть. Все это переводится одной фразой: Андропов ждет от Запада односторонних уступок, ничего не собираясь сразу менять в России. Надо признать — сильный ход!

Итак, занавес поднят! Последний акт в московской исторической драме начинается. На сцене два основных персонажа — антиподы в новых костюмах.

Мы накануне развязки. Она рядом. Грядут величайшие, потрясающие события, которые могут изменить судьбу не только России, но и всего мира».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

4 ноября 1982 года

Рабочий день только начался. Девять часов двадцать пять минут.

Начальник Пятого управления КГБ Фрол Дмитриевич Попков, сидя в своем кабинете, просматривал документы, которые подготовил для оперативного совещания с руководителями отделов: оно начнется через пять минут. Предстоит обсудить программу профилактических мер накануне Октябрьского праздника «с нежелательными элементами» (так называются эти люди, осколки разгромленного диссидентского движения; правда, оно все время пополняется новыми и, что самое тревожное, молодыми кадрами). Основная задача — не допускать их контакта с зарубежными журналистами и прочими иностранцами, которые тучами съезжаются в Москву — черт бы их побрал! — на все наши революционные праздники.

«Будь моя воля,— думал Попков,— я бы половину въездных виз, а то и треть...»

Зазвонил телефон прямой связи с ЦК партии.

— Я слушаю! — подняв трубку, с невольным раздражением в голосе сказал начальник «Пятки».— Алло! Я слушаю.

Телефонная трубка молчала.

— Алло! Попков у аппарата.— Внезапный, вроде бы беспричинный страх охватил Фрола Дмитриевича.— Я слушаю...

— Так слушай! — Он сразу узнал голос Андропова и похолодел: в голосе клокотали ярость и бешенство. Никогда раньше такого голоса Юрия Владимировича ему слышать не доводилось.— Как вас понимать, Фрол Дмитриевич?

— То есть?

— Мы с вами давно договорились, что все зарубежные публикации, в которых хотя бы упоминается мое имя, вы немедленно доставляете мне! Немедленно! У вас там на этой работе с зарубежной прессой целый полк бездельников сидит! И что же? Только сегодня, сейчас... Не вы, Фрол Дмитриевич, не вы! Мои люди кладут мне на стол газету «Дейли ньюс» за двадцать четвертое октября со статьей вашего Артура Вагорски «Накануне»... Мерзкая статья, отвратительная! Провокационная!..— Там, на Старой площади, Андропов задохнулся от злобы.— Опубликована десять дней назад! Вы хоть с ней знакомы?

— Знаком, Юрий Владимирович...

— Так в чем дело?

— Честно?

— Разумеется, честно, черт бы вас побрал! — Интонация голоса смягчилась, и, если бы товарищ Попков верил в Бога, он бы истово перекрестился.

— Не хотел вас огорчать, Юрий Владимирович. Перед праздником... Перед решающими событиями...

— Вот что, уважаемый, давайте прежде всего будем мужчинами и профессионалами. Давайте делать свое дело. Постоянно и неуклонно.

— Согласен, Юрий Владимирович. Извините.

— Он согласен! — Андропов хмыкнул и, похоже, совсем успокоился.— Так что, Фрол Дмитриевич, этот Вагорски окончательно вышел из-под вашего контроля, опеки? Вы его не можете больше направлять в нужную нам сторону?

— Да как сказать...

— Скажите, как есть! Во всяком случае, все его последние статьи говорят именно об этом — он вне вашего влияния, более того — он нам враждебен и поэтому опасен. Что вы намерены делать дальше, Фрол Дмитриевич?

— Ситуация с Артуром Вагорски сложная. Не только мы влияем на него, не только мы поставляем, надо сказать, дотошному американцу информацию.

— Эта его девка? Как ее?

— Да, Виктория Садовская. И вся ее среда, где постоянно вращается Вагорски. Что же, Юрий Владимирович, на то мы тут и сидим. Будем работать с Вагорски. Будем...

— Нет уж! — перебил Андропов.— Все.— В голосе его снова звучала ярость.— С Вагорски после его статьи «Накануне» — все! Он должен быть объявлен персоной нон грата и выдворен из Советского Союза. И другим неповадно будет. Да и с Викторией Садовской пора разобраться. Ей совсем не поме-

шает несколько лет в новой рабочей среде, на свежем воздухе, подумать о своих заблуждениях. Да и этот религиозный журнал... Как он?

— «Благовест», Юрий Владимирович...

— Она там вроде теперь замредактора?

— Да.

— Уж больно мы с вами, Фрол Дмитриевич, гуманны. Чрезмерно! Сколько лет терпим у себя под боком это мракобесие, этот религиозный дурман, замешанный на антисоветчине. Пора, пора принимать меры.

— Согласен, Юрий Владимирович.

— Теперь вот что... Объясните мне, пожалуйста, Фрол Дмитриевич, каким образом у этого Вагорски оказалась, как я понимаю, верстка последней части мемуаров нашего замечательного писателя Леонида Ильича Брежнева? — Попков молчал, и, не дождавшись ответа, Андропов продолжал (в голос вернулось раздражение): — Что там у вас происходит в цензуре?

— Недоработка, Юрий Владимирович.

— Недоработка!.. Объясните все-таки, как это возможно?

— Объяснение одно...— Попков вздохнул.— Все продается, все покупается...

— В рядах работников государственной безопасности не должно быть коррупции. Не должно!

— Там, Юрий Владимирович, работают не только наши люди...

— Ну, хорошо... Разберитесь. Обязательно выявите виновных, примите меры. И доложите мне.

— Да, Юрий Владимирович... Примем все меры. Будем работать.

— Вот и работайте, дорогой! Работайте! — Андропов положил трубку.

Фрол Дмитриевич Попков, с облегчением вздохнув, вытер носовым платком пот со лба и, переключившись на дежурного в приемной, сказал:

— Приглашайте товарищей.

Было без двадцати десять утра.

5 — 10 ноября 1982 года

Пятого ноября члены Политбюро на незапланированное экстренное заседание собрались по инициативе Юрия Владимировича Андропова в его кабинете в двенадцать часов дня. Присутствовали не все, пять или шесть человек. На этом

заседании не было Константина Устиновича Черненко, который оказался в этот день у себя на даче — ему нездоровилось.

От имени врачей, постоянно наблюдающих за здоровьем Брежнева, и от себя лично говорил академик Евгений Иванович Чазов:

— На сегодняшний день здоровье Леонида Ильича стабильно.— Личный врач Генерального волновался.— Если, конечно, можно назвать здоровьем то состояние, в котором он находится. Не буду повторять того, что вам хорошо известно...— Евгений Иванович закашлялся.— Но седьмого ноября объединяются два фактора: синоптики доложили, что в первый праздничный день, во время военного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади, резко ухудшится погода, температура может понизиться до десяти градусов мороза, резкий северный ветер. Это первый фактор. Второй — чрезвычайное ослабление организма Леонида Ильича. Покой, тепло, постоянные медицинские процедуры — вот что ему нужно сейчас.— Чазов помолчал, очевидно подыскивая слова для заключительного вывода.— Словом, объединившись, эти два фактора ставят под угрозу жизнь главы государства седьмого ноября на трибуне Мавзолея. Переохлаждение организма создает угрозу его жизни. Поэтому мы, лечащие врачи товарища Брежнева, и лично я, категорически против его присутствия на Красной площади в этот день... более того, мы будем настаивать на постельном режиме.

— Как же, согласится он на постельный режим!..— сказал Андрей Андреевич Громыко, в злой усмешке скривив рот.

— Да, пациент упрям,— вздохнул академик Чазов.

— Одну минуту, Евгений Иванович,— тихо, вкрадчиво сказал Андропов, сидевший за своим столом и что-то чертивший на листке бумаги остро заточенным синим карандашом.— Вы сказали: здоровье Леонида Ильича стабильно. В последнюю неделю он встречался с коллективами двух московских предприятий. Скажите, во время этих встреч его здоровье было таким, как сейчас?

Чазов, подумав несколько мгновений, сказал:

— Пожалуй. Да, именно так.— Но в голосе его не было уверенности.

— Товарищи! — Юрий Владимирович поднялся и обвел всех находящихся в кабинете пристальным, внимательным взглядом.— Жизнь главы государства, его здоровье бесценны. Но есть еще интересы государства, престиж Советского Союза, забота о стабильности в нашем обществе, да и во всем мире. Отсутствие вождя народа на трибуне седьмого ноября, в

шестьдесят пятую годовщину нашей великой революции, может быть превратно воспринято советскими людьми, более того, вызвать панику. И так, к сожалению, не раз появлялись слухи о его кончине... («Которые ты и твои опричники и распространяют»,— успел подумать Андрей Андреевич Громыко, впрочем, без всяких эмоций и чувств.) И вдруг в такой день Леонида Ильича нет иа трибуне Мавзолея Владимира Ильича Ленина! А многочисленные иностранные делегации, журналисты и телерепортеры со всего света, которые будут присутствовать иа Красной площади? Представляете их реакцию? — Все молчали, потупя взоры долу.— Нет! — В голосе Главного Идеолога страны зазвучали пафос и страсть.— Леоинд Ильич в этот торжественный день должен и принимать военный парад, и приветствовать ликующий народ. Как всегда! Евгений Иванович,— повернулся Андропов к Чазову,— как вы утверждаете, здоровье Леонида Ильича стабильно. Остается уберечь его от переохлаждения на трибуне Мавзолея. Так неужели мы этого не можем сделать? Теплая, добротная одежда, его любимый горячий чай, наконец, если надо, соответствующие лекарства, стимулирующие тонус организма. Всего на несколько часов, Евгений Иванович. А после праздника и вы и мы сделаем все, чтобы товарищ Брежнев как можно больше уделил времени своему здоровью и отдыху. И мы уже работаем в этом иаправлении. («Какая лиса! Просто бестия!» — подумал Громыко, испытав даже иекоторое, правда, мгновенное восхищение.) Поэтому, товарищи, я предлагаю не лишать Леонида Ильича счастья быть седьмого ноября со своим иародом! Ведь он каждый год с нетерпением ждет этот прекрасный день! Собрание наше не протокольное. Но все-таки давайте проголосуем. Кто за мое предложение, прошу поднять руки.

И Юрий Владимирович Андропов первым поднял руку.

Подняли и остальные, не глядя в глаза друг другу. Кроме Евгения Ивановича Чазова, который, демоистративно сцепив пальцы в замок, сидел, замерев и глядя перед собой в пол.

...Что же, мини-спектакль был разыгран безукоризненно.

...Синоптики не ошиблись: седьмого ноября 1982 года с раннего утра резко похолодало — до семи градусов ииже нуля. Задул резкий северный ветер, небо над Москвой нависло тяжелой черно-серой массой: иногда иачинал идти снег, и порывы ледяного ветра несли его по пустыиной Красной площади. Было без десяти минут десять. Военная техника, шеренги курсантов и слушателей военных академий, ряды

сухопутных войск замерли на Манежной площади и прилегающих улицах, скрываемые темно-красной громадой Исторического музея. А трибуны до отказа были заполнены гостями. Над ними стоит тихий гул ожидания... Скоро... Прекратился короткий снегопад, посветлело. В сером небе на мгновенье, причудливо и нереально, расплывчатым желтком возникло солнце и тут же исчезло. Опять хмурилось.

...Он, поддерживаемый телохранителями, трудно, тяжко поднимается на трибуну Мавзолея, останавливаясь на каждом переходе — нечем дышать, не хватает воздуху. Он тепло одет: зимнее пальто, под пиджаком толстый свитер, шерстяной шарф, кожаные на меху ботинки, ондатровая шапка. Но все равно холодно, от ударов в лицо порывистого ветра перехватывает дыхание, начинают деревенеть щеки. Он слышит, как за ним, тоже трудно, карабкаются его соратники.

Но вот и близок конец — еще один переход в несколько ступенек.

На Спасской башне куранты начинают отбивать десять часов.

С последними ударами курантов он оказывается на трибуне. Телохранители отступают назад, несколько самостоятельных шагов... Ничего, ничего, сейчас. Порядок! Не пошатнулся, не качнулся в сторону. Дошел! Все... Он на своем месте.

Все привычно, все как всегда: команды, гимн, краткие речи, грохот и бензинный чад военной техники, от которой, кажется, сотрясается земля, военные марши, мощный слаженный грохот сапог проходящих мимо стройных колонн. Он скорее по многолетней привычке, по инерции пытается отдать честь, но рука еле-еле поднимается до уровня плеча и замирает, еле заметно подрагивает. Он не видит, что происходит там, на Красной площади — все в странном розоватом тумане, то приближается, то исчезает. Гул, грохот, уже совсем одеревенело лицо, оказывается, по щекам текут слезы, застывая в глубоких морщинах, а он и не чувствует этого. «Леонид Ильич, горячего чайку».— «Что?.. Где... Ага...» Он пьет горячий, чуть-чуть подслащенный чай («Нельзя, нельзя сладкого. От сладкого прибавляется вес»), не ощущает ни вкуса, ни запаха, ни тепла, вставные зубы стучат по краю стакана. «Спасибо...» Хочется в туалет, по-маленькому. Но нет тут туалета, а уйти нельзя, неудобно, престиж государства... народ не поймет. Надо стоять, стоять... Лечь бы в тепле, поспать бы полчасика. Нельзя, нельзя... А по Красной площади уже шествуют колонны ликующих демонстрантов — знамена, транспаранты, портреты. Его портреты... Много, много

его портретов. «Народ меня любит, ага... И я люблю свой народ. Я всех вас люблю...» По щекам ползут слезы и тут же застывают в оврагах морщин. Шевелятся безжизненные, непослушные губы — он говорит ему, своему народу, пламенную революционную речь, но стоящие с двух сторон соратники слышат только невнятный, редкий шепот, похожий на бред.

Так проходит час, второй. Он уже не понимает, где он, что с ним.

...Вряд ли осознавал Леонид Ильич Брежнев в тот день, седьмого ноября 1982 года, стоя на трибуне Мавзолея, «принимая» военный парад, «приветствуя» колонны демонстрантов, что он прощался со страной, которой правил восемнадцать лет. Что все это было для него в последний раз... Вряд ли. О чем он тогда мог думать?

Может быть, о самом простом, житейском: давно надо было здесь, в Мавзолее, соорудить лифт, чтобы в нем товарищи поднимались на трибуну, не мучились, не страдали. И теплый, удобный туалетик должен тут быть. Ничего, Владимир Ильич не обидится, сам человеком был. И буфет небольшой, тоже теплый,— отлучился незаметно на пару минут, выпил чашку кофе, съел бутербродик, а кому врачи позволят, пусть и рюмочку пропустит, не грех, праздник.

А может быть, Генеральный секретарь правящей партии и глава государства подводил итоги своего правления и удивлялся: как это ему удалось восемнадцать лет удержаться на самом верху? Не свергли, не убили, не отправили в позорную отставку, как Никиту. Знал ли Леонид Ильич ответ на этот вопрос? Тоже — вряд ли. А все, возможно, просто, совсем просто... Он никогда лично не управлял страной и нисколько не страдал от этого. Символы власти — звания, ордена, право первой подписи (подскажут товарищи: подпиши — подпишет; шепнут: не подписывай — не подпишет, да еще черные брови насупит, кулаком по столу грохнет, покажет характер); ритуал приемов, праздников, встречи с первыми лицами других государств, протокольные церемонии — все это было ему дороже самой власти. И такой лидер государства вполне устраивал «единомышленников», стоявших за его спиной и варивших свою политическую похлебку. Другое дело, что каждый варил ее на свой вкус. Ну и ладно! Варите, хрен с вами! Только меня не трогайте. Зато вон до каких лет дожил, оставаясь вождем советского народа и всего прогрессивного человечества. Семьдесят шесть лет! Действительно... Политический долгожитель. За годы его правления в Соединенных Штатах Америки, к примеру, четыре президента сменилось. Это то-

варищ Брежнев точно знал. А если в российскую историю заглянуть? Правда, не очень-то он в нее заглядывал, если вообще заглядывал. А зачем напрягаться? Зря время терять? Скажем, нужна историческая параллель в отчетном докладе на очередном съезде партии, так для чего, скажите, референты и советники, этот доклад пишущие? Все исполнят в лучшем виде. И тут надо откровенно сказать: был Леонид Ильич — как и все наши вожди его круга, начиная с Никиты Сергеевича Хрущева,— человеком невежественным, необразованным, некультурным, неинтеллигентным. Никогда он не читал книг. Все сведения и знания черпал из кинофильмов «про войну», «про разведчиков», «про колхозы», «про историю», а представления о современной жизни страны, в том числе и негативные, черпал из газет, журнала «Крокодил», который очень любил читать с Викторией Петровной, из телевизионных передач «Время» и «Фитиль».

Что же, давайте за него в российскую историю заглянем. Интересные обнаруживаются обстоятельства. Дожил кто-нибудь до возраста Леонида Ильича Брежнева из верховных правителей государства Российского? Представьте себе — никто! Последний русский император Николай Второй расстрелян большевиками в пятидесятилетнем возрасте; Иван Грозный, Петр Первый и «основатель первого в мире государства рабочих и крестьян» Владимир Ленин покинули сей мир, когда каждому из них было по пятьдесят три года; Николая Первого приняла земля в возрасте пятидесяти девяти лет; Александра Второго, великого царя-реформатора, революционеры-народовольцы грохнули бомбой за полтора месяца до его шестидесятитрехлетия. Екатерина Вторая умерла, когда ей было шестьдесят семь лет; из советских вождей только «лучший друг всего прогрессивного человечества» Иосиф Сталин дотянул до семидесяти трех лет — тут, наверное, сказались традиции кавказского долголетия. Да и всех своих соратников по борьбе, с которыми Брежнев в 1964 году сверг Хрущева, он пережил — один он сейчас в Политбюро из той славной плеяды.

«Один, совсем один,— шептал одеревеневшими губами Леонид Ильич, чувствуя, что холод проникает во все его большое тело.— Никого...» И опять водянистые гаснущие глаза наполнялись слезами.

Но имел он в виду не тех своих давних сподвижников, а совсем другое — то, что сейчас происходило вокруг него. Наверное, инстинкт самосохранения в человеке — как и в животном — умирает последним.

— Леонид Ильич, все, пора.

Он очнулся, вышел из состояния полусна, грез, полуобморока. Понял: народ, демонстрация — все кончилось, пустеет трибуна Мавзолея.

— Леонид Ильич, вы как? Праздничный прием... На всякий случай ваша приветственная речь... Всего три странички...

— Никаких приемов... В Завидово... Охота... Хочу в Завидово...

...И через два часа он вышел из машины у своего охотничьего домика в знаменитом заповеднике, который занимает огромную территорию Московской и Калининской областей: неухоженные леса без всяких асфальтированных дорог, транспорт — только лошади, летом к местам охоты — на телеге, зимой на санях; разливы Московского моря, камышовые заросли, болота, малые речушки, зверья и боровой дичи — несметно. Это охотничье хозяйство для царствующих особ, находящееся на балансе Министерства обороны, при Брежневе достигло своего апогея. «Охотничьи домики», естественно, со всеми удобствами, с непременными банями и саунами (кому что нравится), свое подсобное хозяйство: лошади, коровы, овцы, рыбопитомник и питомник норок, разведение уток и куропаток, псовый двор. «Коллектив» — более пятидесяти человек, основа которого — егеря. Ну и, конечно, бытовая обслуга: повара, официантки, банщики, медики, рабочие подсобного хозяйства. И — охрана, спецбатальон, в котором более двухсот человек.

Впервые лесные угодья Завидово для «правительственной охоты» облюбовал Никита Сергеевич Хрущев, тоже «страстный» охотник; при нем спецхозяйство начало благоустраиваться. Но окончательно его обустроил за долгие годы своего правления тот, кто приехал сюда после праздничных торжеств на Красной площади седьмого ноября 1982 года.

И если была у Леонида Ильича в жизни всепоглощающая страсть, которая восстанавливала его силы, улучшала самочувствие, повышала жизненный тонус,— то это охота. Он был не только страстным охотником, но, без всякой «туфты», подставок (обычная практика для егерей, когда охотится кто-нибудь из вождей или их высокие гости), он был великолепным стрелком, конечно, до тех пор, пока его не стали покидать физические силы. У него на даче в Заречье был целый арсенал охотничьих ружей — и тех, которые он приобретал сам, и тех — их было большинство,— которые ему дарили главы государств или государственные лица рангом пониже, рассчитывая таким образом — и не без основания — положительно решить свои проблемы во время официальных переговоров.

Леонид Ильич наивно полагал, что и для его ближайших соратников нет больше радости, чем оказаться с ним на охоте в Завидово; он часто приглашал кого-нибудь из кремлевских старцев поехать с ним, чтобы «на зорьке, часа эдак в три, двинуть на уток». Старцы вздыхали, кряхтели, принимали лекарства и... ехали.

Доходило и до курьезных случаев. Однажды впервые получил приглашение пожаловать на царскую охоту Михаил Андреевич Суслов и, человек сугубо кабинетный, теоретический, ни разу в жизни не державший в руке ружья, не посмел отказаться, приехал. Вышел из машины в своих знаменитых галошах и, вдохнув свежий воздух — резкий, предутренний, сказал:

— Сыро.— И, отказавшись зайти в охотничий домик гостеприимного хозяина, сел в машину и уехал домой, в тепло.

(Я, автор этой книги, которую можно было бы еще назвать «Житие и деяния Юрия Андропова», однажды, роясь в архивных документах, задал себе вопрос: «А любил ли охоту Юрий Владимирович? Охотился ли он со своими коллегами по Политбюро? Или в молодости, например, в Карелии, в бытность свою первым секретарем ЦК комсомола этой республики? «Никаких подтверждений или отрицаний этого обстоятельства не обнаружил. Скорее всего, не был охотником мой герой. Может быть, по причине плохого зрения?

Впрочем, есть у меня одно свидетельство... Но оно устное, ни на какой бумаге не зафиксировано, и человек, сообщивший мне это, просил его имя не обнародовать. Словом, хотите — верьте, хотите — нет. Будто бы однажды пригласил Леонид Ильич Андропова на охоту в Завидово: «Поехали, Юра,— или Юрий Владимирович, если в ту пору своему главному охраннику еще не «тыкал»,— поехали завтра, уток постреляем». И будто бы тогдашний Председатель КГБ ответил: «Спасибо, Леонид Ильич, но вынужден отказаться. Не охотник. Не люблю, даже не переношу крови. И вообще. Убивать птиц, зверей... Лишать их жизни... Нет!» И будто бы после этого глава государства так обиделся на товарища Андропова, что не разговаривал с ним больше года.)

...Леонид Ильич Брежнев уже давно сам не стрелял, но на любую охоту в Завидово приезжал при первой возможности. Теперь на вышке, если «брали кабана», или на лодке, когда «били уток», он был болельщиком. Стреляли егеря или телохранители. И его все равно охватывал охотничий азарт: переживал, чаще билось сердце, молодел, казалось, возвращались силы.

Так было и на этот раз. Седьмого ноября Брежнев попарился в баньке, поспал пару часов, совершил небольшую прогулку, жадно дыша терпким духом русского леса в позднюю осеннюю пору, чувствуя, что хорошо ему, радостно, тело свое ощущает совсем здоровым. «Еще поживу!»

В пять часов отправились к месту охоты. В начале восьмого вечера уже были в глухом лесу, на охотничьей вышке,— он, егерь и телохранитель, оба с ружьями с оптическими прицелами и приборами ночного видения. Повезло: уже через два часа к подкормке вышло кабанье стадо — впереди молодняк, подсвинки, за ними самки, и замыкали стадо три матерых кабана. Одного из них и взял егерь первым точным выстрелом. Раскатилось эхо по темным лесным чащобам, стремительно разбежалось кабанье стадо, только треск стоял вокруг вышки, постепенно затихая.

— Попал! Попал! — в каком-то неистовстве кричал Леонид Ильич Брежнев.

Ему помогли спуститься, светили фонарями. Он, спеша, задыхаясь, подошел к огромной кабаньей туше, наклонился над оскаленной мордой, прошептал:

— Посвети-ка!.. Куда ты его?.. Вот! Ну, мастак! Точно между глаз.

— Это мы вместе с вами, Леонид Ильич,— подобострастно сказал егерь.

Генеральный секретарь тяжело сел на мертвого кабана, испачкав полу пальто кровью, сочившейся из раны, вздохнул:

— Эх, жаль, нет фотографа. Хороший бы снимок получился!

И его, следует добавить, можно было бы озаглавить: «Последняя охота».

...Вернулись, скромно поужинали, разговоры — только про удачную охоту. Лег спать Леонид Ильич поздно, сказал: «Утром не будите. Отоспаться надо». Заснул сразу, без всякого снотворного, и спал крепко до одиннадцати утра.

В Москву отправились после обеда. Чувствовал он себя хорошо, бодро, думал: «Завтра на работу. Дел, наверное, много накопилось за праздничные дни».

...Вечером восьмого ноября Чазову позвонил Главный Идеолог страны:

— Здравствуйте, Евгений Иванович.

— Добрый вечер, Юрий Владимирович.

— Действительно, добрый.— Андропов зло хохотнул.— Ваш подопечный-то? Вчера в Завидово на охоте кабана завалил. А вы говорите «постельный режим».

— Развожу руками.

— Разводите, разводите.— В голосе Юрия Владимировича слышалось что-то похожее на ехидство, замешенное на раздражении.— Думаю, сейчас самое главное — поддерживать Леонида Ильича в той форме, в которой он вернулся с охоты. Не мне вам говорить: здоровье первого лидера страны — достояние нации.

И Андропов положил трубку.

Девятого ноября 1982 года Брежнев появился в здании ЦК КПСС на Старой площади в начале одиннадцатого[1]. По отработанной схеме у лифта на третьем этаже его встретил заместитель начальника личной охраны Генерального Владимир Тимофеевич Медведев, была смена его группы телохранителей (или, по официальной терминологии, «прикрепленных»; она состояла из трех человек).

Леонид Ильич вышел из лифта вполне бодрым, осеннее темно-синее пальто распахнуто, в левой руке ондатровая шапка. Увидев телохранителя, улыбнулся, протягивая руку, сказал:

— Здравствуй, Володя.

Владимир Тимофеевич служил в личной охране главы государства уже четырнадцать лет, с 1968 года, и был в семье Брежневых своим человеком, почти родным — его там любили и полностью доверяли ему.

— Доброе утро, Леонид Ильич.— Медведев знает, что нужно спросить у Хозяина, дабы у того улучшилось настроение: — Как охота?

— Хорошо.

От лифта до кабинета Генерального — метров сорок. Апартаменты состоят из трех помещений: приемная, сам кабинет и комната отдыха, в ней стоят тахта, стол, кресла, полки с книгами, дверь в туалет.

Владимир Тимофеевич проводил Брежнева, слегка поддерживая его, в комнату отдыха, помог раздеться.

Отдышавшись, сидя в кресле, Леонид Ильич, трудно поднявшись, сказал:

— Пойду поработаю.— И отправился в кабинет.

---

[1] Приведенная в этом фрагменте прямая речь Брежнева взята из книги Владимира Медведева «Человек за спиной» (М.: Русская литература, 1994).

Медведев перешел в приемную. Он обратил внимание на то, что в этот день к Генеральному никто не заходил. Только однажды появился Константин Устинович Черненко с озабоченным пасмурным лицом, пробыл в кабинете Брежнева всего несколько минут и ушел, тяжело, с хрипом дыша.

В середине дня Леонид Ильич ушел обедать, а вернувшись, как всегда, прилег на тахту, ненадолго соснуть. Телефоны на два часа были переключены на приемную. Проснувшись, Леонид Ильич работал в своем кабинете с бумагами, с кем-то разговаривал по телефону.

В семь часов вечера в приемной прозвучало два звонка — телохранителю. Если нужен секретарь приемной — один звонок.

Владимир Тимофеевич вошел в кабинет.

— Забирай папку, портфель, поехали.

«Ясно, в Заречье,— понял телохранитель.— Генеральный предпочитает больше жить на даче, чем в своей городской квартире на Кутузовском проспекте, похоже, он не любит это жилище, которое представляет «начинку в пироге»: сверху — Андропов, внизу — Щелоков».

Скоростная езда до Заречья — дорога уже расчищена, «зеленая волна» включена: десять — пятнадцать минут.

...Приехали. Медведев в огромной прихожей помогает Брежневу снять пальто, провожает его на второй этаж, где спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны и еще несколько спален для детей и внуков. Потом — на третий — там его рабочий кабинет. Поддерживая Брежнева за локоть, телохранитель чувствует, как тяжко дается его подопечному каждая ступенька. Так... Наконец-то кабинет. Папку на тумбочку, рядом — портфель. Теперь надо пулей вниз, к себе в служебный домик, чтобы доложить оперативному дежурному: «Мы на месте». В дверях Владимир Тимофеевич оглядывается: Леонид Ильич подошел к широкому окну, отодвинул занавеску...

Скорее, скорее! Через три ступеньки. Там, у оперативного дежурного, все в напряжении, ждут его звонка — охрана, телохранители, находящиеся постоянно рядом с Брежневым, знают, что дни его сочтены, и каждый молит своего Бога: «Только не в мою смену...»

Он смотрит в облетевший сад, слабо освещенный фонарями.

Чувствовал ли он тогда, что и этот его взгляд — прощальный? Да, да, это прощание навсегда с Заречьем, к которому он привязался, привык. Скоро-скоро в дальнюю неведомую дорогу...

Нет, наверняка у него не было никакого предчувствия.

Заречье... Удивительное место! Особеиио если учесть, что оио в десяти минутах езды от Кремля и Старой площади. Правда, езды по правительственной трассе, в условиях особого режима — трасса, когда ои едет, пуста, включена «зелеиая волна», только постовые милициоиеры выбегают к бешено мчащнмся машииам, чтобы правительственному ЗИМу, в котором Ои следует в свою загородную резиденцию, по-холуйски отдать честь. (И потом им всем обязательно что-ннбудь перепадает с барского стола.)

А само место удивительное: тенистый лесопарк на высоком берегу задумчивой речушки Сетунь, асфальтовые дорожки — для одииоких прогулок (правда, по бокам, в зарослях, бесшумио следует охрана); яблоиевый сад под окнами. Несколько лет назад по его просьбе из Молдавни прнвезли саженцы малнны, смородииы, вишен. Теперь все буйно разрослось, плодоиосит. Молодец, садовиик. Теплица своя. Открытый плавательиый бассейн. Правда, Хозяин в нем инкогда не купается (сейчас в ием плавают печальные осеиние листья), н бассейи постепеиио ветшает, приходит в иегодность. Есть тут еще одна достопримечательиость, ревнивая любовь Леонида Ильича — голубятня, до десяти породистых дорогих голубей, красавец к красавцу, отдельио молодняк, отдельно — крупные.

А сам дом? Редких гостей он угнетал своей официальиостью, помпезностью, холодом, отсутствнем уюта. Это в архитектурном плане иелепое сооруженне больше походило на адмнннстративиое здаиие для официальных приемов: минимум полезной площади, зато просториые холлы, переходы, длнниые коридоры, в которых можно проводить соревиования по бегу; величествеииая мраморияя лестница, ведущая иа второй и третий этажн. Большие окна, стекляииые двери, мозаичные витражи в стиле современного модериа. Нет, просто невозможно жить в таком холодном, бездушиом доме. А ои привык к иему и даже полюбил. На первом этаже, кроме столовой, иебольшой кииозал, зимний бассейн — четырнадцать квадратиых метров, три дорожки. Здесь он плавает каждое утро.

Вннзу, в полуподвальиых помещениях,— комнаты для обслуживающего персонала, всяческие подсобкн. На втором этаже спальнн, иа третьем, кроме кабииета,— библиотека, в которой хранятся главиым образом сигнальиые экземпляры его кннг, н политических, н художествеииых (ведь он «писатель»). Есть тут же бильярдная с огромным столом. Но сам Леонид Ильич в эту нгру ие играет, ои вообще не занимается спортом, его спорт — охота. Да еще езда иа лег-

ковых автомобилях — вторая его страсть. Поэтому здесь никто никогда не играет в бильярд.

В половине девятого вечера в дежурном домике, в котором сидел у телевизора Медведев, раздался телефонный звонок.

— Владимир Тимофеевич,— сказала официантка,— вас приглашают на ужин.

Это уже традиция: без своего верного телохранителя к еде Леонид Ильич не притронется.

В огромной столовой за столом на десять персон они сидят втроем — супруги Брежневы и Медведев; устроились в самом торце. Печальная картина...

На ужин подан творог и чай. Отдельно, чуть в сторонке, на тарелочке несколько кусков вареной колбасы и хлеб.

— Это, Володя, я попросил, чтобы тебе принесли,— говорит Хозяин дома.

Уже много лет у Брежнева строжайшая диета, борьба с весом, более или менее удачная,— при росте сто семьдесят восемь сантиметров он в последнее время удерживает вес в пределах девяноста двух килограммов. Каждый день — непременное взвешивание: здесь и в охотничьем домике в Завидово имеются весы всех видов и марок, отечественные и зарубежные. Тоже своеобразная коллекция. Не дай Бог прибавка в весе на пятьсот граммов. Переполох! Менять диету, ужесточать. Повара в панике: куда же еще ужесточать?..

Ужин проходит в молчании.

— Тяжело глотать,— вдруг говорит Леонид Ильич.

Виктория Петровна молчит.

— Может быть,— предполагает Медведев,— творог неразмятый приготовили?

Брежнев не отвечает.

— Леонид Ильич...— Беспокойство закрадывается в душу Владимира Тимофеевича.— Я врача вызову.

— Нет, не надо.— Брежнев с трудом поднимается из-за стола.— Пойду спать. Устал что-то. «Время» смотреть не буду. Спокойной ночи. Вить, ты пойдешь?

— Да нет, Леня,— отвечает Виктория Петровна,— я телевизор посмотрю.

Медведев остался с супругой Леонида Ильича, тоже смотрел и не смотрел телевизор: непонятная тревога не покидала его, хотя все было как всегда в последнее время.

Виктория Петровна, попрощавшись, ушла спать около одиннадцати.

...В сторожевом домике в принципе во время смены спать нельзя. Но тут был диван, и, когда проверены все внешние и наружные посты, когда все в порядке, перед утром на этом

диване можно прикорнуть часа два-три. Но всегда Медведев спал чутко, вскакивал при каждом шорохе. Наверное, так и другие прикрепленные. Дело в том, что сон Леонида Ильича был плохой, он часто просыпался, мог позвонить: который час? Или говорил: «Володя, приходи покурить». Это означало следующее: уже давно врачи категорически запретили Брежневу курение; вот теперь телохранители, когда позволяла обстановка — на охоте, в машине, в спальне,— по просьбе подопечного окуривали его дымом когда-то любимых сигарет, а он жадно вдыхал его...

На этот раз ночь прошла спокойно, Брежнев ни разу не позвонил.

Утром прибыл сменщик, Владимир Сабаченков. Медведев, как всегда, сдал ему смену и стал собираться домой.

— Слушай,— вдруг попросил его сменщик,— что-то мне... Пойдем вместе разбудим. А потом поедешь.

Из служебного домика они вышли без двух минут девять.

Виктория Петровна была уже в столовой, завтракала в одиночестве. Поздоровавшись с ней, телохранители поднялись на второй этаж. Медведев открыл дверь спальни. Шторы на окнах были задернуты, комната погружена в полумрак.

— Открой шторы,— прошептал Владимир Тимофеевич Сабаченкову.

Шторы открывались легко, но с шумом, который производили металлические кольца, на которых они двигались по карнизу.

Так было и на этот раз. В комнату хлынул неяркий свет ноябрьского утра.

Обычно от звука раздвигаемых штор Леонид Ильич мгновенно открывал глаза. На этот раз он не пошевелился, лежал на спине с головой, опущенной на грудь, в которую упирался подбородок. Странная поза, неудобная... Подушка сбилась к спинке кровати.

Медведев осторожно потряс Брежнева за плечо:

— Леонид Ильич, просыпайтесь, пора вставать.

Ответа не последовало. Владимир Тимофеевич затряс Брежнева, сильнее встряхивая его за плечи, большое тело колыхалось в постели. Глаза Леонида Ильича не открывались.

— Володь...— прошептал Медведев, чувствуя, как легкий морозец охватывает тело,— Леонид Ильич готов...

— Как готов?

— Умер.

Сабаченков мгновенно побледнел, в прямом смысле,— как полотно, его будто сковал столбняк.

— Беги на телефоны! — громко сказал ему Медведев, выводя из оцепенения.— Знаешь, кому звонить. И скорее зови коменданта.

Через несколько минут прибежал комендант Заречья Олег Сторонов.

Теперь они вдвоем пытались вернуть к жизни Леонида Ильича Брежнева: тормошили его, хлопали по щекам, Медведев дышал ему через марлю в рот. Потом, с трудом подняв грузное тело, положили его на пол, на ковер, стали делать искусственное дыхание: Владимир Тимофеевич резко разводил в стороны руки, Сторонов рывками давил на грудь, скоро взмок от безрезультатных усилий. Наверное, он повредил Брежневу ребро или что-то еще: изо рта на рубашку Медведева брызнула сукровица.

За этим занятием их застал Юрий Владимирович Андропов, возникший в комнате внезапно и так скоро после случившегося, будто находился где-то рядом. Он часто дышал, наверное, от того, что быстро поднимался по лестнице, на крупном носу выступили бисеринки пота.

— Как? — Голос его сорвался.— Что тут?

— Да вот...— сказал Медведев.— По-моему... Он умер.

Андропов быстро вышел из спальни, поманив за собой Владимира Тимофеевича.

— Как это случилось? — почему-то перейдя на шепот, спросил он.

— Пришли будить и застали в таком виде.

— А где Виктория Петровна?

— Внизу, в столовой.

— Я спущусь к ней.— Юрий Владимирович заспешил к лестнице.— А вы пока оставайтесь при...— он запнулся,— при нем.

Скоро в спальне появился Евгений Иванович Чазов, за ним — врачи-реаниматоры кремлевской «Скорой помощи», неся огромное количество своих приборов. Следом вошли Виктория Петровна, вся в слезах, с трудом переставляя ноги, и Андропов, который заботливо держал вдову под руку...

— Что? — спросил кто-то из реаниматоров.— Делать?

— Делайте,— ответил Чазов, отвернувшись.

Около десяти минут было подключено искусственное дыхание с применением самой современной техники. Но чудес не бывает.

— Прекращайте...— сказал Евгений Иванович.

Покойного положили на кровать. Руки расползались в стороны, и Медведев с медсестрой связали их бинтом на груди. Но бинт оказался слабым или медсестра неумело

завязала узел — тяжелые руки снова безжизненно расползлись в стороны. И их снова связали, вроде бы крепко.

— Все...— сказал Чазов.— Надо выносить, отправлять.

В машину, приехавшую из морга, внесли носилки с трупом, покрытым простыней.

— Товарищ Медведев,— прозвучала команда,— сопровождайте до морга, до самой камеры. Под вашу ответственность.

«Что под мою ответственность?» — потерянно подумал Владимир Тимофеевич, залезая в машину. И тут он с изумлением обнаружил, что оказался в замкнутом пространстве траурного катафалка один на один с ним... С тем, что еще вчера вечером было живым Леонидом Ильичом Брежневым. Ни дополнительной охраны, ни медиков. Никого.

Поехали...

Простыня закрывала его до головы. Машину мотало, раскачивало на поворотах. Голова двигалась из стороны в сторону. Казалось, что Леонид Ильич оживает. Нет, лучше не смотреть на голову...

Перед Владимиром Тимофеевичем колыхался большой живот, разбрасывало по сторонам голые руки и ноги — они опять развязались, и Медведев всю дорогу до морга пытался связать их, но безуспешно — мешала тряска.

Глядя на своего подопечного — бывшего, бывшего...— вернее, на то, во что он теперь превратился, Владимир Тимофеевич с горечью, тоской, недоумением, граничащим с чувством прозрения, думал: «Вот был он, человек, который одним росчерком пера, одним словом или кивком головы решал судьбы миллионов людей, от его воли во многом зависели судьбы мира. И что же?.. Он стал теперь простым смертным, как все мы. Все на нашей земле суета сует перед лицом смерти и вечности. И моя жизнь рядом с ним кончилась, оборвалась мгновенно этим утром. Еще в спальне, рядом с ним, уже мертвым, я чувствовал напряжение, профессиональное напряжение: я еще был при нем, исполнял свои обязанности. А теперь? Вот совсем скоро... Мы приедем... И — все. Кому я теперь нужен? Зачем я?..»

...Вот и морг — справа от ворот № 2 Кунцевской больницы.

Машину с драгоценным — с государственной точки зрения — грузом ждут. Суета, раздаются команды, охрана, медики в белых халатах. К машине подкатывают тележку на колесах, в нее переносят труп, катят к холодильной камере. Медведев следует сзади. В последний раз он, телохранитель, сопровождает его...

Открываются дверцы камеры. Тело Леонида Ильича Брежнева — голого, спокойного, отрешенного — кладут на стол.

Беглый медицинский осмотр, о чем-то шепчутся врачи.

— Закрывайте,— говорит один из них.

Тело вождя на тележке вкатывается в холодильную камеру, с лязгом хлопают двери.

Все... Финита ля комедиа. Для Леонида Ильича Брежнева. Но не для его останков.

У камеры ставится охрана. У ворот морга — тоже. Негромко звучат команды.

Царственное тело еще должно послужить отечеству — предстоят траурные церемонии величайшей государственной важности.

10 ноября 1982 года

И страна, и весь мир уже знали, что Брежнев умер, хотя никаких официальных сообщений в средствах массовой информации Советского Союза еще не было. По радио на всех программах, с экранов телевизоров — тоже на всех программах — звучала траурная или классическая музыка, русские народные песни, шли радио- и телеспектакли из репертуара отечественной классики.

В этот день, через десять часов после смерти Леонида Ильича, в шестнадцать часов было назначено внеочередное заседание Политбюро: «почтить память». Хотя все понимали, что главная цель — определить преемника Генерального секретаря и главу государства.

В четырнадцать часов тридцать минут в кабинете Главного Идеолога страны в здании ЦК партии на Старой площади раздался телефонный звонок. Андропов поднял трубку:

— Слушаю.

— Юрий Владимирович,— говорил некто из ближайшего окружения Черненко, работающий в его канцелярии,— на заседании Политбюро Тихонов собирается предложить на пост Генерального Константина Устиновича. Так они решили.

— Хорошо,— спокойно сказал Андропов,— спасибо.— И положил трубку.

«Кретины,— думал он, не испытывая абсолютно никакого беспокойства: фактически вся полнота власти уже была в его руках.— Последняя отчаянная попытка? Нет, друзья Леонида Ильича окончательно свихнулись».

Юрий Владимирович набрал номер телефона министра обороны страны маршала Устинова.

...Заседание Политбюро было расширенным — присутствовал двадцать один человек: члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК.

За десять минут до начала заседания министр обороны Советского Союза Дмитрий Федорович Устинов, дружески взяв под локоток задыхающегося от астмы и волнения товарища Черненко, отвел его к окну, за которым уже начинал угасать пасмурный осенний день, и сказал, дружески и тихо:

— Константин Устинович, мы тут посоветовались... Есть мнение. Вы — лучший друг покойного Леонида Ильича, можно сказать, доверенное лицо. Кому как не вам...

— Что? Что?..— В горле «лучшего друга» и «правой руки» клокотало и хрипело.

— Кому, как не вам, назвать сейчас на заседании Политбюро кандидатуру на пост Генерального секретаря...

— Простите, не понимаю!

— Я имею в виду кандидатуру Юрия Владимировича Андропова,— продолжал спокойно и по-прежнему дружески министр обороны.— Вы, Константин Устинович, конечно, знаете, что его кандидатуру поддерживают и армия, и органы государственной безопасности. Я уж не говорю о народе. Мы на вас, как всегда, рассчитываем.

— Понимаю... Конечно...— пролепетал Черненко.

— А сейчас, перед началом заседания, вы, Константин Устинович, быстренько поговорите с товарищем Тихоновым. Неудобно Николая Александровича, старого уважаемого человека, ставить в неловкое положение.

Черненко не успел ничего ответить — маршал Устинов, по-военному четко повернувшись, зашагал прочь.

...Ровно в шестнадцать часов началось заседание Политбюро.

К трибуне пошел Юрий Владимирович Андропов, спокойный и уверенный.

Никакого официального отчета или даже сообщения об этом заседании не было. Но в архиве сохранилась его рабочая черновая стенограмма.

— Товарищи! — сказал в полной тишине Главный Идеолог страны траурным голосом.— Прошу память Леонида Ильича почтить вставанием.

Все дружно поднялись и замерли в скорбном молчании.

Андропов стоял, потупя голову, и на лбу его набухла вена.

— Прошу садиться.— Была выдержана внушительная пауза. Теперь строго из стенограммы: — «...Все люди доброй воли с глубокой горечью узнали о кончине Леонида Ильича (хотя, заметим в скобках, официально, кроме посвященных крем-

левских и цековских персон, еще никто ничего не узнал). Мы, его близкие друзья, работавшие вместе в Политбюро ЦК, знаем, каким величайшим обаянием обладал Леонид Ильич Брежнев, какая огромная сила сплачивала нас в Политбюро, каким величайшим авторитетом, любовью и уважением пользовался он среди всех коммунистов, советского народа, народов всего мира. Он очаровывал всех нас своей простотой, своей проницательностью, своим исключительным талантом руководителя великой партии и страны. Это был поистине выдающийся руководитель, замечательный друг, советчик, товарищ...

...Никто из нас не может заменить Леонида Ильича Брежнева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС. Мы можем успешно решать вопросы, которые решает партия, только коллективно... Сегодня на повестке дня стоит вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Какие будут предложения, прошу товарищей высказаться».

Легкий шумок, движение, флюиды напряжения и страха. Значительное число голов повернулось в сторону Черненко. Он кашлянул в кулак, тяжело поднялся, и сразу пала тишина, сказал:

— Разрешите мне.

— Пожалуйста, Константин Устинович.— Андропов через толстые стекла очков смотрел на товарища Черненко без всякого выражения, отстраненно.

— Как известно,— начал оратор, откашлявшись, тусклым голосом,— Леонид Ильич придавал огромное значение коллективности руководства. Нельзя руководить страной, не опираясь на этот основополагающий принцип. Я убежден, что и новый Генеральный секретарь нашей партии будет твердо и неуклонно отстаивать эти принципы.— Константин Устинович вытер носовым платком пот с лица.— Я вношу предложение избрать Генеральным секретарем ЦК товарища Андропова Юрия Владимировича...

— Верно!

— Правильно!

— Мы согласны! — послышалось с разных сторон.

— ...И поручить одному из нас выступить с соответствующей рекомендацией на Пленуме ЦК...

Константин Устинович сел на свое место.

Стало тихо. Поднялся министр обороны.

— Товарищи! — сказал он.— Я думаю, будет абсолютно правильно, если уважаемого товарища Черненко мы попросим выступить на Пленуме ЦК с рекомендацией об избрании

Юрия Владимировича Генеральным секретарем нашей партии. Ему, как говорится, и карты в руки.

Это предложение вызвало всеобщее одобрение.

Поднялся над столом председательствующего Андропов:

— Я благодарю вас всех, друзья, мои боевые соратники, за оказанное доверие.

Раздались аплодисменты.

О том, что высказались не «товарищи», как было предложено им же, Юрием Владимировичем, а всего один товарищ (да и то из-под палки, заметим в скобках),— это обстоятельство никого не интересовало и не имело никакого значения.

На этом, как говорится, заседание Политбюро в расширенном составе «закончило свою работу».

Газета «Правда», 12 ноября 1982 года

От Центральиого Комитета Коммуиистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР.

Центральный Комитет Коммуиистической партии Советского Союза, Президиум Верховиого Совета СССР и Совет Министров СССР с глубокой скорбью извещают партию и весь советский иарод о том, что 10 иоября 1982 года в 8 часов 30 минут утра скоропостижно скончался Геиеральный секретарь Центральиого Комитета КПСС, Председатель Президиума Верховиого Совета СССР Леонид Ильич Брежиев.

Имя Леоиида Ильича Брежнева — верного продолжателя великого ленинского дела, пламеиного борца за мир и коммунизм — будет всегда жить в сердцах советских людей и всего прогрессивного человечества.

Медициискоe заключение о болезии и причине смерти
Брежнева Леонида Ильича

Брежнев Л. И., 1906 года рождеиия, страдал атеросклерозом аорты с развитием аневризмы ее брюшного отдела, стенозирующим атеросклерозом короиарных артерий, ишемической болезнью сердца с нарушением ритма, рубцовыми измеиениями миокарда после переиесеиных инфарктов.

Между 8 и 9 часами 10 ноября произошла внезапная остановка сердца.

При патолого-анатомическом исследовании диагноз полностью подтвердился.

Начальник Четвертого главного управления
при Минздраве СССР, академик АН СССР и
АМН СССР, профессор Е. Чазов... (Далее следуют еще семь фамилий титулованных медицинских светил страны.)

В ЦК КПСС, Президиуме Верховного Совета СССР
и Совете Министров СССР

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР постановили:

1. Образовать комиссию по организации похорон Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева в следующем составе: тт. Андропов Ю. В. (председатель), Горбачев М. С. ...(Далее следуют двадцать четыре фамилии высших лиц партии и правительства.)

2. Похоронить Л. И. Брежнева на Красной площади.

Из речи Юрия Владимировича Андропова на Пленуме ЦК КПСС 12 ноября 1982 года:

«Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг, человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубокогуманный. Беззаветная преданность делу коммунизма, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

...Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогла и поможет нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

— Прошу товарищей высказаться по этому вопросу...»

Артур Вагорски, корреспондент газеты «Дейли ньюс», США, аккредитованный в Москве.

Все, все... В моем распоряжении около двух часов. Свой «мерседес» я еще десятого вечером отогнал в посольство, потом его оттуда переправят в ту страну, где я через пару месяцев окажусь. Надеюсь, что это будет Польша. Так что в Шереметьево-2 меня повезет такси: вызов на семнадцать, рейс в Нью-Йорк в 20.25.

Боже! Какой бедлам в вашем русском жилище, сэр! Бывшем, бывшем... Полный разгром. Наверное, так всегда бывает, когда холостой мужчина, относительно молодой, срочно собирается в дальнюю дорогу. «В вашем распоряжении, господин Вагорски,— сказал хмырь из советского МИДа,— двое суток». Это было произнесено с наглой ухмылкой девятого ноября.

Телетайп отключен, факс молчит, в телефоне — только Москва: междугородные и международные вызовы обрываются на третьей цифре — «Неправильно набран номер». Это сегодня с утра. Хорошо, что успел еще девятого связаться с редакцией, переговорить с Гаррисоном, моим замечательным шефом. Он на самом деле настоящий друг: «Артур, все будет о'кей! Не переживай, не суетись. Покинь их достойно. Дома отдохнешь пару месяцев, и мы подберем тебе страну. Предположительно Китай или Австралия. Думай».

Тогда ни я, ни он еще не знали о том, что случилось с Викой...

Да, да! Ничего мне не жалко в этой казенной убогой квартире. Кроме нашей тахты, нашего «ноева ковчега». Вот сейчас... Я падаю на нее, и она принимает мое тело податливо,

мягко; покачивание, как на волне, вверх-вниз... А подушка хранит запах ее духов. Нет, я сойду с ума!..

Спокойно, спокойно, Артур. Возьми себя в руки. Давай все по порядку. Давай, давай! Ну?

Итак, я объявлен в Советском Союзе персоной нон грата.

Девятого во второй половине дня из нашего посольства позвонил атташе по культуре:

— Артур, немедленно приезжайте к нам.

— Сейчас? — слегка обалдев от неожиданности, спросил я.

— Именно так: сейчас.

— Да что случилось?

— Приезжайте и все узнаете. И не волнуйтесь. Ничего страшного не произошло.

Через сорок минут мы уже сидели в уютной овальной комнате в нашем посольстве: мягкая мебель, окна задернуты шторами, на круглом столе декоративное карликовое деревце, черный кофе, печенье. Нас было трое в комнате: атташе по культуре, я и этот тип из МИДа, молодой, полный, со срезанным безвольным подбородком.

— Ситуация такая, Артур,— сказал атташе по культуре (мы с ним, естественно, были знакомы).— С завтрашнего дня вы лишаетесь аккредитации в Советском Союзе...

— Но почему? — вырвалось у меня.

— Вот господин Насонов... Он представляет Министерство иностранных дел Союза... Господин Насонов вам все объяснит.

Мидовец выдержал внушительную паузу, громко отпил кофе из своей чашки и наконец сказал:

— С завтрашнего дня, господин Вагорски...— его английский был вполне приличным, акцента не ощущалось, только некоторое напряжение: наверное, он думал по-русски, тут же переводя себя на английский,— вы объявляетесь персоной нон грата в нашей стране. Причина — ваши возмутительные, клеветнические статьи, опубликованные в этом году в газете «Дейли ньюс». Я не буду их комментировать. Вы сами все прекрасно понимаете. Скажу только одно: эти статьи, написанные в духе «холодной войны», вбивают клин в дело крепнущей дружбы и сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В вашем распоряжении, господин Вагорски, двое суток.— Круглое лицо расплылось в наглой ухмылке.— Двенадцатого ноября вы должны покинуть нашу страну. Все необходимые официальные бумаги Министерством иностранных дел Советского Союза переданы в американское посольство. И...— он поднялся из кресла,— разрешите откланяться, господа. Дела.

Господин Насонов, который, убежден, в равной степени представляет и МИД и КГБ, удалился.

— Мы ответим тем же,— сказал атташе по культуре.— Есть кого выслать из Нью-Йорка. Хотя, понимаю, для вас это не утешение. Все формальности мы уладим быстро. Вы спокойно собирайтесь, времени достаточно. В редакции вашей газеты уже знают... Извините, Артур, мы поспешили сообщить, потому что в подобной ситуации у советской стороны есть практика: «выдворяемых» тут же лишать связи с внешним миром. Может быть, вам повезет: как приедете к себе, сразу связывайтесь с газетой. А мы со своей стороны в вашу редакцию перекинем свой подробный комментарий о происшедшем.— В голосе атташе по культуре зазвучало волнение.— Артур... Вы прекрасный журналист... Это просил меня передать вам наш посол. Это и мое мнение. Настанет время, и Россия... Новая демократическая Россия тоже оценит ваши усилия... А теперь какие у вас в связи с этим проблемы? В чем нужна помощь?

— Да никаких проблем.— И я сразу подумал о Виктории: «Уговорить, уговорить ее уехать. Вместе. Только как это сделать? Ведь формально мы только любовники. Оформить брак? В течение двух суток? Нереально. Они никогда не разрешат... Надо что-то придумать, придумать...» — Вот машина...— сказал я.

— Пишу: машина.— Атташе по культуре раскрыл блокнот.— Думаю, так: мы поставим вашу машину в своем гараже, а потом переправим ее, куда вы скажете. Словом, считайте, что эта проблема уже решена. Что еще?

«Расскажу ему о Виктории Садовской? — подумал я.— Нет... Надо смотреть правде в глаза: они тоже ничего не сумеют сделать».

— Пожалуй, все.

— Тогда, Артур, собирайтесь.— Атташе по культуре протянул мне руку; ее пожатие было сильным и дружеским.— Все документы к середине завтрашнего дня мы оформим. Я вам позвоню.

...Дома — «дома»... первое, что я сделал, это набрал телефонный номер Вики. Трубку никто не поднимал.

«Вика, естественно, носится по своим делам,— подумал я.— А Мария Филипповна отправилась в магазины. Или пройтись по свежему воздуху».

Я позвонил в свою редакцию, в Нью-Йорк. Разговор с Гаррисоном был короткий: они уже в курсе, «ты, старина, не переживай, судьба идет тебе навстречу: засиделся ты в Москве», ждут, первая прикидка новой работы — Китай или Ав-

стралия, могут быть варианты. Вернер деликатно ни словом не обмолвился о Вике, хотя он знает о наших отношениях. Только сказал:

— Отдохнешь пару месяцев, немного поработаешь в редакции, за это время подберем тебе страну, решим, если получится, все твои семейные дела (я почувствовал, что в этих последних словах присутствует Вика, и был благодарен своему шефу)...

Я опять позвонил Вике. Длинные гудки. Трубку никто не брал. Смутное беспокойство закралось в душу. Однако я скоро отвлекся — стал собираться и начал со своего журналистского архива, через полчаса ужаснувшись: сколько же всего накопилось за семь лет моей московской жизни! Кассеты, пленки, исписанные блокноты, фотографии, вырезки из газет и журналов, несколько толстых тетрадей с дневниковыми записями, опять блокноты... Да у меня тут материалов — на большую книгу! Я невольно что-то читал, потом накатывались воспоминания. Фотографии: мы с Викой в Звенигороде зимой; ели в снегу, она, опершись на лыжные палки, смотрит на меня глазами, полными любви; мы рядом за столом на какой-то веселой вечеринке, Вика хохочет, ее рыжие волосы рассыпались по плечам... «Сейчас еще раз позвоню»,— думаю я и погружаюсь в свои записи в блокноте за 1978 год. Великое дело — блокноты, записные книжки, дневники: несколько строчек — и память воскрешает целую картину, сюжет, событие.

А за окном уже поздний ноябрьский вечер.

«Все. Звоню Вике». Я иду к телефону — от хаотической горы моего московского архива, выросшей на полу. И телефонный звонок опережает меня.

«Наконец-то! — думаю я.— Она! — И сердце падает, как с обрыва: нам предстоит разлука, неизвестно на какое время. Через сутки.— Как сказать ей об этом?..»

Я срываю трубку телефона:

— Слушаю!

— Артур, это Сапунов. Надо срочно встретиться.

— Гарик! — Я чувствую, что мне не хватает дыхания, мгновенно лицо покрывается потом.— Гарик... Что-то случилось с Викой?

— Случилось.

— Что, что?.. Гарик, Что?!

— Не по телефону. Я внизу, рядом. Жду тебя за углом, возле «Универсама». Я в своей машине.

...Не помню, как я оказался в задрипанном «Москвиче» Гарика Сапунова. В машине, за рулем, он сидел один. По-

прежнему бородатый, элегантный, неизменный яркий шарф вокруг шеи, на среднем пальце левой руки, лежащей на руле, серебряный перстень с большим изумрудом. Только лицо угрюмо и напряженно.

— Что? — с каким-то животным страхом выговариваю я, плюхаясь на сиденье рядом с ним.

— Захлопни плотнее дверцу,— спокойно говорит Гарик.

Я хлопаю дверцей.

— Ну, да не тяни же!

— Вика арестована.

— Что?!

— Только спокойно, Артур,— жестко говорит Гарик Сапунов.— Соберись, никаких русских эмоций. Итак... Разгромлена редакция журнала «Благовест». Они снимали под нее квартиру в Чертаново. Обыскали, перевернули все вверх дном, конфисковали и увезли почти все. И в одну ночь арестовали всех сотрудников, начиная с редактора. Их всего четверо. И Вику...

— Когда? — перебиваю я.

— Минувшей ночью с восьмого на девятое.

— Где она? — почему-то шепотом спрашиваю я и чувствую, что все во мне мелко дрожит.— Где Вика?

— В Лефортово, в КПЗ, то есть в камере предварительного заключения. Подожди, подожди! — морщится Гарик, оглаживая свою густую бороду.— Не перебивай. Вопрос. Что у тебя? Все в порядке?

— Порядок — лучше не бывает,— невольно усмехнулся я.— Я лишен аккредитации, персона нон грата со вчерашнего дня, послезавтра должен покинуть вашу страну, вашу чудовищную страну!

— Успокойся, Арик, успокойся.— Сапунов сильно встряхнул меня за плечо.— Значит, Вика права...

— В чем права? — перебиваю я.— И... и кто ее видел?

— С ней добился свидания Коля Кайков. Она сказала: раз взяли меня, значит, и у Арика неприятности. Скорее всего, сказала Вика, с него и начали. Так и получается: КГБ шарахнул дуплетом. Любимая метода господина Андропова. Да ладно! — остановил себя художник-абстракционист (а я вспоминал слова Вики о Гарике Сапунове: «Надежный товарищ, в беде не подведет».) Значит, времени в обрез, надо спешить.

— Куда... спешить?

— У тебя будет встреча с Викой. Свидание.

— Когда?

— Не знаю. Надо эту встречу ускорить. Максимально ускорить. Ребята и Вика уже все делают для этой встречи. Но нужны, Артур, деньги, доллары.

— Сколько?

— Минимум — пятьсот. Там несколько лап.

Я достал свой бумажник, пересчитал наличность: двести тридцать семь долларов.

«В банк не успею»,— подумал я.

— Гарик, жди меня здесь.— Я пулей вылетаю из машины.— Через пятнадцать минут.

«Что-то у меня там есть,— думаю я на бегу к дому.— В ящике письменного стола. Как говорит Вика, «заначка». Дурацкое русское слово — заначка...»

...Прекрасно! Дрожащими руками я пересчитываю купюры — и их в моих пальцах теребит сильный сквозняк: я оставил входную дверь открытой. Пятьсот пятьдесят долларов! Отлично! Себе оставлю тридцать семь, а завтра... Стоп! Завтра — это завтра.

Я уже в «Москвиче» Гарика.

— Вот семьсот пятьдесят.— Я вручаю своему русскому другу пачку хрустящих купюр.

Художник молча прячет деньги в глубокий карман куртки, тщательно застегивает его молнией.

— Значит, так, Арик... Слушай меня внимательно. Завтра — не получится, это точно. День уйдет на хлопоты. Сделаем все, чтобы ваша встреча состоялась послезавтра. То есть у тебя завтрашний день на все твои дела, а одиннадцатого ноября ты должен быть свободен, сидеть дома и ждать телефонного звонка...

— А если они отключат телефон? — перебиваю я.

— Тогда я без звонка приеду за тобой. Ты иногда подходи к окну и смотри. Ведь из твоего окна видна телефонная будка, возле которой мы тогда — помнишь? — тебя забрали, чтобы ехать в писательский клуб?

— Да, видна.

— Все, Арик. Иди! Будь спокоен. Вы обязательно встретитесь. Только, старик, не расслабляйся.

Однако в тот вечер, девятого ноября 1982 года, я по-русски «расслабился»: в холодильнике у меня была большая бутылка водки «Столичная», только чуть-чуть початая, и я ее в невыносимом одиночестве и тоске постепенно выпил всю, почти ничем не закусывая. Метался по квартире, подходил к окну, видел во тьме улицы освещенный квадрат телефонной будки, у которой мы так часто встречались с Викой. Плакал пьяными слезами, размазывая их по небритым щекам, падал на наш

«ноев ковчег», зарывался лицом в подушку, и все во мне стонало болью, любовью, ужасом разлуки: «Вика! Вика!.. Вика...»

Так я и заснул, лежа на «ноевом ковчеге», не раздевшись, в ботинках, в неудобной позе.

...Меня разбудил телефонный звонок. Аппарат лежал рядом со мной на тахте. Проснувшись с колотящимся сердцем, плохо соображая, потный, неверной рукой я нашарил трубку телефона (комната была погружена в полумрак раннего утра), прижал ее к уху, перевернувшись на спину:

— Слушаю...

— Николай Кайков,— услышал я прокуренный голос литературного сотрудника «Вечерней Москвы».— Окончательно проснулся?

— Да, вроде...

— Включи радио, пройдись по трем московским программам. Я подожду. А потом продолжим разговор.

Меня просто выбросило из ковчега — пружиной. Я помчался на кухню, там был трехпрограммный приемник. Защелкал кнопками. Первая программа — симфонический оркестр, кажется, «Пятая симфония Чайковского». Вторая программа (круглосуточный «Маяк») — знакомый актер — не смог вспомнить фамилию — проникновенно читает, кажется, Пушкина: «...Так вот где таилась погибель моя! Мне смертию кость угрожала...» Третья программа — траурный марш Шопена...

«Он умер...»

Бегу в комнату, хватаю телефонную трубку:

— Когда?

— Сегодня утром. На даче в Заречье,— говорит Николай Кайков вполне буднично и спокойно, и это почему-то оскорбляет меня.— А теперь, Арик, чтобы ты окончательно пришел в себя... Самый свежий анекдот. Ведь ты любишь в свои статьи запускать наши политические анекдоты? Так вот. Новогодняя ночь. До боя курантов на Спасской башне Кремля, которые возвестят, что тысяча девятьсот восемьдесят третий год вступил в свои права, остается пять минут. К соотечественникам с новогодним приветствием обращается новый глава государства Юрий Андропов: «С Новым годом, дорогие товарищи! С новым, тысяча девятьсот тридцать седьмым годом!» — У меня по спине разбежались мурашки, я окончательно вернулся в реальность, и во всем моем существе повторяется: «Вика, Вика, Вика...» — Ты чего молчишь, Арик? Разве плохой анекдот?

— Анекдот отличный. Но... Когда?

— Ну вот. Ты — уже ты, чувствую.— «И Коля Кайков тоже мой замечательный русский друг»,— думаю я.— Завтра. Слушай и не перебивай. Еще не согласовано время. Скорее всего, вторая половина дня. Звонков уже не будет. Ты все понял?

— Да, я все понял...

— Арик! Вожди умирают, а жизнь продолжается. Пока!

Короткие гудки.

«Конечно, я на подслушке. Они, скорее всего, записали этот разговор. Пусть! Главное они не знают: завтра в первой половине дня за мной на своем «Москвиче» приедет Гарик Сапунов».

Весь день десятого ноября я действую четко, быстро, как хорошо отлаженный робот. Я все успеваю. Еще не вырублена международная телефонная связь, и я звоню Гаррисону Вернеру в «Дейли ньюс»:

«Вернер, они арестовали Вику. Наверняка будет суд,— говорю я открытым текстом,— сфабрикуют дело, получит срок...» — «Чем я могу помочь?» — перебивает Гаррисон. «Только одна просьба: новая работа — в любой стране Европы. Лучше — поближе к границе с Россией. Вернер, я должен быть поближе к ней...» — «Есть идея, Артур. Мы уже думали об этом, не имея тебя в виду. А теперь сам Бог велел. У нас нет аккредитации в Польше, нашего корпункта там. В этой стране сейчас грандиозные события...» — «Я заранее согласен!» — кричу я. «Думаю, все получится. Приедешь — решим».

«Польша! — ликую я.— Родина отца. Я наполовину поляк, черт возьми! Есче Польска не сгинела! И, Вика, я буду рядом с тобой. Я вытащу тебя оттуда. Мы все вместе, я, твои друзья, нас много... мы вытащим тебя...»

Бешеная гонка на «мерседесе» (вечером я поставлю его в гараж нашего посольства): оформление документов, банк, перевод заработанного в России на мой счет в Нью-Йорке, и значительную сумму я отвожу Марии Филипповне: «Не возражайте! Мы — одна семья. И вам, и... будете Вике носить передачи, потом, может быть, посылки, лекарства, мало ли...» Старая женщина молча плачет у меня на плече, прижавшись ко мне худеньким телом, и я не выдерживаю: мы плачем вместе... Посольство, прощание, дружеские рукопожатия. Звонки и краткие встречи с коллегами-журналистами. И с московскими друзьями. Во всей этой печальной и... не могу подобрать точного слова... возвышенной, что ли, суете я отказываюсь только от одного: ни грамма спиртного, как ни настаивают: «Арик, по русскому обычаю! Обижаешь», «Артур, не узнаем тебя, но — раз надо...»

Документы, деньги, авиабилет, чистые блокноты: несмотря ни на что (я сам удивляюсь себе), в голове — параллельно со всем, что я делаю: оформляю документы, звоню по телефону, говорю, улыбаюсь, лечу на очередную краткую встречу — в голове складывается заключительная статья о герое моих последних публикаций в «Дейли ньюс»: «Юрий Андропов — военно-полицейское государство»; и анекдоту, который мне рассказал Коля Кайков, в ней найдется место.

...Вечером десятого ноября все было завершено, оставалось собрать баулы и чемоданы. «Это я сделаю окончательно с утра двенадцатого,— решил я.— До семнадцати часов у меня будет уйма времени». Нужно было приготовиться для встречи с ней...

Итак... В ванне плавают алые розы — пятнадцать бутонов, букет получится роскошный, даже вызывающий. В пакете на пять килограммов закуски, все самое лучшее, что можно было приобрести в «Березке», бутылка французского шампанского и бутылка ее любимого мартини, в конверте — три тысячи долларов (риск, что отберут есть, но — надо рисковать, и Вика сумеет сориентироваться, она у меня девочка сообразительная, сильная). Я надену свой лучший костюм-тройку и галстук-бабочку, я явлюсь к ней в тюрьму на свидание как на самый высокий дипломатический прием.

«А сейчас,— приказал я себе в начале одиннадцатого вечера десятого ноября 1982 года,— спать, спать...»

Я поставил будильник на восемь утра, принял таблетку снотворного (что делаю крайне редко), раздевшись, рухнул на «ноев ковчег» и быстро, мне показалось сразу, заснул.

...Меня разбудил звонок. Но не будильника. Надрывался телефон. Схватив трубку, я взглянул на часы — без четверти восемь.

— Слушаю.

— Петро... твою мать! — услышал я злой голос Гарика Сапунова.— Ты опять своей тачкой выезд загородил! Выехать не могу. Это Аркаша... Сколько раз тебе говорить...

— Вы ошиблись номером,— уже все поняв, сказал я.

— Кончай выебываться! «Ошиблись номером»! Подойди к окну, ублюдок! Сам увидишь! Ты всем дорогу перегородил!

— Еще раз говорю: ошиблись номером...

Бросив трубку, я ринулся к окну. В утренних сумерках светился за оградой нашего дома на противоположной стороне улицы вертикальный кубик телефонной будки. Возле нее смутно виднелась букашка легковой машины.

Мне на сборы понадобилось двенадцать минут, даже побриться успел. Выходя из квартиры, успел в передней по-

смотреть на себя в зеркало. Да я просто красавец! Одухотворенное лицо, глаза пылают, в черном костюме-тройке и с галстуком-бабочкой, с букетом роз и с ярким пакетом в руках, на боках которого изображена статуя Свободы, символ моей страны, я похож... На кого? Артист, музыкант, словом, человек искусства. Впечатляет.

Скорее, скорее!

...Я выскакиваю из лифта, бегу через мокрый двор с прилипшими к асфальту последними осенними листьями. Калитка у ворот, быстрый внимательный взгляд дежурного милиционера в стеклянной будке (мне на него наплевать, я и головы не поворачиваю в его сторону); через проезжую часть улицы я просто лечу, не чувствуя ног.

Гарик распахивает передо мной дверцу, и, как только я захлопываю ее, «Москвич» срывается с места.

— Успокойся, отдышись,— говорит художник-абстракционист.— Все в порядке. Встреча в полдевятого. Вначале договорились на одиннадцать. Потом — изменилось. Так что времени — в обрез. Ты меня разговорами не отвлекай.

Я сам неплохой автомобилист. Но Гарик Сапунов! Мы мчимся какими-то пустыми извилистыми улицами, где нет постов ГАИ, вообще нет милиционеров и мало светофоров; я смотрю на спидометр: 100, 110, 115... Визг тормозов, крутые, с заносом, повороты — ведь асфальт мокрый. Выныриваем на просторный проспект, и транспорта на нем полно, внедряемся, явно с нарушениями, но виртуозно, в средний ряд, скорость — 80, тоже нарушение, но мы не одиноки: невозможно по широкой многорядовой магистрали ехать со скоростью 60 километров в час. Гарик посматривает на часы. Четверть девятого.

— Успеем,— роняет он.

...Опять узкие улицы и переулки, крутые повороты.

Мы — уже медленно — едем вдоль кирпичной стены — не то это дом, не то высокий забор. Металлические двери, ворота, будки охранников возле них. Проезжаем почти вплотную к красному дому (или забору) — полоса пешеходного асфальта очень узкая.

Останавливаемся у одной из металлических дверей. Двадцать пять минут девятого.

— Выйду подышу,— говорю я.

— Сиди,— останавливает меня Гарик.— Видок у вас, сэр... Как говорится, не стоит дразнить гусей. И привлекать внимание.

В половине девятого открывается дверь. Из нее выходит военный чин, я смотрю на погоны: старший лейтенант. Молодой, лет тридцати, не больше. Но уже располнел, китель

с трудом застегнут на круглом большом животе, того гляди, полетят пуговицы; сытое сонное лицо, но взгляд умных, с прищуром глаз внимательный и настороженный.

— Пошли,— тихо говорит Гарик.

Мы вылезаем из «Москвича», оказываемся возле старшего лейтенанта. В его лице что-то проснулось: он с удивлением и любопытством смотрит то на меня, то на букет роз в моей руке.

— Он? — Легкий кивок в мою сторону.

— Он,— говорит Гарик.

— Идемте.

— Я подожду в машине,— слышу я Гарика уже в дверях.

А дальше... Сейчас в памяти даже не картины достаточно долгого пути по коридорам и переходам — скорее одно удивление: мы со старшим лейтенантом идем, идем... Молча, он на полшага впереди. На каждом повороте — в металлических клетках охрана, вооруженная короткими автоматами, по три, четыре человека, перед нами с лязгом открываются двери из металлических прутьев, но — странное дело! — нас как бы не замечают, не видят, не смотрят в нашу сторону, ничего не говорят. Вроде бы мы не люди во плоти, а невидимые призрачные духи.

Еще поворот. Тупик, маленький зал. За двумя столами — охрана. За одним из них играют в домино... Оглушительный треск костяшек, но никаких реплик. И опять на нас никто не смотрит, головы не поворачиваются в нашу сторону. Две или, может быть, три двери в стенах. Мы подходим к одной из них. Старший лейтенант распахивает ее, пропуская меня вперед:

— Прошу.

Первое, что я вижу,— яркая голая электрическая лампа под белым металлическим колпаком в центре потолка. Слепящим конусом вниз падает свет.

И в этом конусе возникает Вика. Вначале я вижу только ее огромные, влажные глаза, потом копну рыжих волос, которые серебрятся в пронзительном, невыносимом свете.

— Арик!..

Она бросается мне на шею. Я сжимаю ее в объятиях, чувствуя каждой своей клеткой трепет ее горячего, нетерпеливого тела. Дыхание Вики учащается.

— В вашем распоряжении пятнадцать минут,— слышим мы голос старшего лейтенанта, и в нем полное безразличие к нашей судьбе.

— Мало! — громко говорит Вика и шепчет мне в ухо: — Дай, дай ему...

Я выпускаю из объятий свою единственную на этой земле женщину, поворачиваюсь к тюремщику... и встречаю равнодушный холодный взгляд.

Я достаю бумажник, вынимаю из него две сотенные купюры, протягиваю их старшему лейтенанту. Он неторопливо принимает их, небрежно засовывает в карман брюк.

— Полчаса,— говорит он и переводит взгляд на Вику. Я вижу: его глаза теплеют.— Хорошо... Сорок минут.

Старший лейтенант уходит. Захлопывается дверь, щелкает замок.

Я быстро смотрю на часы — без восемнадцати минут девять.

— Арик...

— Я с тобой, я с тобой...— шепчу я.

Мы опять бросаемся в объятия друг друга. Я лихорадочно, жадно, в каком-то неистовстве целую ее в губы — поцелуй долог, горек, томителен... Целую ее глаза, шею.

— Любимая, любимая, любимая...— шепчу я, задыхаясь.

— Подожди, Арик, сейчас...— Она разрывает мои руки, отступает от меня на шаг, второй. Боже! Как она прекрасна! — Сейчас...

— Давай выпьем! — говорю я.

И только теперь оглядываю комнату, где мы оказались. В ней нет окон. В одном углу голый стол, несколько канцелярских стульев возле него, в другом, противоположном углу — некое подобие тахты, скорее это широкий топчан, тоже голый, обшитый коричневой клеенкой или искусственной кожей. И у третьей стены последовательно — белая раковина умывальника, писсуар, унитаз, биде...

— Что это? — невольно вырывается у меня.

— Это, милый, комната свиданий,— спокойно говорит Вика и берет меня за руку, тянет к топчану.— Не будем терять времени.

Возле топчана она начинает быстро, торопливо раздеваться, на голый каменный пол сброшены туфли, падает черная узкая юбка, шерстяная кофта, она судорожно расстегивает пуговицы белой блузки из какой-то тонкой, полупрозрачной материи.

— Ну? Что же ты? Сними хотя бы костюм.— И вдруг Вика начинает смеяться.— А в рубашке можешь остаться... И бабочку оставить...— Она просто давится хохотом, в котором я слышу ноты знакомой истерики.— Потом мы будем вспоминать...

Я снимаю костюм и тоже бросаю его на пол.

— Теперь трусики...— шепчет Вика.

— Может быть, мы все-таки сначала выпьем?

— Нет, Арик...— Вика стоит передо мной обнаженная, помогает мне снять рубашку и эту идиотскую бабочку, смотрит в глаза, зрачки в них расширены и в них что-то пульсирует. Наверно, как у тигрицы или пантеры во время охоты перед прыжком на жертву.— Нет, мой единственный... Дитя надо зачинать абсолютно трезвыми...

— Что?..

— ...А выпьем мы потом. Все! Вчера я избавилась от спирали...

— Здесь? — перебиваю я.

— А где же еще? — Вика смеется, ее горячие руки обвиваются вокруг моей шеи, она всем телом прижимается ко мне.— Здесь замечательные врачи, если надо, появится новейшее медицинское оборудование, хоть пластическую операцию делай. Были бы только бабки. Лучше в вашей зеленой валюте. Арик! Да что же мы тянем? Время работает против нас. Ну же!

Я озираюсь по сторонам: где выключатель?

— Не суетись, здесь свет не гасят. В темноте им не интересно, ничего не видно.

Я судорожно оглядываюсь на дверь — в ней глазок...

— Да, да! — Вика опять смеется, теперь открыто и весело.— Не обращай внимания. Пусть... Пусть позавидуют.

На топчан я бросаю свой пиджак и кофту Вики. Может быть, из рубашки получится одеяло?..

Мы падаем на топчан.

— Это наша первая настоящая брачная ночь,— шепчет мне на ухо Вика.— Вернее, брачное утро. Войди, войди в меня, любимый...

Последнее, что я вижу,— это цепочка черных тараканов, которые деловито ползут по трещине в стене.

— И на них не обращай внимания...— задыхаясь, шепчет Вика.— У них своя жизнь, у нас — своя.

Убогий топчан обращается в наш «ноев ковчег», стены отодвигаются, рассыпаются прахом — синь, вспышки молний, кажется, извергается вулкан, огненная лава катится на нас, и я готов сгореть в ней, но только вместе с Викой, только вместе с Викой...

— Еще, Арик, еще... Моя любовь, мое солнце, мое счастье... Еще!..

...Мы, изнеможенные, выплываем из облаков, лежим рядом, замерев, «ноев ковчег» прекращает свое сладостное, божественное движение — вверх-вниз... Вверх-вниз...

Тишина. Мы одни в прекрасном огромном мире. Только стук наших сердец.

Черные тараканы продолжают свое неустанное движение по трещине. Какие же вы деловые ребята!

— Арик, сколько времени?

Я смотрю на часы:

— Пять минут девятого. У нас еще семнадцать минут.

— Быстро! Приведем себя в порядок, накрывается стол! У нас свадебный пир!

Вика, обнаженная и прекрасная, мчится к биде, показав двери язык, и лицо ее пылает счастьем и восторгом.

— Фу-ты, вода холодная. Ничего! — Она хохочет.— Освежает, лучше не надо!

...Через несколько минут мы одеты, Вика поправляет мне галстук-бабочку — ведь зеркала в «комнате свиданий» нет.

— Ты у меня просто английский лорд!

Вика делает бутерброды, чистит бананы, наши роскошные закуски разложены среди бутонов роз. Вика разламывает пополам рубиновый гранат. Я вожусь с бутылкой шампанского. Наконец с треском вылетает пробка, я разливаю пенящееся вино в бумажные стаканчики.

— У меня тост,— шепчет Вика.— За нас... За нас троих! Нас теперь трое.

Мы чокаемся и пьем.

— Я хочу сына! — говорю я громко, тут же понимая, насколько я не оригинален.

— А я...— Вика старается скорее прожевать кусок бутерброда с бужениной.— А я... Мне все равно. Я уже люблю его... Девочка, мальчик... Какая разница? Дитя. Наше с тобой дитя. И, одновременно, дитя человеческое. Оно будет жить в двадцать первом веке. В нем... вот увидишь, увидишь... Россия будет другой, свободной. Все, что мы делали,— не напрасно. Все отзовется. А сейчас... Наливай скорее! Выпьем за то, чтобы оно, наше дитя, родилось и чтобы было умнее, добрее, свободнее, лучше нас с тобой...— По щекам Вики ползут слезы.— Не обращай внимания, Арик... Это я от счастья...

Мы чокаемся и пьем, смотрим друг на друга и не можем оторваться — наши взгляды пересеклись и сплелись воедино.

— Еще, Арик, это наша настоящая свадьба.

— Нет! — протестую я.— Наша свадьба впереди.— Я перехожу на шепот.— Скорая свадьба. Я вытащу тебя отсюда. Мы обвенчаемся в церкви...

— В какой? — смеется Вика.— Я — христианка, ты католик.

— Разберемся,— говорю я.

Гремит замок, с лязгом открывается дверь, в ее проеме — старший лейтенант.

— Извините...— Он изменился: черты лица смягчены, в глазах смущение и теплота.— Осталось пять минут.

— Спасибо, лейтенант,— говорит Вика.— Мы сейчас.

Он осторожно прикрывает за собой дверь.

Мы опять в объятиях друг друга. И говорим, говорим...

— Ты когда?..

— Завтра. Два месяца в Нью-Йорке, а потом... Польша. Я буду рядом...

— Да, да... У нас там есть друзья. Ребята наладят с тобой связь. Ой! Всю жратву и мартини... Сейчас с девками мы устроим второй пир.— Она все со стола собирает в пакет. Я собираю розы.— Они знают о тебе.

— Вика...— Я поворачиваюсь спиной к двери, достаю из внутреннего кармана пиджака плотный конверт.— Здесь три тысячи. Половина купюрами по пятьдесят, половина по десять, чтобы было легче...

— Поняла, поняла,— перебивает Вика.— Спасибо. Не волнуйся. Я употреблю их по назначению.— Возникает пауза.— Арик... Если успеешь, заскочи сегодня или завтра к маме... Приободри, утешь.

— Я уже был у Марии Филипповны.

— Ты самый прекрасный мужчина в мире. Самый замечательный...

Открывается дверь.

— Пора! — говорит старший лейтенант.

Мы с Викой оказываемся в маленьком зале. Два стола, охранники, их человек шесть или семь. Тишина. Полная тишина... Все смотрят на нас. В руках Вики букет роз и яркий пакет с изображением статуи Свободы.

— Вы со мной,— нарушает молчание старший лейтенант и с явной симпатией смотрит на меня.— А гражданку Садовскую проводят...

Два охранника медленно идут к Вике.

Розы падают на пол, пакет опускается к ее ногам. Она бросается мне на шею.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя... Я люблю тебя...— Это даже не крик, а стон.

Ее отрывают от меня, не грубо, но с силой.

...Не помню, как со старшим лейтенантом мы проделываем обратный путь.

Я обнаруживаю себя в «Москвиче», во мне все мелко дрожит. Гарик кладет мне сильную надежную руку на плечо.

— Держись, Арик. Поехали!

...Три минуты шестого. Опять эта советско-русская расхлябанность, неточность.

Но звонит телефон.
— Я слушаю.
— Такси у подъезда, сэр! — Консьерж Дима. Сегодня его смена.— Мне к вам подняться? Помогу спустить вещи.
— Буду благодарен, Дмитрий.
— Поднимаюсь.
Я испытываю приступ благодарности к нашему консьержу Диме. В принципе он неплохой парень: доброжелательный, прямой, ощущаются в нем сила и простота. А его работа... Что же, раз есть такая работа — а она есть в любой стране,— кто-то ее будет всегда выполнять.
Звонок в дверь. Появляется Дима: спортивен, олицетворение русской силы, открытый взгляд, приветливая улыбка.
— Добрый вечер, сэр! Где вещи?
В углу — два баула и два больших чемодана на колесиках.
«Явный перебор,— думаю я.— За лишний вес придется доплачивать. Ладно, ерунда!»
— Вот,— показываю я на свой багаж.
— Я возьму чемоданы,— говорит Дима.— Они, похоже, потяжелее.
— Подождите, Дмитрий. В холодильнике осталось немного джина. Сейчас.
На кухне я разливаю остатки английского джина по стаканам, разбавляю его тоником, тоже остатками, возвращаюсь с выпивкой в комнату.
— Как у вас говорят,— я протягиваю Диме стакан,— на посошок.
Мы чокаемся и молча выпиваем.
«Вика! — мысленно говорю я.— Мы будем вместе. Скоро... Все трое — мы будем вместе...»
Мы оба молчим.
Вдруг Дима хлопает меня по плечу:
— Вы отличный парень, Артур! — Он смотрит мне в глаза.— Все у вас будет хорошо.
Я не знаю, что ему ответить. Я не хочу покидать Россию.
— Пора! — говорю я.
— Пора! — как эхо, откликается консьерж Дима.

Газета «Правда», 13 ноября 1982 года

Вчера состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.
Пленум единогласно избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС Андропова Юрия Владимировича.

15 ноября 1982 года

...В одиннадцать часов утра в Колонном зале Дома союзов у гроба Леонида Ильича Брежнева, утопающего в цветах, в последний почетный караул встали ближайшие соратники: Андропов, Горбачев, Гришин, Громыко, Кунаев, Романов, Устинов, Черненко, Щербицкий. (Дальше следуют правительственные особы второго ряда, еще двенадцать человек, и все они завтра будут перечислены в официальном отчете о траурном мероприятии, который опубликуют все газеты Советского Союза.)

Затемненный зал опустел, тихо звучала похоронно-торжественная музыка, лившаяся из невидимого источника. Возле постамента, на котором помещался гроб с покойным — лицо Леонида Ильича, чуть-чуть подрумяненное и припудренное, было спокойное, умиротворенное, что-то величественное и неземное появилось в нем. У его изголовья сидели родные и близкие, все в черном. Стоя в последнем почетном карауле, Юрий Владимирович Андропов иногда поглядывал туда, узнавая только Викторию Петровну с распухшим от слез лицом и Галину Леонидовну.

«Надо подойти, что-то сказать. И пусть ЭТО покажут на экранах телевизоров».

Начинала болеть голова, пересохло во рту, ощущалась слабость. Хотелось сесть.

Согласно протоколу, вот сейчас они уйдут, и с покойным останутся только близкие.

«Вот тогда...»

— Все, товарищи.

Соратники стали исчезать за стягами с траурной каймой, а он, помедлив, подошел к ним, самым близким. Положил руку на плечо Виктории Петровны (она осталась безучастной к этому прикосновению, похоже, даже не восприняла его), наклонился, тронул холодную руку Галины Леонидовны.

— Примите мои соболезнования,— искренне сказал он.— От всего сердца. Я с вами. Мы вас не оставим, поможем...

И Андропов осекся — он встретил прямой взгляд Галины Леонидовны, и в этом взгляде ничего не было, кроме ненависти и презрения.

Однако Юрий Владимирович выдержал этот взгляд спокойно, с достоинством и даже слабо улыбнулся.

Чуть слышно стрекотала камера телеоператора.

«Теперь идти за лафетом. Там, кажется, дождь. Скорее! Скорее бы все это кончилось...»

Дождя не было, но в любую минуту он мог начаться. Над Москвой висело низкое серое небо, набухшее влагой, как всегда в ноябре.

Он шагал в первом ряду за гробом на артиллерийском лафете, непонятным образом потеряв ощущение времени, и все вокруг воспринималось как-то странно, отстраненно: скорбные и замкнутые лица соратников, молодые солдаты, в замедленном шаге, высоко поднимая ноги, сопровождавшие с обеих сторон державный гроб. Не хотелось смотреть на мертвое лицо Брежнева, а он смотрел, смотрел...

«Прости, Леня...»

И непонятная пустота, тоска, одиночество разверзлись перед ним.

«Зачем, зачем все?.. Ведь скоро и меня так. Я знаю, чувствую...»

Но они уже на Красной площади, впереди — Мавзолей, мокрая брусчатка, переполненные трибуны.

«Они со всего света приехали не только проститься с ним. Не только! Они приехали ко мне на поклон. Я, теперь я...»

— Прошу на трибуну, товарищи! Осторожно...

«Собраться, собраться...»

Он поднимается по ступеням. Головная боль отступила. Сзади — тяжелые шаги, кряхтение, он слышит за собой трудное, мучительное, с хрипами дыхание Константина Устиновича Черненко и думает без всякого сожаления, но и без злорадства: «Не жилец». Он оглядывается — да, огромных усилий стоит кремлевским старцам карабкаться наверх на эту трибуну. Только Михаил Сергеевич Горбачев поднимается легко, молодецки, щеки раскраснелись, весь он — энергия и возбуждение.

«Интересно... Что это с Мишей творится?..»

...Трибуна. Он в центре. С двух сторон выстраивается его свита. Его, его! «И они будут делать то, что мне нужно».

Куранты на Спасской башне начинают отбивать двенадцать часов дня.

Андропов смотрит на Красную площадь, на трибуны, которые воспринимаются как живая, плотная серая масса.

«А за Красной площадью — Москва, за Москвой — страна, держава. И дальше — почти полмира. Наконец-то! Я достиг! Я победил... Только бы успеть...»

...— Слово предоставляется Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Юрию Владимировичу Андропову!

Он подходит к микрофону, вынимает из кармана пальто два листка бумаги, разворачивает их.

— Товарищи! — И Юрий Владимирович слышит, как его голос разносится над Красной площадью, над Москвой. («И над всем миром»,— думает он.) — Тяжелая утрата постигла нашу партию, наш народ, все передовое человечество. Сегодня мы провожаем в последний путь Леонида Ильича Брежнева — славного сына нашей Родины, пламенного марксиста-ленинца, выдающегося руководителя Коммунистической партии и Советского государства, виднейшего деятеля международного коммунистического и рабочего движения, неутомимого борца за мир и дружбу народов. Позвольте прежде всего выразить глубокое соболезнование семье и близким Леонида Ильича...

Тяжелеют веки, трудно читать. Прочь, прочь! Он знает это состояние, это приближение. Огромным усилием воли Андропов заставляет глаза видеть, а голос звучать твердо и скорбно:

— ...Рабочий и воин, выдающийся организатор и мудрый политический деятель, Леонид Ильич Брежнев был связан с народом кровными неразрывными узами. Вся его жизнь и деятельность были подчинены служению интересам людей труда. Весь свой яркий талант, всю свою огромную энергию он отдал делу социализма — общества свободы и социальной справедливости, братства людей труда...

И все-таки он приближается, приближается... Уже серая пелена начинает опускаться на Красную площадь, в ней исчезли противоположные трибуны, здание ГУМа.

«Сосредоточиться на тексте, только на тексте...»

— ...Еще теснее сплачиваясь вокруг партии, ее ленинского Центрального Комитета и его коллективного руководства, советские люди заявляют о своей поддержке политики партии, о своем безграничном доверии к ней...

Он рядом, рядом, этот сон... Уже пролегла через Красную площадь белая степная дорога, и в ее теплой от солнца пыли остаются следы маленьких босых ног.

«Немного, совсем немного! Последние усилия».

— ...Товарищи! Коммунистическая партия Советского Союза твердо заявляет, что служение делу рабочего класса, трудового народа, делу коммунизма и мира, которому посвятил свою жизнь Леонид Ильич Брежнев, составляет и будет составлять высшую цель и смысл всей ее деятельности. Прощай, дорогой Леонид Ильич! Память о тебе никогда не угаснет в наших сердцах. Дело твое будет продолжено в свершениях нашей партии и народа!

Он твердо, прямо возвращается на свое место. Руки сжимают гранитный парапет. Веки деревенеют, наливаются свинцовой тяжестью. Он знает: именно так, внезапно, настигает

его этот навязчивый сон. Единственное спасение — сон — если это сон...— по земному времени краток, как молния.

— ...Слово предоставляется министру обороны Советского Союза товарищу Устинову.

Андропов успевает увидеть, как справа от него Дмитрий Федорович, уже с текстом в руке, сосредоточенный и пасмурный, делает первый шаг к микрофону, второй...

Веки, налитые неимоверной тяжестью, опускаются. «Мое спасение — очки». Он сильнее сжимает руками гранитный парапет, приказывает себе: «Стоять! Стоять!..»

Мгла. Серая мгла. Или серый туман. Но вот начинает светлеть, туман рассеивается, голубое небо, солнце в зыбкой пелене.

...Обнаженный мальчик бежал по пыльной степной дороге. И цель его стремительного бега была близка — уже, кажется, рядом могучие горы Кавказа, они надвигаются, вырастая в тумане, тучах, проблесках молний. Некий гул, звон, скрежетание несутся оттуда. Неужели там цель, влекущая его? И цель эта — смысл бытия? Он узнает, зачем и кем послан в этот мир?..

Но уже нет ощущения счастья и гармонии. Хочется остановиться, страх, ужас, заполняют все его существо. А недавний холод, ледяной ветер, которые останавливали его бег, лишали сил, постепенно сменяются теплом, жаром. Жар все сильнее, нестерпимее, нечем дышать... Мальчик хочет остановиться, но не может — некая могучая черная сила влечет его туда, и впереди, в расщелине черного хребта, он видит пылающее жерло, которое исторгает дым, чад, пламя. Вокруг него все нарастают гул, звон, в этот звуковой хаос вплетаются голоса, плач, стоны, и все это перемешано, переплетено, спутано...

В лицо уже дышит близкое бушующее пламя. Остановиться!.. Но ноги сами, вопреки его воле, продолжают бег. И он, этот бег, длится невыносимо долго, приближая неизбежное. «Открой, открой глаза!..»

...Юрий Владимирович Андропов с неимоверным усилием поднимает веки.

На трибуне Мавзолея у микрофона — Дмитрий Федорович Устинов. Он разворачивает свои листки, откашливается, отвернувшись в сторону.

«Значит, прошли секунды, может быть, полминуты с того момента, как ему предоставили слово. Да, именно так: в том измерении, откуда я только что вырвался, нет земного времени, там вообще нет времени».

— Дорогие товарищи! — разносится над Красной площадью голос министра обороны Советского Союза.— Все мы переживаем трудные часы, испытываем глубокое горе...

Голос маршала поглощают звон, скрежетание, плач и стоны. Красную площадь заволакивает серая мгла. Еле слышно долетают слова:

— ...Вся большая и яркая жизнь Леонида Ильича Брежнева была без остатка отдана народу, Коммунистической партии, Советскому государству. Он навсегда останется...

«Не слышу, не слышу!..»

В серой мгле возникает пылающее жерло, причудливое здание ГУМа обращается в черный хребет.

Степная дорога... Нет, это уже другая дорога, она усыпана мелкими раздробленными костями, и в своем обреченном, насильственном беге он слышит звук своих стремительных шагов — цокот, цокот, цокот! Он оглядывается назад — на дороге, в раздробленных костях, остается явственный след двупалых копыт. Он видит свои ноги — они покрыты густой темно-коричневой шерстью. Свист, ветер, скрежет, стоны и хохот. Ядовито пахнет серой. Совсем рядом — пылающее жерло — огонь, дым, трупный чад...

Перед ним разверзается геенна огненная. Сейчас, еще мгновение — и она поглотит его...

Остановиться! Остановиться! Остановиться!..

Андропов открывает глаза.

ОБ АВТОРЕ

Игорь Александрович Минутко родился в Москве в 1931 году. Член Союза писателей России. Прозаик, драматург, журналист. Закончил исторический факультет Тульского педагогического института им. Л. Толстого, Литературный институт им. М. Горького (семинар Льва Кассиля), Высшие сценарные курсы при Союзе кинематографистов (семинар Григория Чухрая).

Игорь Минутко автор более тридцати книг, среди них исторические повести «Костры на площадях» и «Три жизни», роман «Восхождение», повесть «Мне восемнадцать лет» (о молодом поколении 60-х годов), сборник повестей и рассказов «Весенние деревья», сборник деревенских повестей «Шесть дней и девять месяцев»; несколько книг для детей — «Девочка из нашего класса», «Жизнь и приключения Кубышки», «Лето в Жемчужине».

Пишет И. Минутко и детективы. Последняя книга в этом жанре — исторический роман «По золотому следу» (издательство «Олимп», 1996).

Игорь Минутко автор более пятисот журналистских работ в самых разных жанрах — очерки, эссе, проблемные статьи, репортажи, рецензии, фельетоны, путевые заметки. Им написаны пьесы: «Старый клен в московском дворе», «Личная жизнь Нержавейкина», «В июне тридцать седьмого», «Давно, когда была юность», «Завещание», «Таинственный гонец (Жизнь и смерть российского барда)» — об Игоре Талькове.

По сценариям писателя снято пять телевизионных художественных фильмов — «Одесский трамвай», «Артем», «Здравствуйте, доктор!», «Что там, за поворотом?», «Я, ты и другие».

Сейчас Игорь Минутко для издательства АРМАДА работает над серией триллеров под общим названием «Оккультные войны XX века».

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения по серии «Вожди» присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА

А 66 **Андропов Ю. В.:** Минутко И. А. Бездна (Миф о Юрии Андропове): Роман / Оформл. Д. Б. Шимелиса.— М.: АРМАДА, 1997.— 491 с. — (Вожди).

ISBN 5-7632-0512-X

Новая серия издательства АРМАДА «Вожди» открывается романом И. А. Минутко о Юрии Владимировиче Андропове.

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5

РЕДАКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

ВОЖДИ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МИНУТКО

БЕЗДНА

(Миф о Юрии Андропове)

Заведующая редакцией
Е. В. Леонова

Ответственный редактор
Н. А. Рыльникова

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
А. М. Лаштунов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 30 000 экз. Изд. № 1185. Заказ № 1231

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии
«Правда Севера»
163002, Архангельск, Новгородский пр., 32

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА НОВОЙ СЕРИИ

СТАЛИН

А. Марченко **«ДИКТАТОР»**

Исторический роман

Человеческая личность сложна и многогранна. И кто хочет судить о человеке однозначно, рискует погрешить против истины. Даже если этот человек – диктатор. Даже если его имя – Иосиф Виссарионович Сталин.

В основу нового романа А. Марченко «Диктатор», посвященного Иосифу Сталину, положен богатый фактический материал. Автор старается до конца быть справедливым к своему герою, пытается уйти от тенденциозности и беспристрастно разобраться в особенностях личности этого человека, взвешивая на чаше весов его масштабность и значимость с одной стороны и внутреннюю трагедию – с другой.

Жизнь уже внесла свой приговор как личности Сталина, так и самому явлению диктатуры. Но история – дело не одного человека, и повторение прежних ошибок – недопустимо. Книга будет интересна читателям, интересующимся историей, тем, кто стремится во всем разобраться сам, а не судить понаслышке.

Серия подготовлена в рамках издательского проекта «РОССИЯ»

